А. В. Буторов

Князь Николай Борисович ЮСУПОВ

Вельможа, дипломат, коллекционер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владелец знаменитого Архангельского, самый богатый русский вельможа, самый знаменитый коллекционер России, директор Эрмитажа, Императорских театров, Фарфоровой мануфактуры, дипломат и ближайший друг императрицы Екатерины Великой и императора Павла Петровича. Все это князь Николай Борисович Юсупов (1751–1831). Первая биография замечательного русского вельможи рассказывает о его долгой жизни, полной приключений и трудов.

- Алексей Буторов
  - ○
  - ○ Часть I
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
  - ○ Часть II
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
  - ○ Часть III
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
  - ○ От автора
    - ■

        - Рукописные материалы:
        - Краткая библиография:
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40
    - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305

- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349

Алексей Буторов
Князь Николай Борисович Юсупов
Вельможа, дипломат, коллекционер

Посвящается 240-летию основания Московского Английского клуба.

Жан-Жозеф Вивьен. «Портрет князя Н.Б. Юсупова». Литография по оригиналу И.Б. Лампи-старшего. Собрание Московского Английского клуба.

Иллюстрации для издания из собрания Государственного Музея-усадьбы «Архангельское» и архива автора

О.Е. Матвеев, Сопредседатель Попечительского Совета Государственного музея-усадьбы «Архангельское», Председатель Правления Московского Английского клуба.

Московский Английский клуб, основанный в 1772 году, — одна из старейших общественных организаций России. За долгие годы своего существования клуб не единожды менял здания, в которых он располагался, неоднократно клуб закрывался, но всегда находились инициативные москвичи, которые возрождали деятельность клуба, его традиции и неповторимый клубный дух.

Во дворце на Тверской, принадлежавшем клубу до национализации 1918 года, был особый зал, носивший название Портретной. Здесь по традиции размещались портреты русских императоров, в царствование которых существовал клуб, за исключением Павла I, запретившего клубные собрания. Помимо царских, в зале помещались портреты видных членов Английского клуба.

Традиции исторического Московского Английского клуба продолжает его современный преемник, восстановленный в 1995 году группой энтузиастов. Постепенно клубное сообщество собирает и прежнюю Портретную. Живописные портреты располагаются в кабинете правления клуба, а рассказы о членах

клуба помещаются в издаваемом Английским клубом журнале и книгах, автором которых является Алексей Буторов.

В первой книге — «Московский Английский куб. Страницы истории», выпущенной в 1999 году, имеется специальная глава «Портретная комната». В 2002 году вышла в свет книга «Меценаты и собиратели Московского Английского клуба», продолжившая описание выдающихся личностей в разные годы состоявших в клубе. И вот перед читателем третья книга в серии «Портретная Московского Английского клуба», посвященная только одному члену клуба — князю Николаю Борисовичу Юсупову (1751–1831).

Князь был одним самых просвещенных русских вельмож рубежа 18-го и 19-го столетий. Его по праву называют выдающимся дипломатом, крупным фабрикантом, чиновником высшей российской администрации, выдающимся специалистом в музейном и театральном деле, устроителем крупных государственных торжеств и организатором производства предметов искусства. Наряду с этим, Юсупов собрал крупнейшую частную коллекцию произведений искусств Европы 1-й половины XIX века, ценнейшую библиотеку и создал подлинную жемчужину Подмосковья — архитектурно-парковый ансамбль усадьбы Архангельское.

Более полувека князь Юсупов состоял в Петербургском и Московском Английских клубах, выполнял обязанности клубного Старшины.

Эта книга, написанная историографом клуба Алексеем Вячеславовичем Буторовым к 240-летию основания Московского английского клуба, — дань памяти и признательности членов современного клуба своему выдающемуся историческому соклубнику.

Не только на словах, но и на деле сохраняет клуб память о князе Н.Б. Юсупове. По инициативе клуба создан и активно действует Попечительский Совет государственного музея-усадьбы «Архангельское», сопредседателями которого являются современные члены Английского клуба: Председатель Российской Академии архитектуры и строительных наук А.П. Кудрявцев, автор этих строк, Председатель Правления Московского Английского клуба О.Е. Матвеев и президент Союза музеев России, директор Государственного Эрмитажа, который когда-то возглавлял и князь Н.Б. Юсупов, — М.Б. Пиотровский.

Сохранить для потомков культурное наследие нашей страны и лучшие традиции российского общества — высокая цель членов нашего клубного сообщества во все времена.

О.Е. Матвеев,

Председатель Правления Московского Английского клуба.

В.В. Длугач, директор Государственного музея-усадьбы «Архангельское».

В истории бывают личности вроде бы хорошо известные, весьма заметные, но как бы отодвинутые потомками на второй план. К ним относится и князь Николай Борисович Юсупов (1751–1831), некогда занимавший положение одного из первых вельмож Российской империи. При жизни князь снискал себе славу утонченного ценителя и знатока прекрасного, собирателя крупнейшей частной художественной коллекции.

Изысканным обрамлением для княжеского собрания стала его подмосковная усадьба Архангельское, художественный ансамбль которой был отделан согласно вкусам и пристрастиям князя. Его потомки поддерживали знаменитую усадьбу, отчасти пополняли коллекцию, но уже были не в силах воплощать какие-то грандиозные художественные замыслы. 1 мая 1919 года в Архангельском был открыт историко-художественный музей, отметивший в 2009 году свое 90-летие, переживший за эти годы немало сложных периодов деятельности.

В поздравительной телеграмме, обращенной к коллективу музея, Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «этот юбилей — настоящий праздник для всех, кто знает отечественную историю, ценит поистине уникальные памятники архитектуры и искусства, созданные трудом и талантом нескольких поколений музейных работников. На протяжении прошедших десятилетий «Архангельское» бережно хранит память о наших великих соотечественниках — писателях и поэтах, военачальниках, общественных деятелях…»

Только в начале 21-го столетия имя создателя усадьбы Архангельское — князя Н.Б. Юсупова — вновь обрело прежний блеск. В 2001 году в Москве, в музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, где теперь сосредоточена немалая часть княжеской художественной коллекции, состоялась грандиозная выставка, посвященная 250-летию со дня его рождения.

Настоящая книга — это первая научная биография князя Николая Борисовича Юсупова, являющаяся заметным вкладом в изучение русской культуры. Она написана Алексеем Вячеславовичем Буторовым — известным историком культуры, писателем и краеведом, заместителем председателя общества «Старая Москва», членом Московского краеведческого общества. В книге впервые приведен ряд уникальных документов, собранных в архивах сотрудниками музея-усадьбы «Архангельское». Вместе с тем, в исследовании жизни князя Н.Б. Юсупова имеется еще немало белых пятен, о чем сообщает читателю автор.

От имени научного коллектива музея-усадьбы «Архангельское» выражаю огромную благодарность инициатору написания и издания этой книги — Московскому Английскому клубу, известному своими историческими традициями меценатства, и лично Председателю Правления клуба Олегу Ефимовичу Матвееву. Созданный клубом Попечительский Совет очень много делает для сохранения целостности и дальнейшего развития музея-усадьбы «Архангельское».

В.В. Длугач,
директор Государственного музея-усадьбы «Архангельское»,
член Московского Английского клуба.

Часть I
«Питомец невских берегов»

И. Торопов. «Всадник». Вольная копия картины А.О. Орловского. ГМУА.

Глава 1
От Магомета до Ивана Грозного

Бог приумножит!

Девиз рода князей Юсуповых

Жизнь давно ушедшего в мир иной человека, пусть и оставившего заметный след в истории, едва ли может открыться полностью через сто-двести лет после его кончины, если сам он или его современники не оставили потомкам хотя бы кратких биографических записок. Известные факты истории далеко не всегда позволяют найти причины тех или иных событий, раскрыть их влияние на судьбы человечества или просто одного человека.

Среди верных помощников историков — генеалогия, историческая дисциплина, изучающая всевозможные родственные связи. «Яблоко от яблони недалеко падает» — так определяла народная мудрость ее смысл. Действительно, для главного героя этой книги — сиятельного русского князя Николая Борисовича Юсупова — ушедшая жизнь предков никогда не являлась пустым звуком. Князь гордился своим родом, старался сохранять фамильные традиции, фамильные ценности.

Дабы читателю стали понятны причины этой фамильной гордости, а равно и некоторые особенности стиля жизни самого князя, я решил предварить рассказ о Николае Борисовиче изложением отдельных страниц многовековой истории рода Юсуповых.

«Бог приумножит!» — воскликнул один далекий тюркский предок русского князя Юсупова, гордившегося своим происхождением. Имя предка история, к сожалению, сочла нужным скрыть. Эти слова закрепились в роде и стали основой фамильного прозвища, фамилии рода — Юсуповых. Оно происходит от собственного имени родоначальника — Юсуфа (в русском варианте Иосиф, Осип) и крымско-татарского *Iusuf*, что в буквальном переводе означает «бог приумножит». Близкие по звучанию и смыслу имена имеются в арабском и древнееврейском языках[1].

Действительно, Бог за многие века существования рода до такой степени приумножил богатства этой семьи, что князья Юсуповы считались перед революцией 1917 года одними из богатейших людей «благородного происхождения» в дореволюционной России.

Историю рода Юсуповых изучали отечественные и

иностранные генеалоги, привнеся в нее немало легендарного, что оставалось вполне извинительно в XVII, но отнюдь не в XX столетии[2].

Князь Николай Борисович Юсупов уделял истории своего рода также немало внимания. После появления в апреле 1785 года царской «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства» свое «сиятельное» происхождение от владетельных татарских князей желательно было подтвердить документами. Они давали право на занесение в соответствующую губернскую дворянскую родословную книгу, а не только в «Бархатную». Юсуповы еще за много лет до исторической «Грамоты», как полагалось, несколько раз подавали свои родословные росписи в соответствующий государственный орган — Разрядный приказ. Тщательнейшие архивные розыски, предпринятые Н.Б. Юсуповым, увенчались успехом. Согласно Императорского указа от 12 ноября 1797 года, «гербы родов татарских князей Черкасских и Юсуповых помещены в гербовнике между гербами родов княжеских Российской Империи»[3].

К сожалению, даты жизни большинства представителей рода Юсуповых вплоть до начала XVIII века известны весьма приблизительно и в различных источниках заметно отличаются. Мною приводятся наиболее достоверные из них, хотя гарантировать правильность дат весьма сложно. Особенно это касается представительниц женской части рода Юсуповых.

А.О. Орловский. «Всадник. Хан Едигей». ГМУА.

Наличие вполне реальной и достойной истории княжеского рода Юсуповых отнюдь не мешало появлению многочисленных генеалогических легенд, которые оказались очень живучи и большей частью сохранились до наших дней.

Согласно самой громкой легенде, род князей Юсуповых ведет свое происхождение от самого Пророка Магомета, точнее, его тестя — Абу-Бекра, духовного главы мусульман-сунитов. Вот что сообщает об этом, не утруждая себя в разборе исторических хитросплетений Востока, князь Феликс Феликсович Юсупов-младший, граф Сумароков-Эльстон, в первой книге своих

мемуаров «До изгнания».

«Основателем нашей семьи назван в семейных архивах некто Абубекир Бен Райок, потомок пророка Али, племянника Магомета. Титулы нашего предка, мусульманского владыки — Эмир эль Омара, Князь Князей, Султан Султанов и Великий Хан. В его руках была вся политическая и религиозная власть.

Так называемая «могила царицы Сумбеки». Город Касимов. Любительская фотогр. 1950-х гг.

Его потомки правили также в Египте, Дамаске, Антиохии и Константинополе. Иные покоятся в Мекке, близ знаменитого камня Каабы»[4]

В этой версии чудесным образом смешались Абу-Бекр и живший три века спустя Абубекир-ибн-Райок, военачальник халифа Аль-Ради (в иных случаях его тоже называют Абубекром, а не Абубекиром — разница в одну букву — и). На этом главная легенда рода Юсуповых, разумеется, не кончалась. *«Один из них (потомков Абубекира. — А.Б.), именем Термес, — сообщает далее князь Ф.Ф. Юсупов, — ушел из Аравии к Азовскому и Каспийскому морям. Захватил он обширные территории от Дона до Урала, где образовалась впоследствии Ногайская Орда.*

В XIV веке потомок Термеса Эдигей Мангит, слывший великим стратегом, ходил в походы с Тамерланом, основателем второй татаро-монгольской империи, бил хана-изменника Кыпчака, а потом ушел на юг к Черному морю, где основал Крымскую орду, иначе, Крымское ханство. Умер он в глубокой старости, после его смерти наследники переругались и перерезали друг друга»[5].

А.П. Рокштуль. «Портрет хана Юсуфа». Миниатюра. ГМУА.

В конце XIV века во главе Ногайской Орды встал Едигей Мангит (1356–1419), сподвижник Тамерлана, который был женат на сестре Едигея. Выдающийся полководец, он был еще и опытным политиком. В начале XV столетия Едигей стал фактическим правителем Золотой Орды; совершил несколько успешных походов, в том числе и на Русь. Именно от Едигея отсчитывается реальная, а не мифическая родословная будущих князей Юсуповых[6].

Правнук Едигея — Муса придерживался промосковской политической ориентации. Этой политике следовали и дети Мусы — Исмаил и Юсуп или Юсуф, но позднее Юсуф сделался врагом Москвы.

«Хан Юсуф, — писал об основателе своего рода Ф.Ф. Юсупов-младший, — один из самых сильных и умных правителей того

времени. Иван Грозный, чьим союзником он был двадцать лет, почитал Ногайскую Орду государством, а его самого — государем. Оба обменивались дарами, дарили друг другу седла. Доспехи в алмазах и яхонтах, собольи и горностаевые шубы, шатры, шитые из дорогого шелка. Царь звал Юсуфа своим «другом и братом», а тот писал царю: «имеющий тысячу друзей единого друга имеет, а имеющий единого врага тысячу врагов имеет»[7].

А.П. Рокштуль. «Портрет царицы Сумбеки». Миниатюра. ГМУА.

Семья хана Юсуфа состояла из 8 сыновей и единственной дочери — царицы Казанской Сумбеки.

Султан Ногайской Орды Юсуф дочь свою Сумбеку очень любил. После ее пленения Иваном Грозным во время Казанского похода, согласно легенде, послал в Москву для ее выкупа в качестве заложников двух своих сыновей — Ильмурзу и Ибрагим-

мурзу. Вскоре братья перешли на русскую службу. На Руси, как и полагается аристократам, они получили и фамильное прозвище, фамилию — Юсуповы, то есть дети Юсуфа или Юсупа.

У истории переезда сыновей Юсуфа в Москву имеется еще одна, видимо, более реальная версия, согласно которой братья в 1563 году были высланы от ногайцев родным дядей Исмаилом, убившим правителя Юсуфа. Племянников, как законных претендентов на престол, он выслал с семьями в Москву, где их приняли с распростертыми объятиями[8].

Царь Иван IV пожаловал Юсуповых богатыми вотчинами в Ярославской земле. Отвага и храбрость, сила духа царевичей были по сердцу Грозному, русскому царю, который знал, что завоевывать земли можно не только с помощью войска[9]. Младший из братьев — Ибрагим-мурза еще при Грозном принял Православие и получил при крещении имя Никита[10].

В.Г. Худяков «Проводы царицы Сумбеки». 1870.

Старший — Иль-мурза наследовал большую часть пожалованного братьям Иваном Грозным Романовского округа, позднее уезда, Ярославской губернии, населенного преимущественно приезжими служилыми татарами. Его сын Сеюш сделал весьма успешную карьеру при Лжедмитриях, получил и от них богатые наделы. Иль-Мурза Юсупов пользовался большим авторитетом в татарской общине России, поэтому оба Лжедмитрия старались пожалованиями привлечь его на свою сторону. Между тем второй Лжедмитрий погиб от руки князя Урусова, татарской родни Юсуповых[11].

Трое сыновей Иль-мурзы Юсупова активно участвовали в

борьбе с польско-литовскими ордами в Смутное время. Двое из них — Ин-мурза и Бай-мурза погибли в сражениях.

Михаил Федорович, первый царь из рода Романовых, при вступлении на престол подтвердил прежние пожалования Ивана Грозного и даже Лжедмитриев роду Юсуповых. После Смутного времени сын Иль-мурзы, Сеюш-мурза Юсупов-Княжево (умер в 1654 г. или 1656 г.) увеличил наследованные владения новыми пожалованиями от первых Романовых за «искренность и усердие» в службе и за личную воинскую храбрость[12].

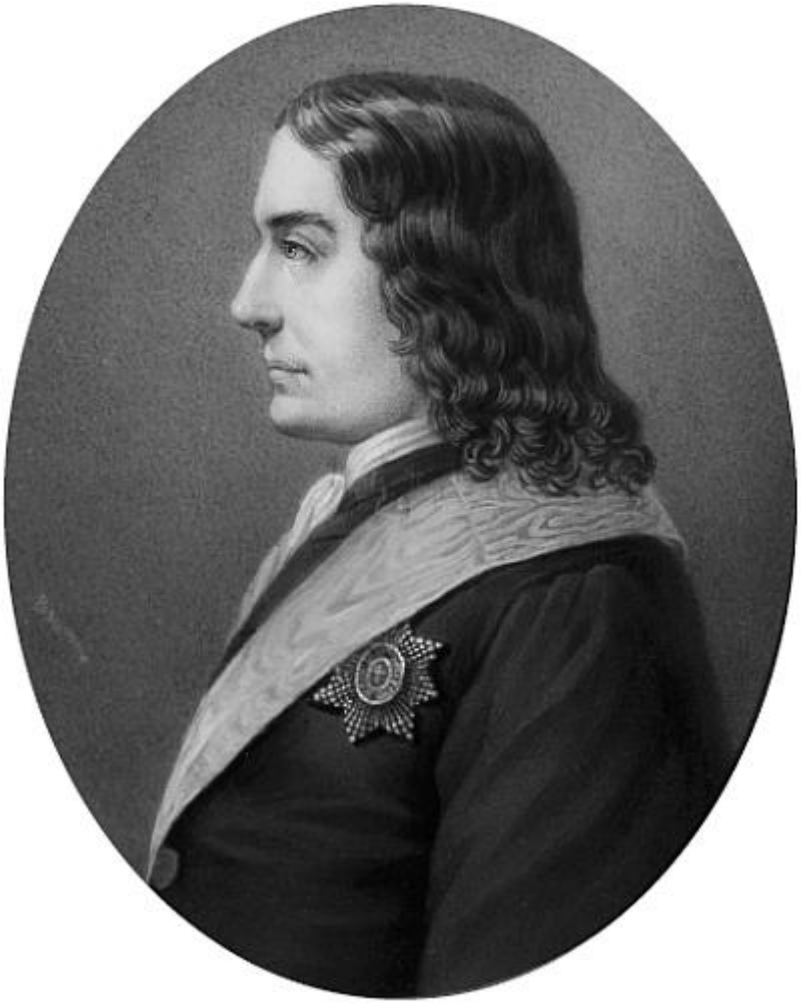
А.П. Рокштуль. «Портрет князя Дмитрия Сеюшевича Юсупова». Миниатюра. ГМУА.

Мурзы, то есть князья, Юсуповы вплоть до конца XVIII столетия именовались в России князьями Юсуповыми-Княжево. Князь Николай Борисович, главный герой этого повествования, первым в роду стал просто князем Юсуповым, хотя двойная фамилия бытовала в княжеских документах вплоть до второй четверти XIX столетия[13].

Абдул-мурза (умер в 1694 или 1695 г.), старший сын Сеюш-мурзы, в качестве единственного наследника получил все многочисленные отцовские поместья. Он начал службу при царе Алексее Михайловиче. Абдул-мурза, как и отец, много воевал — и против поляков, и против турок, и против крымского хана. Вместе с верными ему служилыми татарами и подчиненными ему же русскими ратниками Абдул-мурза организовал у стен Троице-Сергиевой Лавры охрану малолетних царей Петра и Ивана Алексеевичей во время очередного стрелецкого мятежа 1682 года[14].

В 1681 году Абдул-мурза принял Православие и стал именоваться уже не мурзой, а князем Дмитрием Сеюшевичем Юсуповым-Княжево. Он состоял в браке с богатой вдовой, дочерью окольничего Якова Хомутова, Екатериной Яковлевной Сумароковой (Суморoковой). Трое их сыновей — Григорий, Матвей и Иван наследовали владения отца, разделив их на три равные доли. После кончины двоих братьев, не оставивших наследников, все богатство Дмитрия Сеюшевича перешло в руки Григория Дмитриевича Юсупова-Княжево (1676–1730)[15].

С Дмитрием Сеюшевичем и бывшим у него в гостях Патриархом Иоакимом однажды случилась история, которая с годами превратилась в родовую легенду, подтверждавшую причину переход Юсуповых в Православие. Князь Николай Борисович хорошо ее знал и как-то поведал императрице Екатерине Великой, сидя за обеденным столом в Зимнем дворце и разрезая поданного гуся…



А.П. Рокштуль. «Портрет князя Григория Дмитриевича Юсупова». Миниатюра. ГМУА.

Глава 2
Князья Юсуповы из «Гнезда Петрова»

Князь Юсупов… был муж чести, шел всегда прямым путем, хорошо служил отечеству, хорошо знал свое дело, отличался отвагой на поле битвы… был чрезвычайно предан своему Государю.

«Дневник» Хакобо Фитца Джеймса Стюарта, герцога де Лириа-и-Херика, хранившийся в библиотеке Архангельского

Три четверти века — с 1676 по 1759 год — два князя Юсуповы, дед и отец главного героя этого повествования, пребывали на службе царской. Все русские цари, императоры и, разумеется, императрицы, побывавшие на престоле Романовых за эти десятилетия, благоволили к ним — не за покладистый характер или «уменье услужить», а за конкретные дела «во благо Отечества».

Конец XVII — первая половина XVIII столетия — время тяжелого поворота русской государственной машины от традиционного национального уклада жизни к «западной модели общества, к западным ценностям». Смута первых лет пребывания на троне малолетних царей Петра и Ивана, регентство их сестры царевны Софьи, многочисленные неудачи во внутренней и внешней политике заставили искать для страны иной путь развития.

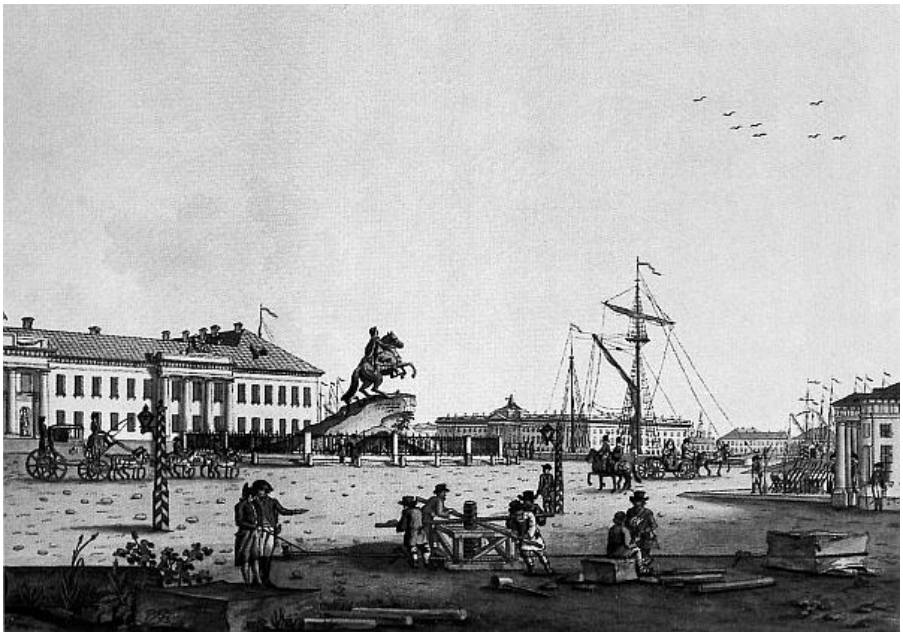
Царь Петр Великий занялся преобразованием русского общества на западный манер. Преобразования эти стоили большой крови. Последовавшая за смертью преобразователя «эпоха дворцовых переворотов» свела «на нет» многие роды старого русского боярства, а равно и дворянства. Уцелеть в постоянной круговерти дворцовых интриг и заговоров оказалось непросто. Однако Юсуповы оставались в фаворе даже в страшное десятилетие «бироновщины». В этом сказались две фамильные черты князей Юсуповых — осторожность и честность. Князья, подобно предкам, оставались хорошими работниками-делателями «во славу России», а отнюдь не своего кошелька.

М.-А. Колло. Портрет Петра I. 1769–1770 гг. ГТГ.

Дед главного героя книги — князь Григорий Дмитриевич (1676–1730) уже в раннем возрасте был пожалован в стольники[16]. Он стал товарищем детских игр царевича Петра Алексеевича, будущего императора Петра Великого. Князь Григорий Дмитриевич с годами сделался храбрым и неизменно преданным Петру человеком. В качестве генерала русской армии он участвовал почти во всех петровских походах, не раз бывал ранен. В битве при Лесной Юсупов получил тяжелое ранение в руку и ногу, что не помешало ему воевать и дальше. Царь Петр доверял князю Григорию также весьма щепетильные гражданские дела, расследование многочисленных случаев казнокрадства, к которому оказались весьма склонны «птенцы гнезда Петрова». В 1719 году Григорий Дмитриевич получил звание генерал-майора; в 1722 году возведен в сенаторы. Екатерина I пожаловала князю звание генерал-поручика.

Князь Григорий Дмитриевич состоял в многолетней переписке с царевичем Алексеем Петровичем, к которому, как к первенцу своего друга детства — царя Петра Великого, был очень привязан. Хорошо известно, что отношения между венценосным отцом и сыном многие годы оставались откровенно враждебными. Князю Григорию Дмитриевичу выпала печальная доля стоять во главе комиссии по расследованию в «деле об измене цесаревича Алексея». Он же среди немногих особо приближенных к Петру людей подписал смертный приговор несчастному наследнику. Страшные петровские порядки предполагали обязательное присутствие князя Юсупова во время следствия при пытках царевича Алексея Петровича, которые иной раз собственноручно производил нетерпеливый царь Петр.

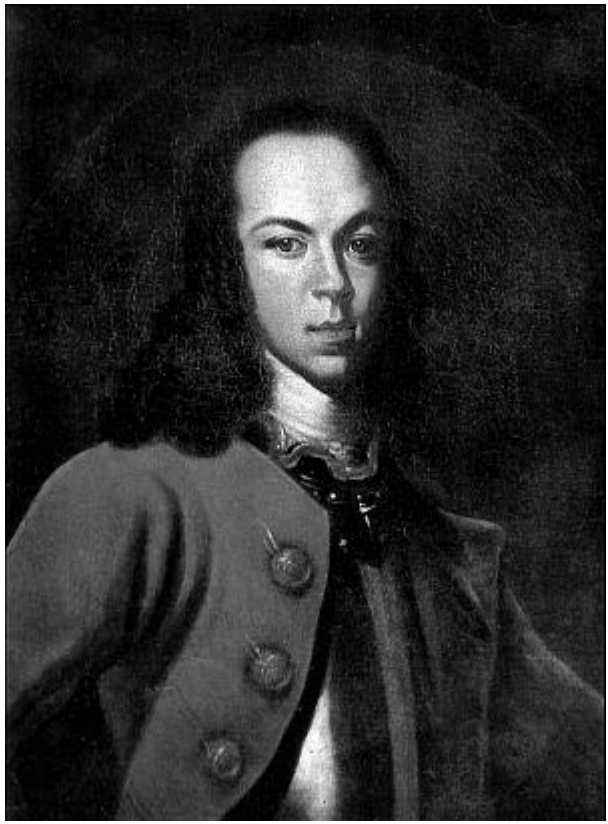
Существует легенда, которая гласит, что в пыточной царевич не только признался во всех грехах (а на дыбе подпишешь любое признание), но и предрек гибель двум родам — царскому — Романовых и княжескому — Юсуповых, наложив на них страшное проклятье. Действительно, царствование дома Романовых по странному стечению обстоятельств кончилось двести лет спустя, когда Наследником престола оказался также цесаревич по имени Алексей. На князей Юсуповых проклятье царевича подействовало иным образом. До совершеннолетия доживал только один наследник мужского пола, тогда как все остальные умирали, не дожив до ставшего роковым 26-летнего возраста. Когда в поколении не рождалось мужчин, проклятие распространялось на женщин, что случилось с правнучкой князя Николая Борисовича. Подробно рассказал об этом в мемуарах князь Ф.Ф. Юсупов-младший[17].



Б. Патерсен. «Сенатская (Петровская) площадь, Сенат и памятник Петру I». 1799. Гравюра. ГЭ.

Григорий Дмитриевич также очень любил малолетнего внука Петра I, единственного сына царевича Алексея Петровича, будущего «малолетнего императора» Петра II. При его восшествии на престол князь Юсупов возглавлял Провиантскую и Интендантскую части, руководил строительством судов. Юный император поручал князю расследование всякого рода злоупотреблений — дело о «казенных вещах, утаенных обер-камергером Иваном Долгоруким», руководство розыском «по делу Соловьева», бывшего управляющего светлейшего князя А.Д. Меншикова, который переводил в заграничные банки принадлежавшие всесильному временщику и некоронованному правителю России денежные средства. В благодарность Петр II пожаловал князю Юсупову в 1727 году «в вечное и потомственное владение» многое «из отчисленного в казну «имения» А.Д. Меншикова».

В 1727 году князь Юсупов получил в подарок палаты в Большом Харитоньевском переулке (в современной нумерации д. № 21), в приходе церкви Трех Святителей у Красных ворот. До этого палаты не раз меняли владельцев: богатый



купец Чирьев, дипломат, сподвижник Петра I Шафиров. После конфискации шафировского имущества палаты недолгое время принадлежали графу П.А. Толстому. Непосредственно перед Юсуповыми они находились в собственности одного из секретарей светлейшего князя Меншикова — Алексея Волкова. Всего лишь за два года до этих щедрых пожалований, в 1725 году, князь Юсупов в числе трех Маршалов при погребении Петра I шел вместе с А.Д. Меншиковым и Ф.М. Апраксиным непосредственно за гробом императора Петра Великого. Он же в качестве Верховного Коронационного Маршала возводил на престол императрицу Екатерину I.

И.Г. Таннауер. «Портрет царевича Алексея Петровича». 1-я пол. 1710-х гг. ГРМ.

Если сказать точнее, то хитрый Григорий Дмитриевич просто выпросил себе заветные палаты у малолетнего императора, а фактически у Верховного Тайного Совета, управлявшего страной. *«…ныне у него, Волкова, оный двор описан на Ваше ж Императорское Величество, а я нижайший, двора своего в Москве не имею, а другим многим моей братьи в Москве дворы с каменным строением всемилостивейше пожалованы. Всемилостивейший Государь, прошу дабы Вашего Императорского Величества указом*

за многие мои службы вышеобъявленным двором повеленобыло пожаловать меня нижайшего». Отказать в такой просьбе человеку весьма полезному казалось неудобно, к тому же и благодеяние ничего российской казне не стоило[18].

«Палаты боярина Волкова». Дворец кн. Юсуповых в Москве на Хомутовке. Фотогр. конца XIX в.

С той давней поры это уникальное архитектурное сооружение оставалось в роду князей Юсуповых вплоть до 1917 года. Любопытно, что в Москве палаты все равно упорно называли, да и сейчас знатоки истории называют «палатами боярина Волкова», хотя исследования показали, что никакого «боярина Волкова» среди владельцев никогда не существовало[19].

Петр II пожаловал Юсупову звание командира (полковника) Преображенского полка и назначил его возглавлять Военную коллегию, что делало князя фактически военным министром России, хотя в те времена такой должности, равно как и министерств, еще не существовало.

Григорий Дмитриевич, по примеру предков, отличался крайней осторожностью и скрытностью, что, вероятно, и помогло ему, а равно и его потомству, выжить в бурную и продолжительную эпоху дворцовых заговоров и переворотов, постоянно случавшихся в XVIII столетии.

«Собор Богоявления в московском Богоявленском монастыре». Литогр. К. Эргота. Середина XIX в.

Первый испанский посол в России, английский аристократ, потомок королевы Марии Стюарт Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика, рукописная копия «Дневника» которого некогда хранилась в библиотеке Архангельского, дал Григорию Дмитриевичу такую характеристику: *«Князь Юсупов, татарского происхождения, был муж чести, шел всегда прямым путем, хорошо служил отечеству, хорошо знал свое дело, отличался отвагой на поле битвы, что свидетельствовали раны его, любил иностранцев, был чрезвычайно предан своему Государю, но часто осушал и кубки»*[20]. Эти-то «кубки» окончательно подорвали здоровье израненного в сраженьях Григория Дмитриевича. Впрочем, в любви к Бахусу князь всего лишь следовал традициям своего времени. Ведь и сам великий преобразователь России грешил непомерной страстью к вину. Последствия пристрастия князя «к кубкам» свели его в могилу в возрасте 55 лет — далеком от старости, 2 сентября 1730 года. Григорий Дмитриевич был погребен в нижней, Казанской церкви

собора Московского Богоявленского монастыря, расположенного в Китай-городе, почти у самой Красной площади[21].

Н.В. Неврев. «Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова выслушивает приговор». ГТГ.

Человек внешне очень закрытый, в последние месяцы жизни князь Григорий Дмитриевич публично осуществил редкий по смелости политический шаг, которым оказал русскому самодержавию весьма действенную поддержку. Во время встречи в Кремле прибывшей из Курляндии будущей императрицы Анны Иоанновны князь от имени генералитета и дворян обратился к ней с речью о необходимости сохранения самодержавия без всяких ограничений, к чему обязывал Анну договор («Кондиции»), предварительно заключенный ею с Верховным Тайным Советом. Совету князя Григория Дмитриевича императрица незамедлительно последовала; «Кондиции» прилюдно разорвала, а Совет Тайный разогнала. Понятно, что этот смелый шаг не являлся исключительно личной инициативой осторожного князя — за ним стояла большая политическая группировка[22].

Наследовал князю Григорию Дмитриевичу единственный сын — князь Борис Григорьевич. Всего же в семье родилось трое сыновей и две дочери — Марфа и Прасковья, из которых до совершеннолетия дожили двое сыновей князя и дочь Прасковья.

Родовое «проклятие» царевича Алексея не миновало семью

князя Григория Дмитриевича. Вскоре после его кончины умерла и вдова князя — Анна Никитична, дочь окольничего Никиты Ивановича Акинфова, а затем их сын Сергей. В брак Григорий Дмитриевич вступил в 18-летнем возрасте, в 1695 году. Его супруга, женщина молодая и привлекательная, к тому времени была уже вдовой стольника князя Ивана Семеновича Львова.

Сын Григория Дмитриевича — князь Борис Григорьевич Юсупов, единственный имевший потомство и переживший роковую черту 26-летия, — отец главного героя книги[23].

Страшная судьба постигла родную сестру князя Бориса Григорьевича — красавицу-княжну Прасковью Григорьевну, ставшую печальной героиней начала царствования Анны Иоанновны. По обвинению в чародействе против императрицы Анны ее заточили в отдаленный монастырь, где держали в кандалах. Долго такой пытки изнеженная княжна не вынесла…

А.П. Рокштуль. «Портрет князя Бориса Григорьевича Юсупова». ГМУА.

Глава 3
Родители

Живы родители — почитай,
Умерли — поминай.

Народная мудрость

В первой половине XVIII столетия Петровские преобразования затронули лишь внешнюю сторону русской жизни. Переменилась столица, перестроены на иноземный лад барские дома и дворцы, сбрита борода, перешито на заграничный манер платье. Даже традиции русского воспитания и образования полагалось забыть. Только в душе старое русское боярство, а частью и дворянство, все продолжало жить прежними законами и нормами «Домостроя».

Не являлась исключением и семья князя Бориса Григорьевича Юсупова, ярого западника, получившего образование за границей среди первых посланников императора Петра Великого. Не случайно еще его отец относился с большим уважением и любовью к иностранцам[24]. Хоть платье в доме носилось иноземное, душа оставалась русской.

Борис Григорьевич скончался, когда его сыну Николаю — главному герою книги, не исполнилось еще и десяти лет, но именно он оказал решающее воздействие на сыновнее воспитание, на формирование его взглядов на жизнь. Отец заложил ту систему образования, которая позволила Николаю Борисовичу стать одним из образованнейших вельмож эпохи четырех царствований, до конца своих дней «бегать от скуки» в поисках новых знаний, удовлетворяя свои «ученые прихоти».

Собственная жизнь князя Бориса Григорьевича Юсупова не менее интересна, чем его знаменитого сына[25]. Он родился 18 июля 1695 года. С рождением князя Бориса связана какая-то странная история — брак родителей оказался заключен непосредственно в год рождения сына и оформлен весьма суровым брачным договором, который накладывал на жениха множество обязательств на случай отказа от женитьбы (существуют, правда, сведения, что родители князя вступили в брак в 1794, а не 1795 году)[26].

В 1717 году, 22 лет от роду — по тем временам уже далеко не молодым человеком, князь Борис Юсупов отправился в числе 20 молодых русских дворян в Тулон, где закончил училище гардемаринов. Оно давало хорошие инженерные знания, которые

позднее очень пригодились Борису Григорьевичу. Кроме того, изученная на собственном опыте французская система высшего военного образования очень помогла князю при реформировании Петербургского Шляхетского Кадетского корпуса, хотя Юсупов не стал слепо переносить иностранные приемы обучения на русскую почву, как это не раз случалось в те времена.

Возвратившись в Россию, Борис Григорьевич вступил не в военную, а в гражданскую службу. Пятилетие после смерти Петра Великого князь оставался вполне рядовым государственным чиновником.

В 1730 году императрица Анна Иоанновна, не успевшая как полагается вознаградить внезапно умершего отца Юсупова — Григория Дмитриевича за помощь в борьбе с «верховниками», большую часть полагавшихся милостей перенесла на его сына. «За верность и ревностное радение» Борис Григорьевич получил чин действительного камергера Императорского Двора «с рангом действительного генерал-майора»[27].

В 1736 году Юсупов получил назначение «к присутствию в Правительствующем Сенате» и стал возглавлять его Присутствие в Санкт-Петербурге во время многочисленных поездок императрицы в Москву, выполняя не только отдельные, весьма ответственные поручения, но и ведая исполнением текущих государственных дел. В те времена это могло быть чревато опасными последствиями — капризная императрица и ее «друг» Бирон в любом русском, даже татарского происхождения, видели «врагов Престола и Отчества» и многочисленной немецкой клики.

Неизв. художник. Тип Л. Каравакка. «Императрица Анна Иоанновна». Миниатюра. ГТГ.

В Русском Биографическом словаре чиновничьей деятельности Бориса Григорьевича дана такая характеристика: *«Князь умел ловко плыть по течению, действуя, впрочем, умно и в пользу русского просвещения в такое время, когда безпечность позволяла направлять его во вред, угождая немецкой рутине и ограниченности. Он не перечил мероприятиям, без него принимаемым, но проводил свое и содействовал, сколько мог, водворению преподавания наук по-русски молодым дворянам».* Хотя это написано о том периоде, когда Юсупов возглавлял Кадетский корпус, но точно характеризует весь стиль княжеской жизни[28].

В 1737 году Борис Григорьевич привлекался к суду над князем Д.М. Голицыным в качестве «члена особого генерального

суда при Сенате для рассмотрения поступков и виновности означенного князя». Князю Голицыну тогда принадлежало подмосковное Архангельское, будущее знаменитое имение сына князя Б.Г. Юсупова. Надо полагать, впоследствии Николай Борисович-старший об этой странице семейной истории не догадывался.

В 1738 году князь Юсупов царским указом переведен в Москву. Императрица Анна Иоанновна вообще старушку—Москву любила много больше северной столицы и только боязнь пресловутого «общественного мнения» помешала ей возвратить первопрестольной столичные функции. Князь Юсупов получил назначение на должность Московского вице-губернатора и уже год спустя представил Анне Иоанновне обширное «доношение о разных преобразованиях по Московской губернии», которое получило Высочайшее утверждение, хотя, как водится при всяких отечественных реформах, деньгами оказалось подкреплено лишь в малой мере[29].

В 1740 году Борис Григорьевич Высочайше пожалован в Тайные Советники и назначен Московским губернатором. Императрица Анна Иоанновна питала к Юсупову большое доверие, не то, что к его сестре Прасковье, которую считала чародейкой. Князю поручались задания очень деликатного свойства. Так, императрицу сильно волновал важный государственный вопрос о том, кто первым поминается во время католической службы — она или римский папа. Для получения сведений об этом Николай Борисович прибег к некоторой хитрости. Вот какой ответ дал он Анне Иоанновне 21 августа 1740 года. Сей, безусловно, любопытный документ из семейного архива Юсуповых, не утерявший своей актуальности до сих пор, впервые опубликовал Н.Б. Юсупов-младший в двухтомном труде «О роде князей Юсуповых. Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним Российских государей, с XVI до половины XIX века и других фамильных бумаг…».

«…Сего 14 числа, как о получении Высочайшего указа, так и о поручении той комиссии Иностранной Коллегии переводчику Ивану Меркурьеву… оный переводчик мне объявил, что он в той Католицкой церкви во время Божественной службы бывал и присмотреть никак не мог, ибо молитвы во время священнослужения произносят тайно по их обыкновению, а не вслух, однако тем временем спознался с тутошними патерами, а один патер из оных и в его доме насупротив затем был и обедал, и тако через частое свидание по многим разговорам причину подал о разности служения между Греческой и католицкой церквами, так и о молитвах… и сверх того тот патер сам собою показал, что они

здесь в церкви во время священнослужения, в приношаемых к Богу молитвах, произносят вначале Папу, яко Викария Господа Иисуса Христа, а потом Вашего Императорского Величества Высочайшее Имя, прежде, нежели Римского Цесаря, понеже де обретаются во Всероссийской империи…»[30].

Г.Х. Гроот. «Портрет императрицы Елизаветы Петровны на коне с арапчонком». Фрагмент. 1743. ГТГ. Ранее хранилась в собрании Н.Б. Юсупова в Архангельском.

Это «теологическое исследование» производилось в московской Немецкой слободе, где имелась своя кирха. Спустя полвека императрица Екатерина Великая поручила сыну Бориса Григорьевича — Николаю Борисовичу решение некоторых весьма деликатных вопросов религиозно-политического характера, связанных с католичеством в России, уже непосредственно в Ватикане. В «Вечном городе» князь Юсупов получил частную аудиенцию у самого римского первосвященника — папы, случай в жизни «простого» православного человека той поры уникальный.

Смерть императрицы Анны Иоанновны, очередные дворцовые перевороты, появление на русском престоле дочери Петра Великого Елизаветы Петровны не особенно сказались на личном положении осторожного и хитрого Бориса Григорьевича. «Прекрасныя Елисавет» князь Юсупов и его сестра Прасковья близко знали еще с детских лет, кажется симпатизировали юной цесаревне, но в эпоху Бирона об этом знакомстве вспоминать не

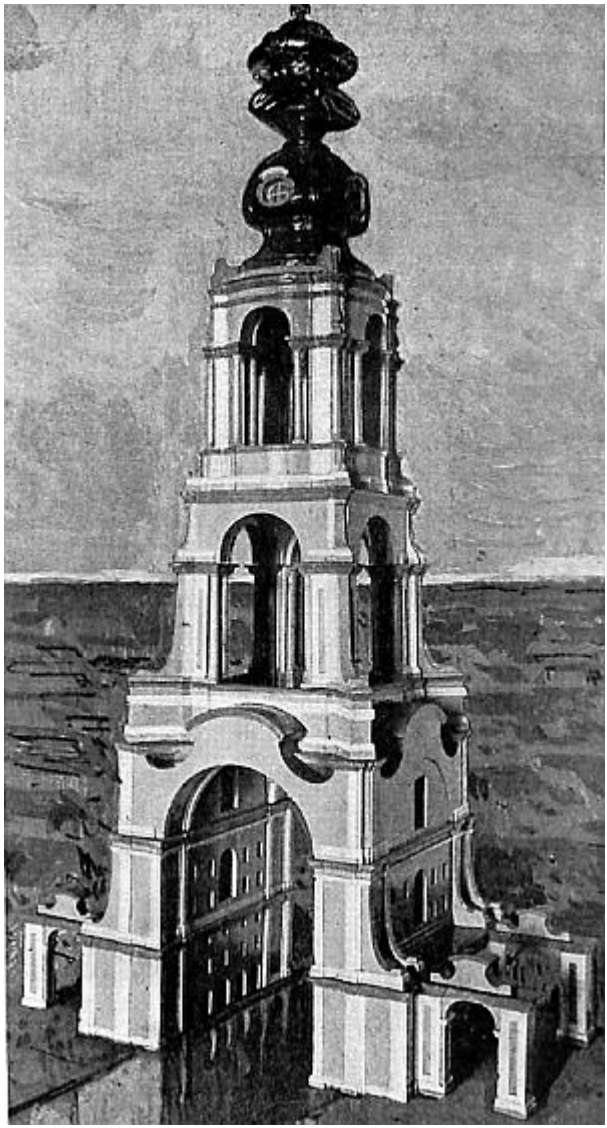
следовало. Понятно, что Борис Григорьевич не вызывал личной неприязни новой императрицы, но доверять ему, весьма заметному деятелю царства Анны Иоанновны, Елизавета Петровна стала лишь некоторое время спустя после вступления на престол. Должности Московского губернатора князь лишился, но зато в 1742 году Борис Григорьевич наконец-то смог найти применение своим обширным морским познаниям.

Царским указом он получил назначение на пост Главного Директора Ладожского канала. Должность ответственная, но не слишком заметная. К тому же надо было много работать, что Юсупов и сделал. Проведенное князем тщательное исследование состояния водных путей Российской империи позволило ему обратиться к императрице с подробной запиской о значительных экономических выгодах, которые может дать строительство гидротехнических сооружений на Среднерусской равнине. Князь предлагал соединить системой каналов Ладожское озеро с Волгой и Окой. Увы, «портом пяти морей» Москва с помощью каналов стала только в XX веке. Впрочем, модель великолепного маяка на память о грандиозных планах XVIII столетия потомству все же досталась.

Занимался князь не только судоходством. Императрица Елизавета Петровна с редкостным постоянством привлекала Юсупова к многочисленным судебным разбирательствам и процессам над чиновниками своей администрации. Особенно любопытна оказалась работа следственной комиссии по делу «советника Академии наук И.Д. Шумахера и других, обвиненных в непорядочных поступках, в похищении многой казны, а паче в ниспровержении установления в науках»[31].

Между прочим, Юсупов пытался спасти великого русского ученого М.В. Ломоносова от излишнего пристрастия к горячительным напиткам. Позднее князю Николаю Борисовичу-младшему, правнуку Бориса Григорьевича, пришлось оправдываться перед потомством за прадедушку из-за применявшихся не совсем «гуманных и демократичных» методов лечения великого ученого…

В 1744 и 1748 годах императрица Елизавета Петровна назначала князя присутствующим в Санкт-Петербургскую Сенатскую контору, которая при ее частых отъездах в Белокаменную ведала текущими государственными делами. Елизавета Петровна, подобно своей сопернице Анне Иоанновне, тоже очень любила Москву, думала навсегда сюда переехать, но в качестве дочери основателя новой столицы на этот шаг никак не решалась. После ее смерти цари к Петербургу привыкли и в Москву больше не рвались. За них переехали большевики.



Микетти. «Маяк над каналом Петра Великого». (Модель в собрании Морского музея.) 1721–1722 гг. Репродукция из книги И.Э. Грабаря «История русского искусства».

В 1744 году императрица пожаловала Бориса Григорьевича чином Действительного Тайного Советника и вскоре назначила Президентом Коммерц-коллегии. Таким образом, благорасположение императрицы оказалось полностью восстановлено[32].

В качестве высшего государственного чиновника Борис Григорьевич тщательно вникал в дела Коммерц-коллегии, искал пути увеличения поступлений в казну от промышленности. В

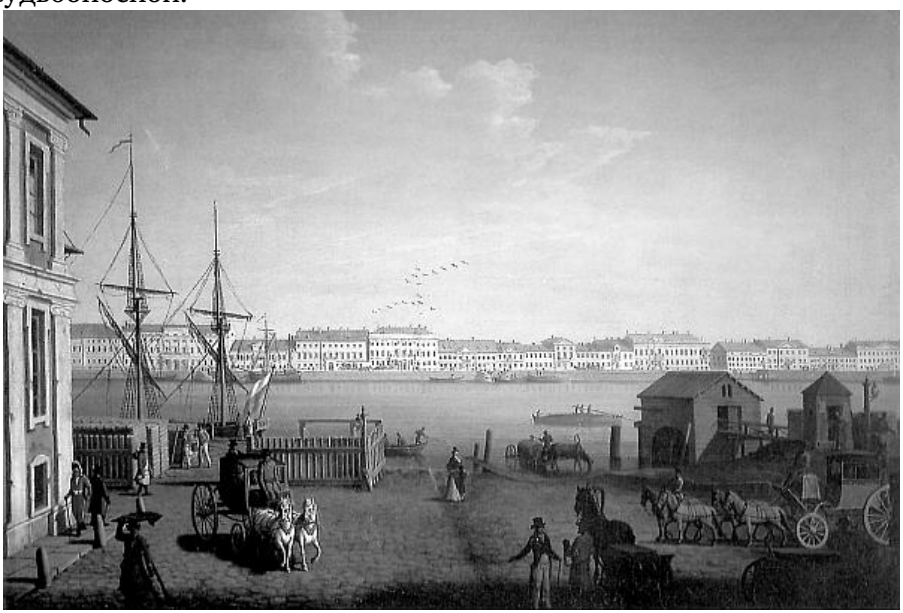
частности, его волновал вопрос улучшения качества отечественных сукон, использовавшихся в большом количестве для обмундирования армии. По этому вопросу в 1746 году князь сносился с иностранцем Раушертом. В это время у Раушерта в аренде находилась Ряшская суконная фабрика в тогдашнем Прилуцком уезде Полтавской губернии. В 1754 году фабрика была пожалована князю «в вечное владение», с условием обязательной поставки определенного количества сукна для нужд армии[33].

В 1750 году немолодой уже Юсупов, ему исполнилось 55 лет, почти старик по меркам того быстротечного времени, получил очередное назначение — Главным Директором (Начальником) Шляхетского Сухопутного Кадетского корпуса. Ему также повелевалось присутствовать в Правительствующем Сенате. (Морской корпус стоял рядом с Сухопутным, но учиться в нем желающих находилось немного — уровень обучения оставался довольно низок, и дворянских отпрысков туда приходилось загонять едва ли не из-под палки)[34].

Неизв. художник XVIII в. «За туалетом. Дама с арапчонком». 1770-е гг. Акварель. ГТГ.

В 1751 году за многолетние труды на благо Отечества князь Борис Григорьевич удостоился высшего ордена Российской империи — Святого Апостола Андрея Первозванного. Этот почетный акт знаменовал собой фактическое окончание активной государственной службы князя — и Сенат (если сенатор не был первоприсутствующим), и Кадетский корпус считались чем-то вроде мест с почетной пенсией. Здесь дозволялось служить, не особенно вникая в дела, чего Юсупов делать явно не умел и не любил.

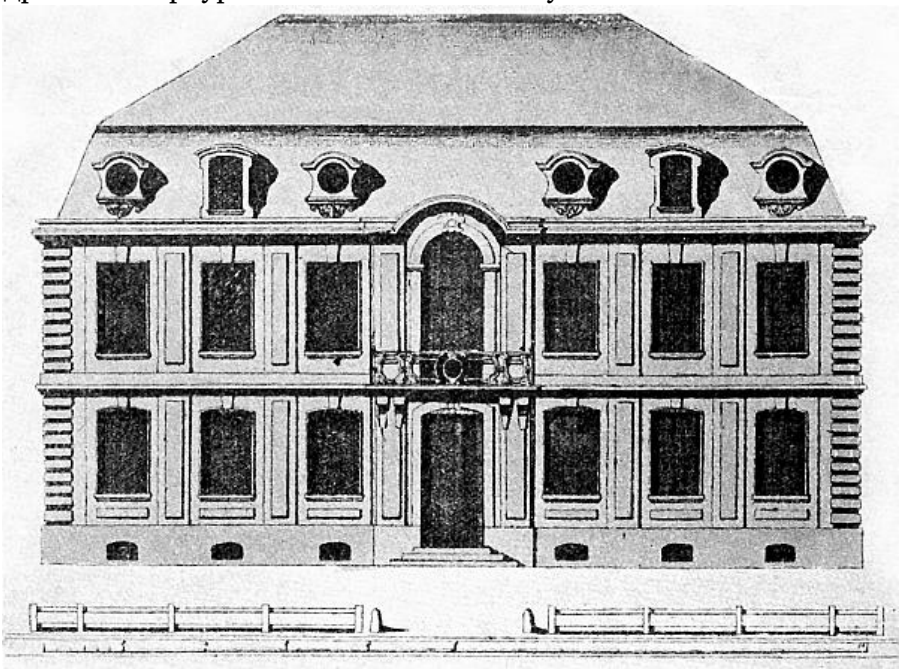
Можно предположить, что императрица Елизавета Петровна таким высоким награждением отметила еще и главное событие в жизни престарелого князя. Ведь именно в тот приснопамятный год появился на свет долгожданный наследник и продолжатель рода Юсуповых, признанный глава русской аристократии рубежа XVIII и XIX веков — блистательный князь Николай Борисович, которому, также как и отцу, впоследствии будет пожалован орден Святого Апостола Андрея Первозванного, равно как и все остальные русские и многие иностранные ордена[35]. Без малого десять лет отец занимался воспитанием и образованием единственного и любимого сына, в чем ему немало способствовали преподаватели Кадетского корпуса. Кстати, внешне сын очень походил на красавицу-мать — по народному поверью первый признак счастливой судьбы. Для Юсуповых примета всегда оказывалась очень верной, а иной раз даже судьбоносной.



Б. Патерсен. «Петербург. Английская набережная со стороны Васильевского острова». 1799.

За первый век существования северной столицы России — Петербурга — князьям Юсуповым принадлежало здесь несколько домовладений. Князь Борис Григорьевич среди первых в новой столице выстроил себе каменный дом на Английской набережной близ Сената (№ 26). Этот участок пожаловал Петр Великий еще его отцу, с указанием построить дом, который мог бы стать «украшением новой столицы». Князю пришлось воспользоваться типовым, «апробированным» проектом «для именитых»

архитектора Доменико Трезини. Двухэтажный дом «о семи окон» по главному фасаду, выходившему на Неву, украшало высокое крыльцо. Первоначально здание строилось в дереве, а затем перестраивалось в камне, но в тех же формах. В конце XVIII века особняк сменил хозяев, а в начале XIX — его перестроил архитектор А.И. Мельников. Английская набережная — один из адресов Петербургского Английского клуба[36].



Доменико Трезини. «Петербург. Образцовый дом «для именитых граждан». Около 1714 г. Гравюра Пикара. Собрание члена МАК П.Я. Дашкова. По этому проекту строился первый дом князей Юсуповых в Петербурге.

Место здесь представлялось очень удобным — до работы, как говорили прежде — «месту службы», Борису Григорьевичу было рукой подать. И Сенат, и Кадетский корпус располагались рядом, но ходить пешком туда не полагалось по рангу. Правила этикета предписывали ездить шестерней. В Петербурге сами цари строго следили за тем, чтобы субординация в транспортных средствах не нарушалась — количество лошадей, запряженных в карету, обязательно соответствовало чину владельца, вроде наших современных «спецсигналов и спецномеров». Действительному Тайному Советнику лошадей полагалось более всего из «простых смертных». Пышнее и грандиознее появлялся на улицах только царский выезд.

Б. Патерсен. «Петербург. Английская набережная у Сената». Фрагмент. 1801. Акварель. ГЭ.

Дом на Английской набережной Юсуповы считали тесноватым. Как водится и в наши дни, пришлось завести дачу в пригороде, на Фонтанке[37]. Княжеская семья была большая. Супруга Бориса Григорьевича — княгиня Ирина Михайловна Юсупова (1718–1789), дочь стольника, а потом капитана гвардии Михаила Петровича Зиновьева, принадлежала к старинному и не очень успешному роду. Большая часть Зиновьевых не без труда приспосабливались к преобразованиям русской жизни, предпринятым царем Петром. Ирина Михайловна славилась красотой и отличалась скромностью нрава. В 1734 году, 16 лет от роду, она обвенчалась с немолодым уже, 39-летним князем Борисом Григорьевичем Юсуповым. В те времена русские барыни рожали часто и много, подобно обыкновенным крестьянкам. До совершеннолетия дожили пятеро детей Ирины Михайловны и Бориса Григорьевича — четыре княжны Юсуповы и единственный сын-наследник — князь Николай Борисович[38].

Немного достоверных сведений сохранилось о бытовой стороне жизни большой семьи князей Юсуповых в 1750-е годы. Борис Григорьевич выполнял обязанности Главного Начальника над Шляхетским Кадетским корпусом, который размещался на Васильевском острове в реквизированном в казну дворце некогда всесильного светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. Педагогическая работа поглощала немалую часть времени князя.

А.П. Рокштуль. «Портрет княгини Ирины Михайловны Юсуповой». Миниатюра. ГМУА.

Образование в Кадетском корпусе, во многом стараниями Бориса Григорьевича, было поставлено очень хорошо. Впечатляет и в наши дни перечень искусств и наук, к изучению которых полагалось приложить усилия кадетам — Закон Божий, языки: Российский, Немецкий, Французский и Латинский (тогдашняя традиция правописания предполагала обозначать их с заглавной буквы); география, история, математика, физика, архитектура, чистописание, рисование и фехтовальное искусство. В зависимости от способностей некоторых кадетов дополнительно обучали юриспруденции, музыке, вольтижированию и верховой езде.

К моменту назначения князя Юсупова Начальником корпуса

там уже обучался 15-летний крепостной юноша, принадлежавший князьям Репниным, — Федя Рокотов, один из будущих создателей Московского Английского клуба — это сведения для любителей порассуждать о дворянско-аристократическом характере сего общественного заведения. Точной даты рождения будущего знаменитого русского портретиста пока установить не удалось. Считается, что «таинственный Рокотов» родился приблизительно в 1735 году. Именно в корпусе Федор Степанович прошел все ступени служебной лестницы до получения офицерского чина, который дал ему не только звание дворянина и свободу от крепостной зависимости, но и возможность выйти в отставку, дабы полностью заняться творчеством. Борис Григорьевич являлся благожелательным начальником будущей знаменитости, оказывал Рокотову покровительство и способствовал его продвижению по службе. Сохранились сведения о том, что «корпусной сержант» Федор Рокотов писал портреты всех дочерей Юсупова — сестер Николая Борисовича. Мне известен только один из них, созданный в манере «головок» Пьетро Ротари, — революция и перемещение художественных ценностей сделали слишком большое число старинных портретов «изображениями неизвестных»[39].

Б. Патерсен. «Английская набережная с Васильевского острова». 1799. Гравюра. ГЭ. Слева здание угла шляхетского Сухопутного Кадетского корпуса. (С живописным оригиналом различается стаффаж.)

В пору директорства в корпусе князя Бориса Григорьевича, здесь в 1752–1756 годах по приказанию императрицы Елизаветы Петровны обучались актеры первой русской театральной труппы Ф.Г. Волкова — корпусное образование считалось лучшим в России не только для военных. Кадет А.П. Сумароков, будущая литературная знаменитость, во время учения в корпусе начал писать первые русские трагедии. В свободное время его соученики «представляли их на сцене». Князь Борис Григорьевич не только не препятствовал такому времяпрепровождению кадет, но даже «пристроил» их к царскому двору[40].

С молодых лет императрица Елизавета Петровна слыла большой охотницей до театральных зрелищ. Игра кадет произвела на нее глубокое впечатление. Понятно, что женщины в Кадетском корпусе тогда не обучались и в армии не служили, поэтому все женские роли в кадетском театре исполняли сами кадеты. Императрица Елизавета Петровна с такой простодушной искренностью увлекалась постановками, что собственноручно одевала богатый дамский наряд на кадета Свистунова, игравшего Оснельду в трагедии Сумарокова «Хорев», — ведь у него самого навыка ношения платьев не имелось. Императрица пребывала в восторге от кадетского театра и на его основе приказала учредить первый Русский театр, директором которого стал А.П. Сумароков.

Неизв. художник. «Кадет в повседневном мундире». Акварель. 1786.

В корпусе же зародился отечественный балетный театр. Под руководством танцмейстера Ланде кадеты давали первые русские балеты. Наверное, здесь же обучился танцам и князь Николай Борисович, считавшийся прекрасным бальным танцором[41].

Много полезных начинаний исходило из Кадетского корпуса в пору руководства им Бориса Григорьевича Юсупова. В 1757 году при корпусе стараниями князя учреждается типография «для печатания учебных кадетских книг». Типография имела статус ведомственной, не подцензурной. В ней печаталось немало таких книг, которые в ином случае едва ли увидели бы «русский свет». Князь Юсупов организовал в корпусе библиотеку, «архитектурные каморы» и галерею с живописными картинами. Руководившие до него корпусом немцы считали все это лишним для учебного процесса, равно как и русский язык для обучения русских учеников.

Мастерская П. Ротари. Неизв. художник XVIII в. «Девушка в венгерской шубке». Ранее приписывалась П. Ротари. ГТГ. До 1920 г. хранилась в собрании кн. Н.Б. Юсупова в Архангельском.

В 1756 году Юсупов добился перехода преподавания с немецкого на русский язык, а кроме того, резко ограничил прием иностранцев, составлявших в первые десятилетия корпусной жизни основу его учебного «комплекта». Ведь будущий родственник князя курляндец Бирон как-то не представлял Россию с русским населением. В корпусе Борис Григорьевич провел немало полезных реформ и преобразований, давших впоследствии самые блистательные результаты. Не случайно даже много лет спустя, в царствование императора Николая Павловича, считалось, что люди, получившие военное образование, способны выполнять любую работу без всякой предварительной подготовки.

В 1759 году, за несколько дней до кончины, тяжело больной князь получил по собственной своей просьбе «увольнение от управления корпусом». Его место по императорскому указу занял сам наследник престола — будущий царь Петр III. Этим актом императрица Елизавета Петровна подчеркнула значение

Кадетского корпуса в жизни России тех лет, а равно и значимость самого Бориса Григорьевича. Заодно она сделала приятное умиравшему князю, к которому питала искреннее расположение.

Пьетро деи Ротари (авторство под вопросом). «Читальщицы». ГТГ. Ранее хранилась в собрании кн. Н.Б. Юсупова в Архангельском.

В 1832 году, семьдесят лет спустя после смерти Б.Г. Юсупова, историк корпуса А.В. Висковатов написал о его роли в русской педагогике: *«Имя сего достойного вельможи заслуживает быть незабвенным в истории Кадетского корпуса. Обращая все внимание и употребляя все свое время на воспитание вверенного ему юношества, он входил во все подробности корпусного управления».* Благодаря стараниям Б.Г. Юсупова Кадетский корпус стал не только лучшим специальным военно-учебным заведением, но и занял видное место среди культурных учреждений России[42].

Князь Борис Григорьевич скончался 26 февраля 1759 года, через 11 дней после увольнения от службы, и нашел последнее

упокоение на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Петербурге. Супруга Ирина Михайловна пережила его почти на тридцать лет и скончалась в подмосковном селе Спас-Котово, где и была погребена[43].

Ф.С. Рокотов. «Портрет княжны Е.Б. Юсуповой». 1750-е гг. ГРМ.

Глава 4
Сестры Николая Борисовича Юсупова

О время! Знаю власть закона твоего:
Все прелести лица уносишь ты с собою;
Но нежность сердца моего
Останется со мною;
А тот, кто сердцем мил,
Меня за нежность полюбил.

Н.М. Карамзин

Семья играла в жизни Николая Борисовича большую роль. Он, что называется, был домашним ребенком, единственным сыном и младшим отпрыском, с которым возились и нянчились не только мать и няньки, но и старшие сестры.

Так уж сложилось, что жизнь русских женщин в прошлом исследовалась гораздо менее, чем мужчин. Поэтому о жизни сестер Николая Борисовича известно сравнительно немного.

Княжна Елизавета Борисовна (1743–1770) в 1764 году вышла замуж за князя Андрея Михайловича Голицына (1729–1770), имевшего воинское звание генерал-майора. Он был сыном выдающегося русского военачальника, Президента Военной коллегии, фельдмаршала и члена Верховного Тайного Совета князя Михаила Михайловича Голицына (1675–1730) от его второго брака с княжной Татьяной Борисовной Куракиной (1695–1757)[44].

Неизв. художник. «Потрет герцога Петра Бирона». 2-я половина XVIII в. ГМУА.

Вторая сестра — княжна Александра Борисовна (1744–1791) вступила в брак с генерал-лейтенантом Иваном Михайловичем Измайловым (1724–1787), в гражданской службе Действительным Тайным Советником и сенатором. Ее судьба сложилась печально. Последние годы жизни Александра Борисовна вместе с дочерью провела возле больной матери Ирины Михайловны в ее подмосковной усадьбе Спасское-Котово, не имея возможности жить в доме супруга, как полагается порядочной замужней женщине. Измайлов все состояние семьи проиграл в карты[45].

Третья сестра князя — княжна Анна Борисовна сочеталась

браком в 1771 году с действительным камергером Императорского Двора Григорием Григорьевичем Протасовым, ближайшим сподвижником императрицы Екатерины Второй при совершении ею государственного переворота. Брак этот оказался бездетным; Анна Борисовна скончалась в следующем, 1772 году, по всей видимости, в родах. В XVIII и XIX столетиях ранняя женская смертность в родовой период оставалась очень высокой во всех слоях общества. Родовспоможение тогда находилось на самом примитивном уровне[46].

Митава. «Дворцовый парк». Фотогр. 1910-х гг.

История замужества четвертой сестры князя Юсупова — княжны Евдокии Борисовны наделала в свое время немало шума в свете, а ей самой принесло одну лишь печаль. Обворожительная красавица, унаследовавшая красоту матери, Евдокия Борисовна была любимой фрейлиной императрицы Екатерины II. Царица решила сделать ее владетельной герцогиней Курляндской, выдав замуж за сына страшного «друга» императрицы Анны Иоанновны — герцога Курляндского Петра Бирона. Курляндия тогда находилась в полувассальной зависимости от Польши, а Екатерине хотелось мирным путем присоединить эти земли к России — ведь об этом мечтал еще царь Петр Великий, выдавая свою племянницу Анну за Курляндского герцога. Одновременно Екатерина мечтала осуществить один из идеалов эпохи Просвещения — смягчить тяжелый нрав младшего Бирона. Свадьба состоялась 6 марта 1774 года в Зимнем дворце. Но не

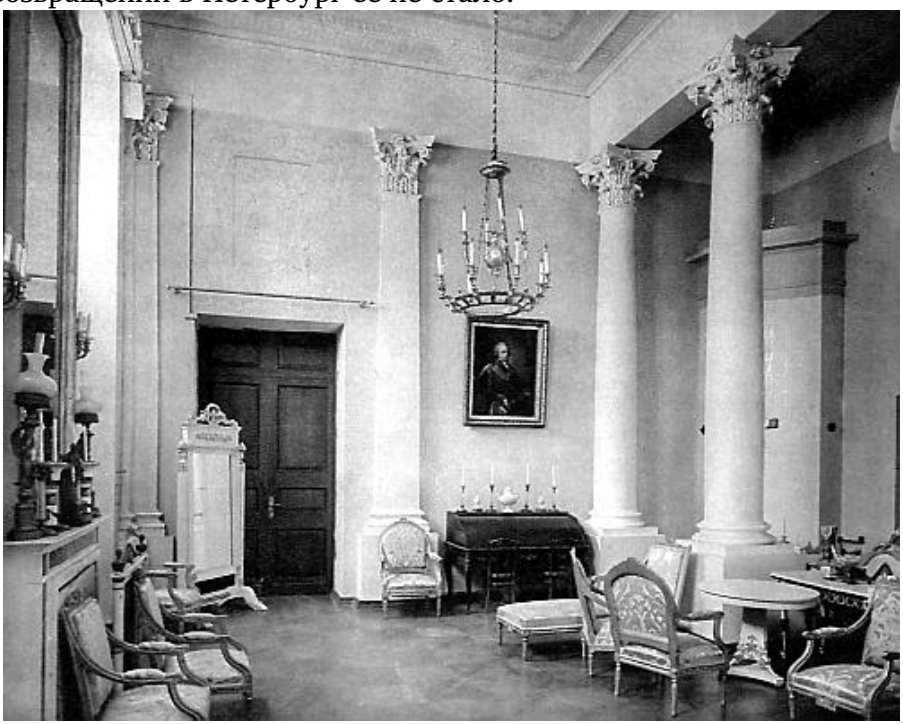
случайно говорят, что благими намерениями выстлана дорога в ад…[47].

Княжна Евдокия слыла мудрой женщиной. Переехав к мужу в Митаву, она смогла расположить к себе и, в известной степени к России, курляндское дворянство — преимущественно мелкопоместное, но очень заносчивое. В первое время новая герцогиня благотворно влияла и на супруга, но вскоре он вновь начал пить и в нетрезвом состоянии избивать жену.

Г.И. Новиков. «Портрет княжны Е.Б. Юсуповой, в замужестве герцогини Курляндской». Начало XIX в. ГМУА.

Узнав об этих злоключениях своей любимицы, Екатерина вызвала ее в Петербург под предлогом необходимости присутствия на свадьбе наследника престола Павла Петровича. Письмо об этом привез ей муж сестры — генерал-лейтенант И.М.

Измайлов 3 июля 1776 года. Интересно, что императрица обращается к герцогине «Госпожа моя кузина!», хотя в формальном родстве женщины не состояли. В 1778 году Священный Синод развел супругов, сохранив за Евдокией Борисовной титул герцогини Курляндской. Во всех официальных придворных церемониях, когда этикет строго соблюдался, Евдокия Борисовна в качестве владетельной особы шла сразу за царским семейством — в Зимнем дворце ее очень привечали и почитали[48]. Подобно всем женщинам Юсуповского рода, Евдокия Борисовна не блистала здоровьем. Вскоре по возвращении в Петербург ее не стало.



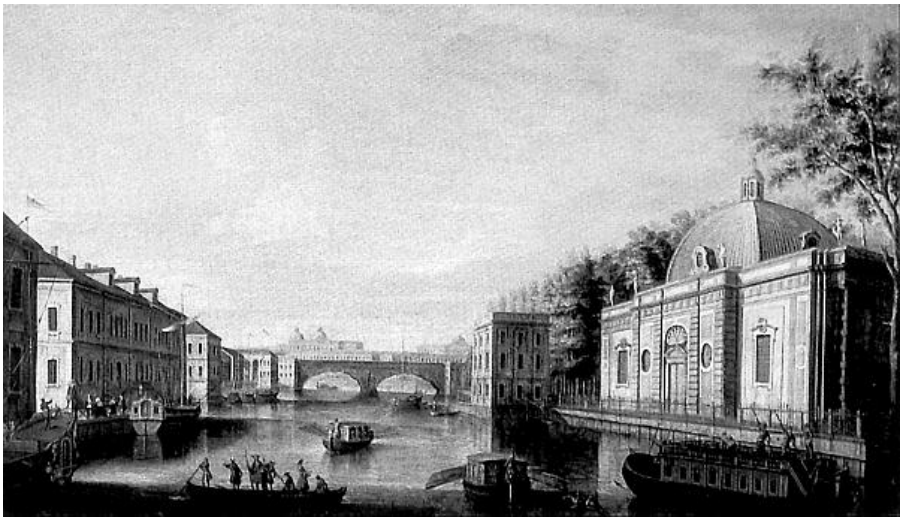
Архангельское. Т. н. парадная спальня герцогини Курляндской. Фотогр. 1910–1912 гг.

Согласно старой музейной традиции, типичная парадная спальня главного дома в Архангельском носит название «Парадной спальни герцогини Бирон». Подобные помещения входили в обязательный набор комнат парадной анфилады любого дворца и обычно использовались в качестве малой гостиной. Считалось, что после кончины экс-супруги герцог Петр Бирон прислал на память Николаю Борисовичу обстановку парадной спальни Евдокии Борисовны. Юсупов дорожил памятью сестры, перевез спальню в Архангельское, и ныне она по праву считается одним из самых утонченных ансамблей интерьеров

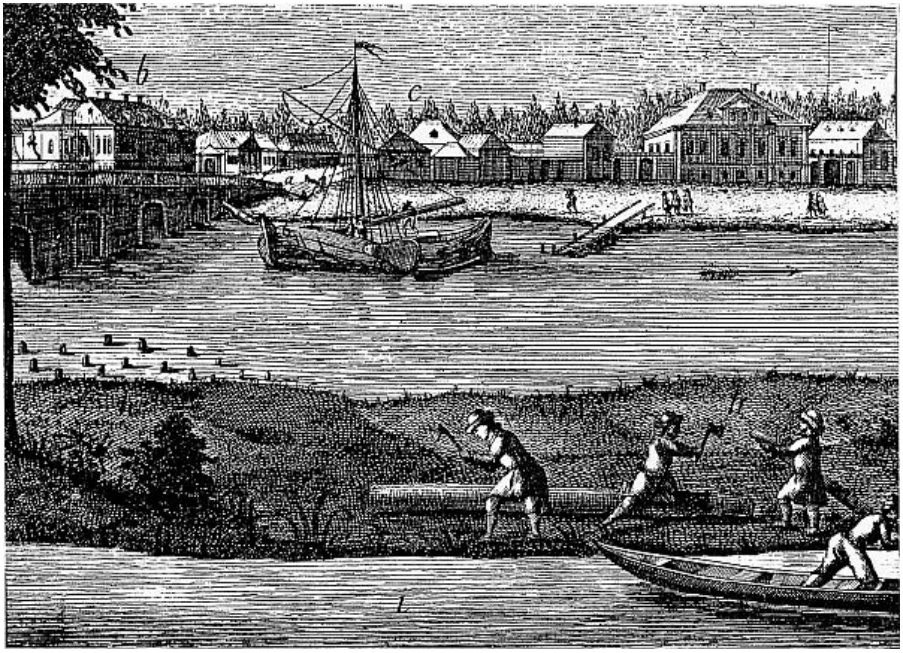
парадной части дворца, уникального по своей сохранности и художественному совершенству[49].

Исследования последних лет показали, что на самом деле к Е.Б. Бирон парадная спальня не имеет никакого отношения, что, впрочем, отнюдь не умаляет ее выдающихся художественных достоинств и еще раз свидетельствует о том, что русские мастера умели работать нисколько не хуже иностранных.

Мари-Анн Колло. «Портрет Екатерины II в лавровом венке». Около 1769 г. Барельеф, бронза. ГТГ. До 1920 г. в собрании Н.Б. Юсупова в Архангельском.



Д. Валериани. «Проспект по реке Фонтанке от грота». ГМУА.



Я. Штелин. «Вид Фонтанки у Калинкина моста». Гравюра. XVIII в.

Неизв. художник середины XVIII в. «Портрет князя Николая Борисовича Юсупова в детстве». Масло. ГМУА.

Глава 5
Детство, отрочество, юность

Всему учиться, все знать.

Из «Album amicorum Principis de Youssoupof»

Ученье свет, а не ученье — тьма.

Народная мудрость

Граф Лев Николаевич Толстой нашел универсальную формулу художественного осмысления трех состояний молодости, через которые проходит любой человек, — детство, отрочество, юность. К сожалению, документов, которые могли бы достоверно поведать об этой счастливой поре жизни Николая Борисовича Юсупова, сохранилось совсем немного. Впрочем, князья Юсуповы жили в высшем столичном обществе, следовали общепринятым житейским правилам своего времени, так что воссоздать внешнюю картину первых двух десятилетий жизни юного князя не так уж сложно. Много труднее оказалось найти какие-то конкретные детали быта, оказавшие то или иное воздействие на становление Николая Борисовича.

Точной даты рождения князя Николая Борисовича Юсупова историки установить все еще не успели, хотя, кажется, биографию князя изучают без малого двести лет. В «Русском Биографическом словаре» Половцева, в статье, посвященной Н.Б. Юсупову, сообщается, что Николай Борисович появился на свет **15 октября 1750 года**. Дата основывается, как и в большинстве статей издания, вероятнее всего, на «Формулярном списке» о службе князя Н.Б. Юсупова. В подобных документах ошибки в указании места и даты рождения встречаются достаточно часто; главное для чиновника — зафиксировать все передвижения по службе, а остальное — неважно. Послужной список Н.Б. Юсупова хранился в собрании Императорского Русского Исторического Общества. В статье же об отце Н.Б. Юсупова в том же томе и на соседней странице «Русского Биографического словаря» приводится другая дата рождения Николая Борисовича — **15 октября 1751 года**[50].

В двухтомном сборнике князя Н.Б. Юсупова-младшего «О роде князей Юсуповых» дается без всяких объяснений вторая дата — 15 октября 1751 года, надо полагать, принятая в семье. Она

представляется более реальной и вот почему. Почти всякий человек завороженно благоговеет пред магией цифр. В просвещенном XIX столетии цифры и их сочетания значили многое; достаточно вспомнить популярные «тройка, семерка и туз» из пушкинской «Пиковой дамы». После выхода в свет повести карточные игроки, а великий поэт был в их числе, стали считать эти цифры «магическими», приносящими счастье, и чаще ставили именно на них. Самому Пушкину, правда, они не помогли — многочисленные карточные долги Александра Сергеевича после смерти поэта выплачивала особая «опека».

Князь Николай Борисович, как настоящий сын своего времени, наверняка не чурался таких вычислений. К 50-летию государственной службы он получил специальный бриллиантовый знак — единственную в своем роде награду. К 75-летию со дня рождения, точнее уже после него, император Николай I уже не знал, чем еще наградить князя. Тогда для Юсупова изобрели особую бриллиантовую эполету. Этот уникальный знак отличия послужил источником многочисленных сплетен, распускавшихся многочисленными же завистниками Николая Борисовича. Формальным поводом для этого награждения послужила безупречная организация очередной императорской коронации. Николай Борисович, несмотря на возраст, и на восьмом десятке оставался мастером по устройству больших праздников и продолжительных торжественных мероприятий[51].

Гагельганс. «Портрет детей». 1761. ГТГ.

На экземпляре книги «О роде князей Юсуповых» из собрания Исторической библиотеки кто-то старательно вычислил — сколько же дней Николай Борисович не дожил до восьмидесятилетия (обычно книги таким образом любят портить ученые девы)[52]. Оказалось, что всего-то три месяца — 15 октября 1751 — 15 июля 1831 года! Ведь если бы дожил, то непременно отпраздновал очередной юбилей пышным приемом и был бы удостоен еще какого-нибудь знака монаршего благоволения. Если же дата рождения Юсупова приходится на 1750 год, то тогда вопрос встает иначе — дожить-то до юбилея дожил, а отмечен царем не был. Почему, что за опала такая? Разве что действительно не знали чем наградить еще? Мне представляется, что приведенная внуком князя в сборнике семейных документов дата рождения Юсупова — 1751 год — более реальна. Ведь внук Николая Борисовича, официально названный составителем сборника, без сомнения знал ее лучше писаря, делавшего очередную копию «Формулярного списка». Видимо эта дата была принята в семье Юсуповых и особых вопросов не вызывала.

До настоящего времени не установлено ни место крещения князя, ни имена его крестных отца и матери, а они явно

принадлежали к первым персонам государства. С учетом положения семьи Юсуповых в высшем петербургском обществе, а также награждения князя Бориса Григорьевича главным российским орденом именно в год рождения сына мое предположение о том, что крестной матерью Николая Борисовича могла стать сама императрица Елизавета Петровна не выглядит таким уж неправдоподобным. Крестным отцом мог выступать как наследник престола Петр Федорович, так и кто-нибудь из ближайших друзей самой «прекрасные Елисавет».

Весьма авторитетный специалист в области биографии князя Н.Б. Юсупова, кандидат наук В.М. Симонова любезно сообщила мне, что ее попытки найти в Петербургских архивах метрику или непосредственно церковную метрическую книгу, где были бы указаны имена восприемников князя при таинстве святого крещения, пока, к сожалению, успехом не увенчались. В те времена запись о крещении являлась одновременно и метрической. Если крещение происходило в церкви Зимнего дворца, то тогда не исключено, что книга безвозвратно утрачена — сгорела в пожаре 1837 года. В провинции метрические книги в середине XIX столетия копировались для хранения в архиве губернской Консистории, но осуществлялось ли такое действие в отношении метрических книг церкви Зимнего дворца (большой и малой) — сказать затруднительно. Ведь такого рода книга могла хранить некоторые дворцовые тайны, вроде брака светлейшей княгини Юрьевской…

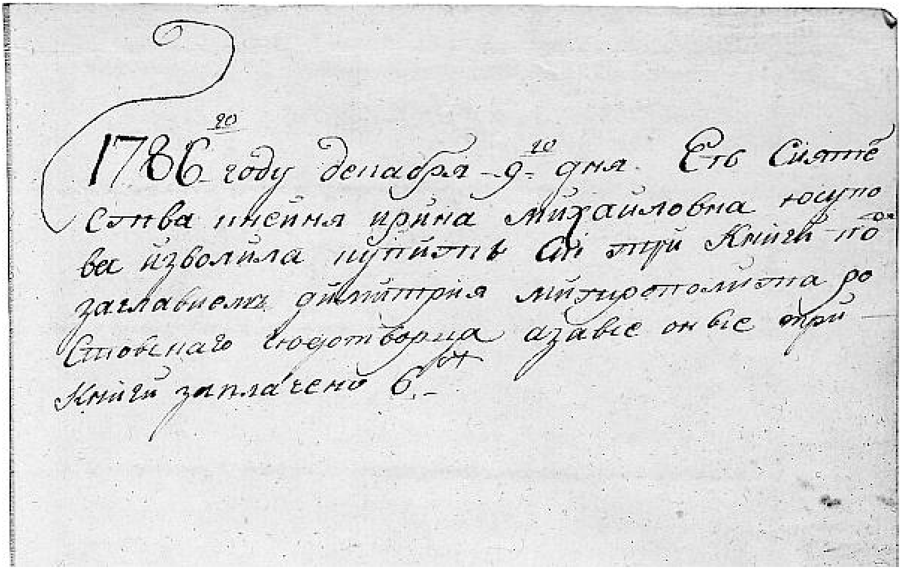
Первые годы жизни юного Николеньки Юсупова прошли под благотворным влиянием отца, который очень заботился о будущем единственного сына. В XVIII веке в среде крупного и среднего русского дворянства сложилась практика записи младенцев «мужеска пола» едва не при рождении в армию, как говорили — «в полк». Отпрыски родовитых фамилий обыкновенно записывались в лейб-гвардейские полки. Не стали исключением и Юсуповы — кто бы мог догадаться тогда, что младенец со временем вырастет в дипломата и ученого-гуманитария. Николая Борисовича записали в Лейб-Гвардии Конный полк, и, находясь еще в колыбели, он начал службу Государыне-императрице Елизавете Петровне, каковую продолжил вплоть до ее кончины. Первым важным событием в жизни маленького князя стало получение в 1755 году чина корнета. По этому поводу был заказан его трогательный детский портрет в форме корнета Гвардии, всегда находившийся в личном кабинете Юсупова. Юный корнет, одетый в новенький мундирчик, с гордостью позирует художнику — в детские годы редкий

мальчик не любит играть в солдатиков.[53] Здесь же изображена стоящая у ног мальчика маленькая собачка — первый «друг детства», без которого, наверное, юный князь не захотел позировать художнику. Собаки, птицы, обезьянки с той давней поры оставались всегдашними и очень любимыми спутниками княжеской жизни.

Архангельское. Кабинет князя Н.Б. Юсупова. Экспозиция 1970-х гг. На стене портрет Б.Г. Юсупова и детский портрет Н.Б. Юсупова. Фотогр. 1980-х гг.

Семья князей Юсуповых считалась прозападной ориентации, но в повседневном быту следовала обычаям отечественной

«милой старины». Это касалось и Николая Борисовича, и его четырех сестер. Первые годы жизни проводили они на руках многочисленных русских мамушек и нянюшек, а лет с шести переходили к гувернерам и гувернанткам — иностранцам. Этого правила держались не потому только, что «заграничное воспитание» в России так высоко ценилось, но и оттого, что европейские языки со времен Петра I находились в каждодневном придворном обиходе и в высшем свете.


1786 году декабря 9 дня Ея Сияте
ства княгиня Ирина Михайловна Юсупо
ва изволила купить сии три книги по
заглавием Димитрия митрополита Ро
стовскаго чудотворца а за все оные три
книги заплачено 6 р.

Княгиня И.М. Юсупова. Запись о приобретении на книге святителя Димитрия Ростовского. 1786. ГМУА.

Религиозно-нравственное воспитание детей в России обычно возлагалось на мать. Княгиня Ирина Михайловна Юсупова была женщиной скромной, незлобивого, простого нрава, но твердого, особенно в делах Веры, характера.

О княгине Ирине Михайловне и ее отношениях с единственным сыном достоверно известно немного. Можно лишь догадываться о том, как трогательны они были. Княгиня покупала для сына книги, заказала его наивный детский портрет в офицерской форме. Сам Николай Борисович — в старости один из первых русских вельмож — приказал похоронить себя рядом с матерью в ее небольшом родовом подмосковном имении, а вовсе не на модном кладбище, где его пышному надгробию могли бы завидовать оставшиеся в живых недруги…

Святитель Димитрий Ростовский. Сочинения. Москва. 1786. Фронтиспис с портретом и авантитул. Библиотека кн. Юсуповых. ГМУА.

Ирина Михайловна читала не только модные французские романы, что полагалось тогда делать всякой даме высшего света. Многие вечера проводила она за чтением «Минеи» — «Жития святых святителя Димитрия Ростовского». Это обширное издание несколько веков считается на Руси любимым простонародным чтением. Ирина Михайловна стала большой почитательницей святителя Димитрия, в середине XVIII столетия только что причисленного к лику православных святых, в Земле Российской просиявших. Она посвятила памяти Ростовского митрополита свою домовую церковь в петербургском доме. Книги святителя Димитрия бережно хранил в своей библиотеке князь Николай Борисович.

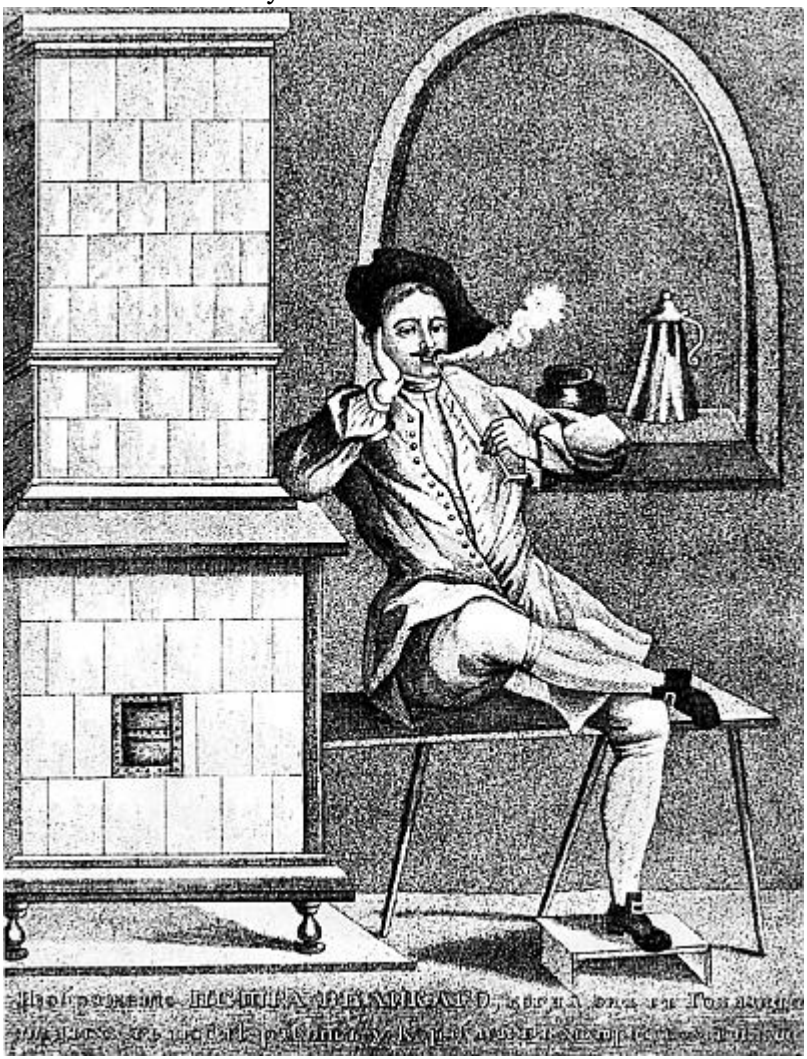
В век вольтерьянства и модных насмешек над религиозными чувствами Ирина Михайловна сумела привить сыну глубокую Веру, о чем свидетельствуют некоторые документы княжеского архива. Другое дело, что внешне проявлять свою личную религиозность в те времена полагалось очень сдержанно — ведь Юсуповы не были восторженными новообращенцами, что пристают буквально к каждому со своими мелочными религиозными проблемами и сомнениями.

Ф. Титов. «Княгиня Ирина Михайловна Юсупова за раскладыванием карт». 30 октября 1765 г. Барельеф. ГМУА.

Николай Борисович Юсупов-младший, внук князя, человек совсем иного времени, в своих религиозных воззрениях был более открытым. Он оказал немалую поддержку Православию в тяжелые годы приближавшегося безверия, одним из первых указав русскому обществу на будущего святого — праведного Иоанна Кронштадтского, по молитвам которого свершилось несколько чудес и в семье Юсуповых[54].

В Архангельском хранится небольшой барельеф работы малоизвестного русского скульптора Ф. Титова, где Ирина Михайловна изображена за раскладкой пасьянса, своеобразной «гимнастики для ума». Портрет этот находился в личных комнатах Николая Борисовича. Простота и незлобивость нрава матери во многом перешла к сыну, хотя положение большого вельможи иной раз и заставляло его вести себя с посторонними замкнуто и подчеркнуто надменно. Скульптор также вылепил профильный барельефный портрет и самого юного князя в двенадцати— или тридцатилетнем возрасте, подчеркнув некоторую самоуверенную надменность, столь свойственную

подросткам. Видимо, портрет украшал комнаты у Ирины Михайловны в Спас-Котове. В верхней части обоих барельефов сделана небольшая дырочка для гвоздя, дабы изображение было удобнее вешать на стену.



Неизв. художник. «Царь Петр 1 в костюме голландского матроса». Гравюра Н. Свистунова. XVIII в.

По традиции для людей круга князей Юсуповых домашнее образование не ограничивалось только занятиями с гувернерами. Отец Николая Борисовича, пользуясь своим служебным положением, а равно и любовью к нему кадетов и преподавателей Кадетского корпуса, приглашал их для занятий с сыном. Среди учителей юного князя имелось немало выходцев из Голландии. Голландцы, как известно, оказали большое влияние на

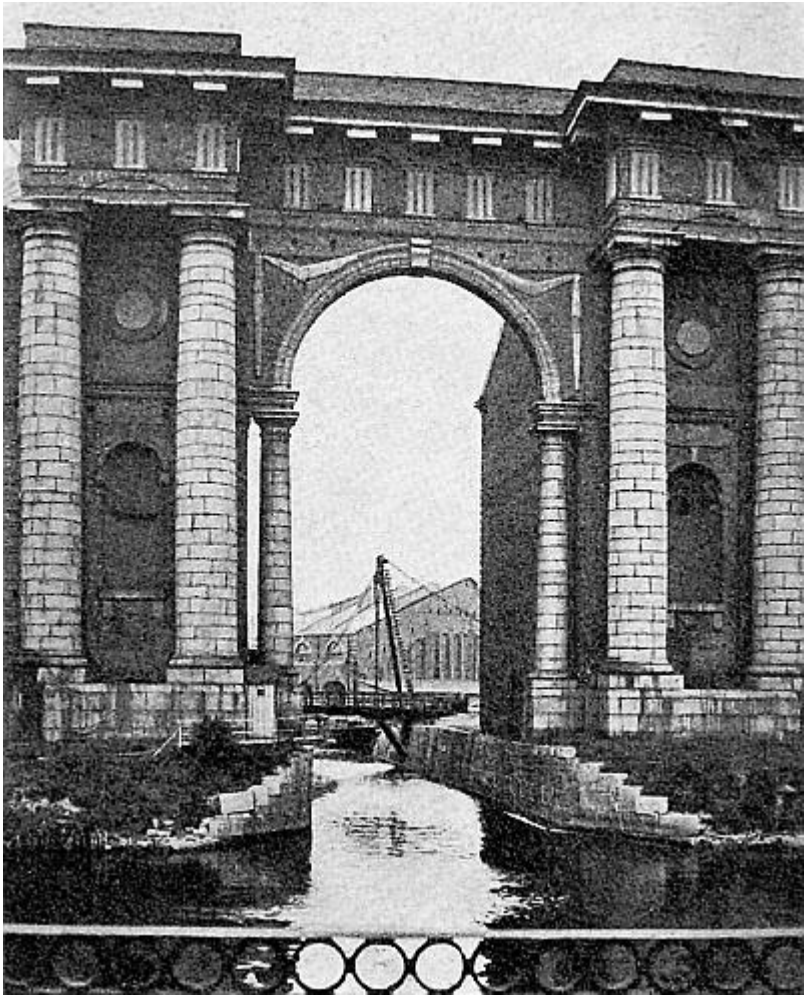
становление императора-преобразователя Петра Великого и на становление новой столицы России — Петербурга. Действительно, у представителей этого народа есть чему поучиться. Постоянное общение с иностранцами, пример их «немецкой» пунктуальности выработали у юного князя усидчивость, умение регулярно работать. Эти навыки позволили Николаю Борисовичу уже в молодые годы свободно овладеть пятью иностранными языками — как живыми, так и мертвыми. Причем живые языки — не один только французский — оказывались в постоянном употреблении. Это характеризует Юсупова как человека, постоянно стремившегося по велению собственной души к овладению новыми знаниями[55].

Неизв. художник. С оригинала С. Торелли. «Портрет великого князя Павла Петровича в детстве». ГМУА.

Николай Борисович превосходно владел и русской речью; не столько литературной, сколько разговорной. Бытовая интонация постоянно присутствует в его письменных распоряжениях, в

известной степени передавая стиль именно устной речи князя со всеми ее прихотливыми оборотами ученого мужа, часто общающегося с простыми мужиками. Кстати, русскому языку Юсупова обучал, как водилось тогда, обычный дьячок. Потому-то в княжеских распоряжениях — а собственноручно он писал их не так уж часто, явственно прослеживаются следы знания церковнославянской грамоты. Для XVIII века явление вполне обычное у людей из высшего общества[56].

«Те жители Петербурга и Москвы, которые считают себя людьми просвещенными, заботятся о том, чтобы их дети знали Французский язык, окружают их иностранцами, дают им дорого стоящих учителей танцев и музыки, но не учат их родному языку, так что это прекрасное и дорого стоящее воспитаниеведет к совершенному незнанию родины, к равнодушию и даже презрению к стране, с которой неразрывно связано наше существование, и к привязанности к Франции. Впрочем, следует признаться, что дворянство, которое живет во внутренних губерниях, не заражено этим непростительным заблуждением»[57].



*Петербург. Арка «Новой Голландии». Фотография объединения «Мира Искусства». Конец 1900-х гг. Собрание авто*ра.

Довольно подробно вспоминал о детстве, об учебе, о знании родного языка в «Записках», которые я только что процитировал, граф Александр Романович Воронцов, старший сверстник Юсупова, бывший с ним в родстве по материнской линии через брата Семена Романовича, женатого на одной из Зиновьевых, — человек, принадлежавший к одному с Николаем Борисовичем кругу. Александр Романович родился в 1741 году и был десятью годами старше Юсупова. Сестрой братьев А.Р. и С.Р. Воронцовых была знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова, президент двух Российских Академий, дама столь же образованная, сколько и желчная, оставившая потомству и свои много более знаменитые «Записки». Очень мудрое сочинение ее брата, увы, знакомо преимущественно узкому кругу специалистов

по истории XVIII века.

Неизв. художник. «Портрет Александра Романовича Воронцова». Копия из Воронцовской галереи в усадьбе Андреевское Владимирской губернии.

Граф Александр Романович Воронцов, подобно Юсупову, был несметно богат, имел множество приятных для души и ума занятий — любил театр, собирал картины и графику. Его собеседниками становились самые умные люди эпохи. Казалось, ничто не мешало ему жить свободным барином-сибаритом. Однако и Воронцов вступил на государственную службу, занимал много ответственных и хлопотливых должностей, достиг высшего в России звания Государственного канцлера (так назывался тогда пост министра иностранных дел) и немало сделал полезного для своей страны. При том, что Екатерина II и Павел I относились к нему лично, равно как и ко всему семейству Воронцовых, без малейшей симпатии — ценились исключительно деловые качества, потому как просто симпатичных людей имелось много, работников — мало.

Вот такое наглядное свидетельство качества домашнего дворянского образования той поры: *«Отец старался дать нам такое хорошее воспитание, какое было возможно в России, — вспоминал А.Р. Воронцов. — Мой дядя прислал для нас из Берлина гувернантку. Мы незаметным образом научились французскомуязыку, и уже с 5– или 6-летнего возраста обнаружили решительную наклонность к чтению книг. Я должен сказать, что хотя воспитание, которое нам дали, не отличалось ни блеском, ни лишними расходами, употребляемыми на этот предмет в наше время, однако оно имело многие хорошие стороны. Главное его достоинство заключалось в том, что в то время не пренебрегали изучением Русского языка, который в наше время уже не вносится в программу воспитания. Можно сказать, что Россия — единственная страна, где пренебрегают изучением своего родного языка и всего, что касается страны, в которой люди родились на свет; само собою разумеется, что я разумею здесь современное поколение»* (8а).

НРАВОУЧЕНІЕ
ДЛЯ
МАЛОЛѢТНЫХЪ
БЛАГОРОДНЫХЪ
ДѢТЕЙ.
Сочиненіе славнаго Г. Кампе.
Переводъ съ Нѣмецкаго.
МОСКВА.
Печатано съ Указнаго дозволенія,
въ вольной Типографіи А. Рѣшетникова,
1793.

«Нравоучение для малолетних благородных детей». Сочинение славного г. Кампре, перевод с немецкого. Печать вольной типографии А. Решетникова. Москва. 1793. ГМУА.

Большую роль в образовании юного князя Юсупова играли книги, рано вошедшие в жизнь Николая Борисовича. Родители

постарались заложить основу его будущей знаменитой библиотеки, хотя сами большими библиофилами не являлись и едва ли предполагали, что библиотека их сына станет одной из крупнейших в России и Европе. Книги в доме присутствовали скорее как привычные собеседники. Борис Григорьевич, большой любитель чтения, брал на прочтение интересующие его издания в Академии наук, а Ирина Михайловна покупала.

Одна из первых книг юного князя сохранилась в библиотеке Архангельского. Это «Придворный письмовник», выпущенный в Амстердаме в 1696 году. На форзаце в конце книги имеется и первый экслибрис князя — подпись: «Prince Nicola a' 9 ans.». Здесь же и «автопортрет», фигурка мальчика — собственноручный рисунок девятилетнего prince Nicola[58].

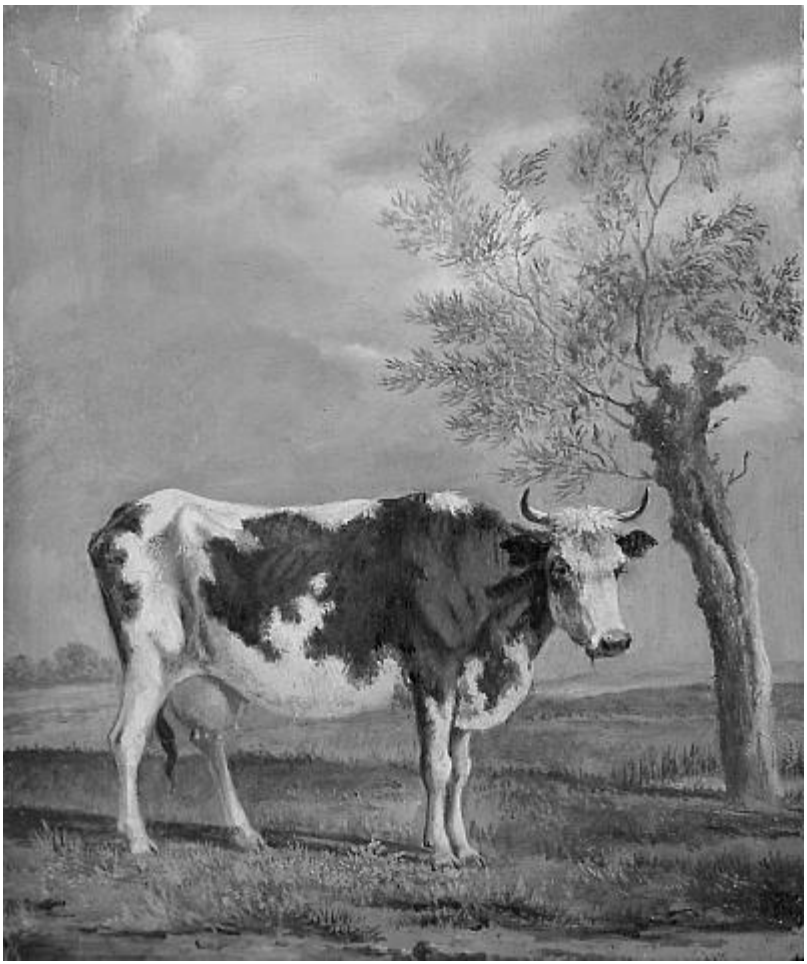
Сохранились некоторые учебные рисунки юного Николая Борисовича и даже живописная работа — «Коровка». Рисование входило в круг обязательных предметов обучения для дворянской молодежи не только середины XVIII столетия, но и гораздо более позднего времени, о чем свидетельствуют явно любительские рисунки-шарады из семейного альбома Юсуповых середины XIX века.

Ирина Михайловна, надо думать, достаточно часто баловала сына книжными подарками — другое дело, что специальной детской или просто хорошей учебной литературы в середине XVIII века выпускалось сравнительно немного. Вот и приходилось дарить книги, предназначенные больше для взрослого чтения. В 1764 году Ирина Михайловна преподнесла 13-летнему сыну «Историю Фридриха Вильгельма I, короля Пруссии», о чем была сделана соответствующая запись на форзаце книги. Она и теперь хранится в библиотеке музея-усадьбы «Архангельское»[59].

Именно библиотека многое могла бы рассказать о князе Юсупове; рассказать о том, что современникам Николая Борисовича оставалось неведомо, а потомков и вовсе не интересовало. К сожалению, научный каталог уникальной по сохранности усадебной библиотеки Архангельского до сего времени не введен в научный оборот, и значительная часть книжного собрания Юсуповых остается недоступной для исследователей вне стен музея.

О круге своего детского и подросткового чтения рассказал и граф А.Р. Воронцов: *«Мой отец выписал для нас довольно хорошо составленную библиотеку, в которой находились лучшие Французские авторы и поэты, а также книги исторического содержания, так что когда мне было 12 лет, я уже был хорошо знаком с произведениями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и других Французских писателей. В числе этих книг находилась*

состоявшая почти из ста волюмов коллекция нумеров журнала: Ключ к знакомству с кабинетами Европейских государей, начинавшаяся с 1700 г. Я упоминаю об этой коллекции потому, что из нее я узнал обо всем, что случилось в России самого интересного и самого замечательного с 1700 г. Это издание имело великое влияние на мою наклонность к истории и политике; оно возбудило во мне желание знать все, что касается этих предметов и в особенности по отношению их к России»[60].



Князь Н.Б. Юсупов. «Коровка. Пейзаж с коровой». Доска, масло. 1760-е гг. ГМУА.

Николай Борисович Юсупов, как бы парадоксально это ни звучало, всю жизнь учился, потому что всю жизнь читал и стремился к получению новых знаний. К старости он собрал громадную библиотеку, отличавшуюся не только библиографическими редкостями, но и большой полнотой. Многие книги по самым различным областям знаний — как

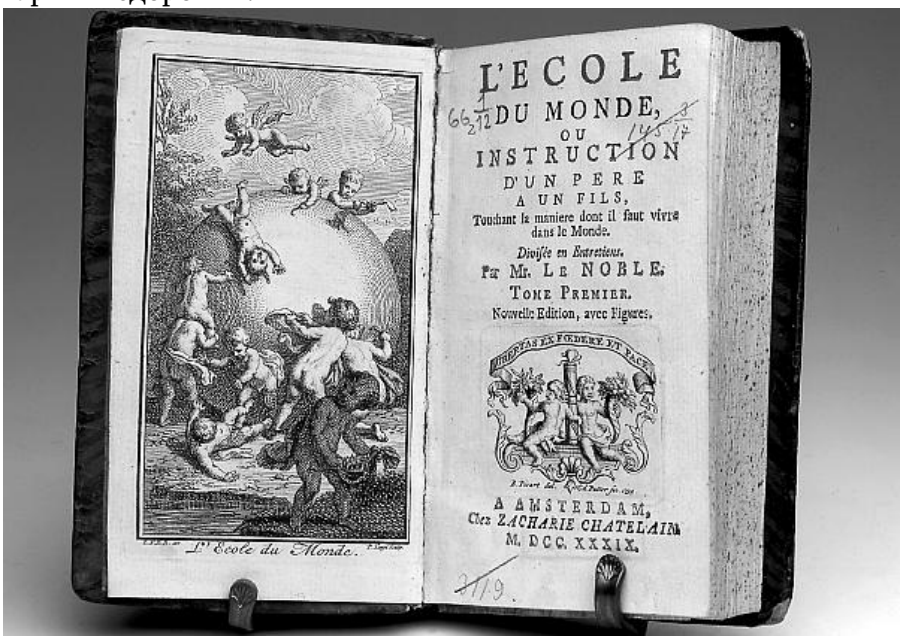
гуманитарным, так и естественным — сохранили собственноручные пометы князя, свидетельствующие о том, что он был внимательным и заинтересованным читателем, а не просто собирателем книг. Не случайно С.А. Соболевский — крупнейший русский библиофил, человек желчный и отнюдь не склонный раздавать комплименты, называл князя Юсупова выдающимся ученым — знатоком культуры, причем не только иностранной, но и русской. Навык вседневного чтения обычно закладывается в детстве. Кстати, Юсупов и Соболевский были соклубниками и не раз встречались в Московском Английском клубе[61].

П.И. Соколов. «Портрет графа Никиты Петровича Панина в детстве». 1779. ГТГ. (Племянник графа Никиты Ивановича Панина.)

Традиционное воспитание юношей и девушек в России проходило в определенном социальном кругу. Дети князя

Юсупова воспитывались со сверстниками из знакомых аристократических семей.

Одна из них — семья графов Паниных и их племянников князей братьев Куракиных. С Куракиными Юсупов состоял в родстве через сестер. Александр и Алексей Куракины стали друзьями детства Николая Борисовича. Один был немного старше его, другой, как и будущий император Павел I, младше несколькими годами. В детстве, как известно, даже маленькая разница в возрасте очень ощутима. Потому Юсупова нельзя назвать другом детства наследника Павла Петровича. Более близкие и теплые отношения возникли лишь в ранней молодости, а укрепились впоследствии, когда Николай Борисович сопровождал наследника престола и его супругу в заграничном путешествии. Юсупов оставался домашним другом императорской четы вплоть до кончины Павла I и императрицы Марии Федоровны.

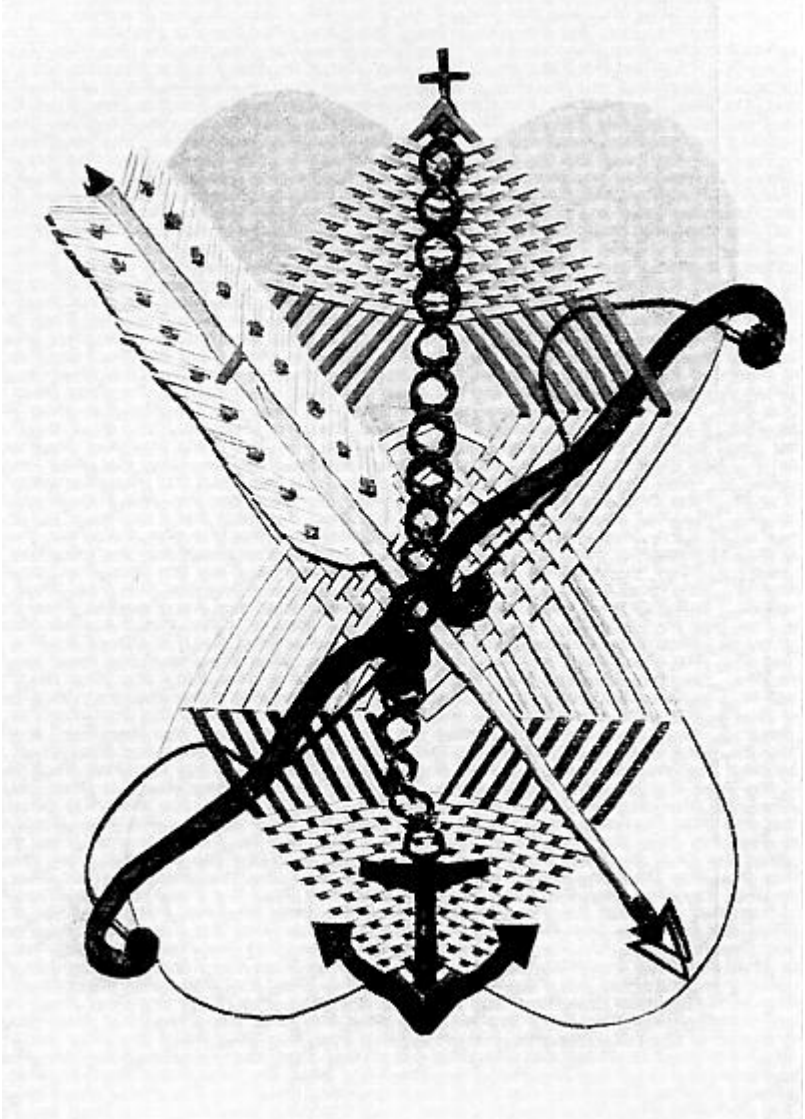


«Школа жизни, или наставления отца сыну, о том, как следует жить в этом мире…». Амстердам. 1734. Библиотека Н.Б. Юсупова. ГМУА.

В XVIII столетии придворный этикет, разумеется, соблюдался очень строго, но для детей вельмож, близких ко двору Елизаветы Петровны, делались вполне понятные послабления — дети есть дети. Не случайно один из братьев Куракиных называл наследника престола Павла Петровича в письмах просто и фамильярно ласково — Павлушкой. Вот уж кто соблюдал

придворный этикет до мелочей, так это как раз повзрослевший Павел I, вступивший на императорский престол после смерти матери — Екатерины Великой.

О первых годах жизни будущего императора сохранилось сведений гораздо больше, чем о детстве «простого» князя Юсупова, хотя круг их тогдашних занятий не сильно различался. Вот несколько выписок из известных «Тетрадей» за 1765 год С.А. Порошина, который постоянно находился при юном наследнике престола и делал записи непосредственно вслед за событиями.



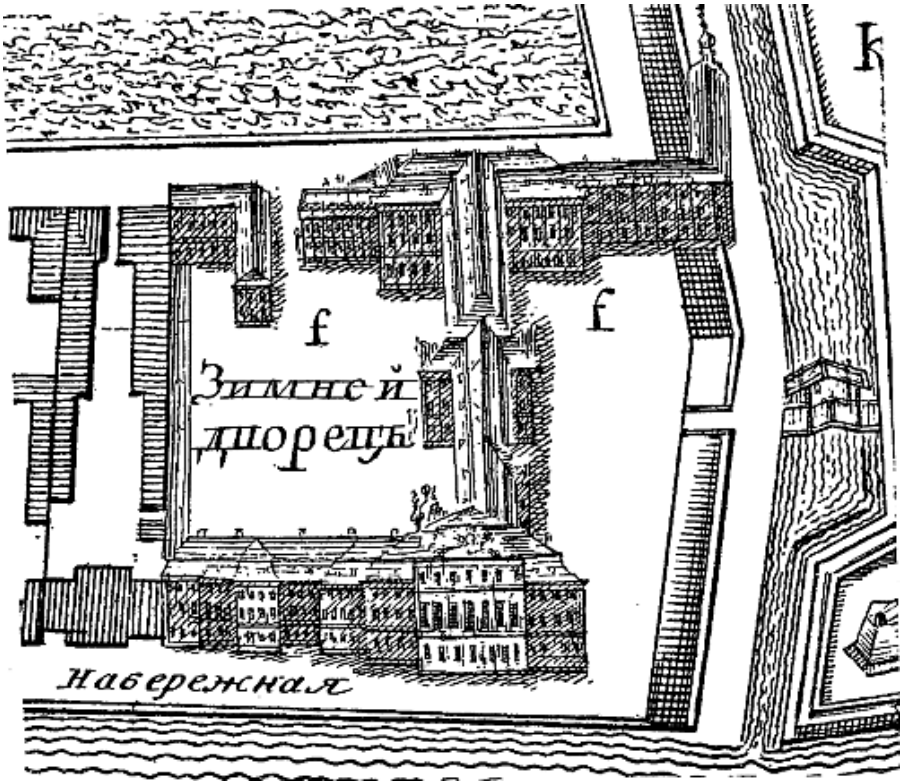
Аппликация из альбома Зинаиды Ивановны Юсуповой. 1830-е гг.

«27 марта. Обуватца стал, мокрица ползла; боялся, чтоб не раздавили, и кричал. 28 марта. Перед тем разбранился с Великим Князем (Павлом), заставляя его играть на музыке. Весьма неохотно пошол, защищался своим правом, что совсем ныне уволен от ученья; лентяй; после того играл с Куракиным в шахматы; резвился, ужинал, лег спать. 30 марта. Пришедши Куракина валяли и в шахматы играли… перед обедом марионетова театру смотрел. 31 марта. В шахматы играли, Куракина валяли и на бутылку сажали, в бильбокет. Сели за стол, обедали у нас Петр Иванович (Панин), гр. Иван Григорьевич, Талызин, Круз, Строганов. Говорили о ядах разных, потом о французском министерстве. Встали, опять валяли Куракина. 5 апреля. Пошли на куртаг, который был в галерее. Государыня в пикет играла. Цесаревич так стоял. Пришед туда, раздразнил он Куракина своею шалостью, тот и ужинать не остался. После того сделался очень вежлив»[62].

Запись от 16 апреля, пожалуй, самая примечательная. Она показывает, насколько простота нравов присутствовала в повседневном придворном быту, если описываемыми «забавами» не брезговал даже сам просвещенный воспитатель наследника граф Никита Иванович Панин. *«Играл в воланы. Учился у меня очень хорошо. Фектовал. В берлан. Ужинал. Как зачал раздеватца, пришол Никита Иваныч и был тут, пока Государь лег в полдесятом. Потом Никита Иваныч сам Куракина повел в темные сени к Строганову и, попугав, возвратился. Прочие повели Куракина к Строганову. Та м Строганова слуги наряжались в белую рубашку и парик. Куракин жестоко трусил».* На следующий день «пугание» царского друга Куракина продолжалось. Между тем Павел десяти лет от роду высказывал уже вполне здравые мысли; некоторые из них зафиксированы: «запрещенного всегда нам хочется, и что это основано на человеческой натуре» или «хорошо учится-то: всегда что-нибудь новенькое узнаешь»[63].

«Обманка». Лист из альбома Зинаиды Ивановны Юсуповой. 1830-е гг.

Уже в 11 лет будущий император не понаслышке знал о некоторых проблемах семейной жизни. Как-то за обедом он заявил: «Когда я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рогов мне иметь крайне не хочется». Павел весьма рано обратил свое благосклонное внимание на некоторых придворных барышень, среди которых, по слухам, была и одна из красавиц-княжон Юсуповых, сестра Николая Борисовича…



М.И. Махаев. Деталь Генерального плана Санкт-Петербурга. 3-й Зимний дворец.

В царствование императриц Елизаветы Петровны и Екатерины Великой дети всех близких ко Двору людей рано начинали выезжать в свет, много раньше Наташи Ростовой, между прочим, дочери старшины Московского Английского клуба, чей первый бал описан графом Л.Н. Толстым. Вот что вспоминал о своих первых выездах в высший свет граф А.Р. Воронцов.

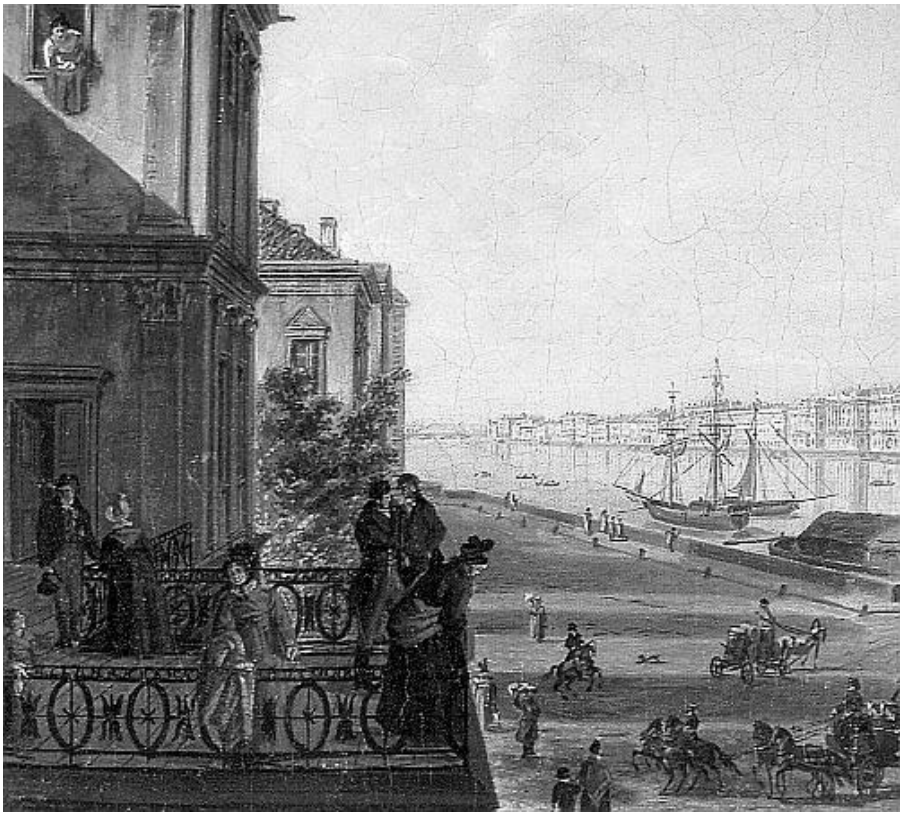
«Императрица Елизавета, отличавшаяся благосклонностью и приветливостью ко всем окружающим, интересовалась даже детьми лиц, принадлежавших к ее двору. Она во многом сохранила старинные Русские нравы, очень походившие на старинные патриархальные нравы. Хотя мы были еще детьми, она позволяла нам бывать при ее дворе в приемные дни и иногда давала, в своих внутренних апартаментах, балы для обоего пола детей тех особ, которые состояли при дворе. Я сохранил воспоминание об одном из этих балов, на котором было от 60 до 80 детей. Нас посадили ужинать, а сопровождавшие нас гувернеры и гувернантки ужинали за особым столом. Императрицу очень занимало смотреть, как мы танцевали и ужинали, и она сама села ужинать вместе с нашими отцами и матерями. Благодаря этой привычке видеть двор мы

незаметно привыкали к большому свету и к обществу»[64].

А.П. Антропов. С оригинала Ж.Л. Вуаля. «Портрет великого князя Павла Петровича в детстве». 1773. ГМУА.

У детей завязывались дружеские отношения «в свете» и вне стен царского дворца. *«Существовал еще один обычай, — вспоминал граф А.Р. Воронцов, — много способствовавший тому, чтобы сделать нас развязными, а именно то, что дети лиц, состоявших при дворе, взаимно посещали друг друга по праздникам и воскресеньям. Между ними устраивались балы, на которые они отправлялись всегда в сопровождении гувернеров и гувернанток»*[65].

«Зрелище есть общественная забава, исправляющая нравы человеческие», — писал знаменитый русский актер XVIII столетия П.А. Плавильщиков о театральных представлениях[66]. Граф А.Р. Воронцов в «Записках» рассказал о том, что по традиции люди его круга посещали театральные постановки уже с детства. *«На придворном театре давали два раза в неделю французские комедии, и наш отец брал нас туда с собою в ложу. Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что оно много способствовало тому, что мы с раннего детства получили решительную наклонность к чтению и литературе»*[67].



Ф.Я. Алексеев. «Вид на Неву и Адмиралтейство от Первого Кадетского корпуса». Фрагмент. 1817. Масло. ВМП.

Понятно, что театр при Кадетском корпусе Николай Борисович посещал тоже, пользуясь служебной ложей отца, бывал он и на придворных спектаклях в Зимнем дворце.

Театр, книги, живопись — все это занимало далеко не последнее место в продолжение всей жизни Николая Борисовича Юсупова. Ко всему прекрасному он приобщился в детстве, прошедшем под пристальным вниманием отца. Смерть князя Бориса Григорьевича стала для его восьмилетнего сына первой большой жизненной утратой.

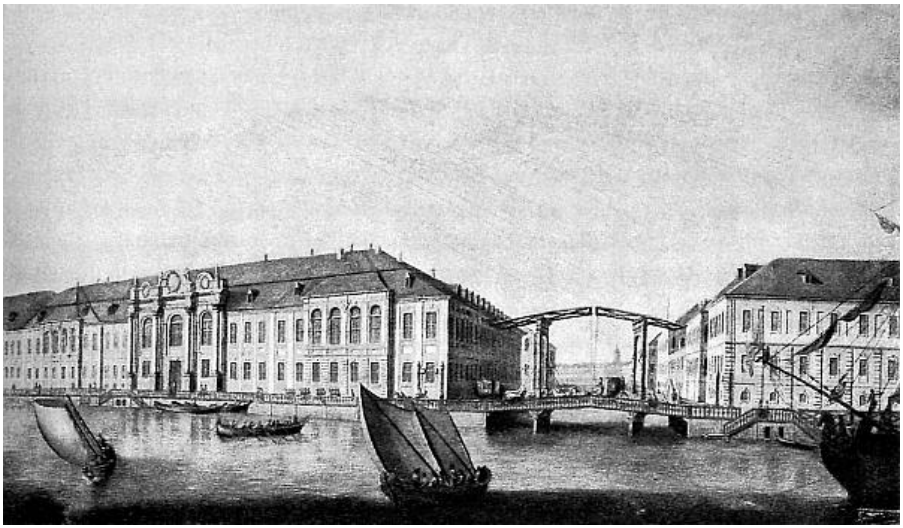
Между тем покуда продолжалась домашняя учеба юного князя сама собою складывалась его военная карьера. В 1761 году Николай Борисович был произведен из корнетов в подпоручики все того же Лейб-гвардии Конного полка. По сообщению искусствоведа Адриана Викторовича Прахова, 16 лет от роду Юсупов поступил на действительную военную службу. Впрочем, эти сведения могут оказаться ошибочными — один из первых биографов князя Николая Борисовича ввел в научный оборот

многие уникальные документы Юсуповского архива, но в его датировках событий и фактов путаница случалась постоянно, так что и в 16 лет «служить» Юсупов мог, как и прежде, дома[68].

Неизв. художник. «Летний сад». 1800-е гг. Пастель. ГМП.

В 1771 году состоялось производство Николая Борисовича в поручики, и на этом военная служба князя кончилась. Была ли какая-то «история», послужившая причиной краха военной карьеры Юсупова, о которой есть глухое упоминание в двухтомнике «О роде князей Юсуповых»? Скорее всего — нет. Просто Николай Борисович по складу своего ума и характера не предназначен был к выполнению команд и хождению строем, а равно и гарцеванию на лошади. В следующем году он получил отставку и звание камер-юнкера Высочайшего двора[69].

При наличии «истории» получение придворного чина оказалось бы делом затруднительным даже при больших связях. Может быть, юный князь немного проигрался в карты или увлекся замужней дамой? Тогда подобные «грешки молодости» считались в порядке вещей и особой «истории» из этого при всем желании не сделаешь. К тому же Николай Борисович, подобно своим предкам, всегда оставался человеком не только благонамеренным, но и очень острожным.



М.И. Махаев (?) «Второй Зимний дворец Доменико Трезини». После 1726 г. До 1917 г. в собрании Каменноостровского дворца в Петербурге. Репродукция из книги И.Э. Грабаря «История русского искусства».

Надо заметить, что русские вельможи, как, впрочем, и вельможи во всех странах, испокон веков делились на две весьма неравномерные категории. Одна, неизменно большая, только числилась на службе, тогда как все дела решали рядовые секретари и столоначальники. Другая — традиционно немногочисленная, занималась государственными делами самым серьезным образом. Князь Юсупов относился ко второй. Казалось бы, у него имелись весьма широкие интересы, подкрепленные огромными материальными возможностями для их реализации, но вместо того, чтобы жить в свое удовольствие «большим русским барином», князь Николай Борисович много сил, внимания и времени уделял исполнению государственных обязанностей, к которым его регулярно привлекали все русские императоры и императрицы, начиная с Екатерины Великой и до Николая I включительно. При этом надо помнить, что государственный оклад-жалованье российского чиновника во все времена оставался довольно скромным — само собой подразумевалось, что «государев человек» просто произнесет заветную формулу — «надо ждать», а остальное зависит от ловкости рук… Исследование полувековой служебной деятельности Николая Борисовича позволяет отнести его к редкостному типу «не берущих» чиновников. Наоборот, князь Юсупов всячески благодетельствовал собственных подчиненных, в том числе и материально, раздавая им часть своего оклада,

выпрашивая для них «в верхах» награды и пенсии.

Выдающаяся служебная карьера князя Юсупова началась благодаря знанию нескольких языков… Первый его начальник, хоть и происходил из немцев, но иностранными языками владел не очень. Зато отвечал за всю дипломатическую переписку России, ведшуюся отнюдь не на родном языке.

Ф. Титов. «Лейб-Гвардии Конного полку подпоручик князь Николай Юсупов». 6 октября 1765 г. Барельеф. ГМУА.

Глава 6
Начало служебной карьеры

Блистал Фонвизин, друг свободы.

А.С. Пушкин

Дружба — дружбой, служба — службой.

Пословица

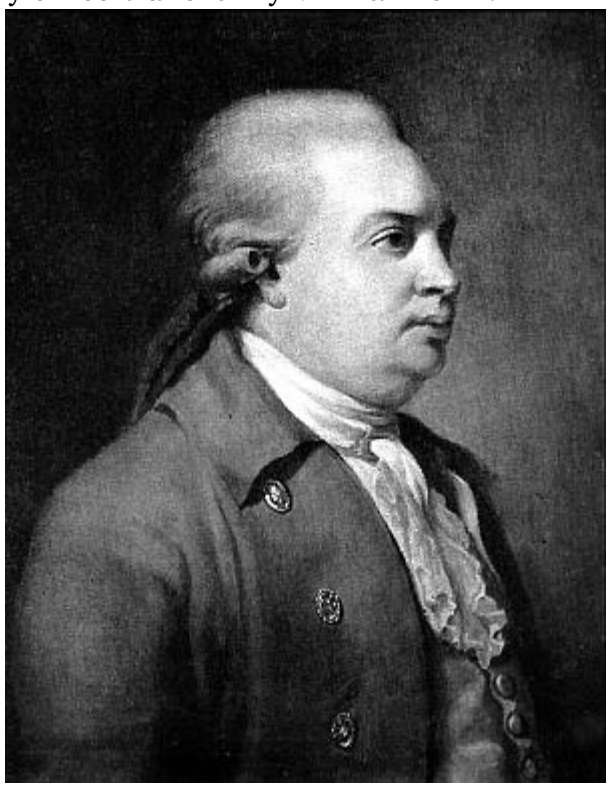
Итак, в 1772 году началась государственная служба совсем еще юного камер-юнкера Императорского Двора князя Николая Борисовича Юсупова[70]. В те времена считалось, что молодой дворянин должен служить в гвардии, если позволяют средства, а если нет — то в армейском полку. Если же обстоятельства препятствуют службе в армии, то в гражданской службе надобно выбрать самое привилегированное учреждение — Коллегию иностранных дел, давний аналог современного Министерства Иностранных дел. Князь Юсупов, разумеется, поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Здесь он оказался очень у места — знание пяти европейских языков, придворного этикета, понимание разнообразных политических перипетий делали князя ценным сотрудником. Много позднее «по иностранному ведомству» служил и Александр Сергеевич Пушкин, выпускник Царскосельского Лицея, хотя толку от его службы Отечеству оказалось совсем немного — молодость поэта пришлась на шальные времена преддекабристского кризиса дворянского общества и закончилась ссылкой, вполне заслуженной. Вот его соученик по Лицею, которого, как и поэта, готовили к занятию дипломатической должности, князь Александр Михайлович Горчаков — почетный член Московского и Петербургского Английских клубов стал выдающимся дипломатом, дослужился до поста канцлера Российской империи.

Сердюков Григорий. «Портрет графа Петра Ивановича Панина». Не позднее 1767 г. Предположительно копия с В. Эриксена. ГТГ.

Коллегию возглавлял тогда граф Никита Иванович Панин — давний друг и родственник семьи Юсуповых. Непосредственным же начальником молодого князя по Коллегии иностранных дел стал Денис Иванович Фонвизин. Фамилия выдающегося русского драматурга тогда писалась еще на немецкий лад — фон Визин, как на родине предков. Этот человек оказал на будущего дипломата немалое влияние, в частности способствовал развитию его интереса к прекрасному, к собирательству произведений искусства. Фонвизин считался известным знатоком художеств. У него имелась хорошая коллекция гравюр и 143 картины.

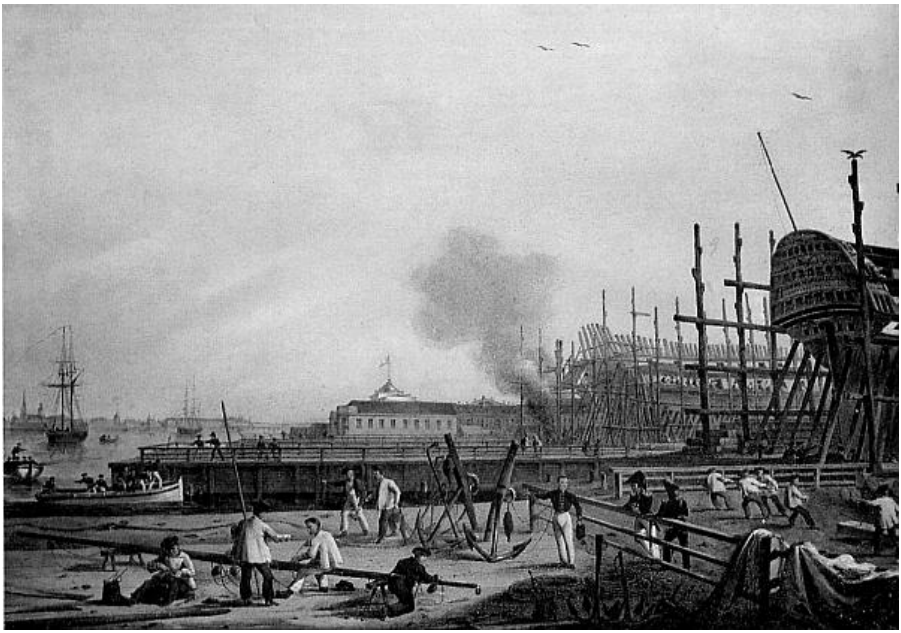
Личное состояние Дениса Ивановича было невелико, поэтому он «промышлял художествами» — перепродавал произведения искусства, за которыми даже ездил за границу. Как и полагается крупному государственному чиновнику, Фонвизин не рассказывал направо и налево о своих торговых операциях, доверяя эти сведения только проверенным людям, среди которых оказался и юный князь Юсупов. Впоследствии у Фонвизина появился помощник-компаньон — купец Герман Иоганн

Клостерман. У них действовала «совместная коммерция вещам, до художеств принадлежащим». Клостерман много картин продал в Эрмитаж. Это хорошо известные любителям живописи картины — «Весна» и «Лето» Н. Ланкре, работы Шарля Ванлоо, Адриана ван Остаде. Ему принадлежал том с 200 офортами Рембрандта. Магазин Клостермана на Невском проспекте не раз посещала сама императрица Екатерина II. Можно с уверенностью говорить, что покупки в нем делал и Николай Борисович, который к Клостерману относился очень уважительно[71].



Ж.Ф. Караф. «Портрет Д.И. Фонвизина». (Копия работы неизвестного художника.) Литературный музей. Москва.

Впрочем, далеко не всякое влияние Фонвизина могло оставить положительный след в жизни. Крепкие нравственные основы православного воспитания князя Юсупова не позволили ему присоединиться к «лучшему времяпрепровождению» драматурга и его друзей, заключавшемуся в «богохулии и кощунстве». Как говорится, каждый ищет то, чего ему не хватает…



К.П. Беггров. По рис. К.Ф. Сабата и С.П. Шифляра. «Адмиралтейская верфь». 1820-е гг. ГМП. До 1959 г. хранилась в ГМУА.

У Юсупова был добрый нрав, раз он смог не только ужиться, но и подружиться со своим начальником, славившимся, по воспоминаниям современников, тяжелым характером.

Адрес Иностранной коллегии известен — Петербург, Английская набережная, д. 32. Этот дом был куплен в казну от князя Б.А. Куракина в 1764 году, так что и в детстве Николай Борисович, несомненно, мог тут бывать. Это неподалеку от собственного домовладения князей Юсуповых и одного из будущих адресов Петербургского Английского собрания.

Денис Иванович Фонвизин являлся не только крупным чиновником, но и выдающимся драматическим писателем своего времени; недолгий расцвет его творчества пришелся как раз на годы совместной работы с Николаем Борисовичем. В 1772 году в Зимнем дворце у Екатерины II, а потом и у наследника Павла Петровича Фонвизин читал свою знаменитую комедию «Бригадир». 19 августа того же года состоялась ее премьера на подмостках придворного Эрмитажного театра, куда простую публику, понятно, не допускали. Автор, обладавший неплохими актерскими способностями, выступал в роли Советника.

Ближайшим советником самого Фонвизина по службе выступал как раз Николай Борисович, кстати, тоже имевший неплохие задатки актера. В руках у драматурга

сосредотачивалась вся наиболее важная дипломатическая переписка. Князь Юсупов, знаток языков, привлекался именно к этой чрезвычайно ответственной работе.

Дипломатическое ведомство — одно из самых закрытых; необходимо соблюдать государственную тайну. Поэтому прямых свидетельств конкретных служебных дел, выполнявшихся Николаем Борисовичем, известно немного. Однако его дальнейшее назначение на ответственный пост посланника в будущую Италию (в одно из небольших государств Аппенинского полуострова), поручение Юсупову очень деликатных дипломатических дел в Европе самой императрицей Екатериной говорит много лучше документов о профессиональных качествах князя — дипломатического чиновника, которые он, несмотря на молодость, быстро успел проявить.

Вступление Юсупова в гражданскую службу пришлось на очередной переломный период русской истории. В 1772 году наступило совершеннолетие наследника престола Павла Петровича. С одной стороны, хотела продолжать царствовать его мать — императрица Екатерина II, с другой — «крестьянский царь Петр III» — Емельян Иванович Пугачев, с третьей — наследник престола Павел и стоявшая за ним «панинская» партия — дворянская группировка во главе с графом Никитой Ивановичем Паниным. Осторожный князь Юсупов ни в какие придворные группировки и «партии» не вступал, а если и вступал, то постарался сделать это так, чтобы никто, в том числе и его немногочисленные биографы, не догадались и не донесли «куда следует».

Племянники графа Н.И Панина — братья князья Куракины — с молодых лет были близкими друзьями Николая Борисовича. Никита Иванович Панин стал после смерти отца Юсупова его многолетним доброжелательным советчиком и покровителем.

В 1774 году в жизни князя Николая Борисовича Юсупова случилось событие, которое стало одним из поводов для написания этой книги. 23 лет от роду он вступил в члены Петербургского Английского клуба, который тогда еще не успел отметить даже первого пятилетия своего существования. Отдельные «знатоки» княжеской биографии деликатно говорили мне, что тема «Юсупов и Английские клубы Петербурга и Москвы» — с исторической точки зрения не совсем оправдана, что это натяжка. В этом, наверное, стоит разобраться повнимательнее[72].

Надо полагать, что князя Юсупова, равно как и его потомков,

в Английские клубы обеих столиц силой никто не загонял и членских взносов платить не заставлял. Тем не менее Николай Борисович состоял членом Петербургского Английского собрания (клуба) вплоть до 1810 года, а в Московском Английском клубе состоял с 1810 года и вплоть до смерти в 1831. Более того, обедал в клубе — тут источники расходятся — или в день смерти, или за три дня до того. Вот такое простое арифметическое обоснование книги, которую читатель держит в руках[73].

Много лет князь Юсупов прожил за границей, но все это время не выходил из состава клуба, аккуратно выплачивая годовой взнос, дабы после каждого возвращения не подвергаться новой баллотировке (выборам) в члены клуба и не стоять в ожидании освободившейся очереди (вакансии) на вступление.

Целый год, два срока подряд, князь выполнял хлопотные обязанности клубного старшины, а ведь в это время он занимал уже несколько ответственных государственных постов, требовавших немало времени и сил. Это произошло уже после возвращения Николая Борисовича с дипломатической службы в Европе.

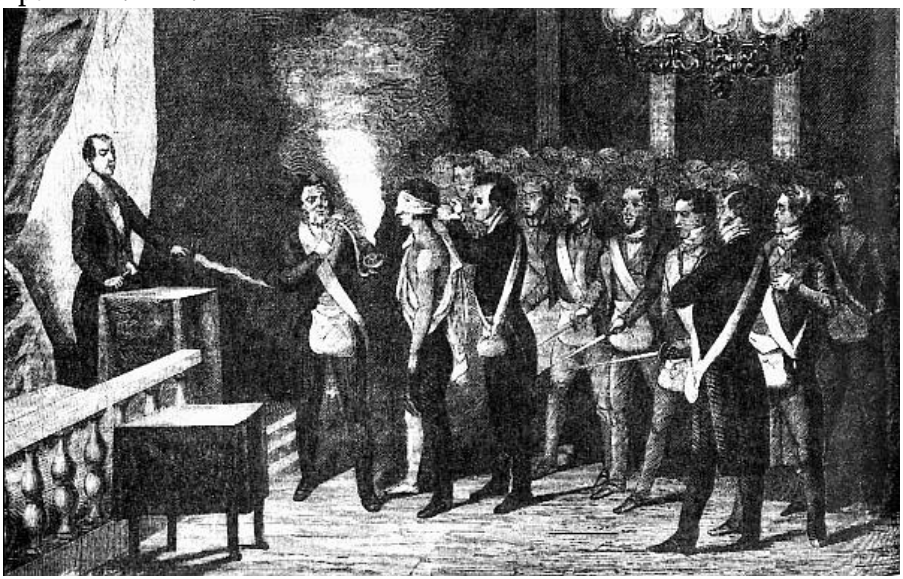
57 лет, пусть и с перерывами, князь Юсупов состоял в Английских клубах столиц России, проводил вечера в клубных залах — обедал, играл в карты, вел оживленные беседы со знакомыми. Соклубники часто обращались к Николаю Борисовичу с просьбами о помощи в делах. Он практически всегда старался помочь. Исключение составляли только деньги — князь не давал в долг.

Немногочисленные клубные документы, сохранившиеся от XVIII века, позволяют сделать одно историческое сравнение. В том же 1774 году в Петербургский Английский клуб вступил главный русский революционер 18-го столетия, которому императрица Екатерина Великая дала краткую, но емкую характеристику: «бунтовщик хуже Пугачева», — Александр Николаевич Радищев. Ему в Алфавитной клубной книге членов был присвоен номер 357, а князю Юсупову — 370 (книга составлялась по итогам года, и вступившие располагались в ней не по датам вступления, а по алфавиту). Радищев долго не задержался в клубных стенах. В следующем году он уже числился «выбывшим», тогда как Николай Борисович «задержался» более чем на полвека.

В том же году великий революционер отправляется искать счастье совсем в другое место — в масонскую ложу. За год до этого Радищев опубликовал перевод книги Мабли «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастия греков», которую снабдил не только обширными собственными

примечаниями, но и весьма содержательным рисунком на титульном листе, преизобилующем масонской символикой. Здесь же не без умысла помещен девиз — «Согласием и трудами» — знающий человек сразу поймет, что к чему, какое согласие «вольных каменщиков». Сочинение это оказалось наполнено прозрачными намеками на пагубность самодержавия не только для греков, но и вообще для всех народов, русского в том числе. Советские историки, разумеется, полностью отрицают какую-либо связь Радищева с «вольными каменщиками», утверждая, что он был «революционером сам по себе», хотя…

Оказался не чужд масонству и главный герой этой книги. Надо заметить, что масонство в России в начале 1770-х годов оставалось явлением сравнительно малознакомым широкому слою образованного общества. Вступить в ложу, узнать что к чему, пощекотать себе нервы таинственными масонскими обрядами пытались многие молодые люди, преимущественно «благородного», то есть дворянского происхождения. Проявляли интерес к масонству и люди зрелого возраста. Императрица Екатерина Великая, тщательно изучив все доступные масонские материалы, писала своему постоянному корреспонденту Гримму: «Перечитав в печати и рукописях все скучные нелепости, которыми занимаются масоны, и с отвращением убедилась, что, как ни смейся над людьми, они не становятся от того ни образованнее, ни благоразумнее. Кто делает добро для добра, какая ему нужда в обетах, чудачествах, в одеяниях нелепых и странных?»[74].



«Прием в масонскую ложу». Гравюра конца XVIII в.

Масонские ложи в екатерининское время стали активно использоваться в качестве инструмента для достижения определенных политических целей. Разумеется, мировое масонство последней четверти XVIII века оставалось далеко не однородным. Безусловно, именно с его помощью удалось свершить Великую французскую революцию и свергнуть многовековую французскую монархию. Подобным же видел революционный путь развития России и Александр Николаевич Радищев. Достоверно неизвестно, сколь высока была его личная степень посвящения — члены ложи делились по принципу многоступенчатости посвящения, то есть открытия членам масонских тайн и возведения как раз ради этого в определенную степень. Сравнительно мягкое наказание, последовавшее за публикацией крамольного «Путешествия из Петербурга в Москву», а также негласное покровительство видных представителей власти в период ссылки Радищева в Илимский острог и немедленное его возвращение на государственную службу в Петербург после смерти Екатерины и воцарения Павла I наводят на многие мысли. К сожалению, Радищев как никто другой из русских писателей 18-го столетия обладал кристальной чистотой слова — и поэтического, и прозаического. Однако свой редкостный дар Александр Николаевич тщательно зарыл в землю, обильно умащенную масонской начинкой. Случись иначе, именно его назвали бы потомки «солнцем русской поэзии».

«Заседание масонской ложи». Гравюра конца XVIII в.

Предположительно масоны смогли привлечь в свой круг даже

наследника престола Павла Петровича (не позднее 1782 года), но это масонство явно разнилось с масонством Радищева и людей его окружения — как по принадлежности к определенной национальной ложе, так и по уровню, по степени посвящения. С помощью масонской организации предполагалось лишить императрицу Екатерину II императорского престола, но не лишать Россию императорской власти и только слегка «модернизировать» монархию. Кто знает, к каким потрясениям государственных устоев мог привести приход к власти «друзей» А.Н. Радищева? Так или иначе, но после возвращения наследника Павла из заграничного путешествия императрица под благовидным предлогом разгромила внешнюю, видимую часть масонских лож в России.

Неизв. художник. «Император Павел I в масонской мантии, в окружении ритуальных предметов». Рисунок. Фрагмент.

Вот что сообщает о масонстве князя Юсупова один из наиболее авторитетных современных исследователей истории масонства А.И. Серков в своем очень подробном, документально обоснованном энциклопедическом словаре «Русское масонство». «В 1771–1772 годах князь Николай Борисович Юсупов посещал петербургскую ложу «Совершенного союза (согласия)», которая действовала с 1 июня 1771 года и строилась по «английской

системе»[75]. О посвящении и о возведении князя в какую-либо степень сведения отсутствуют.

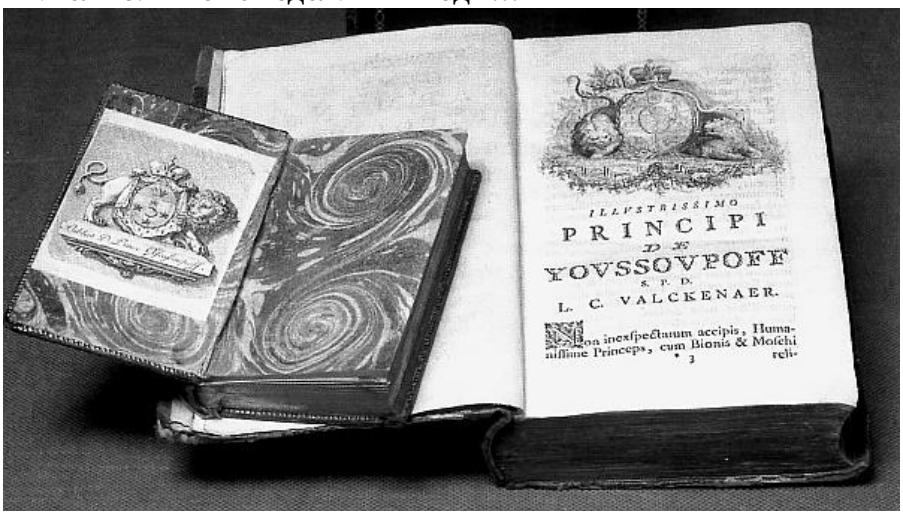
Среди членов этой ложи Серков называет Франца Яковлевича Гарднера — основателя Петербургского Английского клуба, знаменитого зодчего, создателя Казанского собора Андрея Никифоровича Воронихина, графа Алексея Кирилловича Разумовского, достигшего позднее очень высоких степеней посвящения, чему имеются достоверные источники информации.

Хотя надежные сведения о степени посвящения князя Юсупова отсутствуют, многие подробности княжеской биографии говорят о том, что Николай Борисович имел очень высокую степень. Просто князь получил ее не через рядовые петербургские ложи, где обитала публика типа Радищева. Наиболее вероятным представляется членство Юсупова в масонском Мальтийском ордене, куда Николай Борисович мог вступить еще во время своего первого заграничного путешествия. Это обстоятельство позволяет выстроить логичную схему перемещения ордена в России при Павле I, а также узнать истинную причину награждения Николая Борисовича высшим и очень редким отличием в структуре ордена — «командорством». Для истории же оказался важен не сам факт или способ вступления Юсупова в ложу, а результат — князь Николай Борисович использовал свои высокие масонские связи исключительно во благо России.

Крайне скудна история того, что принято называть тайной дипломатией. Николай Борисович долгое время de jure занимал сравнительно невысокие государственные должности, но de facto именно ему поручалось выполнение сложных, порой щекотливых дипломатических заданий. Активно используя свои масонские связи, Юсупов неизменно с честью выполнял возложенные поручения. Правда, при этом князь не забывал и самого себя, пополняя через знакомых художников-масонов собственную и без того необъятную художественную коллекцию уникальными произведениями, которые в ином случае заказать даже за большие деньги явно не удалось бы.

В статье «Французские художники — современники Н.Б. Юсупова», опубликованной в каталоге выставки собрания князя «Ученая прихоть», А.А. Бабин пишет, что *«сам Николай Борисович, скорее всего, не был масоном, но, во всяком случае, мы не располагаем документами о его вступлении в какую-нибудь из лож. Но, по-видимому, русский князь разделял некоторые идеи Братства вольных каменщиков, в особенности те, которые перекликались с эстетическими идеалами эпохи Просвещения и соответствовали его меценатской деятельности»*[76]. Далее автор подробно рассказывает о заказах Юсуповым картин откровенно масонского

содержания виднейшим художникам-масонам, о том, как для него «вдруг» открывались мастерские самых знаменитых мастеров живописи и резца, состоявших в ложах, пробиться к которым с заказом рядовому иностранному вельможе без пребывания в длинной очереди себе подобных считалось практически невозможным, и так далее, и тому подобное. Посвященный читатель сам может сделать выводы…



Книга с экслибрисом князя Н.Б. Юсупова и титульный лист книги Феокрит, Бион, Мосх «Буколическая поэзия, греческая и латинская». Лейден. 1779. На первой странице посвящение князю Н.Б. Юсупову. ГМУА.

Объяснение, пусть довольно субъективное, российского «любопытства» к масонству нашлось в дневнике члена Московского и Петербургского Английского клубов Степана Петровича Жихарева. Прямого отношения к биографии князя Юсупова оно вроде бы и не имеет, но это интересный факт клубной истории конца XVIII столетия, которая все еще не написана, а потому всякий относящийся к этому времени документ представляет ценность. К тому же других столь же достоверных сведений о масонах и знаменитом «Евином клубе» просто не существует.

«Почтенный старик Н.А. Алферьев рассказывал, что известный по преданию так называемый Евин клуб никогда в Москве не существовал и что разгласка о нем была сделана с намерением повредить франк-масонам, которых хотели выставить его учредителями на тот конец, чтобы с большим успехом обратить на них общее негодование и презрение, но между тем он признавался, что если не было никакого подобного тайного общества, то в молодых зажиточных людях, живших в Москве в

совершенной праздности, было какое-то стремление к разврату всякого рода и что он сам вовлечен был этим потоком в непростительные шалости. «Как Бог вынес из этой бездны, в которую мы погружались, — говорил старик, — я до сих пор постигнуть не могу. Кто поверит теперь, любезный, чтоб молодой человек, который не мог представить очевидного доказательства своей развращенности, был принимаем дурно или вовсе не принимаем в обществе своих товарищей и должен был ограничиваться знакомством с одними пожилыми людьми, да и те иногда — прости им Господи — бывало суются туда же! Кто не развратен был на деле, хвастал развратом и наклепывал на себя такие грехи, каким никогда и причастен быть не мог, а всему виною была праздность и французские учители. Да и как было не быть праздным? Молодой человек, записанный в пеленках в службу, в двадцать лет имел уже чин майора и даже бригадира, выходил в отставку, имел достаточные доходы, жил барином, привольно и заниматься, благодаря воспитанию, ничем не умел. Та к поневоле приходила в голову какая-нибудь блажь». Алферьев рассказывал также много кой-чего о масонах и мартинистах того времени. «На них, — говорил он, — много лгали и возводили такие небылицы, какие им и в голову не приходили. Напротив, они были люди очень смирные. Их смешивали с иллюминатами-алхимиками, которых секта была действительно вредна, потому что состояла из явных обманщиков. Эти плуты под предлогом обогащения других наживались сами…»[77].

Жихарев, сделавший эту многозначительную запись отнюдь не ради простого любопытства, сам, похоже, являлся крупным масоном, так что в объективность и уж тем более откровенность его верить трудно, но общий характер настроений основной части русского, а не только московского общества последней четверти XVIII века этот рассказ передает достаточно точно.

Ложи — ложами, но совсем иное дело Английский клуб. Здесь Николай Борисович проводил досуг в кругу близких по духу людей, набирался жизненного опыта у более старших сочленов, устанавливал деловые связи, наконец, изучал кулинарное искусство, большим и редкостным знатоком которого стал в зрелые годы.

В 1774 году (или конце 1773) в жизни Фонвизина и Юсупова случились важные события. Князь подал прошение об отъезде за границу. Драматург удачно женился, — вдова

lКатерина Ивановна Хлопова, рожденная Роговикова, происходившая из «низкого» купеческого звания, принесла в дом

супруга солидное приданое.

Со своим бывшим начальником Юсупов вновь встретился много лет спустя в Италии, в Риме, где трудился на дипломатическом поприще, а Фонвизин считался просто путешествующим иностранцем, скупающим произведения искусства. Встреча была дружественной и растрогала обоих. Случилось это в феврале 1785 года.

Спустя два года драматург отправился на воды Карлсбада для лечения. Вскоре сюда же приехал и его компаньон Клостерман, позднее описавший поездку в воспоминаниях, не совсем точных в датах, но верных в деталях. *«В Вене я немедленно постарался отыскать квартиру Фонвизина… Часто нас прерывали знатные лица, приезжавшие навестить Фонвизина. Так, приезжал князь Н.Б. Юсупов, находившийся в Вене проездом в Турин, куда он был назначен посланником (почти за 10 лет до того. — А.Б.). Он выражал большое участие к страданиям Фонвизина, а мне сделал честь, пригласил меня остановиться у него в Турине, когда я ехал назад из Рима»*[78].

В архиве Внешней политики Российской империи хранится Прошение князя Юсупова на имя императрицы Екатерины II о разрешении отбыть в чужие края для продолжения учебы. Лишь недавно оно было введено в научный оборот кандидатом наук В.М. Симоновой.

«Всемилостивейшая Государыня! Если б и не имел я перед глазами примеров своих предков, служивших с усердием и ревностью Государям своим, то и одна благодарность моя за все милости Вашего Императорского Величества возбудила во мне ревностнейшее желание сделать себя способным к службе Вашей. Тому уже как полтора года как по Высочайшему Вашего Императорского Величества дозволению упражняюсь я по приобретении знания по части дел иностранных; а как для наилучшего в том успеха весьма способствовать мне может собственное мною обозрение дворов Европейских, то приемлю смело всеподданнейше просить Вашего Императорского Величества об увольнении меня на четыре года как для обучения в Лейдене, так и для путешествия. В оное время могу увидеть я все Европейские дворы и воспользоваться направлениями и руководством Ваших министров, там резидующих…»[79].

Пьетро деи Ротари. «Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны». 1761 (?) ГТГ.

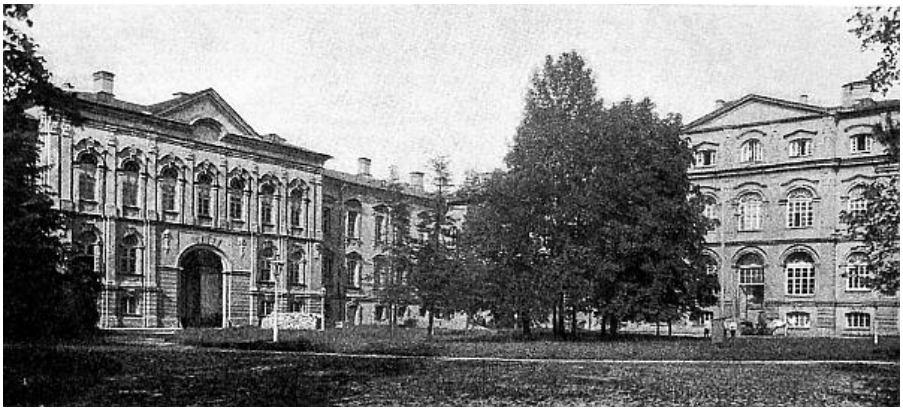
Весьма осведомленный историк Д.Н. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей» сообщает, что *«много путешествующий в молодые годы князь Н.Б. Юсупов был снабжен рекомендательными письмами от Императрицы Екатерины Второй к разным Европейским Государям»*[80].

С разрешения Екатерины и с ее рекомендательными письмами весной 1774 года Николай Борисович отправился в свое первое длительное путешествие по Европе. С небольшими перерывами продлилось оно почти двадцать лет, хотя кто мог догадаться об этом в те весенние дни…

Краткую историю жизни четырех сестер князя Юсупова читатель уже знает. Сестры были старше брата, как водится, тискали и ласкали его в детстве, но особого воздействия на жизнь князя не оказали, скорее наоборот, младший брат постепенно становился старшим в роде, главой семьи. Николай Борисович являлся образцовым семьянином, ко всем своим племянникам и племянницам высказывал всегдашнюю приязнь, старался, по возможности, помогать им. Кажется, ценили это не все…

«Портрет герцогини Е.Б. Бирон». Гравюра.

Тарелка с портретом герцогини Е.Б. Бирон. 1827–1835 гг. Печатальщик Степан Сергеев. Фаянс. Завод князя Н.Б. Юсупова в Архангельском. ГМУА.



Митава Дворец герцога Бирона Фотогр 1900-х гг.

В конце мая 1774 года князь Юсупов посетил свою любимую сестру Евдокию Борисовну в Митаве, в Курляндии, где «застал ее в добром здравии» — у герцога Бирона еще не начались припадки белой горячки[81].

Из Митавы Николай Борисович уехал в Лейден, где специальным курсом университетских лекций, а затем традиционным большим путешествием по Европе завершилось его блистательное образование.

Петербургский Английский клуб играл немалую роль в жизни князя Юсупова, поэтому клубной истории посвящается специальная глава, предшествующая описанию заграничного путешествия Николая Борисовича.

«Портрет Ф. Гарднера, основателя Санкт-Петербургского Английского собрания». Литогр. из журнала «Всемирная иллюстрация».

Глава 7
«Жить русской жизнью». Страницы истории Петербургского Английского клуба

«В Согласии и Веселии».

Девиз Английского клуба

Последняя четверть XVIII века в России — время активных духовных поисков. Результатом их стали не только объединения «просвещенных» людей типа масонских лож, но и клубы. Первые и старейшие среди них — Московский и Петербургский Английские клубы. Ряд позднейших «мыслителей» хотели видеть в клубных сообществах продолжение сообществ масонского толка или собрание лиц строго определенных сословий, например дворян, но история русской культуры свидетельствует о том, что Английские клубы стали прообразами будущего гражданского общества России, а вовсе не отделениями лож «свободных каменщиков». Другое дело, что членство в клубе вовсе не препятствовало состоять в ложе отдельным его членам — это было их личное дело.

Думается, читателю история Петербургского Английского собрания или клуба известна мало. Во избежание путаницы поясню, что в официальном порядке Английский клуб Петербурга носил название собрания, тогда как в обыденной жизни чаще говорили клуб.

Первая и последняя дореволюционная книга о клубе вышла в 1870 году к столетию его основания тиражом в 400 экземпляров и в продажу не поступала.[82] Мною собрано довольно большое количество материалов по истории Английских клубов дореволюционной России, равно как и вообще клубного движения, но публикация всего этого — дело отдаленного будущего. В настоящем издании помещается лишь небольшой очерк клубной истории.

Клубы дореволюционной России появились как продолжение клубных традиций Англии XVII века. В нашу страну они стали проникать в первые десятилетия 18-го столетия, но прижились и обрели законную форму существования лишь в начале правления императрицы Екатерины Великой.

Русско-английские связи ко времени царствования императора Петра Великого насчитывали уже не одно столетие.

Однако только при Петре I иностранцы получили возможность жить непосредственно в среде русского общества, тогда как до этого все «немцы» («немые», не владеющие русским языком), особенно неправославного вероисповедания, обязывались проживать на территории России в своеобразных «чертах оседлости», созданных по типу московской Немецкой слободы, где им, кстати, разрешалось строить собственные молельные дома.

Появление первых русских клубов связано с англичанами. Сохранились сведения о «Великобританском монастыре», или «Бенго-коллегии», существовавшем во времена Петра I. Великий государь усердно посещал «коллегию». Члены этого «клуба» по экстравагантности поведения мало чем отличались от насельников иных католических монастырей эпохи Возрождения, но кое-кому и сегодня хочется вывести клубную историю России именно из этого сообщества весьма оригинальной ориентации.

Выходцев с «туманного Альбиона» в России во второй половине 18-го столетия обитало совсем немного. Известно, что англичане народ очень консервативный, придерживающийся раз и навсегда установленных порядков и обычаев. В каком бы конце света они не жили, везде старались создать собственные, английские клубы. Эта давняя традиция сохранялась на протяжении не только XVIII или XIX, но и XX века. Важно отметить, что английские клубные традиции в России прежде всего оказали влияние на формы проведения досуга. Так, в Москве во второй половине XVIII столетия действовал не только Английский клуб, но и Английский вокзал (тогда писали Воксал) [83].

Мне неизвестно, из посуды чьего производства едят члены Санкт-Петербургского Английского клуба сегодня во время торжественных обедов. Я же при работе над этими страницами пью чай из чашки, которая сделана на заводе отца-основателя Санкт-Петербургского Английского собрания Франца Яковлевича Гарднера в Вербилках. Именно так звали в России энергичного английского купца, приехавшего в Петербург еще в царствование Елизаветы Петровны, в 1746 году. Созданный Гарднером завод — Вербилки — старейшее подмосковное фарфоровое предприятие.

Английский клуб оказал Гарднеру весьма существенную помощь в налаживании деловых связей, в получении заказов на изготовление относительно крупных партий фарфора. Гарднер-предприниматель и общественный деятель, основатель Английского клуба, пользовался большим доверием в обеих столицах. Благодаря связям в Английском клубе ему были заказаны замечательные парадные сервизы для Императорского

Двора, получившие название в честь российских орденов — Георгиевский, Андреевский, Александровский и Владимирский и предназначенные для парадных обедов кавалеров, удостоенных этих наград. Заказы оказались весьма значительными. Так, самый большой, Владимирский сервиз, насчитывал 140 кувертов и стоил громадные деньги — 15 тысяч рублей.

Фарфор и деловые связи в Английском клубе открыли иностранцам Гарднерам доступ в высшее русское общество. Гарднеры — потомки знаменитого англичанина — получили не только гражданство Российской империи, но и дворянство. Высокохудожественный гарднеровский фарфор по праву считается настоящим произведением искусства. Гарднеры всегда стремились выделиться из рядовых предпринимателей. К этому обязывала и дворянская честь, некогда очень высоко почитавшаяся.

В 19-го столетии фрфоровая фабрика перешла к другому члену Московского Английского клуба — «фарфоровому королю» Матвею Сидоровичу Кузнецову, потомку крепостного крестьянина, между прочим. Вербилки и ныне выпускает прекрасную посуду, к которой принадлежит и моя любимая чашка.

Сведения о первых днях существования Английского собрания Петербурга помещены в книге, которую издали его старшины к столетнему юбилею клуба: *«В первые годы славного Екатерининского царствования многие из прибывших в Петербург иностранцев, большей частью англичан, людей торговых, приняли обыкновение собираться несколько раз в неделю в одной из здешних гостиниц, содержимой выходцем из Голландии Корнелием Гардинером. Тут, отдыхая от трудов и коммерческих расчетов, за стаканом вина или пива или за трубкою кнастера, они проводили время в веселых разговорах, в чтении газет или играли в карты, в коммерческие игры. Но в начале 1770-го года дела хозяина гостиницы приняли неблагоприятный оборот, и он вынужден был закрыть заведение. Тогда один из обычных посетителей, фабрикант Франциc Гарднер, тот, чей игривый портрет красуется в одной из зал Собрания, предложил своим сотоварищам основать особое, самостоятельное общество, или клуб, приискать для оного приличное помещение и все хозяйство поручить разорившемуся Гардинеру. Предложение было единодушно принято 38-мью из посетителей закрытого заведения, большей частью англичанами; вскоре всех учредителей набралось 50 человек, и таким образом было положено основание Общества, названного в честь большинства «Английским Собранием». 1 марта 1770 года господа соучредители подписали устав Собрания из 12 пунктов. Девизом*

клуба стали слова: «Concordia et Laetia», что в переводе с латыни означает «Согласие и Веселие»»[84].

К 1780 году число членов собрания выросло до 300 и более уже никогда этот порог не переходило. Клубное сообщество состояло из «сливок» столичного общества и много лет оставалось в большой моде. Членский взнос в Английском собрании в 1770 году составлял 10 рублей ассигнациями. В 1795 году он увеличился уже до 50 рублей. По тем временам это были весьма приличные деньги.

Чисто английским, то есть иностранным, собрание оставалось недолго. 13 марта 1770 года были избраны первые его старшины-иностранцы — Конрад Готфрид Кюзель, Карл Яков Книпер, Роберт Гай, Петр Леванус, Эдвард Фогг, Эрнст Яков Опитц. Уже в сентябре того же года прошло избрание первых русских старшин: Петра Андреевича Полянского, Николая Васильевича Перфильева, Владимира Игнатьевича Лукина[85].

Завод Гарднера. Молочник из солитера. Последняя четверть XVIII в. Частное собрание.

Петербург первых лет существования Английского собрания — настоящая столица веселья и всевозможных клубов. Мода на разнообразные клубные сообщества в былые времена указывала на стабильность общественной жизни страны, общего ее положения. Вскоре после Английского собрания возник «Шустер-клуб», который в 1772 году стал именоваться «Большим бюргерским клубом». «Санкт-Петербургское первое общественное собрание» постепенно сделалось Немецким клубом. В конце 18-го столетия в столице действовало еще несколько клубов, в том числе и Музыкальный, члены которого собирались для совместного наслаждения музыкой.

Немало появлялось клубов-однодневок, подобных тем, что и сегодня растут как грибы после дождя.

Фасад особняка Английского собрания на Дворцовой набережной. Фотогр. 1910-х гг.

Уже вскоре после основания Петербургский Английский клуб стал самым уважаемым и модным среди других клубов столицы Российской империи. Свидетельством тому является письмо одного из всесильных тогда братьев Орловых — графа Владимира Григорьевича, который писал, что *«… здесь много веселья, балы-*

маскарады, при дворе ставят комедии, устраивают ассамблеи по очереди в домах дворян каждую неделю. Здесь открылся новый вид собраний, называемый «Клуб». Это похоже на кофейню, и вступило 130 человек. Годовой взнос — 30 рублей. Почти все — важные люди и есть тоже ученые, актеры и купцы. Можно приходить в клуб в любое время дня, утром и днем. Тех, кто хочет вступить, выбирают голосованием». Письмо позволяет предположить, что Английский клуб, начал свою деятельность уже в 1769 году, задолго до 1 марта 1770 года, когда последовало официальное утверждение его устава[86].

С первых лет существования в Английское собрание старались вступить представители самых знатных фамилий России. «Нечего говорить, что тон общества был наилучшим. За весьма малым исключением не происходило ничего, похожего на какое-нибудь неприличие», — писал почти столетие спустя многолетний член клуба М.Н. Лонгинов, который специально занимался изучением клубной истории. Это он составил книгу к столетнему юбилею Петербургского Английского собрания; собирал материалы и о Московском Английском клубе[87].

Портретная Английского собрания Петербурга. По стенам размещены фотографии всех почетных членов клуба. Фотогр. 1910-х гг.

День 1 марта 1770 года ознаменовался подписанием первого Устава Петербургского Английского клуба, каковой потом несколько раз редактировался, но в основе сохранился вплоть до

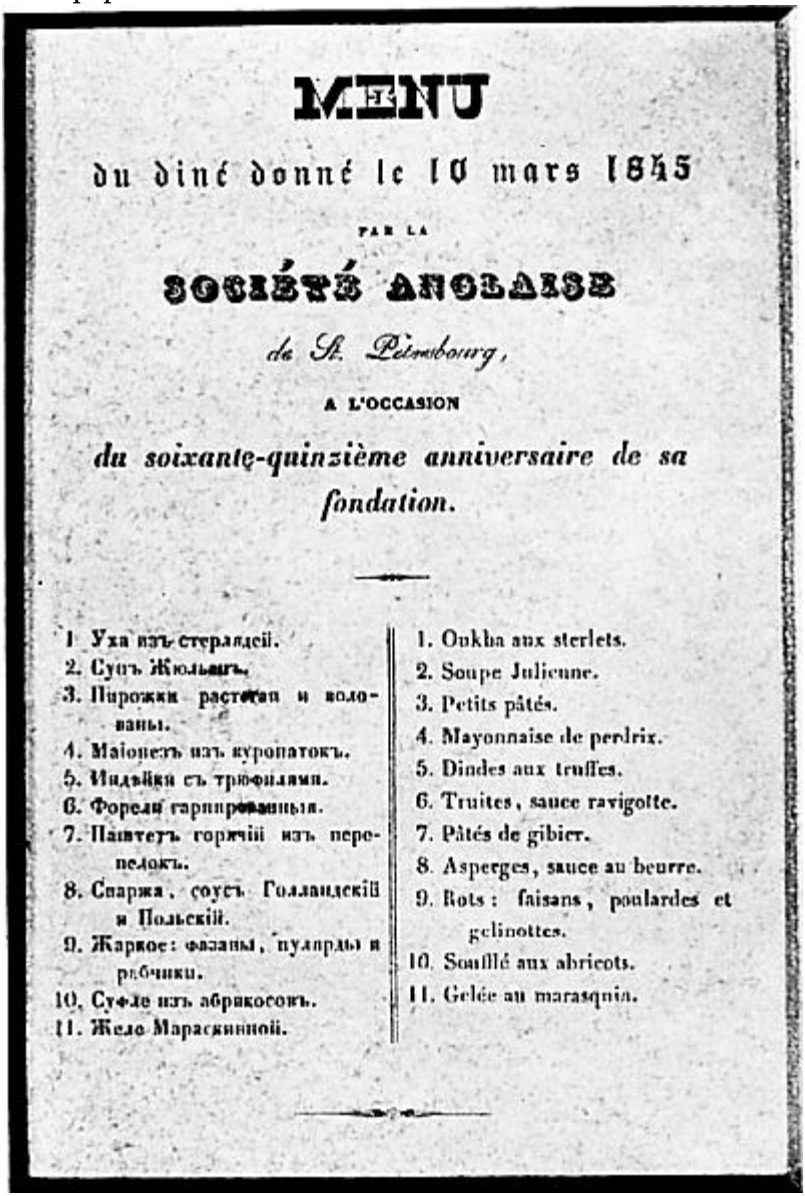
1917 года. В память об этом событии отмечался и условный день рождения Собрания. В первую субботу после 1 марта в клубе устраивался торжественный клубный обед с ухою, называвшийся годовым. За стерлядью для него нарочно посылали в Москву. Мне не удалось пока собрать достаточных сведений, чтобы подробно рассказать читателю о кухне Петербургского Английского клуба. В Москве клубная кухня считалась самой лучшей в городе, а работа ее поваров — почиталась искусством.

Из питерской истории известен такой любопытный факт. Вплоть до октября 1917 года в Петербургском Английском клубе главным поваром трудился знаменитый Демьян, который до этого служил поваром у известного знатока кулинарного искусства, члена Московского и Петербургского Английских клубов Юрия Степановича Нечаева-Мальцова[88]. Нечаев-Мальцов прославился не только в качестве знаменитого гастронома и крупного промышленника, на чьих заводах производилась едва не четверть всего русского стекла. Он стал главным благотворителем, фактическим создателем Московского музея изящных искусств (ныне изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Бывший повар Нечаева получал в клубе жалованье в десять тысяч рублей ежегодно. Не всякий крупный государственный чиновник той поры имел такой оклад-жалованье.

Большая столовая Петербургского Английского собрания. Фотогр. 1910-х гг.

На годовом клубном обеде согласно давней традиции

присутствовал весь дипломатический корпус, аккредитованный в Петербурге. Секретари и иные служащие иностранных посольств и консульств имели право посещения Английского собрания в качестве гостей без предварительной записи. Дипломаты бывали и в Московском Английском клубе, но регулярное их посещение обычно оформлялось как постоянное членство.



MENU

du diné donné le 10 mars 1845

PAR LA

SOCIÉTÉ ANGLAISE

de St. Pétersbourg,

A L'OCCASION

du soixante-quinzième anniversaire de sa fondation.

1. Уха изъ стерляжей.
2. Супъ Жюльенъ.
3. Пирожки растегаи и коло-ваны.
4. Майонезъ изъ куропатокъ.
5. Индѣйки съ трюфелями.
6. Форели гарнированныя.
7. Паштетъ горячій изъ пере-пелокъ.
8. Спаржа, соусъ Голландскій и Польскій.
9. Жаркое: фазаны, пулярды и рябчики.
10. Суфле изъ абрикосовъ.
11. Желе Марасквиной.

1. Oukha aux sterlets.
2. Soupe Julienne.
3. Petits pâtés.
4. Mayonnaise de perdrix.
5. Dindes aux truffes.
6. Truites, sauce ravigotte.
7. Pâtés de gibier.
8. Asperges, sauce au beurre.
9. Rots: faisans, poulardes et gelinottes.
10. Soufflé aux abricots.
11. Gelée au marasquin.

Меню обеда в Английском Собрании в 1845 г.

В октябре 1798 года Английское собрание Петербурга учредило звание почетного члена клуба. Первым его удостоился

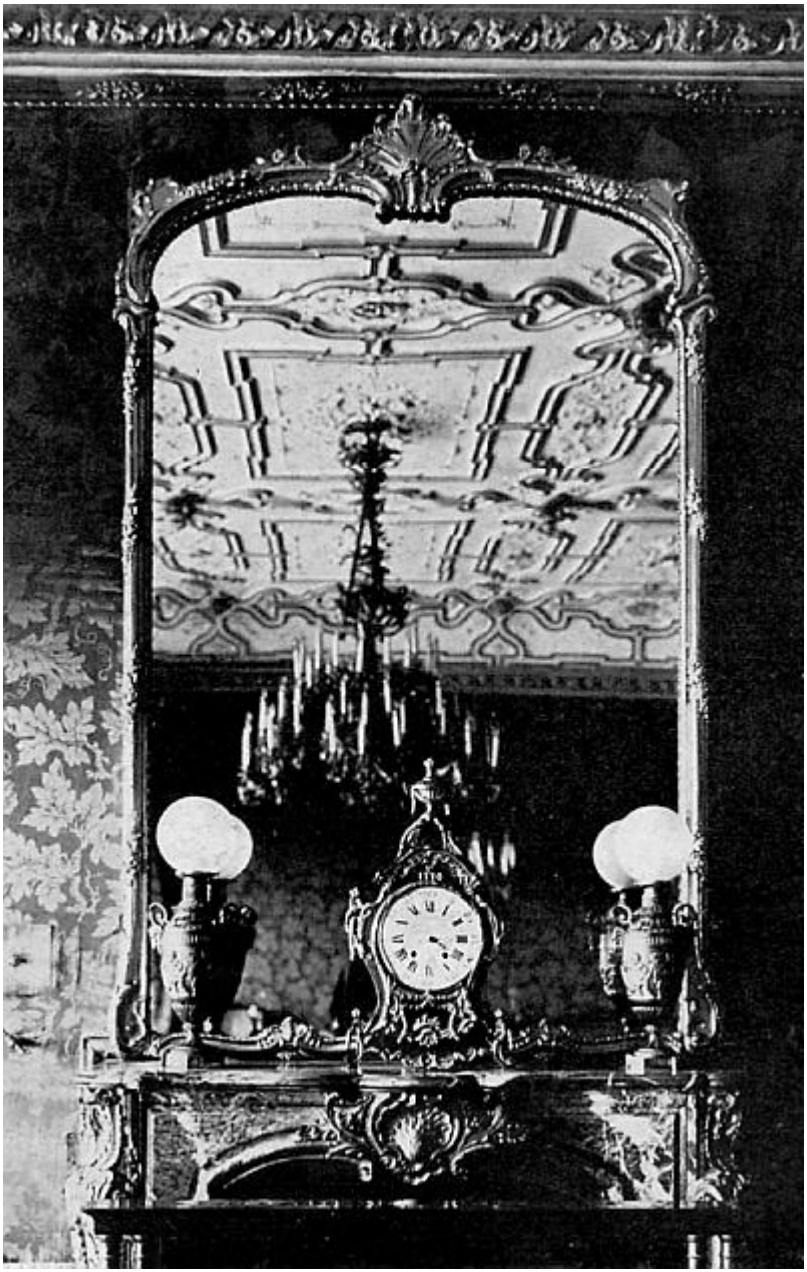
генерал-прокурор, Действительный Тайный Советник князь Петр Васильевич Лопухин, сумевший отстоять клуб от царской немилости. По преданию, целых три дня клуб не мог открыться по именному повелению императора Павла I, но чудо все же случилось… Кстати, Московский Английский клуб, закрытый едва не в тот же день, по древней московской лени возобновлен был лишь в 1802 году. Для сохранения Петербургского клуба Лопухин весьма мудро соврал императору, сказав, что в сем собрании занимаются только игрою в бостон и ламуш, но никаких разговоров, особенно «противу властей», не ведется, а члены клуба только и делают, что пьют за здоровье Государя. Павел ему поверил и разрешил открыть клуб. К тому же в Английском собрании состояло много его личных друзей, в чьей порядочности он не сомневался. Князь Николай Борисович Юсупов был среди них.

Император Павел в качестве своеобразной «компенсации» запретил употребление слова «клуб», благо в Петербурге действовало «собрание». Павел вполне обоснованно боялся якобинской заразы, боялся даже отдаленного подобия парижских якобинских клубов, имевших такое большое и трагическое влияние на развитие Великой французской революции, которая уничтожила великую державу. Как следствие этого, русский император боялся вообще какого-либо, пусть даже косвенного напоминания о них. Когда же императору из политических соображений пришлось присоединиться к континентальной блокаде Англии, то он постарался запретить в России и все английское. Клубы, разумеется, тоже. По Петербургу ходили слухи, что в 1801 году в Михайловском замке государственный переворот и убийство царя совершили члены весьма влиятельной проанглийской или англофильской партии. Многие из «цареубийц» состояли в Английском собрании — и легко догадаться, о чем тогда шла речь в его стенах…

Со дня «спасения» клуба от закрытия звание его почетного члена присуждалось весьма нечасто. В марте 1813 года, когда пришло время платить членские взносы, к Старшинам Петербургского Английского клуба с письмом обратился его многолетний член — знаменитый русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. Он писал, что по обстоятельствам военного времени не имеет возможности вовремя возобновить свой клубный билет, а терять членство в клубе ой как не хочется. В ответ Старшины единогласно решили послать спасителю Отечества диплом почетного члена и особое письмо, которые, увы, уже не застали Кутузова в живых. Этот небольшой факт

прекрасно характеризует значение Английского клуба в жизни русского общества, — во время труднейшей военной кампании полководец вспоминал о клубной кухне, о любимом клубном диване и клубной библиотеке. Московский Английский клуб тогда же присвоил Кутузову звание почетного члена.

Попасть и в рядовые члены Петербургского Английского клуба представлялось делом весьма непростым. Число состоявших в нем лиц по понятным причинам всегда ограничивалось. В 1770 году — 200 человек, в 1771 — 250, в 1780 — 300, в 1817 году — 350, а с 1853 — 400. Более это число уже никогда не увеличивалось, хотя список кандидатов на вступление редко насчитывал менее тысячи жаждущих (в Москве число членов клуба полагалось до 600).



Зеркало и часы в одной из клубных гостиных. На часах обозначен год основания клуба — «1770». Фотогр. 1910-х гг.

Одна из традиций Английского клуба — его годовые торжественные обеды, которые всегда становились заметным явлением общественной жизни России. Во время обедов по традиции произносились речи. Иной раз выступал сам канцлер А.М. Горчаков, считавшийся одним из лучших ораторов старой

России. Традиционно вся «политика» запивалась пуншем и жженкой. Не так ли началась столь модная теперь «дипломатия без галстуков», ведь на обедах, согласно традиции, присутствовал дипломатический корпус? Еще один ежегодный торжественный обед, носивший название Старшинского, давали членам клуба его новоизбранные Старшины. Обычно он назначался на середину мая.

В 1866 году Английский клуб устроил торжественный обед по случаю приема в Петербурге американских моряков. Это была одна из первых официальных российско-американских встреч. Сохранилось меню того обеда, исполненное на высоком художественном уровне. Вообще всякий торжественный клубный обед сопровождался специально заказанным художественным меню. Клубное сообщество торжественными обедами отмечало многие важные общественно-политические события в жизни России. Торжественный обед стал также формой публичного чествования всякого заслуженного человека.

Портретная комната Английского собрания Петербурга. По стенам размещены портреты русских императоров, кроме Павла I, при которых работало собрание. Фотогр. 1910-х гг.

Клубные Старшины нашли такое определение участия Английского собрания в жизни страны. *«При общественных радостях и ликованиях оно (Английское собрание. — А.Б.) единодушно присоединялось к этим торжественным заявлениям народного чувства блистательными своими празднествами; в*

годину бедствий и испытаний оно приносило и свою лепту в народные сборы и пожертвования»[89].

В качестве благотворительной помощи только за первое столетие своего существование Английский клуб Санкт-Петербурга передал различным учреждениям до 90 тысяч рублей серебром. Кроме того, в клубе имелась, как и в Москве, особая касса для помощи бедным людям, в которую каждый член клуба мог послать с запиской нуждавшегося в средствах человека.

Многие выдающиеся деятели русской культуры состояли членами Английского собрания. Среди них — И.А. Крылов, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский. Очень помог клуб Г.Р. Державину. Приехав с «ловли Пугачева», поэт имел в кармане едва 50 рублей. Он стал играть в карты за клубным столом. Державину везло и в карты, и в любви, что случается в жизни крайне редко. Благодаря ломберному столу поэт основательно поправил свое материальное состояние и к картам более не прикасался до конца жизни, чего никак нельзя сказать о другом русском поэте — Николае Алексеевиче Некрасове.

Одна из гостиных Петербургского Английского клуба, предназначенная для карточной игры. Фотогр. 1910-х гг.

Среди знаменитых клубных карточных игроков-профессионалов поэт-демократ занимал выдающееся место. Демократия в ту пору доходов приносила мало, так что ему для пополнения скудеющего кошелька столбового дворянина

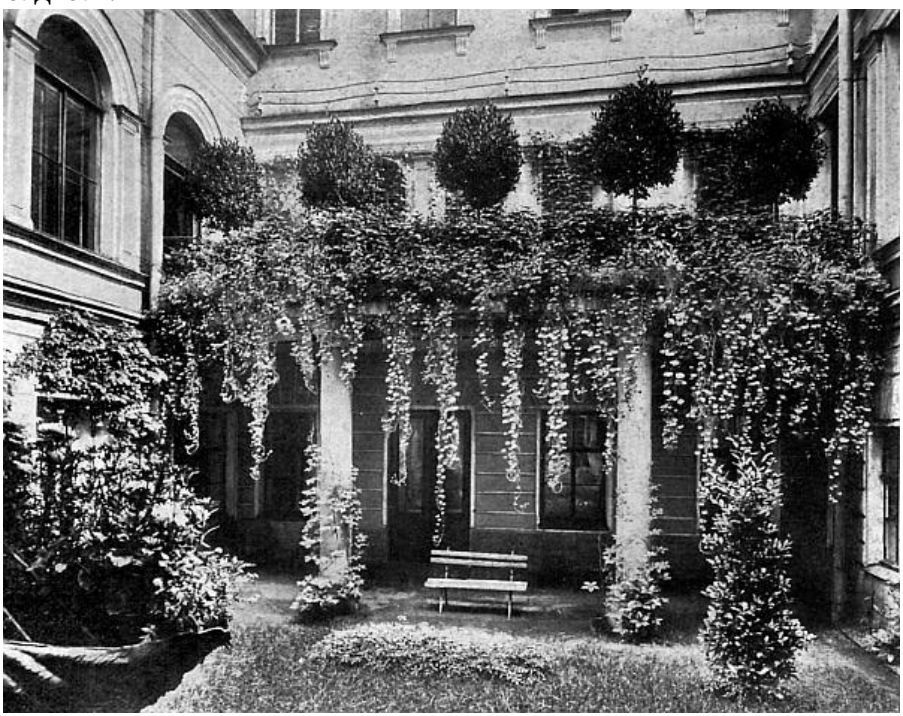
приходилось много времени проводить за карточным столом в Английском клубе, а вовсе не за редакционным столом своих демократических журналов. Самый крупный разовый выигрыш Некрасова составил 83 тысячи рублей. Всего же, по слухам, Николай Алексеевич выиграл в клубе более миллиона…

Клубный стол поэт-демократ не раз делил с журналистом И.И. Панаевым, с которым ему также приходилось делить и блистательную мемуаристку Авдотью Яковлевну Панаеву. Панаев посвятил Английскому собранию только скучноватый «натуралистический очерк», тогда как Николай Алексеевич рассказывал о клубе на страницах многих произведений. Это стихотворения «Признания труженика», «Послание к Лонгинову», «Газетная» (стихотворение получило название по одной из клубных комнат). Некрасов посвятил повседневной жизни клуба даже небольшую пьеску «Осенняя скука».

Английскому собранию Петербурга не очень повезло с арендуемыми зданиями. Их приходилось довольно часто менять. Первоначально клуб располагался в доме одного из учредителей Конрада Кюзеля на Ново-Исаакиевской улице, а затем регулярно переезжал. Один из адресов — дом графа П.А. Бутурлина на Мойке около Синего моста. Любопытно, что в окрестностях этого уголка Петербурга клуб размещался три четверти века. От Бутурлина клуб переехал в дом графини Скавронской у Красного моста, затем в соседний дом Таля. В 1830 году клуб переместился через Демидовский переулок в дом Демидовых. Члены клуба считали его самым удобным для своего времяпрепровождения. Здесь при клубе имелся порядочный парк, куда на летнее время переносились многие клубные занятия. Демидовский дом привлекал многих гостей. Старшины утверждали, что заядлые игроки никак не хотели покидать его гостеприимные стены вплоть до самого утра, в результате чего штрафные суммы резко возросли. Однако хозяйка отказалась продлить контракт на аренду домовладения, и клубу опять пришлось скитаться по Петербургу — дома Эйхлера и Бернардаки принимали клуб в своих стенах. У Бернардаки клуб оставался с 1860 до 1891 годы, когда для клубного сообщества наконец-то был приобретен собственный роскошный особняк на Дворцовой набережной, бывший некогда дворцом князей Радзивилл.

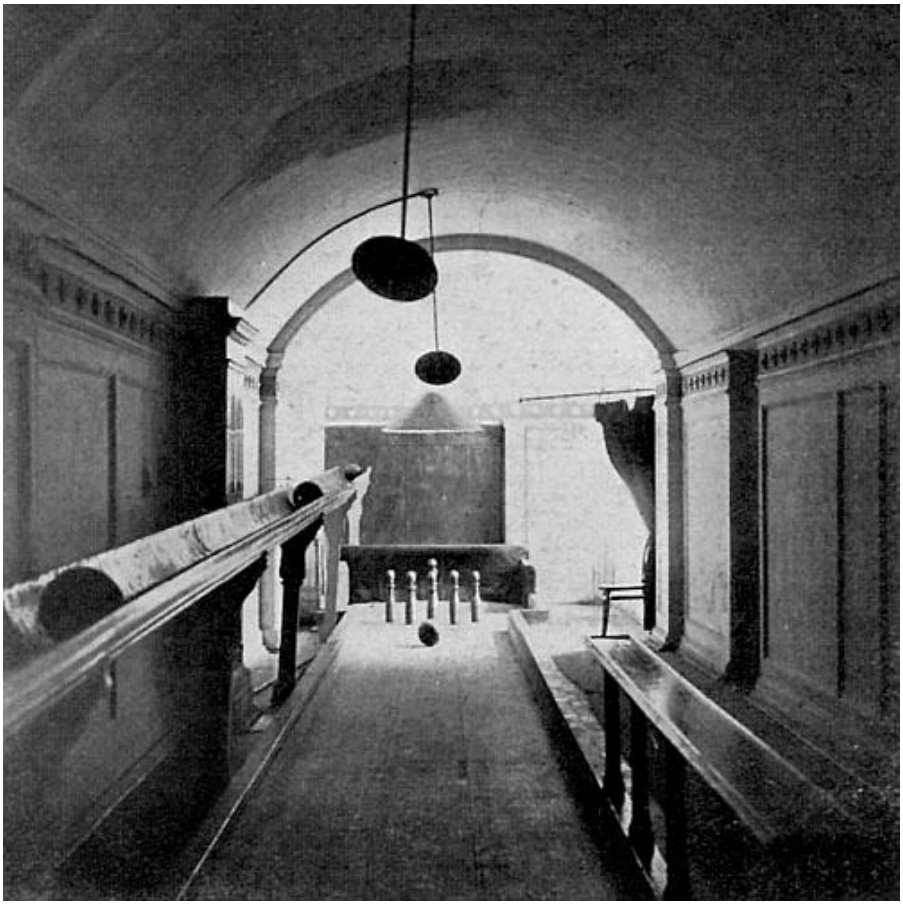
Сохранившиеся немногочисленные фотографии рассказывают о том, как выглядел последний клубный дом перед революцией. Здесь имелись большая столовая и несколько парадных гостиных, предназначенных преимущественно для карточных игр. В «портретной», где также играли в карты, стены украшали царские

портреты в рост. Не нашлось здесь места только одному портрету — императора Павла Петровича. Причина такой исторической несправедливости вполне понятна и даже извинительна. В клубе хранилась довольно значительная по объему библиотека. Традиционный для парадных петербургских зданий небольшой внутренний дворик всегда украшали цветы «благодаря одному из Старшин, страстному любителю цветов, барону А.Г. Кнорингу», — сообщал «журнал шикарной жизни» «Столица и усадьба».



Внутренний двор Английского собрания Петербурга, озелененный Старшиной клуба А.Г. Кнорингом. Фотогр. 1910-х гг.

Последние исследования петербургских историков выявили источники, где говорится о существовании клуба вплоть до весны 1918 года, когда борьба Петроградского совдепа с азартными играми поставила жирную точку в полуторавековой истории Петербургского Английского собрания. Нуждаются в дополнительном подтверждении сведения о том, что в эпоху НЭПа в той или иной форме клубы в Петербурге оказались возрождены, но главная их задача тогда заключалась отнюдь не в политических разговорах и выработке общественного мнения — все ограничивалось карточными и обеденными столами.



«Закрытый» кегельбан Петербургского Английского собрания. Фотогр. 1910-х гг.

Санкт-Петербургское Английское собрание (клуб). Парадная лестница собственного особняка клуба на Дворцовой набережной. Фотогр. 1910-х гг.

Заканчивая этот небольшой исторический очерк, мне еще раз хочется обратиться к словам клубных Старшин, написанных в год столетия клуба. *«Английское собрание, целый век существуя под нерусским названием, обрусело с первых же годов от рождения и названия своего не чуждается. Оно всегда жило исключительно русской жизнью, и все знаменательные народные события встречало всегда с глубоким, искренним сочувствием»*(Столетие…).

С сожалением приходится вспоминать о том, что Английское собрание Петербурга в XX столетии активно предавалось забвению. В фундаментальной советской энциклопедии «Петербург, Петроград, Ленинград» ему не посвящено ни единой строчки, хотя о других клубах написано предостаточно. Упомянут

даже какой-то мелкий дореволюционный клуб студентов…[90].

Пробыв в членах Петербургского Английского собрания всего два года, князь Николай Борисович Юсупов отправился в длительную заграничную поездку, вернувшись из которой он возобновил свое членство в клубе.

Ж. де Самсуа «Портрет князя Н.Б. Юсупова» 1-я половина 1760-х гг. Миниатюра ГМУА

Глава 8
Из жизни лейденского студента

Занятия вызывают очарование как любовница.

Князь Н.Б. Юсупов

Желаю быть неутомимым
Я Вам любовником наук.
И счастья баловнем счастливым…

П. Бомарше

В середине XVIII столетия высшее образование в России только зарождалось. Поэтому вполне понятен интерес русской молодежи к иностранным университетам, где к этому времени был накоплен обширный научный и педагогический опыт, хотя университетская учеба представляла собой отнюдь не простую увеселительную поездку, а довольно тяжелый, систематический труд. Большинство молодых русских аристократов хотели в стенах иностранных университетов лучше подготовиться для службы Отечеству. Документальных подтверждений тому сохранилось немало[91].

Князь Николай Борисович Юсупов в России XIX столетия одними почитался большим развратником, другими — большим ученым. Как водится, каждый судил в меру своей испорченности. Вот что писал о Юсупове внуку князя, его полному тезке Николаю Борисовичу-младшему, выдающийся русский библиофил, человек очень образованный, а равно и желчный, не стеснявшийся в своих отрицательных оценках, особенно в ядовитых эпиграммах, — Сергей Александрович Соболевский: *«Всей московской публике известна особенная любовь к изящным искусствам сего, как выразился о нем Пушкин, питомца Аристипповой школы… Но не всем известно, каким обширным знанием литературы, древней и новой, обладал князь. И нет сомнения, что многие с удивлением услышат, что он был отличный знаток в греческом и латинском языках. Мы знаем, как при появлении «Эдипа» Озерова в домашней беседе с некоторыми любителями литературы, между которыми был И.И. Дмитриев, князь, сравнивая подражание с оригиналом, цитировал целые места из Софокла, переводя их по-русски, и*

удивил всех обширною ученостью и тонким вкусом»[92]. С.А. Соболевский, равно как и И.И. Дмитриев, были хорошими знакомыми Николая Борисовича по Московскому Английскому клубу. Соболевский среди немногих считал князя «большим ученым», а он знал толк не только в науках — подлинных и мнимых, но и в людях науки.

Неизв. художник (Ж. Де Самсуа?). «Портрет князя Н.Б. Юсупова». Начало 1770-х гг.? Местонахождение неизвестно. Репрод. из сб. «Юсуповский дворец». Атрибуция А.В. Прахова.

Пробыв недолгое время в гостях у сестры в Митаве, летом 1774 года Юсупов отправился в Лейден прослушать в тамошнем университете курс наук. Путь из Курляндии в Голландию тогда представлял собою довольно дальнее и любопытное путешествие, дававшее немало пищи пытливому уму. Юсупов проехал Данциг, Берлин, Гаагу, бегло осмотрев их наряду с другими встречавшимися по пути городами.

Неизв. художник. Иллюстрация к немецкому изданию «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. Гравюра. 1-я четверть XIX в.

«Начиная с Гамбурга до Цволе, только песок и грязь, — писал Николай Борисович своему приятелю, постоянному корреспонденту и соклубнику Александру Борисовичу Куракину, к тому времени из Лейдена уже уехавшему. — Мне было любопытно посмотреть порт Амстердама со стороны моря, и я сел на корабль.

Я был в пути 18 часов… когда мы оказались в море, ветер

стал сильным, вся команда заболела. Кроме меня, и я был очарован этим открытием. На полтора дня я остановился в Амстердаме, откуда я прибыл в Гаагу… Я застал в Гааге господина Дидро; он издал в Амстердаме сочинение, переданное г. Бецким о учреждениях, созданных нашей Государыней. Здесь только и говорят о наших завоеваниях и славном правлении нашей Великой императрицы. С первой почтой я напишу графу: я не делаю это сейчас, так как я еще не в состоянии сделать ему план моих занятий. Но, дорогой друг, будьте любезны передать ему, что я прибыл. Имя философа, которое Дидро себе приписывает, — современно, так как в доме князя его называют этим именем». Гаага, 11 июля 1774 года[93].

Потсдам. Сан-Суси. Библиотека. Фотогр. 1900-х гг.

Можно с уверенностью утверждать, что учеба Николая Борисовича в Лейдене оказалась не просто данью моде. В университете князь получил знания, к которым давно стремился и которыми затем пользовался в продолжение всей жизни.

В те времена высшее образование русского юношества в чужих краях имело некое условное разделение. Те, кто принадлежал к рядовому дворянству, отправлялись учиться преимущественно за казенный счет в Лейпцигский университет, кто побогаче и породовитей — в Лейденский, но уже за счет собственный.

Благодаря великому революционеру и писателю Александру Николаевичу Радищеву, попавшему в качестве бывшего пажа Императорского Двора в Лейпцигский университет, сохранились подробности жизни небогатых русских студентов за границей. Вместо получения добротных знаний — одни скандалы, выяснение денежных и иных отношений, жалобы высшему начальству. Одним словом, типичная жизнь мелких российских провинциалов.

Странным образом жизненные пути Радищева и Юсупова несколько раз пересекались. Они оказывались почти в одинаковых ситуациях, когда судьба предоставляла сделать выбор… Скорее всего, лично Александр Николаевич и Николай Борисович знакомы не были, хотя и могли встречаться в стенах Петербургского Английского собрания, но едва ли обратили друг на друга внимание.

95 1/56

C. PLINII SECUNDI

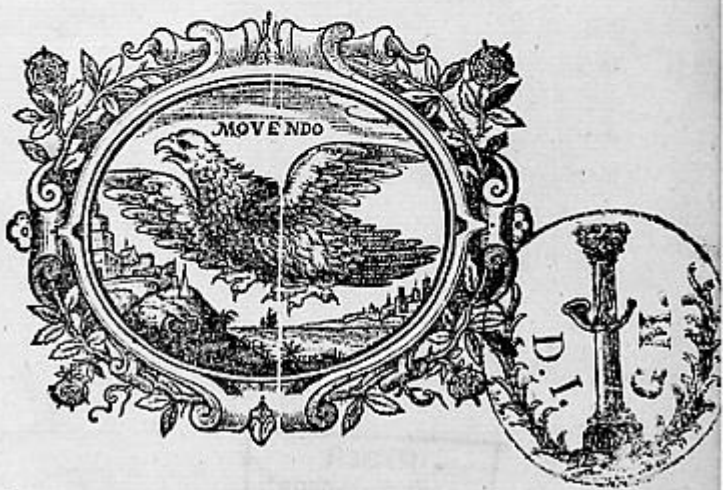
NATURALIS HISTORIÆ,

TOMUS PRIMUS.

Cum Commentariis & adnotationibus HERMOLAI BARBARI, PINTIANI, RHENANI, GELENII, DALECHAMPII, SCALIGERI, SALMASII, Is. VOSSII, & Variorum.

Accedunt præterea variæ Lectiones ex MSS. compluribus ad oram Paginarum accurate indicatæ.

Item JOH. FR. GRONOVII Notarum Liber Singularis ad Illustrem Virum *Johannem Capelanum.*



LUGD. BATAV. ROTERODAMI. } Apud HACKIOS, A°. 1669.

94 4.

6582

Плиний-младший. Естественная история. Т.1. Лейден; Роттердам. 1669. Титульный лист с типографской маркой и печаткой. Библиотека князя Н.Б. Юсупова. ГМУА.

Про обстановку в Лейденском университете, про свою учебу Николай Борисович регулярно рассказывал в письмах к друзьям Куракиным[94]. В Лейдене Николай Борисович пробыл с середины июля 1774 по февраль или начало марта 1776 года. Программу его учебных занятий одобрил граф Никита Иванович Панин частью еще в Петербурге. Он же, видимо, дал Юсупову рекомендательное письмо к русскому посланнику в Гааге князю Дмитрию Алексеевичу Голицыну (1734–1803), который, в свою очередь, рекомендовал князя в Лейденский университет, куда без протекции даже с деньгами попасть оказалось не так-то просто.

Князь Голицын в эти дни, в июле 1774 года, принимал в своем гаагском доме возвратившегося из Петербурга знаменитого французского философа Дени Дидро, с которым они были дружны. Юсупова представили гостю. По всей видимости, представление это не ограничилось лишь светскими любезностями — разговор с юным русским князем, отличавшимся остротой ума, наверняка оказался интересен знаменитому философу.

Лейденский университет в 1770–1776 годах стал своеобразным центром небольшой русской колонии — отпрыски преимущественно петербургских аристократических семейств получали здесь высшее образование. Среди них — братья Н.П. и С.П. Румянцевы, граф Н.П. Шереметев, два князя Волконские, граф Сиверс, князья Гагарин и Н.А. Голицын, граф С.С. Апраксин, ближайшие друзья Юсупова — братья Александр Борисович и Алексей Борисович Куракины.

Руководил группой русских студентов Карл Сальден — брат известного дипломата. Среди преподавателей университета были крупные ученые — Фридрих Вильгельм Пестель и Жак Николай Алламан. Занятия, судя по переписке князя Юсупова, строились преимущественно по индивидуальному плану, но имело место посещение общих лекций в университетских аудиториях. Отношения между профессорами и учениками складывались самые дружественные и сохранились на многие годы.

Николай Борисович прослушал курсы: права, философии, политической истории, естественной истории; занимался ботаникой, физикой, химией, математикой, анатомией. Кроме того, в учебную программу князя входили — латынь, древнегреческий, итальянский, английский языки, а также занятия живописью и музыкой.

«Сегодня неделя как я занимаюсь, — сообщал Николай Борисович Куракину 21 июля 1771 года. — Я передал Ваше письмо г-

ну Пестелю, и я его застал таким образом, каким Вы его мне обрисовали. Ваше письмо мне было большим подспорьем, так как Вы с ним близки духовно и одного образа мышления… Пестель дает мне два занятия в день: утром — государственное право, во второй половине дня — историю философии. Даже в пятницу он дает мне один урок, что обычно не делает. Г-н Алламан заставляет меня заниматься физикой. Керру ежедневно преподает мне латинский язык; Митчелл, английский министр, учит меня этомуязыку; музыка и рисование заполняют оставшееся время. Но когда закончатся каникулы, я займусь ботаникой. Я живу на Бреет-стрит, рядом с голландским Двором…»[95].

Р. Бромптон. «Портрет князя А.Б. Куракина». 1781. ГТГ.

Год спустя Юсупов пишет Куракину об окончании учебных курсов права, философии, политической и естественной истории. *«Я доволен как нельзя больше г-ном Пестелем и г-ном Алламаном… Занятия вызывают очарование, как любовница, с той разницей, что обладание любовницей знакомит Вас с ней тотчас, а при занятии возникают все новые желания, и эта перспектива, достичь которую никогда невозможно… В чем я не заверил бы никого, уезжая из страны, это то, что я не касался ни*

одной женщины… Я остаюсь здесь, чтобы посещать занятия Рипкепиуса и Фалькенара. В свободное время я изучал греческий и латинский и достиг понимания. Я продолжаю изучать химию у Брандта… Зимой я буду посещать занятия по анатомии Стантифора… Я имел честь написать Графу, Вашему дяде, спросите у него, одобряет ли он мой план»[96].

Имена всех лейденских преподавателей Юсупов для памяти записал на форзаце одной из первых своих «альдин» — «Комментарии к письмам Цицерона Павла Мануция». Книга и без этой надписи имела уже в то время немалую библиографическую ценность. Для биографии Николая Борисовича она оказалась ценна вдвойне. «Я купил эту книгу в период моего пребывания в Лейдене 7 марта 1774 года», — надписал ее князь. *(датировка и перевод Е.В. Дружининой)*[97].

Во время учебы у Юсупова укрепился давний интерес к античности, вообще характерный для людей эпохи Просвещения. В Юсуповском архиве сохранилось письмо к Николаю Борисовичу его учителя, известного эллиниста Л.К. Фалькенара. *«Тридцать семь лет я учил греческому языку в двух университетах нашего государства и ни в ком из моих, даже отличнейших слушателей, не нашел столь твердой и столь постоянной любви к изящным наукам, даже не воображал никогда, чтобы между лицами твоего звания нашлись такие, которые могли быть увлечены прелестью древней литературы… Когда в Париже, Италии и других городах Европы ты, как истинный любитель и знаток, осматривал рукописные памятники Древней Греции, каких не получал похвал, свидетельствующих о твоих познаниях в греческом и латинском языках от ученых хранителей тамошних библиотек!».* Фалькенар посвятил Юсупову издание «Теокрита», которое, по некоторым сведениям, печаталось за счет личных средств князя[98].

Уже в первые дни жизни в Лейдене Николай Борисович сообщал А.Б. Куракину, что *«единственное мое развлечение — книги и несколько очень красивых картин и рисунков».* В другом письме Юсупов признавался, что «книги разбивают мое хладнокровие», но это чистой воды поза — хладнокровием Николай Борисович никогда не страдал, особенно в молодости и рядом с хорошенькими дамами[99]. Вот в качестве дипломата и политика он действительно при любых обстоятельствах оставался хладнокровным.

Во время учебы в Лейдене князь внимательно следил за новинками европейской литературы, в особенности театральной. 10 марта 1775 года Николай Борисович писал к А.Б. Куракину: *«Я посылаю Вам сборник, который наделал столько шума в Риме. Этот пустяк — из итальянских — быть может самое лучшее,*

потому что все арии, которые в нем есть, являются пародиями на Метастазио. Быть может Вы захотите его прочесть, так как он наделал много шума»[100].

Описание путешествий, карта Турина 1785 г., план Парижа (издание Мотрея, б.г.). Из библиотеки кн. Н.Б. Юсупова. ГМУА.

Голландские библиотеки и частные коллекции второй половины XVIII столетия отличались редкостными богатствами — книжными и художественными. Можно с уверенностью утверждать, что Николай Борисович осмотрел наиболее важные из них, и эти собрания оказали заметное влияние на формирование коллекционерских пристрастий князя. В его уникальной библиотеке имелось значительное число ранних голландских изданий, а вот живопись Голландии Юсупов любил не особенно, хотя и собрал ее наиболее характерные образцы. Исключение, разумеется, составлял Рембрандт, но, спрашивается, кто из коллекционеров того времени не любил и не мечтал заполучить себе его произведения? Судя по всему, в Голландии Николай Борисович стал завсегдатаем букинистических лавок и всевозможных распродаж, где даже не очень опытному коллекционеру открывались немалые просторы.

В годы учебы юный князь не раз посещал театральные представления, хотя надо заметить, что голландское театральное искусство той поры, равно как и нынешней, занимало далеко не первое место в Европе. В библиотеке Архангельского сохранились приобретенные им в Лейдене сборник театральных пьес и

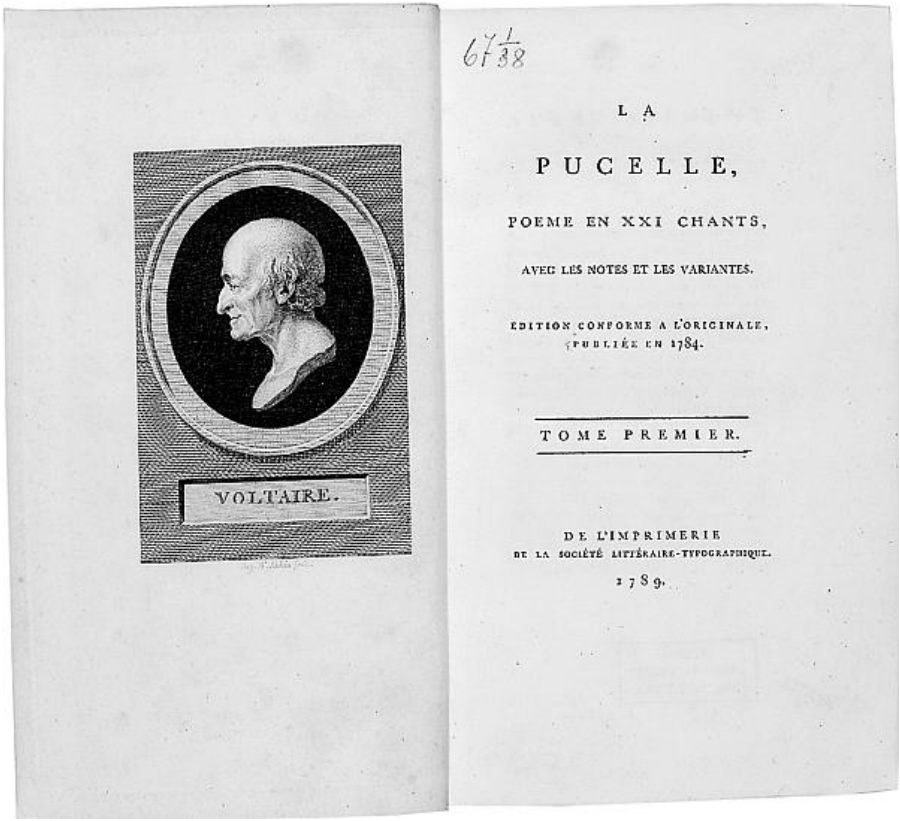
трехтомный «Новый театр Гааги», изданный в 1759 году.

В конце февраля или в первых числах марта 1776 года 24-летний князь распрощался с милой Голландией. Согласно традиции, европейское образование полагалось закончить большим путешествием, «grand de tur…». План его, как водится, одобрил граф Никита Иванович Панин: *«… все, что я узнал о Вашей усердной работе в Лейдене, мне бесконечно понравилось. Я одобряю план Ваших путешествий так же, как и план Ваших занятий. Из последних новостей я узнал, что Вы, сев на корабль, отправились из Лондона в Португалию. Надеюсь, что Вы туда хорошо добрались и счастливо закончите оставшуюся часть Ваших путешествий…»*[101]. Обязательность путешествия дополнялась и собственной страстью Николая Борисовича к странствиям, дабы «всему учиться, все знать»…

В те времена путешествующему полагалось иметь рекомендательные письма. Французский академик Виллаузон, «славою почти равный своим ученым соотечественникам прошлого столетия» *(XVII века. — А.Б.)*, с восторгом писал Л.К. Фалькенару о его сиятельном ученике[102]. Он же дал Юсупову рекомендательное письмо в Копенгаген советнику Юстиции Трескову, в котором просил помочь Николаю Борисовичу во время его поездки в Данию. В этом письме есть такие строки: *«Князь Юсупов, который передаст Вам это письмо, является русским господином… Не буду повторять то, что я уже имел честь Вам сказать о широте и глубине его обширных знаний, особенно в греческом языке… **Это один из самых выдающихся людей Европы»***[103].

Несколько лет спустя, в подтверждение этих слов, 22 мая 1779 года общество древностей в Касселе, основанное ландграфом Гессенским Фридрихом II, избрало «знаменитого своими знаниями» князя Николая Борисовича Юсупова своим почетным членом[104].

Видимо, молодой князь Юсупов на самом деле выделялся даже среди образованных сверстников. Современники хорошо знали лестную оценку, данную Николаю Борисовичу Вольтером, а ведь у знаменитого и весьма ядовитого философа перебывали почти все представители «лейденского русского студенческого братства», так что выбор имелся обширный.



Вольтер. Орлеанская дева. Т.1. Париж. 1789. Титульный лист и фронтиспис с портретом автора. ГМУА.

Из Голландии Николай Борисович перебрался в Англию. «Туманный Альбион», англомания, наряду с галломанией, поклонением и обожанием всего французского, стало распространяться в русском обществе с середины 18-го столетия. Главными англоманами в России считались графы Воронцовы; один из них — Семен Романович, многие годы занимал пост русского посла в Англии и остался там жить даже после отставки, вплоть до последних дней своего долгого земного бытия — благо, что дочь нашла супруга английского лорда.

Конец марта, апрель и май — самое лучшее время года на Британских островах, где погода вообще редко радует путешественника. Эти месяцы — «сезон» — Николай Борисович провел в Лондоне и ближайших окрестностях столицы. Князя привлек ученый Оксфорд, где любознательный турист может немало почерпнуть для себя полезного.

В Лондон Юсупов прибыл 19 марта 1776 года. Уже на следующий день он был представлен к королевскому двору.[105] Среди новых знакомых князя оказался «веселый» Бомарше, как

назвал знаменитого драматурга А.С. Пушкин. За пару месяцев, проведенных в одном городе и в одном обществе, у Бомарше и Юсупова сложились вполне приятельские отношения. Более того, уже два с лишним века существует не слишком достоверная, но милая легенда о том, что между князем и великим драматургом возникло соперничество, как водится, из-за некой особы. Юсупов, естественно, оказался более счастливым соперником. Как известно, Бомарше своим внешним обликом являл живое доказательство не существовавшей еще в те времена теории англичанина Дарвина о происхождении человека от обезьяны, тогда как князь слыл признанным красавцем. Ходил слухи, что Бомарше думал даже отравить счастливого соперника, но все кончилось благополучно.

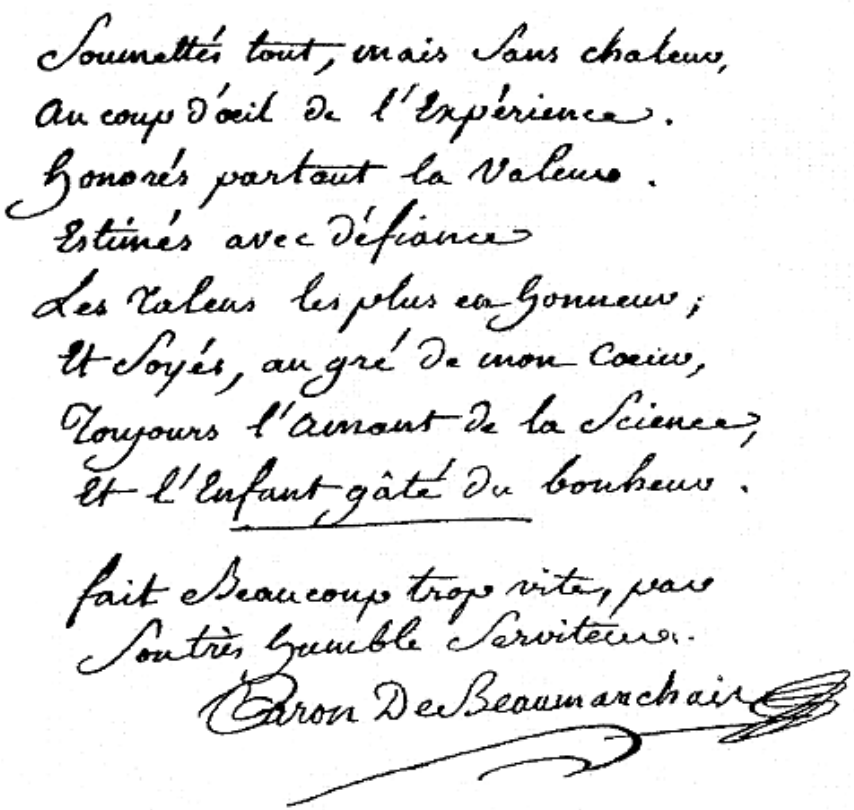
В путешествиях Николая Борисовича неизменно сопровождал милый спутник — небольшой альбомчик в красном сафьяновом переплете, на котором золотом было оттиснуто:

«ALBUM AMICORUM
PRINCIPIS
DE YOUSSOUPOFF».
(Альбом друзей князя Юсупова).

«Сколько перевидал он этих его друзей! — восклицает А.В. Прахов, последний из исследователей, державших альбом в руках в начале XX века. — *Дружеские строчки раскинуты по всему альбому в беспорядке, но если сопоставить их по годам, месяцам и дням, то в легком очерке возникает перед нами последовательность странствий нового Анахарсиса, «Anacharsidis reddivivi», как называет его в альбомчике англичанин M.Maty»*[106]. Матье Мати, назвавший Юсупова «воскресшим Анахарсисом», — выходец из стариной гугенотской семьи, эмигрировавшей из Франции в Англию. М. Мати считался известным франко-английским журналистом, издавал в Гааге «Revue Britannique».

К сожалению, сам А.В. Прахов как-то не потрудился разнести записи альбома в хронологическом порядке, а заодно и ввести их все в научный оборот, полагая исполнить этот замысел «как-нибудь потом». Альбом же после революции пропал… В советское время записи альбома единственный раз как будто бы по оригинальной рукописи воспроизводил академик М.П. Алексеев на страницах вышедшей под его редакцией монографии «Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков»[107]. Академик авторитетно указал и место хранения альбома — «в Государственном древнехранилище в Москве». Однако сколько исследователи потом не искали драгоценного альбома, найти его после академика так и не смогли. Не

исключено, что М.П. Алексеев не видел самого альбома, а воспользовался дореволюционной публикацией А.В. Прахова, указав при этом, что альбом хранится вкупе со всем Юсуповским архивом. Известный специалист по коллекциям Юсуповых Л.Ю. Савинская уже в наши дни сообщает, что «местонахождение «Альбома друзей князя Юсупова» автору неизвестно»[108].


Soumettés tout, mais Sans chaleur,
Au coup d'œil de l'Expérience.
Gonorés partout la Valeur.
Estimés avec défiance
Les Valeurs les plus en Gonneur;
Et Soyés, au gré de mon Coeur,
Toujours l'amant de la Science,
Et l'Enfant gâté du bonheur.

fait Beaucoup trop vite, par
Son très humble Serviteur.
Baron De Beaumarchais

П. Бомарше. Автограф стихотворения в «Альбоме друзей» князя Н.Б. Юсупова. Репродукция из сборника «Юсуповский дворец».

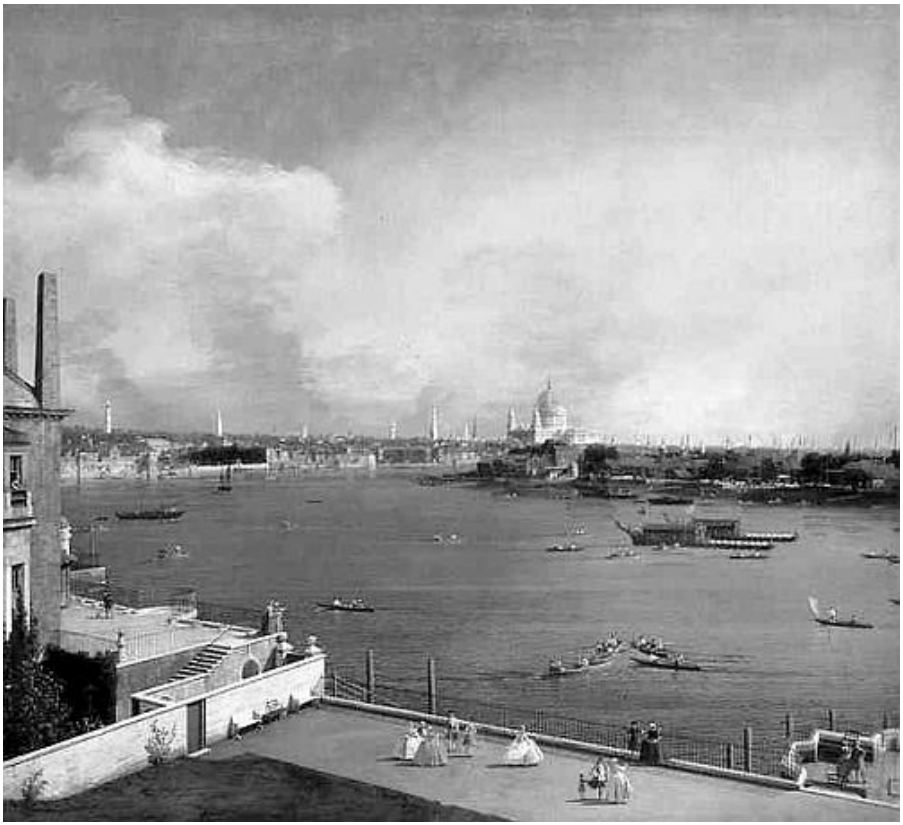
Именно этот, пропавший в советское время княжеский альбом, украсил своим стихотворным произведением Бомарше. Автограф его опубликовал А.В. Прахов, благодаря чему оно доступно и в наши дни. Стихотворение несколько раз переводилось, но самый удачный перевод выполнил при первой публикации сам А.В. Прахов[109]. Трудно согласиться с мнением ученого, что это только стихотворная импровизация. Скорее всего, черновик для него писался еще дома. Воспроизведенная Праховым рукопись стихотворения очень графична. Бомарше явно старался выводить буквы, а не писал на скорую руку, пытаясь догнать вдохновение и рифмы, когда перечеркивания и помарки неизбежны. Николай Борисович гордился автографом, показывал

его избранным знакомым, в том числе и А.С. Пушкину[110].

Лондон, 4 мая 1776.

Вы, милый князь, полны стремленья
Знать, видеть все без исключенья,
Со злобой волн вступая в спор,
Дерзайте ж в путь — судьба вас гонит.
На мировой спеша простор,
Тот прав, к чьей пользе это клонит,
Но, все увидев, вы потом,
Князь, убедитесь сами в том,
Что на земле шароподобной, —
Средь счастья, как и средь невзгод,
Привычки, нравы, жизни ход,
И слабости, и преступленья,
Пороки, как и заблужденья
Народы меж собой роднят.
Различье в них нашли б навряд
Мы, взяв любую их причуду.
Князь, для того, кто их постиг.
Все те же люди, верьте, всюду.
Везде к цепям их род привык.
Раскройте лишь глаза пошире,
И вы увидите, смутясь,
Что Глупость и Безумье в мире
Царят, вступив с друг другом в связь.
Но лишь безумца то тревожит,
И у него лишь дух смущен
Тем злом, что с древности времен,
Ничто преодолеть не может.
Склоняйтесь ниц пред красотой.
Со всеми на земле мужьями
В борьбе должны вы быть глухой.
Когда ж вы сердцем слабы сами,
Равно любите женщин всех,
И все им делайте в угоду,
Но не теряйте лишь свободу.
Забыть вам также было б грех,
Что мать здоровья — осторожность.
Считайтесь с мненьями других,
Но чтоб постигнуть в чем их ложность
Не горячась, старайтесь их
Проверить, если есть возможность.
Не надо отрицать заслуг.

Талантам же, всех больше чтимым,
Не доверяйте лучше вдруг.
Желаю быть неутомимым
Я вам любовником наук
И счастья баловнем любимым.
Слишком скоро сочинено вашим покорным слугою
Кароном де Бомарше.



А. Каналетто. Темза и дома пригорода Ричмонда. 1747 г. Частное собрание.

Версаль. Фонтан и панорама партера. Открытка 1900-х гг. Из собрания автора.

Картину посещения Юсуповым «туманного Альбиона» позднее опишет и Пушкин в своем послании «К вельможе», обращенном к Николаю Борисовичу.

… Лондон звал твое вниманье. Твой взор
Прилежно разбирал сей двойственный собор, —
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый —
Пружины новые гражданственности новой.
Скучая, может быть, над Темзою скупой
Ты думал дале плыть… Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою,
Он угадал тебя…

В Англии Николай Борисович не только состязался в ухаживаниях за прелестными дамами. Он много времени уделял осмотру художественных собраний и архитектурных памятников. В мае князь посетил готический замок Строуберри-хилл, принадлежавший бывшему премьер-министру сэру Роберту Уолполу, видел другие достопримечательности. Жаль, что не увлекся Николай Борисович английской живописью, переживавшей в ту пору время блестящего расцвета. Иначе в отечественных собраниях оказались бы не скромные единичные экземпляры, а признанные первоклассные шедевры английских мастеров, как это случилось с итальянской и французской

школами, которыми Юсупов очень увлекался.

Версаль. Скульптура в Версальском парке. Стеклянный стереопозитив 1912 г. Собрание автора.

Из Лондона, как выразился А.С. Пушкин, Николай Борисович «в Севилью полетел» — точнее отбыл в Португалию и Испанию. 8 июня 1776 года в Португалии князь получил путевые листы, выданные ему маркизом де Помбалем и чрезвычайным посланником французского короля маркизом Д'Оссеном на право въезда во Францию. В Испании Юсупов пробыл до конца августа, а уже в сентябре вступил на французскую землю[111].

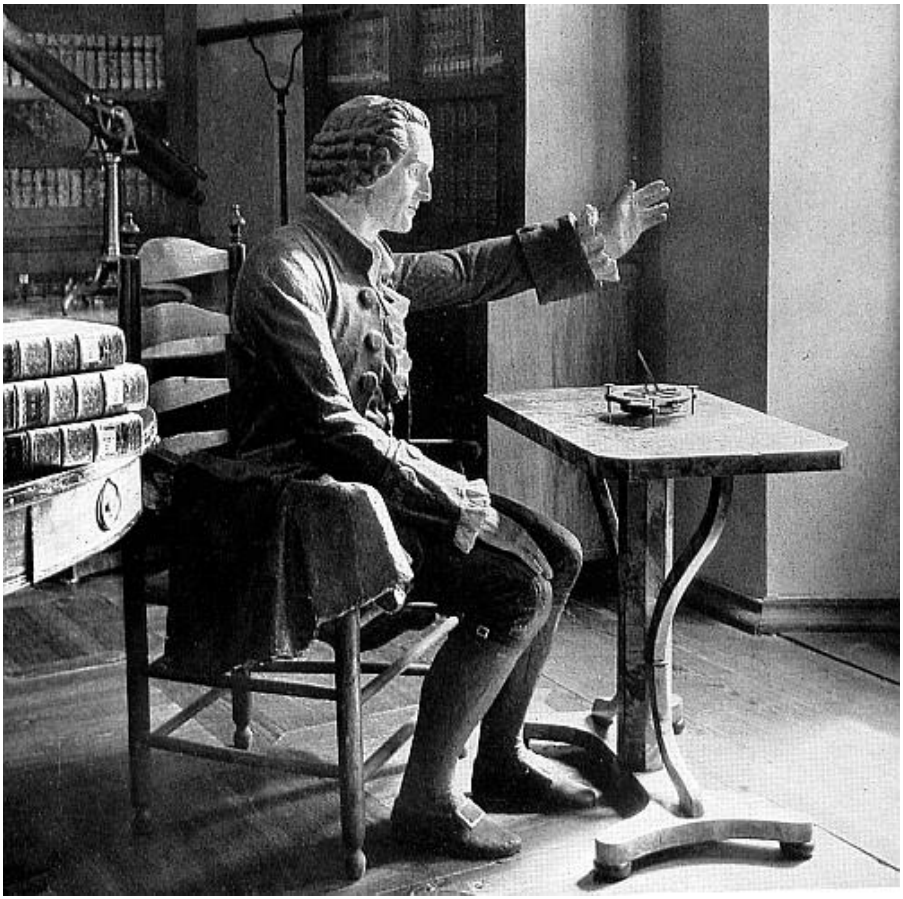
Нельзя исключить, что в первую очередь Николай Борисович посетил Вольтера — «Фернейского патриарха», которого тогда чаще называли «Фернейским затворником». 1 октября Екатерина II отвечала Вольтеру на письмо, в котором философ дал восторженную оценку Юсупову — не только остроумному, но и образованному собеседнику: *«…если Вы довольны князем Юсуповым, то я должна за него засвидетельствовать, что он восхищен Вашим приемом и всем, что Вы говорили в то время, когда он имел удовольствие видеть Вас».* Любопытно, что эта

лестная характеристика появилась в печати еще при жизни князя — в 1802 году. Из приведенных слов можно сделать вывод о том, что Юсупов описал свою встречу с Вольтером в письме в Россию, направленном кому-то из близких ко Двору людей. Письмо говорит и о том, что царица внимательно следила за успехами молодого князя в Европе[112].

Версаль и Трианон Николай Борисович посетил уже после встречи с Вольтером. Рекомендательные письма императрицы Екатерины II открыли князю доступ ко Двору французского короля. Юсупов получил аудиенцию у Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

Париж этой поры — благодатное место для коллекционеров. С торгов уходили крупные собрания французской и иностранной живописи, как современной, так и старой. В дни первого путешествия Николай Борисович — верный ученик и последователь Д.И. Фонвизина — усиленно пополнял свое собрание произведений искусства. Он завязывает деловые отношения с антикварами и художниками, которые сами выполняют заказанные Юсуповым картины, а также помогают ему сделать заказы знаменитым мастерам кисти и выступают посредниками при покупке старой живописи. Художники в те времена часто служили экспертами при оценке подлинности старых картин, обладая при этом далеко не самой высокой квалификацией. Многие вельможи становились жертвами таких невежественных экспертов. Юсупов исключением не стал, но ведь коллекционирование во все времена оставалось сродни охоте, когда далеко не каждый раз удается попасть в цель, вне зависимости от искусства стрелка.

Николай Борисович старался не отступать от тенденций художественного рынка своего времени. Говоря проще — не отставал от моды, хотя чаще доверялся собственному вкусу, ставшему с годами превосходным. Во время первого путешествия князь покупал популярных в ту пору старых голландцев и фламандцев, работы мастеров итальянского Возрождения. Позднее не все они выдержали «экзамен временем и искусствоведами». В княжеской коллекции далеко не сразу стали появляться вещи первого ряда; опыта собирателя и искусствоведа-знатока Юсупову еще явно не доставало, но отдельные шедевры вскоре все же украсили петербургский дом молодого путешественника и, как водится, вызвали зависть…



Философ Жан-Жака Руссо. Фигура из папье-маше. Музей-усадьба «Архангельское».

У князя сложилось довольно обширное собрание графики, в том числе печатной. Таким образом, на гравюрах-репродукциях глаз Николая Борисовича был уже «наметан» и «впарить ему фальшак» представлялось делом нелегким. В XIX столетии князь много покупал художественных вещей, особенно в России, опираясь уже исключительно на собственный «коллекционерский нюх» и ошибался в покупках редко.

Вероятно, Юсупов пробыл во Франции порядка трех месяцев, вплоть до нового, 1777 года. Известно, что в феврале он посетил Неаполь, не миновав дорогой Северной Италии, а затем через Австрию возвратился в Россию[113].

Архангельское. Храм Екатерины. Статуя Екатерины II — законодательницы, выполена по модели М.И. Козловского.

Установить точную дату возвращения князя в Россию не удалось. Известно, что уже осенью 1777 года коллекцию Николая Борисовича в его петербургском доме осматривал знаменитый ученый Иоганн Бернулли и описал ее в «Записках», основанных на дорожных дневниковых записях. Так что приведенная им дата сомнений не вызывает: *«1 сентября 1777 года. Я надеялся в это утро еще осмотреть большую часть прекрасной библиотеки князя Юсупова, однако я застал его занятого переборкою ее в нижний этаж… Та м единственный отрывок из Вергилия. Весьма неохотно простился я с любезным князем и могу сказать, что он принадлежит к числу немногих вельмож Русского двора, которых я имею причину по справедливости высоко ценить»*[114]. Это первое документальное упоминание будущего знаменитого собрания Юсупова. Это и свидетельство того, что к середине 1777 года Николай Борисович возвратился в Россию.

Коллекции князя размещались в отцовском доме на Английской набережной, где прошли детские и юношеские годы Николая Борисовича. Основываясь на кратком описании Бернулли, можно предположить, что картин в коллекции имелось еще сравнительно немного, но все они показались астроному высокого качества и приписывались первоклассным мастерам — Веласкесу, Рембрандту, Вениксу. В кабинете хранились коллекции оружия, медалей и разнообразных древних редкостей. Юсупов еще не достиг и тридцатилетнего возраста, но его знаменитое библиотечное собрание уже отмечалось среди лучших в России.

А. Боне. «Портрет Екатерины II». Гравюра. ГМУА.

К моменту возвращения Николая Борисовича из путешествия

петербургский дом Юсуповых окончательно опустел. Сестры вышли замуж. Мать Ирина Михайловна большую часть года предпочитала проводить неподалеку от Москвы, в имении Спасское-Котово. Подмосковная природа всегда справедливо считалась много полезней для здоровья, нежели петербургские болота. Николай Борисович по молодости думал иначе. Близость императорского Двора, где духи употребляли не только женщины, но и мужчины, делала болотистый дух северной столицы менее острым. Как долго вдыхал его Юсупов и не слишком ли отравился им? Это тема следующей главы.

И.Б. Лампи-старший, Я.Ф. Хаккерт. «Портрет князя Николая Борисовича Юсупова с собакой». Между 1786 и 1789 гг. ГЭ. Портрет написан по заказу Н.Б. Юсупова в Италии.

Глава 9
Посол «Великия жены»

На мировой спеша простор…

П. Бомарше

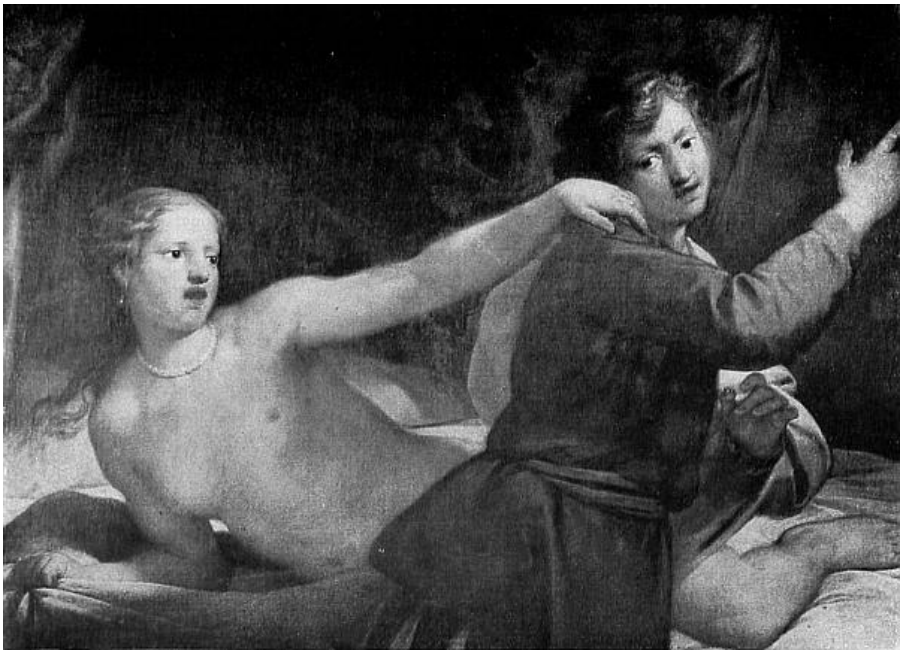
Немногочисленные официальные биографии Николая Борисовича Юсупова как-то стыдливо умалчивают о том, что происходило в его жизни в 1778–1781 годах. Известно лишь, что в 1781 году князь был пожалован в действительные камергеры Императорского Двора и назначен к присутствованию в Комиссии о коммерции. Надо заметить, что к претенденту на высокое звание камергера Императорского Двора предъявлялись немалые требования, разумеется, если человек этот не обладал выдающейся красотой и не «попал в случай», как деликатно выражались во времена Екатерины Великой… Князь вполне отвечал этим требованиям — образование, богатство, положение семьи, возраст делали его вполне законным претендентом на звание придворного чиновника высокого ранга. Может быть, Юсупов после недолгого пребывания на родине в 1778 году опять отправился в заграничное путешествие? Отсутствие документов не позволяет точно ответить на этот вопрос.

Скорее всего, именно в тот период жизни Николая Борисовича случилась история, о которой напоминала одна картина с мифологическим сюжетом из Юсуповской коллекции. Стыдливый читатель, а особенно читательница, может просто перелистать эти страницы, не вдаваясь в их содержание, тем более что весь этот рассказ — не более чем предположение, построенное на косвенных данных…

Ф. Тревизани. «Даная». ГМУА.

Замечу лишь, что история эта волновала умы даже людей выдающихся. Так в строго академичном архитектурном путеводителе по Архангельскому академик и доктор архитектуры С.В. Безсонов счел нужным посвятить ей немало строк, хотя к пилястрам или ротондам история не имела ни малейшего отношения. При недавнем переиздании путеводителя С.В. Безсонова Научно-методический совет Государственного музея-усадьбы «Архангельское», одобривший научное обоснование переиздания, опустить эту историю не счел нужным, что позволяет и мне без лишнего стеснения пересказать ее фактическую сторону[115].

Император Павел I относился к князю Юсупову с большим уважением. Он понимал, что государственных людей такого уровня в России немного. Поэтому, взойдя на престол, он обратился к Николаю Борисовичу с просьбой, хотя вполне мог и просто приказать, — убрать «подальше» одну из многочисленных картин княжеского собрания. Сюжет ее представлялся в духе невинной жизни античных богов Венеры и Аполлона. Однако изображения едва одетых небожителей почему-то очень походили на князя Юсупова и саму императрицу Екатерину Великую. Павлу Петровичу изредка бывало стыдно за венценосную мать, тем паче, что некоторые фавориты вполне годились ей в сыновья.



М.И. Полтев. Иосиф и жена Пантефрия. Фрагмент. ГМУА.

Николай Борисович внял императорской просьбе, хотя она и вызвала у него искреннее недоумение. Во времена Екатерины, в эпоху Просвещения, и не такие появлялись изображения…

Так или иначе, но повод для написания фривольной картины на античный сюжет, как можно предполагать, появился вскоре после возвращения князя Юсупова из заграничного путешествия. Николай Борисович являлся большим вельможей по рождению. Он не искал общества прихлебателей, жаждавших ради обогащения «попасть в случай». «История картины» в связи с императрицей — просто один из многочисленных любовных порывов любвеобильного, искреннего и нежного княжеского сердца, а вовсе не результат тонкого политического расчета. Екатерина быстро оценила умственные достоинства «одного из самых выдающихся людей Европы»; мужчин просто с достоинствами при ней и без того всегда хватало.

Князь Юсупов на долгие годы стал доверенным человеком императрицы, ее личным другом. Она давала Николаю Борисовичу деликатные дипломатические поручения, а заодно сделала своим агентом по закупке художественных ценностей для пополнения Эрмитажа и украшения дворцов. Екатерина состояла с Юсуповым в переписке, дружеский и в меру кокетливый тон которой говорит о многом. Немногие сохранившиеся ранние портреты Николая Борисовича изображают его красивым, очень свежим и чуть надменным молодым человеком. Обаяние юности

всегда сильно трогало императрицу Екатерину Великую за самые чувствительные места. Не случайно последний ее фаворит — граф Зубов был не только хорош собою, но и очень молод, тогда как царица, можно сказать — на глазах, разваливалась от старости и болезней. Так что в случае с Николаем Борисовичем просто сошлись многие обстоятельства…

Жена наследника Павла Петровича, будущая императрица Мария Федоровна, познакомившаяся с Юсуповым вскоре после замужества, как и Екатерина, очень любила князя, также состояла с ним в постоянной переписке, просила у Николая Борисовича на прочтение книги, которых нельзя было найти в Петербурге, а сама посылала князю «домашние подарки» — головки сыра и иные съестные припасы. И такая дружба сохранялась до конца их дней… Известно, что чужим людям такие подношения императрице, что будущей, что вдовствующей, по статусу делать не полагалось. Мария Федоровна всегда очень хвалила Архангельское Юсупова, которое непременно считала лучше своего великолепного Павловска и всегда настойчиво звала Николая Борисовича посетить свою резиденцию. Князь при всех жизненных обстоятельствах умел оставаться верным другом, человеком, вызывавшим симпатию, симпатичным человеком — вот старое, почти вышедшее из современного речевого обихода слово, очень точно характеризующее Николая Борисовича в повседневной жизни.

Когда и при каких обстоятельствах состоялось возможное сближение князя Юсупова с Екатериной — тайна, покрытая мраком, но их дружба сохранялась до последних дней. Уезжал ли Николай Борисович в продолжение трехлетия 1778–1781 годов для продолжения заграничного путешествия или оставался в Петербурге, теперь наверняка сказать трудно.

Достоверно известно другое. В воскресенье 19 сентября 1781 года в собственное большое заграничное путешествие отправились графы Северные. Ни для кого в Европе не стало секретом, что под этим «прозрачным» псевдонимом осматривать заграничные достопримечательности отправились наследник российского престола Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна. Путешествовать под псевдонимом считалось более удобным, — не во всех случаях требовалось соблюдать многочисленные и порой обременительные тонкости придворного этикета иностранных государств, особенно мелких немецких княжеств.

Понятно, что ехать без свиты наследнику не полагалось. Состав того, «что делает короля», оказался подобран с учетом

общих пожеланий — как будущего императора, так и императрицы Екатерины. В этом тесном сообществе она нуждалась в «своем» человеке. В том, что соглядатай в свите имелся, можно не сомневаться, но кому конкретно поручалась ответственная задача «бдить» сказать трудно; спецслужбы в нашей стране умели прятать тайны — «концы в воду», при всех режимах. Претендентов на роль тайного агента нашлось достаточно — вполне пригоден был и просто расторопный лакей, да и многие из лиц свиты откровенно не вызывали приязни у Павла и его супруги. К тому же, по традиции, вскрывалась и доводилась до сведения Екатерины вся переписка участников вояжа.

В путь отправилось 89 человек. Среди них — князь Николай Борисович Юсупов с двумя служителями, князь Александр Борисович Куракин с четырьмя, генерал Николай Иванович Салтыков с супругой, княгиня Урусова, камер-юнкер Ф.Ф. Вадковский, фрейлины из недавних «смолянок», выпускниц Смольного института Благородных девиц — Н.С. Борщова и Е.И. Нелидова, литераторы Лафермьер и Николаи, священник Самборский, доктор Крузе.

Маршрут поездки оказался достаточно традиционен. Из Царского Села во Псков, Киев, польские земли. Затем последовали Вена, города Италии, Париж, Голландия[116].

Г. Скородумов. «Портрет великого князя Павла Петровича». Середина 1780-х гг. «Павловский дворец-музей».

Князь Николай Борисович заведовал, если так можно выразиться, художественной частью сего исторического вояжа — планировал и непосредственно организовывал встречи с замечательными людьми, посещение концертов, исторических мест, осмотр художественных галерей и мануфактур. К этому времени он считался признанным знатоком художественной жизни Европы. Тридцатилетнего князя уже успели заметить при европейских дворах; он был известен не только своей ученостью, но и учтивостью. Видеть Юсупова в свите наследника престола пожелала сама императрица. Радовались такому приятному компаньону и Павел Петрович с супругой. Вероятно, именно во время путешествия окончательно сложились дружеские отношения между семьей наследника и князем Юсуповым.

Путешествие графов Северных оказалось великолепным, истинно царским. Великокняжескую чету принимали во всех европейских столицах на самом высоком уровне. На границе Австрии их встретил император Иосиф II. В Австрии велись долгие и тонкие дипломатические переговоры о возможном союзе двух стран путем династического брака племянника Иосифа II

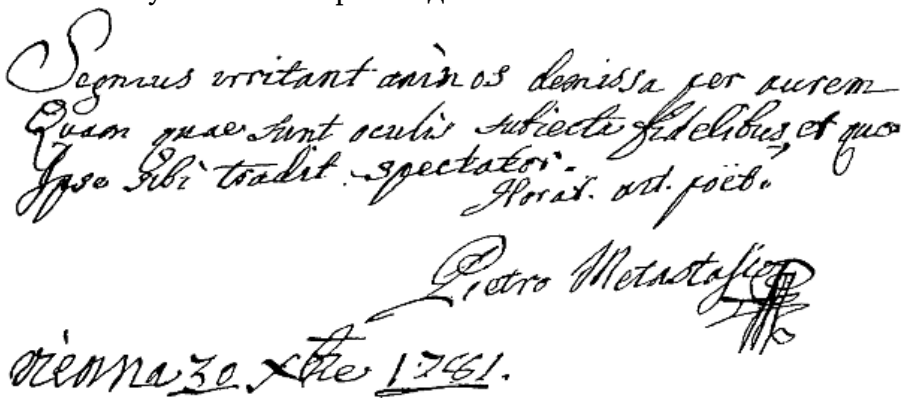
эрцгерцога Франца и младшей сестры будущей русской императрицы Марии Федоровны — принцессы Вюртембергской Елизаветы. Надо заметить, что подлинный союз между двумя главными империями Европы так никогда и не сложился.

Г. Скородумов. «Портрет великой княгини Марии Федоровны». Середина 1780-х гг. «Павловский дворец-музей».

Впрочем, дипломатическими приемами путешествие не ограничивалось. Благодаря связям Николая Борисовича будущей императорской чете представлен был Пьетро Метастазио. Знаменитый поэт и драматург оставил автограф в «Альбоме друзей» Юсупова. Довелось им слушать игру Моцарта, исполнившего вариации на темы русских народных песен. В Вене путешественники побывали у композитора К.В. Глюка. Знакомство с Й. Гайдном завершилось посвящением великокняжеской чете шести квартетов, названных «русскими». Эти квартеты выдающегося композитора и сегодня очень репертуарные сочинения. В Вене графы Северные гостили вплоть до 24 декабря 1781 года.

Венеция, столь любимая Николаем Борисовичем, встретила великокняжескую чету в начале января 1782 года маскарадами и многочисленными театральными представлениями. В Италии

чета Северных встречалась со скрипачами Пьетро Нардини и Гаэтано Пуньяни, посещала салоны известных исполнителей. Графы Северные постоянно бывали в опере, искренне наслаждаясь музыкой. Не только Мария Федоровна, но и великий князь Павел Петрович прекрасно разбирался в музыке, имел любимые музыкальные произведения.



П. Метастазио. Автограф в «Альбоме друзей» кн. Н.Б. Юсупова. 1781. Репродукция из сборника «Юсуповский дворец».

Покинув Венецию, путешественники проехали Парму, Болонью и Рим, где созерцали не только античные древности и произведения изобразительного искусства эпохи Возрождения, но и много слушали хорошей музыки. В эту пору европейское и, прежде всего итальянское, музыкальное искусство переживало свой расцвет. Юг Италии, Неаполитанское королевство, где впоследствии князю Юсупову предстояло занимать посольскую должность, произвели на путешественников большое впечатление. Неаполитанский король Фердинанд III Бурбон и его супруга встретили графов Северных очень радушно. Для них организовали поездку на раскопки Помпеи, прогулку к Везувию. Сопровождал великокняжескую чету английский посланник лорд Гамильтон — редкостный знаток и любитель античных древностей, оставшийся в истории преимущественно благодаря свой супруге леди Гамильтон и ее роману с адмиралом Нельсоном, о которых так проникновенно поет член современного Московского Английского клуба Николай Петрович Караченцов.

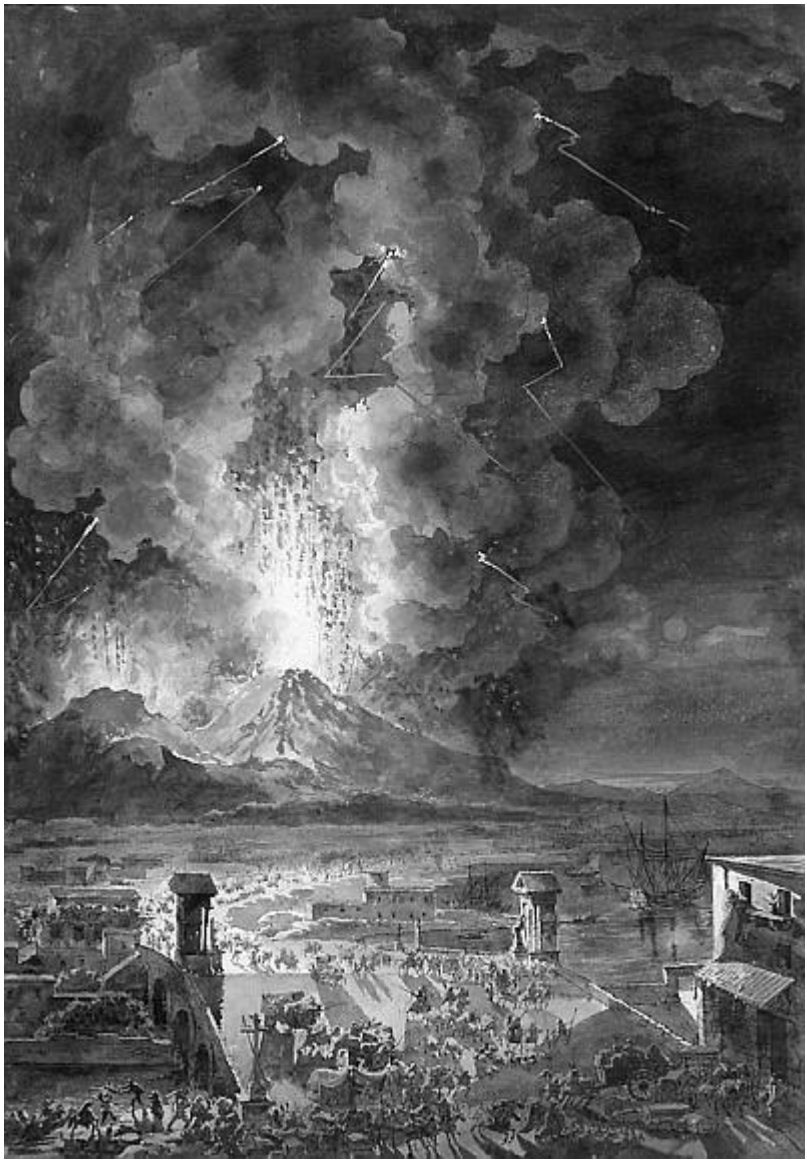
Луиза-Арно Буше. Одалиска. Из собрания кн. Н.Б. Юсупова. Местонахождение неизвестно. Репродукция из сборника «Юсуповский дворец».

13 февраля путешественники вернулись в Рим, где их принял папа Римский Пий VI. Две недели, проведенные в «Вечном городе», оставили в памяти великокняжеской четы большой след. Они осмотрели Римский Форум, живописный водопад в Тиволи, сокровища Ватикана. Организатором такой «насыщенной культурной программы» оставался князь Николай Борисович, умевший очень четко распланировать и осуществить порученное дело. В феврале или марте через знакомого Юсупову художника Я.Ф. Хаккерта графы Северные попали в мастерскую модного в ту пору живописца П. Баттони. Мастер исполнил парные портреты великокняжеской четы, повторение которых заказал для себя и Николай Борисович. Юсупов наблюдал не только за исполнением заказанных картин, но также организовывал их отправку в Петербург; дело по тем временам весьма хлопотное. Не исключено, что именно лорд Гамильтон своими яркими рассказами сумел «заразить» великокняжескую чету любовью к собирательству столь модных тогда антиков. Для украшения своих дворцов «графская» чета заказала серию уменьшенных мраморных копий античной скульптуры из богатейшей Ватиканской коллекции. Несколько интересных произведений искусства подарил им папа Пий VI.

Ф. Тирони. «Венеция. Площадь Сан-Марко». ГМУА.

Из Рима графы Северные отправились в Тоскану, дабы погостить у герцога Леопольда Тосканского, родного брата австрийского императора Иосифа II, а затем в Турин, столицу Сардинского королевства. Король Виктор-Амедей III проникся вполне понятным чувством человеческой привязанности к Павлу Петровичу, иной раз называя его сыном. В России нелюбимому матерью Павлу об этом не приходилось и мечтать.

В пути время идет незаметно. Уже 9 мая 1782 года в Большом Трианоне французский король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта дали в честь «графской» четы великолепный обед, а вечером — концерт. 26 мая в Малом Трианоне королева Мария-Антуанетта устроила пышный праздник в честь русских путешественников.



Ж.Л. Депре. «Извержение Везувия». Акварель. ГМУА.

К этому празднику вышла поэма Жака Делиля «Сады» — поэтический отклик на всеобщее увлечение разбивкой садов и парков. Николай Борисович являлся большим знатоком садово-паркового искусства, равно как и императрица Мария Федоровна, устроительница уникального ансамбля Павловска. Наверное, не случайно в русском переводе французской поэмы «Сады», выполненном А.Ф. Воейковым, появилась авторская вставка об Архангельском, хотя во время выхода перевода в свет усадебный комплекс, принадлежавший тогда князю Н.А. Голицыну, еще

только оформлялся.

Давняя легенда, много лет существовавшая в Архангельском и повторявшаяся во многих изданиях, говорит, что именно во Франции, во время путешествия графов Северных, тогдашний владелец имения князь Н.А. Голицын заказал проект главного усадебного дома, а будущий император Павел высказал пожелание иметь в России «подобие Версаля». Легенда о «Русском Версале» нашла подтверждение и в поэтических строках перевода поэмы «Сады»:

Пример Двора священ вельможам-богачам;
Во всех родилась страсть изящная к садам:
В Архангельском сады, чертоги и аллеи,
Как бы творение могущей некой Феи,
За диво бы почли и в Англии самой…[117].

28 мая 1782 года в Версале в честь графов Северных давался бал, где веселилась вся парижская знать. Без сомнения, именно в Версальском парке окончательно оформились художественные пристрастия Юсупова, знатока и ценителя садово-паркового искусства, создателя в Подмосковье уникальных художественных ансамблей — Архангельского, Васильевского, Спасского-Котова. К сожалению, в близком к первозданному замыслу сохранился только знаменитый архангельский парк, где все строго подчинялось законам гармонии и искусства, преимущественно западноевропейского. Во времена князя даже место отечественных ворон в парке занимали американские вороны, а пели не курские, а китайские соловьи[118].

Среди садовых аллей в XVIII столетии непременно устраивались искусственные водоемы. В 1798 году в восточной части Павловска был вырыт Венерин пруд. На нем Пьетро Гонзага, художник, которому многие годы покровительствовал Николай Борисович, устроил «Обвороженный остров», или «остров Любви», — как воспоминание о путешествии в 1782 году четы графов Северных в гости к французскому принцу Конде в Шантильи. Здесь после театрального представления для влюбленной четы на «острове Любви» накрыли стол. «Северные» на своем «острове Любви» установили статую Амура, а доставляло ли им удовольствие путешествие на остров собственной любви отечественная история умалчивает…

В Париже путешественники побывали на представлениях опер Рамо, Руссо, Дуни, Монсиньи, Гретри, Глюка, Пиччини, Госсека. Этот разнообразный репертуар свидетельствовал о

хорошем музыкальном вкусе князя Николая Борисовича, отвечавшего и за «музыкальную часть» путешествия.

Любимым произведением Николая Борисовича всегда оставалась «Женитьба Фигаро» Бомарше, как в драматическом, так и в оперном и даже балетном исполнении. Он очень хлопотал о том, чтобы пьеса шла на европейской сцене, хотя аристократии в ней порядком достается, и сыграл в истории «Женитьбы Фигаро» весьма существенную роль, о которой обычно в советском литературоведении стараются умалчивать[119].

В мае 1782 года Николай Борисович устроил для четы графов Северных авторское чтение комедии. В продолжение двух лет, прошедших со дня ее написания, «Женитьба Фигаро» так и не получила цензурного разрешения к постановке на сцене. Вот что писал об этом 24 мая 1782 года Ф.М. Гримм, многолетний корреспондент императрицы Екатерины II: *«Князь Юсупов охотно взял на себя эту миссию, поскольку он был старинным знакомым автора. Я надеюсь, автор не отклонит это предложение, которое не только не повредит делу принятия пьесы на сцену, но, наоборот, поможет ему. Если пьеса понравится высоким слушателям, то я не сомневаюсь в том, что гости приложат со своей стороны все усилия, чтобы ускорить постановку пьесы в театре»*[120]. Усилия Юсупова действительно не пропали даром. «Женитьба Фигаро» попала на сцену и с легкой руки Николая Борисовича не сходит с подмостков вот уже более двух столетий. Писать о роли князя в истории мировой литературы у нас обыкновенно не любят. С грустью приходится еще раз напоминать об этом читателю. Вот про мнимый разврат — это всегда пожалуйста.

Юсупов и Павел Петрович совместно обозревали не только театры. Они бывали в мастерских самых модных европейских художников, где Николай Борисович давно считался, что называется, своим человеком. В мае — июне 1782 года, находясь в Париже, путешественники нанесли визиты многим знаменитым живописцам, заказали картины Ж.Б. Грезу, Гюберу Роберу, Ж.Верне, ряду других мастеров. Разумеется, князь не забыл при этом и о пополнении собственной коллекции.

В Париже графы Северные узнали, что для них на родине заложен большой дворец в Павловске, ставший впоследствии подлинной жемчужиной пригородов Петербурга. Великокняжеская чета, разумеется, придерживалась похвального обычая привозить из-за границы лучшее. Покупали все и в тратах особенно не стеснялись: мебель, бронза, лионские шелка, фарфор, картины, гобелены — все, чем богата и славна французская земля, оказалось на болотистых невских берегах.

Вслед за Францией графы Северные отправились в

Голландию. Здесь среди прочих достопримечательностей они осмотрели домик царя Петра Великого в Заандаме, где великий реформатор России обучался мастерству корабельного плотника. Не тут ли будущий император Павел почувствовал себя «преемником и продолжателем великих дел Петра»?

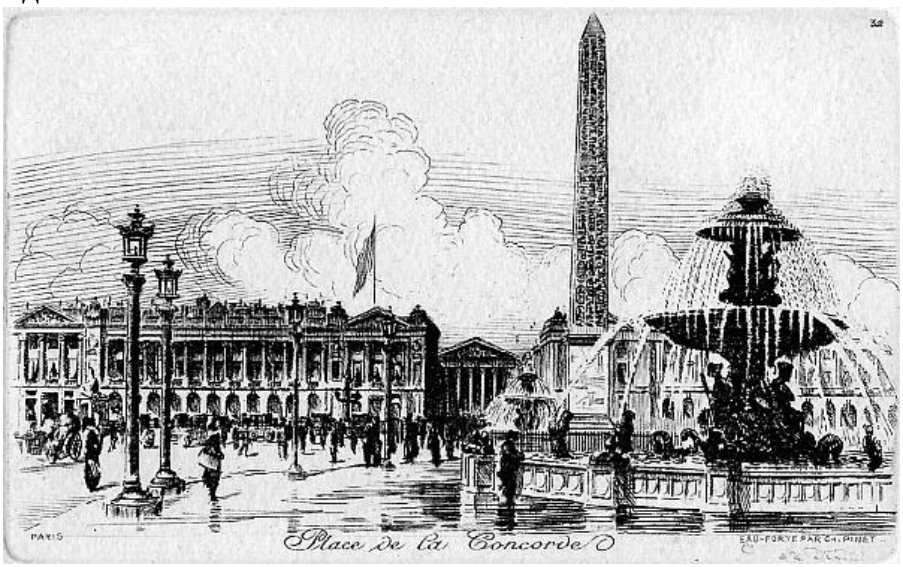
Париж. Фонтан Медичи. Гравюра середины XIX в.

Приезд в Голландию напомнил Юсупову о недавних

счастливых днях, проведенных в Лейденском университете. Вместе с другим слушателем университетского курса — князем А.Б. Куракиным, в составе великокняжеской свиты, они посетили университет, где Павел Петрович высказал благодарность профессорам за обучение русских студентов.

Закончилось путешествие в Германии. Здесь в родительском доме будущая императрица Мария Федоровна провела вместе с супругом без малого месяц.

Во время «ученых странствий» по Европе Павел постоянно переписывался с Юсуповым. Николай Борисович далеко не всегда находился непосредственно при нем, а больше занимался предварительной организацией встреч и «культурной программы», выезжая вперед. Так, 8 апреля 1782 года Павел писал ему из Милана о разливе рек, а также посылал «тысячу благодарностей за альманах и присланный план». Письмо имеет подпись — «Благосклонный к вам Павел»[121].



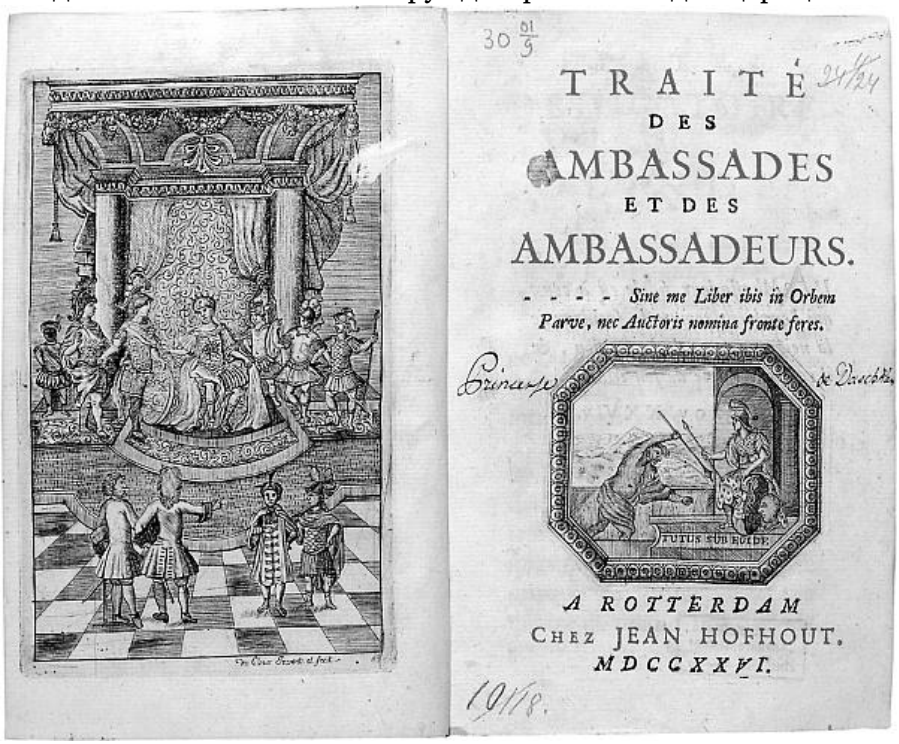
«Париж. Площадь Лувра». Гравюра середины XIX в.

Наверное, месяцы, проведенные в чужих краях, вдали от суетного петербургского света, остались самой счастливой порой в жизни наследника российского престола Павла и его супруги.

Путешествие графов Северных закончилось 20 ноября 1782 года далеко не самым приятным образом. По возвращении в Петербург, как водится, случился скандал. На одного из братьев Куракиных обрушилась царская опала, кстати, вполне заслуженная — не надо в письмах болтать лишнего. Письмо перлюстрировали, содержимое его доложили царице, а она в нем

представлялась далеко не в лучшем свете… Цели европейского путешествия достичь не удалось — отношения между Екатериной и Павлом не стали по-европейски корректными. Мать продолжала подозревать сына в желании исполнить замыслы «панинской партии» о его скорейшем и законном вступлении на престол…

Николай Борисович во всей истории этой замешан не был. Более того, путешествие окончательно способствовало его вхождению в самый близкий круг доверенных людей царицы.



Трактат о посольствах и послах. Роттердам. 1726. ГМУА.

В январе следующего, 1783 года начинается дипломатическая карьера князя в ранге посланника. Екатерина II подписывает «Указ» Коллегии иностранных дел «О назначении камергера Двора Ея Величества князя Н.Б. Юсупова …чрезвычайным посланником и полномочным министром… при королевском Сардинском дворе»[122]. В.И. Иванова свершила настоящий подвиг ученого-исследователя, изучив громадный Юсуповский архив с исчерпывающей полнотой. Мне еще не раз предстоит цитировать фрагменты из найденных ею документов. Она дала 32-летнему Николаю Борисовичу, вступавшему на дипломатическое поприще, такую характеристику: «…князь от природы был наделен острым аналитическим умом, сильной волей, редкой хваткой и способностью к подбору утонченных средств и приемов при

поисках пути к уму и сердцу нужного человека. Великолепно развитая интуиция и унаследованные от предков осторожность и умение предвосхищать и предотвращать нежелательное развитие событий, а также готовность, если не силой, то хитростью, добиваться поставленной цели дополняли перечень черт характера, которыми обладал князь Н.Б. Юсупов и которые были необходимы для его профессиональной деятельности в качестве дипломата»[123].

Г.Г. Чернецов. «Площадь святого Петра в Риме во время папского благословения» 1850. ГРМ.

К этому надо добавить еще один небольшой штрих — блестящее образование Николая Борисовича и свободное владение пятью европейскими языками.

В ту пору Италия была разделена на множество сравнительно мелких государств. Большой роли в политике они не играли, но дружба с ними служила определенным фактором стабильности. В качестве мелких государственных образований итальянские королевства и республики были чрезвычайно склонны к мелочным же обидам, интригам и иным заболеваниям больного мелкого самолюбия. Сардинское королевство исключением не являлось.

Посол всесильной Екатерины был принят при дворе Сардинского короля Виктора-Амадея III в Турине со всеми возможными церемониями. Юсупов получил разрешение

лицезреть Александрийское укрепление — цитадель, «которую никто из иностранцев не мог посетить без особенного позволения короля»[124].

Немногочисленные русские путешественники, встречавшиеся с Николаем Борисовичем в Италии, не без раздражения отмечали, что он и здесь, за границей, ведет свой обычный образ жизни — постоянно бывает в опере, в концертах и пляшет на балах. Николай Борисович всю жизнь считался отменным бальным танцовщиком. Не трудно представить Юсупова в танце — изящного, легко двигающегося, почти идеального партнера, чем-то напоминающего французского маркиза, а отнюдь не татарского князя, как некоторым казалось.

Разумеется, что вокруг Юсупова и в Италии постоянно вились самые красивые женщины. На юге они темпераментней, а потому и доступней, с легкостью смотрят на некоторое кажущееся нарушение приличий… Не особенно беспокоились и мужья; ведь княжеская благодарность всегда превышала размеры рогов.

С раздражением пишет обо всем этом родственник Николая Борисовича по матери В.Н. Зиновьев, посетивший Рим в 1785 году. *«Нашел наших двух министров здесь Юсупова и Разумовского (Андрея Кирилловича, — неаполитанского посланника. — А.Б.). Первый все таков же: покупает здесь картины, весьма дурные, как мне кажется, разные инвенции шандалов делает, которые совсем татарского вкуса, занят маханьем (ухаживанием), здесь, как и в Турине, одним словом — все тот же, как и был»*[125]. Надо полагать, для раскрытия подлинного смысла этого родственного описания очень подходит народная мудрость, — когда кажется, надо креститься. К тому же не следует забывать и еще одной неприятной стороны медали — у бездетного на тот период Юсупова вся родня ходила в потенциальных наследниках. Было от чего раздражаться, ведь тратились деньги, при иных обстоятельствах способные пополнить не слишком толстый кошелек и господина Зиновьева.

Николай Борисович частенько отлучался от Туринского двора. Послушать новую музыку и развеяться в приятном дамском обществе Венеции или Рима, как думали некоторые умные люди. На самом деле в это время князь выполнял ответственные государственные задания. Екатерина возлагала на него серьезные дипломатические поручения весьма деликатного свойства. Их характер оказывался таковым, что требовал для себя «легального прикрытия», как любили говорить большевики о своей нелегальной работе, — должности посла при мелком государстве. Самыми серьезными оказались переговоры Юсупова

с папой Римским…

А Луи Дюкро. «Павел Петрович и Мария Федоровна на Римском Форуме». 1782. «Павловский дворец-музей».

В 1785 году граф А.К. Разумовский, имевший самое непосредственное отношение ко дворцу Московского Английского клуба на Тверской, повел себя при Дворе Неаполитанского короля так, как и подобает господину, чье родословное древо состоит из двух слов — из грязи да в князи. Прирожденному князю Юсупову пришлось ехать расхлебывать графское дело, а оно представлялось очень серьезным дипломатическим скандалом. Неаполитанская королевская семья сочла поведение Разумовского оскорбительным по отношению к королеве Марии-Каролине. Николай Борисович не без труда добился приема у короля Фердинанда I, которому передал самые дружественные извинения императрицы Екатерины II. Дело уладилось.

7 августа 1788 года Юсупов вновь в Неаполе. Он провел весьма сложные переговоры с королевским Двором относительно обострившихся в очередной раз отношений между давними врагами — Россией, Швецией и Турцией. Россия нуждалась в нейтралитете европейских государств, для соблюдения которого пресловутое «общественное мнение» играло немалую роль. Тяжелыми оказались переговоры князя в Венеции с дипломатическими представителями Англии и Австрии. Зато вечерами Николай Борисович имел возможность посещать

любимый венецианский театр Ла-Фениче. Здесь же, в Венеции Юсупов познакомился и подружился со знаменитым театральным художником Пьетро Гонзага, если возможна дружба между внуком сапожника и легендарным «потомком самого пророка Магомета»…[126]. По крайней мере, обедал художник за княжеским столом постоянно, что вызывало удивление и раздражение вельможных коллег Юсупова по дипломатическому ведомству.

В 1784 году Николай Борисович побывал в Ватикане, получил аудиенцию у папы Римского Пия VI. Этому предшествовало получение секретной инструкции от императрицы Екатерины, которая датирована ноябрем месяцем.

«Инструкция Действительному Камергеру, Чрезвычайному Посланнику и полномочному Министру Князю Юсупову.

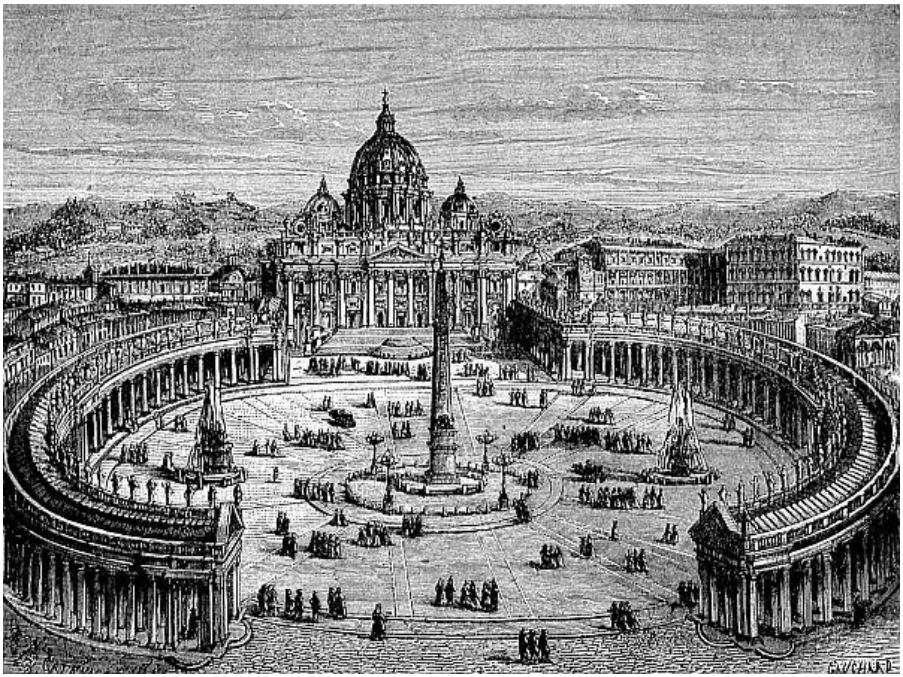
Благородный Нам любезноверный!

…Откланявшись от Туринского Двора, направить путь Ваш в Рим, где Вы явитесь в качестве Кавалера Двора Нашего, имеющего особую комиссию к Тамошнему Владетелю, а отнюдь не в образе Министра характеризованного, дабы инако не иметь нужды в установлении нового церемониала, следовательно же и не найтися в случае какого-либо затруднения с пребыванием в Риме…»[127].

Для разрешения сложных внешнеполитических проблем должность временного посланника в Риме мало что давала Юсупову и в политическом, и в дипломатическом отношении. Тут помогли личные масонские связи князя. Николай Борисович в качестве частного лица не только получил папскую аудиенцию, но и добился признания Папским двором *«…отдельного самостоятельного существования в Российской империи римско-католической паствы, благодарил за дарование близкому к Русскому императорскому дому могилевского архиепископа Сестренцевича палладиума и возведения в кардиналы бывшегов России папского посла Аркотти»*[128]. Кроме того, императрица через Юсупова выразила пожелание, чтобы Сестренцевича возвели в кардиналы.

Иоганн Ведер. «Портрет папы Пия VI». Камея. Г.Э. Из собрания кн. Н.Б. Юсупова

Этим самым Екатерина устраняла происки Римской курии на территории Российской империи, а заодно, «милостиво» даровала католикам звание своей очередной «домашней церкви», что называется, приводила их к собственному августейшему ногтю. По мудрой мысли Екатерины, «русских» католиков должен был возглавлять архиепископ Могилевский, назначаемый по ее личному указанию и действующий так, как удобно русской царице, а отнюдь не Ватикану и Римской курии. Епископ, а потом и архиепископ Станислав Сестренцевич-Богуш (1731–1826) прославился своей откровенно русофильской позицией, за что его искренне не любили в Риме, но отстранить от дел так и не решились. Во второй половине XVIII века многие униаты и католики Белоруссии и других территорий Российской империи, находившиеся в юрисдикции Сестренцевича, вернулись в лоно Православной церкви. Тогда умели решать проблемы не только униатов…



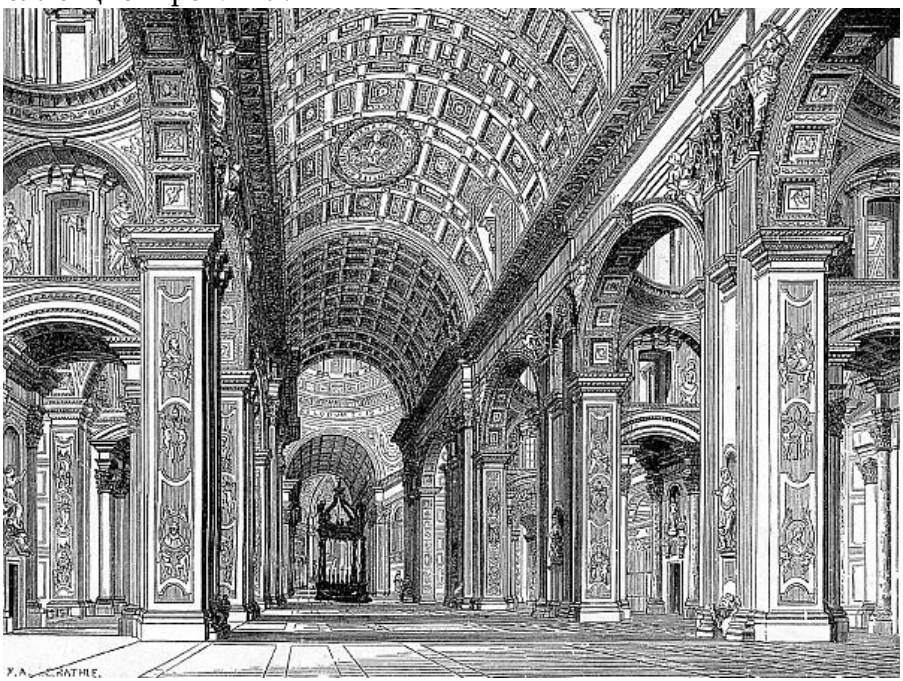
Д.Б. Пиранези. «Площадь святого Петра в Риме». Гравюра.

Папа принял Николая Борисовича так неожиданно дружественно, что даже позволил князю организовать копирование лучших живописных украшений Ватикана. До Юсупова разрешения на снятие копий Ватиканских фресок в таких объемах не получал никто. Надо заметить, что и после тоже. Впрочем, какие уж тут рафаэли, когда масонская дисциплина обязывала…

Вообще-то идея перенести, точнее — «пересадить все великое», что имелось в Европе, на невские берега принадлежала наследнику престола Павлу. Екатерина относилась к этому несколько скептически. В результате теперь нам остается любоваться в Эрмитаже только копиями Лоджий Рафаэля, тогда как остальные шедевры Ватикана остаются для русских людей практически недоступными.

Во время пребывания в Италии Юсупов неоднократно получал от Екатерины письма можно сказать личного характера. Их дружеский тон не оставляет сомнений в самых приятельских отношениях между царицей и князем. Екатерина не считалась страстным коллекционером скульптуры или картин, а любила исключительно резные камни. Живопись она собирала для государственного величия, камни — для личного удовольствия. Как раз о камнях она и советовалась с Юсуповым. Вот несколько

фрагментов из ее длинного письма, адресованного к князю в Рим и посвященному как камнерезному искусству, так и искусству коллекционирования.



«Интерьер собора святого Петра в Риме». Гравюра с использованием рис. Д.Б. Пиранези.

«Господин князь Юсупов!

Я получила два ваших письма и три камея в свое время. Я ожидала верного случая для ответа вам и очень хорошо помню, что обещала вам это. Надеюсь, что теперь вы оправились от болезни, которая настигла вас по прибытии в Италию.

И так вот Пиклер, Ведер и Амастини заняты приумножением моего маленького собрания, нынешнею осенью увеличенного покупкою кабинета, который угодно было сбыть герцогу Орлеанскому. До сей минуты, и, считая даже три перстня, которые вы прислали к дню моего праздника и за которые Я вас благодарю, мое маленькое собрание заключается в 7817 резных камней; нерезаные умножаются повседневно, есть о десяти, двенадцати и четырнадцати слоях.

Г.Г. Чернецов. «Внутренний вид собора святого Марка в Венеции». 1846. ГРМ.

Но Я думаю, вы не сомневаетесь, что ученые и неучи все становятся антикварiями, и потеха видеть, как они роются в книгах, чтобы иногда отыскать безделушку; к этой мании присоединилась еще другая: мы открыли обширное собрание медалей от 14 до 15 тысяч, медалей, которые лежали не знаю на каком-то чердаке, но все это еще ничего в сравнении с тем, что я скажу вам. Генерал Мамонов принялся сам резать на камнях и для опыта, к великому изумлению Леберехта, отделал сампрехорошенький инталио, а теперь трудится над камеем, представляющим голову Минервы в шлеме, которая еще не окончена, но однако же ногою не утрется. Мозаики для шкатулок, обещаемые вами, мне доставят большое удовольствие, также как картины Ангелики Кауфман…

Что касается новых поручений для списывания Рафаэлей, то хотя на это вы имеете благосклонное согласие Папы, но лучше

отложить это до другого времени, когда наше внимание будет менее озабочено занятиями…

Вы видите, что никакие из наших привычек не изменились и что Его Превосходительство мучится по-прежнему. Вот длинное письмо! скажете вы, а ни слова о войне. Ну, так знайте же, что Я в восторге, когда хоть на минуте не слышу о ней. Впрочем, мы готовимся с возобновленным усилием к будущей кампании…

Н.Г. Чернецов «Площадь святого Марка в Венеции». 1846. ГРМ.

Прощайте, будьте здоровы, хоть Я и замедлила вам ответом, но вы видите, что ответ мой не короток.

Екатерина»[129].

О повседневном быте, привычках, образе мыслей и действий

Юсупова во время пребывания за пределами России достоверно известно немного. Тем ценнее оказывается короткое замечание его неизвестного подчиненного по московской Оружейной палате, написавшего в своих опубликованных без подписи воспоминаниях, *что «князь Юсупов когда-то состоял нашим посланником при неаполитанском дворе и оставил по себе в Неаполе завидную память: его любили и уважали все, начиная от короля и кончая бедным, нуждающимся населением, которому он всегда помогал чрезвычайно щедрую рукою»*[130].

В Италии Николай Борисович собрал громадную коллекцию произведений искусства. Особенно много в ней имелось живописи и скульптуры. Юсупов посещал мастерские всех ведущих художников, старался покупать работы старых мастеров, но они и тогда уже считались большой редкостью. К тому же аристократу частенько пытались всучить старые копии, выдаваемые за подлинные творения мастеров эпохи Возрождения. Время все расставило на свои места — Юсуповское собрание давно признано крупнейшей частной коллекцией Европы.

А. Канова. «Амур». Из собрания кн. Н.Б. Юсупова. ГЭ.

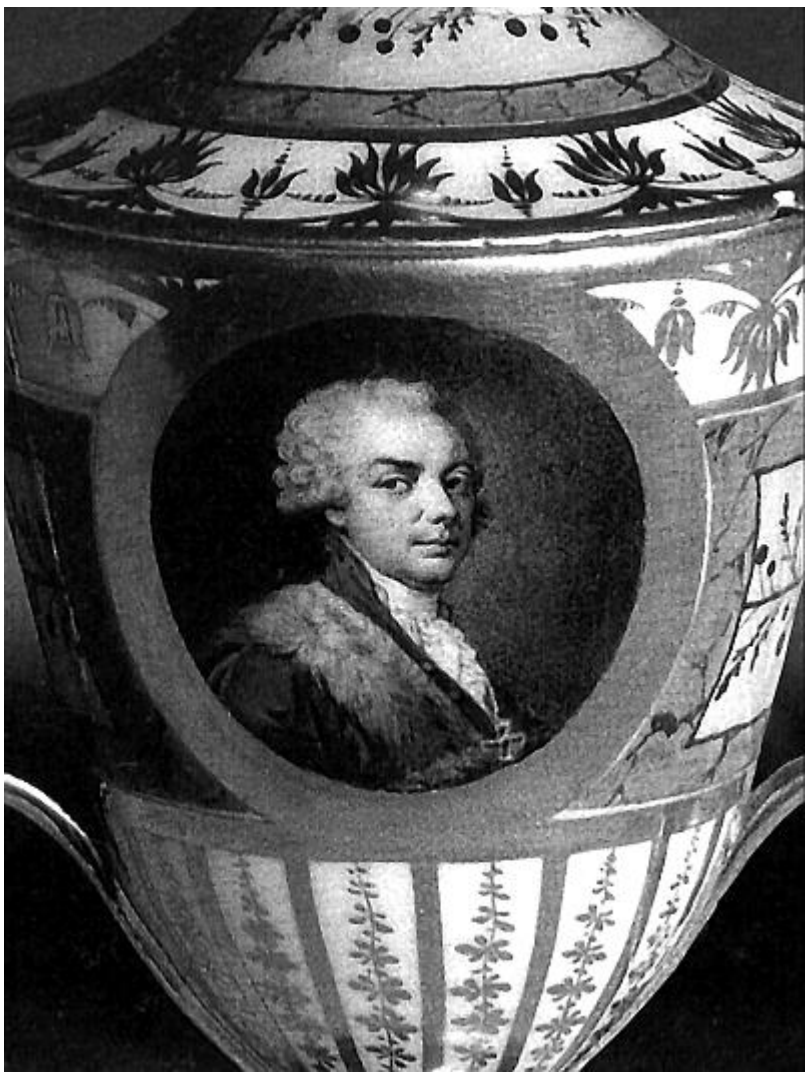
Среди итальянских знакомых Николая Борисовича был и знаменитый скульптор Антонио Канова. Наверное, несколько преувеличенными звучат уверения в их дружбе, а если таковая имела место, то основывалась на известной поговорке — дружба дружбой, а денежки — врозь. Непосредственно в мастерской скульптора Юсупову удалось приобрести несколько готовых камерных бюстов работы самого Кановы, а также заказать ему две скульптурные композиции в рост. Они исполнялись в то время, когда Николай Борисович уже вернулся в Россию.

«Вся цивилизованная Европа» стояла в очередь за работами Кановы, но русского князя любезно пропустили с «черного хода». Скульптор был масоном очень высокой степени посвящения; не

случайно после падения Наполеона именно его, а не какого-нибудь мелкого итальянского графа командировали во Францию, дабы вернуть захваченные «корсиканским чудовищем» художественные сокровища Италии, что удалось сделать весьма успешно, хотя и не без потерь. Благодаря Николаю Борисовичу Эрмитаж теперь обладает превосходной коллекцией скульптуры Антонио Кановы, правда, в музейном этикетаже это обстоятельство обычно не отражается. Лишняя информация вредна современному человеку, не склонному к воспитанию в себе исторической памяти. Ведь еще не так давно обходились просто памятью…

Д. Вольпато «Лоджии Рафаэля». Гравюра. ГМУА

Говорят, что, однажды попав в Италию, из нее трудно уехать, расстаться с нею, как трудно не попасть под обаяние итальянской природы, архитектуры, моря и бездонного голубого неба. Юсупов среди других городов Италии особенно любил Венецию. «Северной Венецией» называли в прежние времена Петербург, куда императрица Екатерина вызывала своего полномочного посланника для занятия много более высоких государственных должностей.



Чашка с портретом князя Н.Б. Юсупова по оригиналу Ж.Б. Лампи. 1810-е гг. Юсуповский фарфоровый завод. Архангельское. Белье Гарднера. ГЭ.

Глава 10
Министр русской культуры

Друг просвещения!
Изящности любитель!
России верный сын!
Вельможи образец!

Ф.Ф. Кокошкин.

Подпись под гравированным портретом Н.Б. Юсупова

Северная Пальмира, Северная Венеция — так называли Петербург еще в XVIII столетии восхищенные поклонники величественной красоты новой столицы России. Эстетическая цельность выдающегося творения зодчих разных эпох и стилей, художественное разнообразие и вместе с тем единство градостроительного ансамбля накладывали свой отпечаток и на самих жителей города тех давних лет. Особенно это касалось представителей высшего сословия, высшего Петербургского света, которые родились и получили воспитание на берегах Невы.

Князь Николай Борисович Юсупов, вернувшись в Россию, стал заметной фигурой последнего десятилетия пышного царствования императрицы Екатерины Великой. В эти годы он фактически возглавил русскую художественную жизнь, являясь не только официальным, но, что не менее важно, и неофициальным законодателем русской художественной моды. По возвращении в Петербург Юсупов предстал перед соотечественниками человеком, которому полагалось подражать, у которого полагалось учиться.

Под руководство князя постепенно передавались все основные художественные заведения России. Если бы он получил еще пост Президента Императорской Академии Художеств, а она в конце XVIII столетия пребывала в полном упадке, то Николая Борисовича смело можно было признать первым официальным министром русской культуры. Увы, министром культуры Юсупов оставался неофициальным — при русском Дворе такового министерства никогда не существовало, равно как и министерств вообще вплоть до начала XIX столетия. Для его появления

пришлось ждать комиссаров, октября 1917 и преобразования наркоматов. Впервые мысль о неофициальной должности Юсупова — министра культуры высказал историк искусства А.В. Прахов, занимавшийся изучением и описанием Юсуповского собрания в конце XIX века. «Будь в его ведении еще Академия художеств, — писал Прахов, — и князь Николай Борисович стал бы министром искусств и художественной промышленности в России»[131].

Императрица Екатерина, обладавшая хорошим эстетическим вкусом, по большинству проблем развития художественной жизни России советовалась именно с Юсуповым, а проблемы эти волновали просвещенную императрицу ничуть не менее, чем восстание «дорого родственника» Емельки Пугачева или политические сплетни дворов Европы. Полагалось соответствовать культурному облику эпохи Просвещения, а равно и славе просвещенной правительницы. Этого императрица достигала не только собственным трудом, преимущественно эпистолярным, но и с помощью советников — их она, как правило, подбирать умела.

В 1788 году Екатерина отозвала Николая Борисовича из Европы. Он понадобился ей в Петербурге. Впрочем, заметная должность для него нашлась не сразу — царица приглядывалась к экс-посланнику, с которым в последние годы больше дружила по переписке, нежели лично. Она продолжала питать к Юсупову чувство искренней привязанности, своего рода женской дружбы, а Екатерина дружить умела, хотя настоящих друзей, а не просто знакомых, у нее имелось совсем немного. По возвращении из Европы князь постоянно бывал при Дворе, входил в интимный кружок царицы, который собирался в Зимнем дворце без особых церемоний. Ему, среди немногих царедворцев, разрешалось являться к Екатерине обедать без предварительного приглашения, запросто — Николай Борисович всегда оставался очень приятным, галантным в повседневном общении человеком.

Приходится еще раз повторить, что в огромном Юсуповском архиве документов XVIII столетия, которые касаются личной жизни князя, а не вотчин и крестьянских недоимок, сохранилось совсем немного. Поэтому хронику жизни Николая Борисовича этого времени приходится в большей степени реконструировать по немногим достоверным сведениям и, увы, сплетням, что с наслаждением донесли до наших дней княжеские современники-недоброжелатели в своих немногочисленных воспоминаниях. Недоброжелателей и завистников у мудрого и обаятельного князя всегда имелось немало, особенно в среде не слишком

образованного дворянства средней руки.

Среди всех рассказов-сплетен о Николае Борисовиче выделяется милый исторический анекдот о простоте нравов, царивших в ближайшем круге императрицы Екатерины Великой. Как-то раз Юсупов сидел с царицей за обеденным столом. Подали гуся. Екатерина спросила князя, памятуя его европейские привычки:

— Знаете ли вы, как разрезать такую важную птицу?

— Мне ли не знать, — отвечал Юсупов немного надменно. — Эта птица давно нам знакома и дорого обошлась нашему роду, предок мой поплатился за нее половиной своего имения!

— Как так? — удивилась царица.

— Да пригласил как-то прадедушка Дмитрий Сеюшевич патриарха Иоакима в гости. А дело было в пятницу на Страстной неделе. На стол подали жареного гуся; день же был постный. Патриарху казалось неловко отказаться от угощения, чтобы не обидеть радушного хозяина, вот он и оскоромился, а потом пожаловался царю. Это угощение от мусульманина сочли за оскорбление религии. Царь Федор Алексеевич и приказал отобрать у прадедушки половину имущества. Проступок свой Дмитрий Сеюшевич загладил принятием Православия, и царь возвратил ему отнятое.

Выслушав сей исторический анекдот о Патриархе, гусе и князе Дмитрии Сеюшевиче, Екатерина долго смеялась, после чего с улыбкой заметила:

— Ничего, князь, у тебя и без того много осталось. В случае чего и меня с семейством прокормишь[132].

На самом деле денег в конце царствования Екатерины II у Юсупова оставалось не так уж много; финансовые дела князя оказались порядком запущены и частью запутаны. Ему приходилось больше заниматься распутыванием дел государственных, нежели своих собственных.

Николай Борисович вернулся в Россию после долгой дипломатической службы в Европе, вероятно, только к концу 1788 года. Он уже не застал в живых тяжело болевшую мать княгиню Ирину Михайловну, которая умерла в марте на руках у дочери Александры Борисовны, по мужу Измайловой, — единственной из четырех сестер Юсупова, которая тогда была жива. Александра Борисовна после разъезда с мужем жила у матери. Ее супруг — Действительный Тайный Советник, Сенатор и Кавалер Иван Михайлович Измайлов исхитрился проиграть в карты почти все состояние — 80 тысяч рублей. Александра Борисовна продала свой петербургский дом, покрыла часть

мужниных долгов и вместе с дочерью Ириной переехала в Москву к больной матери.

За два месяца до смерти, 20 января 1788 года, Ирина Михайловна отправила Николаю Борисовичу последнее письмо, наполненное чувством материнской любви и гордости за единственного сына, которого, как и предполагала, увидеть ей больше не довелось. Понятно, что приехать из Италии в Россию на погребение матери Юсупов не мог — в те времена дорога занимала почти месяц, если не более по весенней распутице. Даже дипломатическая почта доставлялась не без трудностей.

Ирина Михайловна завещала похоронить себя в подмосковном имении Спасское-Котово, где прожила большую часть времени после смерти мужа. В специальном приделе усадебной церкви позднее нашли последнее упокоение и сам Николай Борисович, и его сын Борис Николаевич, и некоторые другие представители рода.

Ф. Титов. «Портрет княгини Ирины Михайловны Юсуповой за вышиванием». 1765. ГМУА.

Юсупов, слывший среди современников «западником, вольтерьянцем и татарским князем», как именовали его за спиной

недоброжелатели, приказал ежегодно в день памяти святой мученицы Ирины в приходском московском храме Трех Святителей у Красных ворот отмечать «День памяти Ея Сиятельства покойной княгини Ирины Михайловны» положенной заупокойной службой. В московском Богоявленском монастыре, который находится неподалеку от Кремля между Никольской и Ильинкой, где тогда тоже имелись родовые захоронения князей Юсуповых, по указанию Николая Борисовича ежегодно в середине мая или в начале июня управитель Московской домовой канцелярии И.М. Щедрин заказывал «…поминовение родителей Его Сиятельства и служение ранних обеден». Когда же Юсупов переехал в Москву, то сам непременно присутствовал на ежегодных панихидах по родным. Как говорит народная мудрость — «живы родители — почитай, умерли — поминай». Вот такое «западничество и вольтерьянство» Юсупова, о котором так много и охотно судачили современники да и потомки Николая Борисовича, достаточно плохо представлявшие себе и его религиозные воззрения, и домашнюю жизнь.

В Петербурге Юсупову пришлось задуматься об устройстве собственного дома. Первоначально он поселился в старом отцовском особняке на Английской набережной. Это небольшое строение могло удовлетворить запросы «именитых людей» только в эпоху Петра Великого, когда дворянство не успело еще привыкнуть к европейской роскоши. К тому же в петровскую эпоху дворяне не испытывали такой безудержной страсти к коллекционированию, как во времена императрицы Екатерины Великой, а известно, что приличную коллекцию ни один дом не вместит.

Со времен Петра Петербург сильно разросся; то, что в первые десятилетия жизни новой столицы казалось загородной усадьбой, полвека спустя почиталось, можно сказать, центром города. В 1724 году князь Борис Григорьевич, отец Николая Борисовича, устроил себе на Фонтанке деревянный загородный дом, своеобразную «ближнюю дачу», называвшуюся по обычаю того времени мызой. Тут имелся и обширный парк, и всякие иные садово-огородные угодья, столь необходимые в деревне. В середине XVIII столетия деревянный дом заменили на каменный, сооруженный в стиле позднего — очень яркого и помпезного барокко. Главный фасад нового дома ориентировался на реку.

Именно здесь Юсупов и решил обустроиться на постоянное жительство, ведь тогда он и в мыслях не предполагал становиться москвичом. В 1790 году Николай Борисович заключил договор со знаменитым зодчим Джакомо Кваренги на перестройку главного усадебного дома и работы по пейзажному парку. Кваренги не

случайно называли волшебником. Работал он, правда, очень медленно, но выполненные им проекты способны были преобразить любой уголок природы, любое архитектурное сооружение. Кваренги многие годы являлся главным проектировщиком в Павловске, загородной резиденции наследника престола Павла и его супруги — Марии Федоровны, близких друзей Николая Борисовича, так что выбор архитектора являлся вполне оправданным и говорил о хорошем вкусе князя.

Кваренги создал для Юсупова величественный и очень вместительный дворцовый комплекс в стиле зрелого классицизма, частично использовав для него стены старого усадебного дома. Регулярный парк сменил пейзажный. Территория владения в те времена была так велика, что в современном Петербурге она не могла сохраниться целиком. Достаточно сказать, что даже обширная Сенная площадь когда-то являлась составной частью Юсуповского сада…

Дворец князя Н.Б. Юсупова в Петербурге на Садовой улице. Современная фотография.

К середине XIX века, когда Юсуповский, или Юсупов сад окончательно перешел из частного владения в общественную собственность, он стал известен как место расположения одного из первых и лучших в Петербурге публичных катков. Юсуповский сад также превратился в место не совсем приличного или традиционного флирта, если выразиться точнее — стал петербургским подобием московской Театральной площади, но

Юсуповы, разумеется, не имели к этому уже ни малейшего отношения.

Впрочем, Юсупов сад являлся весьма своеобразной достопримечательностью старого Петербурга не только благодаря посетителям его темных аллей. Многим ли сегодня известно, что именно здесь находится родина отечественного фигурного катания? Публичный каток на пруду Юсупова сада открылся в 1865 году. В 1883 году на его льду проводились первые международные соревнования, а в 1887 году каток перешел в ведение «С.-Петербургского общества любителей бега на коньках», сделавшего его центром учебной и спортивной работы по фигурному катанию и бегу на коньках. В 1890 и 1901 годах каток стал местом проведения международных соревнований фигуристов, а в 1896 и 1903 годах — официального первенства Европы по фигурному катанию. При катке действовала школа фигурного катания, воспитанниками которой были выдающиеся русские мастера — Александр Паншин и Николай Панин (Коломенкин).

Неизв. художник. «На коньках». Акварель из альбома. 1830-е гг. Пушкинский Дом.

С 1954 года эта часть бывшего Юсупова сада используется как детский парк Октябрьского района Ленинграда, одним из украшений которого служит статуя В.И. Ленина, изготовленная

по модели выдающегося скульптора Д.П. Шварца, — подлинный шедевр садово-паркового искусства той поры. В бывшем Юсуповском дворце теперь располагается музей, где собраны уникальные материалы по истории отечественных железных дорог.

Обо всем этом можно было бы и не рассказывать, если не знать, что возрожденный Московский Английский клуб имеет самое непосредственное отношение к современной истории фигурного катания. Знаменитый советский тренер Елена Анатольевна Чайковская состоит в клубе со дня его основания, является непременным посетителем всех клубных мероприятий; члены Английского клуба ежегодно встречаются на льду с лучшими ее учениками, сами катаются под руководством отечественного тренера № 1. А в Петербургский Английский клуб вступила Тамара Николаевна Москвина — глава ленинградской школы фигурного катания. Такое вот своеобразное продолжение традиций или, если угодно, перекличка времен. Ну а до революции в Английских клубах столиц состояли практически все владельцы крупных частных и высшие чиновники государственных железных дорог.

Е. Корнеев. «Катание на коньках на Неве». Раскрашенная гравюра. 1-я четверть XIX в. Фрагмент.

Юсуповская усадьба в последние годы XVIII столетия превратилась в один из культурных центров Петербурга. Здесь князь Николай Борисович давал пышные балы, принимал иностранных гостей и знаменитых соотечественников. Перечисление их имен могло бы занять большую книгу. Достаточно назвать одного только поэта Г.Р. Державина, бывшего весьма разборчивым в знакомствах, — постоянного посетителя Юсуповского дома.

Во дворце хранилась уникальная библиотека хозяина, по стенам висели картины и гобелены княжеской галереи, в специальных шкафах располагались остальные обширные коллекции князя. После свадьбы здесь жила и Татьяна Васильевна

Энгельгардт, по первому мужу Потемкина, супруга Николая Борисовича.

В 1810 году, окончательно решив переехать в Москву, Юсупов продал усадьбу в казну. Новым ее владельцем стало Главное управление путей сообщения. В обширных помещениях главного усадебного дома разместился Институт корпуса инженеров путей сообщения, который основал за два года до этого находившийся на русской службе крупный инженер — Август Бетанкур, прославившийся еще раз в наши дни как проектировщик деревянных ферм сгоревшего Большого московского Манежа. С начала XIX столетия железнодорожное ведомство при всех властях не покидало бывшее княжеское владение. Современный адрес усадьбы — Садовая улица, дом № 51[133].

Вернувшегося в Петербург князя Юсупова Екатерина возвела в Тайные Советники, то есть пожаловала один из высших чинов, согласно петровской «Табели о рангах», а также присвоила ему звание сенатора. Действительным Тайным Советником Николай Борисович стал уже в царствование императора Павла Петровича. Князю полагалось присутствовать в одном из департаментов Сената, где решались различные вопросы государственной жизни, зачастую весьма мелочные. В Сенате Николай Борисович пробыл вплоть до 1792 года; звание же сенатора сохранял пожизненно.

4 мая 1789 года царица назначила князя на первую «художественную» должность — директора Императорской Шпалерной мануфактуры. С этого дня отсчитывается хроника деятельности Юсупова на неофициальном посту «министра культуры» России. Вкратце она выглядела следующим образом. 12 февраля 1791 года Юсупов становится Главным Директором Императорских театров. В 1792 году в ведение князя передается Императорский Стекольный завод, которым до октября 1791 года не особенно радиво, а скорее номинально, управлял светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический.

17 октября 1792 года Юсупов возглавил Императорский Фарфоровый завод, который вскоре стал гордостью императорской фамилии, а равно и русского искусства. Николай Борисович смог так хорошо поставить здесь фарфоровое производство, что на протяжении 1-й половины XIX столетия у завода не нашлось сколько-нибудь серьезных конкурентов среди многочисленных частных предприятий внутри России. Не мог конкурировать с Императорским заводом и собственный, Николая Борисовича, появившийся уже в следующем столетии[134].

Князь Николай Борисович зарекомендовал себя блестящим

«организатором производства». Он умел находить и расставлять на самые ответственные посты знающих и проверенных людей. Конечно, случались и ошибки, но сравнительно редко. Николай Борисович с годами хорошо изучил человеческую природу, без труда определял сильные и слабые стороны того или иного человека, старался быть снисходительным к недостаткам ближнего. Лично он всегда контролировал только результат работы; сам «процесс производства» его мало интересовал. Своими «выдвиженцами», как говорили в советское время, князь очень дорожил, всячески старался им помогать, выпрашивал для них чины, звания, пенсии, казенные квартиры, дрова и даже свечи. В те времена такие отношения между начальником и подчиненными казались странными. Еще больше они удивляли младших современников Николая Борисовича в XIX столетии, когда он жил в Москве и командовал чиновниками кремлевскими.

Оценку самому Юсупову-чиновнику, Юсупову-организатору и исполнителю дала лично императрица Екатерина. Без лишних рассуждений она призывала князя к исполнению одного должностного поручения за другим, по мере выполнения предшествующего, точнее — по мере приведения им в надлежащий порядок той или иной отрасли петербургской художественной жизни. После того как Николай Борисович разрешил основные проблемы шпалерного производства и театрального дела, а они доставляли царице немало хлопот, курьер из Зимнего дворца доставил Юсупову еще один Высочайший Рескрипт.

«Князю Николаю Борисовичу Юсупову.

Купленный Нами у наследников покойного Князя Потемкина Таврического стеклянный завод поручаем Мы в управление Ваше и желаем, чтоб вы употребили всемерное старание о приведении онаго в цветущее состояние… Екатерина, 27 августа 1792 г»[135].

«Придворная молочница сказала: «Разумеется!» — говорится в известном английском стихотворении почти по этому поводу. Прошло совсем немного времени и Императорский Стекольный завод (так чаще стали называть его в документах) вышел на ведущие позиции в производстве отечественного стекла, хотя конкурентов среди частных предпринимателей у него оставалось достаточно.

Любопытно, что для «поднятия» этого малорентабельного производства Николай Борисович воспользовался способами, весьма напоминавшими плановую социалистическую экономику. Он провел аттестацию каждого мастера, присвоив всем определенный государственный чин и класс, что давало не только

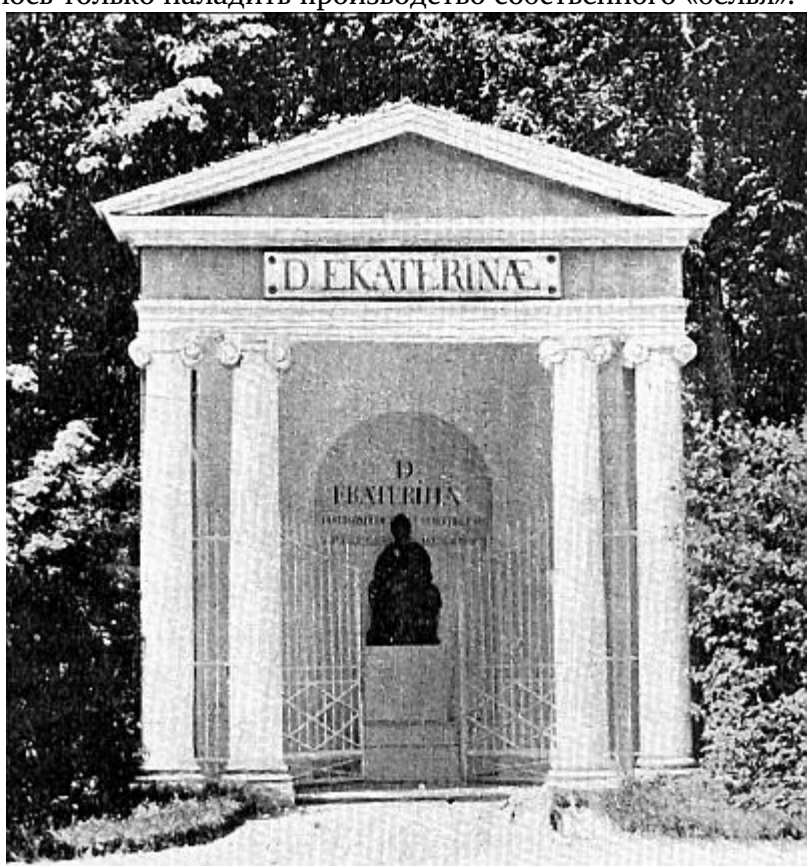
текущее жалованье, но и гарантировало пенсион в старости. Ко всякому аттестованному мастеру, а это были преимущественно иностранцы, князь прикрепил группу русских учеников, дабы всегда имелись собственные опытные кадры для замены. Все работники фабрики получили прибавку к жалованью. Эти несложные меры по улучшению материальной заинтересованности постепенно привели к тому, что положение дел на Императорском Стекольном заводе пришло в самое блестящее состояние.

Императрица, разумеется, не успокоилась на этом назначении и послала новый Рескрипт.

«Князь Юсупов!

Состоящий близ Санктпетербурга казенный фарфоровый завод препоручаем в ведомство ваше… 17 сентября 1792 года»[136].

Как бы странно это не звучало, но фарфоровое производство сиятельному князю Юсупову оказалось досконально знакомо. Не случайно в более поздние годы он завел в своем подмосковном Архангельском собственный фарфоровый завод, чья продукция отличалась выдающимися художественными достоинствами. Не удалось только наладить производство собственного «белья».



Архангельское. Храм Екатерине II. 1819. Архитектор Е.Д. Тюрин. Фотогр. 1900-х гг.

Однако самым первым из «художественных производств» в ведение Николая Борисовича оказалась передана Императорская Шпалерная мастерская или мануфактура (еще в 1789 году). Русские шпалеры впервые появились в царствование императора Петра Великого, который и открыл в Петербурге Императорскую Шпалерную мануфактуру. Специалисты считают, что когда-то у Юсупова хранилась крупнейшая в России частная коллекция шпалер — более полные сведения, равно как и сама коллекция, теперь просто не существуют. У Николая Борисовича шпалер насчитывалось порядка 15, а всего князья Юсуповы собрали более 20 экземпляров этих уникальных художественных изделий. Существует семейная легенда о том, что четыре шпалеры XVII века из серии «История Мелеагра» работы брюссельских мастерских Яна Лейнерса были подарены Николаю Борисовичу во Франции. По одним сведениям, этот щедрый подарок сделал король Людовик XVI, по другим — император Наполеон I по окончании тайной дипломатической миссии Юсупова в 1810 году[137].

М.И. Козловский. «Амур со стрелой». 1797. Экземпляр из «Музеума П.П. Свиньина». ГТГ. Вариант статуи хранился в собрании кн. Н.Б. Юсупова в Архангельском. В настоящее время местонахождение незвестно.

Николай Борисович считался редкостным знатоком всего прекрасного. Не случайно именно он постоянно консультировал царскую фамилию, исполняя «комиссии» по закупке

произведений искусства для дворцов, прежде всего Эрмитажа и Павловска. Он же доставлял ко Двору и музыкальные новинки, являясь не столько просвещенным любителем, сколько вполне профессиональным знатоком музыки. Так, в мае 1784 года к Юсупову обращался наследник престола: «Я получил музыку Пуньяни, за которую моя жена очень обязана Вам, и маленькое «лунное сиянье» Гакерта, которое прелестно. Павел»[138]. Такого рода переписка велась Юсуповым постоянно, причем не только с Малым, наследника Павла Петровича, Двором, но и с большим — Императорским.

Многое, что связано с художественными интересами Николая Борисовича, просто поражает воображение. Не стало исключением и его нотное собрание, насчитывавшее свыше двух тысяч названий печатных изданий. Из этого факта можно сделать вывод о том, что «директорство» Юсупова над придворной музыкой и театрами имело под собой весьма твердую профессиональную основу. Вообще профессионализм, умение найти любые сведения, необходимые для дела, — еще одна сильная сторона Юсупова — высшего государственного чиновника[139].

«Ганимед с орлом». Древний Рим. II в. ГЭ. Из собрания в Архангельском.

Занимаясь комплектованием царских художественных собраний, Николай Борисович, разумеется, никогда не забывал и себя. Известность и авторитет его в художественных кругах Европы были так велики, что для заказа или покупки картин князь просто писал письмо, — ему верили на слово, которое непременно хорошо оплачивалось, хотя отрицать и скупости

Николая Борисовича не приходится. В известной степени он являлся сторонником формулы эпохи развитого социализма — «экономика должна быть экономной» даже в художественных сферах.

Как я уже писал, в Италии князь близко познакомился со знаменитым скульптором Антонио Кановой. Повторюсь, мне кажутся сомнительными утверждения некоторых исследователей о том, что их связывала большая личная дружба, — слишком велика оставалась разница общественного положения и привычек. Канова едва ли не с детских лет целые дни проводил в работе в мастерской, тогда как Юсупов предпочитал иного рода труды и удовольствия. Так или иначе, но отношения между ними складывались теплые.

Антонио Канова. «Амур и Психея». 1794–1796 гг. ГЭ. Из собрания кн. Н.Б. Юсупова.

В 1790-е годы, находясь в Петербурге, князь состоял с Кановой в переписке. Для Юсупова скульптор сделал в мраморе

вариант лучшей своей работы «Амур и Психея». Причем Николай Борисович настоял на некоторых, весьма существенных изменениях в композиции, от чего работа значительно выиграла. Юсуповский экземпляр ныне хранится в Эрмитаже. В Лувре находится ее первый вариант, виденный Николаем Борисовичем еще в мастерской скульптора. Он послужил основой для творения, еще более совершенного.

В 1794–1796 годах Канова сделал для Юсупова вариант — повторение «Амура и Психеи». Скульптура обошлась князю в 2 тысячи золотых цехинов, но она, безусловно, стоила таких громадных денег. Скульптор внимательно прислушивался к пожеланиям просвещенного заказчика, и, как следствие, Юсуповская группа, хотя внешне и повторяла формы луврской, в целом оказалась значительно лучше, значительнее с художественной точки зрения.

Антонио Канова. «Бюст Париса». ГМУА.

За другую работу, статую «Амур», исполненную для Николая Борисовича в 1793–1797 годах, как говорили, князь заплатил золотом столько, сколько она весила, а по другим сведениям, 8 тысяч золотых цехинов. Вроде бы это еще одна Юсуповская

легенда, но «Амур» прибыл на невские берега только в 1802 году, когда Николай Борисович несколько привел в порядок свои денежные дела и смог расплатиться с Кановой — тот подождал уплаты долга, а не продал скульптуру другому заказчику, каковых у мастера имелось предостаточно.

Сейчас в Архангельском хранятся только два произведения великого скульптора. Это работы камерного характера — бюст Париса и портретный бюст хозяйки знаменитого светского салона мадам Рекамье — жалкие, хотя и прекрасные остатки того художественного ансамбля, что некогда сформировал Юсупов вокруг очень любимых им «Амура и Психеи».

Еще Николаю Борисовичу принадлежал бюст «Гений смерти» работы Кановы, составлявший часть неудавшейся когда-то из-за технического брака камня статуи в рост. Сейчас эти замечательные произведения итальянского мастера хранятся в Эрмитаже, и даже в специальной литературе иные искусствоведы «забывают» упомянуть, что крупнейший музей страны обязан именно Николаю Борисовичу появлением этих шедевров.

Джованни Доменико Тьеполо. «Мария со спящим младенцем». 1770-е гг. ГМИИ. Из собрания князя Н.Б. Юсупова.

В 1800 году, в Петербурге, князь сделал одну из лучших своих покупок. Комиссионер Пьетро Конколо привез из Италии партию картин для продажи Императорскому Двору. По какой-то причине Павел отверг эти работы и 12 произведений купил Юсупов. Он разместил их в специальной «протяженной» галере своего дома на Фонтанке.

Среди той партии антиквариата оказались два громадных полотна знаменитого Джованни Батиста Тьеполо «Встреча Антония и Клеопатры» и «Пир Клеопатры». Они составляли часть ансамбля для убранства зала, состоявшего из 6 картин и плафона. Четыре вертикальные картины теперь утрачены — сгорели, а плафон в советское время «отъехал» в Екатерининский дворец Царского Села. После переезда Юсупова в Москву два громадных полотна Тьеполо стали подлинным украшением Архангельского.

В нашей стране это единственный художественный ансамбль произведений итальянского искусства такого уровня. В той же группе работ оказался «Женский портрет» Корреджо, ставший ныне украшением Эрмитажа. Николай Борисович не случайно купил эту большую партию картин. Скорее всего, он видел в Венеции росписи Тьеполо на сюжет «Антоний и Клеопатра», а они не могут оставить равнодушным подлинного ценителя прекрасного.

Джованни Батиста Тьеполо. «Встреча Антония и Клеопатры». 1747. ГМУА.

Юсупов был очень счастливым коллекционером. Он чувствовал вещи, и они сами к нему «шли». Так в Москве, уже совсем стариком, князь, что называется «по случаю», купил превосходный мраморный бюст своего знакомца Вольтера и заплатил за него, по своему обыкновению, самую малость от настоящей цены. Завистники обсуждали эту новость долго. Особенно не нравилась им низкая цена скульптуры. Не всякому ведь дано понять, что покупаешь, что идет тебе в руки за бесценок. Николай Борисович до конца дней не утратил инстинкта великого охотника-коллекционера…

Джованни Батиста Тьеполо. «Встреча Антония и Клеопатры». Около 1749 г. Венеция. Палаццо Лабия.

Джованни Батиста Тьеполо. «Пир Клеопатры». Около 1749 г. Венеция. Палаццо Лабия.

Культура — культурой, но и к политическим делам своего «министра культуры» Екатерина регулярно привлекала. В 1795 году ему поручалось возглавить Комитет «По рассмотрению следствия по делу о восстании в Польше». Этим деянием Николай Борисович положил продолжение семейной «традиции»

расследования всевозможных злоупотреблений, мздоимств и нарушений законов. Поляки имели к этому какую-то удивительную склонность на протяжении многих столетий, равно как и многие русские.

Императрица Екатерина умела не только «загрузить работой», но, в отличие от большинства современных «работодателей», умела и любила щедро награждать за ее удачное исполнение. В 1794 году получил очередную царскую награду и Николай Борисович. Правда, награда эта оказалась весьма своеобразной, вполне в духе Екатерины Великой…

Однако прежде чем говорить о царской щедрости, стоит отправиться за кулисы петербургских Императорских театров, где некогда царили не только Музы, но и всесильный Директор — князь Юсупов, назначенный на это «царствование» очередным Императорским Указом.

Иоганн Батист Лампи-старший. «Портрет князя Н.Б. Юсупова». После 1794 г. ГЭ. Портрет написан для Императорской Академии Художеств.

Глава 11
Директор над театрами и «музыкой для глаз»

…дабы национальный наш театр…
мог приносить час от часу
большее удовольствие…

Князь Н.Б. Юсупов

Юсупов, наш директор новый,
Партер в раек пересадил,
Актеров лучших распустил
И публику сковал в оковы.

Эпиграмма на князя Н.Б. Юсупова (конец XVIII в.)

Главу эту приходится начинать с исторического вранья. Такую вот гадкую эпиграмму сочинили недруги Юсупова и разносили ее по Петербургу едва ли не в день княжеского назначения в должность Директора Императорских театров. На этих страницах я попытаюсь опровергнуть некоторые наветы клеветников на Николая Борисовича, хотя театр и клевета со дня своего появления на свет состоят в самом тесном и неразлучном союзе и никто, и ничто, и никогда уже не сможет противостоять их совместным деяниям.

Среди важных обязанностей, которые пришлось исполнять Николаю Борисовичу на государственной службе по возвращению из-за границы, оказалось волею Екатерины Великой и директорство над Императорскими театрами, которое по первости заключалось в наведении хотя бы элементарного порядка.

Пьетро Гонзага. «Эрмитажный театр». Рисунок. Конец XVIII в. ГЭ.

Для Юсуповых театральное дело оказалось наследственным. В Петербурге русский театр зародился при непосредственном участии князя Бориса Григорьевича Юсупова. Его сын — князь Николай Борисович явился восторженным свидетелем первых десятилетий царствования Мельпомены в российских пределах, если говорить точнее — на болотистых невских берегах, так как самые первые театральные представления в России прошли в Москве еще при отце Петра I — царе Алексее Михайловиче. Как водится, после первых блистательных успехов русский театр к концу XVIII столетия постепенно захирел, приходя в упадок под руководством малоспособных вельмож-чиновников.

В России, как и во многих других странах Европы того времени, высокое искусство театра стало частью придворного ведомства; появились театральные чиновники — высшие и низшие, смотревшие на волшебство театрального действа исключительно с точки зрения исполнения входящих и сочинения исходящих бумаг. В театре завелась обычная бюрократическая рутина. Николай Борисович постарался театральную бюрократию упорядочить, а театральному действу придать новый блеск, благо с искусством европейского театра и новейшим театральным репертуаром был хорошо знаком. Заодно князь взялся за упорядочение и театрального бюджета, что оказалось много тяжелее придания блеска исполнителям.

К руководству Императорскими театрами Юсупова призвали сразу два Их Величества — случай и императрица Екатерина Великая. Виною же всему стала одна миловидная барышня, влюбленная в театр и одного грузина, а равно и ее многочисленные великосветские поклонники. Звали барышню Лизанька Уранова; в театральную историю она вошла в качестве Елизаветы Сандуновой — актрисы красивой, но быстро сошедшей со сцены, «без перехода». В истории Москвы, как легко догадаться, ее имя запечатлелось более фундаментально, ибо Лизанька явилась основательницей и владелицей половины знаменитых Сандуновских бань, занявших к началу XX столетия положение главных бань Белокаменной.

Миловидная, способная Лиза выступала на петербургской сцене. Не раз ее волшебный голосок раздавался со сцены придворного Эрмитажного театра. Сама императрица заслушивалась пением юной артистки. Однажды Лизанька после особенно удачной рулады, вопреки законам сцены, выдала из себя, точнее — из корсажа, письменную жалобу на имя Екатерины. После этого великосветские поклонники Лизанькиных прелестей от нее отстали, а некоторые, самые рьяные, даже откупились бриллиантовыми приношениями. В результате пали два директора Императорских театров, закулисным поклонникам Лизаньки благоволившие и с ними приятельствовавшие. На их место и был призван князь Юсупов.

Лизанька же по благословению царицы вступила в брак со своим милым — актером Силой Сандуновым, давним своим воздыхателем и автором исторической жалобы. Сочинять казенные бумаги жених умел отменно. Жаловался «на всех и на вся», позднее включив и жену в список своих врагов. Говорят, любовь зла… Актер Сандунов на самом деле являлся представителем захудалого грузинского дворянского рода. Спеси же и бахвальства у него хватало на несколько русских князей. Для дворянина той поры считалось крайне зазорным выступление на театральных подмостках, поэтому для приобщения к искусству полагалось родовое имя поменять. Господин Зандукели, такова была фамилия Силы Николаевича до вступления на сцену, принялся терзать жалобами и придирками нового директора — князя Юсупова. Он полагал, что теперь, после столь блистательной победы над театральными чиновниками, ему дозволено все. Николай Борисович являлся мастером закулисной интриги. Внешне князь соглашался со всеми требованиями господина Зандукели и держался с ним аристократически вежливо, как с равным. Правда, в свою очередь, через мелких служителей театральной администрации Юсупов постоянно

придирался к мелочам же, без которых, как известно, дела не бывает, и тем самым довел Сандунова до того, что тот по своей инициативе попросил перевода в Москву, понятно, вместе с супругой.

«Портрет С.Н. Сандунова». Гравюра А.Осипова с рис. Ф. Кинель.

В Белокаменной Сила Николаевич опять принялся показывать свой характер. Теперь он воевал с собственной женой — других достойных противников уже не находилось. Поводом для скандалов служили весьма захудалые в те времена Сандуновские бани, которые актерская чета устроила на свои, точнее Лизанькины, сбережения. Супруги никак не могли поделить скудный доход от банного дела. Лизаньке, в конце концов, все это надоело, и она уехала назад в Петербург, где перешла на второстепенные роли — семейные передряги лишили ее и внешнего обаяния, и голоса. Ну а бани, пройдя через многие руки, наконец превратились во «дворец банного искусства»[140].

«Портрет Е.С. Сандуновой». Гравюра начала XIX в.

Сила Николаевич остался в Москве, где продолжил войну со всеми. Среди его врагов оказался и Московский Английский клуб, куда он возмечтал вступить в 1802 году. Клубное сообщество, зная его дурной нрав, дружно решило, что вполне достаточно видеть сего почтенного дворянина на сцене. Видеть его и делить с ним общество в клубе никто не хотел, равно как и участвовать в неизбежных скандалах с ним. На Английский клуб жаловаться господину Зандукели было уже некому, хотя так хотелось… Этот случай особо отмечен в клубной летописи — никто и никогда за два века существования Английского клуба так дружно не оказался забаллотирован, то есть не прошел по голосованию при попытке вступить в его члены.

12 февраля 1791 года Юсупов получил Рескрипт за подписью Екатерины II, в котором говорилось о его назначении начальником всех Императорских театров.

«Князь Николай Борисович!

Уволив нынешнего директора над театрами, управление оными поручаю вам, повелевая принять в свое ведомство как людей при

зрелищах и музыке употребляемых, так и все к тому принадлежащее, и поступать на основании последовавших от Нас по сей части предписаний…

Екатерина, В Санкт-Петербурге, февраля 12-го»[141].

Лизанька Уранова стала всего лишь удобным поводом для смены руководства театрами. Хозяйство петербургских муз, прежде управляемое придворными мужчинами, оказалось донельзя запущенным. Как водится и в наши дни, театральные здания нуждались в ремонте, имелось много долгов, в том числе и по зарплате, а ведь театр при умелом руководстве вполне мог превратиться в постоянный источник доходов российской казны. Бывшие директора Н.А. Соймонов и А.В. Храповицкий оставили после себя 32 тысячи долгу — сумма по тем временам громадная. Актерам, особенно русской труппы, долгое время не выплачивали жалованья, и они вынуждены были постоянно «стрелять» в театральной бухгалтерии небольшие суммы, дабы элементарно не помереть с голоду. По представлению Николая Борисовича 17 мая 1791 года императрица подписывает Рескрипт о выделении на театр 100 тысяч рублей и 57 тысяч 500 рублей «на очищение долгов, от прежней дирекции по театрам и музыки оставшимся»[142].

Тогда же князь подает императрице записку об устройстве в Петербурге Итальянской антрепризы — он твердо придерживался того мнения, что только французской и русской драматических трупп для столицы явно недостаточно. И уже в 1793 году начинает давать спектакли созданная усилиями Юсупова Итальянская комическая опера (Opera Buffa) — представлявшая высшие достижения итальянской оперной сцены той поры. Полноценной, чисто русской оперной труппы в то время в Петербурге не имелось, равно как и вообще в России. Национальный музыкальный театр пребывал в состоянии зарождения, хотя в северной столице уже творили большие мастера, прошедшие обучение в Европе, прежде всего в Италии, и добившиеся там громадных успехов, но применения своим талантам на родине явно не находившие.

Б. Патерсен. «Большой Каменный театр в Петербурге». 1806. Гравюра. ГМП.

Николай Борисович сделал немало для упорядочения технической стороны отечественного театрального дела. Взять хотя бы привычное теперь разделение театрального зала на партер и амфитеатр, обязательную нумерацию кресел. Кто нынче знает, что до призыва Юсупова к Музам вне лож зрители имели право сидеть там, где захватят себе место? Такого рода кажущихся мелочей в работе петербургских театров Николай Борисович выявил и устранил немало. Кроме нумерации мест князь ввел строгий контроль за сборами, что являлось много более полезным для уменьшения государственных дотаций.

Юсупову пришлось заниматься и перестройкой — большинство театральных зданий северной столицы нуждались, как водится, в коренной реконструкции, осуществляемой преимущественно путем слома. Князь заказал проект нового театрального здания для Петербурга архитектору В.Ф. Бренна. К сожалению, Николай Борисович сравнительно недолго управлял театрами, поэтому хоть сколько-нибудь заметного следа в театральной архитектуре северной Пальмиры оставить ему не довелось.

Зато Николай Борисович коренным образом усовершенствовал и упорядочил деятельность Петербургского театрального училища, которое также называли просто школой. Он установил новый план обучения, ввел должность режиссера, хотя последнее обратилось во зло — великий русский актерский театр постепенно стал просто режиссерским.

Вот любопытный фрагмент одного из распоряжений Юсупова,

касающийся театральной школы. *«Воспитанники театральные должны учиться музыке, танцеванию, по-русски порядочно читать и писать и по-французски. Училище таковое может быть полезно для Дирекции — мы сами так воспитаны. Кто-то занимает роль в комедии или опере, потом, переодевшись, танцует в балете. Кто не занят — играет в оркестре. Если воспитанник не способен к искусству актера, то может будет танцевать, если и тут не успеет, то будет музыкантом. Таким образом, Дирекция может дойти до того, что будет воспитывать при Школе не понапрасну и что, конечно, выйдет на жалованье порядочный человек, а не повеса, потому что во время бытности в Училище почти не имел праздного времени. И для того по утру должны все воспитанники обучаться по-русски 2 часа, потом танцевать 2 часа, после обеда музыке 2 часа и искусству актера 2 часа. А праздное время может быть им также полезно, потому что они, по охоте, будут между собой играть симфонии или что-нибудь другое, а иногда и погулять можно»*[143].

Известно, что актеры во все времена бывают недовольны двумя вещами — отсутствием ролей и малым окладом-жалованьем. Создать достаточного количества ролей, разумеется, не может и сам бог Аполлон, а вот денег русским артистам князь Юсупов смог «выбить». По его ходатайству 29 сентября 1792 года царица подписывает очередной Рескрипт об увеличении жалованья — «пансиона бывшим при театре чинам». *«…Мы надеемся, что вы, получа толь знатное пособие, приложите всемерное старание о приведении зрелищ в наилучшее состояние, не отягощая более казны Нашей»*[144]. Ответом на это неожиданно робкое пожелание царицы служит поэтическая строка — «надежды юношей питают».

Советские театроведы утверждают, что большую часть полученных средств Юсупов тратил на оклады иностранных звезд, тогда как доморощенные мастера сцены получали сравнительно немного. Однако сохранились документы, свидетельствующие о том, что князь вполне трезво оценивал заезжих иностранцев и хвалил далеко не всех. Многие из них на сцене оказывались простыми ремесленниками вполне заурядного уровня, хотя и пытались получить в России оклады великих «звезд».

И вот еще одна любопытная черта Николая Борисовича — чиновника и человека. Итальянская опера не приносила большого дохода, поэтому Директор театров — князь Юсупов — взял покрытие бюджетного дефицита на себя, хотя собственные его финансовые дела складывались тогда не самым блестящим образом, и это стало поступком истинно аристократического

ценителя искусства и мецената.

Николай Борисович был по природе своей здоровым консерватором и всякого рода демократий и либерализма не жаловал. В конце блистательного века Екатерины актерское сословие вкупе с драматургами стало весьма активно «наседать на власть». Сатирические выпады масонского толка Н.И. Новикова, журналы И.А. Крылова и А.И. Клушина весьма способствовали политическому развращению нравов. Французское королевство в конце XVIII столетия в полной мере испытало на себе действенность подобного рода идеологических атак. Конец этого политического действа оказался прост — французским королю и королеве отрубили головы. Монархист Юсупов сделал все, дабы оградить русскую императрицу и Российскую империю от подобного рода театральной политики. Юсупов в Англии дружил с Бомарше, во Франции знавал Дидро и Вольтера, но нужды в «русских Бомарше и Вольтерах» не видел, как не видел в России и людей, равных им по талантам. Разумная политика русских консерваторов в конце XVIII века позволила отодвинуть революцию в России еще на целое столетие.

На страницах этой книги я уже не раз писал о том, что князь Николай Борисович Юсупов верно и преданно служил своему Отечеству, с успехом выполнял любое возложенное на него поручение. Секрет его успеха оказался прост — Юсупов всегда привлекал к работе проверенные кадры, на все ключевые посты ставил проверенных в деле, опытных людей и во все главные вопросы вникал сам, а в ежедневную мелочевку старался не лезть[145]. Николай Борисович действительно оказался хорошим «организатором производства». Его чиновничьи успехи высоко ценили как императрица Екатерина Великая, так и император Павел Петрович — люди совершенно противоположных взглядов на жизнь — не только государственную и личную, но и на кадровую политику. Взгляды взглядами, а работать кому-то приходилось во все времена. Это цари неплохо сознавали.

Неизв. художник. «Портрет И.А. Дмитревского». Начало XIX в.

Для художественного руководства Императорскими театрами Николай Борисович привлек полуопального старика-актера и театрального педагога, которого знавал еще по театру Кадетского корпуса, — Ивана Афанасьевича Дмитревского, приехавшего в Петербург вместе с основателем русского театра Ф.Г. Волковым. Он учился в Кадетском корпусе в пору директорства над ним князя Б.Г. Юсупова[146]. *«Он походил более на старого царедворца, чем на старого актера,* — писал в своем «Дневнике» С.П. Жихарев, театрал, многолетний посетитель и член Английских клубов Москвы и Петербурга, чьи воспоминания — ценнейший источник сведений не только клубной истории. — *Жаль, что голова у него беспрерывно трясется, но прожить семьдесят два года в беспрерывных трудах и опасениях за себя и других — не безделка, поневоле затрясешь головою!»*[147].

Дмитревский после ухода с казенной сцены зарабатывал на жизнь, служа актером и режиссером в захудалом петербургском частном театре Книппера, отличавшимся не слишком высоким уровнем постановок и окладов.

Вскоре после вступления в должность Директора Николай Борисович издал 27 декабря 1791 года Указ по театральному ведомству, гласивший следующее: *«В рассуждении неотлучного порядка и благоустройства, которые я при вверенной мне от Ея*

Императорского Величества главной над зрелищами дирекцией сохранить и учредить стараюсь, почел я нужным назначить известного званием и долговременною опытностью в театральном искусстве господина Дмитревского главным режиссером во всех театральных частях, кои ему впредь ль меня приказаны будут, а ныне преимущественно определяю его: к главному надзиранию над всеми российскими зрелищами, к обучению всех тех, кои достаточно еще искусства в представлениях не имеют… к надзиранию и порядочному учреждению школы, как о том от меня предписано будет. Того рода, господа инспекторы, актеры и воспитанники имеют относиться к господину Дмитревскому во всех случаях, кои до блага российских зрелищ касаются, дабы национальный наш театр, всеобщим со всех сторон усердием и прилежностью подкрепляемый, мог приносить час от часу большее удовольствие Высочайшему Двору и почтенной публике»[148].

Князь Юсупов счел нужным строго предупредить театральный чиновный люд еще таким Предписанием: *«Как господину Дмитревскому, главному при зрелищах режиссеру, препоручаю я для исполнения разные комиссии, того рода приказываю, ежели он станет Конторе именем моим что объявлять, то оному верить. Равномерно, ежели в случае нужды потребует он видеть некоторые конторские бумаги, книги или счеты, то оные ему без прекословия показывать, ибо все то исполнять он будет по моему приказанию»*[149].

Дмитревский воспользовался предоставленными ему полномочиями самым широким образом. Он не только упорядочил все возможное в Императорских театрах, но не позабыл и себя самого. Шестидесяти с лишком лет от роду актер-пенсионер позволил себе скромную вольность — играть юных любовников. Некоторым даже нравилось. Говорили, что больше всех восхищалась императрица Екатерина II, чьи фавориты с годами становились все моложе и моложе, тогда как царица отчего-то, увы, не молодела. В остальном же в Петербурге признавали, что Дмитревский исполняет свои обязанности «с большой опытностью и страстной привязанностью к делу».

В пору сравнительно недолгого руководства князем Юсуповым театральными делами современники не без удивления заметили начавшийся расцвет русского театра. Репертуар Петербургских театров за 1791–1799 годы обогатился 25 новыми пьесами русских авторов — В.В. Капниста, А.И. Клушина, князя А.А. Шаховского, В.И. Майкова, М.И. Веревкина, А.Я. Княжнина, С.П. Апухтина, В.А. Озерова. На сцене играли такие крупные русские актеры, как В. Рыкалов, В. Троепольская, А. Крутицкий, Н.

Рахманов. В 1794 году на императорскую сцену принят молодой петербургский купец Алексей Яковлев, ставший выдающимся мастером трагедии.

Николай Борисович не оставался просто театральным чиновником. Он принимал актеров и драматургов у себя дома, сажал их за свой обеденный стол, чего обычно чванливые петербургские чиновники и сановники себе не позволяли, почитая служителей Мельпомены людьми низшими — второго или даже третьего сорта. Князь оказался внимательным и доброжелательным критиком новой драматургии. При появлении пьесы В.А. Озерова на античный сюжет Николай Борисович за ее разбором наизусть цитировал большие куски из Софокла и потом мастерски переводил их на русский язык — сказалась лейденская школа.

Юсупов способствовал проведению на русскую сцену пьес и западноевропейских сочинителей — Вольтера, Мольера, Гольдони, Коцебу, Лафонтена, Руссо. Впервые при нем и по его указанию на отечественных подмостках появились пьесы английских драматургов — «Ночь ошибок» Голдсмита и «Школа злословия» Шеридана, которые и в наши дни остаются в репертуаре (только названия пьес оказались несколько изменены, русифицированы, согласно тогдашней традиции перевода). Все это являлось результатом личного выбора Юсупова, который сам планировал репертуар и превосходно знал новейшую и старую европейскую драматургию.

Книги русских авторов из библиотеки князя Н.Б. Юсупова в

Архангельском. ГМУА.

Николай Борисович также способствовал становлению русского музыкального театра. В переводе Дмитревского и в исполнении русских певцов шли итальянские оперы Паизиелло, Портолаччи. На сцене появилась опера знаменитого когда-то, а потом напрочь забытого русского композитора-самородка Е.И. Фомина «Колдун, ворожея и сваха». В 1797 году именно князь Юсупов пригласил Фомина на государственную службу, *«с тем, чтобы выучивать ему актеров и актрис из новых опер партии и проходить старые: також что потребно будет переменять в музыке; сверх сего должен он учить пению в школах учеников и учениц; также в случае надобности аккомпанировать в оркестре французской и итальянской оперы»,* а ведь вполне в духе времени Николай Борисович мог пригласить какого-нибудь залетного халтурщика-«гения» из заграничных псевдознаменитостей[150].

Дирекция Императорских театров распоряжалась несколькими труппами — русской, французской, итальянской, а также смешанной балетной труппой, которая состояла из русских и французских танцовщиков и танцовщиц. Николай Борисович вникал во многие мелочи театральной жизни, а кроме того, стал организатором двух антреприз — Французской и Итальянской. По поводу Французской антрепризы, которую Юсупов начал формировать сразу по вступлении в должность Директора, он обращался к Бомарше. В этой труппе блистали знаменитый Орфен, любимец Вольтера, супруги Монготье, Флоридор, госпожа Лесаж. Знатоки говорили, что Петербургская труппа нисколько не уступает Парижской.

При вступлении на престол император Павел I приказал Юсупову французскую труппу распустить, боясь распространения от нее «французской» революционной заразы. Николай Борисович нашел хитроумный выход из положения и сделал вид, что ликвидировал антрепризу. Никому неведомыми путями через год он восстановил французскую труппу, сохранив ее основной состав. Некоторые из французских актеров остались в России надолго и даже получали по выслуге лет театральную пенсию от русского государства, на что не могли рассчитывать у себя на родине.

Своих любимых итальянских певцов Николай Борисович не забывал и в Петербурге. В 1795 году его стараниями возобновились спектакли Итальянской оперной труппы, ставшие событием русской музыкальной жизни. Юсупов выписал для Итальянской оперы уроженца Венеции капельмейстера и композитора К.А. Кавоса, который вскоре стал композитором

вполне русским. Он писал оперы на сюжеты из русской истории и задолго до Михаила Ивановича Глинки вывел на отечественную сцену Ивана Сусанина в своей патриотической опере. Не пригласи Юсупов Кавоса, кто знает, сколько лет еще пришлось бы томиться вне сцены знаменитому костромскому крестьянину.

Его сын — А.К. Кавос стал выдающимся русским архитектором. Он по праву считался большим знатоком театральной акустики и после пожара 1856 года полностью поменял акустические характеристики московского Большого театра, построенного архитектором Осипом Ивановичем Бове. Юсупов покровительствовал Бове и даже поручился за него при вступлении в Московский Английский клуб в 1820 году. И человеком, и архитектором Бове был очень хорошим, а вот акустику знал примерно так, как многие наши современные зодчие — вроде строителя нового здания филиала Большого театра, для которого нашли нужным снести исторический дом на Большой Дмитровке, принадлежавший на протяжении ста с лишним лет членам Московского Английского клуба Киндякову, Раевскому и графам Ностицам.

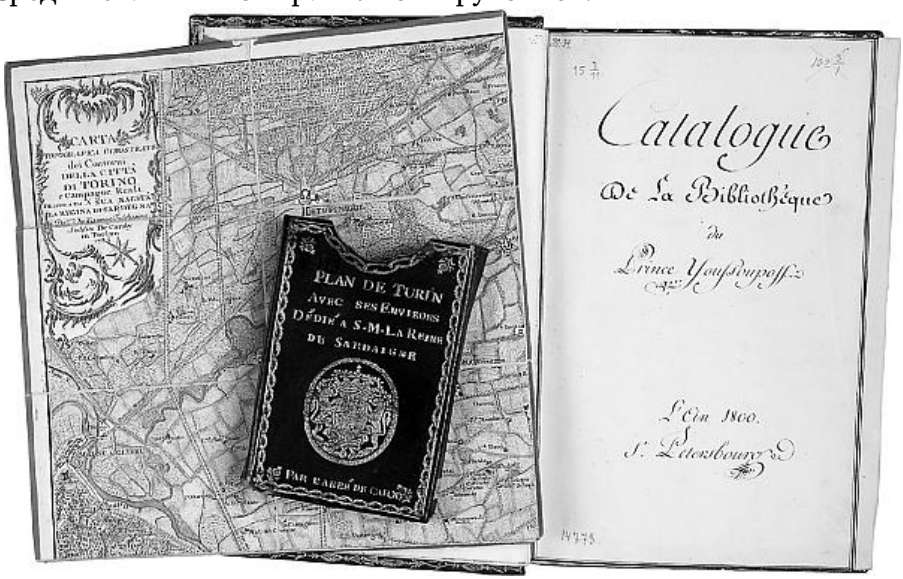
Надо заметить, что при всей своей внешней мягкости и восточной неге князь Николай Борисович в деле отличался железной хваткой. Он держал театр если не в ежовых, то уж точно и не в бархатных рукавицах, хотя бархат так любят на Востоке. Он тщательно следил за соблюдением порядка. В анналах театральной истории сохранился милый рассказ о том, что какая-то актриса по собственному капризу раз решила сказаться больной, хотя была совершенно здорова, — не хотелось играть. Мнимая больная выздоровела на следующий день — Юсупов приказал под предлогом того, что актрисе нужен покой, никого к ней не пускать, за исключением доктора. Для соблюдения столь жесткого режима сохранения здоровья служительницы Мельпомены князь поставил специальный караул у дверей ее квартиры.

О Николае Борисовиче-театрале многое могла бы рассказать его библиотека, любимое «дитя» библиофила-коллекционера. В 1863 году был составлен четырехтомный каталог книжного собрания Юсупова. Ровно четверть занимал в нем раздел «Театр и история театра», в котором значилось порядка 848 томов. Нужно учесть, что согласно библиофильской традиции того времени под одним переплетом обычно собиралось сразу несколько книг. Так, только сборников театральных пьес имелось 150. В каждом же сборнике переплеталось их не менее десятка.

В театральный раздел библиотеки Николая Борисовича входили книги по истории европейского театра, мемуары и

жизнеописания знаменитых актеров, сочинения драматургов — как иностранных, так и русских. Особый раздел составляла литература, посвященная теории и практике театрального дела, — сочинения о театральных постройках, декорациях, костюмах, технике актерской игры, книги об организации спектаклей, программы итальянских карнавалов, театральные альманахи.

Книги по музыке и музыкальному театру были выделены в раздел «Музыка и партитуры». При составлении каталога в него вошла часть нотной библиотеки Николая Борисовича Юсупова-младшего, внука князя, известного скрипача и композитора-любителя. Юсупов обладал значительным числом оперных клавиров, партитурами симфоний, инструментальных ансамблей и вокальных произведений. Много имелось балетной музыки. Среди печатных нот хранились и рукописи.



Каталог библиотеки князя Н.Б. Юсупова. ГМУА.

Особую ценность представляли произведения французских композиторов рубежа XVIII–XIX столетий, редко встречающиеся на родине. Известную пикантность собранию придавала нотная коллекция «демократических» сочинений времен Великой французской революции. Впрочем, эту часть достойно уравновешивала музыка эпохи Директории и Наполеоновской империи.

Большую редкость представляло собрание нот русских композиторов, в том числе первых отечественных нотоиздателей. Как известно, тиражи этих произведений были мизерными и порой дошли до нашего времени в одном-двух экземплярах.

Видимо, Николай Борисович очень любил русскую камерную музыку, особенно сочинения для гитары, появившиеся в конце XVIII столетия.

Небольшая часть нотной коллекции Юсупова и теперь продолжает храниться в музейном собрании Архангельского, а большая на заре революционных лет оказалась изъята из Юсуповского дворца в Петербурге в пресловутый Госфонд, а из оного стараниями хитрого Андрея Николаевича Римского-Корсакова (сына композитора) передана в Российскую национальную библиотеку, бывшую Публичную. Печатные ноты собраны в 800 томов-конвюлотов в одинаковых переплетах. В них вошло свыше 2 тысяч названий печатных изданий. Пьесы композитора Ш. Берио надписаны им Николаю Борисовичу. Во дворце имелось еще какое-то количество нотных рукописей, но их точное число неизвестно, так как судьба их решалась отдельно от печатных изданий.

Книги русских авторов по театру хранились в разделе Юсуповской библиотеки под названием «Российские книги». Здесь была очень полно представлена вся русская драматургическая литература. Среди уникумов, приобретенных уже в московский период жизни князя, имелась рукопись комедии «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова, автор которой с ненавистью относился лично к Юсупову. Знакомство их, разумеется, не могло состояться.

Немаловажная деталь — большую часть своих книг по театру Николай Борисович, судя по пометам, тщательно прочитал, так что театральным чиновником, а равно и театралом-любителем он являлся на редкость знающим, чего, увы, никак не скажешь о большинстве его современников — в равной степени и старшего, и младшего поколений. Читал князь не только пьесы, но и специальную литературу по сценической машинерии, устройству всяких эффектов и т. д.[151].

Юсуповы собрали у себя значительную по объему и выдающуюся по качеству коллекцию музыкальных инструментов, однако достоверно неизвестно, какие скрипки или альты работы Амати и Гварнери принадлежали самому Николаю Борисовичу, а какие его полному тезке и внуку Николаю Борисовичу-младшему, известному музыканту. Скорее всего, большая часть шедевров старых скрипичных мастеров приобреталась уже после смерти Николая Борисовича-старшего — ведь музыканты его крепостной «капели»-оркестра вполне довольствовались инструментами доморощенных крепостных мастеров, зачастую не сильно уступавших по качеству работам иностранных знаменитостей.

В советской театроведческой литературе о директорстве князя Юсупова не принято говорить что-то определенное, а уж тем более расточать похвалы — просто являлся начальником, спектакли шли, театры ремонтировались, оклады платились и повышались, даже пенсии появились. На самом деле хорошо отлаженная Юсуповым театральная машина в это время вновь обретала признаки высокого искусства, вновь становилась гордостью русской национальной культуры. Даже императрица Екатерина Великая во второй раз принялась писать пьесы для театра. Они были крайне примитивного свойства, к тому же царица в своих сочинениях злоупотребляла матом, так что цензоры не все «венценосные» сочинения разрешали к постановке — цензура проходилась анонимно и была обязательной для всяких публичных представлений вне зависимости от должности и звания автора. Только в Зимнем дворце, в Эрмитажном театре, куда посторонняя публика не допускалась, царила бесцензурная театральная демократия вкупе с Юсуповым в качестве директора и великой царицей в качестве великого же драматурга.

5 ноября 1796 года в Эрмитажном театре назначена была премьера комедии Екатерины II «Недоразумение». Увы, в тот день трагическое недоразумение случилось не на сцене, а в самом Зимнем дворце. Императрицу хватил удар, от которого она так и не оправилась…

Юсупов любил и понимал театральное действо не отдельными элементами, а в комплексе — когда одно художественное явление взаимодополняет другое. Среди важных составляющих сценического искусства князь выделял театральную живопись, которую не случайно называли в те времена «музыкой для глаз». Николаю Борисовичу удалось пригласить в Императорский театр художника, которого современники и потомки с полным основанием называли Моцартом «музыки для глаз»…

Наверное, не случайно магическое слово — театр связывало внука итальянского сапожника и потомка легендарного правителя Дамасского халифата…

Как водится, даже в «северной Венеции», то есть в Петербурге, между соседями ставили заборы, подобно какой-нибудь провинциальной Кеми. Те, кто побогаче, отделялись друг от друга стенами кирпичными, бедняки довольствовались частоколом — лишь бы отгородиться и друг друга не видеть. Летом 1792 года с кирпичным забором дворца князя Юсупова на Фонтанке, который возвышался вокруг обширного дворцового парка, случилась неприятность. Точнее, неприятность случилась с

княжеским гостем. Как не предупреждали его, он все равно со всего размаха врезался лицом в забор. Попытался пройти сквозь стену! Оказывается, на каменной ограде помещалась причудливая роспись, изображавшая густые заросли с легкими солнечными просветами. Написано все было так искусно, что отличить живописное изображение от настоящих кустов не могли даже петербургские птицы, не то, что слегка подвыпившие княжеские гости. Лишь зимой, с появлением снега, исчезала эта своеобразная художественная обманка — одна только живопись оказалась не подвержена перемене времен года.

Ш. Ришар. «Портрет Екатерины II в образе Минервы». 1789. ГТГ. Портрет вмонтирован в крышку табакерки.

Не удивительно, что театральным декорациям автора этой обманки аплодировали прежде, чем на сцене появлялись актеры. Звали создателя росписи Пьетро Готтардо ди Гонзага, а в России величали его просто — Петром Федоровичем[152].

ЛЮБОПЫТНЫЙ
ХУДОЖНИКЪ
И
РЕМЕСЛЕННИКЪ.
ИЛИ
ЗАПИСКИ
СОБРАННЫЯ
А. РЕШЕТНИКОВЫМЪ.
СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
МОСКВА,
1791 года.

А. Решетников. «Любопытный художник и ремесленник». М. 1791. ГМУА. Библиотека князя Н.Б. Юсупова.

Во время долгого заграничного житья князь Юсупов стал восторженным свидетелем последнего взлета итальянской культуры, в том числе и культуры театральной. Если говорить точнее, то это была культура Северной Италии, Венецианской республики времен ее заката, истинно «пышного потухания». Эпоха позднего барокко, переходившая к классицизму, подарила миру такие имена, как Пиранези, Каналетто, Гварди, Чимарозо, Паизиелло, Гольдони, Гоцци, Альфери…

Как и всякий итальянец или путешествующий иностранец, Юсупов восторгался спектаклями, оформленными фантастической кистью знаменитого театрального декоратора Бибиенны, его родственников и последователей. Князь стал также свидетелем невероятного триумфа и другого итальянского мастера театральной живописи — Пьетро Гонзага, чье искусство получило от благодарной публики определение «музыки для глаз».

Внук простого сапожника Готтардо, чьим именем Гонзага подписывал все свои работы и которого очень любил, появился на свет в 1751 году, а умер в один год с Юсуповым — в 1831, от холеры. Гонзага родился в небольшом городке Лонгароне в семье художника Франческо Гонзага. Франческо специализировался по

декоративным росписям аристократических вилл. Сын с детства помогал ему, хотя мечтал стать актером. Сцена открылась ему совсем с другой стороны. Гонзага попал под влияние гениального Бибиенны, от которого, правда, смог освободиться. Его искусство творца театрального пространства стало совершенно самостоятельным, единственным в своем роде.

Павловск (б. Слуцк). «Галерея Гонзага». Фотогр. В.В. Преснякова. 1930-е гг. Открытка Союзфото. Собрание автора.

Путь художника не часто украшался лавровыми ветвями, хотя и работал он для ведущих итальянских театров, а лавр в Италии растет обильно. Работал много, быстро и буквально до изнеможения. Помимо восторженных поклонников, Гонзага имел множество завистников — так писать декорации умели немногие из его соотечественников. С 1779 по 1791 год он оставался главным «механиком и художником сцены» знаменитого в будущем миланского театра Ла Скала, одновременно ухитряясь выполнять заказы на стороне, для других театров.

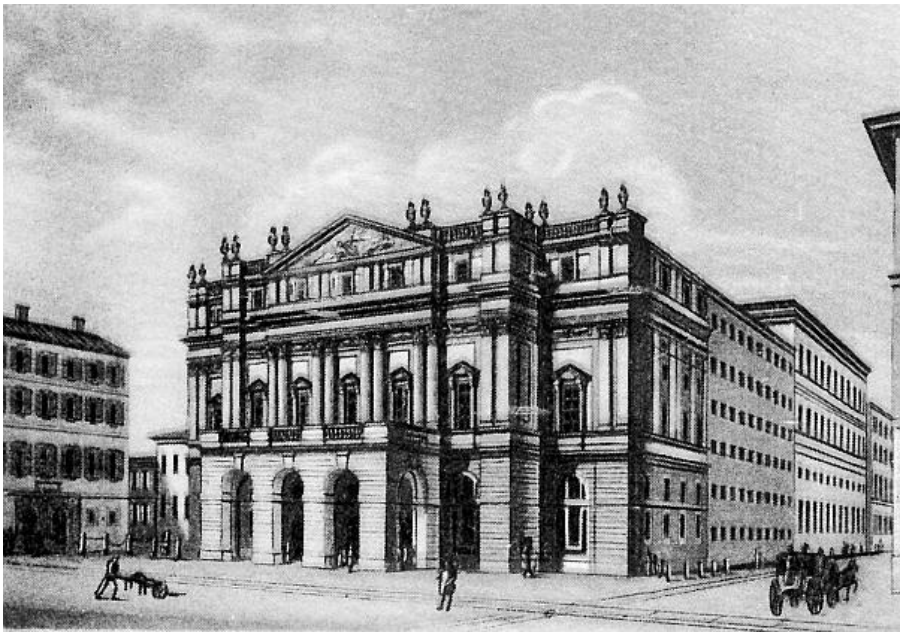
Петр Федорович, это русское имя как-то больше подходит работавшему в Северной Пальмире мастеру, чем родное, итальянское, отличался удивительной работоспособностью и энергией. Так, обыкновенно он за один театральный сезон собственноручно исполнял декорации к 10 разным постановкам. Конечно, художнику помогали подмастерья, но после них мастер сам проходил все громадные холсты. Интересно, что в Италии у Гонзага не нашлось способных учеников, одни подмастерья — не то, что в России, где учеников появилось немало.

В 1788 году художник исполнил декорации сразу к 33

постановкам, что стало своеобразным рекордом. При этом зрители продолжали бешено рукоплескать едва ли не всякому взмаху кисти великого мастера. Справедливости ради надо заметить, что кисти у Гонзага скорее напоминали швабры, но зрителя мало интересовал процесс создания декораций. Важнее оказывался блестящий результат на сцене.

В 1791 году слава художника достигла «культурной столицы» Италии — Венеции. Гонзага получил приглашение в главный театр республики «La Fenice». Созданные им в короткий срок декорации вызвали такой восторг публики, что все занавесы, падуги, кулисы и задники, исполненные его волшебной кистью, после снятия спектаклей с репертуара бережно хранились в театральных запасниках подобно выдающимся художественным творениям старых мастеров. Обыкновенно же театральные декорации скоро облетают, и холст расписывается для новых постановок. Творения Гонзага хранились в театре и после его смерти — вплоть до 1836 года, когда «La Fenice» в очередной раз погорел вместе со всем имуществом. Этот знаменитый театр имеет печальную склонность к регулярным пожарам, остановить которые почему-то не может даже самая современная противопожарная техника.

По некоторым сведениям, не нашедшим пока документального подтверждения, уже в 1789 году знаменитый художник впервые посетил по приглашению князя Юсупова «северную Венецию» — Петербург. Понятно, что ему не очень хотелось навсегда или даже на время покидать благодатную и теплую Италию, но обстоятельства, а точнее — людская злоба и зависть, заставили мастера, в конце концов, решиться на такой нелегкий шаг.



Милан. Театр Ла Скала. Гравюра середины XIX в.

«Незадолго до моего отъезда из Италии, — вспоминал художник, — устав от усилий опровергать устарелые взгляды, я избрал уделом молчание, уже тогда решив опираться только на собственный опыт и на собственные принципы в качестве руководства… В 1789 году меня пригласили в Россию в качестве художника-декоратора. Спектакли тогда были под управлением одного из русских вельмож, большого любителя художеств и покровителя художников. Этот вельможа изведал во время своих путешествий и знал у себя на родине все лучшее, что было создано по части художеств. Привыкший к технике и общепринятому языку художников, он первоначально весьма изумился моим необыкновенным речам и был весьма поражен моей манерой работать, совершенно своеобразной и беспримерной! Я показался ему неким феноменом, выходящим из ряда вон, а те художники, к которым он питал доверие, были еще более поражены моей работой и тем, что я уже имел имя, и глухо роптали.

Мудрого директора это несколько огорчило, ибо для него было бы унизительным, если б оказалось, что он ошибся в выборе и назначил мне слишком значительное жалование. Поэтому, желая внести ясность в этот вопрос и стремясь узнать, какое решениенадлежит ему принять, этот вельможа стал часто приглашать меня в свой дом к трапезе и в присутствии своих советчиков внезапно требовал от меня разъяснений относительно сущности моих взглядов, которые, казалось, находятся в таком

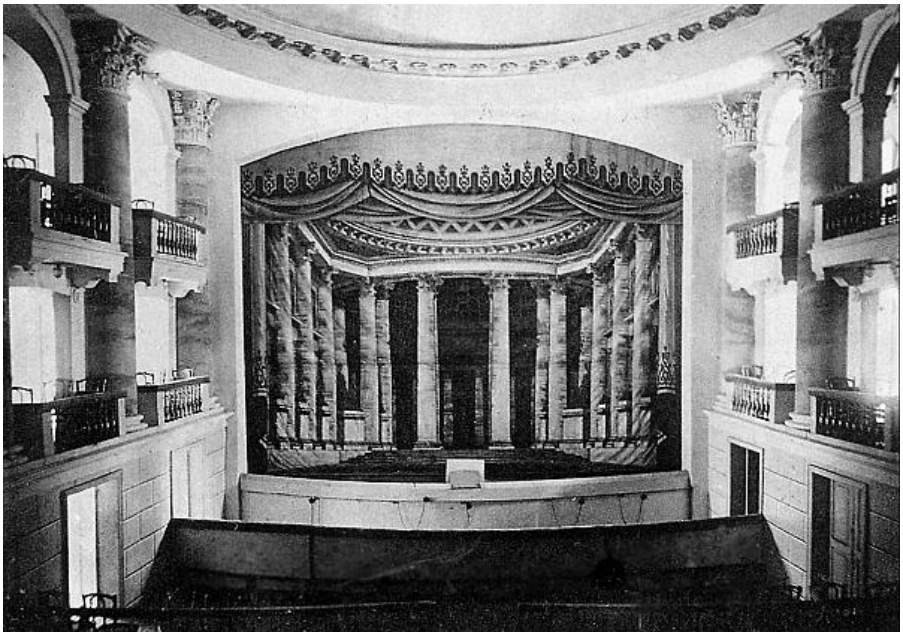
противоречии с общепринятой техникой искусства.

Я никогда не блистал в споре, да и к тому же стоит ли спорить, если проще всего показать?»[153].

Вероятно, показывать Гонзага действительно умел превосходно. Переговоры с ним шли достаточно долго, но условия, которых смог добиться для него в России Юсупов, оказались действительно великолепны и превосходили многие ожидания. Гонзага приехал в Россию с супругой Карлоттой, урожденной Ванини, в конце 1791 или начале следующего года, а уже в январе 1792 года подписал эскизы и план парка для резиденции наследника престола, великого князя Павла Петровича в Павловске. Николай Борисович «пристроил» художника на работу и к Малому Двору.

Для русского искусства это оказалось большим счастьем. На протяжении многих лет в летнюю пору Гонзага ходил по Павловску. В руках у его помощника имелось два ведра с краской. Белой он метил деревья, подлежащие сохранению, черной — предназначенные к вырубке. В Павловском парке Гонзага создал несколько уникальных пейзажей, но даже если бы пейзаж оказался всего один, то и его хватило бы для громкой славы. Неповторимый ансамбль «Белой березы», где простота оказалась равной совершенству, и сегодня, после немецкой оккупации и вырубки парка во время Великой Отечественной войны, не оставляет равнодушным. Даже сто лет спустя после создания запечатленный на фотографических открытках начала XX века ансамбль «Белой березы» поражает совершенной красотой. Увы, остается только пожалеть, что художнику не удалось поработать в подмосковных парках и особенно в Архангельском в качестве ландшафтного архитектора.

Восторг современников вызывали не только театральные, но и монументальные работы мастера, прежде всего росписи «Галереи Гонзага» в Павловском дворце, погибшие в годы войны. Роспись создавала иллюзию бесконечного пространства в весьма скромных и малозначимых с архитектурной точки зрения помещениях.



Архангельское. Зрительный зал театра. Занавес работы П. Гонзага. Фотогр. 1970-х гг.

Николай Борисович ввел художника «в дом» наследника Павла Петровича и его жены Марии Федоровны, ставших не только многолетними заказчиками и покровителями Гонзага, но и достаточно близкими ему людьми. Разумеется, по соображениям придворного этикета о близости этой распространяться не полагалось. Предполагается, что Гонзага, как и Павел Петрович, и князь Юсупов, принадлежал к масонской ложе.

Павел I вплоть до смерти оставался ревностным поклонником творчества художника, тогда как императрица Екатерина скорее терпела его в качестве большого европейского мастера, придающего дополнительный блеск ее правлению. К искусству Гонзага она оставалась равнодушна.

Император Александр I испытывал к художнику искреннюю неприязнь. Внук Екатерины II и самого князя Юсупова терпел скорее как крупного чиновника-управленца, которому трудно найти замену. В качестве утонченной художественной мести Николай Борисович вынудил Александра открывать в Архангельском театр Гонзага, своеобразный мемориальный прижизненный музей выдающегося мастера, чем царь остался крайне недоволен. В тот праздничный день стояла на редкость дурная погода, и гулять по парку было нельзя. Поэтому Юсупов устроил длиннющее представление декораций Гонзага, чем

Александр искренне возмущался, хотя и скрывал дурное настроение под маской приличия.

Юсупов же вызвал именно Гонзага в Москву в 1826 году для художественного оформления траурной церемонии прощания с умершим Александром I и постарался истратить на это печальное действо как можно меньше казенных средств. Впрочем, случилось это через много лет. Александр, кстати, обижался на художника явно зря. Траурное оформление получилось очень монументальным. Чего стоило одно декорирование башен Кремля — сложнейшая художественная задача.

13 июля 1792 года Петр Федорович Гонзага подписывает контракт на работу в Императорских театрах. Он получает замечательную мастерскую непосредственно в Эрмитажном театре, у него появляется много учеников, в том числе и крепостные мастера, которые потом перенесут художественные приемы создания «музыки для глаз» в провинциальные крепостные труппы. Среди учеников Гонзага — Григорий Мухин, крепостной графов Шереметевых, возглавлявший с 1795 года в качестве главного декоратора крепостной театр в подмосковном Останкине.

Завистники нашлись у Петра Федоровича и в России, все из тех же бездарных иностранцев. Они стремились уверить Николая Борисовича, что он де пригласил из Италии за громадные деньги неизвестно кого, что этот человек только и может нести вздор… После первого же спектакля, оформленного Гонзага, язычки пришлось прикусить.

Четыре года спустя, в 1796 году, контракт возобновляется. Гонзага платят громадную сумму годового жалованья в десять тысяч пятьсот рублей. На нем лежит контроль за всей художественной жизнью театра.

В России художник нашел не только вторую родину. Здесь в 1794 году появился на свет его единственный и любимый сын — Паоло, звавшийся просто Павлом Петровичем. Он окончил Императорскую Академию Художеств и продолжил дело отца — стал театральным декоратором. Знатоки, правда, считали его живопись несколько суховатой, не в пример романтической легкости творений отца. В 1841 году Паоло вышел на пенсию, а его вдова Генриетта, рожденная Вагнер, стала получать пенсию за мужа с 1878 года, т. е. после смерти Павла Петровича. «Искусство здравого смысла» — основный критерий творчества Гонзага. «Кистью и разумом» художника восхищались его русские современники. К Николаю Борисовичу Юсупову обращался художник в своей главной книге «Сообщение моему начальнику или надлежащее разъяснение театрального декоратора Пьетро

Готтардо Гонзага о сущности его профессии». Не с начальником-чиновником, но с умным и понимающим другом говорил художник на страницах своего программного сочинения. Увы, тираж издания едва ли превышал сто экземпляров. Книгу, принадлежавшую когда-то Николаю Борисовичу, троцкисты МОНО из библиотеки Архангельского изъяли — к чему она тут, лучше продать за границу..

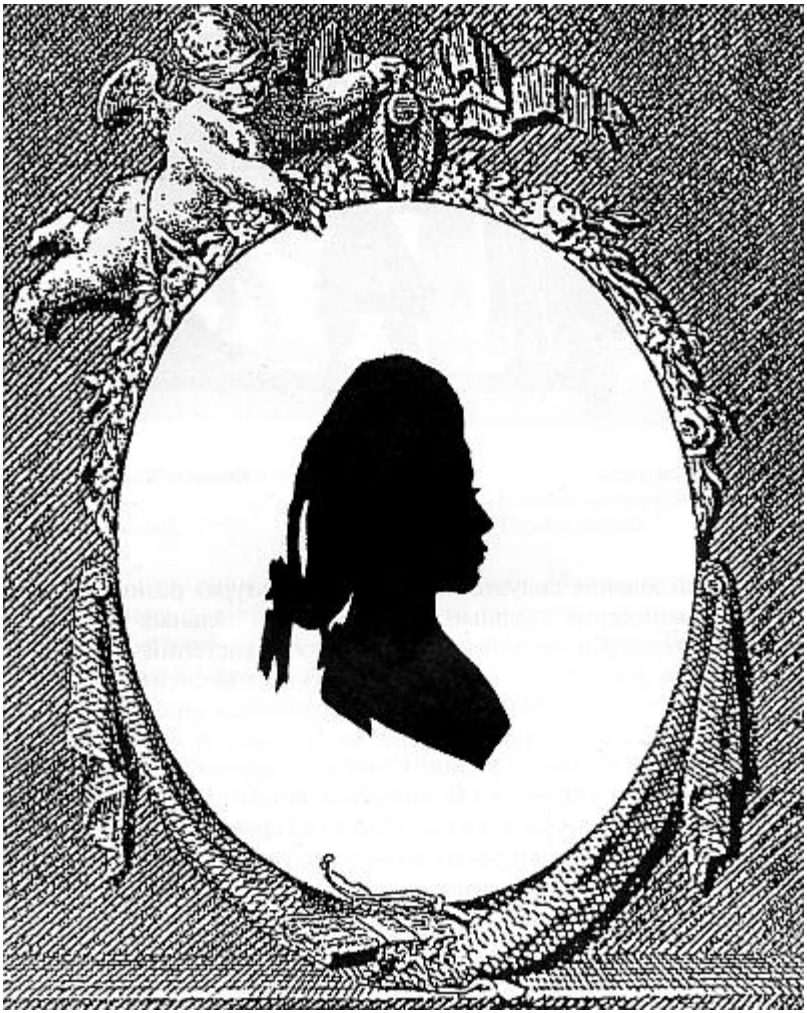
В заключение несколько затянувшегося рассказа о театральной деятельности Николая Борисовича хочется привести еще одну любопытную деталь. Сам князь тоже выходил на сцену в качестве актера-любителя. Достоверно известно, что по возвращении из-за границы Юсупов принимал участие в домашних спектаклях при дворе наследника престола Павла Петровича, а также прославился как превосходный бальный танцор.

Незадолго до выхода в отставку, в 1801 году, Николай Борисович сделал большой, точнее — неоценимый, подарок русскому театру. На петербургскую сцену он пригласил знаменитого французского танцовщика и балетмейстера Шарля Дидло, чьи постановки составили золотой век русского романтического балета. Впрочем, как у нас водится, всем не угодишь.

Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел.

А.С. Пушкин.

В жизни Юсупов также с блеском умел давать театральные представления. Особенно удавались ему исторические спектакли-шарады, столь модные в те времена. Разгадать их и ныне может далеко не каждый. Одной из таких шарад-загадок стал брак Николая Борисовича — благодеяние, которым по дружбе одарила князя императрица Екатерина Великая в 1794 году.



Ф. Сидо. «Портрет княгини Т.В. Юсуповой». Силуэт.

Глава 12
Как не потерять свободу. Были-небылицы о княжеском браке

Когда ж вы сердцем слабы сами,
Равно любите женщин всех,
И все им делайте в угоду,
Но не теряйте лишь свободу.

П. Бомарше

В этих предостерегающих от соблазнов строках, обращенных к Николаю Борисовичу в пору его молодости знаменитым автором «Женитьбы Фигаро», главное слово — «свобода». Именно оно дает ключ к пониманию загадочного для современников, хотя и вполне законного брака князя.

Многолетняя добросовестная государственная служба Юсупова получила высокую оценку Императорского Двора. Многолетние личные симпатии царицы тоже немалого стоили. Императрица Екатерина постаралась не остаться в долгу перед князем. Она решила устроить семейное счастье Николая Борисовича. Ведь ему в начале 1790-х годов «стукнуло» сорок. Императрица искренне любила князя, а с нею, повторюсь, такое случалось нечасто. Екатерина справедливо считала, что Николаю Борисовичу давно пора жениться и обзавестись законным наследником состояния, титула и фамилии. Более того, царица захотела сделать давнего своего друга еще и родственником, пусть и неофициальным…

И.Б. Лампи-старший. «Портрет княгини Т.В. Юсуповой». 1795–1797 гг. ГТГ.

Не меньше князя Юсупова Екатерина любила племянниц светлейшего князя Потемкина-Таврического. Богатый дядюшка обожал их также сильно. По феодальным своим предрассудкам он счел нужным воспользоваться «правом первой ночи» с каждой из них и, как говорят злопыхатели, не только первой. Впрочем, какая девушка могла отказать лучшему мужчине века!

Младшей из племянниц Потемкина как раз и выпала, по мысли императрицы, роль любящей супруги князя. Юсупов не привык перечить царице, к тому же и невеста отличалась редкостным обаянием. Была она, правда, обременена двумя детьми от первого брака, но все обременения покрывало ее громадное состояние, доставшееся от вельможи-дядюшки. Собственный капитал новобрачной составлял 18 миллионов рублей (по другим сведениям — 19). Кроме того, Екатерина со своей стороны, в качестве родственницы и свахи, сочла нужным подарить «молодым» еще «немного» в виде приданого за невестой, а царица скаредностью, как известно, не отличалась. Она же сама убирала невесту к венцу — знак не столько

монаршей милости, сколько чисто человеческой привязанности и приязни. Официальное бракосочетание состоялось в церкви Зимнего дворца. Затем «молодые» уехали на Фонтанку, во дворец князя, где прошли первые годы их не особенно счастливого брака.

Неизв. художник. «Портрет М.С. Потемкина». Миниатюра.

Татьяне Васильевне Энгельгардт вообще как-то мало везло в жизни. Первый муж ее — М.С. Потемкин рано умер странной и страшной смертью, оставив молодую вдову с двумя детьми. Во втором браке, с князем Юсуповым, у Татьяны Васильевны родилось двое детей, из которых один скончался младенцем — подействовало родовое Юсуповское проклятие.

Любопытно, что потомство ее детей от обоих браков в третьем поколении соединится — Николай Борисович Юсупов-младший, внук и полный тезка своего знаменитого дедушки, вступит в брак со своей сводной кузиной. В середине XIX столетия такое близкое родство супругов не поощрялось, и для венчания пришлось пойти на хитрость. К тому же муж и жена принадлежали к высшему свету Петербурга и пусть неофициально, но считались родственниками царского дома, за которыми особенно пристально следил император Николай I, родством подобного рода всегда «считавшийся», в отличие от своих потомков[154].

В.Л. Боровиковский. «Портрет дочери Екатерины II Е.Г. Темкиной в образе Дианы». 1798. ГТГ.

В собрании Г.И. Рипобьер считался портретом кн. Т.В. Юсуповой. О Темкиной постарались забыть.

Дальнейший мой рассказ довольно сложно подтвердить документально — слишком многих «сильных мира сего» касались отдельные его страницы, но логика событий подсказывает, что развивались они примерно в этом русле, хотя в деталях могут возникнуть какие-то разночтения. Не мне одному будет приятно, если еще через двести пятьдесят лет после рождения Николая Борисовича возникнут какие-нибудь иные, документально обоснованные версии происходивших событий. Ведь глубоко научно изучаются они с начала 1920-х годов!

Еще в конце XIX столетия появились слухи о том, что Екатерина Великая и «светлейший князь Тавриды» Потемкин состояли во вполне законном, церковном браке, чему в более

поздние времена нашлись и некоторые документальные доказательства. Более того, родившаяся от этого союза дочь Елизавета Григорьевна носила весьма прозрачную фамилию — Темкина, сокращенно от Потемкина. Она унаследовала богатство и красоту родителей; проблемы оказались с умом — растратила и прожила все деньги, что смогла, а тратить было что и на кого. Это родные племянницы «светлейшего князя Тавриды» являлись дамами бережливыми, если не сказать скупыми.

В.Л. Боровиковский. «Портрет Е.Г. Темкиной». 1798. ГТГ. В Цветковскую галерею приобретен из собрания внука изображенной — Н.К. Калагеорги.

Императрица Екатерина не любила свою кровную немецкую родню, тогда как своих родственниц по линии законного мужа Потемкина по-русски привечала, делала им самые разные, подчас очень дорогие подарки. Один из них — будущий Юсуповский

дворец в Петербурге, подаренный царицей родной сестре супруги князя Николая Борисовича — графине Браницкой.

С учетом всех этих обстоятельств брак князя Юсупова с Татьяной Васильевной Энгельгардт делал его ближайшим родственником самой императрицы Екатерины Великой. Потому-то и документов, которые проливали бы хоть лучик света на эту не самую светлую сторону жизни Юсуповых, по сию пору историками в громадном Юсуповском архиве так и не обнаружено — придворное архивное ведомство умело не только создавать, но и тщательно хранить тайны. Можно думать, что будущих супругов это вполне устраивало. Все делалось в императорском дворце, лично императрицей Екатериной, как говорится по-домашнему, а внешне особых тайн и не наблюдалось. К сожалению, брак носил чисто династический характер и не подкреплялся хоть какими-то чувствами. Явно присутствовало только одно — взаимное уважение. Не прошло даже традиционное для России брачное «авось» — стерпится, слюбится. Не стерпелось и не слюбилось.

Неизв. художник. «Портрет Т.В. Юсуповой». Копия.

Супружество и странная совместная жизнь княжеской четы Юсуповых «в разъезде» вызывала в свое время немало пересудов в высшем обществе, преимущественно у завистников. Новобрачные

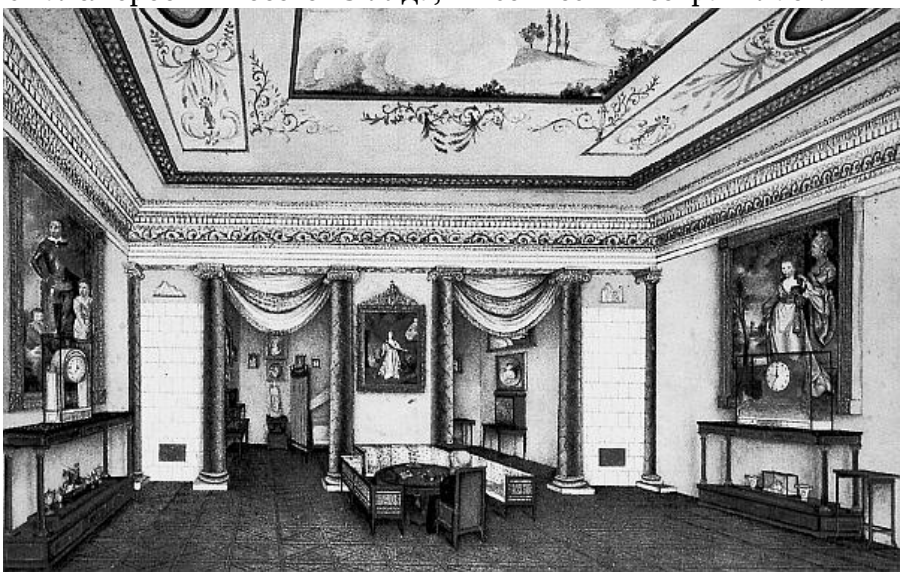
честно прижили двоих детей (один из них — Николай, как уже говорилось, умер младенцем), а потом, после кончины Екатерины II, взяли да и разъехались. Николай Борисович остался очень дружен со своей супругой — приезжая из Москвы в Петербург, непременно останавливался у нее в доме. Татьяна Васильевна принимала участие во многих хозяйственных предприятиях мужа, занималась его имениями и даже вникала в экономические расчеты и номенклатуру товаров по фабрикам — у нее для этого имелась не только доверенность от мужа, но и деловая хватка. О степени близости живших «в разъезде» мужа и жены свидетельствует такой любопытный факт — перед возвращением Николая Борисовича из последней заграничной поездки Татьяна Васильевна указывала крепостным музыкантам супруга — какие музыкальные произведения надлежит выучить к его приезду.

К.И. Кольман. «Гостиная в особняке Юсуповых в Петербурге». 1833. Акварель. ГЭ. Портреты Н.Б. и Т.В. Юсуповых висят на противоположных стенах.

В гостиной дома Татьяны Васильевны в Петербурге живописные портреты супругов висели по стенам один против другого и мило друг другу же улыбались — на зависть недоброжелателям. Сохранилась акварель, где изображена эта комната со сценой семейной идиллии.

Такой порядок супружеской жизни считался характерным для высшего общества Франции перед Великой французской революцией. У того же Вольтера официально не было семьи, но

имелась дочь. В свою очередь, у любимой женщины знаменитого философа имелся муж, с которым они жили в полном уважении и разъезде, осуществленном по обоюдному согласию, — церковный развод как для католика, так и для православного человека в XVIII столетии оставался делом крайне затруднительным. Однажды выяснилось, что у возлюбленной Вольтера будет ребенок. К ней срочно приехал законный супруг, дабы для посторонних глаз соблюсти все приличия. Таким образом, и у Вольтера появилась вроде бы законная дочь, на которую никто не решался бросить косого взгляда, и честь семьи сохранилась.



Г.П. Виллевальде. «Зал в доме Браницких в Белой Церкви». Акварель. Пушкинский Дом. На противоположных стенах портреты четы Браницких.

Жена Николая Борисовича всегда оставалась женщиной смирной, романов на стороне не заводила и даже в высший свет после очередного замужества совсем перестала выезжать, чего о Юсупове никак не скажешь. Романы у Николая Борисовича случались постоянно, но его ухаживания не касались дам высшего общества. Он предпочитал актрис или иностранных мещанок.

Внешне Татьяна Васильевна не отличалась красотой, была скорее обаятельна. Ее портрет и ныне украшает один из парадных залов дворца в Архангельском, который по традиции носит название кабинета княгини. К себе Татьяна Васильевна привлекала душевной красотой. Много и охотно княгиня помогала бедным, но при этом отнюдь не в ущерб семейному бюджету, надо заметить, очень скромному по понятиям высшего света.

Иные современники откровенно называли Татьяну Васильевну скупой и скрягой — у нее, согласно неписаного закона, нельзя было «перехватить» без отдачи, что почиталось в высшем свете в порядке вещей. В «Русских портретах» великого князя Николая Михайловича жене Юсупова дана такая характеристика: она «просто одевалась и, ведя скромный образ жизни, прослыла скупой, но, отказывая себе, она значительную долю доходов тратила на дела благотворения и редко отказывала в помощи»[155].

Среди друзей и знакомых Татьяны Васильевны, постоянно бывавших в ее петербургском доме, оказалось немало поэтов. Один из них — Гавриил Романович Державин как-то обратился к княгине Юсуповой со стихотворным посланием:

Иных веселье утешает,
С тобой оно живет всегда:
Где разум с красотой блистает,
Та м не скучают никогда.
Являя благородны чувства,
Не удишь ты страстей людских,
Объяв науки и искусства,
Воспитываешь чад своих.
В твоем уединеньи скромном
Ты так добротами блестишь,
Как Ангел в храме благовонном, —
Всем обожать себя велишь[156].

Справедливости ради надо сказать, что воспитательницей Татьяна Васильевна оказалась неважной. Младший ее сын Борис Николаевич, родившийся 9 июня 1794 года, вырос «маменькиным сыночком» и ему пришлось немало преодолеть трудностей и соблазнов, пережить много горьких уроков молодости. Одно слово — «безотцовщина»…

Известно, что «чужая душа — потемки», особенно у Потемкиных, но некоторые косвенные данные позволяют высказать предположение о причинах столь неудачного брака князя Николая Борисовича. Были они отнюдь не физиологического, прошу прощения, свойства — в этом деле Юсупов до последних дней сохранял молодецкую прыть. Сказывалась большая разница между мужем и женой. В чем же она заключалась?

Неизв. художник. С живописного оригинала И.-Б. Лампи-старшего (ГЭ). «Портрет светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического». ГТГ.

Ответ на этот вопрос находится в жизнеописании Татьяны Васильевны. Оно довольно коротко.

Первая половина жизни будущей княгини Юсуповой, появившейся на свет в 1767 году, прошла в лучах славы ее вельможного дядюшки — «светлейшего князя Тавриды». Восьми лет Татьяна Васильевна осталась круглой сиротой. Младшая из детей средней сестры Потемкина Марфы Александровны и скромного ротмистра Василия Андреевича Энгельгардта, она, как и сестры, воспитывалась при Дворе императрицы Екатерины на правах фактической родственницы.

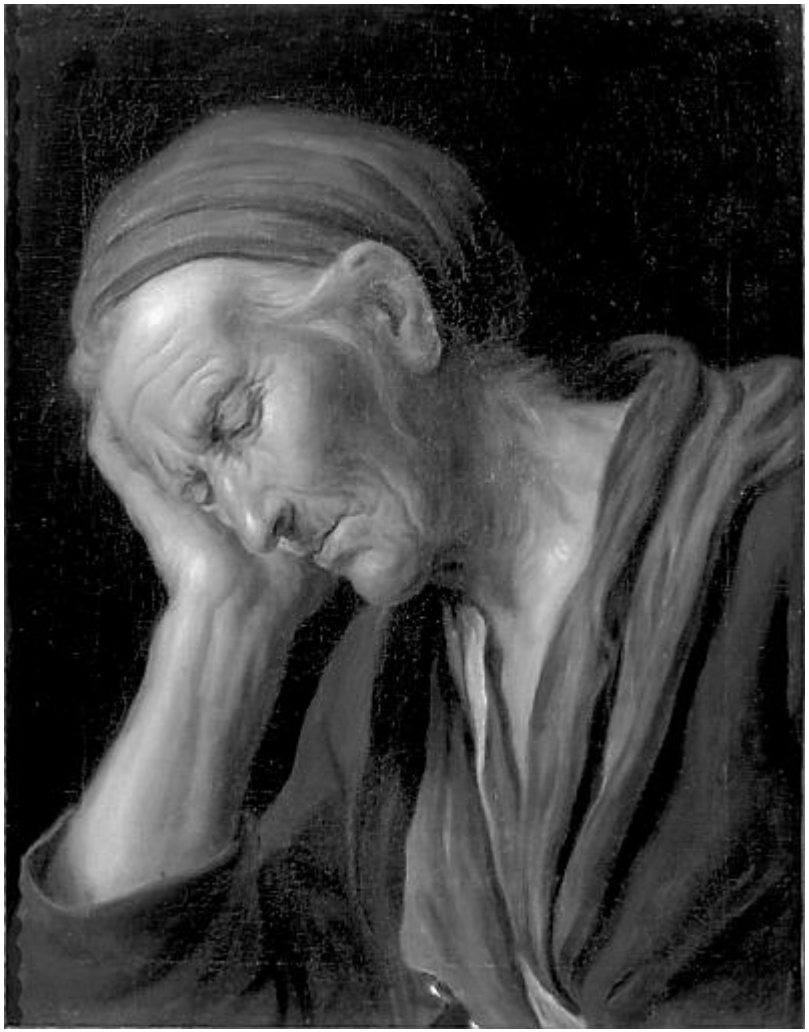
Семейство Энгельгардтов принадлежало к смоленскому мелкопоместному дворянству. «Попав в случай», Григорий Александрович Потемкин не позабыл своих многочисленных бедных родственников из провинции. Все они получали в качестве подарков деньги, имения, должности, звания, а родственницы-девицы еще и супругов с положением, но эта пересадка «из грязи да в князи» никак не способствовала появлению у них аристократического лоска. «Девицы Энгельгардтовы» оставались все теми же прижимистыми, домовитыми русскими помещицами очень средней руки, которые

привыкли сами смотреть за хозяйством, подсчитывать удои молока, фунты масла и метры домотканого холста, хотя и владели миллионными состояниями. Только мода заставляла их покупать картины, читать умные книги, хотя просто хорошие книги они читали с удовольствием.

А.П. Рокштуль. «Портрет княгини Татьяны Васильевны Юсуповой». Миниатюра. ГМУА.

В канун 15-летия, в декабре 1781 года, Татьяна Васильевна Энгельгардт стала фрейлиной императрицы. Приблизительно год спустя, последней из племянниц, она оказалась приближена опекуном-дядюшкой к собственной сиятельной персоне на очень близкое расстояние и, кажется, совсем этим не тяготилась — согласно семейной традиции.

11 сентября 1786 года в присутствии императрицы состоялось венчание Татьяны Васильевны, которую убирала сама Екатерина, с Михаилом Сергеевичем Потемкиным. Он приходился троюродным братом матери невесты и был на двадцать три года старше своей суженой. Михаил Сергеевич делал успешную карьеру придворного, но когда понадобился честный человек для организации снабжения русской армии, императрица отпустила его от Двора, назначив в должность генерал-кригскомиссара. Михаил Сергеевич не воровал…



П. Ротари. «Старуха». Семейное собрание князей Юсуповых. ГМУА.

В 1791 году Татьяна Васильевна потеряла дядю, а два с половиной месяца спустя — мужа, умершего внезапно, не дожив и до пятидесяти. Как говорили, он утонул, переправляясь через реку, но смерть Потемкина называли странной. И странность эта оказалась отнюдь не случайного свойства — Михаил Сергеевич ехал на юг России улаживать весьма запутанные денежные дела «светлейшего», в которых запутан был не один миллион.

Несмотря на большую даже по тем временам разницу в возрасте, супруги Потемкины очень любили друг друга. Молодой вдове в роковой год смерти мужа исполнилось всего двадцать четыре. В первом браке у Татьяны Васильевны родились сын Александр, дослужившийся позднее до чина Действительного

Тайного Советника, и дочь Екатерина, по мужу графиня Рибопьер. Кажется, к пасынку и падчерице Николай Борисович относился с большей любовью и заботой, чем к единственному родному сыну.

Ж.Л. Монье. «Портрет княгини Т.В. Юсуповой». 1802. ГМУА.

Императрица не оставила Татьяну Васильевну в ее горе, хотя та заперлась у себя в петербургском доме в четырех стенах, долго носила по мужу траур, совсем не выезжала ко Двору, не участвовала во всеобщем веселье и никого у себя не принимала, кроме немногочисленных близких родственников.

Екатерина нашла дорожку к сердцу Татьяны Васильевны, и та согласилась стать княгиней Юсуповой, а став ею, все оставалась прежней смирной провинциальной барыней, очень доброй,

любившей помогать людям, чаще всего тайно, чуждой придворного блеска и аристократического лоска. Не слишком образованная, она не могла понять «ученых прихотей» нового супруга, но как женщина мудрая и практичная, не стала искать способов препятствовать им, посадив по традиции мужа «под каблук».

Николай Борисович, в отличие от законной жены, нрав имел пылкий, страсти частенько обуревали его — когда, разумеется, дело не касалось государственных, финансовых или политических вопросов. Он до конца дней оставался большим поклонником слабого пола, да и вообще всего прекрасного, а жить привык на свободе, вероятно, памятуя совет Бомарше.

А.В. Тыранов. «Вид Большой церкви Зимнего дворца до пожара». 1829. ГЭ.

Вскоре после кончины императрицы Екатерины супруги разъехались. В литературе встречаются утверждения, будто бы князь дал жене генеральную доверенность на управление всем имением, исключая Архангельское, но это далеко не соответствует действительности. Николай Борисович свободно распоряжался собственными капиталами. Другое дело, что Татьяна Васильевна оказывала мужу помощь в управлении громадными владениями. Понятно, что наличие наследника — князя Бориса Николаевича, подразумевало переход по наследству всего имущества именно к нему, а не на сторону. В Юсуповском архиве сохранились документы, говорящие о претензиях незаконных детей князя на получение дополнительного вспомоществования. Наследники — формально сын, но чаще всего вдова — жестко, если не жестоко, отметали такие просьбы, даже по мелочам, дабы вслед «не поплыла крупная рыбка».

О Татьяне Васильевне я еще немного расскажу в конце книги. Подробное жизнеописание ближайших родственников князя Г.А. Потемкина читатель найдет в очень познавательной книге А.М. Даниловой «Ожерелье Светлейшего»[157].

Неизв. художник. «Екатерина II в старости». Гравюра. Собрание члена МАК Ф.Ф. Вигеля. Научная библиотека МГУ

Ф.И. Шубин. «Портрет императора Павла I». 1800. Фрагмент. ГТГ.

Глава 13
«Душа моя, Павел»

Вельможу должно составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

Г.Р. Державин.
Вельможа. 1794

После внезапной кончины Екатерины II на русский престол взошел ее сын — император Павел I. «Русским Гамлетом» назвали его историки. Юсупов называл Павла Петровича просто другом и чисто по-человечески понимал тяжесть государственных дел, которые надлежало «разгрести» новому царю, у которого имелось совсем немного преданных и способных к работе подданных.

Николай Борисович состоял в небольшом кружке лиц, постоянно бывавших при малом Дворе наследника, а потом и Большом — императора Павла Петровича. Многие ближайшие друзья Павла I в пору его недолгого царствования впали в немилость. Юсупов не только уцелел, но и получил под конец царствования резкое повышение по службе — министерскую должность. Причем князю передавалось в управление не что-то второстепенное, а непосредственно личные императорские владения, соединенные в удельном ведомстве.

В бытность наследником престола Павел и его супруга Мария Федоровна состояли в постоянной переписке с Николаем Борисовичем, непрестанно пользовались его советами «по художественной части». Николай Борисович являлся частым и желанным гостем в Павловске, любимом имении императрицы, украшению которого и он немало способствовал. Павел, как известно, сильно ревновал супругу, хотя сам изменял ей с

завидным постоянством. Наследник престола хорошо знал о редкостных успехах князя Юсупова в дамской среде и тем не менее никогда не ревновал к нему жену. Мария Федоровна испытывала к Юсупову, скажем так, самые дружественные чувства вплоть до кончины. Она очень любила танцевать с Николаем Борисовичем… Об остальном их не особенно скромные современники к собственной досаде определенного так ничего и не узнали.

Неизв. художник. «Великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна с детьми Александром и Константином». Силуэт. ГТГ.

Сохранившиеся письма императора к Юсупову говорят о том, что Николай Борисович всегда оставался в глазах чрезвычайно подозрительного Павла I человеком верным и преданным. Правда, известный принцип — доверяй, но проверяй — в их деловых отношениях неизменно присутствовал. Павел умел не только проверять, но и объективно оценивать проделанную работу. Умел он и благодарить за службу.

Какие чувства испытал Николай Борисович в день кончины императрицы Екатерины — остается только догадываться. Надо заметить, что в продолжение всей своей долгой жизни князь почти никогда открыто не проявлял своих чувств — все

переживал в себе. Современные психологи утверждают, что это очень пагубно влияет на здоровье. Действительно, после ухода с государственной службы Николай Борисович неожиданно часто стал хворать и постоянно жаловался на нездоровье. Жалоб на царскую несправедливость никто от него не слышал. В отставке же князь оказался пять лет спустя после смерти Екатерины, в начале уже нового — 19-го столетия.

В первые дни царствования Павла, точнее — 18 декабря 1796 года, Юсупов получил от некоронованного еще императора следующее предписание: *«Нашему Действительному Тайному Советнику князю Юсупову. Предположив Коронование Наше с Божией помощью произвесть в действо в Апреле наступающего 1797 года, назначили Мы вас к онаму Верховным Маршалом»*[158].

Вскоре Юсупов получил еще одну бумажку с траурной каймой (в начале 1797 года). *«Князь Николай Борисович! Извольте взять Эрмитаж в свое ведение»*[159]. Именно в Эрмитажных кладовых в те времена хранилась большая часть государственных регалий, которые использовались в коронационной церемонии. Перед отправкой в Москву они нуждались в ремонте и исправлении. Распоряжение коронационным церемониалом и организационная подготовка к нему возлагались на сей раз на Николая Борисовича.

Посетив Императорский Эрмитаж уже не в качестве гостя очередного дворцового праздника или парадного обеда, а как законный хозяин, Юсупов пришел в ужас. Он являлся редкостным по тем временам знатоком не только художеств, но и условий хранения произведений искусства, тем, кого на современном языке называют немного обидным словом «музейщик», так похожим на слово «мусорщик». Эрмитаж обладал тогда сравнительно небольшой коллекцией первоклассных произведений живописи, скульптуры и графики (несколько тысяч единиц хранения в сравнении с миллионными фондами сегодня!). Однако использовался музей вполне в духе того галантного времени — как рядовой усадебный Эрмитаж, где на фоне развешанных по стенам картин хозяева устраивали праздники, званые обеды и ужины для избранного круга. Во времена Екатерины забота о гигиене этой части дворцовых анфилад сводилась к нечастому мытью полов и протиранию пыли.

Знаток и ценитель живописи, немалую часть которой он же и «пристроил» в Эрмитажные залы, Николай Борисович во всей организационной суете, предшествовавшей коронации, нашел время доложить Павлу о крайне неудовлетворительном состоянии уникальной коллекции. Нетрудно догадаться, что и в

каких выражениях говорил Юсупов, видевший все лучшие картинные галереи Европы. Отзвуком этого доклада последовал указ Павла Петровича об отпуске всего необходимого «для содержания Эрмитажа нашего в порядке и чистоте». Слово «чистота» говорит о многом… Зря такими словами тогда не бросались. Указ оказался подписан уже через два дня после доклада и никаких согласований с Государственной Думой или Верховным Советом не потребовалось, а все необходимые средства неукоснительно отпущены. Юсупов возглавлял Эрмитаж сравнительно короткое время; ему не удалось добиться того, чтобы он получил строго музейный статус, а не считался частью придворного ведомства — обеды и ужины среди картин продолжались еще очень долго.

Зато Николай Борисович принял меры для проведения полной инвентаризации и составления каталога произведений искусства, принадлежащих не только Эрмитажному собранию, но и другим царским дворцам. От императора Павла он также добился выделения средств на проведение этой серьезной научной работы. В качестве главной инвентарной описи каталог Юсупова использовался полвека — вплоть до середины 19-го столетия — настолько он оказался полон и выверен. Не потерял Юсуповский каталог своего научного значения и в наши дни, хотя искусствоведение вместе с искусствоведами шагнули далеко вперед. Кстати, нынешний директор Эрмитажа — Михаил Борисович Пиотровский — многолетний член возрожденного Петербургского Английского собрания (клуба)[160].

Неизв. художник конца XVIII в. «Портрет Императрицы Марии Федоровны». Миниатюра. ГТГ. *Фотогр. Эрмитажа.*

Еще в 1794 году, по желанию императрицы Екатерины, Николая Борисовича избрали «Почетным любителем» Императорской Академии художеств, хотя правильным стало бы его избрание «действительным профессионалом». Увы, такого звания в Академии не существовало. Почти все вельможи, избранные вместе с Юсуповым, действительно представляли собой не более чем любителей изящного, откровенно следующих за модой, тогда как Николай Борисович мог дать фору любому музейному работнику не только своего, но и нынешнего времени.

Для подготовки коронации князь приехал в Москву, где остановился в старом родовом доме-дворце в Большом Харитоньевском переулке, который тогда именовался улицей Хомутовкой. В доме в срочном порядке пришлось делать ремонт — перекладывать печи, белить и красить потолки и стены. Одним словом, готовиться к проведению торжественного приема императора с громадной свитой. Эти расходы вскоре себя оправдали, когда древний дворец несколько неожиданно пришлось приспосабливать под собственное постоянное жилище.

Диплом Почетного любителя художеств Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств, выданный князю Н.Б. Юсупову. 1794. РГАДА. Фонд Юсуповых № 1290.

Впрочем, прежде организации коронации Павла надлежало похоронить саму императрицу Екатерину Великую. Организацию этого траурного мероприятия наследник престола также возложил на Николая Борисовича. С этой поры возобновилась семейная традиция, согласно которой коронации и царские похороны являлись семейным уделом Юсуповых в качестве Верховных Маршалов. Один только Николай Борисович короновал и погребал Павла I; короновал и организовывал в Москве встречу тела умершего в Таганроге Александра I; возводил на престол Николая I. Император Николай Павлович остался особенно доволен организацией в Москве коронационных торжеств и праздников, а ведь Юсупову тогда было 75 лет, и он считался глубоким стариком.

Похороны Екатерины II, по мысли ее сына и наследника Павла I, превратились в некий акт исторического возмездия и восстановления поруганной чести. Рядом с останками императрицы в Петропавловский собор Петропавловской крепости торжественной процессией несли давно сгнившее тело ее законного супруга — императора Петра III. Оставшиеся в живых его убийцы или те, кого за таковых считали, покорно шли рядом… Исторический сей урок пользы явно не принес. Павел

Петрович вскоре разделил участь своего официального отца.

Неизв. художник. «Траурная процессия перенесения праха императора Петра III в Зимний дворец». Фрагмент. 1796. ГЭ.

Император Павел I выразил Николаю Борисовичу Монаршую признательность и благодарность за великолепную организацию коронации — все-таки такое торжество случается обычно раз в жизни любого царя. Однако одной «Почетной благодарности» императору показалось мало. В день своего восшествия на престол Павел пожаловал Николаю Борисовичу высший русский орден — Святого Апостола Андрея Первозванного, который некогда имел и его отец. С той поры Андреевская лента через плечо стала неотъемлемой частью парадного придворного мундира Николая Борисовича и всех его парадных портретов, а сам он именовался Андреевским кавалером. Надо отметить, что в те времена высший орден страны давался крайне редко, и заслужить его представлялось делом нелегким[161].

Решил Павел Петрович наградить Юсупова еще и иностранным орденом. Тем более что возможность к тому вскоре представилась. В конце 1798 года древний Мальтийский Орден счел за благо перебраться с острова Мальта в Россию и перейти под покровительство русского царя. Император Павел получил звание Великого Магистра Ордена. Это был ловкий политический ход, благодаря которому рыцари надеялись освободить свой остров, а заодно поссорить Россию с Англией. Воевать за Мальту Павел Петрович, правда, почему-то не спешил, но вот мальтийскую символику стал активно использовать в жизни русского государства. Орден Иоанна Иерусалимского вошел в отечественную наградную систему.

Видимо, и здесь не обошлось без влияния европейских масонских структур, составной частью которых Орден являлся. Просто «сотрудничество», как водится у масонов, не афишировалось. Высочайшей грамотой за подписью Магистра — императора Павла, датированной 1798 годом, князь Юсупов причислялся к кавалерам державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского и жаловался званием Командора Ордена. Николай Борисович получил еще одно, чрезвычайно редкостное отличие — 1-го января 1801 года ему позволялось учредить Командорство Ордена своего имени. Он стал первым в России человеком, в честь которого при жизни учреждалось «Командорство имени князя Николая Борисовича Юсупова»[162].

Юсупов всегда оставался человеком очень аккуратным и скрытным, многие годы дипломатической работы приучили его молчать при любой щекотливой ситуации. Он пользовался всеми дарованными ему привилегиями, а также связями, установившимися в высшем масонском мире, но обо всем этом документы Юсуповского архива деликатно не сообщают ровным счетом ничего такого, что могло бы выйти за рамки общедоступного и общепринятого… Можно сказать, что старые бумаги на удивление приучены давно умершим хозяином молчать.

Император Павел Петрович имел приятную привычку почти всякий год жаловать Николая Борисовича каким-нибудь новым служебным назначением. Так, в 1797 году он назначил Юсупова Главным Директором Мануфактур-коллегии, государственного органа, ведавшего развитием отечественной промышленности. Сия важная часть государственной машины работала тогда не слишком исправно.

Не переставал Николай Борисович исполнять и свои прежние обязанности, возложенные на него еще при матушке-Екатерине. Во всей траурной суете Юсупов не позабыл о вверенном ему театральном сообществе. В декабре 1796 года он получил 174 тысячи рублей на театр и его артистов, которые почти год после того не работали — соблюдался строгий траур, и в «позорища» ходить не позволял придворный этикет. Спектакли возобновились лишь осенью следующего, 1797 года.

Сохранилось несколько документов, доказывающих значимость театра в жизни Павловского Петербурга. Император зачастую собственноручно расписывал Юсупову репертуар Эрмитажного театра на неделю. Известно, что театральным делом Николай Борисович управлял через доверенных чиновников. Однако придворной музыкой он занимался непосредственно сам

— подбирал репертуар, согласовывал его у императора или императрицы Марии Федоровны. Это называлось составлять спектакли, которые действительно состояли, как правило, из нескольких небольших пьес и дивертисментов. В 1797 году именным Указом Павла I князю в подчинение переданы «спектакли и музыка при дворе…»[163].

Императрица Мария Федоровна постоянно искала способы пополнить казну Воспитательных Домов и всех «учреждений Мариинского ведомства», как стали называть официально основанные ею в России многочисленные благотворительные заведения для бедных уже после кончины императрицы. Не оставила она своим вниманием театры и клубы. Московский Английский клуб обязывался закупать игральные карты только в Московском Воспитательном Доме, получившем особую государственную привилегию на их печатание, а также отчислять некоторые другие суммы. В феврале 1798 года последовал Рескрипт Павла I на имя Юсупова о том, чтобы *«десятая часть доходов от сумм по сборам за вход в театры отсылалась бы в казну, в пользу Воспитательного Дома»*[164].

4 февраля 1799 года император Павел I уволил князя от театрального дела. *«Соображая штаты Двора Нашего, Нами утвержденные, повелеваю быть главным над театральными зрелищами директором нашему оберкамергеру графу Шереметеву. Павел»*[165]. Это увольнение стало для Николая Борисовича скорее личной обидой — среди сезона терялась бесплатная, казенная ложа Директора. Из полумифического «министра культуры» Юсупов вскоре превратился во вполне реального министра уделов. Существуют сведения, что непосредственно «придворной» музыкой князь все же продолжал заведовать вплоть до полной отставки, последовавшей уже в следующее царствование, что несколько смягчало обиду. К тому же «нельзя объять необъятного».

Никола де Куртейль. С оригинала Э.Л. Виже-Лебрен. «Портрет княгини Татьяны Васильевны Юсуповой». ГМУА.

Только шесть недель пробыл в должности начальников всех русских актеров граф Николай Петрович Шереметев, женатый на своей же крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой-Жемчуговой. Императорские, то есть фактически государственные, театры графу совсем не понравились; со своим, крепостным, оказалось проще и легче — многие проблемы художественной жизни решались на конюшне, где обыкновенно «деятелей крепостной театральной культуры» нещадно пороли за малейшие огрехи на сцене.

Графское место занял Александр Львович Нарышкин, к

которому в управление перешел и Эрмитаж. Пустоватого и суетливого преемника Нарышкина князь Юсупов предпочитал не замечать, хотя при случае и палки, и шпильки охотно ему вставлял, наверное не раз сожалея, что придворный этикет не дозволяет просто поддать ногой.

Э.Л. Виже-Лебрен. «Портрет графини Екатерины Васильевны Скавронской, во втором браке графиня Литта». 1796. Юсуповский дворец в СПб. Местонахождение неизвестно. Репродукция из сборника «Юсуповский дворец».

Не забывал довольно грубо поддеть предшественника и «хорошо воспитанный» обер-камергер Нарышкин. Как-то раз во время балетного спектакля император Павел I спросил у него, отчего тот не ставит балетов, в которых «принимают участие много всадников», как это делалось при Юсупове.

— Невыгодно, Ваше Величество! — отвечал Нарышкин. — Предместник мой ставил такие балеты потому, что, когда лошади делались негодны для сцены, он мог их отправлять на свою кухню…и…съесть.

Прозрачный намек на татарское происхождение Юсупова, а татары, как известно, очень любят конину, надо полагать, император понял и потом долго смеялся.

Щедрость Павла I продолжала раскрываться в даровании князю Юсупову новых должностей. Очередное назначение не заставило себя ждать. В ноябре 1800 года Николай Борисович стал Министром Департамента Уделов. Накануне император Павел самолично посетил Императорские Стекольный и Фарфоровый заводы, которыми управлял Юсупов. Производство здесь находилось на высочайшем уровне, так что именитые иностранные гости, обыкновенно бывавшие на заводах с экскурсиями, после не без удивления говорили при Дворе, что производство здесь поставлено никак не хуже европейского. Император Павел, во всем любивший строгий порядок, при посещении заводов с удовольствием указал Николаю Борисовичу на действительно превосходный порядок в производстве и на рабочих местах. Оценил он и элементарную чистоту, почему-то почитавшуюся за немецкую. Об этом Юсупова официально извещал очередной Высочайший Рескрипт[166].

В свою очередь и князь счел нужным воспользоваться царским визитом, дабы отблагодарить своего помощника по заводам. Для коллежского советника Фигнера, непосредственно заведовавшего Фарфоровым и Стекольным заводами, Юсупов исхлопотал пожизненную пенсию в две тысячи двести рублей годовых. Николай Борисович всегда оставался признательным и доброхотным человеком в отношении к тем, кто помогал ему заниматься делом. Не любил Юсупов только пьяниц и бездельников, которых имелось немало как среди его подчиненных, так и среди его крепостных. Подчиненных он просто гнал со службы, а крепостных сдавал в рекруты, если подходил возраст и состояние здоровья.

В качестве Директора Мануфактур-коллегии князь проработал сравнительно недолго и не успел хоть сколько-нибудь выправить положение русской промышленности. 20 ноября 1797 года Николай Борисович стал Главным Директором Мануфактур-коллегии, а оставил пост в 1802 году, хотя после марта 1801 года исполнял обязанности чисто номинально. Юсупов, как и всегда, оказался прекрасно подкован теоретически. В его библиотеке

имелся специальный раздел книг по экономике, куда входили труды и по экономике промышленности, но «гладко было на бумаге, да замучили овраги», в огромном количестве встречавшиеся на путях развития отечественной промышленности того периода. На деле промышленное производство в России в конце XVIII столетия находилось далеко не в самом цветущем состоянии. К этому времени оказались разорены или устарели даже собственные, Юсуповские фабрики, а уж в их прибыльной работе князь был заинтересован как никто другой. Впрочем, это печальное обстоятельство не помешало князю в 1796 году быть избранным членом Вольного Экономического общества, куда принимали после строгого отбора — в экономике новому сочлену полагалось разбираться.

С.С. Щукин. «Портрет императора Павла I». ГМУА.

К несчастью для русской экономики, князь Юсупов руководил

ею очень недолго. На смену ему пришла, как водится, зеленая молодежь — очередные «младореформаторы»…

Кризис переходного периода феодального хозяйства, четко обозначившийся на рубеже столетий, не мог быть преодолен только административными мерами, даже привлечением таких талантливых управленцев, каковым являлся Николай Борисович. Менять следовало отживший феодализм на развивающийся капитализм и вовсе отменять крепостное право. Правители России уяснили это лишь в середине XIX века.

В ноябре 1800 года Павел Петрович не просто повелел Николаю Борисовичу встать во главе Департамента Уделов. Фактически он сделал Юсупова главой значительной части российской экономики, от доходов которой жила царская семья. Департамент Уделов являлся одним из центральных государственных учреждений, ведавших громадными имениями в разных концах страны, то есть частной собственностью Дома Романовых. Лично император распределял доходы этого ведомства[167].

Короткое царствование Павла I оставило немалый след в русской мемуаристике. О сумасбродстве императора ходило немало рассказов и анекдотов, частью имевших документальное обоснование. Павел назначал и сменял министров, генералов и даже собственных любовниц с завидной скоростью. Трудно было не попасть «в случай», а потом не пасть, не отправиться по царской милости в ссылку или даже в крепость. Павел отменил запрет телесных наказаний для многих привилегированных слоев общества, так что розги стали реальной угрозой для многих дворянских тел… Не потому ли дворянство так споро озаботилось организацией очередного дворцового переворота?

Казалось бы, в биографической хронике Николая Борисовича Юсупова этого печального периода русской истории не может не появиться какой-нибудь мрачной детали. Вместо этого — постоянные новые назначения, награды и иные царские милости. Надо заметить, что в повседневной жизни император Павел вовсе не являлся таким уж конченым кретином, как его хотели представить в воспоминаниях и «исследованиях» разного рода разоблачители. Николай Борисович на государственной службе и вне ее оставался вполне обыкновенным человеком, просто умевшим хорошенько контролировать себя. К тому же следует вспомнить и слова симпатия, симпатичный человек. Юсупов неизменно оставался ежедневным приятным собеседником императорской четы, умел сглаживать иные острые моменты в отношениях супругов. Павел Петрович прислушивался к словам

своего старого друга, которого ему не в чем было упрекнуть и который желал ему только хорошего. Вероятно, эти обстоятельства привели к тому, что Николай Борисович не стал героем придворных сплетен и пересудов, почти не попал на страницы воспоминаний о Павловской эпохе.

Ф.Я. Алексеев (?) «Вид на Михайловский замок и площадь Коннетабля». 1799–1800 гг. ГМП.

Секрет «успеха» оказался прост. Князь Юсупов просто много работал и не только на государство. Он регулярно уезжал из Петербурга; занимался хозяйством своих вотчин, что-то налаживал и переустраивал в них. Одним словом, Юсупов старался не надоедать царской фамилии и лично императору Павлу I, но всегда оставался полезным государственным чиновником и приятным в домашнем общении человеком.

Март — тяжелый месяц для русской истории. Все чего-нибудь нехорошее да случается. Даже царей русских в марте убили не одного, а двух. Не стал исключением и март 1801 года.

Вечером 11 числа, на сороковой день после поспешного переезда императорской фамилии в новопостроенный Михайловский замок, шел традиционный ужин в кругу семьи и близких к Павлу Петровичу людей. Николай Борисович Юсупов

принимал в нем участие. Павел I, хотя и придерживался прогрессивных взглядов, но в народные приметы и особенно суеверия верил неукоснительно. За столом в тот вечер собралось 13 человек. В гневе император вскочил из-за стола, и тут взгляд его упал на зеркало, украшавшее стену. Надо сказать, что сработано оно было на заводе князя Юсупова. Собственное отражение предстало императору с сильно перекошенной на сторону головой. Павел Петрович в гневе наорал на Николая Борисовича за некачественную продукцию и, как следует не поев, отправился спать.

У этой истории есть еще один, надо полагать, более реальный вариант. Князь С.М. Голицын рассказывал, что в канун гибели Павел отправился ужинать в половине девятого. «В этот день в кабинете готовили три новых зеркала. Государь ходил и шутил с ужинавшими:

— Какое мне зеркало повесили! Куда ни посмотрю, все у меня лицо кривое, как на боку.

— Это на время! — отвечал Юсупов (до завершения полной отделки дворца)».

Надо заметить, что Николай Борисович оказался тут явно ни при чем. Зеркалам известно много больше тайн, нежели людям, рассматривающим в них собственные отражения… Одни исследователи говорят о каких-то энергетических потоках, другие — про параллельные миры, а кто-то и вовсе о неведомом. Предполагается, что зеркала таинственным образом вбирают в себя энергетическую оболочку событий — как прошедших, так и будущих. Не случайно в доме, где лежит покойник, зеркала полагается закрывать.

Ужин в Михайловском замке, как обычно, закончился в половине десятого. Павел вышел, ни с кем не простясь, и сказал в другой комнате: «Чему быть, тому не миновать!» Той же ночью с помощью табакерки, шарфа и нескольких проанглийски настроенных офицеров на русский престол возведен был император Александр I, названный впоследствии Благословенным, старший сын убитого. Юсуповское зеркало оказалось пророческим; голова убитого Павла лежала как раз на боку…

Такова одна из легендарных версий последнего вечера и последней ночи жизни императора Павла Петровича. Ходили слухи о том, что нити антиправительственного заговора плелись в англофильских кругах Петербурга, а местом сбора заговорщиков служил Петербургский Английский клуб. Только это общественное собрание не вызывало подозрений полиции.

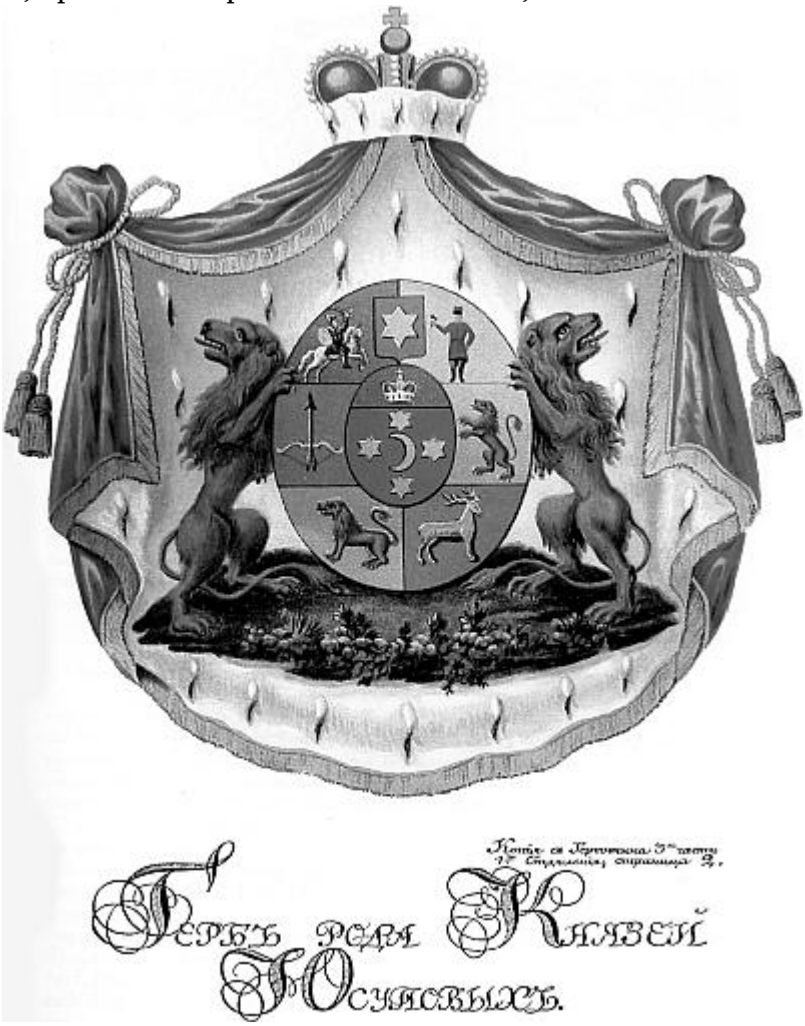
Ведь сам Павел разрешил деятельность клуба, тогда как все остальные сообщества «больше двух» оказались под подозрением и запретом.

Стефано Торелли. «Коронование Екатерины II в Успенском соборе 22 сентября 1762 г.». 1777. ГТГ. В собрании кн. Н.Б. Юсупова хранилась копия картины работы Ф.Г. Скотникова.

Погребение одного царя и возведение на престол другого теперь уже по традиции не могли обойтись без Николая Борисовича. Он умел хорошо организовывать самые сложные и многолюдные мероприятия да еще экономить при этом средства государственной казны. Впрочем, на сей раз старания князя Юсупова оказались напрасны и не получили достойной оценки нового императора. 20 мая 1801 года император Александр I своим Указом назначил Юсупова Верховным Маршалом в комиссии по коронации. Для подготовки коронационных торжеств князь Юсупов приехал в Москву. И здесь окончательно выяснилось, что собственное хозяйство Николая Борисовича пребывает далеко не в цветущем состоянии, несмотря на предпринятые им реформы. Полуопала, которой Юсупов вскоре подвергся, оказалась большим благом для собственного княжеского кошелька. В нем Николай Борисович ценой немалых усилий залатал весьма приличную дыру. Это спасло репутацию князя как одного из богатейших вельмож России.

В июле 1801 года Юсупов приехал в Москву для подготовки коронационных торжеств, а уже в ноябре уехал в свою крупнейшую вотчину — слободу Ракитную, имея в кармане

разрешение на отпуск «по болезни». Император Александр I был из тех, про кого говорили — мягко стелит, жестко спать…



Герб рода князей Юсуповых, внесенный в «Общий Гербовник». Репрод. из сб. «Юсуповский дворец».

Со смертью императора Павла I закончился самый значительный, как могло показаться, период жизни князя Николая Борисовича Юсупова. Однако на самом деле освобождение от исполнения многочисленных государственных обязанностей дало Николаю Борисовичу свободу для нового созидания, для выполнения своих собственных художественных и экономических замыслов, «ученых прихотей», которыми потомки восхищаются и ныне.

И еще одно важное событие случилось в жизни князя

Юсупова в последние годы 18-го столетия. В 1785 году императрица Екатерина II постановила особой Жалованной Грамотой Дворянству составить книги о дворянских родах. Озаботился о памяти предков, а равно о документальном подтверждении собственного княжеского достоинства и Николай Борисович. Род Юсуповых внесен был в III часть Всероссийского Гербовника, а император Павел Петрович утвердил герб рода князей Юсуповых. С этого времени Николай Борисович окончательно изменил фамильное прозвание. Вместо Юсупова-Княжево он стал писаться просто князем Юсуповым и с этим именем попал в анналы русской истории[168].

Архангельское. Д. Джиромелла. Фонтан «Амур с дельфинами». 1889. Рисунок И. Торопова. ГМУА.

Часть II
«Любимец муз московских»

А.П. Рокштуль. «Портрет князя Николая Борисовича Юсупова». Миниатюра. ГМУА.

Глава 1
Встречи в пути
Путешествия начала нового века и обретение Архангельского

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!

К.Н. Батюшков.

Элегия 1804 или 1805 гг.

В прежние времена в России карьеру полагалось делать в Петербурге, а старость встречать в Москве. Не стал исключением и князь Николай Борисович Юсупов, вскоре после внезапной кончины императора Павла Петровича покинувший болотистые невские берега. Москва еще со времен Ивана Грозного была для князей Юсуповых родным городом, где прожили жизнь и нашли последний приют многие представители рода. Здесь, на Хомутовке, в нынешнем Большом Харитоньевском переулке, располагался и главный их родовой дом-дворец, в котором Николай Борисович обосновался после переезда из Петербурга. Здесь же князь скончался в 1831 году, прожив в Москве блистательное тридцатилетие. Однако решение о переезде в Москву далось Николаю Борисовичу не без труда и причин тому оказалось немало…

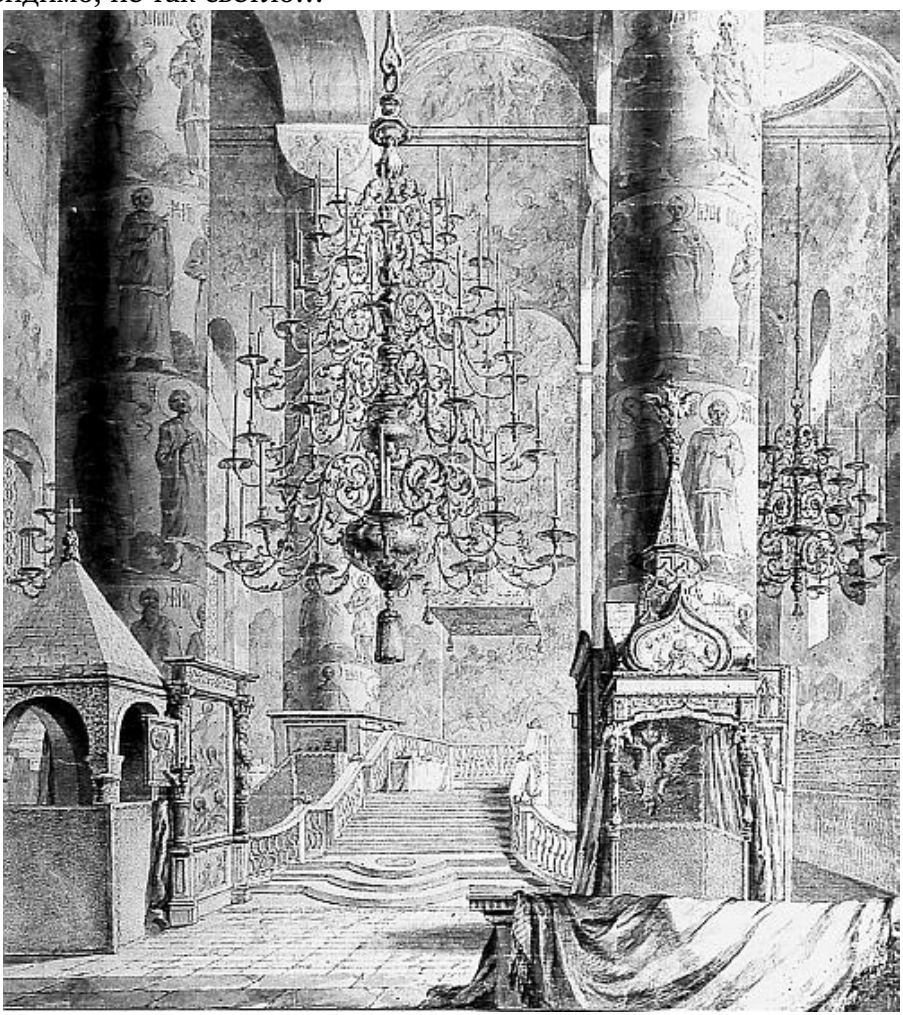
Ф.Я. Алексеев (?) «Иллюминация на Соборной площади в Кремле по случаю коронации Александра I». 1801. Акварель. ГЭ.

На день, а точнее — ночь смерти Павла I князь Юсупов являлся одним из высших государственных чиновников России. В его руках сосредотачивалось управление всей личной собственностью царствующего Дома Романовых.

Николай Борисович был не просто доверенным лицом, но и многолетним личным другом убитого императора Павла Петровича. Его моральная поддержка нового царя — молодого Александра I, стоила дорого. Не следует забывать, что Александр Павлович, отличавшийся редкостной мнительностью и подозрительностью, всю оставшуюся жизнь терзался из-за отцеубийства, поэтому выдержать молчаливый взгляд отцовского друга стоило ему немалых усилий. Александру представлялось очень важным, чтобы именно Николай Борисович de jure придал его царствованию законный характер, организовал и возглавил в качестве Верховного Маршала коронацию, тем более что князь был Верховным Маршалом и на коронации его отца Павла I.

Очередные коронационные торжества, для художественного оформления которых князь вновь пригласил из Петербурга Пьетро Гонзага, удались Юсупову на славу. Художники запечатлели их на многочисленных картинах, гравюрах и акварелях. Всякий более или менее важный момент коронационных торжеств нашел свое художественное олицетворение — от въезда императорского кортежа во вторую

столицу до коронации в Успенском соборе Кремля. Организатор «мероприятий» — князь Юсупов не забыл и о вечерней Москве. В темное время суток Кремль расцвечивался редкими по красоте фейерверком и иллюминацией, которые радовали глаз тысячам собравшихся зрителей. В ту пору электричество, понятно, еще не использовали, и любое огненное свечение, более яркое, чем фонарь или свеча, воспринимались публикой с восторгом. Гонзага действительно обладал выдающимся даром декоратора, способного оформить любое пространство. На акварели художника Федора Яковлевича Алексеева Соборная площадь Кремля показана как раз в ту торжественную минуту, когда праздничная иллюминация сверкала и переливалась самым ярким светом. Ярче всего горело изображение вензеля нового императора. Увы, на душе князя Юсупова в тот момент было, видимо, не так светло…



Ф.Я. Алексеев (?) «Вид внутри Успенского собора Московского

Кремля на императорское тронное место во время коронации Александра I». 1801. ГЭ.

Николай Борисович всегда «держал нос по ветру» и хорошо чувствовал ветер перемен, иной раз продувавший Зимний дворец насквозь. Человек умный, он понял, что политику нового царствования хотят осуществлять новые люди. К тому же личные обстоятельства складывались не в пользу князя — в его обширном хозяйстве стали проявляться признаки грядущего экономического кризиса, который мог грозить серьезными финансовыми затруднениями. Необходимо было срочно от экономики государственной переключиться на экономику собственную.

С приходом во власть многочисленных «младореформаторов» — молодых друзей царя Александра I вроде польского князя Адама Чарторыжского многое при дворе изменилось. «Младореформаторы» были людьми хорошими, с царем всем делились, даже женами, но в государственных делах смыслили мало, хотя и мнили себя большими знатоками. Народная мудрость — «молодо-зелено» — скоро дала о себе знать серьезными сбоями в работе отечественной государственной машины, ее финансового, военного и внешнеполитического ведомств. Александр набил немало шишек, прежде чем догадался вновь призвать к власти «старую гвардию».

Неизменным являлся один только друг императора граф Аракчеев, «преданный без лести», как указывалось на его фамильном гербе. Аракчеев всегда оставался «на хозяйстве», покуда царь совершал свои многочисленные путешествия по России и заграница. Кстати, Аракчеев состоял почетным членом Петербургского Английского клуба, хотя большой любви к нему там не испытывали. Вероятно, и граф не стал завсегдатаем клубного сообщества, а получил почетное звание из соображений политических, когда Старшины клуба сочли нужным «угодить и волкам и овцам».

После коронации Александра Павловича Юсупов совсем недолгое время продолжал исполнять обязанности Министра уделов. Однако и в этот короткий период Николай Борисович с помощью нового монарха попытался было решить одну важную проблему Удельного ведомства. Как выяснил князь еще при вступлении в министерскую должность, во всей огромной России грамотных специалистов, которые могли бы непосредственно на местах управлять удельными имениями, имелось немного. Преобладали малограмотные воры, чаще думавшие о

преимуществах собственного кармана. Для разрешения «кадровой» проблемы Николай Борисович обратился к молодому царю с предложением о переустройстве имевшихся в удельных селениях мастерских по выделке солдатских сукон, чаще всего доходов и реальной продукции не приносивших, в школы, богадельни и больницы.

Император Александр I прислушался к мнению князя и издал особый Рескрипт от 18 июля 1802 года на его имя, где принимал это предложение, исполнение которого вскоре оказалось под толстым бюрократическим сукном, как только Николай Борисович получил «отпуск по болезни».

10 октября 1802 года Александр I подписывает еще один Рескрипт на имя князя.

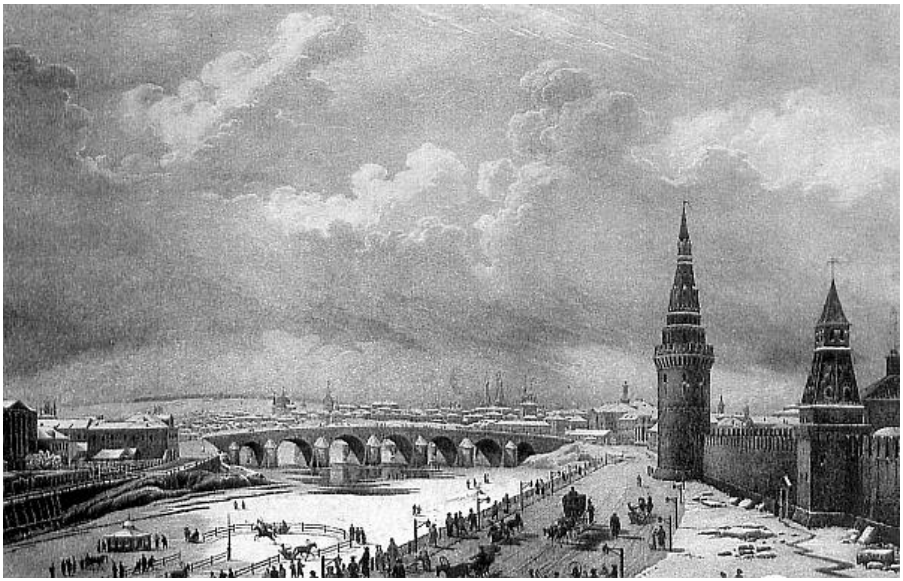
«Князь Николай Борисович.

Из рапортов от Вас о сдаче и от Управляющего Кабинетом Гоф-Мейстера Гурьева о приеме находящихся в Вашем ведении Шпалерной мануфактуры и заводов стеклянного и фарфорового, видя, коль знатны капиталы сих заведений хозяйственным и попечительным старанием Вашим получили приращение, не могу оставить без особого внимания такового усердного Вашего служения, за которое изъявляя Вам в полной мере признательность и благоволение, пребуду навсегда Вам доброжелательным

Александр
В Санкт-Петербурге
Октября 10
1802 года»[169].

Про «доброжелательность» император явно лукавил. Сохранились другие Рескрипты молодого царя, адресованные к Николаю Борисовичу, где в приличных выражениях объясняется князю, что с возложенными на него обязанностями Главного Директора Мануфактур-коллегии он не справился, хотя к исполнению остальных многочисленных служебных нагрузок Юсуповым претензий вроде бы и нет.

Как до, так и после Юсупова Мануфактур-коллегия, даже в преобразованном и переименованном виде, работала из рук вон плохо. Не лучше обстояли дела и в Удельном ведомстве, чье хозяйство оказалось так запутано, что даже такой опытный администратор, как Николай Борисович, не смог упорядочить его работу. Правда, времени у него на это имелось совсем немного.

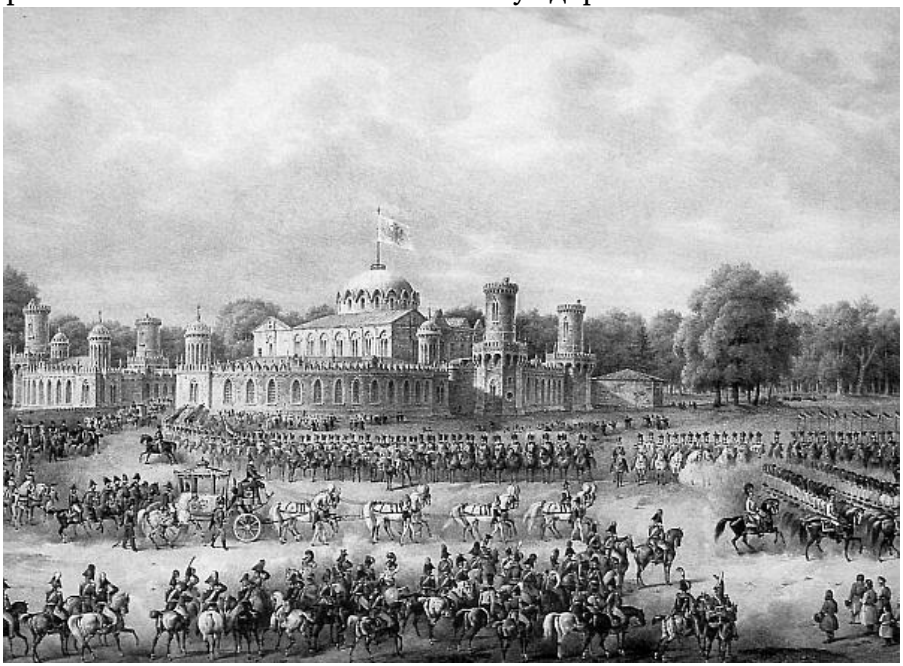


А.В. Жоли. С оригинала О. Кадоля. «Вид Каменного моста от Кремля». 1825. ГМП.

Юсупов не стал ждать очередных дворцовых перемен и гордо ушел сам — осенью 1802 года в долгосрочный отпуск «по расстройству здоровья», а в сентябре 1804 года в отставку. Сиятельному князю вместо экономики государственной открылось широкое поприще, как говорят в наши дни, частного бизнеса; в короткий срок он смог упорядочить и резко увеличить доходность, а равно число имений и фабрик, но теперь уже не удельных, а собственных, княжеских. В этом Николай Борисович преуспел значительно больше. И дело тут оказалось вовсе не в народной мудрости, гласящей, что «своя рубашка ближе к телу». Просто в управлении собственным хозяйством князь был абсолютно свободным — надлежало лишь правильно уловить конъюнктуру рынка. С деловым же чутьем у сиятельного вельможи все оставалось в полном порядке, как у обыкновенного замоскворецкого купца.

К началу нового столетия состояние здоровья князя Юсупова на самом деле оказалось порядком расстроенным. Многие годы после отставки он постоянно жаловался на ухудшение зрения, несварение желудка, многочисленные простуды, подагру. Такой набор болезней для мужчин его возраста и в ту пору не казался слишком обширным. Ведь большинство современников князя едва переживали роковой для «сильного пола» 54-летний возраст, становившийся и в начале 20-го столетия пределом жизни многих, хотя за сто лет медицинская наука вроде бы шагнула далеко вперед. Видимо, Николай Борисович обладал крепкой

нервной системой, что стало залогом его долголетия. К тому же в качестве отдыха он постоянно менял виды занятий, а не валялся на многочисленных диванах в не менее многочисленных имениях[170]. «Гимнастика для ума», «ученые прихоти» тоже приносили немало пользы княжескому здоровью.



Неизв. художник. «Торжественный выезд коронационной процессии из Петровского дворца в Москве». Акварель.

Важно, что и царь, и князь при решении вопроса об отставке сохранили лицо. В глазах завистников и сплетников, каковых у Юсупова, как и у всякого выдающегося человека, имелось предостаточно, его отставка носила отнюдь не скандальный, а исключительно добровольный характер. О ее истинных причинах знали только двое, тогда как пресловутому «общественному мнению» пришлось довольствоваться сплетнями о состоянии здоровья князя Николая Борисовича — катарах, подагре и иных статьях Медицинской энциклопедии.

Спустя совсем немного времени Николая Борисовича вновь пришлось призвать на государственную службу — сначала негласно, а потом уже и в официальном порядке. Император понял, что для поддержания собственного не слишком завидного общественного положения необходимо использовать высокий общественный статус князя Юсупова, который он наработал годами честной службы «на благо царя и Отечества». Между тем Николай Борисович за короткое время «отпуска» вновь запустил и прекрасно отладил машину своего собственного хозяйства.

Хроника жизни князя Юсупова первых десяти лет 19-го столетия долгие годы оставалась «terra incognita» для его биографов. Даже в научном каталоге юбилейной выставки «Ученая прихоть» об этом времени можно найти самые противоречивые сведения. В разных изданиях о жизни Николая Борисовича после отставки 1802 года авторы рассказывали весьма неожиданные вещи, но большинство из них сходилось в том, что с 1802 или, на худой конец, с 1804 по 1810 годы князь провел в длительном заграничном путешествии.

На самом деле сиятельному князю пришлось уподобиться простому русскому купцу или управляющему имением и активно налаживать свое собственное дело — открывать новые фабрики, модернизировать производство на старых, приводить в порядок управление обширными сельскохозяйственными угодьями.

Хроника событий жизни Николая Борисовича в первое десятилетие XIX века складывалась следующим образом[171].

В январе — марте 1800 года Юсупов побывал в главной своей вотчине — курской слободе Ракитной, проехав для этого Москву, Московскую, Тульскую, Орловскую и Курскую губернии. Именно в этой поездке выяснилась подлинная картина не слишком приглядного экономического состояния княжеского хозяйства.

И.П. Витали. «Бюст князя Н.Б. Юсупова». ГРМ. Из Юсуповского дворца в Петербурге.

1 марта 1801 года убит император Павел Петрович.

В июле 1801 года князь прибыл в Москву для подготовки коронации императора Александра I в качестве Верховного Коронационного Маршала.

В ноябре Юсупов едет в Ракитную, возвращается в Москву 3 декабря и вскоре уезжает в Петербург, а возвращается в первопрестольную в конце декабря.

В 1802 году Николай Борисович приезжает в Москву в сентябре месяце (дата отъезда в Петербург неизвестна). В октябре князь едет в Ракитную.

Январь 1803 года Юсупов встретил в Москве. 10 марта он

опять уезжает в Ракитную. В апреле и мае князь совершает поездку в Очаков, Одессу, Крым и по Северному Причерноморью, изучая возможность покупки новых земель. В августе возвращается в Москву, а в сентябре уезжает в Петербург.

В январе 1804 года Николай Борисович возвращается в Москву, а 15 февраля начинается его дальнее путешествие в Астрахань, которое оканчивается возвращением в Москву в марте, по весеннему бездорожью.

В мае Юсупов едет в Петербург, который покидает в августе месяце, а в сентябре из Москвы переезжает в Ракитную. В октябре Николай Борисович вновь в Москве, где проводит зиму.

В мае 1805 года князь едет из Москвы в Ракитную. 24 июля — приезд в Москву и отъезд в Ракитную в октябре. В ноябре Николай Борисович возвращается в Москву, где вновь проводит зиму.

1806 год, видимо, не был занят длительными поездками. Князь покупал имение Васильевское на Воробьевых горах и занимался московскими делами.

В июле 1807 года Николай Борисович отправился в Ракитную, откуда возвратился в августе в Москву и сразу же отправился в Петербург. В сентябре он опять в Москве.

В начале марта 1808 года Николай Борисович уезжает в Ракитную, а 28 марта 1808 выезжает оттуда в последнее заграничное путешествие.

1 июня 1808 года князь прибывает в Париж; в начале июля едет в Вену, куда приезжает 15-го числа того же месяца. В конце июля Николай Борисович вновь в Париже.

1809 год проходит в заграничном путешествии.

В мае 1810 года Юсупов приезжает в Россию; в июне-июле живет в Ракитной. 10 июля возвращается в Москву. 5 августа князь едет в Петербург и возвращается в Москву 20 октября.

Результатом всех многотрудных переездов и деловых путешествий князя по России стало серьезное упорядочение его хозяйства и резкое увеличение доходов.

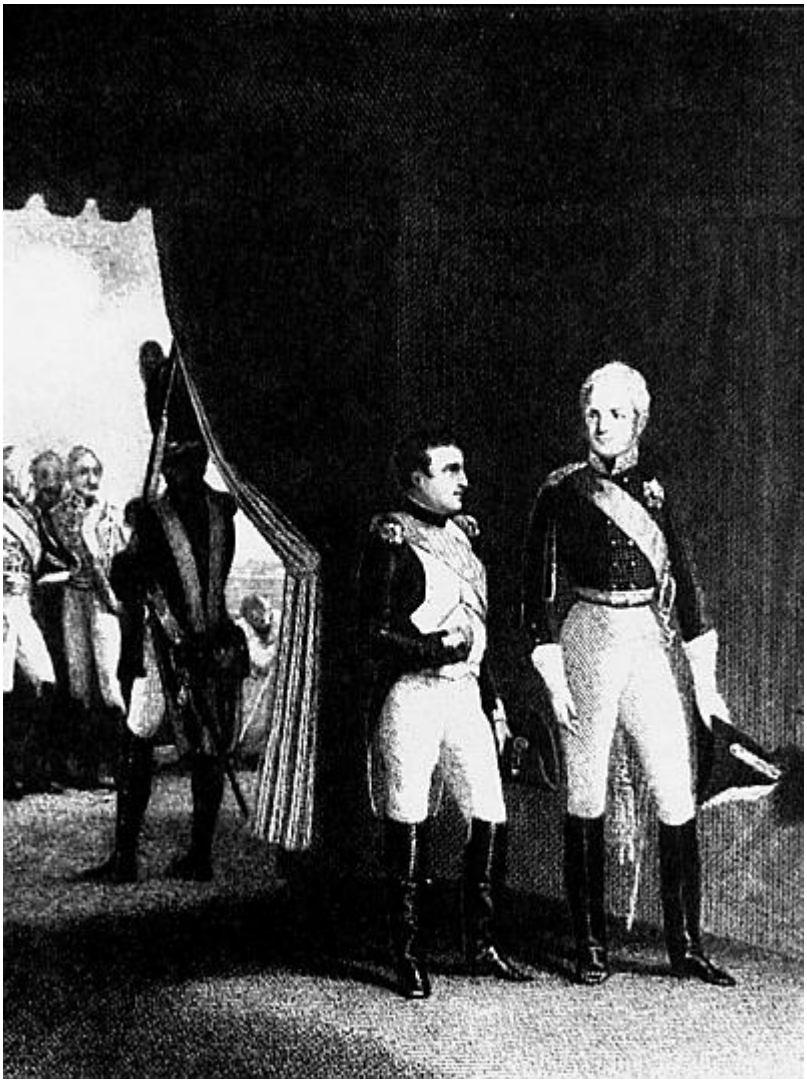
Произведя хозяйственную реформу и обеспечив себя бесперебойным финансированием, Николай Борисович смог исполнить давнюю свою мечту — в очередной раз отправиться в чужие края. Князь, вероятно, догадывался, что в силу почтенного возраста эта поездка может оказаться для него последней. 28 марта 1808 года он выехал из слободы Ракитной в далекое и, кажется, приятное путешествие.

Формальным поводом для заграничной поездки служила, как водится, необходимость в поправлении здоровья, — в последние

десятилетия жизни Юсупов частенько хворал, а заграничные врачи и климат всегда у нас почитались много лучше отечественных. Вроде бы имелась еще необходимость в пополнении коллекций, в изучении новых веяний европейской культуры. Хотелось послушать музыкальные новинки. Короче, внешних поводов оказалось немало. Был, однако, повод и тайный — много более серьезный, тщательно скрытый от посторонних глаз.

Начало 19-го столетия — череда политических, военных и финансовых неудач Российской империи. Желторотые «младореформаторы», друзья императора Александра I, в короткий срок довели страну до кризиса практически всех отраслей государственной жизни. После ряда блестящих побед А.В. Суворова, одержанных в конце царствования Павла I, русские войска, лишенные опытного полководца и внятных геополитических установок, терпели одно поражение за другим. «Корсиканское чудовище», ставшее императором французов под именем Наполеона I, все больше и больше заставляло считаться с собой монархов Европы.

Позорное поражение русско-австрийской армии при Аустерлице в декабре 1805 года, вынужденной вести военные действия по одобренному Александром I бездарному плану австрийцев, неуемные аппетиты Наполеона, его желание захватить не только Англию, но и вообще весь европейский континент, — все эти обстоятельства приводили русского царя в отчаяние. Он прекрасно понимал, что страна может ускользнуть из рук. «Властитель слабый и лукавый», далеко не идеальный правитель громадного государства, Александр I все же осознавал, что русской государственной машине после Аустерлица необходим перерыв для сосредоточения всех сил на подготовке к отражению возможного нападения Наполеона непосредственно на Россию. Для этой «передышки» русский царь заключил с Наполеоном позорный мирный договор. В неминуемость будущей войны с императором французов император русский не сомневался, хотя политиком, равно как и полководцем, всю жизнь оставался откровенно никудышным. К тому же император Александр I не оставлял призрачной надежды перехитрить «корсиканское чудовище», усыпить его бдительность.



Неизв. художник. «Встреча Александра I и Наполеона в Тильзите». Рис. начала XIX в.

Возвращение «екатерининских орлов», а равно и Павловских чиновников к управлению государственной машиной осуществлялось Александром постепенно. Понятно, что востребован оказался и князь Юсупов — один из первых сановников минувших царствований.

«Салон Наполеона I». Открытка 1900-х гг. Собр. автора.

Не сложно представить себе чувства, испытанные императором во время памятной беседы с немолодым уже вельможей, чью карьеру Александр I прервал в самом расцвете даже не в силу какой-то своей личной неприязни к князю, а только из-за необходимости следовать в фарватере грядущих, но так и неосуществленных государственных реформ. Наверное, царю приходилось просить, приходилось унижаться перед богатым и умным князем, который всегда умел указать собеседнику его настоящее место, а равно и показать свою независимость от власть предержащих. Противнее всего оказалось то, что Николай Борисович щелкал императора по носу сквозь маску учтивости и даже некоторого подобострастия, столь свойственного людям, знакомым с тонкостями восточного этикета. Правда, у Александра I имелось одно похвальное качество — он умел в нужный момент наступить на свою гордость, словно бы понимал всю собственную ничтожность как государственного деятеля. К тому же на редкость стройный царь был до противности толстокож…

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Лучше Пушкина и об Александре I не скажешь. И все же,

думается мне, царь взывал не к личным чувствам Юсупова, а князь, в свою очередь, прислушивался не только к журчанию императорской речи. Оба понимали острую необходимость в успешном осуществлении для блага и даже для спасения России порученного Николаю Борисовичу тайного задания. Понятно, что открытых архивов тайной дипломатии не существует. Поэтому дальнейший мой рассказ — не более чем реконструкция, подкрепленная лишь косвенными фактами. Читатель волен верить ей или думать, что Николай Борисович спешно выехал в чужие края действительно только для того, чтобы подлечить подагру, познакомиться с музыкальными новинками и прикупить еще пару сотен картин для своего обширнейшего собрания…

Так или иначе, но Юсупов отправился к Наполеону с весьма деликатной миссией. Ему предстояло выступить в роли… тайной свахи. Как водится в политике, при этом красота невесты и некоторая уродливость жениха особой роли не играли. Вступить в союз предлагалось отнюдь не мужчине и женщине, а двум великим государствам.

Деликатность миссии Николая Борисовича заключалась в том, что об этих «матримониальных» переговорах никто не должен был догадаться. Видимо, даже русское посольство не ставилось в известность, дабы не создавать излишнего шума, а ведь во главе его стоял близкий друг Николая Борисовича князь А.Б. Куракин. Князь Юсупов изображал из себя богатого путешественника, интересующегося прекрасным и пополняющего свою знаменитую коллекцию произведений искусства. Как и в давней истории с Римским папой, Юсупов успешно делал вид, что является всего лишь частным лицом. Кстати, сестер Александра 1 несколько раз безуспешно сватали Наполеону и официальные русские дипломатические миссии. Юсупову же предоставлялся последний шанс, почему его поездка обставлялась такой тайной. К тому же в России издавна считалось, что всякую свадьбу легко сглазить — что крестьянскую, что императорскую. Знатоков этого искусства всегда хватало, тогда как хорошие свахи все же находились нечасто.

В.Л. Боровиковский. «Портрет князя А.Б. Куракина». 1801–1802 гг. ГТГ. Посол России во Франции в 1809–1812 гг.

Когда же приехал Юсупов в Париж? В 1802, 1804 или 1806 годах? Об отъезде князя в чужие края в 1808 году писала крупный специалист по французскому искусству Н.Т. Унанянц. Последняя дата (1806 год) обоснована Л.Ю. Савинской, авторитетным знатоком истории формирования юсуповских художественных коллекций. В.И. Иванова в 2002 году нашла в Юсуповском архиве князя письмо от 1 июня 1808 года, которое не оставляет

сомнений в иной, подлинной хронологии событий. 28 марта 1808 года Юсупов выехал из слободы Ракитной в Париж, куда и приехал 1 июня того же, 1808 года, а уже в 1810 году вернулся в Россию[172].

На основе разрозненных документов, найденных в Юсуповском архиве В.И. Ивановой, можно предположительно реконструировать хронику событий последнего путешествия Николая Борисовича в чужие края[173]. В разрешении некоторых проблем сомнения у меня остались, особенно в степени масонского посвящения Юсупова и в датировке отдельных его переездов за пределами России, но в основном картина складывалась приблизительно следующим образом.

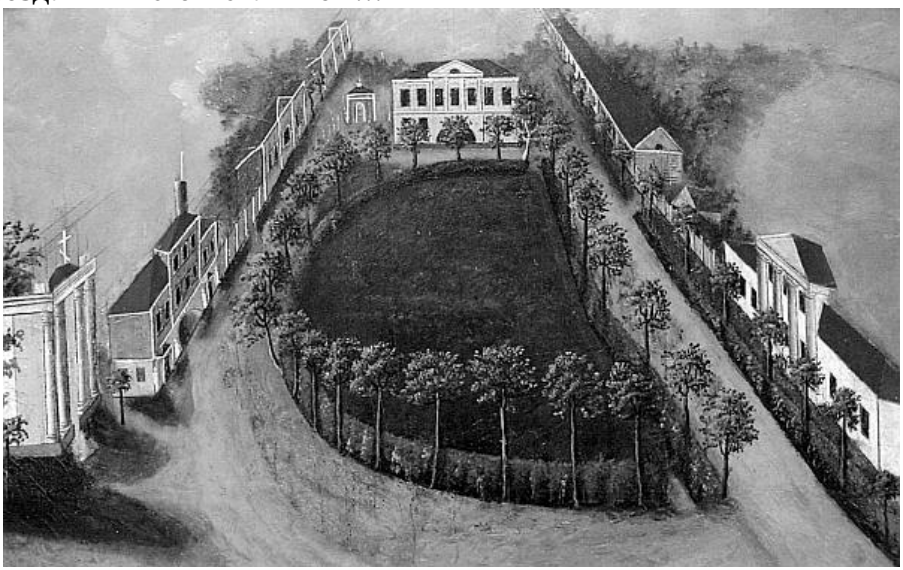
Князь ехал на переговоры к Наполеону с предложением политического союза с Россией. Гарантией соблюдения договоренностей должна была стать… любимая сестра императора Александра — великая княжна Анна Павловна, которой предстояло занять трон низвергнутой «корсиканским чудовищем» императрицы Жозефины — любимой, между прочим, жены Бонапарта.

Попасть во дворец Наполеона «за просто так» рядовому, в общем-то, русскому князю, отставному министру представлялось довольно затруднительным. Даже русский посол обыкновенно дожидался аудиенции не один день, а вот Николай Борисович не только молниеносно получил доступ к «корсиканскому чудовищу», но и был принят им самым сердечным образом. И это притом, что отношения между Россией и Францией на официальном уровне оставались предельно натянутыми.

В чем же причина столь странного поведения Наполеона? Думается, в дисциплине. Дисциплина того же свойства заставила и Николая Борисовича, пожилого уже человека, далеко не самым лучшим образом себя чувствовавшего и не испытывавшего особых личных симпатий к царю Александру, отправиться в Париж. Дисциплина была масонская. Некоторые исследователи и в наши дни полагают, что судьбы мира решают в переговорах между собой именно масоны, а отнюдь не дипломаты и президенты, но так думать — это их личное право. О том, что князь Николай Борисович предположительно являлся одним из немногих русских масонов высшей степени посвящения, я уже писал. Наполеон тоже немало помахал молоточком и фартуком «вольных каменщиков», дабы стать императором французов. Документов тому, разумеется, нет, но логика событий сама более или менее четко ставит все на свои места.

Замечу в скобках, что в последнее время в отечественной

печати появилось немало трудов, посвященных истории русского масонства. Все они очень добротны и полны, когда речь касается масонов низшей и средней степени посвящения. Когда же перо масонского историка касается лиц посвященных в высшие степени, тут чернила неожиданно скоро высыхают, а реки информации превращаются в скромный «фонтан слез», из которого падают лишь те капельки, что запрограммированы создавшим его механиком…



П.А. Шестаков? Вид улицы в Архангельском. Середина XIX века. ГМУА.

Повторюсь, что не располагаю какими-либо конкретными документами о масонстве и степени посвящения князя Николая Борисовича. Мой рассказ — не более чем версия. Читатель волен думать, что Наполеон и иные «сильные мира сего» столь радушно принимали Николая Борисовича исключительно «за красивые глаза», как гласит русская народная присказка. Восточные глаза у Юсупова действительно были очень красивы, если судить по его многочисленным портретам. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, он смотрит на меня с литографии И. Вивьена своими прекрасными глазами и как будто предупреждает, чтобы я не написал чего лишнего…

В тайных масонских книгах содержатся такие слова, определяющие значение многих событий. Вероятно, князь Николай Борисович мог их читать: «Как некий микрокосмос, сиречь — малый мир, в любое десятилетие рождаются связанные своими судьбами люди. И будут их линии пересекаться, взаимно уничтожаясь или помогая друг другу расти…»

«Казнь Людовика XVI». Гравюра XVIII в.

В последнее десятилетие XVIII века, возвращаясь из Европы в Россию под конец своей блестящей дипломатической карьеры, Николай Борисович покидал прекрасную Францию накануне ее страшного разгрома революционерами. Спустя совсем немного по историческим меркам времени он возвратился в совершенно другую страну. Иным оказалось в ней все — от политиков и полководцев до литераторов, художников и даже художественного стиля. Бывшие булочники и сапожники занимали дворцы герцогов и баронов, вершили политику государства.

Юсупов побывал в Версале, прекраснейшей резиденции французских королей, где еще так недавно принимали его казненные на гильотине Людовик XVI и Мария-Антуанетта. Версаль и после страшных революционных погромов производил неизгладимое художественное впечатление. Дворцовый парк, как и прежде, завораживал и не отпускал от себя всякого посетителя, обладавшего хоть малым чувством прекрасного.

Версаль. Парковый фасад дворца. Открытка 1912 г. Из собрания автора.

1 июня 1808 года Николай Борисович прибыл в Париж, где провел почти целый месяц в переговорах с Наполеоном. В начале июля Юсупов отправился в Австрию (женой Наполеона потом стала австриячка). 15 июля князь прибыл в Вену, в конце июля — возвратился в Париж. Визит в Австрию носил явно не «туристический» характер; такого рода поездки скорее напоминают современную «челночную дипломатию», что еще раз подтверждает подлинные причины этого заграничного путешествия. Торг с австрийцами, традиционно весьма ненадежными союзниками России, ни к чему хорошему не привел. Вена старалась обеспечить, прежде всего, свою безопасность и сидеть, согласно своей любимой привычке, на двух стульях сразу.

Надо заметить, что почта тогда работала не слишком скоро; письма в Россию и из России во Францию доставлялись неделями. Поэтому до получения новых инструкций с родины между раундами переговоров устраивались длительные перерывы. Приличия ради и для собственного удовольствия Николай Борисович вел и в Вене, и в Париже жизнь типичного иностранного аристократа-путешественника — его постоянно видели то в опере, то в великосветских салонах, а то и при Дворе Наполеона — как и подобает обыкновенному путешествующему вельможе.

Париж. Колоннада Лувра. Фотогр. 2-й половины XIX в.

Увы, дипломатические успехи Николая Борисовича на сей раз оказались весьма незначительны — и вовсе не по причине дурно выполненного князем поручения. Просто расклад европейской политики складывался далеко не в пользу России. Война между великими державами представлялась неизбежной. Однако своими тайными дипломатическими маневрами Николаю Борисовичу удалось оттянуть непосредственное начало боевых действий, что позволило изменить расстановку сил на политическом и частью на военном фронте. Хитрый дипломат и опытный полководец М.И. Кутузов, будущий князь Смоленский и почетный член Петербургского и Московского Английских клубов, благодаря этой «оттяжке» вскоре добился подписания мира с извечным противником России и потенциальным союзником Наполеона — Турцией. Под руководством другого почетного члена клубов и дальнего родственника и друга Юсупова — князя П.И. Багратиона началась передислокация и частичная реорганизация русской армии. На подготовку к войне необходимо было время, которое помогли выиграть, в том числе и дипломатические маневры князя Юсупова.

Император Франции после нескольких раундов переговоров, надо полагать, не без грусти простился с русским собеседником — людей со столь тонким и острым умом во все времена встречалось немного. Без малого два года довольно тесного общения открыли перед Наполеоном истинные достоинства князя Николая Борисовича.

Для Юсупова же постоянно оказалась открыта императорская

ложа в театре, что говорит о глубоком уважении, которое испытывал к прирожденному русскому аристократу французский император. Как раз про императорскую ложу князь Н.Б. Юсупов-младший опубликовал весьма квелую историю, свидетельствующую о том, что в Париже капельдинеры были хорошо вышколены, и в них при Наполеоне уж не осталось ни капли революционного духа.

«Расскажем здесь происшествие, случившееся во время пребывания Князя в Париже, — пишет Николай Борисович Юсупов-внук. — *Когда он прибыл туда и был принят при дворе Наполеона I-го со всем почетом, соответственным его высокому значению, Наполеон, показывая особое уважение к нему, предоставил ему право присутствовать при всех спектаклях в императорской ложе, благосклонность, которой дотоле пользовались одни владетельные особы царственного рода. — В один вечер, когда князь Николай Борисович прибыл в театр, придверник ложи, полагая ошибку, остановил его вопросом: «Вы Король?» — «Нет,* — *отвечал с достоинством Николай Борисович. — Я Русский Князь», и придверник почтительно поклонясь, отворил императорскую ложу»*[174].

Этот короткий рассказ — еще одно косвенное свидетельство истинного положения Юсупова в наполеоновской Франции. Вопреки сообщению внука, Николай Борисович тогда никакой особо почетной должности не занимал, оставаясь рядовым отставным русским министром, каковых в любой стране всегда не один десяток найдется.

Увы, политическое сватовство не состоялось. Наполеон предпочел союзу с Россией союз с Австрией. Великую княжну Анну Павловну вскоре после отъезда Юсупова из Парижа заменила австрийская эрцгерцогиня Мария-Луиза. Сразу после поражения Наполеона и отречения его от трона австриячка поспешила в родные «Палестины» или Альпы, а брак оказался признан «как бы не бывшим». «Орленок» — сын и наследник Наполеона стал всего лишь героем пьесы Эдмона Ростана.

Гобелен Императорской шпалерной мануфактуры. Дар Наполеона I кн. Н.Б. Юсупову (?). ГЭ.

Николай Борисович в качестве неудачной «свахи» получил от Бонапарта щедрые дары, своеобразные отступные. Франция не самостийная Украина, где в подобных случаях ограничиваются тыквой или кавуном, то есть арбузом. Несколько гобеленов работы Императорской шпалерной мануфактуры дополнял уникальный севрский сервиз — в фарфоре Юсупов знал толк. Рассказывали еще о севрских парных вазах. Вероятно, только этими подарками не обошлись, но… не совсем добровольное

перемещение значительного числа художественных ценностей после октября 1917 года способствовало тому, что сведения о дарах Наполеона «затерялись».

В предвоенной Европе Николай Борисович оказался, что называется, в родной стихии. Он покупал картины, статуи, графику, новинки литературы и старинные книги. Основательно пополнилось нотное собрание князя, а сам он услышал все новомодные музыкальные сочинения.

Школа Гудона. «Зима». Юсуповский дворец.

Рассказ о пополнении во Франции княжеской коллекции, о

методах закупки и заказа им картин, о ценах художественного рынка мне хочется предварить хозяйственным посланием Юсупова из Парижа к управляющему Ракитянской вотчиной И.М. Щербакову. Оно написано в первые дни пребывания князя в столице прекрасной Франции.

«Иван Матвеевич,

Я приехал в Париж и пробуду несколько недель. Прошу выполнить все, что было мною предписано. Ибо, как вам известно, точность — душа порядка. Я надеюсь достать настоящих шпанских баранов и ежели мне удасса их иметь, то как не трудно, до Ракитной их доставлю. Между рабочею порой бурты (земляная насыпь для выщелачивания селитры. — примеч. В.И. Ивановой) не останавливать, также если можно продать в городах просо, то заделать ращеты, чтобы перевозить наймом…

Я замечаю затем, что опасаюсь, чтобы в скирдах хлеб не попортился от времени, и для того прошу посмотреть, хорошо ли сверху оные скирды закрыты, риги также чтоб были отделаны, и машину, которая, надеюсь, уже из Москвы привезена и теперь на месте и в действии, и чтоб мастер, которой привезти постараюсь, дабы исправить старую молотильню, которую я видел в риге, прошу, как он будет оную ставить, чтобы слесарь-старик писаревской тут был и чтобы он после мог, естли что попортится, исправить. Старайся ради бога, чтобы остановки в поставке сукна не было и чтобы на фабрике, не ленясь, работали, и отпиши, нет ли из «комиссариата» какого повеления о цвете сукон…, ибо, как вам известно, брусковой краски употреблять нельзя по возвышению цен на оную…»[175].

В переводе на более понятный язык письмо звучит следующим образом — в перерывах между важнейшими переговорами с Наполеоном, посещениями театров и мастерских художников Юсупов волнуется о том, хорошо ли скирды с хлебом укрыты и не слишком ли дорога краска для крашения сукна. Не на кого хозяйство оставить «бедному» князю, о каждой мелочи волнуйся…

Политика — политикой, скирды — скирдами, а коллекционер Юсупов в Париже не забывал о своем страстном увлечении искусством. Князь возобновил старые связи в художественных кругах, завел новые и стал покупать картины и статуи, как может показаться, едва ли не без счету. На самом деле счет, если так можно выразиться, в княжеских покупках имелся. Он искал произведения, раскрывающие определенные сюжеты, дабы при развеске составить из них художественные ансамбли, посвященные одной теме. Сегодня относительно полно

сохранились только два из созданных князем ансамблей — салоны Гюбера Робера в Архангельском.

В благородном деле собирательства опять же не обошлось без масонских лож и тайн. Так, Николаю Борисовичу очень хотелось иметь у себя оригинальную картину «живописца императора и императора живописи» Жака Луи Давида. Заказчиков у первого художника Франции имелось предостаточно. Вельможи и познатнее Юсупова покорно ждали своей очереди по несколько лет, но масонская дисциплина и тут сыграла свою роль — Давид никак не чуждался общества «вольных каменщиков». Великий художник неожиданно быстро согласился написать для Николая Борисовича картину на античный сюжет. Правда, для этого князь, в свою очередь, обязывался выполнить небольшое предварительное условие — купить картину «бедного» художника, точнее — художницы.

Анжелика Монже. «Тезей и Пейрифой». ГМУА.

У Давида имелась ученица — Анжелика Монже. Как-то раз «бедная» мадам Анжелика сочинила обширное полотно «Тезей и Пейрифой», которое выставила в «Салоне» и которое во Франции никто не хотел покупать. Типичная дамская живопись и тогда не сильно ценилась. Картина была большая и парадная, но не более того, зато художница считалась просто красавицей. Вот Давид и составил своей милой ученице протекцию. Николаю Борисовичу

пришлось не только приобрести этот холст, но и выплатить за него громадную сумму, в несколько раз превышавшую реальную стоимость сего шедевра «дамского искусства».

Дабы великий Давид не обманул, порешили следующим образом — Юсупов для начала заплатит госпоже Анжелике две тысячи ливров аванса, а остальные четыре отдаст лишь после того, как Давид, в свою очередь, напишет для него шедевр.

Автограф Анжелики Монже.

В отместку князь Юсупов порядком поизмывался над первым живописцем Наполеона. Давид принужден был не только оговаривать с Николаем Борисовичем сюжет и позы героев картины, но даже переписывать непонравившиеся князю куски. Впрочем, разошлись все довольные — Юсупов — картиной «Сафо и Фаон», Давид — громадным гонораром в двенадцать тысяч ливров. Благо, русские и украинские крепостные крестьяне князя усиленно трудились для пополнения Юсуповской казны и коллекций. Более того, Юсупов и Давид расстались, можно сказать, друзьями. Приобретенные во время путешествия многочисленные картины для Юсуповского собрания готовились к отправке в Россию в мастерской главного живописца Наполеона.

«Я знаю, как они прекрасны, — писал Давид в письме к Николаю Борисовичу в Москву 1 октября 1811 года о картинах, — и поэтому я не осмеливаюсь принять полностью на свой счет все похвальные слова, которые Вы изволите мне говорить, … припишите их, князь, той радости, которую я и другие, работающие для Вашего Превосходительства, испытывают при мысли, что их труды будут оценены столь просвещенным князем, страстнымпочитателем и знатоком искусства, который умеет входить во все противоречия и сложности, которые переживает художник, желая наилучшим образом выполнить свою работу»[176].

Ж.Л. Давид. «Сафо и Фаон». Из собрания князя Н.Б. Юсупова. ГЭ.

Эти слова свидетельствуют о том, что под маской внешней учтивости между князем и художником скрывались вполне человеческие отношения и симпатии.

Во время последнего заграничного путешествия Николай Борисович покупал произведения преимущественно французских художников, как старых, так и современных. До этого в княжеской коллекции преобладали работы итальянских и голландских мастеров.

В Юсуповском архиве находится немало писем художников, преимущественно французских, обращенных к Николаю Борисовичу, периода его второго заграничного путешествия. Князь был дружен со знаменитым Жаном Батистом Грезом; сохранилась и частью опубликована их переписка[177]. Юсупову удалось собрать крупнейшую в России коллекцию картин выдающегося художника. Развешенные вместе, они производили впечатление выдающегося художественного ансамбля. Теперь значительная их часть канула в небытие. В музее-усадьбе «Архангельское» хранится только одна работа мастера.

Ж.Б. Грез. «Письмо». ГМУА.

Напротив, только официальные отношения связывали Николая Борисовича с любимым учеником Давида Антуаном Жаном Гро. Ему князь заказал громадный конный портрет своего сына Бориса Николаевича. В портрете, по мысли Николая Борисовича, причудливо соединилось несоединимое — символика Мальтийского Ордена и татарский костюм мальчика. Гро никогда не видел портретируемого. Лицо писалось по живописной миниатюре. В былые времена портрет этот непременно украшал парадную столовую в Архангельском. После переходов в советское время из одного музейного собрания в другое теперь он украшает экспозицию московского Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, а в родовом имении осталась старая ремесленная копия.

Порой в княжескую коллекцию попадали не оригинальные произведения, а старые копии, зачастую исполненные хорошими

мастерами. Юсупов отнюдь не пренебрегал ими, более того, старался, чтобы произведения больших мастеров хотя бы в копиях оказывались в России, рассматривая их в качестве самостоятельных произведений искусства. Не случайно, еще живя в Риме, князь мечтал перевезти на Родину «все достойное, что есть в Вечном городе из художеств», дабы исполнить тем самым как собственные художественные замыслы, так и будущего императора Павла Петровича, столь характерные для людей эпохи Просвещения.

А. Гро. «Конный портрет кн. Б.Н. Юсупова». ГМИИ.

И еще один маленький штрих к портрету Николая Борисовича времен его последнего путешествия по Европе. Юсупов, кажется, не был бы самим собой, если бы не привез из-за границы в дополнение к коллекциям еще «кое-что» прекрасное — новую пассию. «Мамзель Софья Степановна», как именовали ее в

России, приехала не одна, а с сыном Алексеем, разумеется, Николаевичем.

Первоначально чувство к ней, надо полагать, оказалось очень сильным. «Мамзель» пользовалась моментом, сколько могла. Она получала ежемесячно 300 рублей только на карманные расходы. Ей оплачивался и стол, и богатые туалеты. Всевозможным подношениям не было конца. Более того, «мамзель» нашла нужным продать князю даже привезенные с собой серебряные вещи и кухонную медную посуду. Сын «мамзели» обучался за счет Юсупова танцам и рисованию.

Архангельское. Парадный двор Главного усадебного дома. Фотогр. 1910-х гг.

Через год московской жизни Софья Степановна обнаглела до того, что стала претендовать на молочную ферму в только что приобретенном Архангельском. Тогда ей без особых церемоний указали на место. Сохранились сведения, что вскоре она приняла предложение выйти замуж за некоего кухмейстера, после чего в официальных документах стала именоваться уже «Мадам Денос».

Вместе с князем «мадама» спасалась от своих соотечественников-французов в Астрахани. В Астраханских же степях след ее теряется[178].

В 1810 году, в первые месяцы по возвращении из-за границы, князь Юсупов волей-неволей стал участником почти детективной истории. Николай Борисович, как помнит читатель, всегда много внимания уделял увеличению своих земельных владений, вполне разумно полагая, что земля и крепостные при умелом ведении хозяйства могут стать надежным источником постоянного дохода. К тому же почти при каждом своем имении Николай Борисович заводил то или иное производство, пусть и небольших размеров, но непременно приносящее доход. В 1810 году Юсупову представился случай купить у вдовы князя Николая Алексеевича Голицына, княгини Марии Адамовны, имение, ставшее подлинной жемчужиной рода — будущее знаменитое Архангельское, которое тогда, пусть — в недоделанном виде, обремененное долгами и частичным запустением, производило огромное впечатление. Голицыны приходились Юсупову по сестре родней, почему ему явно не хотелось, чтобы такое драгоценное поместье ушло из семьи.

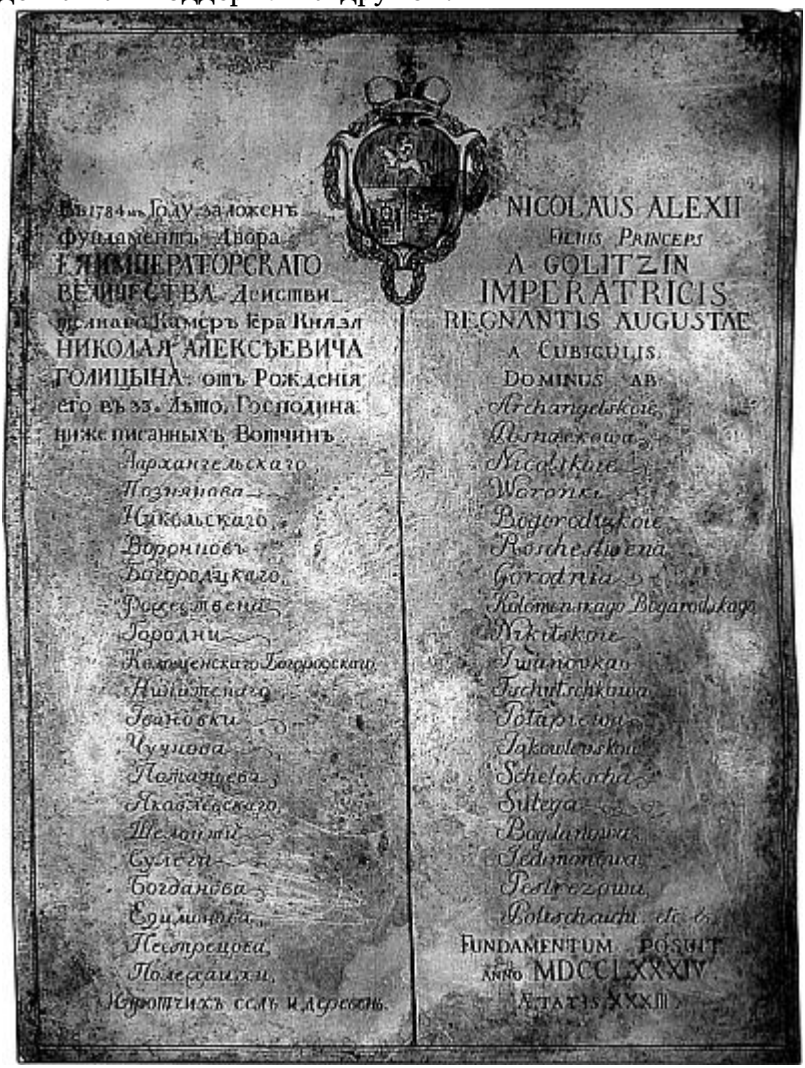
Однако прежде Николаю Борисовичу пришлось выдержать настоящее сражение с Иваном Александровичем Нарышкиным — дальним царским родственником по линии матери Петра Великого, известным сплетником, волокитой, карточным шулером, ставшим княжеским конкурентом в деле покупки Архангельского. Разумеется, к нему Николай Борисович лично никогда не обращался, писем не писал, предпочитая ловко построенную интригу за спиной противника…[179].

Б.Ш. Митуар (?). «Кн. Н.А. Голицын». ГМУА.

Многие интересные документы об «Архангельской эпопее» нашла в архиве Юсуповых В.И. Иванова[180].

10 июля 1810 года Юсупов, уже вернувшийся из дальних стран в Россию, узнает о назначении дня торгов по продаже Архангельского. У князя не имелось свободных денег, имелись обширные долги, но Архангельское купить очень хотелось. Три недели, вплоть по 4 августа, Николай Борисович проводит в лихорадочных поисках средств и путей обхода конкурента. Он постоянно консультируется со знающими людьми — князем М.П. Голицыным, графом И.А. Остерманом, всякого рода чиновниками и «повытчиками». 4 или 5 августа Юсупов уезжает в Петербург, дабы поскорее сбыть с рук свой «Фонтанный дом» на Садовой в казну.

Нетерпение по поводу покупки Архангельского князь изливает в письмах из Петербурга к своему управляющему И.М. Щедрину, бывшему крепостному холопу, между прочим. Неоднократно упоминаемый в письмах А.А. Арсеньев выступал в качестве доверенного лица владелицы имения. Позднее он становится одним из близких князю людей, но пока было не до заведения или поддержания дружбы.



Закладная доска Большого дома в Архангельском. 1784 г. ГМУА.

«Иван Щедрин.

Признаюсь тебе, что мне очень хочется купить Архангельское.

То и прошу тебя все старания приложить, чтобы оное досталось по дешевке. Посему сходи к Арсеньеву и скажи, что на

его письмо по первой почте буду отвечать, ибо я теперь занят продажей или на продаже моего дома. Все сие должно скоро решиться, и я по первой почте его уведомлю и буду благодарить за сообщение.

Ты же сходи к нему и скажи ему, что я даю ту же цену, что Нарышкин, то есть двести десять тысяч рублей и прибавлю еще пять тысяч; семьдесят тысяч при совершении купчей…»

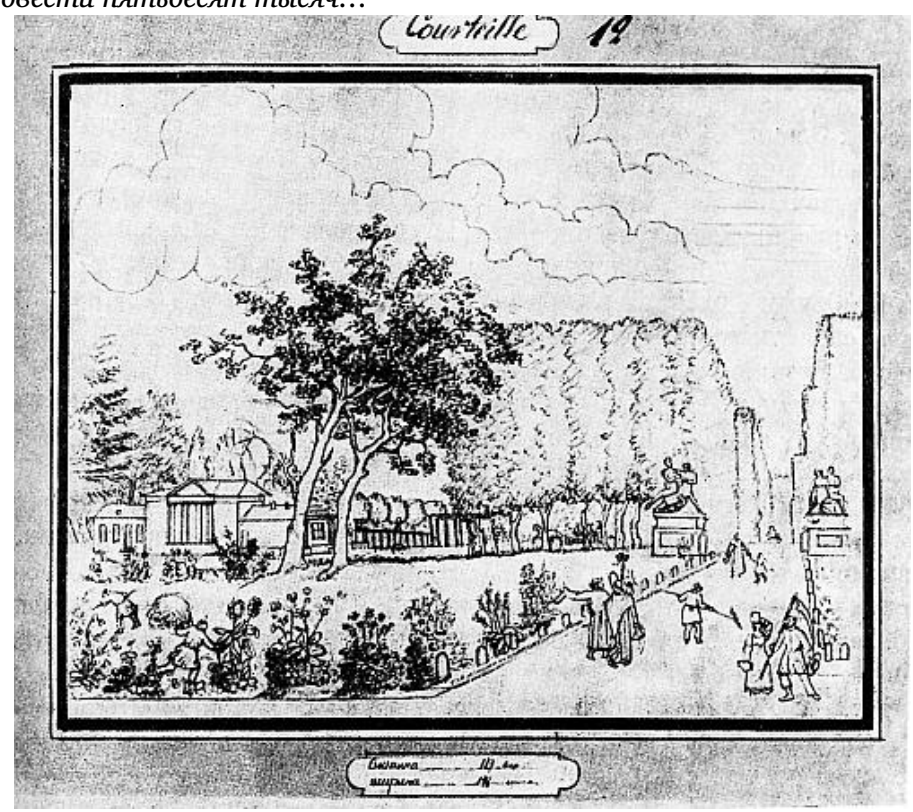
«Иван Щедрин.

Ежели я куплю до истечения сего года то по пропорции и что собрано хлеба и сена, то есть, ежели я куплю до 1-го сентября, то за 4 месяца мне должно оставить и сена, и урожай хлеба… Но все сие отдаю на твою волю и что исполнишь, то так тому и быть.

И также опись всякой мебели и чтобы не было у нас по недоразумению каких споров и неудовольствия…»

«Иван Щедрин.

Ожидаю от тебя ответа по архангельскому делу. Надеюсь, что ты все старания приложил о окончании его, ибо мне хочется за собой оное имение иметь, то ежели за 215 тысяч не согласится Арсеньев, то старайся торговаться на добавке и ежели уже нельзя дешевле получить, то за ту цену, которую он просит, то есть за двести пятьдесят тысяч…



Никола де Куртейль. «Архангельское. Дворец «Каприз» и

парк». Рисунок 1820-х гг. ГМУА.

Я почти Петербургский дом продал в казну за 350 тысяч…»

«Иван Щедрин.

Надеюсь, что ты кончил дело о Архангельском, то прошу тебя дать ему задаток и к окончанию, то есть купчую писать. Деньги, которые должно ему дать при заключении, обождать до моего приезду…»

«Иван Щедрин.

Я согласен на условия, которые сделал я Александру Александровичу Арсеньеву.

Заемное письмо я перешлю как можно скорее, ибо я ожидаю верную оказию…»[181]

Понятно, что дело перепиской с собственным управляющим ограничиться не могло. Юсупов пишет самому Арсеньеву. Здесь тон писем совсем иной. Более того, В.И. Иванова подметила одну любопытную деталь филологического свойства — вопреки правилам, в подписи на письме Николай Борисович допустил своеобразную рокировку начальных букв: слово «Слуга» написано с заглавной буквы, тогда как важный «князь» с маленькой. Это сознательный прием, используемый Юсуповым для того, чтобы наглядно показать высшую степень своей признательности адресату. На рубеже XVIII и XIX столетий на такие мелочи обращалось пристальное внимание[182].

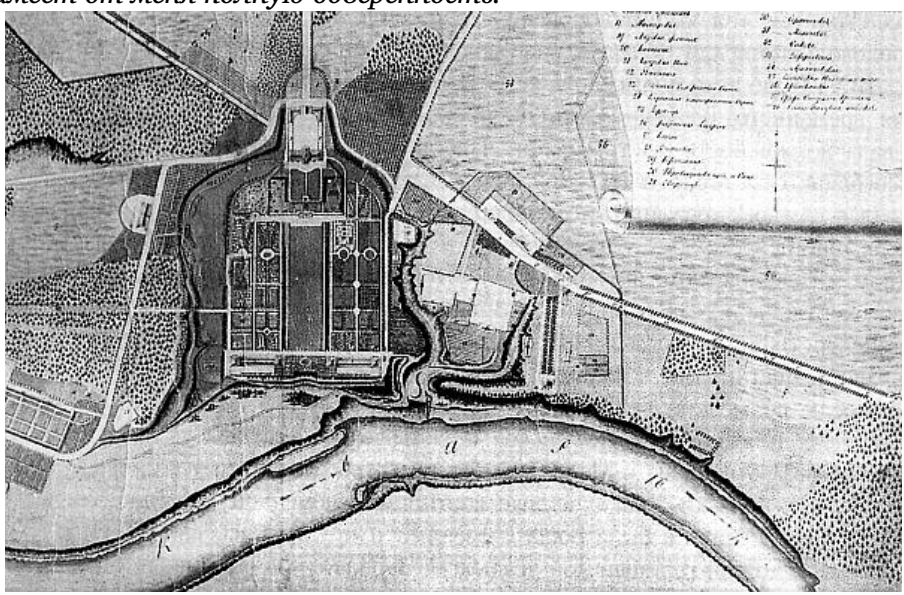
Неизв. художник. «Дворец Каприз». ГМУА.

«Милостивый государь!

Я получил Ваше письмо и Вас очень благодарю за известие, которое Вы мне даете знать об цене, которую торгующие Архангельское за нею дают. Я в надежде и ожидаю от Вашей дружбы, что Вы меня предпочтете. Я узнал из Вашего письма, что дают уже 210.000, и я прибавлю еще 10.000… Я надеюсь на Вашу дружбу. С Вами так приятно иметь дела, что я уже это дело как решенное почитаю… Я ожидаю решения этого дела в мою пользу, знавши Вашу честность…»

«Милостивый Государь мой Александр Александрович!

Письмо Ваше имел честь получить и согласен на условие, которые Вы сделали с управителем моим Щедриным, который имеет от меня полную доверенность.



Архангельское. План усадьбы XIX в. ГМУА.

При совершении купчей я заплачу сто тысяч рублей, а остальные в три года по три части…

Сам, как скоро окончу свои дела, приеду в Москву и надеюсь очень скоро сие исполнить. За большое удовольствие считаю, что имею дело с Вами, и надеюсь, что мы оное кончим… Вас благодарю, что Вы мне подали случай меня еще более привязать к Москве. Остаюсь с истинным к Вам почтением Ваш,

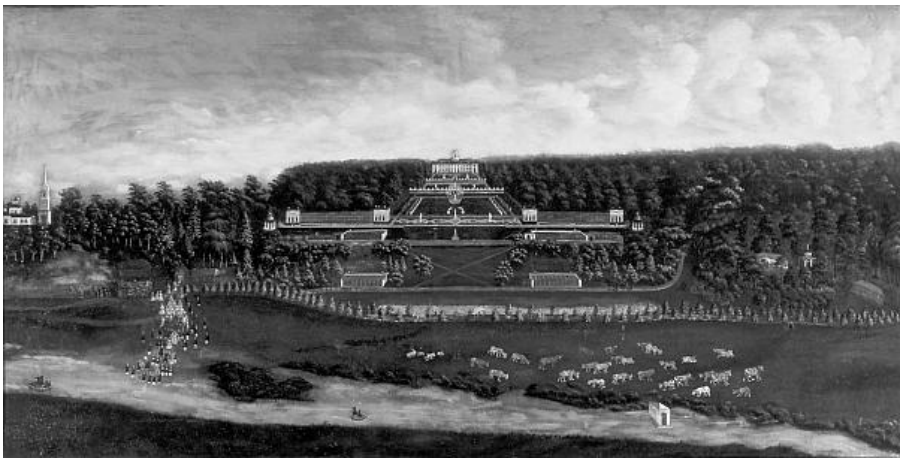
Милостивый Государь,

Покорный Слуга князь Юсупов»[183].

5 сентября 1810 года И.М. Щедрин пишет барину «Доношение»: *«…Та к как теперь деньги Г-ном Арсеньевым приняты, то нет сомнения, что Архангельское куплено… На недоделанные колонны белый камень в Лубянском их доме видел,*

которого довольно, но не перещитаны, ибо он складен в кучах…

При пильной мельнице по просьбе моей оставляется мастер, а при садах садовник. Сколько потребно (дворовых людей) обещает оставить, принадлежательно ж до садовника-немца, останется в службе у Вас или нет, приказал Вас уведомить, но, по сказкам, оного не так-то похваливают, впротчем, как Вашему Сиятельству угодно…



Неизв. художник. «Вид на Архангельское». ГМУА.

За окончанием сие поздравляю Вашего Сиятельства с новокупленным сим поместьем. Дай Бог, чтобы оно Вас веселило и утешало…»[184].

В 20-х числах октября 1810 года Николай Борисович вернулся в Москву и этим самым формально окончательно оформил свой переезд в Первопрестольную столицу.

Еще целых 20 лет и Москва, и Архангельское действительно будут «веселить и радовать» Его Сиятельство. Хотя без трудностей не обходилось тоже… Чего стоили наполеоновское разоренье в 1812 году и особенно пожар 1820!

Княжеские поиски подмосковной счастливо закончились с приобретением Архангельского. Только здесь торжество природы гармонично сливалось с подлинным величием старой русской аристократии. Вскоре Архангельское стало достойным обрамлением для уникальных Юсуповских коллекций. Гармония такого рода встречается до крайности редко.

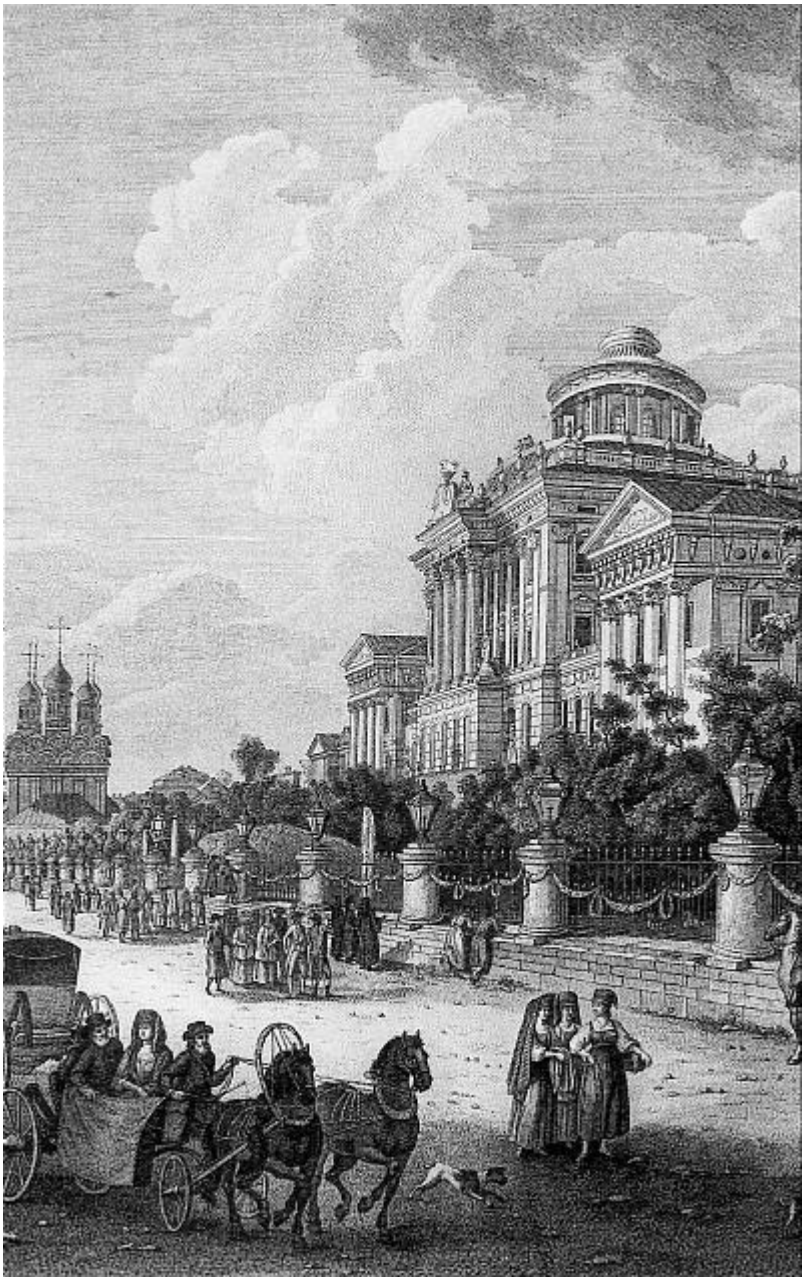
П.П. Свиньин. «Вид Архангельского». ГМУА.

Архангельское. «Римские ворота». Снесены в 1960-х гг. Фотография 1930-х гг. ГМУА.

Новый, девятнадцатый век принес с собою, естественно, новые веяния, новые вкусы, пристрастия. Князь Юсупов всегда старался не отстать от времени, «быть с веком наравне», а зачастую и опережать его. Недолгое освобождение от исполнения

важных государственных обязанностей дало Николаю Борисовичу свободу для нового экономического созидания, для выполнения своих собственных художественных и экономических замыслов, «ученых прихотей», которыми потомки восхищаются и ныне. Случилось все это в Москве, «во второй столице» Российской империи, когда князь Юсупов, по собственным его словам, постепенно «окончательно сделался москвичом».

Вернувшись в Россию в первой половине 1810 года, Николай Борисович понял, что его петербургское житье закончилось. Под старость умудренному опытом князю хотелось не только немного пожить для себя, но и реализовать давно задуманные художественные планы. Обыкновенно отставные петербургские сановники отправлялись для того в Москву или в провинциальные имения. Юсупов не стал исключением и тоже выбрал «вторую или старую», как ее обычно звали, столицу, стал москвичом. Так началось последнее 20-летие яркой княжеской жизни.



Ф. Лорье. С оригинала Ж. Делабарта. «Вид Моховой улицы и дома Пашкова в Москве». 1799. Гравюра. Фрагмент. ГМП.

Глава 2
Князь Н.Б. Юсупов в московском обществе и Московском Английском клубе [185]

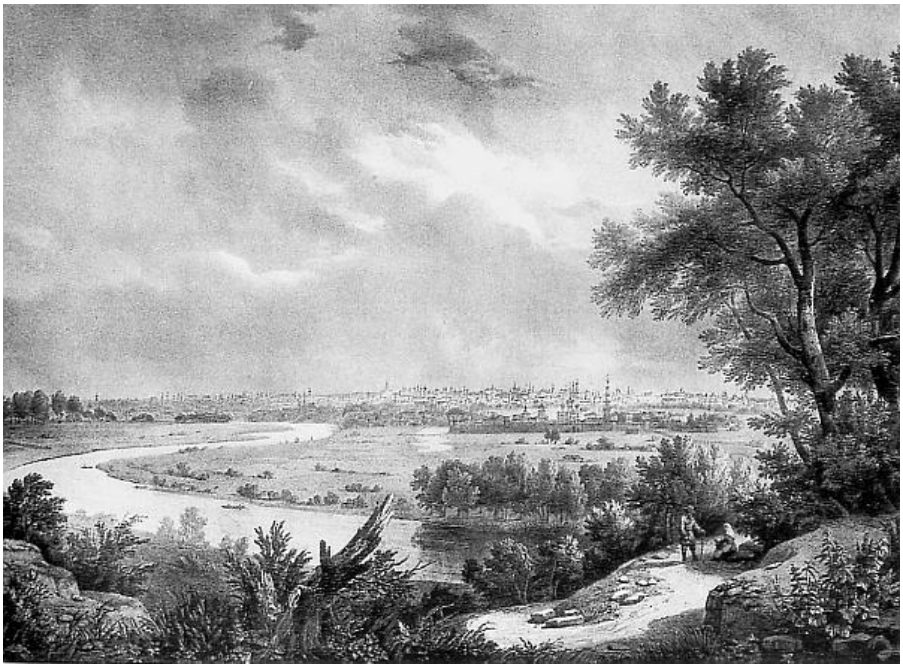
Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось!

А.С. Пушкин

Ну что ваш батюшка? все Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?

А.С. Грибоедов.
Горе от ума

Москва и Петербург во все времена обозначали две стороны одного миропорядка России — старого и нового. Переехав из первой столицы России во вторую, князь Николай Борисович не мог не проникнуться особым московским духом. Стены древнего московского родового дворца князей Юсуповых «у Харитонья в переулке» на Хомутовке, располагали не только к размышлениям о прошлом. Они побуждали к действиям — ведь никто из представителей древнего княжеского рода Юсуповых не имел привычки сидеть сложа руки, когда в опасности находился семейный кошелек, а ревизия имений, произведенная Николаем Борисовичем еще во время государственной службы, показала, что нужны срочные меры «по оздоровлению экономики». Юсуповы без борьбы не сдавались…



Л. Деруа. С оригинала О. Кадоля. «Вид Москвы с Воробьевых гор». 1825. ГМП.

В Москве, хлебосольной и старомодной «большой деревне», нравы искони сложились много проще петербургских. Разумеется, и тут у Николая Борисовича хватало завистников и недоброжелателей, но во второй столице надобность в петербургской маске отпала. Иной раз просто достаточно было закрыть глаза и плюнуть… Достоверные факты биографии князя говорят о том, что в Москве он мало стеснялся пресловутым «общественным мнением», делая то, что отвечало его запросам и эстетическим потребностям. Захотелось итальянскую оперу — и «вся Москва» потакает его желанию, захотелось французскую труппу и…

Именно в Москве открылся подлинный духовный облик князя Юсупова — человека доброжелательного, очень образованного и очень трудолюбивого, постоянно старавшегося помогать людям. Открылось все это, прежде всего, в мелочах быта, а не в каких-то эпохальных свершениях, хотя и великие начинания Николай Борисович успел с блеском осуществить в московский период жизни.

Покупка Архангельского, по собственным словам князя, «окончательно сделала его москвичом». В 1810 году он продал свой петербургский дворец на Садовой и перебрался в Москву на постоянное жительство. Здесь Николай Борисович поселился в

родовом дворце на Хомутовке, «у Харитонья в Огородниках», который он заблаговременно отремонтировал, готовя его к коронационным торжествам, а не собственному новоселью.

Ф.Я. Алексеев. «Вид на Страстную площадь в Москве с Триумфальными воротами и церковью Димитрия Солунского». 1800-е гг. ИРЛИ.

Переехав в Москву, Николай Борисович активно принялся за обустройство жизни — покупал новые и ремонтировал старые городские и загородные дворцы и усадьбы, разводил сады и парки, обучал крепостных музыкантов и актеров, приобретал картины и статуи, читал новые и старые книги, организовывал театральные постановки и труппы, — одним словом, наполнил свое бытие всеми доступными духовными и материальными благами.

При всех обстоятельствах человек не может жить вне своего времени. Общественное, государственное положение, богатство, знатность рода — все это влияло на внешние обстоятельства жизни Николая Борисовича Юсупова при всякой перемене, происходившей в его личной жизни. Московское общество в начале X1X столетия четко делилось по сословному принципу. Купцы общались преимущественно с купцами, мещане — с мещанами, ну а дворяне, понятно, с дворянами. Только

Московский Английский клуб отчасти служил местом соединения двух главных сословий Москвы — дворянства и купечества. В это время и в клубе, и вообще в обществе дворяне занимали первенствующее место. Дворянство второй столицы делилось на аристократию и небогатое служилое дворянство. Сам факт принадлежности к «благородному сословию» позволял человеку без особых препятствий вступать в дворянское сообщество. Именно в дворянской среде складывалось пресловутое «общественное мнение», к которому прислушивалась и высшая власть страны. А вообще московское дворянство привыкло много есть на многолюдных и многочасовых обедах, играть в карты, до упаду веселиться на балах и праздниках, бывать на всевозможных гуляньях и… не особенно заботится о завтрашнем дне. Умственные интересы тогда оказывались доступны едва сотой части московского «бомонда». Зато сплетни обожали все без исключения и разносили их с невероятной скоростью.

После отставки Николай Борисович, как и прежде, оставался в курсе всех основных государственных и общественных событий. В начале Отечественной войны 1812 года Александр I вновь призвал князя на государственную службу уже в официальном порядке, после выполнения князем секретных дипломатических поручений за границей.

Победа над Бонапартом наполнила русское общество небывалым до той поры энтузиазмом. При этом, как у нас часто водится, одни принялись за теоретические поиски революционных путей преобразования страны, другие — за практические и без всяких революций. Среди последних оставался и старый князь. Он просто взялся за возрождение московского дворянского сообщества, за претворение в жизнь ряда собственных значимых культурных начинаний. Князь стал обустраивать первый московский государственный музей, наряду со своим собственным, частным.

В эту пору обострился вопрос о крепостном состоянии крестьянства. Разумеется, Николай Борисович являл собой яркого представителя уходящей феодальной эпохи императрицы Екатерины Великой, не представлял России без крепостных холопов. Однако в своих собственных имениях он обустраивал многочисленные фабричные предприятия вполне в духе нарождающегося российского капитализма.

Близкий друг княгини Екатерины Романовны Дашковой, отставного президента двух Российских Академий, английская подданная мисс Уильмот оставила потомкам колкое описание московского общества первых лет XIX столетия, к которому

принадлежал и князь Юсупов. В этом недобром сочинении многое исходит не столько от наблюдательной англичанки, сколько от стареющей княгини Дашковой. Екатерина Романовна никогда не жаловала «екатерининских орлов», полагая, прежде всего, себя саму главной «виновницей» воцарения Екатерины Великой. «Екатерина Малая» не случайно носила это прозвище. Она действительно мало сделала за всю свою долгую жизнь как политик и государственный деятель. На деле очень велики заслуги княгини лишь перед отечественной наукой. Екатерина Большая, или точнее — Великая, угадала в ней хорошего организатора научной жизни, поставив во главе всех российских ученых. Образованная и желчная женщина, княгиня Дашкова, оставшись не у дел после смерти Екатерины II, немало наплела небылиц о своих современниках в известных «Записках». Ее английская подруга словесные «кружева» эти с радостью использовала в своих рассказах европейцам «о Московии».

15 февраля 1806 года мисс Уильмот, надо полагать, вместе с княгиней Дашковой обедала в доме генерала Тутолмина, а 18 февраля рассказала об этом в письме в Англию. *«Я была на половине Вашего письма, когда князь Юсупов взял меня под руку и повел обедать. Я шла рядом комнат, среди цветов, под звуки музыки, с кавалером, увешанным всевозможными орденами, осыпанным всевозможными почестями… Мне уже наскучили эти обеды. Роскошь и великолепие, которое окружает нас, скоро теряет свой эффект и потом наступают утомительные будни. Что было особенно много для меня на этом обеде, это то, что я находилась в кругу гостей — героев Екатерининского двора.*

Г.И. Новиков. Портрет князя Н.Б. Юсупова. ГМУА.

Москва — императорский Капитолий России. Все сановники прошлой эпохи, удаленные или обойденные благоволением Александра, живут в этом ленивом, полусонном и великолепном городе; они наслаждаются идеальным величием, уступив своим преемникам действительную власть при Петербургском дворе. За всем тем, разукрашенное привидение князя Голицына, главного камергера Екатерины II, является во всем блеске своих звезд и лент, которые под тяжестью девяностолетней старости вдвойне пригибают его к земле. На этом жалком скелете висят бриллиантовый ключ и другие нарядные безделушки…

Граф Алексей Орлов, адмирал Екатерининских времен, первый богач христианского мира, окруженный Азиатской роскошью. Рука, задушившая Петра III, унизана алмазами, среди которых блестит

портрет Екатерины с ее признательной улыбкой…»[186].

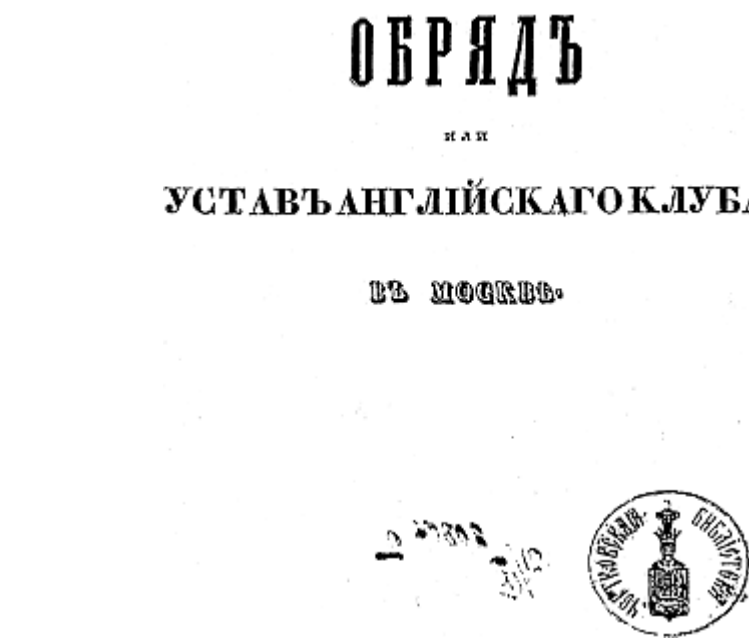
В московском высшем обществе князь занял подобающее ему почетное место одного из первейших вельмож. Для людей его круга членство в Английском клубе второй или первой столицы России считалось обязательным. В 1810 году Николай Борисович окончательно вышел из состава Петербургского Английского клуба и вступил в члены Английского клуба Москвы. По вполне понятной причине — великого московского пожара 1812 года — клубный архив этого времени не сохранился, так что назвать точную дату вступления князя в клуб достоверно невозможно. Достоверно известна лишь дата его последнего посещения клуба — одни современники говорят, что за три дня до смерти, другие — что в последний день жизни. Таким образом, последние десятилетия своего долгого земного бытия Николай Борисович почти каждый вечер проводил в стенах клуба, разумеется, когда жил в Москве.

Можно высказать вполне небезосновательное предположение о том, что Юсупов сделался членом клуба еще в 1802 году, когда клубное сообщество обновляло и восстанавливало свою жизнь после закрытия, произведенного московской полицией по приказанию императора Павла Петровича.

Однако факт остается фактом — Юсупов стал членом Московского Английского клуба и оставался им вплоть до дня кончины, то есть почти четверть века. Здесь он не выполнял обязанностей Старшины — возраст был не тот, хотя от Николая Борисовича всего можно было ждать, вне зависимости от возраста, и не исключено, что когда-нибудь все же найдется заветный документ, подтверждающий исполнение им обязанностей клубного Старшины и в Москве. Юсупов любил общественную жизнь и отдавал ей немало сил даже в старости.

А.Н. Бенуа. «Москва. Здание Английского клуба». Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». 1915.

История Московского Английского клуба, где князь Юсупов провел немало лет жизни, читателю книги, наверное, не очень знакома. Этот короткий рассказ поможет ему войти в клубные стены, дабы ощутить атмосферу того, что называли первым клубным сообществом старой Москвы. Прошлому и настоящему Московского Английского клуба посвящена моя книга, выпущенная в 1999 году под названием «Московский Английский клуб. Страницы истории». В ней заинтересованный читатель сможет найти подробный рассказ о клубной жизни. Правда, с момента выхода книги мною найдено еще немало новых материалов по истории клуба, так что эта работа не представляется теперь достаточно полной, на что честно указывает ее подзаголовок — только страницы, а отнюдь не вся обширная история.


ОБРЯДЪ

ИЛИ

УСТАВЪ АНГЛІЙСКАГО КЛУБА

ВЪ МОСКВѢ.

Титульный лист «Обряда Московского Английского клуба». Из собрания Чертковской библиотеки (ГПИБ).

Формальная дата появления на свет Московского Английского клуба — 6 июня 1772 года. Именно в том приснопамятном году было получено письменное разрешение от Московской Полицейской канцелярии на деятельность клуба, хотя сам по себе он образовался явно раньше. Первоначально клуб представлял собою небольшое сообщество иностранцев, преимущественно англичан, собиравшихся в скромной ресторации, которую содержали французы «Петр Павлов Тюлье (или Тюнье) и Леопольд Годеин (или Галиоти)».

Входная плата в клуб собиралась помесячно. Позднее Старшины перешли на вступительный и ежегодные взносы. Члены клуба проходили баллотировку — то есть избрание. Для того чтобы тот или иной из кандидатов своим вступлением не нарушал приятного клубного сообщества, он должен был перед избранием в клуб получить рекомендацию-поручительство от действительного члена и пройти через выборы. Также всякие изменения или перемены правил клубной жизни выносились на голосование среди членов. Для того чтобы голосование устраивать не очень часто, процедура оформлялась предварительным сбором определенного числа подписей. Такой порядок сохранялся вплоть до ликвидации клуба большевиками осенью 1917 года.

Тверская улица. Здание Моссовета. Резиденция Московского генерал-губернатора. Здесь в конце XVIII в. располагался Московский Английский клуб. Открытка 1930-х гг. Собр. автора.

Число членов клуба в конце XVIII века составляло 300, а в первой половине XIX столетия — 600 человек. Одновременно более этого числа действительных членов в списках клуба более никогда не значилось. Членом клуба мог стать исключительно житель Москвы. Во главе клубного сообщества стояли Старшины, избиравшиеся ежегодно в апреле месяце общим клубным голосованием. Оно было, что называется, «рейтинговое» — Устав позволял выдвинуть кого угодно, а число претендентов не ограничивалось. Важно было собрать большее количество голосов. В России такой порядок представлялся большой редкостью — предпочитали просто назначения сверху. Не случайно А.С. Пушкин определил общественно-политическое значение клуба в качестве «народных заседаний проба». Сам он состоял в Английском клубном сообществе как Москвы, так и Петербурга.

В 1790 году у клуба появился первый Устав — документ, регламентирующий его внутренний распорядок. В том же году клуб переехал в дом генерал-аншефа князя Ю.В. Долгорукова, который теперь всем известен как Моссовет или официальная резиденция мэра Москвы. Вообще в XVIII столетии клуб не раз менял свой адрес. Справедливости ради надо сказать, что клуб — это не стены, это прежде всего неповторимый клубный дух, атмосфера клубного сообщества.

Московский Английский клуб. Здание Петровской больницы. Фотогр. 1900-х гг.

В 1798 году император Павел Петрович закрыл Московский Английский клуб. Петербургский его собрат уцелел благодаря вмешательству Петра Васильевича Лопухина. Павел I вообще отрицательно относился к каким-либо общественным объединениям, тем более имеющим самоуправляющийся статус.

В 1802 году, уже при новом императоре Александре I, Московский Английский клуб восстановил свою деятельность. Для клуба был снят обширный дом-дворец, принадлежавший князьям Гагариным на углу Петровки и Страстного бульвара. Это здание сохранилось до нашего времени и известно как Петровская больница. Клуб располагался тут совсем недолго — десять лет, до тех пор, покуда дворец не выгорел дотла во время великого московского пожара 1812 года.

Именно в этом здании произошли важные события клубной жизни. После возобновления деятельности Английский клуб вновь стал одним из основных центров общественной жизни города, своеобразным камертоном общественного настроения. С тревогой ожидаемая в московском обществе война с Наполеоном стала поводом для многочисленных споров, разговоров и даже политических акций в клубных стенах. Самая яркая из них — торжественный клубный обед и присвоение редкостного тогда

звания почетного члена клуба победителю Наполеона князю П.И. Багратиону. Его описание поместил на страницах «Войны и мира» Лев Николаевич Толстой, чей дед по линии матери в качестве клубного Старшины принимал непосредственное участие в подготовке того торжественного обеда, имевшего в русском обществе большой резонанс.

Во время пребывания французов в Москве арендованный клубом дворец князей Гагариных сгорел дотла. Остались только стены да воспоминание о том, что тут побывал знаменитый писатель Стендаль — один из французских оккупантов Москвы, восторженно отзывавшийся о былом богатстве московских дворцов, столь безжалостно уничтоженных его соотечественниками.

Вскоре после освобождения первопрестольной от наполеоновских орд клуб возобновил работу. Одной из первых клубных акций стало присвоение звания почетного члена фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову, многолетнему члену и постоянному посетителю Петербургского Английского клуба.

Первый год после Великого московского пожара 1812 года клубные собрания происходили во дворце князя Меншикова на Большой Никитской, а потом в доме Муравьева на Большой Дмитровке, которую в Москве тогда звали не иначе, как клубной улицей. Дом Н.Н. Муравьева, связанный со многими историческими событиями, сохранился до нашего времени. Он только надстроен двумя этажами. Именно здесь Николай Борисович Юсупов проводил свои вечерние досуги, когда был в Москве, зачастую приезжал после театрального спектакля. В клубном доме на Большой Дмитровке после посещения Итальянской оперы, одним из руководителей которой являлся князь, меломаны обычно обменивались впечатлениями от пения знаменитостей.

Московский Английский клуб. Дворец князя Меншикова в Газетном переулке. Современная фотогр. автора.

Здесь же было и место встречи друзей Николая Борисовича, частенько коротавших вечер за зеленым сукном после сытного обеда или ужина в клубной столовой зале. Старики предпочитали игры «по маленькой». Играл ли Юсупов? Разумеется, играл — ведь карты были в те времена своеобразной гимнастикой для ума, но никогда не давал себя обдурить карточным шулерам, что частенько случалось в молодые годы с его сынком Боренькой.

Среди партнеров князя по карточному столу в клубе был и А.А. Арсеньев, оказавший Юсупову большое содействие в покупке любимого Архангельского. Вот что пишет об этом сын Арсеньева Илья Александрович: *«… обед (домашний. — **А.Б.**) продолжался до 6 часов. За сим все разъезжались, а отец отправлялся в Английский клуб, где обязательно играл шесть робберов в вист. Накануне кончины своей (отцу было далеко за 80 лет) он был в клубе и, возвратившись домой, по обыкновению, в 11 часов вечера, объявил, что чувствует себя очень дурно и полагает, что умрет. Слова его сбылись; на другой день в четыре часа пополудни он скончался без*

всяких страданий, угас как свеча»[187]. Это описание интересно не только с фактической точки зрения. Похожим образом, как раз после посещения клуба, скончался и Николай Борисович, хотя о предстоящей своей кончине никому не объявлял.

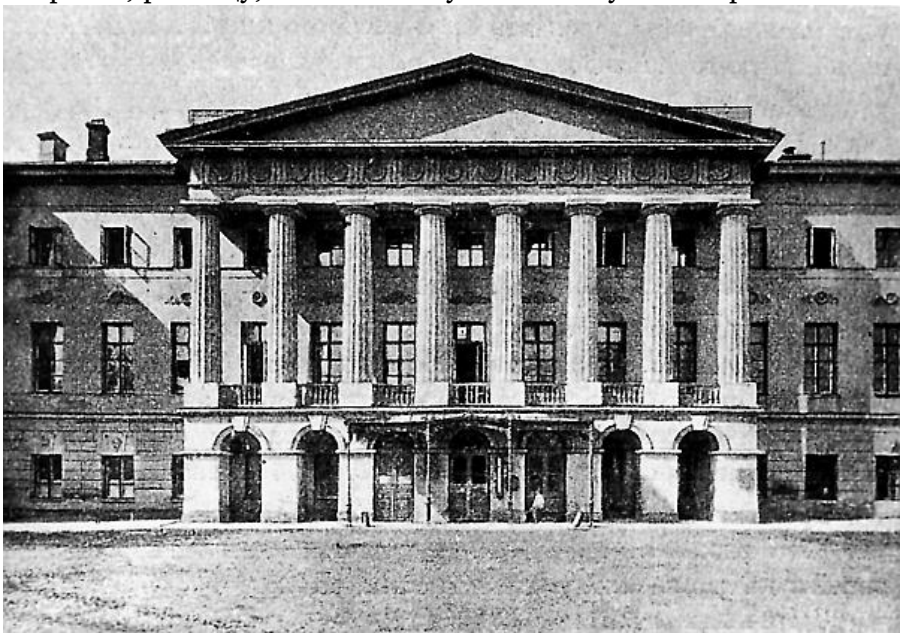
Московский Английский клуб. Здание на Большой Дмитровке. Современная фотогр. автора.

В Московском Английском клубе Николай Борисович находился в своем кругу. Здесь собирались люди определенного положения, воспитания и привычек. Большинство из них пребывали в почтенном возрасте, посему ни скандалов, ни ссор в клубном сообществе почти не замечалось. Равно никто не смеялся над старомодностью Николая Борисовича, до конца дней сохранявшего верность привычкам и одеждам царствования императрицы Екатерины Великой. Даже его косичка не вызывала удивления или насмешек молодежи. Ведь это не нарушало правил приличия и являлось неотъемлемым правом князя.

Так продолжалось вплоть до апреля 1831 года, когда клубное сообщество переехало во дворец графов Разумовских на Тверской, где и оставалось вплоть до революционных событий октября 1917 года.

Александр I прислушался к голосу верхушки московского общества — патриотизм, открытый разговор с обществом стали с того времени важной составляющей его правления. При этом и без того считалось, что Москва — центр оппозиции Его

Величества, а центром оппозиционных настроений является как раз Московский Английский клуб. Другое дело, что в клубе, как истинно английском сообществе, была «оппозиция Его Величества», а не «Его Величеству» — почувствуйте, как говорится, разницу, очень тонко улавливаемую в те времена.



Московский Английский клуб. Дворец Разумовских на Тверской. Фотогр. 1910-х гг.

«Газетная комната» Московского Английского клуба. Экспозиция Музея Современной истории России.

Клуб, как бы странно это ни звучало, являлся и в начале 19-го столетия почти всесословной организацией. Большее число его членов составляла титулованная знать — представители старых, а равно и новых дворянских фамилий, столь активно появлявшихся и исчезавших на политическом небосклоне XVIII века. Вместе с «превосходительствами» в клубных залах присутствовало и рядовое, служилое русское дворянство. В начале XIX века в клуб в дополнение к иностранным негоциантам стали вступать и московские толстосумы — купцы Тит Титычи, герои будущих пьес члена клуба А.Н. Островского, «замоскворецкие сидельцы».

Попечители Московского учебного округа, ректора

Московского университета и университетская профессура по традиции состояли в клубе. Любопытно, что многие из них вышли в люди из среды поповичей, а то и вовсе бывших крепостных крестьян.

Крупные московские врачи обычно тоже вели происхождение из низших и средних слоев общества. Для них клуб являлся любимым местом проведения досуга, а равно и встреч с пациентами, хотя в Москве действовал собственный клуб врачей, прославившийся скандалами. Интересно, что Московский Английский клуб почитался в качестве прекрасного лекарства от известной русской болезни — хандры, которую те, кто не имел возможности вступить в клуб, обыкновенно вынуждены были заливать водочкой. Личный врач Николая Борисовича Юсупова Рамих тоже состоял в Английском клубе.

В составе Московского Английского клуба имелось небольшое число Почетных членов. Звание это, своеобразная форма общественного признания заслуг перед Отечеством, присваивалось чрезвычайно редко. Все Почетные члены удостаивались высокой чести пожизненного права постоянного посещения клуба без уплаты годовых взносов. Единственным Почетным Старшиной клуба был избран в 1833 году московский генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын, приходившийся Юсупову дальним родственником.

Неизв. художник. «Портрет московского генерал-губернатора, Почетного Старшины Московского Английского клуба князя Д.В. Голицына». 1840-е гг. ГМП.

Среди почетных членов клуба были выдающиеся полководцы и администраторы — князь М.С. Воронцов и А.П. Ермолов.

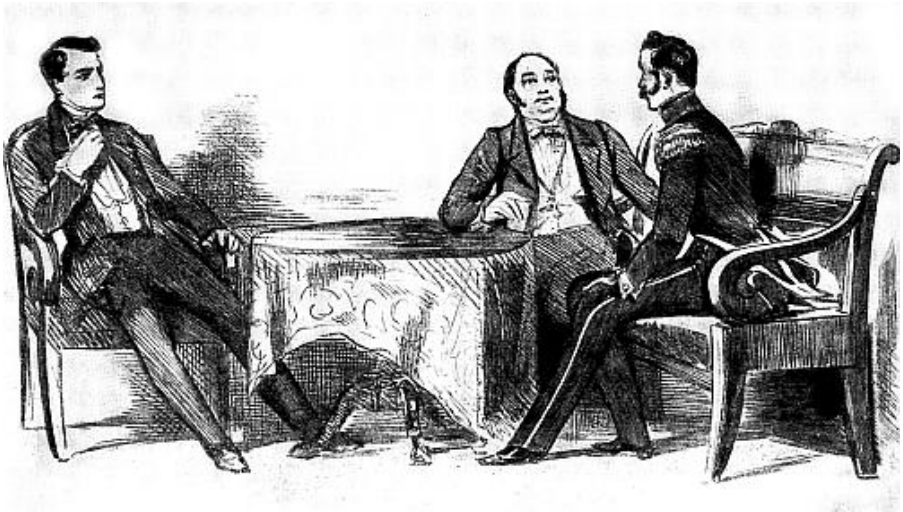
Клуб представлял собой довольно любопытное место проведения общественного досуга, где каждый мог найти себе занятие по душе. В нем имелась великолепная кухня, так что московские гастрономы находили тут подлинную отраду для своих желудков. Гастрономическое искусство изучалось и сохранялось в клубных стенах на протяжении полутора столетий.

Для любителей чтения в клубе работала библиотека, считавшаяся долгие годы лучшей из общедоступных библиотек Москвы, хотя пользоваться ею мог лишь сравнительно узкий круг

членов клуба. Для любителей подвижных игр в огромном клубном парке действовал один из первых кегельбанов Белокаменной. Любители шахмат или шашек тоже находили себе партнеров среди членов и гостей клуба. Славился клубный бильярд, считавшийся среди лучших во второй столице.

Дж. Доу. «Портрет светлейшего князя М.С. Воронцова». ГЭ.

П.З. Захаров. «Портрет А.П. Ермолова». ГМП.



П.П. Соколов. «Разговор в клубной «Говорильне». Рисунок середины XIX в.

Карточные игры в клубе делились в зависимости от величины и наполненности кошелька играющего, от ставок. Николай Борисович, как я уже писал, в клубе в карты играл постоянно, но неизменно «по маленькой». Для него это была своеобразная умственная гимнастика, а князь, сохранивший ясность ума вплоть до последнего вздоха, проделывал всевозможные упражнения для его поддержки — от раскладки пасьянсов и до чтения сложнейших философских трактатов.

Любителям политики и политических прений клуб предоставлял неограниченные возможности. Здесь, в специальной комнате под названием «Говорильня», всякий мог высказать свою точку зрения на те или иные вопросы государственной и общественной жизни. Большинство членов клуба, разумеется, придерживались весьма умеренных консервативных взглядов, но вот такой любопытный факт — незадолго до восстания декабристов членом клуба стал князь С.Г. Волконский — один из вождей антиправительственного восстания. Спустя тридцать лет он вернулся в Москву, и Старшины клуба позволили ему возобновить клубный билет, да и в 1825 году «государственного преступника» из клуба никто не выгонял. Он просто выбыл сам по себе.

Приехав в Москву, Александр Андреевич Чацкий, герой комедии «Горе от ума», первым делом поинтересовался у своей возлюбленной Софьи Фамусовой не здоровьем или политическими сплетнями, а тем состоит ли ее батюшка в Московском Английском клубе, намекая на то, что давно пора освободить место для вступления в клуб людей и помоложе. Ведь

тогда в клубном сообществе состояло ровно шестьсот человек, и еще до тысячи дожидались своей очереди, занесенные в особую книгу. Не исключено, что и сам Александр Сергеевич Грибоедов тоже дожидался своей очереди на вступление в Английский клуб, — «черная» для многих москвичей книга «очередников» пока не найдена. В клубе драматург в качестве гостя-посетителя неоднократно обедал и, видимо, хотел бывать постоянно, но не мог, поэтому и злился на клуб и на всех тех, кто состоял в его членах. Так высоко ценилось Английское клубное сообщество в глазах даже тех, кто относился к московскому «Фамусовскому обществу» с нескрываемым презрением.

Не исключено, что именно в Английском клубе Грибоедову довелось встретиться и с князем Николаем Борисовичем Юсуповым, который состоял членом Английского клуба как в Москве, так и в Петербурге, а Грибоедов бывал в клубах обеих столиц.

В истории клуба и знаменитой комедии есть одно любопытное совпадение. По Москве распространялись слухи о том, что главный герой «Горя от ума» — это Петр Яковлевич Чаадаев, многолетний член клуба. А.С. Пушкин из Одессы писал другому члену клуба — князю П.А. Вяземскому: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева…» Действительно, первоначально фамилия главного героя была Чадский и лишь потом была заменена на Чацкого. В Журнале Старшин клуба за 17 марта 1815 года есть такая примечательная запись: «По предложению господина Сибилева из кандидатов в члены господин Чатский не избран».

Совсем иного, отнюдь не ироничного, мнения о клубе и его членах придерживался знаменитый русский писатель и историограф Николай Михайлович Карамзин, сам в клубе состоявший и писавший, что «для того, чтобы знать общественное мнение, надобно ехать в Английский клуб». Впрочем, сам Николай Михайлович в клуб, скорее всего, не ездил, а ходил пешком — жил неподалеку.

«Портрет П.Я. Чаадаева». Литогр. А. Алофа. ВМП.

В клубе князь Николай Борисович, понятно, принадлежал к «партии» стариков — почтенных, многолетних членов, к чьему мнению обыкновенно прислушивались и которым при встрече обязательно кланялись. Надо полагать, что у Николая Борисовича в клубе имелось не только раз и навсегда определенное место за обеденным столом, но и любимое кресло в одной из гостиных. Какое — теперь, наверное, никто не скажет.

Дом на Большой Дмитровке оказался тесен для клубного сообщества. Поэтому Старшины клуба озаботились поиском более обширных покоев для своих заседаний. Подходящий дом сдавался неподалеку — на главной московской улице — Тверской. Это был громадный дворец графини Марии Григорьевны Разумовской. После некоторых перестроек, произведенных в нем за счет владелицы, 22 апреля 1831 года клуб переехал в новое здание, где и оставался с небольшим перерывом вплоть до ноября 1917 года. День переезда вошел в клубную историю и стал отмечаться традиционным торжественным обедом для всех членов, во время

которого Старшины угощали шампанским «от себя» или за счет клубных сумм. На первом из них успел еще попировать и Николай Борисович, скончавшийся как раз в год переезда.

Само членство Юсупова в Английском клубе в известной мере поднимало нравственный уровень клубного сообщества. Ведь он вполне мог постоянно бывать и бывал в других общественных собраниях Москвы. Немногочисленные биографы Николая Борисовича, к сожалению, не отметили его стремление к общественной деятельности, общественному служению, которое особенно ярко проявилось в послепожарной Москве.

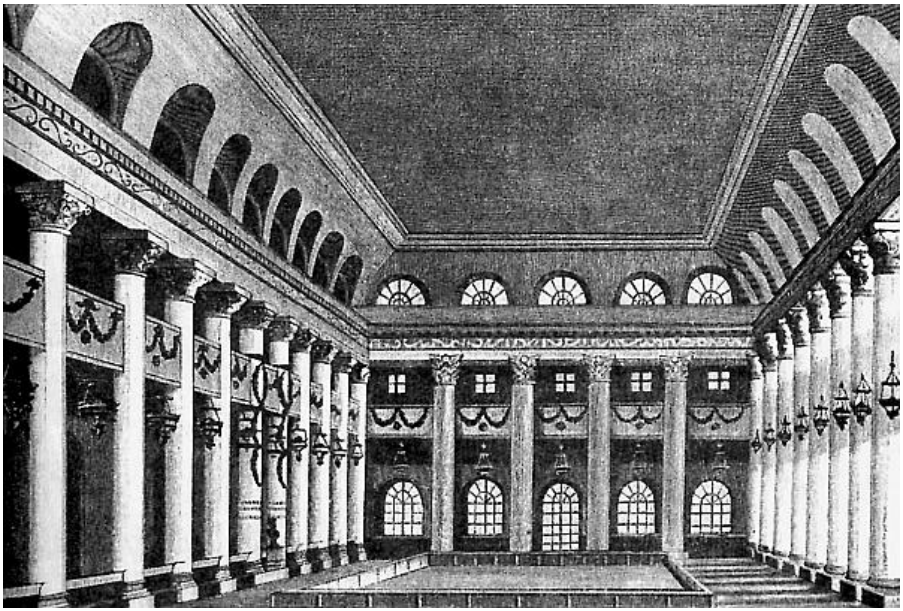
Дворянство второй столицы Российской империи любило пройтись по татарским корням князя, но, тем не менее, совершенно добровольно избрало «татарина» себе в управители — и от этой традиции никуда не деться. Николай Борисович стал избранным Старшиной Московского Дворянского собрания, иначе называемого Благородным, своеобразного Дворянского клуба. Он, кстати, располагался все на той же «клубной» улице — Большой Дмитровке. Это современный Дом Союзов рядом с бывшим Госпланом, где теперь заседает парламент — Государственная Дума. Дом Союзов стал известен во всем мире благодаря тому, что именно здесь проходят все важные церемонии «Кремлевских похорон», с Владимира Ильича начиная…

Именно Николаю Борисовичу — человеку деловому, обладавшему железной хваткой профессионала-организатора, московское дворянство доверило восстановление своего Дворянского собрания после войны 1812 года. Николай Борисович, пользуясь своими связями в государственных верхах, смог добиться передачи в собственность дворянства второй столицы здания Благородного собрания. В нем находился один из лучших концертных залов Москвы — Колонный зал Дома Союзов (так теперь привычней) — творение выдающегося русского архитектора М.Ф. Казакова. Дворяне постоянно сдавали его в аренду для проведения концертов и пополнения своего тощего дворянского кошелька.

А. Гедон, П.М. Руссель. С оригинала Ф. Дица. «Москва. Дворянское собрание». Литогр. 1840-х гг.

Николай Борисович не преминул воспользоваться своим положением Старшины и, в свою очередь, сдавал собранию свой собственный оркестр — и крепостным музыкантам, и барину шла прибыль от работ на стороне. Юсупов в известной степени смог упорядочить неуемные дворянские аппетиты и расходы на собственное «общественное благолепие», на некоторое время отсрочив разорение московского дворянского сообщества. Вскоре после смерти Юсупова Старшины собрания вновь стали лихорадочно изыскивать всевозможные способы пополнения клубной казны.

Громадная толпа, собиравшаяся в Колонном зале Благородного собрания, достаточно скоро надоедала Николаю Борисовичу. Ведь здесь располагалась главная московская «ярмарка невест» — сюда в зимнее время года съезжалось множество семей провинциальных дворян в целях пристроить дочек. «Ярмарка» описана в «Евгении Онегине» и многих других литературных произведениях. Тут провинциальная девушка Татьяна Ларина нашла себе жениха — Гремина. Как помнит читатель, на нее посмотрел «какой-то важный генерал» и дело с помощью много— опытной московской свахи скоренько было сделано. Сам Пушкин со своей супругой Натальей Николаевной бывал на балах в Благородном собрании.



Дворянское собрание на Большой Дмитровке. Колонный зал. Рис. 1-й половины XIX в.

Юсупов, в московский период жизни давно уже не обремененный проблемами брака, предпочитал воспитанное мужское общество Московского Английского клуба. Здесь, в клубе, у Николая Борисовича состоялось несколько новых знакомств, давших ему немало пищи для ума. Он до последних дней не столько «бегал от скуки», сколько искал новых впечатлений, новой пищи для ума, увы, все больше ощущавшего пресыщенность и обычность вседневного бытия.

Революционер А.И. Герцен писал, что Юсупов «пышно потухал» в последние десятилетия жизни. На самом деле князь оставался среди ведущих политиков страны, хотя влияние свое осуществлял без лишнего шума и огласки. Не случайно Александр I после войны 1812 года и Николай I всячески старались отблагодарить Николая Борисовича, осыпая его наградами и почестями, бывая у него при всяком приезде во вторую столицу.

Наверное, можно смело сказать, что в московские годы жизни князь Николай Борисович был по-человечески счастлив. Счастье это далось Юсупову не без труда, но тем более высока оставалась его цена.

«Поселянин и поселянка». Роспись сахарницы. 1-я четверть XIX в. Неизв. завод. Частное собрание. Публикуется впервые.

Глава 3
«…и был великий эконом» Хозяйство, люди, имения и домашняя жизнь князя Юсупова

Нет, тут завидовать нечему:
без знатных дел знатное состояние ничто.

Д.И. Фонвизин. Недоросль

Не купи села, купи приказчика.
У хорошего барина и дворня хороша.

В.И. Даль. Пословицы русского народа

Трудно представить себе богатого московского барина, который по утрам подсчитывает не число снов, явившихся за ночь в голову Его Сиятельства, а количество шерсти, которую чесали крепостные бабы по вотчинам или количество сукна, выкрашенного на фабрике. Однако именно таким представлялось деловое утро князя Николая Борисовича Юсупова тем немногочисленным людям, кто знал подлинные истоки его несметных богатств. За всем и за всеми полагалось тщательно следить. Деловые документы составляют львиную долю дел громадного Юсуповского архива. Они позволяют приоткрыть завесу тайны деловой жизни князя, которая если и не скрывалась от высшего света, то и не особенно афишировалась. Поговорить о театре или античной поэзии Юсупов был готов всегда. О сукне и крашенине — только с самым избранным кругом.

На самом деле история обширного хозяйственного комплекса князя Николая Борисовича Юсупова составляет весьма любопытную страницу прошлого отечественной экономики. На ее примере можно понять подход к решению кадровых, земельных, финансовых и иных проблем жизни русской аристократии, хотя сам образ жизни князя Юсупова не мог считаться характерным для верхушки московского и уж тем более петербургского общества первой трети XIX столетия. У Николая Борисовича, наряду с экономикой, преобладали «ученые прихоти», в высшем же свете — просто прихоти.

Однако прежде чем перейти к «цифрам и графикам», описывающим экономику обширного Юсуповского хозяйства, мне хочется рассказать о ближайших «соратниках» князя в деле управления его несметной собственностью.[188]

Я уже не раз писал, что Юсупов умел находить опытных и честных людей, умел доверять им и всегда оставался благодарным за работу. Тем более что его всегда интересовал не процесс, а результат деятельности. Сохранилось немало документов, подтверждающих человеческое участие князя в судьбах приказчиков и других служащих его домашней конторы и их близких.

На рубеже XVIII и XIX веков вотчинное хозяйство Юсуповых оказалось в кризисе, как, впрочем, и у многих других русских помещиков — и крупных, и средней руки. Сказывалось то, что позднее историки назовут мудреным словосочетанием — социально-экономический кризис феодализма.

Николай Борисович, проанализировав сложившуюся экономическую ситуацию, справедливо пришел к выводу о необходимости первоочередного укрепления руководства вотчинным хозяйством опытными и грамотными людьми, которые могли бы оперативно управлять всей хозяйственной машиной.

Собственных крепостных крестьян Николай Борисович еще в детстве начинал готовить к предстоящей работе, посылал учиться. Сохранился реестр учеников с указанием, чему и у кого каждый из них обучается. Такого рода документы постоянно подавались барину на прочтение и утверждение вплоть до его кончины. Учеба тогда давала определенный шанс выйти в люди, даже освободиться от крепостной неволи. Этот путь открывался лишь немногим талантливым представителям русского крестьянства. Понятно, что охватить все поместья системой обучения крестьянских детей Юсупов возможности не имел, но старался систему расширять. У громадного большинства отечественных помещиков крестьяне не имели и этого минимального шанса, — будь ты хоть семи пядей во лбу. Достаточно вспомнить печальные истории жизни многих крепостных художников, музыкантов, актеров, писателей XVIII — 1-й половины XIX веков. С каким трудом освободился от крепостной зависимости знаменитый русский актер Михаил Семенович Щепкин, ставший только под конец жизни членом Московского Английского клуба.

Неизв. художник 2-й половины XVIII в. «Подгулявший крестьянин». 1760–1770 гг. ГТГ.

Юсупов тратил на обучение «…грамоте, ремеслам и науке» своих крепостных немалые средства. Только в 1802 году Московская домовая канцелярия уплатила за обучение 33 человек порядка двух тысяч рублей. Далеко не все в этом деле шло гладко; ученики жили отнюдь не в тепличных условиях, многие болели, умирали от болезней. В апреле 1808 года скончался совсем юный Ефим Корнеев Колесниченков (Колесниченко) — любимый ученик известного архитектора Франческо Кампорези.

Среди многочисленных профессий, которым обучались крепостные мальчики Юсупова, выделяются будущие архитекторы, художники, скульпторы. Они проходили профессиональную подготовку не только у Ф.Кампорези, но и у Н.А. Львова, представителей семьи художников Скотти (художники из этого рода расписывали залы будущего Английского клуба на Тверской), московских скульпторов

Кампиони. Ученикам давались знания и в области промышленного производства — ткацкого, стекольного, чулочного, суконного дела. Разумеется, среди учеников находились и десять маленьких музыкантов — будущие оркестранты московской «капели» — оркестра Юсупова. Впрочем, музыкантов чаще насчитывалось значительно больше, а год на год не приходится. К тому же и отсев оказывался велик; для занятия музыкой нужно не только желание, но и способности[189].

Вплоть до 1813 года большая часть писем и распоряжений князя Юсупова по хозяйственным делам обращены к Ивану Матвеевичу Щедрину. Барина и крепостного связывали доверительные, вполне человеческие отношения. Юсупов сообщает Щедрину не только свои хозяйственные указания, но и новости, которыми с крепостным вроде бы нет особой надобности делиться. Иван Матвеевич Щедрин, — так обращались к крепостному «начальнику». Надо заметить, что у крепостных в ту пору отчество практически не употреблялось, многие крестьяне и фамилий-то не имели, получив их только в 1861 году, при отмене крепостного права. В обращении же к Щедрину имя и отчество присутствовали постоянно, что свидетельствовало о его высоком социальном статусе.

Иван Матвеев Щедрин-Меньшой, будущий управитель Московской домовой канцелярии, родился между 1753 и 1760 годами, а скончался в сентябре 1813. Его старший двумя годами брат — Иван Большой занимал должность смотрителя «обязанной Ряшской суконной фабрики».

Карьера Щедрина-Меньшого началась на Украине. В 1790-х годах Юсупов отозвал знающего и грамотного крепостного управителя из своей Харьковской канцелярии в Москву, где первоначально назначил его приказчиком Большого московского дома (в Огородниках), а потом управителем всей Московской домовой канцелярией. В 1813 году особым распоряжением князя Щедрин становится ее главноуправляющим. Под конец жизни Иван Михайлович писал о себе: *«…сорок лет все… приходы и расходы держал…, отчеты делал и никогда во зло капиталов Его Сиятельства не обращал;… ни… убытков, ни на себя начета так, как у других, не сделал, а оборот годовой последними годами бывал миллионом…»*[190]. Николай Борисович по всем важным вопросам советовался с Щедриным. Именно Иван Матвеевич вел торг, а потом оформил документы на покупку Архангельского, проявив при этом немалую смекалку в устранении княжеского конкурента из семейства Нарышкиных, желавшего завладеть столь вожделенной вотчиной.

«Крестьяне». Роспись сахарницы. 1-я четверть XIX в. Неизв. завод. Частное собрание. Публикуется впервые.

Со смертью Щедрина, как пишет в своем исследовании В.И. Иванова, *«закончился большой, сложный и значимый период в истории Московской домовой канцелярии Юсупова, связанный со становлением и укреплением административно-управленческой системы всего вотчинного хозяйства князей Юсуповых»*[191].

В 1800 году на службу к Юсупову поступает «из отпущенных вечно на волю дворовых людей» Иван Матвеевич Щербаков. Юсупов предложил бывшему крепостному место управляющего «Ракитянской Экономией», то есть приказчика в слободе Ракитной — главном и самом доходном (при хорошей работе) княжеском имении. Он был принят на содержание в 2400 рублей годовых.

Деятельность И.М. Щербакова и нанятого ему в помощь отставного майора Агеева позволила стабилизировать экономическое состояние вотчины, наладить фабричное производство и укрепить крестьянские хозяйства[192].

Николай Борисович был очень благодарен Щербакову за понесенные труды. «Главный управляющий Ракитянской канцелярии» И.М. Щербаков как-то получил от Юсупова трогательный подарок, хотя это слово не совсем уместно в данном случае. Еще при княгине Ирине Михайловне Юсуповой, матери Николая Борисовича, в их доме поселилась «немецкой нации Крестина Ивановна Осте», занимавшаяся «деланием чухонского масла и сыров». Ее и крепостного Ивана связывало большое чувство. Соединиться они не могли — иначе бы по закону и Кристина Ивановна стала крепостной.

Уже на склоне лет, когда Щербаков овдовел, у него имелось двое сыновей-подростков, а сам он получил освобождение от крепостной неволи, Юсупов предложил немолодой немке перебраться в Ракитную, дабы наладить там «делание чухонского сыра и масла». За это ей полагался оклад в сто рублей годовых. В мае 1806 года Кристина Ивановна уже жила в слободе Ракитной, но налаживала там не только сырное производство. Не забыла она и личное счастье. Вскоре ее стали величать «Крестина Ивановна Щербакова»…[193].

Однако счастье оказалось недолгим. В начале лета следующего года Кристина Ивановна тяжело заболела, и Николай Борисович настоял на том, чтобы больную перевезли в Москву. *«На визиты докторам, на лекарство, на кушанье, на хлеб, сахар, чай…»* Московская канцелярия по указанию князя израсходовала 767 рублей 85 копеек за неполных три месяца. 1-го сентября Кристина Ивановна умерла. Юсупов оплатил ее погребение, а также расходы по проезду и житье в Москве И.М. Щербакову с сыновьями. Кристина Ивановна, надо думать, оказалась доброй мачехой, если пасынки сопровождали ее в Москву на лечение, — весенняя дорога в те годы доставляла мало удовольствия[194].

Неизв. художник конца XVIII в. «Праздник в деревне». ГТГ.

Крайне не любил Николай Борисович своевольных лентяев и пьяниц. В бездонном Юсуповском архиве В.И. Иванова нашла документы, которые рассказывают о настоящей борьбе князя за своего «економа», приказчика Степных вотчин Алексея Соколова. В трезвом виде он являлся опытным администратором, вытащившим из финансовой «ямы» обширные Степные поместья князя. В виде нетрезвом Соколов в одночасье пропивал не только собственное жалованье, но даже собственную одежду, оставаясь в кабаке вовсе без оной.

Юсупов вполне трезво решил, что только женитьба может остановить запои приказчика. *«Иван Щедрин, — пишет князь управителю Московской канцелярии. — Как в данной от меня Степному прикащику Соколову инструкции сказано, чтобы он был женат через три месяца, но я вижу, что и по сие время не женат, то предпиши ему, чтобы он, сыскав себе невесту, и женился бы…*

Князь Юсупов. 26 июля 1800 года. Санкт-Петербург».

Архангельское. Римские ворота. Снесены. Открытка 1910-х гг. Из собр. автора.

«Иван Щедрин, — пишет Юсупов спустя менее месяца. — *… предписываю тебе приискать невесту и женить находящегося в Степных вотчинах приказчика Алексея Соколова, ибо я вижу, что он пьянствует, от чего конечно в вверенных от меня ему деревнях Управлением происходят от крестьян неустройства в послушании, как из дошедших мне бумаг видно…*

Князь Юсупов. 10 сентября 1800 года. Санкт-Петербург»[195].

Алексей Соколов невесту себе так и не нашел, а вместо того заполучил «дурную болезнь», от которой его лечили по приказанию Юсупова в Москве на княжеский же счет. И после этого от Соколова не отвернулись. Его перевели для перевоспитания приказчиком в подмосковную вотчину Труневку,

где он обрел семейное счастье и осел уже навсегда.

Надо сказать, что не всякая история имеет счастливый конец. Так, крепостной архитектор Иван Некрасов, которому поручалось немало ответственных заданий по ремонту московского дома и строительству в подмосковной усадьбе Спасское-Котово, бежал от господина летом 1800 года. Пойман он был осенью в городе Черкасске Новороссийской губернии. Юсупову пришлось давать взятку в 25 рублей за «отмену для архитектора Некрасова рекрутства и… публичного наказания» неизвестному чиновнику Московской палаты суда и расправ. Действительно, расправа оказалась домашней. Некрасова нещадно били розгами, а потом отправили на работу в Ракитную слободу[196].

Корреджо. Женский портрет. Около 1520 г. Государственный Эрмитаж. Из собрания Н.Б. Юсупова.

Вот еще одна история. Ракитянский крепостной Иван

Макаров Костюченко обладал исключительным музыкальным слухом, прекрасным голосом и к тому же виртуозно играл на скрипке, но употреблялся на возке дров, копании торфа и «протчей земляной работе». Двадцатилетний музыкант не выдержал такого издевательства и бежал из Москвы, прихватив с собой скрипку да собственную одежду. Он дошел до Харькова, где его поймали бдительные чины полиции и препроводили назад в Москву. Месяц спустя крепостной был сдан в солдаты по рекрутской квитанции, что принесло немалый доход Московской конторе, хотя едва ли покрыло издержки, затраченные на обучение Ивана-музыканта. Не нужно забывать, что такие случаи в крепостной России оставались правилом, не исключением, хотя у князя Юсупова, где учет был поставлен достаточно хорошо, они встречались сравнительно редко[197].

Таковы были люди, которые вместе с Николаем Борисовичем управляли его обширными имениями и которые с ним вместе смоги добиться получения вполне приличных доходов по каждой статье обширного княжеского бюджета. Из чего же и как он складывался?

Если тщательно соблюдать столь обязательный еще совсем недавно «классовый подход» в рассказе «о роли личности в истории», то перед читателем непременно нужно раскрыть истоки богатств князя Юсупова, а равно и методы ведения им феодального хозяйства, «нещадной эксплуатации» предков будущих крепостных колхозников и так далее и тому подобное. Дабы понять идеологию экономической жизни прошлого, как государства в целом, так и отдельного исторического лица, приходится обращаться к самым разнообразным историческим источникам. Читаешь хозяйственные документы рубежа XVIII и XIX веков и так жалко становится «бедных» помещиков. Все тот же Юсупов вместо философского трактата обязан был по утрам ежедневно и до конца дней своих читать что-нибудь вроде *«Ведомости по архангельской фабрике, сколько имелось козьего пуху с 1813-го года генваря с 15-го числа и по 7-е число мая» или «Регистра фабричным, кто именно состоял по разсчетам в прошедших месяцах за хлеб должными и с кого вычтено и за вычетом осталось на них значит ниже сего 1813 года»*[198]. Разумеется, имелся и другой вариант — отдать все управителю-немцу, который бы благополучно все разорил, но зато и в хозяйство вникать не требуется.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.

Тонко и верно подметил Александр Сергеевич Пушкин, обладавший действительно очень красивыми и ухоженными ногтями, а равно и совершенно расстроенным «типичным дворянским» хозяйством.

После выхода в отставку перед князем Николаем Борисовичем Юсуповым во всей наготе и вовсе без прикрас открылось все несовершенство устройства его обширного крепостного хозяйства. В начале 19-го столетия денежные обороты при всей громадности земельных владений оказались неоправданно малы, и ждать их увеличения непосредственно «от сохи», то есть в качестве оброка от крепостного крестьянского хозяйства, явно не приходилось. Конечно, кризис «экономической машины» и ужас разорения грозил князю Юсупову лишь гипотетически, но даже его угроза радости не доставляла. Без малого десять лет — с 1800 по 1808 годы Николай Борисович тщательнейшим образом занимался налаживанием и организацией собственного хозяйства, дабы «не ждать милостей от природы». Немолодой уже человек объездил и не единожды почти всю европейскую часть страны — от Украины до Астрахани, дабы упорядочить деятельность всех своих вотчинных контор и приумножить доходы, каковые, увы, с неба почему-то никогда не сваливались, как полагали многочисленные завистники Юсупова. Собственно, до последнего дня своей долгой жизни князя ни на день не оставляли хозяйственные заботы. Не оставлял его и достаток в качестве вознаграждения за труды.

До Великой отечественной войны экономической стороне жизни «вотчин и экономий» князя Николая Борисовича Юсупова было посвящено несколько очень добротных исследований, опубликованных в узкоспециальных сборниках научных трудов. Заинтересованный читатель найдет их в Исторической библиотеке. Там же остались и все выводы о «типично феодальном хозяйстве» и иных умных вещах. Надо признаться, лучшего снотворного трудно найти в уютном и теплом зале Отечественной истории в любимой «Историчке»; даже нетленные труды классиков «изма» так крепко не усыпляют.

Вместе с тем исследования эти содержат вполне объективный анализ экономики Юсуповского хозяйства, основанный на материалах княжеского архива — в канцеляриях велся строгий учет каждой или почти каждой копейке, вплоть до ее четверти. Я сделал небольшую выборку из этих публикаций. Не могу поручиться перед читателем, что и он не окажется в объятиях Морфея при изучении прихода, расхода и долгов князя Николая Борисовича[199].

Никола Ланкре. «Общество в саду». 1720-е гг. (?) ГЭ. Из собр. Архангельского.

Был ли на самом деле так сказочно богат Николай Борисович, как о том думали его современники? За 8 лет до смерти князя Юсупова, в ноябре 1823 года, в Москве скончался простой купец Алексеев, из бывших крепостных, между прочим. Одного потомка Семена Алексеевича Алексеева знают все. Это Константин Сергеевич Алексеев-Станиславский, взявший себе сценический псевдоним по фамилии балерины Большого театра — Марии Петровны Станиславской, дабы не позорить славный свой купеческий род. Вот что писал о его, Алексеева, богатстве вездесущий московский сплетник Булгаков: *«… вчера умер в Таганке купец Алексеев; его полагали очень богатым, но не ожидали, что по кончине найдут у него на 20 миллионов имения, из коих 12 наличными деньгами»*[200].

У знаменитого богача князя Юсупова нашлось по смерти долгу в два с лишним миллиона, половина имения оказалась в закладе и двадцать семь тысяч рублей наличными. Как говорится, что хочешь — то и думай. Надо сказать, что о богатстве Юсуповых на заре советской власти тоже думали, а некоторые Юсуповские богатства даже тщательно искали.

Документы Юсуповского фонда в собрании Архива Древних Актов (РГАДА) позволяют довольно подробно воссоздать

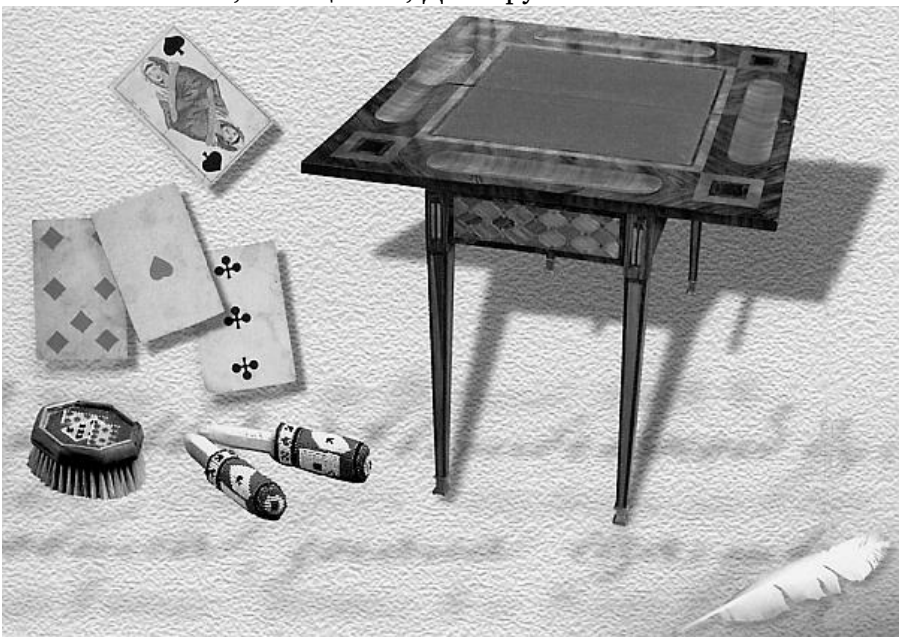
материальную сторону княжеской жизни. Непосредственно бюджету Н.Б. Юсупова за 1797–1831 годы посвятил большую работу профессор К.В. Сивков, известный историк русской усадебной культуры. Основываясь на этой и ряде других публикаций, можно узнать о том, что не один дядя Евгения Онегина, но и князь Юсупов «был великий эконом», то есть экономист.

Русское дворянство — как мелкопоместное, так и высшее, всегда жило не столько службой или коммерцией, сколько от земли, от барщины или оброка — от того, что произведет крестьянин, и с того, что можно получить при продаже крестьянской продукции. К началу XIX столетия крестьяне все хуже и хуже кормили своих бар. Почему-то испокон веков считается, что земля-матушка у нас вообще плохо родит. У Юсупова имелись обширные поместья на Украине, но даже с них он получал сравнительно небольшие деньги, а ведь в тамошних черноземах достаточно «палку в землю ткнуть», чтобы получить урожай.

Не один Юсупов не в состоянии был прокормиться от крестьянских трудов. Так, его приятель князь А.Б. Куракин в месяц проживал по 50 тысяч рублей, в год — порядка 600 тысяч. Он владел 5 тысячами крестьян и 30 тысячами десятин земли. При умелом ведении хозяйства из таких владений можно получить не один миллион дохода, но… Семь миллионов долгу досталось наследникам после смерти князя. Да еще 800 дворовых, то есть тех, кто не пахал, не сеял, а только жил возле барина.

Не менее любопытна оказалась арифметика жизни еще одного современника князя Николая Борисовича — «Креза младшего» — графа Николая Петровича Шереметева, чьи потомки в XX веке породнились с потомками Юсупова. В 1798 году чистый его доход составлял 632 200 рублей за год. Годовой дефицит бюджета «господина Креза» равнялся 60,7 тысяч рублей. В 1822 году его единственный «сыночек Димочка» перерасходовал сверх бюджета уже 600 тысяч («мальчику» не исполнилось и 30), но тут виноваты исключительно пресловутые «тройка, семерка и туз». Зато его потомки — довольно многочисленные графы Шереметевы — замечу, люди очень порядочные, не картежники или бабники какие, почтенные члены Московского и Петербургского Английских клубов — имели на протяжении многих лет годовой дефицит бюджета «всего» в 1 миллион 200 тысяч рублей. Шереметевы и Куракины считали ниже своего достоинства заводить фабрики, заводы, осваивать промыслы. Деньги шли только от сохи да оброка от выбившихся в люди (купцы или промышленники) крепостных крестьян. За редким

исключением такая «экономическая история» повторялась во всех сколько-нибудь заметных русских аристократических семьях — князей Вяземских, Голицыных, Долгоруких.



Ломберный столик, карты, мелки, щетка. ГМП.

Князь же Юсупов новые заводы и фабрики заводил, старое производство улучшал и расширял, сам входил во все экономические тонкости. Повторюсь, что в Юсуповской библиотеке хранилось приблизительно семьсот книг в разделе «Экономика» (при жизни владельца он носил несколько устаревшее теперь название «Экономия»). Почти каждая из них содержала собственноручные пометки Николая Борисовича, свидетельствующие о том, что про Адама Смита и его теорию князь знал отнюдь не из «Евгения Онегина»[201].

П.П. Соколов. «Разговор». «Говорильня» Московского Английского клуба. Рисунок середины XIX века.

Сельским хозяйством в начале XIX столетия князь занимался сравнительно мало; основная часть его крестьян жила на оброке, полагая это за большое благо. Лишь к концу жизни Юсупов попытался вернуться к более традиционной барщине, когда крестьянина несколько дней в неделю заставляли бесплатно работать на хозяина. Эта «контрреформа» послужила одной из причин уменьшения поступления реальных денег и увеличению долгов Юсупова[202].

Фабрично-заводские начинания Сиятельного князя в первые годы XIX века вызывали у его современников непонимание и брезгливую зависть. «Марать руки» изготовлением чего-либо полезного полагалось ниже дворянского достоинства. Сколько гадостей говорилось за спиной Николая Борисовича, когда он завел у себя сразу несколько фабрик, в том числе и часовую! Сплетники-современники утверждали, будто бы Юсупов подражает Вольтеру, который на старости лет обзавелся сразу несколькими фабричными производствами, приносившими ему весьма ощутимые доходы. Подражать «фернейскому гению» в вольтерьянстве и безверии — это всегда приветствовалось, это прогресс и демократия, а вот заниматься делом — для русского

барина времяпрепровождение постыдное. «Пустился в спекуляции!» — самое мягкое выражение, отпускавшееся в спину Юсупову младшими современниками, далекими от реалий отечественной экономики.

Э. М. Фальконе. «Амур с луком». ГМУА.

Когда же графы Толстые и князья Трубецкие бросились в конце 1820-х годов устраивать собственные фабрики, то оказалось, что «поезд ушел». Большую часть производства уже успели захватить конкуренты — замоскворецкие купцы да фабриканты, преимущественно бывшие крепостные «Тит Титычи» из пьес члена Московского Английского клуба А.Н. Островского.

Так, соклубник Николая Борисовича по Английскому клубу декабрист Михаил Федорович Орлов, после восстания декабристов оказавшийся под надзором полициив Калужской губернии, активно занялся собственными хозяйственными делами. Как-то он обратился к Юсупову с просьбой продать одну из приносящих доход фабрик, на что получил вежливый ответ в духе того, что «семечками не торгуем». Тогда Орлов принялся заводить «с нуля» свои собственные фабричные предприятия. Ничего не скажешь — товар на них выпускался отменного

качества, но себестоимость его во много раз превосходила реальную продажную цену[203].

Э.М. Фальконе. «Амур». ГМУА.

Между прочим, Михаил Федорович много раз проповедовал в стенах «Говорильни» Московского Английского клуба свои теоретические выкладки по экономике, а Юсупов оказывался среди его немногих слушателей. Хорошо все-таки, что декабристы не пришли к власти. Ведь Орлов был одним из руководителей тайного общества и при иных обстоятельствах возглавил бы всю русскую экономику и тем самым принес бы громадные убытки не столько своему семейному бюджету, сколько государственному, заставляя крестьян выращивать простое зерно по себестоимости жемчужин.

Приходно-расходные книги Московской конторы князя Юсупова за 1797–1831 годы, за небольшим исключением сохранившиеся и изученные, позволяют проследить процесс формирования Юсуповского бюджета. За 1798 год чистый доход составил 99 724 рубля 64 копейки. Основным источником поступления денег в этот период являлся оброк и иные подати с крестьян. Еще одной статьей дохода была поставка в казну сукна

и каразеи[204].

От родителей Николаю Борисовичу досталась, по меньшей мере, одна крупная фабрика, находившаяся в селе Ряшки Полтавской губернии (пожалованная его отцу императрицей Елизаветой Петровной с обязательством поставки в казну сукна). Основана она была еще немцем — фельдмаршалом Минихом, после опалы которого перешла в казну, а потом к князю Борису Григорьевичу Юсупову. Имелись также разного рода производства в Ракитном и окрестностях.

11 декабря 1803 Николаю Борисовичу из казны была пожалована подмосковная Купавинская шелковая фабрика, ставшая после модернизации главным княжеским сокровищем. С нею вместе князю перешло свыше 1802 десятин земли и крепостные крестьяне. Здесь же работала бумажная и часовая фабрики; позднее часть производства оказалась перепрофилирована на сукно из-за падения цен на щелк[205]. Юсупов смог поставить производство на бывшей казенной шелковой фабрике так, что постоянно получал от нее значительную прибыль, чем государство никогда особенно не могло похвастаться. Отсутствие реальной прибыли и постоянный рост убытков, собственно, и послужили причиной передачи фабрики в частное владение.

Уже в 1806 году фабрика принесла Юсупову 126 338 рублей дохода, тогда как все остальные княжеские фабрики дали «всего» 92 802 рубля прибыли. Когда же прибыль Купавинской фабрики уменьшилась из-за проблем со сбытом, князь перепрофилировал шелковое производство на суконное. Суконных фабрик у Юсупова имелось в разное время несколько. Не стеснялся сиятельный аристократ и торговли. В 1808 году московские Лубянский и Ильинский магазины князя дали 171 тысячу дохода. От торговли на ярмарках сукнами и шелком тогда же удалось выручить еще 19 с половиной тысяч рублей[206].

Общий бюджетный оборот хозяйства князя Юсупова постоянно рос и в иные годы превышал 2 миллиона рублей, тогда как бюджет всего Российского государства, скажем в 1815 году, составлял 327 с небольшим хвостиком миллионов рублей. Таким образом, бюджет одного князя Юсупова составлял иногда половину процента общегосударственного! (Справедливости ради стоит заметить, что у купца Алексеева — почти пять процентов!)[207].

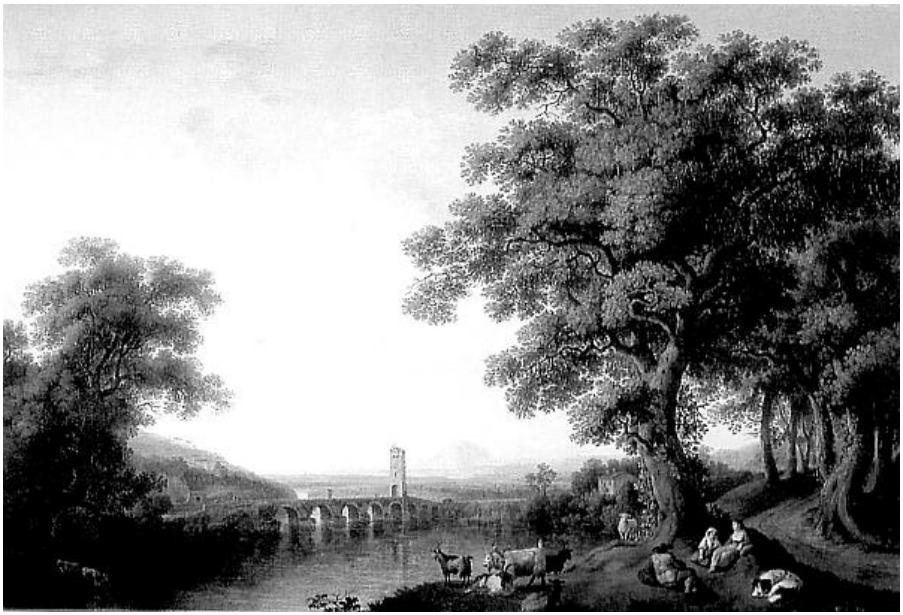
Разумеется, всем порядочным людям очень интересно знать — как же «бедный» Юсупов делился своими денежками с государством, сколько платил налогов и податей? А нисколько! В

1815 году князь заплатил Московской шестигласной думе один единственный прямой поземельный налог в сумме одна, именно одна, тысяча 238 рублей и 41 копейка! Николай Борисович никогда и не скрывал, что использует свое видное общественное и государственное положение, дабы иметь всевозможные льготы, в том числе и налоговые[208].

Как же тратились весьма обширные средства бюджета князя Юсупова? Основные деньги направлялись на покупку новых имений и домов, которые, как считал князь, приносили наивернейший доход. Такого же мнения, кстати, придерживались и все немногочисленные княжеские предки.

Много меньше средств шло на «поднесенные суммы», то есть на личные траты князя, в том числе пополнение коллекций. Среди «бездонных бочек» бюджета, как принято выражаться в наши дни, отдельной строкой выделялось Архангельское, которое только со временем должно было, как полагал Николай Борисович, превратиться в очередную доходную вотчину. «Поднесенные суммы» обычно составляли от 33 до 66 процентов годового бюджета князя. Только за 1826–1831 годы Юсупову было «поднесено» 790 тысяч рублей. Брал Николай Борисович деньги не враз, а постепенно, в течение всего года, по мере возникавшей надобности. Когда же наличных средств не доставало, они забирались из капитала в Сохранной казне. Дефицита в княжеском бюджете, особенно после 1815 года, никогда не наблюдалось. «Вишневых садов» не продавали и к знакомым с просьбой «перехватить без отдачи» не обращались[209].

Одной из составных частей Юсуповской «экономической политики» являлось постоянное увеличение земельных владений. Недвижимость во все времена при разумном управлении давала неплохой доход и считалась надежным вложением средств. Поэтому князья Юсуповы постоянно увеличивали свои земельные угодья. Основную часть громадных земельных владений рода приобрел еще отец Николая Борисовича — князь Борис Григорьевич.



Я.Ф. Хаккерт. «Вечер в окрестностях Рима». 1779. ГМУА.

Даже мать Николая Борисовича, княгиня Ирина Михайловна, в последние годы жизни занималась приобретением для него новых имений — ведь ее любимый сын пребывал за пределами Отечества. При этом сама она тяжело болела, но незыблемый долг перед частной собственностью, перед хозяйством неукоснительно исполняла.

5 мая 1787 года, незадолго до кончины, мать пишет любимому сыну о том, чтобы он не беспокоился об оставленных им деньгах «по закладным и векселям» в сумме 59 тысяч рублей, что она к его возвращению постарается получить по ним проценты[210].

О постоянном росте доходов Юсупова свидетельствуют сводные таблицы, составленные на основе бухгалтерских книг княжеской канцелярии. Неуклонный рост доходов приходился даже на относительно тяжелые для Юсуповского хозяйства годы. Вот что известно о положении дел в конце XVIII века:

Приход за 1796 год составил 110 260 руб., а расход — 97 680 руб. Из них лично князем истрачено 50 849 руб. 35 коп. Приход за 1798 год — 99 724 руб. 64 и 1,2 коп. Расход — 84 362 руб. За 1799 год приход — 129 538 руб. 81 и 1,4 коп., расход — 121 002 руб., из которых лично князю ушло 38 500 руб. Значительные средства вкладывались Юсуповым в развитие «фабрикантских» дел, а также на покупку новых имений.

Одиннадцать лет спустя, в 1810 году, приход князя с учетом

оборотного капитала (в сумме 57 220 руб. 12 и 3,4 коп) составил уже 1 миллион 76 тысяч 802 руб. 80 и 1,2 коп. При этом чистый доход составил 993 976 руб. Однако, в том же году сумма расходов опасно приблизилась к сумме доходов (опять же с учетом оборотных средств). Остаток средств за год составил всего 20 477 руб. 58 и 1,4 коп.

Чистый доход от всех «экономий» Юсупова сводится к простой таблице:

1798 — 99 724 руб.
1810 — 993 976 руб.
1815 — 685 334 руб.
1821 — 1 286 262 руб.
1824 — 2 355 084 руб.
1827 — 1 276 497 руб.

Вывод из этих цифр тоже достаточно простой — князь ежегодно увеличивал свои денежные обороты, ежегодно росла интенсивность его бюджета. В качестве милого анекдота можно рассказать о том, что в год наполеоновского нашествия на Россию княжеский доход, вопреки ожиданиям, оказался вполне приличным, хотя и менее ожидавшегося, — порядка 420 тысяч рублей — сказалась хорошая организация дела даже во время всеобщей паники и разорения[211].

Николай Борисович не стеснялся извлекать доходы из самых разнообразных отраслей хозяйства. Он устраивал мукомольные мельницы; не брезговал винными откупами. В 1803 году на Украине с них князь получил 8 тысяч. В 1813 году торговля рекрутами дала 38 тысяч рублей. Юсупов, крепкий крепостной хозяин, всегда оставался прагматиком. В солдаты он сдавал исключительно пьяниц и людей, которые не способны или не желают работать, то есть тех, чьи потомки в начале далекого XX века стали основой «Комитетов крестьянской бедноты», столь основательно разоривших отечественное сельское хозяйство и сельского хозяина. В Астраханской губернии Юсупов по наследству владел рыбными промыслами, большую часть которых он сдавал в аренду. Ему принадлежало порядка 100 верст береговой полосы и около 100 тысяч десятин земли. Правда, их постоянно у князя оспаривали, но денежки все равно шли[212].

Крестьянин-хозяин не являлся основой всех доходных статей княжеского бюджета. Из чего можно сделать «ученый» вывод о том, что хозяйство князя Юсупова носило отнюдь не чисто феодальный характер. Оброк, который платил барину каждый крестьянский двор, рос довольно быстро, хотя при этом надо заметить, что ежегодный рост инфляции за этот же период времени оставался не менее значительным. В 1798 году сумма

оброка составляла 3 рубля. В 1803 — 10 руб., в 1808 — 11–12 руб., 1813 — 13 руб., 1817 — 16–18 руб., 1819 — 20–24 руб., 1823 — 22–26 руб., 1829 — 22–26 руб. Понятно, что представленные цифры усредненные[213].

Юсупов-экономист оказался сторонником прогресса. Он понимал, что рано или поздно крестьянин перестанет быть «курочкой, несущей золотые яички», чего не осознавало большинство дворян на рубеже XVIII и XIX веков. Во многом это и стало причиной массового разорения дворянства к середине XIX столетия. Юсупов же, наоборот, постепенно снижал роль оброчных средств в формировании своего бюджета. В 1798 году оброк приносил 40 % дохода, а в 1831 — только 10,5 % и находился на третьем месте.

При этом Николай Борисович активно увеличивал свои земельные владения, приобретаемые, понятно, вместе с крепостными крестьянами. В 1811 году у него имелось уже 33 тысячи крепостных (по уточненным В.И. Ивановой данным)[214].

Фабричные доходы предприимчивого князя, — прежде всего доход от поставки сукна, — составляли в разные годы от четверти до половины княжеского бюджета. Цифровые показатели сумм по фабричным производствам князя в различных источниках несколько различаются, и здесь нет возможности и нужды входить в поиски истины в последней инстанции, тем более что все фабрики Юсуповых давно уже национализированы, частью перепрофилированы, частью приватизированы — остальные умные экономические слова читатель при желании может самостоятельно найти в словаре иностранных слов[215].

С 1807 года Николай Борисович активно принялся за кредитные операции и постепенно доход от них стал составлять до трети от общего бюджета. Именно эти операции и привели к образованию самой значительной части двухмиллионного долга, имевшегося на момент кончины князя. Тут действовал известный русский принцип — берешь «чужие», а отдаешь «свои». Отдавать долги не хотелось, потому что на это пошли бы деньги из оборотных средств, находящихся в деле, поэтому Юсупов погашал долги казне путем закладки в Опекунский Совет Московского Воспитательного Дома все новых и новых крепостных душ, а не выплатой «живых» денег.

Надо заметить, что пресловутый двух миллионный «долг» Николая Борисовича, обнаруженный после его смерти, пришедшийся как раз на середину финансового года, не являлся долгом чистой воды. Просто эти средства находились в постоянном обороте, а вовсе не проедались, проигрывались в карты или пропивались. Поспешная ликвидация этого долгового

обязательства отца, произведенная после смерти князя его сыном Борисом, просто свидетельствовала об иных принципах извлечения доходов, которые исповедовал и на практике применял наследник Николая Борисовича — сын Борис — настоящий делец-капиталист, а отнюдь не худосочный разорившийся дворянин эпохи отмены крепостного права и «великих реформ».

Под залог крепостных Юсупов получал средства во Вспомогательном и Заемном банках и Опекунском Совете. К 1818 году одна треть Юсуповских крепостных оказалась заложена (7537 душ), за что князь получил 693 630 рублей, ставших оборотными средствами бюджета. Платежи по этому займу составлялись следующим образом — капитал равнялся 522 352 рублям, а процент по нему — 144 393 рубля. По годам сумма процентов уменьшалась — в 1821 — 120,5 тыс. руб., в 1822 — 107 100 руб. Однако здесь в делах Юсупова произошел странный сбой, объяснить который ученые пока не могут. Для погашения долга казне Николаю Борисовичу пришлось закладывать все новых и новых крепостных.

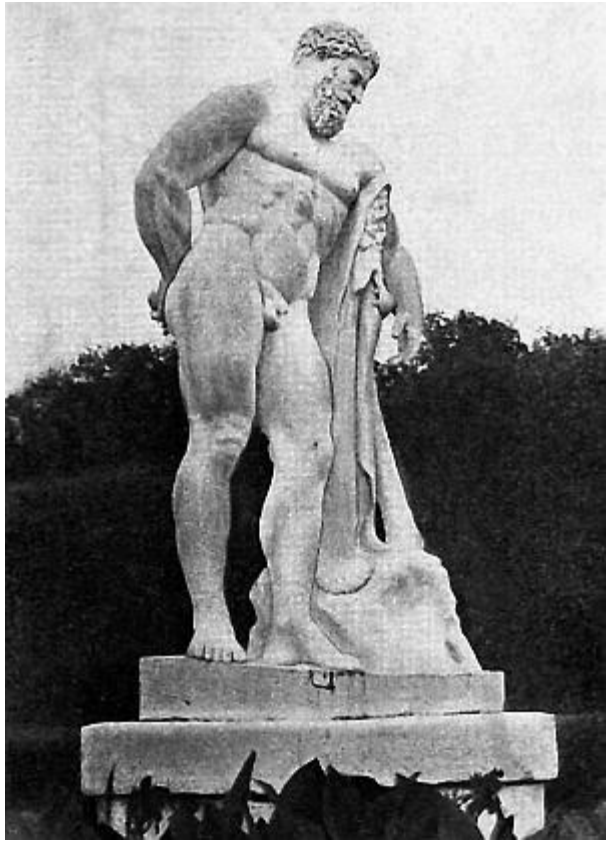
В 1830 году в залоге находилось уже 47 % крепостных князя — 10 208 человек (в это число не входят дворовые и фабричные, число которых достигало до 12 тысяч; понятно, что фабричные преобладали.)

Архангельское. Южный фасад Большого дома. Фотогр. 1930-х гг. Открытка из собр. автора.

При этом большой капитал князя хранился под проценты в Сохранной казне, откуда брались деньги в случае неотложных текущих нужд.

На момент смерти Николая Борисовича у него имелось наличных денег 27 тысяч 496 рублей и 25 копеек. Долгов же — 2 миллиона 542 тысячи 42 рубля и 61 копейка. Структура долга оказалась такова: в Московском Опекунском Совете по 11 займам — 1 585 290 руб. 73 коп., «партикулярных долгов» — по частным обязательствам — 349 095 руб., «пансионов» — 7 948 руб. 22 коп. Согласно духовному завещанию, полагалось «выдать двум воспитанникам и разным людям в награду — 418 391 руб.» И только порядка 30 тысяч предстояло выплатить купцам по делам фабричного производства, т. е. использовать непосредственно на деловые расходы[216].

Действительно, сразу справиться с ликвидацией такого большого количества долговых выплат оказалось не так-то легко, хотя значительная часть долговых обязательств просто находилась в обороте. «В угоду Бориньке» — наследнику Борису Николаевичу Юсупову московская контора показала резкий упадок княжеских доходов до 55 тысяч годовых, хотя одного только оброка в год смерти Николая Борисовича ожидали порядка 200 тысяч. Вероятно, Борис Николаевич, тогда уже много больше отца поднаторевший во всевозможных тайных финансовых махинациях, просто создавал пресловутое «общественное мнение», дабы отсрочить ряд крупных частных выплат и тем самым выиграть время и деньги. К тому же и собственных его долгов, по большей части карточных, наделанных по молодости и глупости, имелся не один миллион, тогда как «долги» отца просто находились в обороте, то есть в доходном деле, из которого деньги нельзя было изъять в одночасье, без убытка.



«Геркулес». Неизв. скульптор. Середина XVIII в. Италия. Парк Архангельского. Фотогр. 1900-х гг.

За 30 последних лет жизни бюджет князя Николая Борисовича вырос ровно в 12 раз (без учета падения стоимости ассигнаций — пресловутых бумажных денег). В отличие от большинства дворян своего времени, Юсупов смог вовлечь в деловой оборот значительные средства. Княжеский бюджет не был «типичен». Он не жил «как все». Николай Борисович, как деловой, мудрый человек, умел и «вертеться» — зарабатывать, и достойно жить — проживать заработанные деньги[217].

В конце этого «невольного экономического трактата» хочется заметить, что он, по обстоятельствам вполне объективным, оказался очень далек от полноты и стройности общей картины развития Юсуповского хозяйства — материала, в него не вошедшего, при желании хватит на очередной том «Капитала» Карла Маркса. Мне на собственном опыте пришлось познать всю горькую скуку чтения «сплошной цифири», как говорили прежде, и потому я не рискнул ставить на читателе экономические опыты. Для этого в нашей стране во все времена и без меня находится

достаточное число всевозможных теоретиков и экономистов-реформаторов.

Как же складывались последние десятилетия «домашней» жизни Николая Борисовича, его «пышное затуханье»?[218]. Это тем более интересно, что показатели «домашней» хозяйственной жизни — верный показатель развития всего в целом хозяйства человека.

С момента выхода в отставку Николай Борисович зимами чаще всего жил в Москве, в своем родовом дворце на Хомутовке, а позднее также в купленном доме Позднякова на Большой Никитской. Летние месяцы он проводил в Архангельском, после его счастливой покупки, а до того отдыхал в Спасском или Васильевском, а также в любимом курском имении Ракитное. Возраст и состояние здоровья уже не позволяли князю часто ездить в далекие вотчины, хотя от необходимых деловых поездок он отказывался только в самых крайних случаях. Только в Петербург Николай Борисович ездил регулярно.

Содержание Приходно-расходных книг Московской канцелярии Юсупова показывает, что в начале XIX столетия Николай Борисович не устраивал в своем доме пышных праздников. «Давал три бала ежегодно и промотался, наконец», — сказано это про мелких дворян, а вовсе не про князя Юсупова. Вседневная жизнь самого Николая Борисовича и его обширного «крепостного двора» со всевозможными чадами и домочадцами оказалась на деле относительно скромной.

В чем же она состояла и как была обустроена? Перво-наперво покупался годовой билет стоимостью в 2 рубля 30 копеек, позволявший каждое утро отправлять в село Преображенское водовозные бочки для покупки Преображенской воды. Она предназначалась исключительно для барских нужд — питья, приготовления еды, умывания. Прислуга пользовалась колодезной и речной водой — уже и тогда не самого лучшего качества.

«Водовоз на Москве-реке». Деталь гравюры Делаберта «Большой Каменный мост».

95 копеек полагалось платить извозчику «… за отвоз того белья на Москву-реку, так равно и за привоз в дом». Прачкам платили по 25 копеек каждой — ведь стирали они на 60–70 человек барской дворни. «Для мытья белья Его Сиятельства» в прачечную при «Большом доме» закупалось мыло весом от одного до полутора пудов[219]. Остальным полагалось довольствоваться щелоком из золы.

Чистота телесная дополнялась чистотой душевной. Великим постом все дворовые говели и причащались группами — каждая на своей Великопостной неделе в приходском храме Трех Святителей у Красных ворот. Традиционно больше всех говело народа на первой неделе поста.

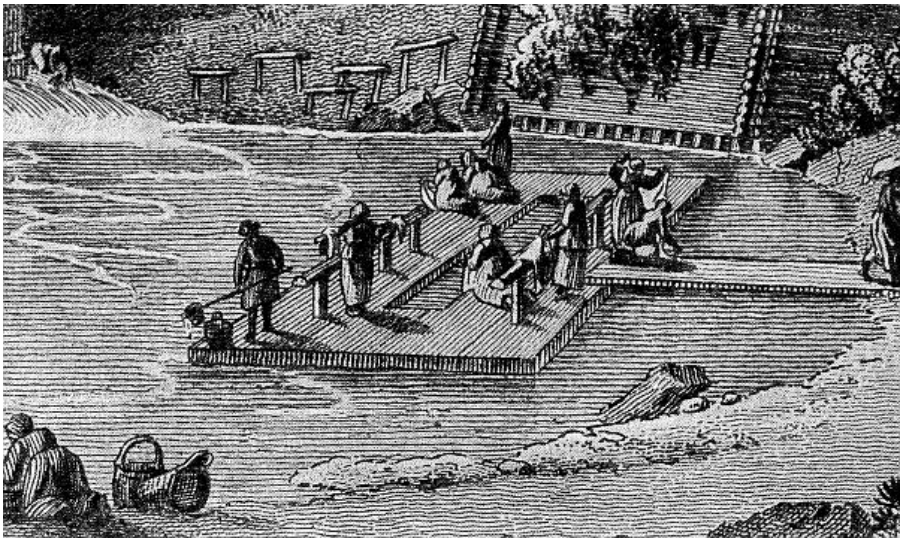
В продолжение года несколько раз устраивалось богослужение и на дому — согласно патриархальных московских обычаев. Приглашалось немногочисленное приходское духовенство да монахи Богоявленского монастыря в Китай-городе, где у Юсуповых имелось родовое захоронение. Службы бывали на Рождество, Пасху; 16 апреля в день памяти мученицы Ирины поминали любимую мать Николая Борисовича — княгиню Ирину Михайловну. К этому добавлялась служба одной из родительских суббот — дня традиционного поминовения усопших. Главный же праздник в доме приходился, естественно, на «Николу Зимнего», святителя Николая, чудотворца Мир Ликийских — небесного покровителя князя Николая Борисовича. «В день тезоименитства Его Сиятельства Государя князя для поздравления людям…» закупалось ведро вина ценою в шесть

рублей. В честь праздника отменялись наказания, прощались старые огрехи — всем полагалось радоваться и веселиться. Народные песни и пляски поощрялись.

Впрочем, у иных обитателей Юсуповского дома веселье, а точнее пение, было ежедневным — вне зависимости от праздников и будней. С утра и до ночи свистели, каркали и даже разговаривали «господские птички» — отечественные соловьи, заморские канарейки, переклетки, говорящие попугаи. «Ветераном и участником» почиталась ученая ворона — старейшина Юсуповского птичьего семейства. За птицами ходил татарин Мамбек, в обязанности которого входила ежемесячная покупка на базаре «пшенных круп» для птичьего корма. «За лечение и присмотр за больными птицами…» 25 рублей ежегодно платили «г-на Михайлы Васильевича Гудовича птичнику Ивану Никитину»[220].

Трогательно любил Николай Борисович свою обезьянку. Уезжая из Москвы, Юсупов требовал от управляющего сведений о ее здоровье. Даже в Париже думал о своем маленьком друге. 14 марта 1810 года И.М. Щедрин писал князю во Францию: «…птицы живы, но обезьяна, кажется, нездорова, и делаются припадки, однако ж теперь вроде стала повеселее…» Вместо купания обезьянке делали «освежение» — обезьяны почему-то панически боятся влаги. Вода же для этого своеобразного купания приобреталась на рынке, а не бралась в колодце или с реки. Птиц и вовсе вспрыскивали белым вином — в количестве одного ведра.

Для кормления обезьяны и попугаев закупалась особая провизия — орехи, изюм, винные ягоды, сахар, морковь, огурцы, хлеб. Белые калачи получали на завтрак и ужин две собачки — «выхолощенный датский кобель», подаренный князем Михаилом Петровичем Голицыным, а также купленная в Охотном ряду за 2 рубля 25 копеек «…сука белая, называемая пудель». Из приведенной цены видно, что и в те времена пудели стоили недешево, а мимо Охотного ряда князь ездил ежедневно на службу в Кремль, так что легко представить историю появления у него этого преданного создания — белого пуделя. Известно, что пудели особенно тонко чувствуют настроение своих хозяев. По два пятьдесят ежемесячного содержания отпускалось и сторожевым собакам — Картушке, Канашке и Милордке. Они обитали во дворе, охраняли дом и радостно виляли хвостами сиятельному хозяину при его появлении[221].



«Полоскание белья на Москве-реке». Деталь гравюры Делабарта «Большой Каменный мост». XVIII в.

Собственная кухня князя, понятно, обходилась значительно дороже, хотя Николая Борисовича нельзя назвать большим привередой в еде. Просто в ежедневном обиходе он предпочитал здоровую и преимущественно русскую кухню, но при необходимости мог блеснуть перед гостями и заморским изыском.

Кулинария в те времена составляла род искусства. Хороший повар считался подлинным украшением дома и нередко служил предметом зависти «добрых соседей». Для обучения поварскому искусству господа нередко посылали своих крепостных… в Московский Английский клуб, где поварское искусство, по мнению знатоков, пребывало на мировом уровне.

Не являлся в этом деле исключением и Николай Борисович; его крепостные подолгу обитали в стенах клубной кухни, постигая тонкости поварского искусства, хотя и на собственной его кухне в разные годы работали превосходные наемные и крепостные мастера. Кухмейстеру господину Мошелю и французу-кухмейстеру Ивану Иванову Латомбелю помогали свои, доморощенные кондитеры и повара из крепостных. Французы готовили изысканные блюда европейской кухни; русским поручалась кухня русская.

Я уже не раз писал о том, что «бедному» русскому барину, какими бы богатствами он ни обладал, полагалось вникать во все мелочи хозяйства. Бывал он и в погребе, и на кухне, и на леднике, где хранились запасы на долгую зиму. Не являлся исключением из этого правила и аристократ Юсупов. Из Петербурга, где, как

известно, приличных продуктов отродясь не имелось, он регулярно посылал такого рода «Распоряжения» своей московской канцелярии. Вот два из них, датируемые апрелем и августом 1800 года.

«Иван Щедрин.

…Купи в Москве соленых дуль, вишен, слив и персиков каждого сорту по одной банке и, чтобы отыскать самых лучших, то спроси у Алексея Николаевича Щепотьева и Анны Семеновны Олениной и заплати, что стоит, закупорь те банки хорошенько и уложи в ящик, чтобы они не разбились и положенные в них фрукты не испортились. Пришли ко мне с сим нарочным, который тебе сие повеление доставил…

Князь Юсупов

2-го апреля 1800 года

Санкт-Петербург».

«Иван Щедрин.

… Получа сие, прикажи сварить в Москве ис хороших фруктов варенья а именно: шпанских вишен, груш, яблоков, слив, персиков и померанцов каждого сорту по три банки, а цветупомеранцового сколько будет, которое когда будет сварено, тогда в Питербурх прислать незамедлительно.

Князь Юсупов.

6-е августа 1800 года.

С-П-бурх»[222].

В августе месяце и ныне всякая приличная домашняя хозяйка занимается заготовкой солений и варений. Князь Юсупов «самолично» давал указания — что, сколько и по какой цене покупать для зимних заготовок. Огурцы разных сортов и величины приобретались в количестве от 7 до 13 тысяч штук, ценою от 1 рубля 60 копеек до 1 рубля 80 копеек за тысячу. При засолке в огурцы добавлялся уксус и моченая брусника, дабы не бродили, хотя без уксуса огурцы получаются менее кислыми, как кажется автору этих строк. 180 стручков «перцу дикого» — не больше и не меньше, закупалось для соления любимых Николаем Борисовичем «Амурных яблоков»[223].

О вареньях и соленьях, как, может быть, помнит читатель, заботился князь и в канун наполеоновского нашествия, давая точные указания о том, какие и какой зрелости припасы «к оному потребны».

Переехав из Петербурга в Москву, Николай Борисович стал довольно широко принимать у себя гостей, хотя предпочитал

кормить их обедами из блюд русской кухни, что далеко не всем московским барам нравилось. Ведь мода на чисто русскую кухню ушла вместе с XVIII столетием. Потому-то современники так часто характеризовали княжеские обеды как «преотвратные». «Книга Московской домовой канцелярии о приходе и расходе хлеба в 1807 году», заполненная в канун близившегося отъезда Николая Борисовича в Париж, сохранила сведения о количестве и качестве того, что съели княжьи гости. В графе «Для стола Его Сиятельства» занесено:

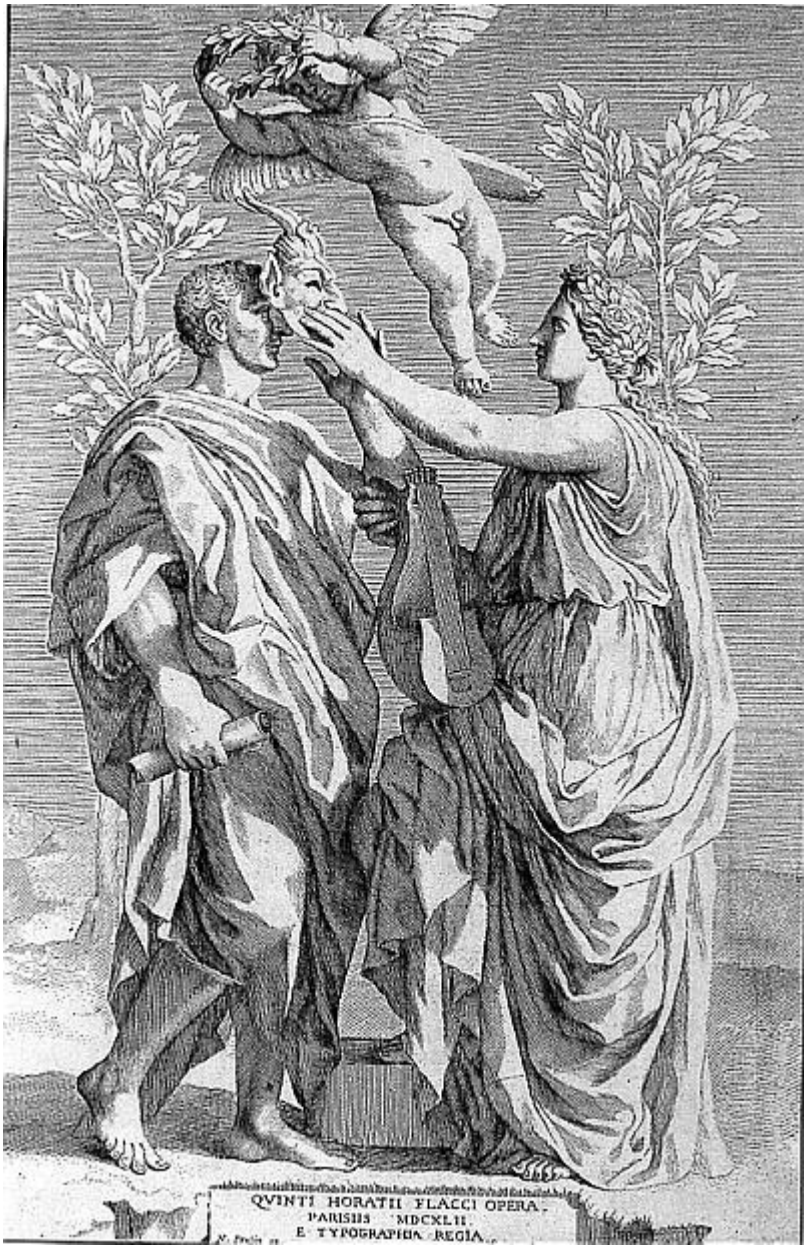
«Индейки — 77 штук, гуси — 64 штуки, утки 173 штуки, куры — 120 штук, яйца 1850 штук… Грибы белые 42 фунта, мед (белый и желтый) 6 пудов, масло коровье 4 пуда… Мука крупчатая 3 пуда 35 фунтов…»[224].

Вот и верь после этого сплетням А.Я. Булгакова, утверждавшего, что Юсупов из экономии «по трактирам шляется». А ведь сплетни эти переписываются и ныне из издания в издание.

Флор Л.А. Римская история. Лейден. 1655. Гравированный титульный лист. ГМУА.

Юсуповская кухня тщательно систематизировалась. Имелось несколько столов — мясной, молочный, рыбный, растительный, мучной. Блюда заказывались и расписывались на целый год вперед. Гастрономический календарь полностью соответствовал календарю Русской Православной церкви — строго соблюдались посты, а также дни, когда разрешалась рыба или только рыбная икра (был и такой день во время одного из длительных постов!), мясоед, сыропустная или мясопустная недели, всеми любимая Масленица[225].

В Рождественский и Великий посты для князя и его гостей повара готовили пищу из продуктов растительного происхождения — каши гречневая и овсяная на растительном масле, всевозможные блюда из белокочанной, савойской, цветной и капусты кольраби заменяли мясные блюда. В пост Николай Борисович также часто ел грибы — вареные, жареные, приправленные разнообразными соусами. Грибы признавались исключительно белые, трюфели и шампиньоны. Ни о каких опятах или сыроежках, теперь столь популярных, в те времена никто и слыхом не слыхивал.



Квинт Гораций Флакк. Фронтиспис. Париж. 1642. ГМУА.

Николай Борисович очень любил русские меды. В день Медового Спаса (1 августа старого стиля) для Его Сиятельства мед варился по особому рецепту — смешивалось несколько сортов меда, пряности, осетровый клей (заменявший, вероятно, желатин) и дрожжи.

Виноградные вина, французская водка и русские меды являлись на протяжении многих лет любимыми напитками

Юсупова. Меды же готовились обычно на специях («мед с гвоздикой»), и соблюдалась следующая недоступная нам теперь пропорция: на один пуд меда брался один фунт хмелю и дрожжей «на 20 копеек». Меды носили разнообразные названия в зависимости от сока ягод, который в них добавлялся для вкуса при варке, — вишневый, клюквенный, смородиновый, можжевеловый, красный, белый, малиновый. К напиткам обязательно подавались засахаренные или соленые фрукты. Ведь соленый арбуз в те времена в Москве не представлялся диковинкой[226].

Впрочем, соленьям князь, как истинно восточный человек предпочитал сладости, готовившиеся для него специалистом-кондитером. В ежедневный рацион Николая Борисовича входили: печенья и пирожные, десерты, сваренные из свежих плодов в патоке, с медом или сахаром, пастила разных сортов, леваши — сваренные в патоке, предварительно протертые сквозь сито ягодные смеси.

Творог, сливки, молоко, сметана, яйца, сыр, русское, чухонское и сливочное масла использовались для приготовления самых разнообразных блюд русской и французской кухни.

Обычным, как говорили обыденным, кушаньем считалась зернистая икра из осетра и белорыбицы, сдобренная винным соусом, перцем и накрошенным репчатым луком. Благо рыбы в угодьях Николая Борисовича водилось предостаточно, так что она вместе с раками подавалась на стол в продолжение почти целого полугодия. Любопытен один только перечень рыб — осетрина «шехонская и волжская, волжская белорыбица, семга, белозерские снятки, судак, форель, щука, окунь, линь» и так далее и тому подобное[227].

Вот что известно о любимых кушаньях Николая Борисовича. Это были острые мясные блюда, сдобренные пряностями, блюда из домашней птицы с маринадами, соленьями, лимоном и медовым взваром, который готовился из огуречного рассола, смешанного с медом и зверобоем, шалфеем, лавровым листом, имбирем и стручковым перцем. Из крупчатой муки для Николая Борисовича выпекались калачи в виде колец, подовые пироги из квасного теста. Обожал Юсупов и русские «кислые щи».

Существовали и специальные «зимние» блюда — рябчики, приправленные молоком и жаренные со сливами или другими плодами, тетерева и куропатки. К мясным блюдам и птице обычно подавались приправы, выращенные на собственных огородах, — репа шла к петушиным гребешкам, чеснок — к говядине и баранине, лук — к свинине. Не сходили со стола огурцы, перец, спаржа, горох, хрен, морковь, летний и зимний

салат, зелень, всевозможные коренья, горчица.

Можно сказать, что пища у Николая Борисовича подавалась всегда свежей, а потому и здоровой, особенно если не переедать. Разумеется, князь не являлся особым привередой — просто он строго блюл отечественные кулинарные традиции…

Сравнительно плохо питался Юсупов только во время своих многочисленных поездок — не всегда находились условия для хранения и приготовления свежих продуктов, тогда как домашняя его кухня по праву считалась превосходной и в немалой степени способствовала сохранению здоровья Его Сиятельства.

К сожалению, достоверных воспоминаний о том, что великий русский историк И.Е. Забелин называл «домашним бытом» князя Юсупова, его современники оставили совсем немного — понятно, что он предпочитал круг вельмож, а не середнячков-дворян, столь падких на сочинение многословных и обыкновенно малодостоверных мемуаров, а равно и на чужие бесплатные обеды. Поэтому кажутся достаточно любопытными воспоминания обыкновенного московского мальчугана… Сашеньки, будущего Александра Петровича Милюкова (1817–1897). Обычно их очень удачно сокращали в советских изданиях, так что текст читался как вполне обличительная, антифеодальная, можно сказать, даже «классовая» литература. На самом деле это бесхитростный рассказ двенадцатилетнего московского мальчика из небогатой мещанской семьи, который впервые попал в богатый городской дом именно к Николаю Борисовичу Юсупову.

Я с удовольствием прочитал воспоминания «Доброе старое время», изданные в 1872 году. Постаревший автор, сделавшийся на закате дней ярым демократом-западником, считал себя несостоявшимся членом революционного кружка Петрашевцев (не успел вступить) и сильно хлопотал о том, чтобы на примере князя Юсупова похоронить «старое доброе время», но сделать этого ему явно не удалось. Детский взгляд на вещи так и остался детским…

Надо заметить, что из всего обширного литературного наследия плодовитого писателя-демократа Милюкова только эти воспоминания (и то в отрывках) остались в читательской памяти и в переизданиях советского времени.

*«В училище трех-мучителей (Трехсвятительское училище у Красных ворот. — **А.Б.**) завязалась у меня первая дружба. Из трех десятков классных товарищей я сошелся особенно с Колей Соколовым, сыном главного управляющего князя Юсупова. Мальчик этот был двумя годами старше меня, но мы сходились с ним по степени развития и познания. Из всей классной толпы он один заметно выделялся своей богатой, хоть и испорченной натурой.*

Учился ондурно по небрежности, а шалил постоянно, не столько из потребности, сколько из кокетства перед товарищами. Последний в науке, Коля был первым в другом отношении: он отлично бегал на коньках, мастерски кричал перепелом, бойко чертил на классной доске карикатуры учителей и передразнивал их с кафедры. Разумеется, что эти таланты ценились в глазах товарищей гораздо выше классных успехов, и Колю все любили…

Коля жил с отцом своим в княжеском доме, у Харитонья-в-Огородниках. Мне хорошо памятен и этот дом, и его вельможный владелец. Князь принадлежал к остаткам тех последних могикан московского барства, которые мало помалу вымерли под наплывом новой жизни, как племя краснокожих американцев, и в настоящее время ждет уже своего Купера.

Дом Юсуповых поразил меня своим богатством и роскошью и оставил во мне глубокое впечатление. Обширные залы со штофными обоями, мраморными каминами и золоченой мебелью, обвешанные картинами, уставленные статуями, казались чертогами из волшебной сказки. В верхнем этаже широкая галерея вела в птичник, где на подставках и в привешенных к потолку кольцах качались серые попугаи, белые какаду и красные ара; а в клетках сидели золотые и серебряные фазаны, длинноносые пеликаны и пестрые инсепарабли. По другой галерее открывался переход в зимний сад с куртинами благоухающих цветов и с рядами дорожек, обставленных экзотическими деревьями и кустами и обведенных шпалерами из дикого винограда. В середине, над бассейном, поднимался высокий фонтан.

Когда я впоследствии читал «Руслана и Людмилу», то при описании волшебных садов Черномора невольно вспомнил оранжерею Юсупова, в то время как смотрел бывало сквозь ее кристальные стены на покрытые снегом дворы и улицы. Из зимнего сада был особый выход в княжеский театр, на котором мне и привелось видеть в первый раз сценическое представление.

Вечер этот навсегда остался у меня в памяти. Были святки. Коля приехал к нам утром и с позволения отца увез меня на целые сутки. У князя в этот день был парадный обед и вечерний спектакль. В сумерки вся улица и прилегающие к ней переулки были уставлены экипажами. В огромной кухне повара, точно белые привидения, толпились перед сияющей посудой, а по комнатам сновали взад и вперед сотни лакеев, в ливрее с княжескими гербами. В столовой зале, куда мы успели заглянуть во время самого обеда, говор гостей покрывался оркестром — и в блеске бесчисленных люстри жирандолей пестрели золотом расшитые мундиры и сверкающие бриллиантами головы и шеи. Отец Коли был в хлопотах, и мы его почти не видели; только вечером он

отвел нас в театр и поручил каким-то дамам.

Театр был уже освещен. Меня поразила невиданная еще картина. Чем-то сказочным казалась эта обширная зала, освещенная люстрой со множеством кенкетов, окаймленная тройным поясом лож, уставленная рядами кресел и замкнутая каким-то ландшафтом, в котором я еще не подозревал занавеса. В среднем поясе, прямо против этой живописной сцены, выделялась большая ложа, драпированная зеленым бархатом, над которым возвышался щит с княжеским гербом. Скоро ложи наполнялись роскошно одетыми женщинами, а ряды кресел исчезали под сплошной массой мундиров и фраков. Княжеская ложа была еще пуста. В зале носился глухой, сдержанный гул. Но вдруг все замолкло; мужчины встали и обратились к зеленой ложе: в ней показался князь. Это был невысокий седой старик во фраке со звездою.

*С ним вошло несколько мужчин и дам, из которых одна, как мне сказали, была танцовщица, управлявшая княжеским балетом. (Вероятно, это была Гюллень-Сор — **А.Б.**). Только что князь сел со своими гостями, загремел оркестр, и вскоре поднялся занавес. Давали балет «Зефир и Флора». Я в первый раз увидел театральную сцену и на ней посреди зелени и цветов толпу порхающих женщин в каких-то воздушных нарядах. Я не знал еще тогда, что весь персонал труппы — и музыканты в оркестре, и танцоры, и танцовщицы — были крепостные люди князя. Мне и в голову не приходило, что этот вельможа*

На крепостной балет согнал на многих фурах,

От матерей-отцов отторженных детей…

Я видел только, как сотни зрителей любовались танцами и дружно хлопали при появлении Флоры. Когда упал занавес, артистку позвали в княжескую ложу, где она выслушала что-то от своего властителя и поцеловала ему руку. Мне показалось это странным и неприличным.

— Как ей не стыдно? — сказал я Коле.

— А не поцелует, так, пожалуй, высекут, — отвечал он.

— Большую-то и такую хорошенькую?

— Да ведь она крепостная девка!

Это возмутило меня, и стали мне противны и этот великолепный князь, и его великолепный театр».

Театральным оказалось это возмущение престарелого Сашеньки. Вот как сложилась судьба «бедного Коли Соколова», бывшего, также как и «хорошенькая балерина», по происхождению крепостным князя Николая Борисовича. Он поступил в один год с автором воспоминаний в Московскую губернскую гимназию. *«В классных изданиях (рукописных), —*

вспоминал А.П. Милюков, — он обыкновенно помещал сцены из нашего учебного мира, где главную роль играл кто-нибудь из педагогов… Впоследствии он писал для театра, и водевили его с успехом давались на московской сцене». Действительно бедный «крепостной талант» с гимназическим образованием, который «в борьбе за народное дело… голову честно сложил» на подмостках Императорского театра[228].

Привычный ход домашней жизни князя Николая Борисовича весьма неожиданно прервался летом 1812 года. Граф Л.Н. Толстой писал об этом времени в «Войне и мире»: «Все были недовольны общим ходом военных дел в русской армии; но об опасности нашествия в русские губернии никто и не думал, никто и не предполагал, чтобы война могла быть перенесена далее западных польских границ».

По заведенному с 1811 года порядку, Николай Борисович в конце весны приснопамятного 1812 года с установлением относительно теплой погоды отправился в Архангельское, ставшее за короткий срок его любимым местом пребывания. (Со дня покупки имения тем летом едва минуло два года.) По началу ничто не смущало сельские досуги князя. Даже переход наполеоновских войск через Неман не вызвал у Юсупова особого беспокойства, как, впрочем, и у большинства населения внутренних губерний России.

На отдыхе князь продолжал заниматься хозяйственными делами, а их на 1812 год оказалось намечено немало. К 1 июня полагалось выплатить 128 тысяч рублей по кредитам, собрать 23 тысячи недоимок за минувший год. Кроме того, Юсупов вел ремонтные и строительные работы в Большом Московском доме на Хомутовке, в подмосковных вотчинах, особенно в Архангельском, тратя на это значительные средства. Усиленно шла отделка Большого усадебного дома. Производились работы и в «саду» — в усадебном парке, которые вели 19 садовников.

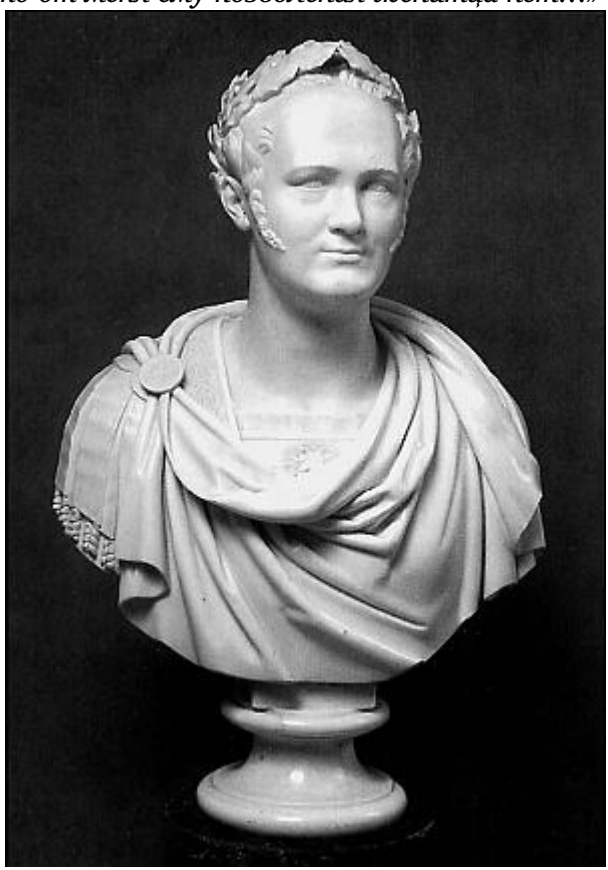
М.И. Теребенев. «Наполеон продает с молотка похищенные им антики». 1813–1814 гг. Акварель. ГТГ.

Николай Борисович — тонкий эстет и ценитель прекрасного — создавал в том же году сеть «купавинских» магазинов в Москве и Петербурге для реализации шелка и сукна производства собственных фабрик. Товаров предполагалось продать на 50 тысяч. Для улучшения качества товара предстояло оснастить новым оборудованием две фабрики — в Спасском и Купавне, а также увеличить изготовление сукон на ряде других фабрик на 12 тысяч аршин в год.

Кроме того, ждали засуху в 6 губерниях России, в которых у Николая Борисовича имелось 26 вотчин с населением порядка 20 тысяч крепостных крестьян, и к этому бедствию предстояло заранее готовиться — устраивать «запасные магазины» и так

далее. Еще предстояло судиться с яицкими казаками, претендовавшими на астраханские рыбные владения князя Юсупова. Неотложных дел скопилось много, а тут император французов без всякого приглашения жалует в гости…

Николай Борисович обыкновенно посвящал первую половину дня деловым занятиям, — в том числе и самым мелочным. В июне князь справил свадьбы двум крепостным парам — музыкантам Лариону Голубеву с горничной Натальей Алексеевой и Екиму Бойкову с дворовой девушкой Авдотьей Афанасьевой. Николай Борисович приказал сшить для женихов фрак, жилет и панталоны. Невесты получили по 30 рублей в приданое. 1 июля 1812 года Юсупов отписал в Московскую домовую канцелярию И.М. Щедрину. *«Иван Щедрин! Села Спасского столяр Сергей Нестеров просил у меня позволения женитца на девке Фекле Николаевой, то узнай хорошенько о его поведении. Ежели он хорошего поведения, то я ему позволю, но ежели дурного он поведения, то от меня ему позволения женитца нет…»*[229].



Мастерская Трискорни. Портрет императора Александра I. 1820-е гг. ГМУА.

В июне же Юсупов купил у князя Дмитрия Николаевича Голицына за 5 с половиной тысяч рублей 18 ревизских душ, составлявших 5 крестьянских семей. В их числе была семья Ивана Новикова, ставшего родоначальником целой династии крепостных художников князя.

В Архангельском в летнее время Николая Борисовича обслуживал приличный штат людей — дворни, состоявшей из 217 человек. Среди них — княжеский оркестр из 28 музыкантов, а также 8 крепостных танцовщиц от 14 до 20 лет, которых в документах именовали просто «девушками». Вместе с Юсуповым в Архангельское на лето перевозилась часть его знаменитой библиотеки, которой тогда заведовал француз Бенуа.

Х.Д. Раух. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1820-е гг. ГМУА.

2 июля 1812 года Николай Борисович, как и во все иные года, начал заниматься зимними заготовками. Его Сиятельство, по традиции, входил во все подробности варки варенья. *«Иван Щедрин! — писал он в Москву. — Прикажи прислать из Спасского, также из Васильевского из садов разные фрукты, ягоды, коренья и*

зелень разною в село Архангельское… А фрукты будут присылать для варения, то припиши, что прислали не очень спелые…»[230].

Вместе с тем Юсупов никогда не был так прост и наивен, как иной раз хотел казаться. В его архиве В.И. Иванова нашла клочок бумаги, написанный на русском языке собственной рукой князя. Вероятно, он не хотел, чтобы раньше времени начиналась паника, поэтому столь важное указание написал собственноручно и оно не получило традиционного исходящего или входящего номера княжеской канцелярии. Николай Борисович, как помнит читатель, русской грамоте учился в середине 18-го столетия от простого дьячка, потому и писал кириллицей, а вовсе не гладким гражданским шрифтом, допуская при этом немало ошибок в правописании, с уверенностью придерживаясь принципа — как слышится, так и пишется, золотая мечта всякого изучающего или реформирующего русский язык. В то время не существовало установленных правил письменной речи, почему и допускалось двойное написание, столь приятное князю и формально за ошибки не считавшиеся.

«Иван Щедрин! Прочти нижегородские бумаги и напиши ответ к князю Грузинскому и попроси его разузнать, у кого из нижегородских крестьян есть подержанная расшива.

Князь Юсуповъ

Июня 26 числа

Село Архангельское»[231].

Расшива — старинное плоскодонное судно, на котором обыкновенно плавали по Волге. С его помощью Николай Борисович собирался в случае надобности добраться до Астраханских своих вотчин, как он, вероятно, поступал во время деловых путешествий туда.

Случай не заставил себя ждать, а Юсупов показал себя при этом хозяином рачительным и предусмотрительным, в отличие от очень многих московских и провинциальных дворян, которых война застала у разбитого корыта. Скорее всего, нашествие наполеоновских орд на Россию оказалось и не таким уж неожиданным для хитрого и прозорливого князя? Как знать…

Также князь в короткое время смог решить проблемы сохранения собственного хозяйства. Удалось припрятать или вывезти многие принадлежавшие Николаю Борисовичу ценности. 31 августа 1812 года, за день до вступления в Белокаменную Наполеона, покинул Москву и сам Юсупов. Лошади в это суровое время ценились едва не на вес золота, и потому Николаю Борисовичу пришлось заранее подготовить специальный план получения лошадей у крестьян собственных подмосковных

вотчин.

«За сведения дать крестьянам сию записку, как я расположил станции на своих ехать

А ИМЯННО.

Из Москвы до Братовщины 33 версты повезут свои — 9

Из Братовщины до Троице — 9

От Троицы до Лисова первую станцию везти архангельским — 9

От Лисова до Переславля — спасские — 9

От Переславля до Петрова и от Петрова до Ростова по девять лошадей труневские — 18

Всего 54 лошади»[232].

Понятно, что Москву Юсупов покинул не один. С ним выехало 140 человек дворовых и ревизских крестьян. Немаловажная и весьма характерная для того времени деталь. «По приказанию Его Сиятельства куплено топоров 140 на 189 рублей» — гласит расходная книга. Каждый из сопровождавших князя крестьян получил по топору — важному орудию самообороны от лихих людей, как-то неожиданно появившихся на дорогах войны. Для пропитания же дворовых куплено было 5 баранов. Это количество считалось достаточным с учетом того, что проезжали все-таки через собственные вотчины князя, где сопровождавшие получали бесплатный обед ценою в 20 копеек. За эти расходы крестьяне потом долго пытались получить возмещение от княжеской канцелярии[233].

Беспристрастные приходно-расходные книги в конце 1812 года, уже по освобождении Москвы от Наполеона, зафиксировали прямые суммы расходов Юсупова, затраченных на «встречу» в России великого императора французов.

«При отправлении из Москву в Романов и Нижний куплено лошадей на 1.396 руб. 17 ко, збруи на 343 руб. 2 ко, на увязку и обертку ящиков веревок и циновок на 566 руб. 5 ко, на продовольствие людей и корм лошадей в дороге выдано 3511 руб., вольному извозчику 646 руб. 50 ко. Итого 6.462 руб. 74 ко… да при отправлении из Романова в Москву 3-х пар волов куплены дровни — 42 руб., в дорогу выдано на пищу людям и корм волов 76 руб. Итого 118 руб.»[234]. Эвакуация ценностей и отъезд Николая Борисовича обошлись княжеской казне в весьма кругленькую сумму — 6570 руб. 74 копейки.

Вместе с Николаем Борисовичем покинули Москву и подмосковные вотчины его ближайшие советники. Управляющий Московской домовой канцелярией И.М. Щедрин добрался только до деревни Демешково в окрестностях Романова; он тяжело болел и не смог приехать к Юсупову в Астрахань. В конце ноября 1812

года Щедрин вернулся в сожженную неприятелем Москву. Управляющий Купавинской фабрикой

Неизв. художник. «Пожар Москвы в 1812 г». 1810 гг. Гравюра. ГМП.

И. Матвеев выехал в город Кириллов. В Московском доме оставлен был доверенный писарь Петр Курочкин, который и в дальнейшем продолжал служить у Юсупова. В Купавне же управлялся, надо сказать не особенно удачно, комиссионер в чине губернского секретаря — Илья Иванович Мокроусов.

В Архангельском оставался садовник И.С. Дерусий — вероятно, в надежде на то, что французы не посмеют напасть на своего соплеменника. Действительно, французы вели себя относительно пристойно — сложнее оказалось сладить с архангельскими крестьянами, почитавшими себя после нашествия Наполеона свободными от барской воли и опеки[235].

Николай Борисович проявлял заботу о тех, с кем был связан теми или иными деловыми отношениями. Перед тем как покинуть Москву, он распорядился выдать жалованье всем вольнонаемным мастерам и служителям своих фабрик и имений. Дворовые люди тоже получили жалованье и харчевые, а ведь лишних денег в княжеской казне тогда явно не наблюдалось. Факт, что называется, говорящий сам за себя.

А.И. Иванов. «Барка братьев Чернецовых на Волге в Костромской губернии». 1841. ГРМ.

14 сентября 1812 года Юсупов прибыл в Нижний Новгород, ставший в ту пору своеобразным филиалом Москвы, «третьей столицей». Именно здесь намеревались пережить зиму многие москвичи, бежавшие от наполеоновского нашествия. Николай Борисович в Нижнем не задержался — неподалеку, на правом берегу Волги у него имелась вотчина — село Безводное, хотя и в городе для князя заблаговременно был нанят дом титулярного советника Мальчуковского. В Безводном тогда проживало 946 душ. Крестьяне находились на оброке, жили не богато, но и не бедно. Многих кормили промыслы, в том числе и отхожие. Вотчина эта числилась среди важных «кормилиц» и самого Николая Борисовича. Ежегодно отсюда поступало порядка 20 тысяч оброчных рублей, что в иные года составляло без малого 30 % годового дохода московской канцелярии. Один крестьянский двор платил в год 65–70 рублей[236].

В Астрахань Николай Борисович отправился водным путем. В документах сказано, что «за купленные на своз в Астрахань клажи судно (расшива у великоврацкого крестьянина Мартына Абрамова) и лодку (куплена у крестьянина Михайлы Колмина) — 1428 рублей». Для «згонки судна с клажей в Астрахань» нанята была ватага бурлаков числом в 25 человек. Путь по великой русской реке начался 20 сентября и закончился в 20-х числах октября[237].

О.А. Кипренский. «Портрет графа Ф.В. Ростопчина в старости». Из собрания члена клуба Ф.Ф. Вигеля. Научн. библиотека МГУ.

Некоторое представление о княжеском путешествии можно составить по картинам и рисункам, исполненным во время экспедиции по Волге в 1840-е годы художниками — братьями Чернецовыми. К Юсуповым они имеют некоторое отношение. Супруга князя в тайне от «художественного» общества дала денег на осуществление проекта создания грандиозного живописного «портрета Волги». До этого времени русским художникам как-то больше рекомендовалось писать виды Италии. Конечно, барка, на которой художники плыли по Волге, оказалась много скромнее княжеской «расшивы», но Волга и ее пейзажи за прошедшие со времен войны 1812 года 30 лет поменялись не слишком заметно. В Италии братья прожили также немало времени. Здесь они создали много городских пейзажей и морских видов, которые предстают перед читателем в качестве иллюстраций к рассказу о заграничном путешествии князя.

О пребывании Николая Борисовича в астраханской глуши сведений сохранилось совсем немного. Так, известно, что вместо

управляющего из Ракитной приехал к Юсупову с деньгами управляющий Никольской суконной фабрикой Андрей Алексеевич Агеев, ставший вскоре, в июле 1813 года, главноуправляющим Московской домовой канцелярией Николая Борисовича, близким и доверенным человеком князя[238].

Газеты и почта до Астрахани в те времена доходили неспоро. Нескоро появлялись и сведения о военных действиях, о судьбе Москвы. Николай Борисович беспокоился о своих предприятиях и поместьях. 7 ноября 1812 года Юсупов дал «Билет» своему крепостному Степану Федорову Окуневу, в котором ему в обязанность вменялось «справиться от управляющего Щедрина, целы ли вещи, спрятанные в Васильевском, в Архангельском, в Спасском. И если неприятели вышли из сих мест, то чтобы оной вернули и реестр мне прислали, также что в домах находится и что пропало»[239].

Николай Борисович пытался получить сведения и из более надежных источников. Он писал к разным своим великосветским знакомым. Среди первых откликнулась великая княжна Екатерина Павловна. Ее письмо датировано 3 ноября. *«Вы пишете, что не имеете никакого известия из Москвы, почему я и препровождаю к вам прилагаемую записку. Достоверно известно, что неприятели отступают на всех пунктах. Преданная Вам Екатерина»*[240]. Писал к Юсупову и московский главнокомандующий, его одноклубник граф Федор Васильевич Ростопчин, которого Наполеон называл «поджигателем Москвы».

«Астраханское затворничество», надо полагать, пустым не стало. Юсупов занимался юридическими делами своей южной вотчины, что по обстоятельствам военного времени представлялось несколько затруднительным, а также вполне земными проблемами развития овцеводства в этом благодатном крае. Овце, по мысли князя, надлежало кормить не одних только англичан.

Сохранилась еще одна такая миленькая подробность княжеской жизни той поры — во время бегства от французов Юсупова сопровождала француженка же — мадам Денос, на прогоны и путевые издержки которой оказалось истрачено 275 рублей. Эту даму, как помнит читатель, Николай Борисович вывез из последнего заграничного путешествия. В путешествии же по астраханским степям следы ее теряются — дама представляла собой существо далеко не симпатичное, и расстались с нею без особого сожаления.

Надо отдать должное Юсупову. При самых тяжелых

политических и жизненных обстоятельствах он никогда не упускал случая лишний раз побеспокоиться о своих доходах, особенно когда знал, что производимая на его предприятиях продукция не только пользуется спросом на рынке, но и необходима для укрепления обороноспособности страны.

Без труда можно представить себе такую картину. Конец лета 1812 года. В московском доме у Харитонья идут лихорадочные сборы, громадные княжеские коллекции рассовывают по неприметным углам или упаковывают, а сиятельный князь тем временем диктует секретарю, можно сказать, просительное письмо к своему управляющему в Ракитянскую канцелярию И.М. Щербакову, главный мотив которого — «не подведи, родимый, и я тебя не забуду».

«Государь мой Иван Матвеевич!

Писал я к вам… дабы вы имевшуюся в готовности селитру отправляли куда следует к сдаче и за оную деньги требовали, о чем ныне вам подтверждаю о скорейшем отправлении и поспешите как можно скорее сдать, ибо казна в селитре имеет нужду.

Также дайте мне знать, сколько за расходом как по Ракитной, так и по Ряшкам и оставя такую же сумму денег, какую вы в нынешнем году употребили на покупку шерсти, затем, что останется денег к 1-ому Генваря 1813-го года, по первой почте дайте мне знать.

Избегая все расчеты, которые вас затруднят для получения вам мне прибыли, то я рассудил: к вашему от меня прежде всего получаемому содержанию на нынешний год прибавить две тысячи рублей. Надеюсь, что сие от меня доказательство моей благодарности за ваши труды, что и вы с вашей стороны прибавите старания, чтобы все статьи экономии вы неусыпно блюли… Прикажите, чтобы как фабрики, так и хлебопашество приведено будет в самом лучшем состоянии и как нынешним летом много сена, то откармливая волов, которых после пустить в продажу, мне выгоднее будет, нежели сено продавать сгонщикам; однакож сие отдаю на ваше усмотрение.

Старание приложите как ныне урожай, чтобы взятой хлеб заимообразно крестьянами возвращен был в экономию…»[241].

Нет сомнений в том, что Юсупов всегда оставался тонким психологом. После получения от барина столь лестного послания трудно не начать работать с утроенной силой. Между тем последняя фраза письма характеризует Юсупова — «ярого крепостника», как полагалось выражаться экономистам-марксистам, в качестве рачительного хозяина. Заботясь о производителе, в случае неурожая крестьянам из барских запасов выдавался в долг хлеб. Сытый крестьянин, оказывается,

представлялся полезнее барину, нежели голодный люмпен. Князь Юсупов понимал это задолго до возникновения марксизма, хотя, разумеется, до совхозов дело в его вотчинах не доходило. Князь просто заботился о кормившем его человеке, — почти всегда.

Надо полагать, не о себе одном думал в это время Николай Борисович. В продукции его фабрик очень нуждалась русская армия — во время походов и боевых действий мундиры и шинели не особенно жалели. Да и как их было защитить от пуль и штыков неприятеля. Между прочим, если бы и Наполеон хотя бы слегка уподобился князю Юсупову и хоть немного подумал о производстве и поставке каразеи и сукна, то его «Великая армия», глядишь, не замерзла бы на бескрайних русских просторах. А так, по гениальной мысли Бонапарта, его солдатам и офицерам приходилось кутаться в теплые платки, отобранные у русских баб. Понятно, что на всех платков не хватало. При переходе через пограничную реку Березину на Рождество 1812 года от «Великой армии» Наполеона осталась лишь жалкая горстка людей.

Возвращение в Москву принесло немного радости старому князю. Казалось бы, разоренные неприятелем и собственными крепостными крестьянами владения любого могли ввести в уныние. Однако вместо плачей и стонов Николай Борисович с утроенной энергией взялся обустраивать заново собственное обширное хозяйство, которое ценой больших усилий князя вскоре возродилось в новом блеске. Удалось значительно обновить и модернизировать фабричное оборудование, хотя производство процветало и до французского нашествия и какое-то время могло действовать со старыми машинами.

Между тем один весьма сомнительный современный сочинитель историй из жизни Юсупова утверждал, что будто бы сам Наполеон лично приказал охранять московский дом Николая Борисовича от разграбления! Он же сообщил «стране и миру», что и Архангельское в наполеоновское нашествие не пострадало. Документов в подтверждение своих слов, как водится, привести забыл. Эти же сведения недавно удалось прочитать мне и во «всемирной паутине». Бедный Юсупов, наверное, не единожды перевернулся в гробу после таких измышлений. На самом деле его имения и фабрики оказались разграблены, а сохранилось только то, спасение чего организовал сам князь. Документы Юсуповского архива подтверждают сохранность преимущественно спрятанного имущества, но что документы, когда хочется, чтоб все представлялось иначе, в «новом свете»…

Возвратившись из Астрахани в Первопрестольную, князь

Юсупов вновь стал работать как часы, методично и точно, заставляя, подобно главной часовой пружине, двигаться весь обширный механизм своих многочисленных вотчинных контор и производств, предпринимая срочные меры к восстановлению порушенного неприятелем хозяйства. Ведь не случайно среди княжеских заводов имелся и часовой…

Предпринятые Николаем Борисовичем перед пришествием французов экстренные меры для эвакуации художественных коллекций и библиотеки дали хороший результат, тогда как вообще в Москве безвозвратно погибло множество уникальных собраний. Достаточно назвать коллекцию графа А.И. Мусина-Пушкина на Разгуляе. Дом располагался в восточной части города, в бывшей Басманной слободе, совсем неподалеку от Юсуповского дворца в Огородниках. Однако обстоятельства и поведение слуг графа Мусина-Пушкина оказались таковыми, что в результате мировая культура утратила уникальную рукопись «Слова о полку Игореве» и множество других не менее редкостных памятников древнерусской литературы, которые не были подготовлены владельцем к публикации, в отличие от «Слова…». Такая же печальная участь постигла и другие, весьма многочисленные мелкие и средние московские собрания. Между тем известно, что перед Отечественной войной 1812 года именно в Москве в частных руках оказалось сосредоточено наибольшее число выдающихся картинных галерей и библиотек.

Главный московский дом Юсуповых на Хомутовке от великого московского пожара не пострадал. Надежными оказались и тайники в подмосковных имениях, и крепостные, не выдавшие захватчикам барских сокровищ.

Как ни странно, но более всего пострадало Архангельское. Причиной тому оказалась «французская зараза», привитая на русской почве, а отнюдь не «цивилизованные» французы. Наполеон и его окружение перед нашествием на Россию неплохо представляли истинное положение и психологию русских крепостных крестьян, поэтому справедливо считали большинство из них своими возможными союзниками в борьбе с царем Александром I. В крестьянской среде французами велась активная пропаганда «гнилого западного образа жизни» и всякого рода «общечеловеческих ценностей». Вот почему после изгнания Наполеона князю Юсупову пришлось читать в донесении от 31 октября 1812 года крепостного архитектора В.Я. Стрижакова такие слова о состоянии усадьбы. «Во многих рамах стекла перебиты, а иные двери и рамы изломаны, полы во многих комнатах подняты, словом сказать, как войти в дом и взглянуть на все с чувством, то надобно ужаснуться. Кожевенный завод весь

разорен, и попа с дьячком совсем разорили, однакож не французы, а воронковские мужики».

20 декабря 1812 года уже управляющий усадьбы доносил князю, что *«в бытность французов крестьяне воронковские и ивановские как в Большом доме, так и в прочих местах, все били, ломали… что можно видеть из посланной при сем ведомости. А по прошествии французов все крестьяне, как-то: захаровские, раздоровские, воронковские и ивановские, соединясь вместе, забунтовали и говорили, что они не господские, а завоеванные. Потом господский хлеб… разделили между собою, а дворовых людей всех оставили без хлеба».* К Донесению приложена специальная «Ведомость об испорченных в 1812 г. вещах», из которой можно узнать, что, например, *«у мраморной группы «Амур и Психея» отбиты руки; поломаны — китайские ширмы, биллиард, гусли, а из библиотеки унесено семь шкафов красного дерева».*

И.Л. Ругендас. «Пожар Москвы в 1812 году». Гравюра. ГМП.

Крестьяне постарались разворовать не только помещичьи запасы. Воронковские мужики принялись громить кожевенный завод. Не отстали и бабы, выказавшие свою «любовь» к прекрасному. *«Большие самые картины попорчены, у одной, что в столовой, угол оторван на аршин, а иные картины употреблены в дело, бабы в котлах отпаривали краску и шили мешки… Зеркала в золотых трюмах перебиты в мелкие части»,* — сообщалось князю. Из этого документа становится понятно, что далеко не все громадное художественное собрание князя удалось эвакуировать,

а только самые ценные вещи[242].

Наполеоновские солдаты, лишь скромно поднимавшие полы в усадебных постройках в поисках спрятанных сокровищ да бившие от досады «итальянские» окна, кажутся на самом деле вполне невинными «освободителями» рядом с революционно настроенными барскими крестьянами.

Николаю Борисовичу больших трудов стоило фактически заново наладить работы в Архангельском и усмирить «подданных». Уже в конце 1813 года крепостные особы, еще недавно вываривавшие на мешки художественные полотна европейских мастеров, мирно взялись за чесание козьего пуха, что стало приносить Юсупову вполне ощутимый доход[243].

Шмидт с оригинала Х.-И Олдендорфа. Пожар Москвы в сентябре 1812 г. Первая четверть XIX в.

Николаю Борисовичу пришлось восстанавливать не одно Архангельское. Так, полному разгрому подверглась Купавинская фабрика, другие имения и фабричные производства Юсупова. Любопытно, что в донесениях о погромах повсеместно отмечалась главенствующая роль отнюдь не французов, которые не могли унести с собой фабричных станков или готовый товар, а «своих», собственных рабочих или жителей ближайших окрестностей. Эта страсть к погромам, к желанию незаконно завладеть чужим имуществом вообще очень ярко проявилась во время событий 1812 года. Не случайно говорили — кому война, кому — мать родна. Погромная традиция вообще оказалась очень живуча…

К восстановительным работам в Архангельском по княжескому приказанию оказался привлечен талантливый крепостной архитектор Василий Яковлевич Стрижаков. До 1819 года он руководил всем строительством в усадьбе. В соавторстве с многочисленными профессиональными московскими зодчими, а частью и по собственным проектам, он в короткий срок закончил восстановление и частичную достройку великолепного усадебного ансамбля. Василий Яковлевич обладал редкостной энергией и работоспособностью, чем вовсе не отличались его последователи. Увы, полное окончание работ в Архангельском почти совпало с ранней смертью крепостного мастера от традиционного тогда туберкулеза.

Ф. Фламенг пишет портрет З.Н. Юсуповой в парке Архангельского. Фотография. ГМУА.

Стрижаков работал в усадьбе буквально не покладая рук, успевал везде, за всем наблюдал и все контролировал. Зимой архитектор готовил проекты будущих сооружений, летом занимался непосредственно строительством (до революции в России было так холодно, что зимний строительный сезон не существовал). Василий Яковлевич выполнял и самостоятельные архитектурные работы. Главное, что сделал Стрижаков в Архангельском, — соорудил бельведер над большим домом, тем самым существенно обогатив, если не коренным образом изменив первоначальный проект француза Де Герна.

Праздник в усадьбе Архангельское. Фотография начала 1900-х гг. ГМУА.

Создав себе «надежный тыл», упорядочив и восстановив после неприятельского нашествия свое крепостное и домашнее хозяйство, князь Николай Борисович одновременно с этим мог с чистой совестью вновь заняться государственной службой. Достойное князя место «открылось» вскоре после его возвращения из «Астраханского сидения».

«Портрет князя Юсупова Н.Б.». Гравюра Е. Скотникова. 1816. ГМП.

Глава 4
На службе Отечеству. Кремлевские куранты

Пожар способствовал ей
много к украшенью.

А.С. Грибоедов.
«Горе от ума»

Для того чтобы рассказать о возобновлении государственной службы Николая Борисовича необходимо вернуться несколько назад, к началу лета 1812 года, когда еще немногое предвещало скорую войну.

Князь Николай Борисович знал толк в хитросплетениях международной политики. Зато в военном деле он разбирался явно слабовато и подобно большинству москвичей вовсе не предполагал, что неприятель когда-нибудь может дойти до «сердца России» — Москвы. После Аустерлица в русском обществе вообще преобладало мнение, что воевать с Наполеоном нельзя, что «корсиканское чудовище» нужно усыплять и всячески умиротворять. Князь, в отличие от многих, хорошо знал, что русская армия еще не готова к отражению неприятельского нашествия, что она нуждается в пополнении людьми, вооружением и даже амуницией.

Николай Борисович состоял в дальнем родстве с выдающимся русским полководцем князем П.И. Багратионом, командовавшим одной из двух русских армий на первом этапе Отечественной войны. Юсупов очень тепло относился к не очень счастливому в личной жизни грузинскому князю, высоко ценил его полководческий дар. Может быть, эта характерная черточка Юсупова-человека не имеет прямого отношения к истории войны 1812 года, но кажется мне, что забывать о ней едва ли следует.

Дж. Доу. «Портрет князя П. Багратиона». Военная галерея Зимнего дворца.

Николай Борисович в начале 1800-х годов, когда собственное его финансовое положение складывалось далеко не самым блестящим образом, тем не менее приказывал своей Московской Канцелярии «непременно выдавать деньги в долг при любом обращении» только одному человеку — своему соклубнику по Московскому Английскому клубу — князю Петру Ивановичу Багратиону.

Князь Юсупов, скорее всего, присутствовал на торжественном обеде, которым почтил Английский клуб выдающегося полководца и во время которого Старшины клуба присвоили Багратиону звание почетного члена. Такая неожиданная щедрость при выдаче денег в долг проявлялась князем отнюдь не из-за клубной солидарности. Багратион, как известно, был очень несчастен в браке. К тому же он был беден, хотя и принадлежал к грузинскому царскому роду. Вот эти два обстоятельства, а равно и отдаленное родство с выдающимся полководцем по линии его

жены, через собственных сестер, заставляли Юсупова оказывать Петру Ивановичу помощь. И вот еще одна, казалось бы, уж совсем малозначительная черточка, характеризующая Юсупова как очень деликатного человека, — дабы не стеснять Багратиона личным к нему обращением, а в частной жизни храбрый воин Петр Иванович оставался очень застенчив, Николай Борисович отдал приказание своей Конторе исполнять любое денежное требование полководца непосредственно, без княжеской резолюции. Понятно, что обращаться к обычному приказчику, зачастую бывшему крепостному холопу, дворянину значительно проще, нежели к равному себе человеку. Этот факт открывает перед нами Юсупова — человека не только доброго, но и очень деликатного.

Во время Бородинского сражения Багратион получил серьезное, но не смертельное ранение. Если бы он дал согласие на ампутацию ноги, то все могло бы обойтись, но грузинская княжеская гордость… По возвращении из «астраханского сидения» Юсупов оплакал «родню и друга».

Официальное возвращение князя Николая Борисовича Юсупова на государственную службу произошло в пору, когда Отечество находилось в опасности. В июле 1812 года стало ясно, что дело не обойдется малой кровью — война затягивалась, военные действия постепенно переносились вглубь страны. Император Александр I вынужден был приехать в Москву, дабы обратиться к дворянству, купечеству и иным сословиям с просьбой о помощи в борьбе с врагом. В первопрестольной в это время проживало немало людей, недовольных политикой императора и его друзей — «младореформаторов». Среди недовольных заметной фигурой в обществе почитался и Николай Борисович, хотя внешнего повода он к тому и не давал — всем и так все было ясно. Однако в момент, когда страна оказалась у опасной черты, забывались все старые обиды.

Одним из центров формирования патриотического общественного мнения москвичей стал Московский Английский клуб. Патриотизм жителей города выразился не только словами, но и делами. Многие члены клуба пожертвовали на нужды русской армии значительные средства или оснащали за свой счет амуницией и всем необходимым по несколько солдат или ополченцев. Подобно многим другим губерниям России, в Москве началось формирование народного ополчения, куда в качестве добровольцев также записывались члены клуба. Пьер Безухов — литературный герой «Войны и мира», которого московская молва почему-то поселила на Тверской именно в будущем доме Московского Английского клуба, тогда принадлежавшем супругам Разумовским, тоже принял участите в подготовке к

обороне города.

Юсупов — опытный администратор и хороший организатор, вновь смог применить свои таланты на пользу России. Фактически по собственной инициативе он вернулся на государственную службу, перешагнув через возможные личные обиды. В той сложной обстановке богатый и немолодой человек, подобно многим другим дворянам, вполне мог бы отсидеться в собственной дальней деревне, но не таким оказался князь-патриот.

С 12 по 26 июля 1812 года Николай Борисович находился в Москве, куда как раз приехал император Александр I, обнародовавший свой Манифест «О наборе в военное ополчение, об организации отрядов обороны, о разгроме наполеоновских войск». Царь пригласил к себе Юсупова — первого из московских вельмож той поры, и просил его участвовать в работах по организации Московского ополчения.

25 июля во второй столице начал действовать «Первый Комитет по вооружению Московских войск». Николай Борисович пожертвовал на его работу 10 тысяч рублей — очень значительную по тем временам сумму. 14 августа 1812 года Комитет утвержден императорским указом, дополненным решением и о создании «Второго комитета по снабжению Московских войск продовольствием».

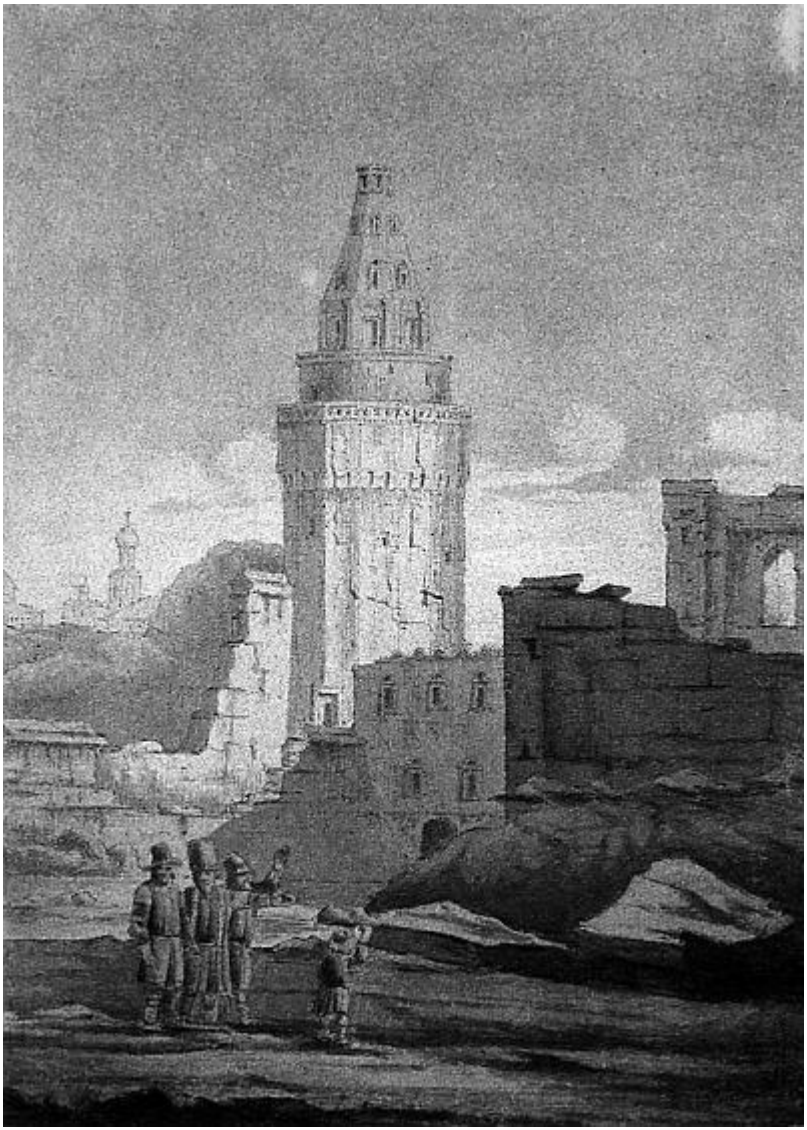
«… Указ Нашему Сенату

В Комитетах, установленных 14-го числа его месяца по докладу о собрании и вооружении Московской Военной силы, Повелеваем:

— в первом быть генералам от Инфантерии Архарову и Обольянинову и генералу от Кавалерии Апраксину;

— а во втором Действительному Тайному Советнику Князю Юсупову.

На подлинном подписано собственною его Императорского Величества рукою тако: Александр»[244].



Ж.М. Риддер. «Вид Собакиной башни и здания приказов после пожара и взрыва 1812 года». 1814. Тушь. ГМП.

В семидневный срок Комитету предстояло закончить сбор воинов с оружием и всею надлежащей амуницией. Добровольцы из дворян записывались в офицеры ополчения, названного позднее народным. Задачи, возложенные на Комитет, который возглавлял Юсупов, оказались без промедлений выполнены. Николай Борисович смог спокойно выехать в эвакуацию.

Зиму 1813 года князь Юсупов провел в Астрахани. Только полковнику Скалозубу, жениху Софьи Фамусовой из «Горя от

ума», да, наверное, самому Александру Сергеевичу Грибоедову могло показаться, что великий московский пожар 1812 года так «способствовал … много к украшенью» второй столицы Российской империи. После оставления ордами французов, Москва лежала в руинах, — Наполеон перед уходом из города безжалостно приказал взорвать лучшие московские здания, особенно в Кремле. Взрывчатка была положена даже в основание колокольни Ивана Великого, с которой захватчики сорвали крест. К счастью, наполеоновским варварам удалось уничтожить далеко не все.

Жизнь в городе налаживалась очень медленно, большими трудами. Многое предстояло восстанавливать заново, многое менять и благоустраивать. А вот опытных «благоустроителей», опытных чиновников-организаторов, хороших хозяйственников, которые могли бы заниматься преобразованием не только на бумаге, но и на деле, в чиновничьей среде второй столицы имелось совсем немного. Одним из немногих оказался Николай Борисович Юсупов, признанный авторитет в области организации разнообразных крупномасштабных работ. Как раз он-то весьма и весьма «способствовал к украшенью» второй столицы после бегства из нее Наполеона. Хотя некоторые завистники воспринимали его уже исключительно в качестве дряхлого старика.

На первый взгляд кажется, что старому князю император Александр I доверил весьма скромный участок работы. На самом деле Николаю Борисовичу пришлось фактически возглавить весь строительный комплекс второй столицы, хотя юридически он отвечал только за восстановление Московского Кремля и его ближайших окрестностей, столь сильно пострадавших от «цивилизованных» французов. Новая должность князя носила весьма торжественное наименование — Директор. В 1814 году умер П.А. Валуев, и на его место Директора Кремлевской Экспедиции строений и Оружейной палаты был назначен Юсупов.

До конца дней князь продолжал служить в Кремле; как и подобает государственному чиновнику, почти ежедневно ездил в присутствие, где находился по несколько часов. Николай Борисович вникал во многие служебные проблемы, иной раз довольно мелкие. Много внимания и сил положил он на помощь своим подчиненным — «выбивал» для них «из Петербурга» чины, награды и пенсии. Сделать это было далеко не так просто. Ведь тогда на Москву из Петербурга смотрели как на провинциальную дыру, «бывшую столицу с судьбой губернского города».

Те москвичи, которым от Юсупова подарков и благодеяний не

доставалось, смотрели на все его труды косо и распространяли об этом по городу самые невероятные слухи. Свидетельством тому уже не раз цитировавшиеся письма Булгакова, с помощью которых слухи эти переправлялись и в Петербург. К Булгакову Николай Борисович был настроен очень благожелательно, но будущего московского почт-директора съедала зависть к Юсуповским богатствам, к его аристократизму и его положению. К тому же Булгаков, как водится, был по рождению полутурком со всеми вытекающими последствиями. Сплетен про него и его родню можно рассказать много больше, чем о Николае Борисовиче, а уже о качестве знаменитой турецкой грязи и вовсе говорить не приходится…

Боровицкие ворота Московского Кремля. Раскрашенная литогр. 1852 г.

Соклубник Юсупова по Московскому Английскому клубу известный историк П.И. Бартенев незадолго до революции опубликовал воспоминания одного из подчиненных князя по Оружейной палате. Имя мемуариста осталось неизвестно, но его рассказ производит впечатление достаточно объективного, без всякой предвзятости и уж точно — без сплетен.

*«В это время (на момент вступления в должность — **А.Б.**) князь был уже в приличных летах. В его ногах заметна была слабость, но за всем тем в нем не было той вялости и той неподвижности, которой подвергаются в его лета многие из*

стариков. Приятная улыбка никогда не оставляла его лица, а в звонком его голосе выражалась мягкость и вместе с тем покровительственный тон; костюм его напоминал Екатерининское время; голова всегда пудрена и сзади пучок.

Ф.Я. Алексеев и ученики. «Церковь Константина и Елены в Кремле. (Тайнинский сад)». 1800-е гг. ГНИМА.

При вседневных обедах у него играла роговая музыка, и всегда бывали на обеде многие из известных лиц тогдашнего времени и нередко бывали тоже приглашаемы из его подчиненных, как-то смотрители, экспедиторы и столоначальники. Князь никогда и ни перед кем не стеснялся и держал себя перед всеми одинаково важно».

Вот что сообщает мемуарист о служебных занятиях князя. *«В присутствие Конторы он постоянно приезжал в 12 часов и оставался до двух, а иногда и боле. В передней комнате встречал князя экспедитор и столоначальник; обязанность столоначальника состояла в том, чтобы принять от князя в передней шляпу и трость с золотым набалдашником, украшенным бриллиантами, и нести за ним в присутствие, положить на приготовленный для этого особый стол и идти к своим занятиям.*

«Тайнинский сад» после его благоустройства кн. Н.Б. Юсуповым. Раскрашенная литография XIX в.

Когда же князь подымался с своих кресел для выезда из присутствия, тот же столоначальник подавал ему в руки ту же трость и шляпу. Жалованье, назначенное князю по службе, он не брал, а предоставлял делить между нуждающимися чиновниками, которые находились под его начальством»[245].

Внебрачный сын бригадира, Московского уездного предводителя дворянства Александра Александровича Арсеньева Илья вспоминал о частых приездах Юсупова в их дом по возвращении со службы в Кремле. *«Князь Николай Борисович Юсупов — закадычный друг моего отца, был в полном смысле слова вельможа старых времен… он занимал тогда место председателя Кремлевской экспедиции — пост, считавшийся по тем временам весьма почтенным… В Москве он уже был действительным тайным советником первого класса, с лентою Андрея Первозванного, с бриллиантовыми эполетами на одном плече — с отличием, которого, кажется, никто не имел никогда — никто, кроме него, ни прежде, ни после.*

Князь Николай Борисович из своего присутствия, находившегося в Кремле, почти ежедневно заезжал к нам по дороге в свой дом в Харитоньевском переулке (ныне работный дом!). Юсуповвсегда ездил в четырехместном ландо, запряженном четверкой лошадей, цугом, с двумя гайдуками на запятках и любимым калмыком на козлах возле кучера. Костюм обычный князя Николая Борисовича был светлый, синий фрак с бархатным воротником; на голове напудренный парик с косичкой,

оканчивавшейся черным бантом в виде кошелька. Его сопутствовала постоянно левретка, лежавшая в карете против него, на подушке с золотым ошейником на шее.

Юсупова почти выносили из кареты его гайдуки, и когда он входил в комнату, то шмыгал ногами по полу и кашлял так громко, что его можно было слышать через три-четыре комнаты, вследствие чего мать моя выходила из маленькой гостиной в столовую, где всегда сидел в это время мой отец. И Юсупов подходил к ней, по обычаю, к ручке. За сим старики обнимались, и Юсупов начинал разговор с отцом обычной фразой:

— Да, любезный друг, а плохо старикам жить на свете — и климат-то изменился, и силы-то не те, да, признаться, и скучновато.

И эта фраза повторялась изо дня в день, и оба старика находили ее вполне естественной»[246].

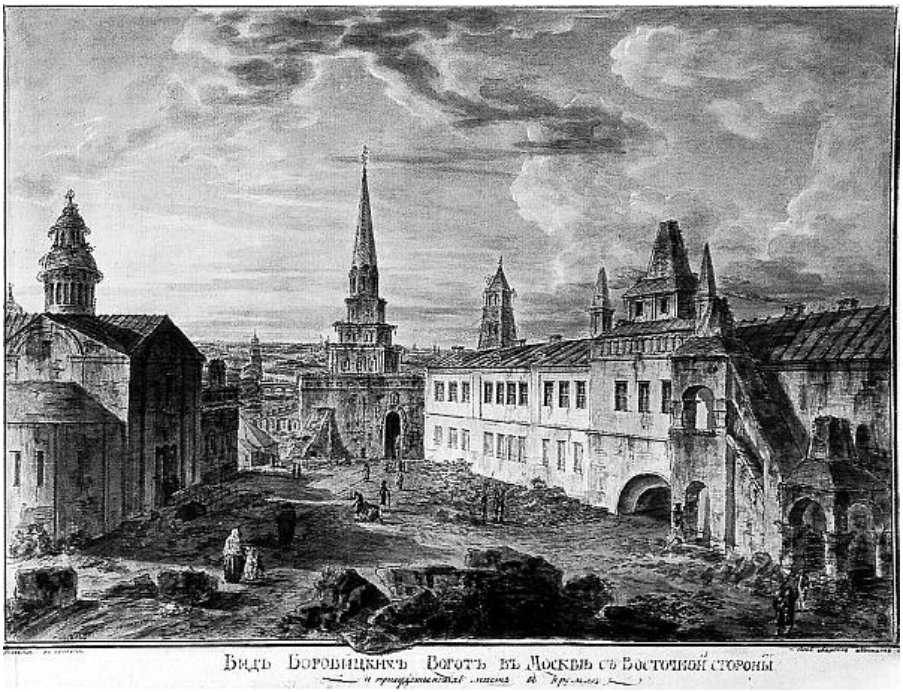
Действительно, многое изменилось и в стране, и в Москве с приходом нового, XIX века. Изменениям подвергся и Московский Кремль — сердце России. Во многом изменения эти произошли благодаря Николаю Борисовичу, который большинству его современников казался ретроградом и «осколком минувшего».

Наполеон отдал приказ взорвать Кремль; большая часть его сооружений была заминирована, но благодаря передовым частям русской армии самые сильные взрывы удалось предотвратить. Впрочем, и без Наполеона Кремль представлял собою не слишком симпатичное зрелище. Предшественник Николая Борисовича П.А. Валуев пытался навести порядок внутри кремлевских стен. Он ввел активную практику сноса «обветшалых», как ему казалось, кремлевских строений. На самом деле в небытие уходили древнейшие постройки Москвы, внешне действительно производившие впечатление памятников седой старины. Валуев — человек не слишком образованный просто и честно старался все «спрямить и исправить».

А.А. Мартынов. «Кремль из Замоскворечья». Акварель. 1819. ГМП.

Князь Юсупов — признанный знаток европейских древностей, постарался применить в Кремле европейские принципы сохранения архитектурных памятников. В те времена наука о реставрации зданий находилась в процессе зарождения, поэтому просто бережное отношение к древностям уже могло считаться достижением. Не стану утомлять читателя всеми тонкостями и подробностями произведенных под бдительным надзором Николая Борисовича работ. Достаточно сказать, что объем их оказался очень велик и разнообразен — от укрепления фундаментов треснувших при взрыве башен и колокольни Ивана Великого с пристройками до организации элементарной планировки и благоустройства территории в Кремле и вокруг него.

Любопытно взглянуть на акварель художника круга Ф.Я. Алексеева, где документально фиксируется состояние кремлевской территории перед Отечественной войной 1812 года. Конечно, навозных и мусорных куч, разобранных еще при Валуеве, вновь вроде не заметно, но общее состояние откровенно неприглядно. Юсупов приказал элементарно вычистить территорию, замостить большую ее часть камнем, а также разбить Кремлевские сады. Один из них — Тайнинский читатель может рассмотреть на акварели 1-й половины XIX столетия. К сожалению, прогуляться в этом саду сейчас нельзя, хотя при открытии Кремля после смерти И.В. Сталина публику туда пускали.



Ф.Я. Алексеев. «Вид в Кремле на Боровицкие ворота, Конюшенный двор и церковь Рождества Иоанна Предтечи». 1800-е гг. ГИМ.

Князь Николай Борисович принимал участие в коренном изменении пространства вокруг Кремля. Неспокойная московская речка Неглинка после Великого московского пожара стала течь по трубе; над нею был разбит Александровский сад, где теперь находится Могила Неизвестного Солдата, обелиск к 300-летию Дома Романовых, переделанный потом в памятник революционерам, грот и иные достопримечательности. При Юсупове претерпела изменение и главная площадь страны — Красная. Вдоль Кремлевской стены окончательно засыпали ров, на месте которого расположился уютный бульвар, занятый позднее под кладбище революционеров и Мавзолеем.

В центре Красной площади на фоне новых Торговых рядов, построенных по проекту протеже Юсупова О.И. Бове (теперь снесенных), по императорскому указу появился первый скульптурный памятник Москвы — «Князю Пожарскому и гражданину Минину». В сборе средств на его установку принимал участие и Московский Английский клуб, выделивший на это деньги из клубного капитала. Сооружение памятника стало крупной патриотической акцией. (Памятник теперь утерял свое ведущее положение на площади; большевики сочли нужным передвинуть его к храму Василия Блаженного.)

Не только кремлевские строения и окрестности получил в свое служебное пользование Николай Борисович. Ему в подчинение перешла Оружейная палата — старейший и богатейший государственный музей России. Собственно, первоначально Оружейная палата представляла собой государевы мастерские, изготовлявшие необходимые Двору многочисленные предметы декоративно-прикладного искусства и оружие. Постепенно к Оружейной палате перешла функция хранения различного рода государственных сокровищ, в том числе посольских даров и части коронационных регалий. К 1814 году, когда Юсупов стал ее директором, Оружейная палата выполняла исключительно хранительские функции. В начале XIX столетия музейное дело в России пребывало в зачаточном состоянии. Николай Борисович являлся одним из пионеров, если будет позволено употребить такое пролетарское слово по отношению к Его Сиятельству, музейного строительства в России. Он недолго, но весьма успешно возглавлял и реорганизовывал Эрмитаж, а плоды его службы и ныне приносят пользу крупнейшему художественному музею страны.

Принял Юсупов Эрмитаж в весьма плачевном состоянии. Оружейная палата пребывала в состоянии еще худшем. Практически палата представляла собой большой государственный склад художественных предметов, по тем или иным причинам не переданных в Эрмитаж. К тому же в 1812 году склад этот подвергся спешной эвакуации…

Николай Борисович фактически стал первым профессиональным музейным работником, который возглавил Оружейную палату. Собственная его коллекция предметов декоративно-прикладного искусства, разумеется, много уступала собранию палаты, но все же была достаточно внушительна. Главное — у Юсупова имелся опыт работы с запущенными музейными собраниями. И князь стал активно его использовать.

«Старое здание Оружейной палаты». Раскраш. литогр. 1840-х гг.

Николай Борисович руководил разработкой первой научной музейной экспозиции Оружейной палаты. Он постоянно «отягощал» привыкших к вечной дреме чиновников московского архивного ведомства поисками необходимых ему справок для атрибутирования того или иного предмета коллекции.

У Эрмитажа имелись хотя бы относительно приспособленные для музейного хранения стены, тогда как у Оружейной палаты и этого не было. Благодаря усилиям Юсупова сооруженное по проекту архитектора И. Еготова перед войной 1812 года (1806–1812) первое здание Оружейной палаты вскоре после изгнания неприятеля оказалось отремонтировано и превращено в полноценный музейный комплекс, разумеется, согласно научным представлениям той поры. Здание позднее носило название Старой Оружейной палаты, а располагалось на месте «Дворца» съездов, которым Хрущев сгубил кремлевский ансамбль. «Первый блин» московского музейного строительства, как и полагалось, вышел комом. В помещениях Старой Оружейной палаты держалась повышенная влажность, отсутствовала вентиляция, имелись другие серьезные недостатки, ухудшавшие условия хранения музейных ценностей. Поэтому по приказу Николая I выдающийся русский зодчий Константин Андреевич Тон выстроил новое здание Оружейной палаты в едином комплексе с Большим Кремлевским дворцом. Старейший музей страны и ныне располагается в нем. Нельзя исключить того, что именно разговоры с князем Юсуповым о неприспособленности старого здания для музейных ценностей навели императора Николая 1 на мысль о постройке нового музейного здания в комплексе с новым

государевым дворцом, получившем название Большого Кремлевского. Видимо, Николай Борисович также обсуждал с Николаем I перечень картин и скульптур, которые необходимо передать для украшения Оружейной палаты из Эрмитажа и Петербургских дворцов.

В последние годы Кремлевские работники иногда с благодарностью стали произносить имя князя Юсупова. Кстати, все дореволюционные директора Оружейной палаты, как и Николай Борисович, состояли в Московском Английском клубе, вплоть до 1917 года.

О разнообразных обязанностях, которые возлагались после войны 1812 года на немолодого уже князя, известно многое. Так, он «разбирался» с печальной «Комиссией Витберга» по сооружению Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, с таким «блеском» провалившей строительство грандиозного памятника героям Отечественной войны 1812 года.

Выполнял князь и тонкие дипломатические поручения… Так, сохранилось весьма любопытное свидетельство пребывания Николая Борисовича в стенах дворца Московского Английского клуба. Если говорить точнее — в будущем клубном доме на Тверской, который тогда сдавался в аренду владелицей графиней М.Г. Разумовской для всяких государственных нужд. Эти сведения находятся в обширной переписке А.Я. Булгакова. В письмах брату в Петербург он рассказывает о том, как во второй столице принимали одного из иранских принцев, привезшего императору Николаю I официальные извинения за убийство в Тегеране Александра Сергеевича Грибоедова. Царь, кажется, не сильно опечалился смертью «драматурга одной пьесы» и «декабриста без декабря», но поскольку оскорбление оказалось нанесено не столько лично семье дипломата и его юной супруге Нине, рожденной княжне Чавчавадзе, сколько международному престижу России, то извинения за убийство главы дипломатической миссии, согласно дипломатическому протоколу, принимались на самом высоком уровне.

«Грот в Александровском саду». Литогр. середины 1840-х гг.

Принц Хозрев Мирза ехал в Петербург через Москву, где его радушно принимали и потчевали, как будто бы и не случилось злополучного убийства. Для принца и сопровождавшей его свиты Московская городская администрация сняла дворец графини Марии Григорьевны Разумовской на Тверской, куда в 1831 году въехал Московский Английский клуб. В помещениях дворца производился ремонт и частичные перестройки для удобства размещения принца и свиты. Принимало его на самом высоком уровне все московское начальство на протяжении нескольких недель.

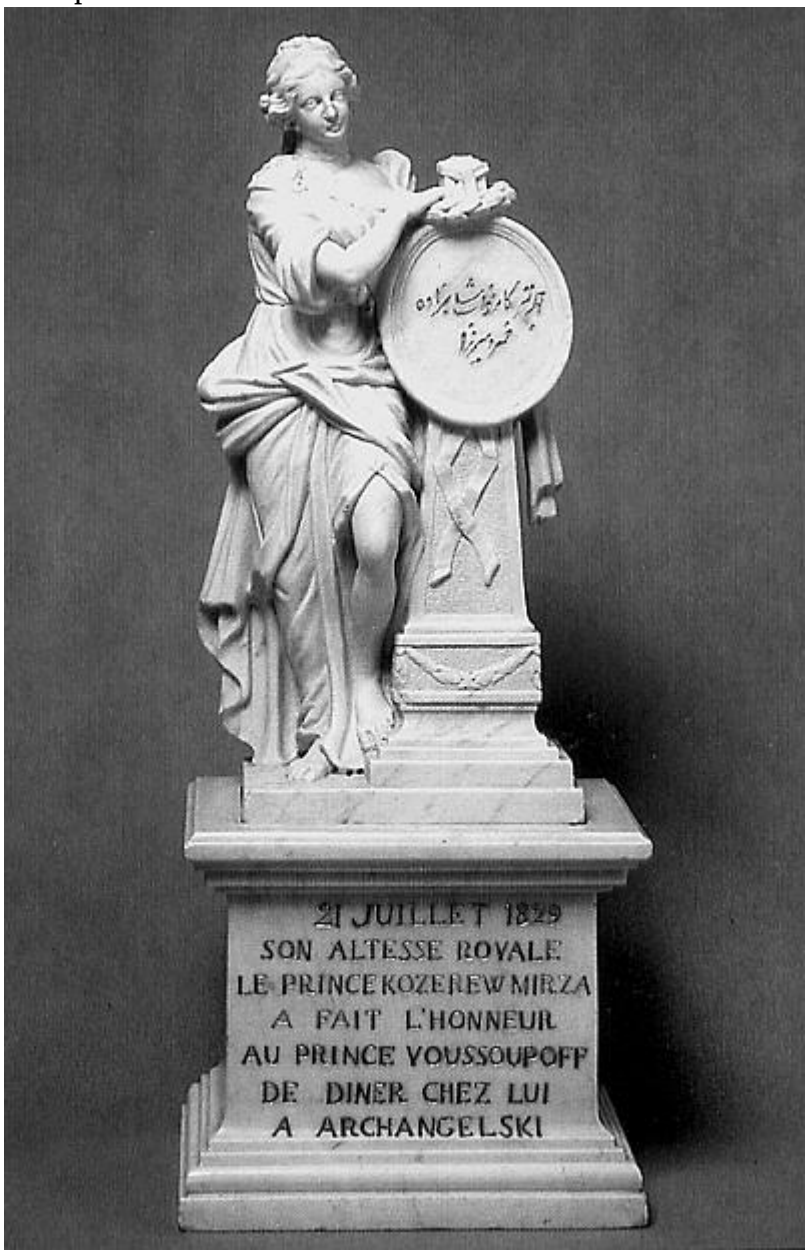
Николай Борисович, казалось бы, занимал в столичной иерархии формально не самое высокое положение, но именно он постоянно участвовал во всех официальных мероприятиях, получал от принца и дарил ему разного рода подарки — «посольские дары». Более того, в своей ближайшей даче в

Васильевском, на Воробьевых горах, князь давал в честь принца торжественный прием, на котором присутствовали все первые лица города. Довелось принцу лицезреть и красоты несравненного княжеского имения Архангельского. Этот визит состоялся 21 июля 1829 года (ст. ст.) Я не стану приводить здесь не особенно доброжелательные письма Булгакова, рассказавшего об этом заметном событии городской жизни. Важно другое — его письма еще одно доказательство того, что до последних дней жизни князь Юсупов оставался среди первых вельмож империи.

К.Ф. Хейнцман. С оригинала И.Ф.Э. Гернета. «Вид на Александровский сад». Литогр. Конец 1830-х гг. ГМП.

Формальных доказательств одной догадки теперь уже, наверное, не найти, но можно высказать предположение о том, что неожиданно долгий срок пребывания принца во «второй столице» оказался не случаен. Нелепая смерть Грибоедова, который в известной степени сам оказался виноват в тегеранской трагедии, послужила только поводом для разрешения сложной дипломатической проблемы. Фактически на территории Ирана (тогда Персии) между собой воевали Россия и Англия, деля сферы влияния и рынки сбыта продукции. России чрезвычайно важно было привлечь иранское правительство на свою сторону. Потому-то после убийства посла Россия в нарушение традиции не объявила Персии очередную войну, а пошла на длительные и весьма хитроумные дипломатические переговоры. Дабы отвести глаза «мировой общественности», они велись в Москве, а в

Петербург принц прибыл уже с готовым решением, устраивавшим обе стороны. Надо полагать, князь Юсупов, большой мастер закулисных дипломатических маневров и интриг, играл во всем этом далеко не последнюю роль, о чем его московские недоброжелатели вроде того же Булгакова, разумеется, не догадывались. Все думали, что Николай Борисович просто из личного удовольствия кормит принца обедами и медвежьей травлей… Имеет ли право на существование эта версия — пусть читатель решит сам.



Неизв. скульптор. «Настольный обелиск в память посещения принцем Хозрев Мирзой Архангельского». 1829. ГМУА.

В коллекции же Оружейной палаты, над которой тогда начальствовал князь Юсупов, (точнее — в ее современном Алмазном фонде), и ныне хранится алмаз «Шах», ставший своеобразным «государственным извинением» за убийство Грибоедова. В подарок императору Николаю I его как раз и привез в 1829 году принц Хозрев Мирза. В Архангельском же хранится небольшой настольный обелиск белого мрамора, работы неизвестного скульптора, заказанный князем Юсуповым в память о посещении иранским принцем «Подмосковного Версаля». Не исключено, что со временем Николай Борисович предполагал установить подобный памятник в большем масштабе непосредственно в усадебном парке — быть может, как знак дипломатической победы.

И.А. Винберг. «Портрет Николая I». Не ранее 1826 г. Миниатюра. ГТГ.

Император Николай Павлович, человек решительный и суровый, особых сантиментов не любил. Провинившимся чиновникам он без всяких околичностей указывал на недостатки

в работе. Рескриптом от 28 июля 1826 года он дал такую оценку служебной деятельности Николая Борисовича в Кремлевских стенах.

«Князь Николай Борисович!

По обозрении Мною Кремля и дворцовых зданий, в ведомстве вашем состоящих, Я, к полному моему удовольствию, нашел везде порядок и устройство, а особенно в Кремлевском Архиерейском доме.

Кремль. Архиерейский дом, или Малый Николаевский дворец. Фотогр. конца XIX в.

Относя сие к усердию и отличной заботливости вашей, по всем частям вверенного вам управления, Я приятным долгом себе поставляю изъявить вам за то совершенную Мою признательность и благоволение.

Пребываю к вам навсегда благосклонный Николай. Москва, 28 июля 1826 г»[247].

Прибавить к этому, как говорится, нечего.

Дабы успешно руководить той или иной отраслью государственного хозяйства, Николай Борисович умело привлекал к работе проверенных и опытных людей. Умел он не только загружать работой, но и благодарить за ее удачное выполнение. Князь всегда оставался очень благожелателен к молодым людям, которые когда-нибудь могли стать чиновниками находившихся в его подчинении ведомств.

Многие документальные источники позволяют сделать вывод

о том, что большой вельможа, крупный государственный сановник, Сиятельный князь Николай Борисович Юсупов в жизни оставался очень простым и доброжелательным человеком. Понятно, что не всякому позволялось это заметить — на людях «Его Сиятельству князю Юсупову» полагалось носить маску надменности.

Уже цитировавшийся неизвестный чиновник Московской Оружейной палаты рассказал еще об одной стороне жизни князя, о которой большинство его современников старались умолчать — к чему говорить о хорошем среди милого злословия? *«Хорошо образованный для своего времени (о воспитании, о которым нынче мало думают, и говорить нечего — оно было образцовое), бесконечно щедрый, Юсупов любил покровительствовать художникам, людям, которых он находил даровитыми, как русским, так и иностранцам. В натуре его была жилка любви ко всему хорошему, ко всему изящному, ко всем умному».*

Николай Борисович действительно умел реально помогать людям, а иной раз просто делать подарки. *«Князь любил приближенных к себе дарить вещами (произведениями искусства. — **А.Б.**), — вспоминал далее неизвестный подчиненный Юсупова по Оружейной палате, — но на этот случай покупал особые вещи, нисколько не касаясь в дом поступивших»*[248].

Эпоха Просвещения, а Николай Борисович, безусловно, оставался всю жизнь человеком именно этого исторического периода, предполагала покровительство сильных мира сего людям слабым, нуждавшимся в поддержке. Князь нередко проявлял чувство сострадания. Вероятно, ему доставляло удовольствие «выводить в люди» толковых «представителей человечества», которые, как ему думалось, нуждались в его помощи. Если бы документальных сведений нашлось побольше и если бы они не оказались так однообразны и скучны, то и в этой книге появилась бы целая глава — «Юсупов-благотворитель». Пока же приходится ограничиваться рассказом только о трех случаях.

Они очень характерны. Первая история о сыне простого иностранного архитектора, вторая — простом человеке из самых народных низов, который благодаря поддержке князя Юсупова и собственному неустанному труду сделался уважаемым членом общества, составил порядочное состояние. До конца дней он оставался искренне благодарен Николаю Борисовичу. Третья история случилась с внебрачным сыном богатого московского барина, которому Юсупов помог получить офицерский чин и все связанные с ним ощутимые сословные преимущества. Он же в благодарность только обругал Николая Борисовича в своих

замечательных воспоминаниях…

Неизв. художник. «Портрет О.И. Бове». ГМП.

Автором проекта бельведера главного усадебного дома в Архангельском — этого редкостного по красоте и гармонии архитектурного творения — иногда называют Осипа Ивановича Бове, знаменитого московского зодчего, строителя Большого театра и ансамбля Театральной площади, автора проектов многих выдающихся сооружений. На самом деле пока этому факту не найдено документального подтверждения, почему скорее следует говорить о том, что бельведер спроектирован в стилистике работ Бове. Бельведер усадебного дома в Архангельском — истинная жемчужина всего ансамбля. Можно представить, какое удовольствие, какое эстетическое наслаждение принес он Юсупову — редкостному знатоку и ценителю прекрасного.

Семью Бове и Юсуповых связывало многое. Отец зодчего еще в Петербурге многие годы работал у князя в качестве «домашнего» архитектора, а сам Осип Иванович с юных лет пользовался помощью и покровительством Николая Борисовича. Юсупов, как известно, имел наметанный глаз на «ценные кадры» — Бове при его помощи вполне смог реализовать свой

выдающийся талант, тогда как при иных обстоятельствах вполне мог остаться только «подающим надежды».

Князь помогал Осипу Ивановичу и в личной жизни. Он не только принял архитектора на службу в Кремлевскую экспедицию строений, а также рекомендовал в Московский Английский клуб, где в ту пору собирались сливки общества второй столицы и куда «запросто» попасть представлялось делом нелегким. Здесь Бове нашел немало заказчиков. Видимо, не без протекции князя устроилась и личная жизнь Осипа Ивановича, чьей женой стала представительница древнего княжеского рода Трубецких. Без должного покровительства в те времена подобные браки не совершались, даже на небесах…[249].

Как-то раз возвращался князь Юсупов со службы домой по Красной площади. В центре ее тогда возвышался памятник Минину и Пожарскому. Как на зло, именно здесь у княжеской кареты сломалась рессора. И в те времена средства передвижения частенько выходили из строя, а «автосервиса» хотя бы в виде небольшой кузницы на главной площади страны тогда не имелось.

Покуда карета проходила починку, Николай Борисович вышел из экипажа совершить легкий моцион. На цоколе монумента «Гражданину Минину и князю Пожарскому» Юсупов увидал разложенные для продажи старые книги. Торговал ими бедно одетый мальчик-букинист. О том, чем кончилась история с поломанной рессорой, рассказал И.А. Арсеньев, чьи весьма предвзятые воспоминания мне уже приходилось цитировать. *«Князь вступил в разговор с юным продавцом книжного товара, который оказался очень бойким и умным малым. Букинисту этому Юсупов велел прийти на другой день к себе и дал ему денег, чтобы нанять помещение для книжной торговли и для покупки товара. До конца своей жизни князь Юсупов помогал букинисту Волкову, который разбогател в очень короткое время, а впоследствии открыл магазин старинных вещей, которыми бойко торговал, не имея себе конкурентов в Москве, кроме Лухманова… Волков был известен в Москве под именем Гаврилы-менялы, занимался впоследствии делами сына Н.Б. Юсупова Бориса Николаевича, который (тайно, через Волкова. — **А.Б.**) давал деньги под залог недвижимого имущества за крупные проценты. Гаврило-меняла оставил после себя настолько значительное состояние, что дети его открыли банкирские конторы в Москве и Петербурге»*[250].

Неизв. художник. «Вид Красной площади». 1830-е гг. ВМП.

Юсупов разрешил юному Волкову брать в своей Домовой конторе деньги в долг на покупку наиболее интересных и ценных старинных вещей. Видимо, через него князь пополнял как собственное собрание, так и коллекцию Оружейной палаты.

Историю мальчика-букиниста дополнил его родственник — Николай Петрович Вишняков, богатый московский купец, выпустивший свои правдивые воспоминания в начале XX века тиражом в 100 экземпляров, исключительно для своих.

«Один из таких эпизодов произошел в родственной нам семье Волковых, и я его передам здесь, как слышал.

Гаврила Григорьевич Волков был известным торговцем антикварными и художественными предметами в двадцатых и тридцатых годах прошедшего столетия, пользовался репутацией знатока и успел уже составить себе хорошее состояние. Присватался он к Екатерине Лукьяновне Бажановой, купеческой дочери. Родители ее не прочь были дать согласие на брак, если б препятствием не служило то обстоятельство, что Волков был крепостным богатого помещика Голохвастова. Превращать свою дочь из свободной в крепостную они решительно отказались. Тогда Волков стал хлопотать том, чтобы откупиться самому. Это оказалось невозможным: Голохвастов, отличавшийся большой гордостью, отказал в просьбе, кичась тем, что его крепостной человек обладает большим состоянием и представляет лицо не безызвестное в Москве. Это было в тоне больших бар. Рассказывали, что такой же политики держались и Шереметевы. У них крепостные достигали миллионных состояний и тем не

менее, несмотря ни на какие предложения, не отпускались на волю. Шереметев говорил:

— Пусть платят ничтожные оброки, как прежде. Я горжусь тем, что у меня крепостные — миллионеры.

В своем горе Волков обратился за советом к князю Николаю Борисовичу Юсупову, который протежировал ему. Князь обещал ему помочь. Случилось, что Юсупов и Голохвастов встретились в Английском кубе за карточным столом. Голохвастов был страстный игрок, и в этот вечер ему страшно не везло. Проигравши все наличные деньги, он предложил играть на честное слово.

— Еще успеешь! — ответил Юсупов. — Теперь я ставлю на ставку столько-то, а ты поставь Гаврилу Волкова. Условие такое: коли проиграешь, давай Волкову вольную.

Голохвастов согласился и — снова проиграл. Вот каким путем Гаврила Григорьевич Волков получил наконец давно желанную свободу».

В знак признательности Николаю Борисовичу Волков заказал его мраморный бюст, по всей видимости, Ивану Петровичу Витали, известному московскому скульптору. Бюст был выставлен на всеобщее обозрение и долгие годы украшал интерьеры волковского магазина старинных вещей. Позднее его бережно хранили сыновья-банкиры бывшего бедного мальчика-букиниста, высоко ценя память о добром участии князя.

А вот совсем другая история про благожелательность Юсупова и одно милое «дитя сердца» — Александра Ивановича Герцена, именно так переводится несколько странная для русского уха фамилия замечательного русского революционера и писателя, чьи родственники по отцу — Яковлевы, много лет состояли в членах Московского Английского клуба. Николай Борисович в ответ на просьбу отца Герцена постарался помочь получить безродному и бесправному в общем-то молодому человеку офицерское звание и связанные с ним положение в обществе, возможность делать карьеру на государственной службе, а не оставаться в «подлом состоянии», как это сплошь и рядом случалось тогда с внебрачными отпрысками представителей дворянских фамилий.

Вот что рассказал об этом сам Герцен на страницах романа-воспоминания «Былое и думы». *«Прошлое столетие (18 век. — **А.Б.**) произвело удивительный кряж людей на Западе, особенно во Франции, со всеми слабостями регентства, со всеми силами Спарты и Рима… Наш век не производит более этих цельных натур; прошлое столетие, напротив, вызывало их везде, даже*

там, где они не были нужны, не могли иначе развиваться, как в уродство. В России люди, подвергнувшиеся влиянию этого мощного западного веяния, не вышли историческим людьми, а людьми оригинальными…

К этому кругу принадлежал в Москве на первом плане блестящий умом и богатством русский вельможа, европейский grand seigneur (большой барин) и татарский князь Н.Б. Юсупов. Около него была целая плеяда седых волокит и esprits forts (вольнодумцев), всех этих Масальских, Санти…

Старый скептик и эпикуреец Юсупов, приятель Вольтера и Бомарше, Дидро и Касти, был одарен действительно артистическим вкусом. Чтобы в этом убедиться, достаточно раз побывать в Архангельском, поглядеть на его галереи, если их еще не продал вразбивку его наследник. Он пышно потухал восьмидесяти лет, окруженный мраморной, рисованной и живой красотой. В его загородном доме беседовал с ним Пушкин, посвятивший ему чудное послание, и рисовал Гонзага, которому Юсупов посвятил свой театр.

Мой отец по воспитанию, по гвардейской службе, по жизни и связям принадлежал к этому же кругу…

Между прочим, мой отец сказал… что он говорил с князем Юсуповым насчет определения меня на службу.

— Время терять нечего, — прибавил он, — вы знаете, что ему надобно долго служить для того, чтоб до чего-нибудь дослужиться…

…Отец мой определил-таки меня на службу к князю Н.Б. Юсупову в Кремлевскую экспедицию. Я подписал бумагу, тем дело и кончилось; больше я о службе ничего не слыхал, кроме того, что года через три Юсупов прислал дворцового архитектора, который всегда кричал таким голосом, как будто он стоял на стропилах пятого этажа и оттуда что-нибудь приказывал работникам в подвале, известить, что я получил первый офицерский чин. Все эти чудеса, заметим мимоходом, были не нужны; чины, полученные службой, я разом наверстал, выдержавши экзамен на кандидата, — из-за каких-нибудь двух-трех годов старшинства не стоило хлопотать. А между тем эта мнимая служба чуть не помешала мне вступить в университет. Совет, видя, что я числюсь в канцелярии Кремлевской экспедиции, отказал мне в праве держать экзамен…

Я сказал решительно моему отцу, что если он не найдет другого средства, я подам в отставку.

Отец мой сердился, говорил, что я своими капризами мешаю ему устроить мою карьеру, бранил учителей, которые наталкивали меня на этот вздор, но, видя, что все это очень мало

меня трогает, решился ехать к Юсупову.

Юсупов рассудил дело вмиг отчасти по-барски, отчасти по-татарски. Он призвал секретаря и велел ему написать отпуск на три года. Секретарь помялся, помялся и доложил со страхом пополам, что отпуск более нежели из четырех месяцев нельзя давать без высочайшего разрешения.

— Какой вздор, братец, — сказал ему князь, — что тут затрудняться; ну — в отпуск нельзя, пиши, что я командирую его для усовершенствования в науках — слушать университетский курс.

Секретарь написал, и на другой день я уже сидел в амфитеатре физико-математической аудитории»[251].

Несколько лет спустя, уже по возвращении из ссылки, многое понявший и переосмысливший Александр Иванович с грустью скажет, что прав тогда оказался не он, а его мудрый отец. Воздаст Герцен должное и Николаю Борисовичу Юсупову, оставив восторженное описание его Архангельского, в котором побывал уже после смерти создателя грандиозной усадьбы. Герцен застал дворцовый комплекс накануне вывоза в Петербург основных художественных сокровищ главного усадебного дома. Написанные им строки — своеобразная благодарность за совершенно бескорыстную помощь малознакомому молодому человеку. На подлинного революционера как-то и не похоже.

В пору главенства «пролетарской идеологии» герценовские строки помещались во все путеводители по Юсуповской усадьбе, что, в известной степени, охраняло ее от разорения в качестве памятного места «революционной истории».

Генрих Фюгер. «Портрет князя Н.Б. Юсупова в испанском костюме». Около 1785 г. ГЭ.

Глава 5
«Жизнь в искусстве»

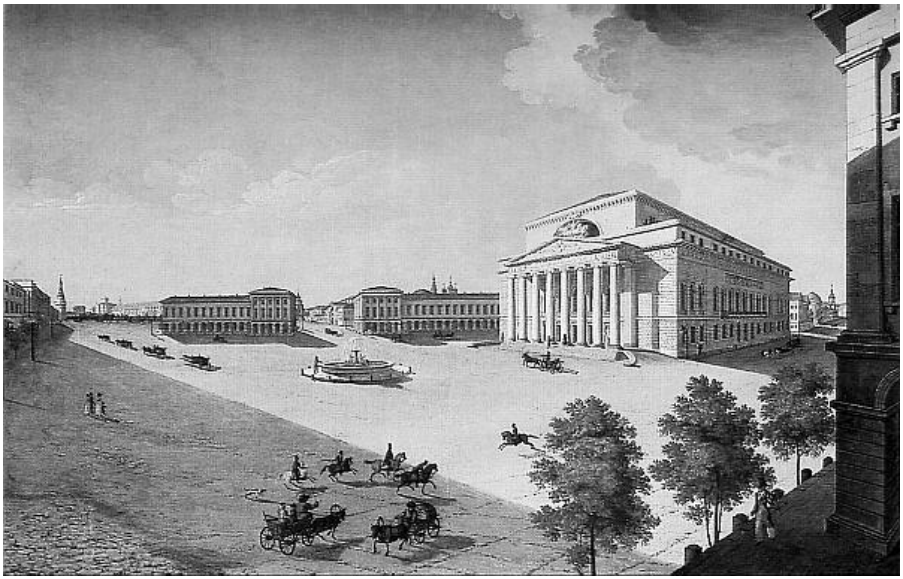
Мои богини! Что вы? Где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Все те же ль вы? Другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

А.С. Пушкин.
«Евгений Онегин»

Глава 1 стих XIX

Чем больше изучаю я биографию князя Николая Борисовича Юсупова, тем более укрепляется во мне уверенность в том, что прожил князь отнюдь не одну, а много жизней — аристократа, вельможи-богача, государственного сановника, экономиста-практика. Однако самой счастливой и долгой представляется княжеская «жизнь в искусстве». Она необыкновенно многогранна и вмещает в себя занятия музыкальным, драматическим и балетным театром, симфоническую музыку и музыкальные сочинения камерных форм, собирательство произведений живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, создание садово-парковых ансамблей, изучение литературы, переводы античных авторов, библиофильство… И в этот немалый список попали далеко не все увлечения князя, которыми занимался он вполне профессионально.

Рассказать о жизни князя Юсупова в искусстве и трудно, и легко. Легко потому, что опубликовано немало материалов о каких-то частных ее сторонах — об отдельных книгах, картинах, спектаклях княжеского театра, фарфоре Юсуповского завода. Трудно, потому что «нельзя объять необъятное», а именно таковой оказалась «жизнь в искусстве» князя Николая Борисовича.



О.И. Бове. «Москва. Вид Большого театра». 1825. ВМП.

Эта часть книги посвящена последнему, московскому периоду жизни Николая Борисовича, поэтому именно в ней я попытался подвести некоторые, самые предварительные итоги его деятельности организатора театральной жизни и коллекционерской деятельности.

Князь дружил со всеми музами, но особой его любовью пользовались три — Мельпомена, Талия и Терпсихора.

За границей и в Петербурге князь Юсупов привык к театральному искусству; не просто провинциальному отражению вчерашних веяний музыкальных столиц Европы, но зеркалу самых ярких, свежих музыкальных впечатлений. Всякая новинка европейской музыкальной жизни в конце царствования Екатерины Великой скоро становилась предметом обсуждений и пересудов петербургских гостиных.

В Москве положение складывалось несколько иным — музыкальные новинки, да и вообще хорошая музыка не без труда появлялись на подмостках второй столицы — с подмостками создались большие сложности. Причин тому оказалось несколько.

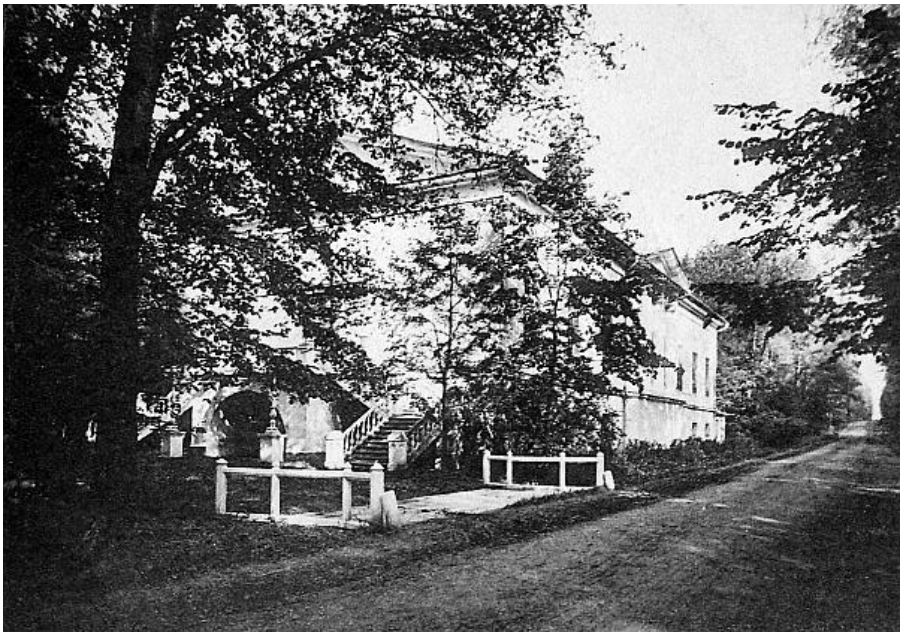
Формально Московский Императорский театр появился лишь в 1805 году. До этого его функции исполняла частная антреприза — Петровский театр князя Урусова и Медокса, чье здание стояло в начале Петровки. Театр Медокса (именно так его чаще называли) стал отправной точкой истории современного Большого театра. Профессиональный уровень спектаклей труппы Медокса оставался не слишком высоким, хотя и привлекал

зрителей как отдельными исполнителями, так и редкостными сценическими эффектами.

Наряду с театром Медокса в Москве действовало много крепостных трупп. Всего в начале 19-го столетия в России насчитывалось 103 городских крепостных театра. Из них 23 находились в провинции, 27 — в Петербурге и 53 в Москве. Медокс, формально имевший театральную монополию, тогда писали «привилегию», жаловался властям на то, что крепостные труппы отнимают у него зрителя и доход, но поделать с этим ничего не мог[252].

Театральная труппа самого князя Николая Борисовича по праву считалась одной из самых заметных и слаженных в Москве первых десятилетий XIX столетия. Злые языки утверждали, конечно, что князь лично заинтересован в ее качестве, заинтересован особым образом — многие из крепостных «актерок», якобы, состояли в княжеском гареме. Хотя на самом деле это было далеко не так, но сплетни такого рода и ныне частенько появляются в «околонаучных» публикациях. Ознакомившись с найденными мною в самых разных источниках сведениями, читатель, надеюсь, убедится в том, что князь Николай Борисович не уподоблялся своим далеким восточным предкам и театрального гарема в Москве не устраивал.

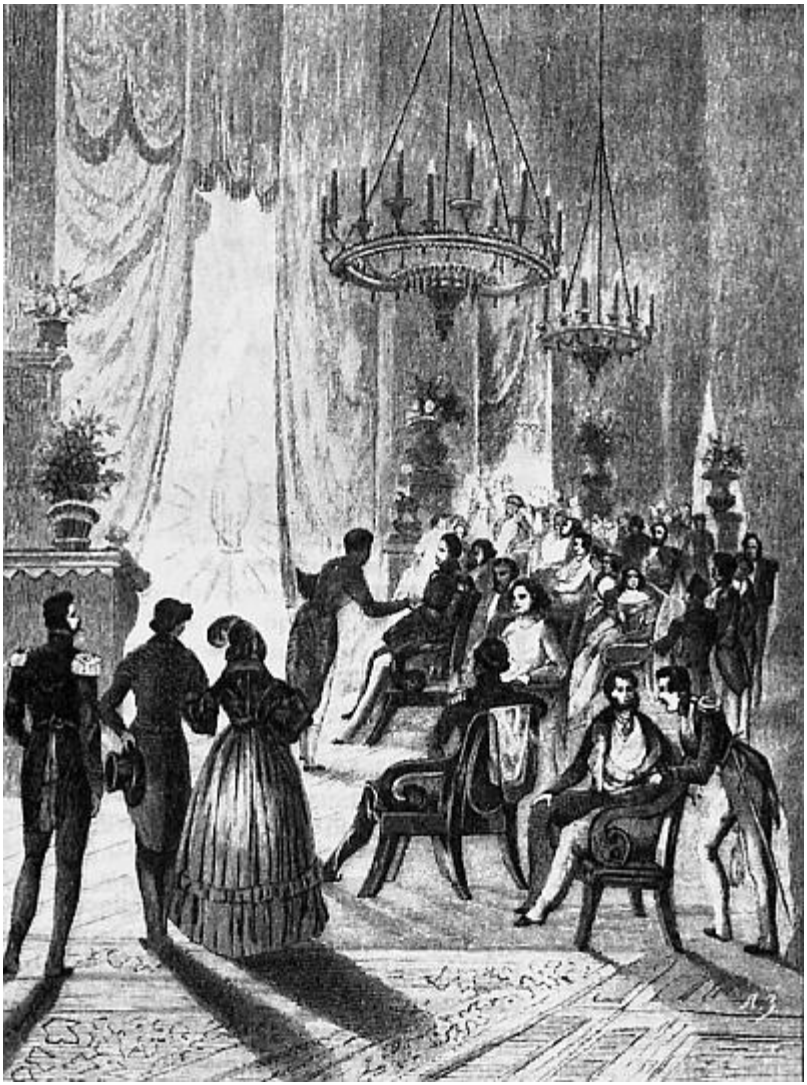
Зимой Юсуповская труппа жила в Москве, летом многие актеры перебирались в Архангельское, где для них существовал особый «театральный» дом — одно из многочисленных служебных сооружений, располагавшихся в ближайших окрестностях усадьбы. До покупки Архангельского актеры из Москвы иногда выезжали с князем в Васильевское и Спасское. В Архангельском масштабные театральные постановки практиковались редко; здесь, на лоне роскошной подмосковной природы, отдыхал не только князь, но и «актерки» его труппы. Представления же устраивались только для иностранных и российских владетельных особ и обычно носили характер дивертисментов, а не полноценных спектаклей.



Архангельское. Театр Гонзага. Открытка начала XX в. Из собр. автора.

Театр Юсупова и вообще театральная деятельность князя стали заметным явлением в истории русской театральной культуры. Многие театралы завидовали Николаю Борисовичу и потому распространяли о нем и его театре всевозможные грязные сплетни, не имевшие под собою реальных оснований. Среди заядлых сплетников оказался и Александр Сергеевич Грибоедов — дипломат и драматург, сам большой театрал и далеко не платонический обожатель актрис. Они, опять же по слухам, редко отвечали взаимностью «автору одного вальса и одной пьесы»…

Юсуповский театр, в отличие от его основателя, давно стал предметом углубленных научных исследований. В начале 1920-х годов вышла небольшая монография Н.П. Кашина «Юсупов и его театральная деятельность», а затем «Театр Н.Б. Юсупова»[253]. Из второго издания, в значительной степени основанного на документах Юсуповского архива, мною почерпнута большая часть приводимых сведений о двух театрах князя Николая Борисовича — о его крепостной труппе и об Итальянской антрепризе[254].



Неизв. художник. «Театральный вечер в частном доме». Рис. 1-й половины XIX в.

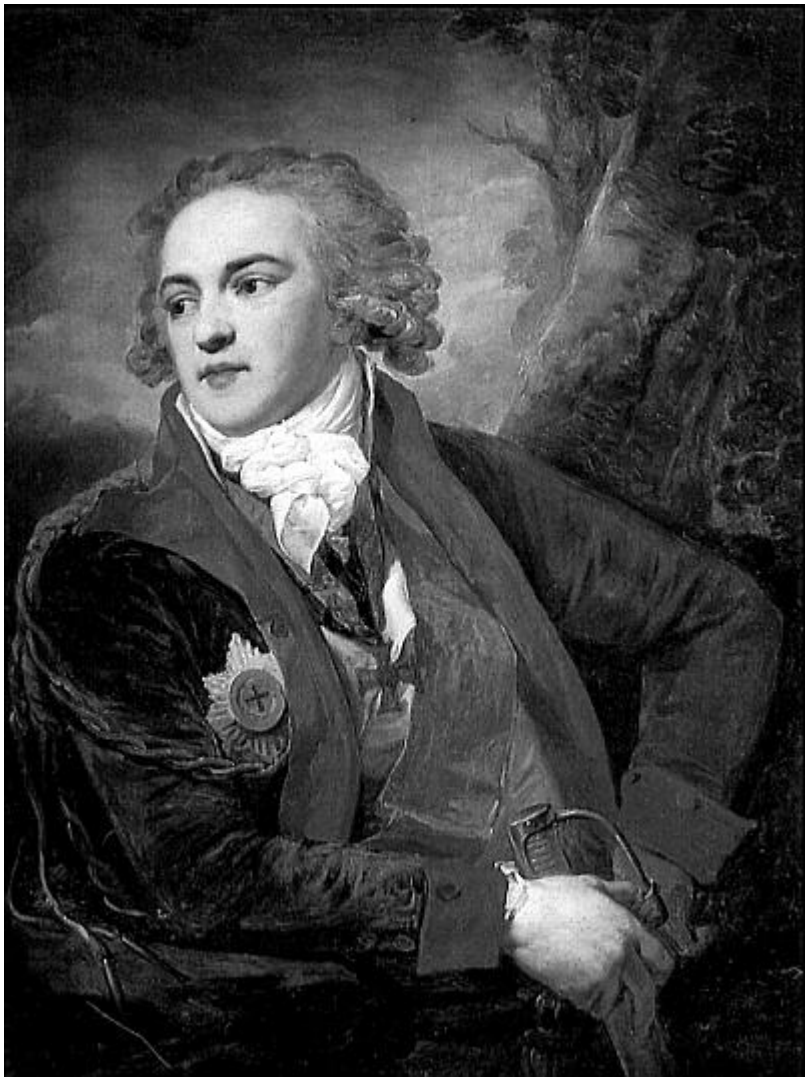
В Москве, в начале 1820-х годов, князю Николаю Борисовичу Юсупову удалось создать настоящий большой театр, пусть он и пишется с прописной, а не с заглавной буквы. Это Итальянская антреприза, которая считалась лишь частным театральным заведением, но по своему значению для развития московской театральной культуры оказалась вполне сопоставима с деятельностью Императорского Большого театра. Николай Борисович стал и организатором, и художественным руководителем, и, в известной степени, коммерческим директором сего важного театрального заведения — если, разумеется, выражаться современным языком.

Москва. Ул. Знаменка. Александровское военное училище. Дом графа Апраксина. Фотогр. начала XX в.

Италия, где поет буквально каждый, явилась родиной оперного искусства. Подражание итальянцам стало своеобразной музыкальной школой, послужило основой для развития других национальных опер. Отечественные оперные композиторы тоже учились у итальянцев, дабы, освоив их технические и художественные приемы, создавать свои, национальные русские оперы.

Вообще же первая итальянская труппа в России появилась еще во времена императрицы Анны Иоанновны, в 1735 году. В Петербурге в царствование Екатерины II работали такие выдающиеся итальянские композиторы, как Дж. Сарти, Д. Чимароза, Дж. Паизиелло. Сохранились сведения о том, что первая итальянская опера на московских подмостках появилась в 1744 году.

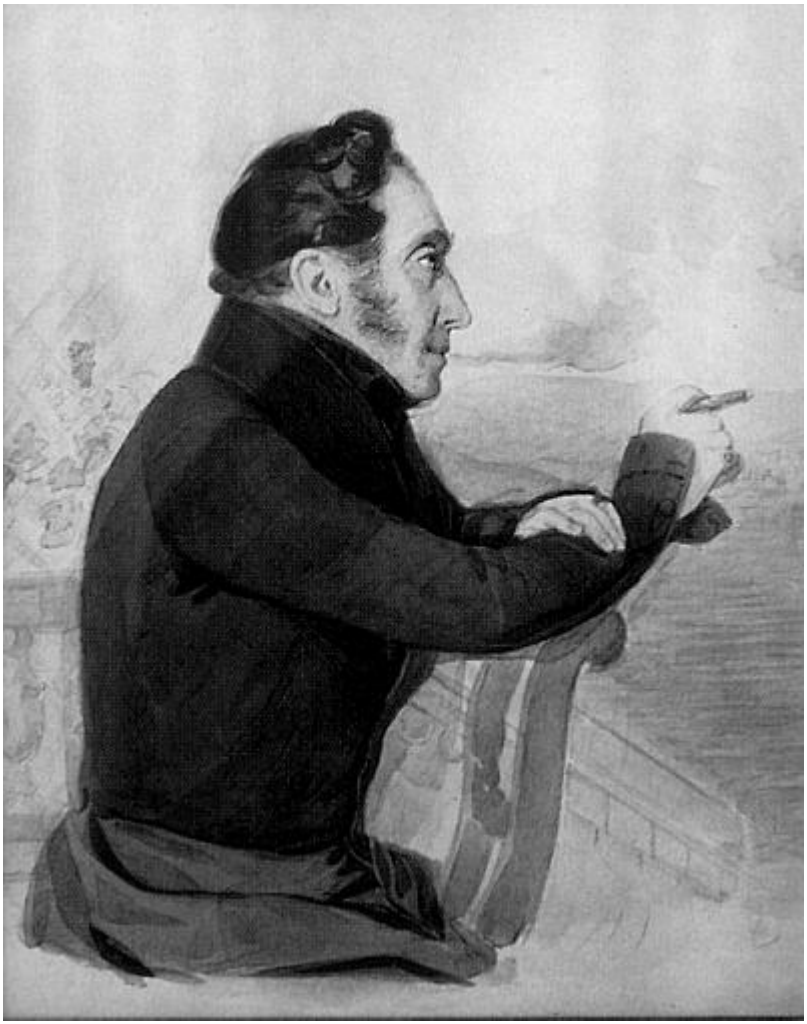
В начале девятнадцатого столетия отечественная публика еще больше увлеклась итальянской музыкой, чем в столетии минувшем. О них говорили просто — «итальянцы», «Италия». Не являлся исключением и князь Юсупов, которой узнал и полюбил итальянское искусство непосредственно под благодатным небом этой прекрасной страны, хотя, если судить по разрозненной нотной библиотеке Николая Борисовича, он неплохо знал и другие национальные музыкальные школы.



И.Б. Лампи-старший. «Портрет графа С.С. Апраксина». 1793. ГТГ.

Потому-то на старости лет князь, не имея возможности постоянно жить в Италии, решился перенести ее пусть малую, но явно лучшую часть на улицы Москвы. Если говорить точнее, только на одну из них — Арбат, а еще точнее — на Арбатскую площадь, в дом своего приятеля — хлебосольного графа Апраксина. Арбатский, или, как чаще говорили, Апраксин, театр располагался в здании, которое в советское время изменило свой классический облик на строгий стиль сталинского ампира при перестройке его для Министерства Обороны СССР. Оно и ныне стоит на своем прежнем месте. А.И. Куприн описал бывшую усадьбу Апраксина в «Юнкерах», когда здесь уже располагалось

Александровское военное училище. В конце XVIII века тут недолгое время «квартировал» и Московский Английский клуб, первые годы своего существования весьма склонный к «перемене мест».



Томас Райт. «Портрет А.Я. Булгакова». 1843. ВМП.

В 1821 году Юсупов решается на организацию «Общества Итальянской оперы», которое в материальном плане вскоре ляжет фактически на него одного. Еще в 1819 году главный московский театральный чиновник, захудалый князь П.И. Тюфякин высказал пожелание пригласить из Одессы в Москву Итальянскую оперу, но сам ничего для этого не сделал. Удовольствие слушать итальянцев стоило приличных денег, а князь Тюфякин предпочитал казенные экономить, не без пользы для себя лично, так что в среде московской аристократии пришлось создать

«капиталистическое предприятие» — «товарищество на паях». Цена пая определялась в три тысячи рублей. Кроме того, на пайщиков ложились все возможные убытки от театрального предприятия. Известны фамилии некоторых из участников «предприятия» — граф Апраксин, графиня Панина, князь Демидов, граф Кутайсов, графиня Бобринская, княгиня Белосельская, московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын, князья Д.В. и М.П. Голицыны. Двое последних вместе с Н.Б. Юсуповым составили Дирекцию, которая, собственно, и держала Итальянскую антрепризу в Москве.

К.К. Гампельн «Портрет К.Я. Булгакова». 1825. ВМП.

Основные организационные хлопоты легли, как водится, на старика Юсупова, умевшего с блеском осуществлять всякое дело. Он «выписывает» из Италии сборную оперную труппу. В ее состав входили уже опытные актеры, а во главе стоял знаменитый Луиджи Замбони[255]. Кое-кто из приехавших в Москву служителей муз оказался староват для оперного пения, что не сильно радовало публику — ведь мастера бельканто и тогда почти не владели искусством сохранения оперных голосов[256]. Когда один из певцов антрепризы — Камполлюччи отправился в Тулу с концертом, то Николай Борисович дал ему рекомендательное письмо к губернатору, где отметил, что певец «не из лучших в труппе», имея в виду именно изношенность его голосового аппарата.

Антреприза с самого начала встретила многочисленные трудности. Замбони, обещавший привезти с собой из Одессы приличный оркестр, слово свое нарушил. 1 июля 1821 года Николаю Борисовичу пришлось обращаться в Орел к Алексею Григорьевичу Теплову с просьбой «одолжить» его «отличный» крепостной оркестр на год. Видимо, собственные княжеские оркестранты тогда не могли составить необходимый для полноценных оперных спектаклей коллектив. Позднее к оркестру антрепризы присоединились отдельные исполнители-итальянцы, к примеру, выдающийся кларнетист Форнари.

Годовой абонемент антрепризы составлял, как и в Одессе, 80 спектаклей. 2 бенефиса полагалось директору, но фактически сбор от них шел всей труппе. Театральное удовольствие оказалось делом не из дешевых — как для Дирекции, так и для публики. Годовые абонементы стоили немалых средств. Театр состоял из трех ярусов лож и рядов кресел в партере. Ложа в первом ярусе на сезон стоила 2400 рублей, в бенуаре — 1600, а во втором ярусе — 1000. Кресла первого — восьмого рядов — 10 рублей ассигнациями за спектакль; остальные — 5. Всего кресел насчитывалось 150, но во втором и третьем сезонах количество их каким-то образом удалось довести до 174.

Москвичи не сразу оценили итальянское искусство — годовые абонементы продавались и в середине первого сезона. Вот что писал брату К.Я. Булгакову 4 января 1822 года о покупке такового А.Я. Булгаков, неизменно следовавший моде второй столицы: *«Вчера итальянцы давали «Jurco in Italia» («Турок в Италии» Дж. Россини, — **А.Б.**); им очень аплодировали, да и славно пели; что больше вижу эту оперу, тем более мне нравится; театр, как всегда, был полон… Воротясь из Петербурга, так и быть абонируюсь на креслы, возьму в шестом ряду, где стоит только 400 р. Я, как ребенок, смеюсь Занбоною, славный актер!»*[257].

В Италии князь Николай Борисович постоянно принимал актеров у себя дома, сажал их за свой стол обедать, что вызывало у чопорной аристократической публики негодование. Московских «аристократов», состоявших преимущественно из мелкого и среднего дворянства, такое поведение Юсупова тоже возмущало. Николай Борисович, как истинный аристократ, не обращал внимания на пресловутое «общественное мнение». *«Вчера обедал я у Юсупова, — писал брату в начале 1821 года А.Я. Булгаков, — … была пропасть Итальянцев; его девки должны были играть оперу (то-то бы одолжили!). Князь Дмитрий Владимирович Голицын (московский генерал-губернатор. — **А.Б.**) забыв, что Сочельник, обещал быть, но потом вспомнил, прислал извиниться, и опера отложена до сегодня. Татарский князь звал опять к себе…»*

Николай Борисович принимал самое непосредственное участие в том, что называется «театральным процессом». 6 декабря 1821 года Булгаков сообщает брату следующее: *«Нового ничего не знаю, кроме того, что Юсупов, таскаясь по холодным репетициям, лестницам и театрам, занемог.*

Гуляя с женою, мы зашли по его просьбе смотреть Поздняковский дом, который он купил и славно отделывает, прикупает еще место напротив, ибо тесно для людей, а пристраивать негде. Ему хочется тут поместить Итальянский театр со временем, и для меня этот театр лучше Апраксинского, для сцены, которая обширнее, для зрителей и для разъезда»[258].

Все же спектакли продолжали идти в театре генерала от кавалерии графа Степана Степановича Апраксина на Арбатской площади, хотя многие находили его весьма неудобным, и так судили-рядили вплоть до ликвидации Итальянской антрепризы. В «Историческом путеводителем по Москве» 1831 года помещено описание театрального здания, тогда в нем уже играла французская труппа: *«Взглянем прежде всего, на сей огромный дом нашего знаменитого вельможи. Занимая обширный неправильный параллелограмм, коего бока построены один на Арбатскую площадь, а другой в противоположный проулок, куда ездят сквозь арку. Главный фасад на Знаменку; надобно признаться, что мало находится столь огромных домов из принадлежащих частным лицам… Внутренность Театра мала, но не дурно расположена»*[259].

Итальянская антреприза просуществовала сравнительно недолго — неполных шесть сезонов, с 1821 по 1827 годы. После смерти императора Александра I из-за объявленного в ноябре 1825 года траура спектакли пришлось прекратить вплоть до 21

июля 1826 года.

Первый же спектакль антрепризы состоялся 12 ноября 1821 года и начался в 7 часов вечера. Пели Анти, Замбони, Този, Перуццуи, Рота, Козелла, Граничи. Давалась опера «Турок в Италии» Джоаккино Россини. Второй спектакль — тоже россиниевская опера — «Золушка» (в России эту оперу чаще называли «Сандрильона») имел значительно больший успех. Пели — первая певица труппы Анти, исполнявшая драматические партии, контральто «девица Замбони» и госпожа Перуцци, видимо, жена тенора труппы Перуцци.

Л.Э. Виже-Лебрен. «Портрет певицы Анжелики Каталани». ГМУА.

Луиджи Замбони (1767–1837) занимал в труппе

исключительное положение. У нас в России его иногда называли Дзамбони, что дела не меняло. Это был выдающийся певец своего времени. В Италии именно он первым спел партию Фигаро в «Севильском цирюльнике» Россини. Композитора певец знал еще в детстве. На итальянской премьере опера оказалась освистана из-за нанятой врагами клаки, но Замбони вызвал аплодисменты даже у клакеров после исполнения знаменитой арии в первом акте, которую те впервые слышали. У клакеров, как настоящих итальянцев, оказался музыкальный вкус. Замбони прославился не столько в качестве вокалиста, каковых в Италии всегда имелось предостаточно, но именно как комический актер-певец. В Москве Замбони сочинил одноактную оперу «Супруг-отшельник», посвященную Николаю Борисовичу Юсупову. Ее исполнение состоялось на сцене апраксинского театра в 1823 году.

Вкусы московской публики той поры мало отличались от вкусов публики итальянской. Иные, скажем так деликатно, проходные оперы знаменитого Россини и в России, по примеру Италии, не пользовались особым успехом. Иные же вызывали бурный восторг слушателей. Об итальянцах писал Пушкин в письме к Дельвигу из Одессы 16 ноября 1823 года: *«Правда ли, что едет к нам Россини и Итальянская опера? — Боже мой. Это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти!»*[260]. Действительно, как не затосковать, если:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини…

В репертуаре Итальянской антрепризы, по подсчетам историков театра, преобладали сочинения Россини. Из 50 поставленных опер ему принадлежало 14. Таким образом, в Москве оказались исполнены практически все крупные произведения гениального итальянского композитора (исключая самые ранние и поздние): «Отелло», «Моисей в Египте», «Танкред», «Итальянка в Алжире» и, конечно же, знаменитый и любимый во всем мире «Севильский цирюльник» на сюжет комедии Бомарше, к появлению на сцене которого Юсупов имел некогда самое непосредственное отношение.

«Итальянский театр по-прежнему составлял отраду ревностных почитателей Россини, — сообщал «Московский Телеграф» в первом номере за 1825 год. — Нельзя не отдать справедливости искусству певцов Итальянских, завидной гибкости голосов их и вообще всему устройству здешнего Итальянского

театра, составляющего одно из любимейших удовольствий образованного класса Московских жителей; за это можно простить излишнюю привязанность сего театра к Россини; но поверят ли нам наши потомки…, когда мы скажем, что в продолжение четырехлетнего здесь пребывания труппы ни одна Моцартова опера не была играна на Итальянском театре»[261].

«Свадьба Фигаро» Моцарта действительно первый раз появилась на сцене московской антрепризы только в 1827 году — так сильно оказалось увлечение Россини и итальянцами. Справедливости ради нужно отметить, что далеко не все даже лучшие оперы великого Россини на долгое время удерживались в репертуаре антрепризы, а что уж говорить о произведениях малоизвестных Валентино Фиорованти или Павези?

В репертуаре театра имелись признанные шедевры итальянской оперной музыки, сочиненные не только Россини, — «Тайный брак» Чимарозы и «Служанка-госпожа» Паизиелло. *«Впрочем, — сетовал автор «Московского Телеграфа», — с публикой делать нечего; она требует и хвалит одного Россини»*[262]. Кстати, в фондах музея-усадьбы «Архангельское» хранится письмо Чимарозы, обращенное к Юсупову, свидетельствующее об их знакомстве, вероятно, еще по Петербургу.

Репертуарная политика Московской Итальянской антрепризы походила на ту, что придерживались в любом небольшом оперном театре самой Италии того времени, с той только разницей, что после 1823 года сочинения Россини в Италии постепенно стали забывать и за новинки не считались, тогда как в белокаменной Москве Россини просто царил. В известной мере, московская публика оказалась столь же падка на новые произведения, как и итальянская, только доходили они до второй столицы России далеко не сразу. Автором этих новинок были второстепенные композиторы, мода на которых быстро проходила.

«В угоду публике» исполнители не пренебрегали и дополнениями, то есть традиционными тогда вставными номерами в спектакль. В бенефис госпожи Перуцци в оперу «Ченерентолла» вставили русскую народную песню «Выйду ль я на реченьку» в переложении Кашкина, что вызвало овацию. Автор стихов этой песни Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, один из возобновителей в 1802 году Московского Английского клуба и его почетный член. В более поздние времена в сцене урока в «Севильском цирюльнике» неизменно звучал «Соловей» А.А. Алябьева, разумеется, дополненный и украшенный

«немецкими» колоратурами, а не первоначальный вариант автора, предназначенный для тенора.

Оперные и балетные спектакли в 18-ом и 19-ом столетиях в один вечер часто объединялись — к опере добавлялся балетный дивертисмент. В 1824 году «чудак старый камергер Ржевский», по образному выражению Булгакова, сдал в аренду Итальянской опере своих крепостных танцовщиц. Устроил это князь Юсупов, старый знакомый Григория Павловича Ржевского. Балетные дивертисменты украшали постановки московской итальянской труппы. Николай Борисович, в ответ на поздравления Ржевского с новым, 1824 годом, желал ему *«и чтобы заготовленные Вами балеты были успешны и принесли Вам и публике совершенное удовольствие»*[263].

В 1825 году при Ф.Ф. Кокошкине, руководившем тогда Императорскими театрами, крепостных танцовщиц Ржевского приобрел для своей балетной труппы Большой театр. В Большом их секли розгами за ошибки в танцах точно также, как и на барской конюшне… Участвовали в представлениях Итальянской оперы танцовщицы и музыканты «Капели» Николая Борисовича — в хорах, балетных дивертисментах, а при необходимости играли в оркестре.

Театральное предприятие пользовалось большим успехом; ездить к «Итальянцам» стало не просто модно, но… В 1824 году обнаружился дефицит бюджета антрепризы на сумму 215 тысяч 598 рублей. Обратились к пайщикам за помощью. Откликнулся один только граф Кутайсов, давший 10 тысяч рублей. Император Александр I в субсидии отказал, но приказал купить 10 паев, что составило порядка 30 тысяч. Остальное — без малого двести тысяч — выплатили князья Д.В. и М.П. Голицыны и князь Н.Б. Юсупов. С той поры они одни держали антрепризу вплоть до 13 февраля 1827 года, когда труппа, дав последний спектакль, была распущена окончательно.

После финансового краха оперы по настоянию ее директоров в театре произошли некоторого рода изменения. Выписаны новые исполнители — госпожа Тегиль, тенор Монари и бас Спиачи[264]. Как водится, для привлечения публики выписали звезду первой величины — Анжелику Каталани. Ее портрет и ныне украшает один из парадных залов в Архангельском. В марте 1824 года знаменитая певица давала концерты в Москве; 27 мая выступила на сцене Итальянской оперы в «Танкреде» Россини, а в свой бенефис здесь же пела в россиниевской «Итальянке в Алжире».

Московская публика далеко не сразу по достоинству оценила Итальянскую антрепризу — нужно было вслушаться, а уже потом

полюбить. Вот что писал в «Вестнике Европы» за 1823 год о первых годах ее существования князь Владимир Федорович Одоевский, выдающийся русский писатель и музыкальный критик, многолетний член Петербургского и Московского Английских клубов. Это его дневниковый цикл «Дни досад».

А. Покровский. «Портрет князя В.Ф. Одоевского». 1844. ВМП.

«Хотя уже побило семь часов, но театр был еще почти пуст, когда я пришел к креслам; тут я вспомнил, что жертвующие хорошему тону наперерыв стараются как возможно позже приехать; мущины для того, чтобы, торопливо пробегая ряды кресел, на вопросы знакомых отвечать с лицом будто негодующим: «я обедал у князя Знатова; он задержал меня» и проч. А дамы для того, чтобы, входя в ложу, иметь удовольствие застучать стульями, оборотить на себя несколько лорнетов и произвести в

театре маленький шепот, который женское самолюбие трактует в свою пользу»[265].

Когда речь заходила о причинах подобного посещения и поведения в театре, Одоевский собственные мысли вкладывал в уста некоего старика: *«Не верьте им! — отрывисто отвечает мне старик, поглядывая из подлобья на окружающих нас общих знакомых, — не верьте им! — повторил он. — Одни слыхали, что надобно восхищаться итальянской музыкой — и от того ею восхищаются; другие же потому, что хороший тон требует сих восхищений; в самом же деле большая часть из них умирает со скуки»*[266].

Московская публика после первых месяцев работы стала относиться к Итальянской опере совсем иначе — с бешеным восторгом и энтузиазмом. Нет сомнения в том, что и князь Юсупов очень дорожил своим детищем. Николай Борисович использовал любую возможность для популяризации Итальянской оперы, для получения ее актерами наград и внимания Высочайших особ. Во время коронационных торжеств в Москве в 1826 году, организатором которых являлся князь в качестве Верховного Маршала, Итальянская труппа дала несколько парадных спектаклей для Двора в Большом театре.

В своем новом доме на Большой Никитской Юсупов во время коронационных торжеств также давал прием для Императорской фамилии. Здесь в декорациях Пьетро Гонзага, близкого друга и почитателя Николая Борисовича, Итальянская опера показала искрометную оперу-буффа Фьорованти «Деревенские певцы».

Царская семья не оставляла вниманием Итальянскую антрепризу и в дальнейшем. 7 октября 1826 года А.Я. Булгаков сообщал брату: *«Сегодня был я в Италии, куда явился и великий князь Михаил Павлович, только был в ложе Юсупова и сидел сзади, так что его никто не видел… Давали «Севильского цирюльника» и шло очень хорошо»*[267].

Согласно старой и доброй театральной традиции, московская публика и в Итальянской антрепризе разделилась на несколько враждующих лагерей. Два самых крепких объединяли в себе поклонников Россини и Моцарта — Россинистов и Моцартистов. Последним жилось хуже. Ведь даже такой шедевр Моцарта, как «Дон Жуан» оказался поставлен лишь в сезон 1826–1827 годов.

В публике имелись и другие партии. Лучше всех об этом знал, естественно, сплетник Булгаков: *«19 генваря 1822 года. Жаль только, что заводится большая интрига и не у актеров, а у зрителей: все партии. И Гедеонов дурачина, коего посадили директором, вместо того, чтобы возвышать гения всякого, хулит всех, а хвалит одну Anti, в которую влюблен. Что же дирекции за*

выгода, что будут освистывать Замбонио, и что театр будет пуст, когда она поет? Худой расчет, а ежели отца Замбонио огорчать станут, все пойдет к чорту, ибо все им держится. Юсупов мне предлагал директорство, но я с ума еще не сошел. Тут служат Юсупову и сотрудники, а не Государю, да не 50 тысяч жалования, а ложа из милосердия. Негри за все свои труды и кресел не принял, а платил за них»[268].

Не только художественные впечатления получали зрители от спектаклей оперы, точнее — не только зрители. Вот что рассказал Булгаков об одной из «посетительниц» театрального дома: *«1 июня 1822 года. Вчера в Итальянской опере большая крыса всех напугала, в ложе Кашкиных она одну даму схватила за ногу, та закричала, крыса вспрыгнула и бросилась на жену нашего сахара Щербатова, сидевшего возле в ложе, откуда побежала в партер. Гриша Корсаков ударил ее палкою, и она исчезла… Дамы так были напуганы, что малейшее движение им казалось крысою, и я все мучил Вяземскую, которая выезжает брюхатою toute malade и не таится, что она брюхата»*[269].

Во многом благодаря Итальянской опере Москва все более превращалась в один из музыкальных центров Европы, куда приезжали знаменитости. 20 июня 1822 года Булгаков рассказал брату об очередном гастролере-итальянце: *«Хоть не даром был я на обеде: и у нас появился свой Castelli, некто Campolucci, довольно хороший бас… дает концерт; все Итальянцы поют для него безденежно; Апраксин дает ему залу, Юсупов освещение и музыкантов, а мы все беремся за раздачу билетов»*[270].

Злополучное директорство Гедеонова в антрепризе кончилось скоро. 6 июля 1822 года Булгаков не без злорадства сообщал следующее: *«Нового у нас ничего, кроме истории Гедеонова экс-директора. Он приехал к Anti, застал у нее Пашкова, молодого человека, из ревности ее изругал, а она дала ему оплеуху; он, было, за трость, Пашков его обезоружил, а Anti пустила в него шандалом и убежала. Входит муж. Гедеонов начал мужу на жену доказывать… Anti поехала с мужем к князю Дмитрию Владимировичу Голицыну (генерал-губернатору, — **А.Б.**) жаловаться, а Гедеонов к Юсупову; этот выслушал все, расхохотался и прибавил, что ему неприятно мешаться в дела мужа с женою, что его дело, чтобы опера шла хорошо; вы же, прибавил князь, более не директором»*[271].

История с Гедеоновым на этом не закончилась. Спустя несколько лет — 8 апреля 1825 года Булгаков сообщил брату ее окончание: *«На этом концерте (скрипача Липинского. — **А.Б.**) был другой феномен: Гедеонов в большой Анне. Это такую произвело суматоху, что он, пробыв очень мало времени, уехал домой. Право,*

стыдно за Юсупова, и все его ругают, что он осмелился во зло употребить расположение Государя награждать за службу. Право, сто раз приятнее быть обойденным, нежели без всякой заслуги получить такое отличие»[272]. Надо полагать, Николай Борисович выхлопотал Гедеонову орден в знак примирения за прошлые обиды.

Г.И. Скородумов (?) «Концерт». Карикатура. ГТГ.

В конце января 1827 года, как сообщает Булгаков, *«было объявлено о банкротстве князя Михаила Петровича Голицына… на 3 миллиона с лишком. Многих пустил по миру… Странно, что эти Голицыны или скряги, или моты»*[273]. Михаил Петрович являлся одним из директоров Итальянской антрепризы и поддерживал ее материально.

Несколько дней спустя стала очевидной невозможность продолжения работы Итальянской оперы, что вызвало в среде московских театралов неподдельное горе. 8 февраля 1827 года скончался граф С.С. Апраксин, в театре у которого шли спектакли итальянцев. Три дня спустя А.Я. Булгаков писал брату: *«Ну, брат, настает прощание с Италией! Ох, жаль! А Кокошкин едет в Петербург за лентою, т. е. везет, сказывают, с лишком 200 тысяч накопленных экономиею своею денег. Это значит, что везде отрезывают от самонужнейшего содержания актеров (Императорский театров. — **А.Б.**). Господа эти всю пользу служебную обращают на одно свое лицо. Все это толковал мне вчера Юсупов»*[274].

Никола де Куртейль. «Вакханка». ГМУА.

14 февраля 1827 г. *«Увы, расстались мы с итальянцами. Мы слышали вчера в последний раз «Семирамиду». Пели нельзя лучше на прощание. После начали вызывать: сперва вышли Анти, Тегиль и Този. Хлопали, кричали браво… Потом вызвали Перуцци, он был уже во фраке; его заставили два раза спеть арию его во втором акте. Потом вызывали Замбони, не игравшего даже в «Семирамиде», а там т-те Perruzzi, долго ее ждали, ибо ложилась уже спать… Ей очень долго кричали, аплодировали. Когда я уехал, то вызывали суфлера, коего и труппа, и публика очень любят: он нам всем списывает все арии и любимые пьесы. Такой суфлер клад…»*[275].

На следующий день, 15 февраля, Булгаков подвел своеобразный итог: *«Сегодня хоронили Апраксина. Все было очень великолепно, но не так-то много было на похоронах, как бывало на балах покойного. Так-то все бывает на сем свете»*[276].

Финал гремит; пустеет зала…

Однако князь Николай Борисович не остановился в своих театральных начинаниях. Он решает организовать в Москве Французскую труппу. 21 апреля 1827 года, не прошло еще и двух недель со дня ликвидации Итальянской оперы, как Булгаков уже пишет, что «Все бесятся на Кокошкина, особливо Юсупов» за то, что Кокошкин, боясь конкуренции, запретил в Москве устройство Французского театра.

Никола де Куртейль. «Портрет Анны Боруновой за клавикордами». 1821. ГМУА.

30 апреля Булгаков описывает продолжение театральной интриги, плетущейся уже на высшем уровне: *«Здесь вышла большая канитель по Французскому театру. Юсупов торжествует, что князь М.П. Волконский (министр Двора. — **А.Б.**) написал князю Д.В. Голицыну (московскому генерал-губернатору — **А.Б.**), что не хочет входить ни во что, что пусть князь делает как хочет, сам выписывает труппу, должна быть на ноге бывшей Итальянской, то есть частной, а не Императорской; что Государь для удовлетворения здешней публики будет давать по 30 тысяч в год; стало лишаются театра, декораций, костюмов и*

*проч. Юсупов предлагал Карцову (которая, может быть, и сама была актрисою), чтобы за 15 тысяч с сим задатком ехала в Париж и бралась набрать славную труппу в короткое время. Князь Дмитрий Владимирович (Голицын. — **А.Б.**) не согласился тогда, а теперь она не хочет… Давайте-ка нам Итальянцев, когда вам немного надоедят»*[277].

Французская труппа действительно стала играть в Москве, взяв в аренду все тот же театр Апраксина на Знаменке, но все это было уже не то… Среди знаменательных художественных «достижений» этого театрального сообщества — коллективная публичная драка — актеров с актрисами. Ее потом долго обсуждали.

Русская народная картинка «Ах, барыня, барыня…». Гравюра. 1858.

Прав оказался князь В.Ф. Одоевский, писавший, что *«Итальянская труппа приучила нас к прекрасному исполнению и в сем случае не изменила уверенности просвещенной публики…»*[278].

Закрытие Итальянской оперы отнюдь не ознаменовало собой конец театральных увлечений Николая Борисовича. У него оставалась собственная крепостная труппа, которая могла хотя бы отчасти удовлетворить художественные запросы князя. Это его замечательная «Капель» — так на русский манер переделали чиновники княжеской домовой канцелярии заграничное слово

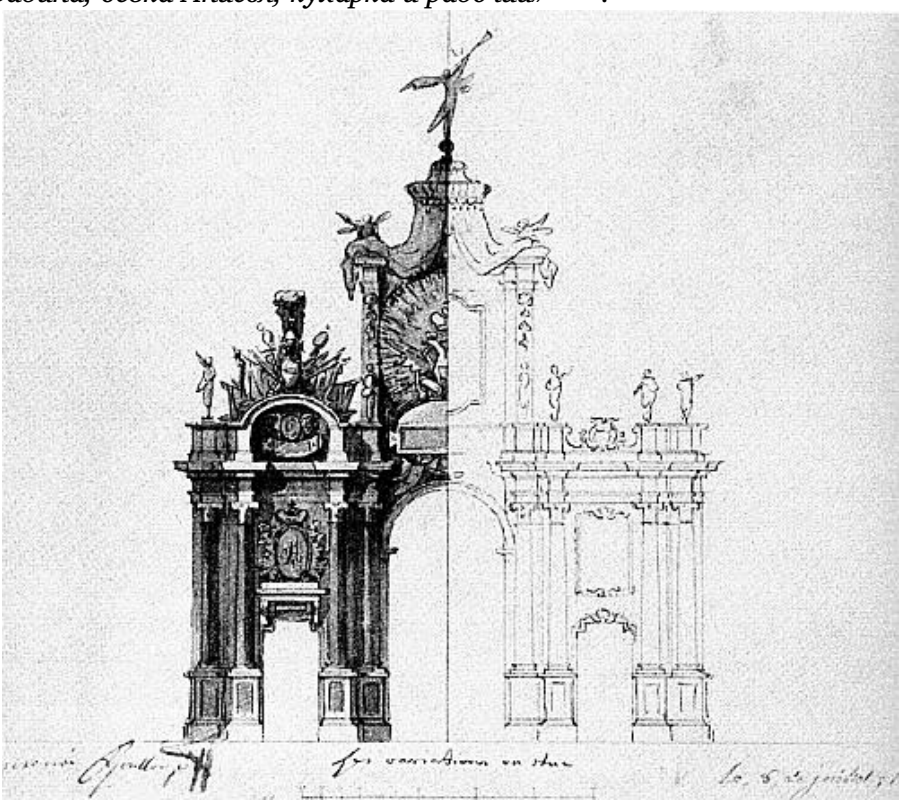
«капелла».

В Москве Юсупову принадлежало два значительных по размерам здания, в которых его «Капель» могла давать представления — старый дворец у Харитония в Огородниках и новый дом на Большой Никитской. С начала 1820-х годов, то есть с момента покупки, зимами Николай Борисович чаще жил в новом домовладении — оно располагалось значительно ближе к месту службы — Московскому Кремлю, но и родовой дворец тоже не забывался. У этих двух городских усадеб, как и большинства старых московских домов, своя, увлекательная история. Дабы не отвлекать читателя от описаний театральной деятельности князя Юсупова, рассказ об их истории пришлось перенести в конец книги.

Никола де Куртейль. «Актриса труппы кн. Н.Б. Юсупова в роли Вакханки». ГМУА.

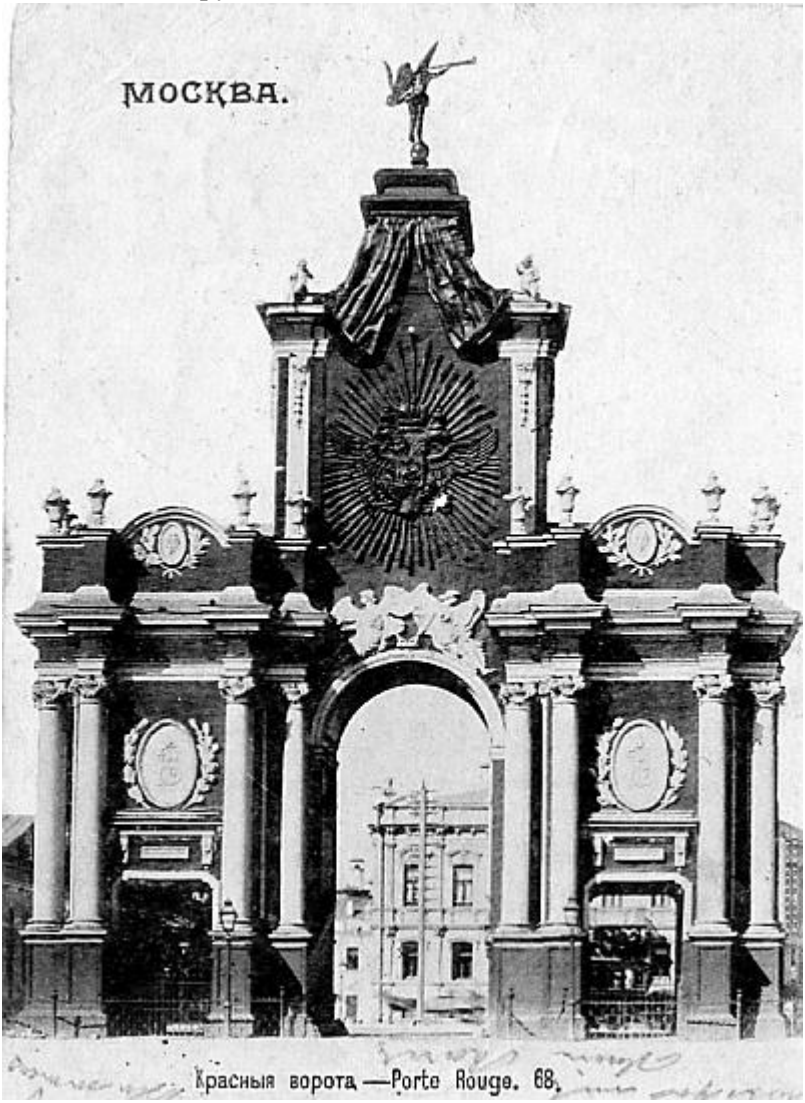
Жизнь крепостного актера в России была, что называется, далеко не сахар. Свидетельств жестокого обращения дворян-крепостников со своими холопами сохранилось предостаточно. Чего стоит одна трагическая повесть Н.С. Лескова «Тупейный художник», имеющая вполне реальную основу. У Юсупова все

обстояло совершенно иначе. В театральную «Капель» к Николаю Борисовичу крепостные сами старались пристраивать детей. Причем чаще делали это те из подданных князя, кто занимал у него в доме известное привилегированное положение и нужды особой не испытывал — так называемая «дворовая аристократия». Они, как выразились бы в наши дни, «использовали свое служебное положение». Бухгалтер Петр Курочкин пристроил дочерей Авдотью и Елизавету в танцовщицы, буфетчик Андрей Подлужный тоже отдал в балет двух дочерей — Софью и Арину. Софья Малинкина — знаменитая танцовщица и, по слухам, «барская барыня» была дочерью приказчика из села Спасского. «Смотрительница за девушками» Аграфена Бабина отдала учиться танцам дочь Елену, а уж она-то знала всю подноготную жизни крепостных актрис. Равно и музыканты «Капели» Дмитрий Соколов и Семен Ивченков пожертвовали Терпсихоре дочерей Домну и Любовь. Двое писарей княжеской канцелярии, в более поздние годы совершившие значительное восхождение по иерархической лестнице крепостной аристократии, — Илья и Павел Щедрины вели особый «Реестр девицам», среди которых значилась и их сестра Матрена, солистка балета. В «Реестре девицам» сообщается, что к ним приставлены: *«смотрительница Бабина, девка Анисья, кухарка и рабочий»*[279].



Пьетро Гонзага. «Проект оформления Красных ворот в связи с коронацией Александра I». 1801. ГЭ.

Немало внимания в труппе уделялось и созданию театральных династий, таланты, можно сказать, искусственно выводились. Браки полагались не по любви, а по указанию барина и подтверждению его конторы. Актрисе при замужестве от князя полагалось приданое — постель и свадебный пир, на которые отпускалось по 43 рубля 20 копеек.



Москва. Красные ворота. Открытка 1910-х гг. Собрание автора.

Подготовка будущих артистов княжеской труппы имела

вполне профессиональную школу, рассчитанную на несколько «возрастных групп». После смерти Николая Борисовича был составлен «Именной список дворовых…», в котором были указаны имена всех актеров труппы. Среди них были и «маленькие», т. е. ученицы, только готовившиеся к сцене, что обеспечивало преемственность актерских поколений. Обучение обычно начиналось с семи лет, но некоторых детей отдавали и раньше — в пятилетнем возрасте. В Юсуповской «театральной школе» обучали не только танцам, но и чтению, письму, музыке. Большинство опер в то время исполнялось на языке оригинала, поэтому в расходных книгах княжеской канцелярии можно прочитать такие записи: *«Выдано итальянскому учителю г. Фасолию с 15 июня по 12 число июля за 12 визитов 100 рублей; ему за купленные итальянские 9 книг — 46 р., итого 146 рублей»* или *«13-го июля 1826 года: Заплачено в книжную лавку господина Глазунова за чтение книг с сего числа впредь на один год 30 руб.»*.

В мае 1831 года, незадолго до смерти князя, учителю французского языка Брауре за семь уроков, данных единственной ученице Елизавете Курочкиной, заплатили по 10 рублей 80 копеек за урок.

Вокал преподавали итальянцы Паини и Перотти, а также отечественный «Регент Василий Григорьевич» — тогда традиции православной музыкальной школы позволяли ставить голоса не хуже итальянских вокализов. Соотечественнику, как водится, платили не слишком щедро — 35 рублей за целый месяц. Предполагалось, что Паини одновременно с уроками будет выступать на сцене антрепризы, но Юсупов возражал, справедливо считая итальянца слишком старым. Так что особого преклонения перед заграничными мастерами Николай Борисович явно не испытывал, отнюдь не брезгуя заменять их соотечественниками, если последние обладали необходимой квалификацией.

Обязательными для девушек «Капели» являлись уроки игры на клавикордах, которые давали капельмейстер Шиндлер и музыкант Доминичини. Первый получал три, а второй уже пять рублей за одно занятие. На гуслях же учил играть просто «некий Померанцев». Хорошей школой служило посещение итальянского и русского театров в Москве, где актеры «Капели» набирались сценического опыта и где для них брались две ложи с приставными стульями.

Первоначально танцы в труппе у Николая Борисовича преподавал танцмейстер Иосиф Соломон, также дававший уроки студентам Московского университета, которые тогда обязаны

были быть «культурными во всех отношениях». За уроки Соломону ежемесячно платили 60 рублей. Известный московский балетный педагог Иогель занятий у Юсупова, вопреки мнению «воспоминателей», никогда не вел.

10 апреля 1824 года в документах Юсуповского архива впервые упоминается знаменитая французская танцовщица и балетный педагог Фелицата Вирждиния Гюллень-Сор (1805–ок.1860), приглашенная в Россию в 1823 году и оставшаяся здесь до конца дней[280]. За один урок ей платили целых 16 рублей 20 копеек. Гюллень-Сор исполняла обязанности не только педагога и балетмейстера, но и художественного руководителя «Капели». Она поставила для Юсуповской труппы несколько балетов, в том числе «Зефир и Флора», «Севильский цирюльник». Гюллень-Сор одновременно танцевала на сцене Большого театра, а позднее преподавала в Московском театральном училище. В 1831–1833 годах она исполняла обязанности не только первой танцовщицы, но и главного балетмейстера московского Большого театра — немыслимое, сказочное и неповторимое сочетание в истории главного театра страны. Среди ее учениц знаменитые русские танцовщицы Е.А. Санковская и Т.С. Карпакова. Балетная труппа Юсупова, как видно, пребывала в надежных и очень профессиональных руках. Часто вместе с наставницей девушки из «Капели» ненадолго уезжали в Архангельское — на отдых или для подготовки торжественных спектаклей-дивертисментов в театре Гонзага, предназначенных для «высоких гостей», принимавшихся князем. Последняя такая поездка состоялась в год смерти Николая Борисовича — 26 июня 1831 года. Последняя же выплата знаменитой балерине непосредственно за обучение труппы датируется 10 сентября 1829 года, после чего, видимо, Гюллень-Сор работала с «Капеллой» лишь эпизодически.

Портрет Гюлень Сор. Рисунок 1830 гг.

Из всего сказанного создается впечатление, что Юсупов не предполагал создавать у себя полноценный театральный коллектив. Вполне профессионально и полно по составу выглядел лишь княжеский оркестр, которым руководил дирижер Филипп Овчаров. В разные годы состав оркестрантов менялся. В 1825 году он состоял из 21 музыканта, на следующий год — 29, в 1830 — из 25, а в 1832 из 23. При оркестре также имелись ученики, которых в 1825 году насчитывалось девять, а в 1830 — пятеро. В 1825 году в составе оркестра было 6 скрипок, 2 виолончели, по одному исполнителю на контрабасе, фаготе, кларнете и литавре, 3 валторны, по две флейты, трубы и два гобоя.

В 1826 году в княжеской капелле имелось всего по пять певцов и певиц, зато балетных танцовщиц числилось целых 16. Во времена Юсупова мужской танец был еще совсем неразвит, и сведений о танцовщиках найти не удалось. Имевшимся составом вполне можно было дать полноценный балетный спектакль. В 1831 году в театре имелось 5 балетных солисток, 6 девиц в кордебалете и 12 балетных учениц.

Известны имена некоторых наиболее заметных артисток Юсуповской труппы. Певица Елизавета Курочкина, Авдотья Рабутовская «на фортепиано играет», Анна Рабутовская и Авдотья Курочкина — танцовщицы, Наталья Иванова, Матрена Щедрина, Пелагея Филатова — солистки, кордебалет из 6 девиц, среди которых и юная Софья Малинкина.

Содержание «крепостной театральной машины» обходилось Юсупову в очень приличную сумму. В 1819 году на театр истрачено 11 263 рубля и семь копеек, в 1823–7801 рубль с полтиной, в 1824–8630 руб., в 1828 — 10 320 рублей и 21 копейка, 1830–8655, а в 1831–5046 руб., с августа уже 1241 руб., ну а уже в январе 1832 года наследник Борис Николаевич свел все расходы до 79 рублей и 54 копеек. Всего же, по подсчетам Н.П. Кашина, за 1818–1832 гг. на «Капель» ушло 95 458 рублей 52 копейки, а вместе с жалованьем, которое выплачивалось актрисам и музыкантам, — 122 500 рублей, то есть в среднем по 9 тысяч рублей в год, что составляло 7-ю часть всех расходов княжеской канцелярии по дворовым людям.

Вероятно, княжеские музыканты частично состояли, по примеру советских времен, «на хозрасчете», для чего выступали на стороне, в Благородном собрании (клубе московского дворянства) и других местах, что служило Юсупову еще одним, пусть и небольшим, но надежным источником дохода. Каждый артист и музыкант труппы получал из княжеской конторы жалованье — от 15 до 35 рублей ассигнациями. Ученикам платили 5–6 рублей. Однако некоторые музыканты в качестве специалистов получали большие суммы. Так, скрипачу ежегодно выплачивалось 60 рублей зарплаты и 36 харчевых. Остальные музыканты, в зависимости от их «категории», имели заработок в 86, 76 и 70 рублей годовых. Из пятерых певчих один получал 76, а остальные по 70 рублей.

«Девушки при театральной капели», согласно «Тетради о расходе денег для театральной капели и птиц», находились на полном содержании барина, то есть работать «на сторону» они не отпускались, а покупки для них делались непосредственно по указанию Юсупова. Дополнительно только девять девушек получали по 5 рублей в месяц «на сахар и чай».

Сохранилось немало сведений о том, с каким вниманием Николай Борисович относился к здоровью своих «актерок». Так, для видной солистки театра Домны Ракитянской во время ее болезни по приказанию князя купили даже специальную ванну ценой в 8 рублей. Всего же на ее лечение оказалось затрачено 146 рублей 91 копейка. Среди княжеских распоряжений встречаются и такие: «Для жилею Дуняше: ножек телячьих, сахару, яиц, молока

и духов на 1 руб. 89 коп.». Это перечень покупок для питания Авдотьи Рабутовской. Постоянно делались закупки вина, в том числе и для «примочки ног» — больные суставы и сосуды «верный спутник», профессиональное заболевание большинства балетных и в наши дни. Дабы размять ноги, зимой во дворе дома Николая Борисовича для девушек «Капели» строилась гора, на рынке покупали санки для катания. Для сцены же танцовщицам приобретали стразовые украшения, а для подарков — золотые.

Все же театральное дело у князя Юсупова оказалось поставлено настолько хорошо, что многочисленные завистники уже почти два столетия не перестают ругать Николая Борисовича за его театральные успехи. На самом деле, к чему говорить о рядовом явлении русской культуры, когда можно обругать шедевр? Если автору хочется сказать гадость о театре Юсупова и о нем самом, то непременно приводится цитата из воспоминаний Ильи Александровича Арсеньева (1820–1887) «Слово живое о неживых», где сочинитель с гневным, обличительным пафосом пишет о разврате, якобы, царившем в доме и в театре князя Юсупова, беспристрастным свидетелем чему он считал и себя самого. Приведу эту цитату и я. *«Юсупов любил театр и в особенности балет. В Харитоньевском переулке, напротив занимаемого им дома, находился другой, принадлежавший ему же дом, окруженный высокою каменною стеною, в котором помещался юсуповский сераль с 15–20 его дворовыми наиболее миловидными девицами. Этих девиц Юсупов обучал танцам… Великим постом, когда прекращались представления на императорских театрах, Юсупов приглашал к себе закадычных друзей и приятелей на представления своего крепостного балета. Танцовщицы, когда Юсупов подавал известный знак, спускали моментально свои костюмы и являлись перед зрителями в «природном» виде, что приводило в восторг стариков — любителей изящного»*[281].

Этот яркий рассказ о «блудливых похотях» князя Юсупова принадлежит милому мальчику Илюшеньке, которому в день смерти князя Николая Борисовича едва минуло 11 лет, но рассказ «мемуариста» исправно путешествует из книги в книгу, из статьи в статью, особенно когда надо более или менее ярко показать «классовый» характер крепостного театра. Понятно, что автор сам никогда на спектаклях Юсуповского театра в силу возраста бывать не мог. Иногда эта история пересказывается в связи с Юсуповским театром и в Архангельском (для этого сокращается адрес в Харитоньевском переулке), хотя Великим постом князь едва ли бывал в имении — все же холодно, зима, и «девкам» не то, что раздеваться, а даже танцевать как-то неудобно, особенно в

театре Гонзага, где отопления не имелось. В одном широко известном народном стихе о луне и пышных дамских формах говорится о сочинителях подобных историй:

Вот и верь после этого людям…[282].

«Нужно сказать, — пишет в 1927 году Н.П. Кашин, — что Николай Борисович Юсупов, судя по всему, что делалось им для девушек его крепостного балета, вовсе не производил впечатления сластолюбца-крепостника»[283]. Этот вывод, сделанный в пору усиленной классовой борьбы с «проклятым феодальным прошлым», дорогого стоит. Жаль, что даже в наши дни находятся «псевдоисследователи», для которых слова «Юсупов», «гарем» и «разврат» остаются синонимами…

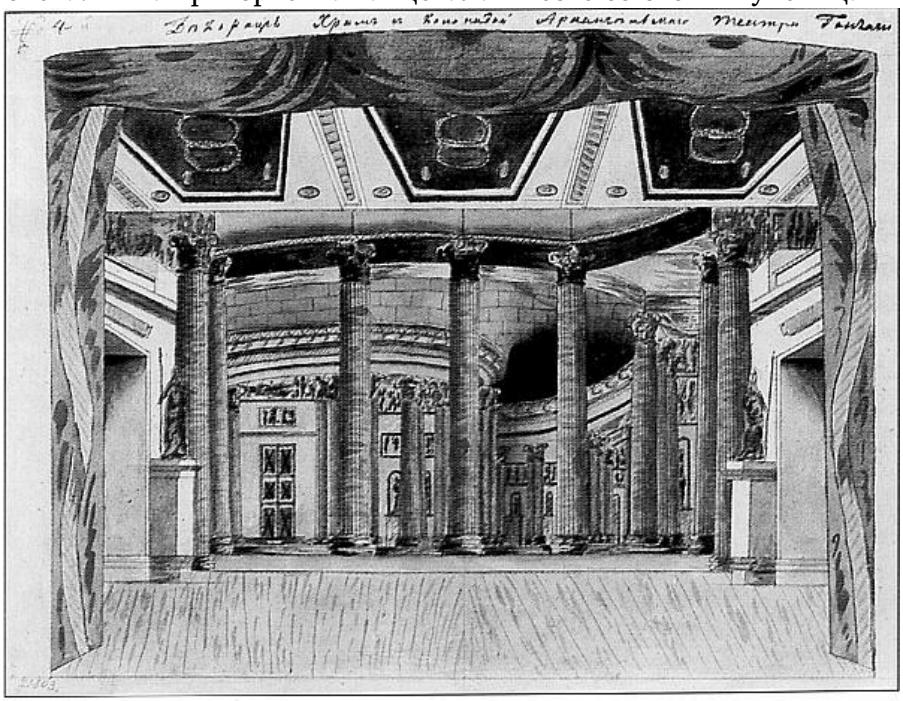
Николай Борисович при всех обстоятельствах оставался не только благородным, но и благодарным человеком. Предчувствуя неизбежный конец своего долгого земного бытия, князь определил судьбу тех, кто разделял его любовь к театру в последние годы жизни. Согласно завещанию Юсупова, после его кончины «вольную» получили все взрослые крепостные танцовщицы и некоторые из крепостных музыкантов «Капели».

Любопытно проследить судьбу некоторых из них. По завещанию отца, князь Борис Николаевич Юсупов дал вольную музыканту Лариону Ивановичу Зуеву. Княжеская контора или канцелярия выдала Зуеву сто рублей «на обзаведение», а остальную, достаточно приличную сумму, завещанную ему старым князем, внесла в Опекунский Совет под проценты, чтобы «означенный Зуев не прожил их скоро». «Билет» Опекунского Совета хранился все в той же канцелярии. Как «прожить скоро» самые большие деньги с помощью кабака, в конторе знали не хуже самого Зуева. Бывший крепостной из Москвы не уехал, а устроился в оркестр одного из крепостных театров на Покровке.

Также поступили еще некоторые члены Юсуповской труппы, как получившие вольную, так и отпущенные новым барином в 1832 году на оброк. На Арбат, к знаменитому московскому танцмейстеру, учившему бальным танцам едва ли не «всю Москву», Петру Андреевичу Иогелю пристроился артист Яков Прохоров Ширяев. Девятерых музыкантов контора отпустила на оброк, а четверых возвратила в слободу Ракитную Курской губернии, откуда происходили многие Юсуповские «служители муз». Ракитное вплоть до революции 1917 года оставалось самым крупным княжеским имением, куда последние Юсуповы приезжали обыкновенно лишь раз в год, во время охотничьего

сезона.

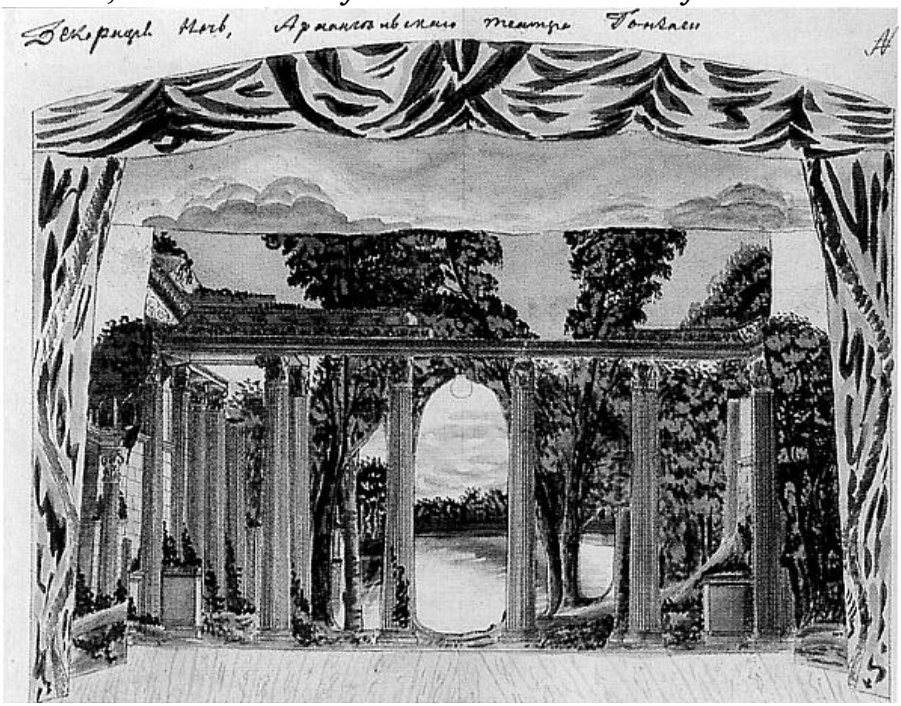
На родину в Ракитную вернулась и примадонна княжеской труппы Анна Григорьевна Рабутовская. Вскоре по возвращении она получила приглашение от помещика И.С. Хорвата, у которого вместе с актерами Канищевым и Зелинским, а также дирижером Леганьковским подготовила к выступлениям крепостную балетную труппу и оркестр. Это был вполне профессиональный гастрольный театр, выступавший с балетами-дивертисментами в городах и на крупных ярмарках. Вероятно, не без финансового успеха. Анна Григорьевна танцевала вместе со своими ученицами.



Неизв. художник. «Храм с колоннадой. С декорации П. Гонзага для театра в Архангельском». ГМУА.

Князь Борис Николаевич Юсупов, наследник обширного театрального дела отца, оставил у себя лишь небольшой крепостной оркестр. Он отличался известного рода скупостью, так что еды музыкантам часто не доставало. Приходилось выступать на стороне, дабы заработать на пропитание. По поводу «трудов налево» возникла довольно оживленная переписка недовольного князя с домашней конторой. *«Предписываю моей канцелярии, чтобы музыканты моей капели без позволения канцелярии не отлучались играть по чужим домам, ибо когда им часто сие позволяют, то они портят свою нравственность и теряют искусство, я же желаю иметь хороших музыкантов, трезвых и доброго поведения, и хотя для их выгод я не запрещаю*

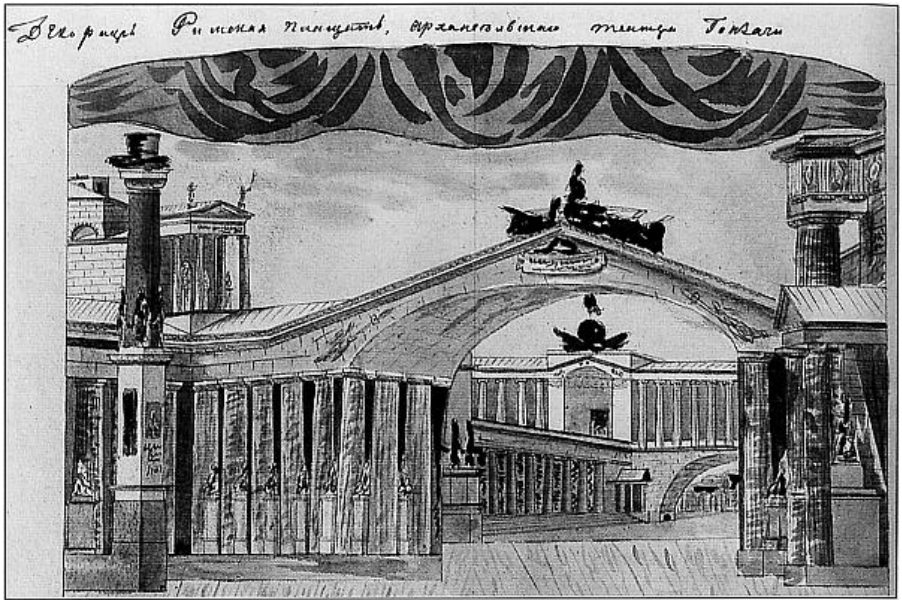
вовсе ходить по домам для игры, но прошу канцелярию наблюдать, чтобыони ходили только в хорошие и благопристойные места! — Деньги же, получаемые музыкантами за игру на стороне, прошу канцелярию иметь под своим наблюдением. Когда же скопится их довольно, то позволять музыкантам делить между собой…»



А.Ф. Ламбер. «Ночь. Верхняя часть. С декорации П. Гонзага для театра в Архангельском». ГМУА.

В ответ княжеская канцелярия отписала, что *«музыкантам приказано, чтоб без спросу канцелярии никуда играть на сторону не ходить: но всякий раз просить бы позволения с объяснением, куда нанимаются играть и за какую цену, а старший из них должен деньги приносить в канцелярию, которые будут записываться в тетрадь и храниться в казначействе, в случае надобности по рассмотрению канцелярии выдавать станут музыкантам и записывать в расход»*[284].

Вместе с тем князь Борис Николаевич 14 января 1832 года предписал той же канцелярии *«Елизавете Курочкиной выдать маленькие клавикорды, находящиеся в большом доме, где я жил».* Князь понимал, что профессиональной актрисе они нужнее, нежели ему самому — исключительно на продажу. Елизавете Курочкиной и ее сестре Борис Николаевич по завещанию отца выдал не только вольную, но и 3 тысячи рублей, Елене Константиновой (она же Бабина) — 500 рублей.



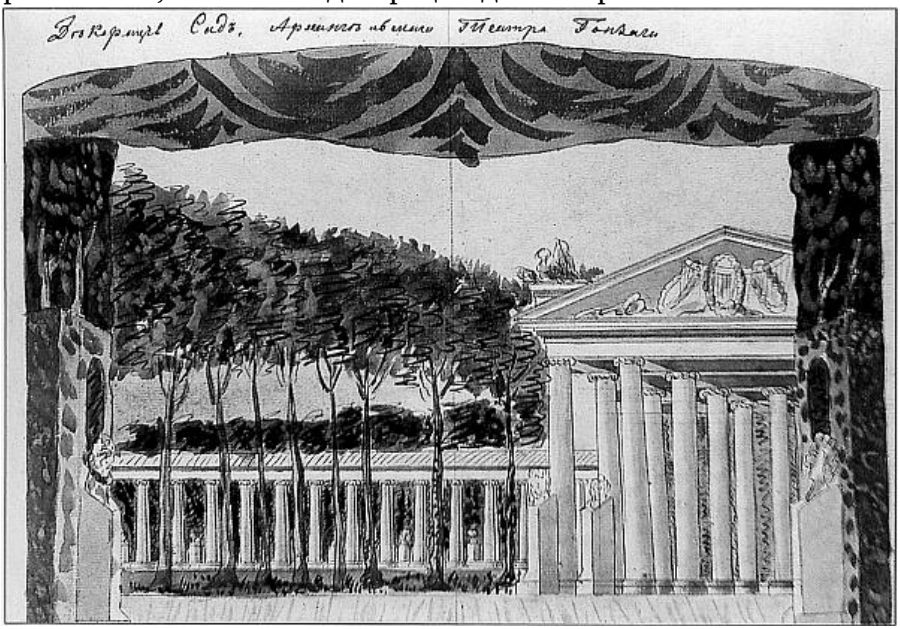
Неизв. художник. «Римская площадь. Декорация П. Гонзага для театра в Архангельском». ГМУА.

29 января 1832 года — дата последнего упоминания «Капели» в бумагах княжеского архива.

Каков же был репертуар Юсуповского крепостного театра? Сохранились сведения о том, что у князя редко ставились произведения целиком. Большинство балетных представлений состояло из дивертисментов, часто национальной, русской направленности. Европейские пасторали дополнялись или заменялись народными танцами — казачком, камаринской. Целиком шли балеты на мифологические сюжеты. До 1824 года их ставил Соломон — «Медея и Язон» (видимо, в хореографии знаменитого Ле Пика, 1819 г.), «Венгерская хижина» Гюллень-Сор. Больше повезло знаменитой пьесе княжеского приятеля Бомарше. «Севильский цирюльник» появился на сцене и как балет, и как опера (правда, исследователи в этом вопросе не пришли к единому выводу).

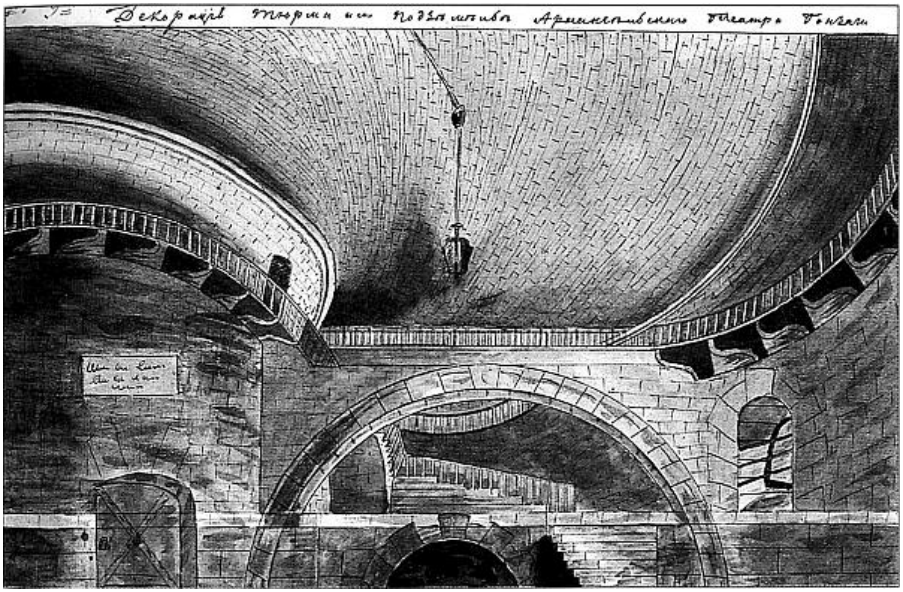
Джоаккино Россини оставался многие годы любимым композитором Николая Борисовича, и за его творчеством Юсупов постоянно следил, но могла ли осилить полновесные оперные постановки сочинений блистательного итальянца небольшая труппа князя? Не сохранились названия большинства, шедших на домашней сцене князя, но «Приходно-расходные книги» Юсуповской домовой канцелярии содержат сведения о ежегодном отпуске средств на закупку материалов для театральных

костюмов и декораций. Обыкновенно на сцене появлялось порядка двух-трех постановок ежегодно, для которых писались новые декорации и шились сценические костюмы. Средств на это не жалели. Иной раз пошив костюмов осуществляли лучшие и дорогие театральные портные — Левизи и Фреент. В бумагах сохранилась фамилия живописца Иванова, скорее всего, крепостного, писавшего декорации для театра.



Неизв. художник. «Римская площадь. Рисунок декорации П. Гонзага для театра в Архангельском». ГМУА.

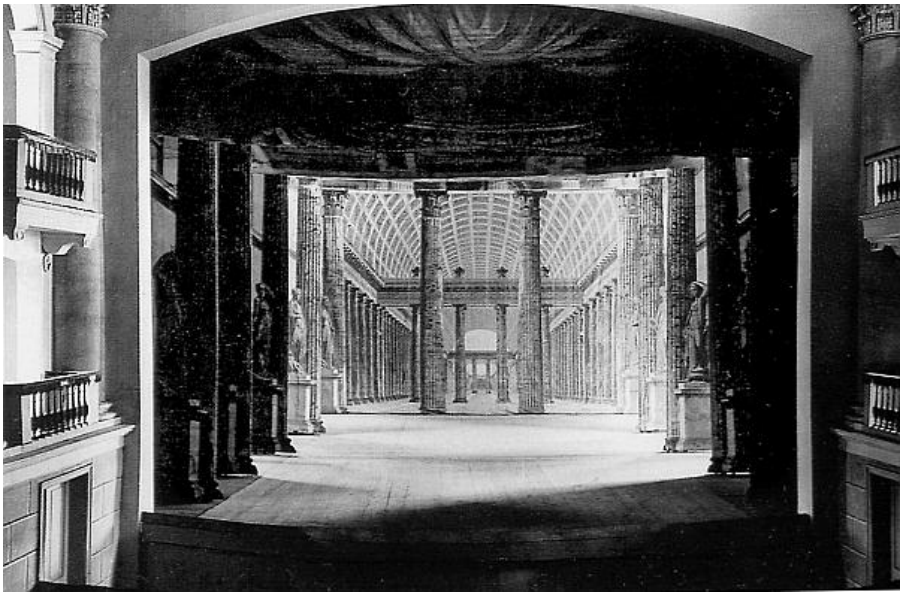
Большой проблемой для театра долгие годы оставалось освещение — ведь спектакли и тогда имели обыкновение ставить в вечернее время. В 1829 году Юсуповский театр, следуя прогрессу, освещался уже масляными лампами. Ламповщик был наемный, и ему платили 5 рублей жалованья и 12 рублей за каждый пуд масла. Впрочем, отдавалось должное и другому виду освещения, пусть и несколько эфемерному. Театральную залу не единожды за вечер сотрясали молнии и громы, а иной раз даже поливал дождь. Явления природы искусно извлекались из специальных театральных машин, в те далекие времена считавшихся за диковинку. На осуществление этих сценических эффектов ежегодно отпускались определенные суммы.



Неизв. художник. «Тюрьма или подземелье. Рисунок с декорации П. Гонзага для театра в Архангельском». ГМУА.

Свидетельством широких музыкальных интересов князя стала его нотная библиотека, небольшой частью сохранившаяся в Архангельском, а большей частью разошедшаяся по иным хранилищам. В ней насчитывалось более 800 печатных партитур. До настоящего времени, видимо, не полностью выявлена рукописная часть нотной коллекции Юсуповых. Любовь к музыке передалась по наследству от деда к внуку — князю Николаю Борисовичу-младшему, ставшему успешным композитором.

И еще один небольшой штрих к театральной биографии князя Юсупова. В пятитомной Театральной энциклопедии, вышедшей в свет под редакцией великого (без всяких кавычек, разумеется) историка театра П.А. Маркова, Юсуповым посвящено несколько статей, но все они рассказывают о каких-то «национальных кадрах» из далеких союзных республик, тогда как отдельная статья о Директоре Императорских театров, создателе Московской Итальянской оперной антрепризы князе Николае Борисовиче Юсупове «почему-то» отсутствует. Энциклопедия «Балет», изданная в 1981 году, также тщательно замалчивает роль князя Юсупова в истории русской культуры.



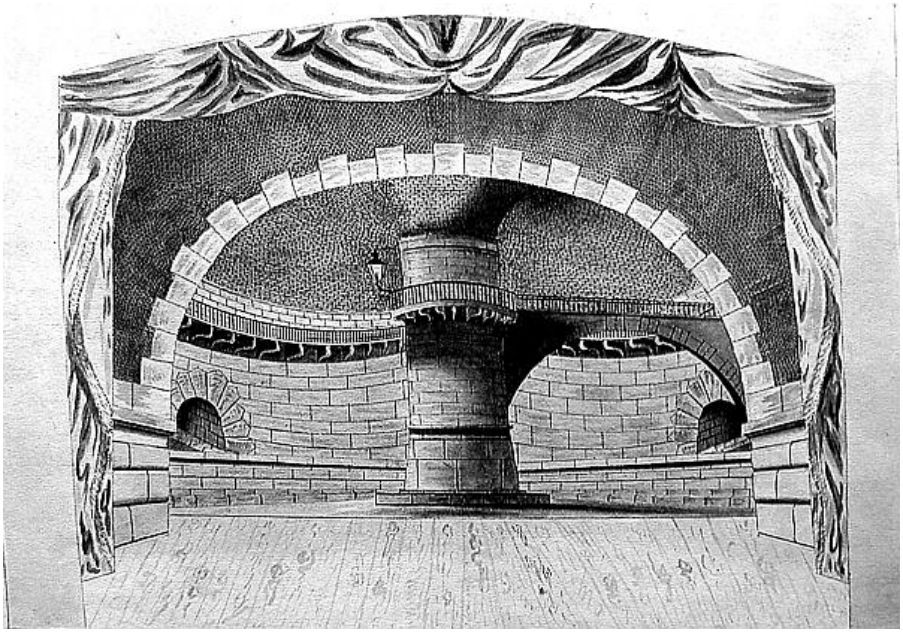
Архангельское. Театр Гонзага. На сцене декорация «Малахитовый зал». Современная фотография.

В историю мировой театральной культуры Николай Борисович Юсупов вошел и как создатель единственного в своем роде театра — театра декораций, «музыки для глаз», театра знаменитого художника Пьетро Гонзага. Он был устроен князем в Архангельском и напоминал скорее драгоценную шкатулку, нежели типичный для той поры «усадебный крепостной театр». Первоначально театр в Архангельском еще при Голицыных располагался в правом флигеле главного усадебного дома, при Юсупове переделанном для других нужд. Интерьеры флигеля оказались полностью утрачены в начале 1930-х годов во время приспособления помещений обоих флигелей главного усадебного дома для военного санатория.

П. Гонзага. Эскиз декорации «Тюрьма». ГМУА.

Князь Юсупов давно знал, что его друг, главный декоратор Императорских театров Пьетро Гонзага, мечтает о воплощении в камне собственных архитектурных идей. Ведь театральные декорации живут совсем недолго — холсты рвутся, краска осыпается. К тому же и многочисленные завистники делали все, чтобы уничтожить художественное наследие первого и самого знаменитого из мастеров театральной живописи, работавшего на театральной сцене России на рубеже XVIII и XIX веков.

Знал о недолговечности собственных творений и сам Гонзага. Не случайно в летние месяцы он много лет подряд работал ландшафтным архитектором в парке Павловска у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, куда его пристроил в свое время князь Юсупов. Парковые ансамбли, созданные Гонзага в Павловске, поражали воображение восхищенного зрителя почти полтора столетия, вплоть до Великой Отечественной войны, когда многие из них уничтожили немцы, вырубив значительную часть парковых насаждений. Гонзага работал в Павловске и как архитектор, но спроектированные им павильоны, увы, не заняли заметного места в сложившемся усадебном комплексе.



П. Гонзага. Копия декорации «Тюрьма». ГМУА.

Князю Юсупову очень хотелось иметь у себя в подмосковной хоть что-нибудь, украшенное гением Гонзага. К сожалению, художник был сильно перегружен в Императорском театре. Мастер работал быстро, но ему приходилось собственноручно писать или прописывать начатые другими декорации к большому числу новых постановок. Уехать в Москву даже по приглашению князя Юсупова он не имел права без дозволения Конторы. Театральное начальство явно не благоволило поездкам мастера в Москву.

Впрочем, Николай Борисович всеми правдами и неправдами добивался своего. Когда в Таганроге скончался император Александр I, то князь в качестве Верховного Маршала будущей коронации, на которого также возлагалась и организация прощания с почившим императором в Москве, вытребовал во вторую столицу Гонзага. Пока еще не найдено документов, подтверждающих, что зимой 1825 года ему довелось побывать в Архангельском и увидеть законченным одно из немногих собственных архитектурных творений.

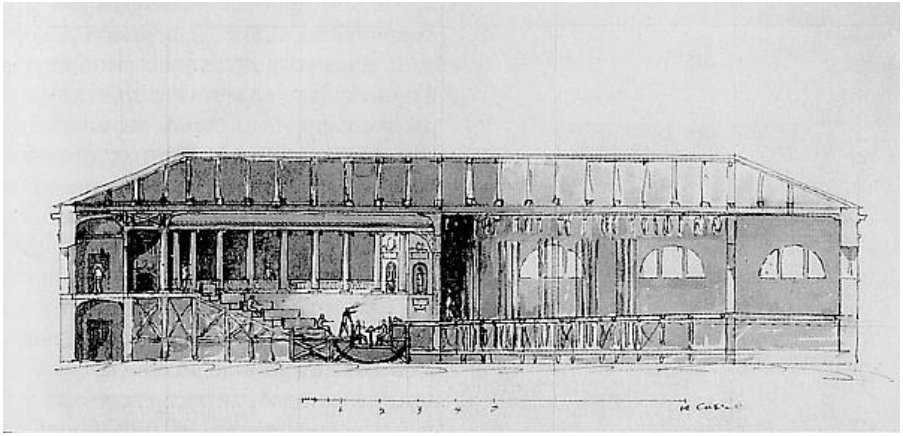
Это был усадебный театр, уже тогда носивший название «Театра Гонзага». Первоначально Николай Борисович предполагал приспособить под театр старый манеж голицынской усадьбы, затем заказал проект театра О.И. Бове, но потом обратился к Гонзага. В январе 1817 года с мастером Тимофеевым заключается договор на выполнение алебастровых капителей и

баз, а уже к началу 1818 года театр был полностью отделан.

Архангельское. Здание театра Гонзага. Фотогр. начала XX в. ГМУА.

Предполагается, что при его строительстве использовался первый, кирпичный этаж, построенный по первоначальному проекту О.И. Бове. Технический надзор за работами осуществлял Е.Д. Тюрин, а непосредственно руководил строительством крепостной архитектор князя В.Я. Стрижаков. Интерьеры отделывались под руководством С.П. Мельникова.

Маленький, очень уютный зрительный зал театра благодаря своеобразному архитектурному решению производит впечатление монументального сооружения времен Древнего Рима, а отнюдь не квелого александровского ампира. Во многом этот эффект достигается соблюдением определенных пропорций. Рампа сцены высотой 6 метров имеет 8,15 метров ширины. Глубина сцены — 12 с половиной метров.



Пьетро Гонзага. «Разрез театра». ГМУА.

Само здание уникально по сохранности. В нем практически все подлинное. Вообще-то отдельно стоящие театральные здания когда-то составляли неотъемлемую часть всякого крупного усадебного ансамбля России, но только в Архангельском театр дошел до наших дней с таким комплектом декораций, осветительных приборов, наконец, даже кресел зрительного зала.

В июне 1818 и 15 января 1819 года от Гонзага в Архангельское поступили две партии декораций. Николай Борисович сразу задумал здание как театр декораций, «музыки для глаз», что представлялось удобным и его собственной крепостной труппе, которая ставила преимущественно камерные постановки и дивертисменты. Всего Гонзага сделал для архангельского театра 12 перемен или, как еще говорили, смен декораций и занавес.

Декорациями великого мастера гордилась Европа. В Италии их берегли как музейную редкость, но там все они погибли в пожарах. В дореволюционной России хранился уникальный памятник декоративного искусства, но…

Праздник в Архангельском. Фотогр. конца XIX в. ГМУА.

Известно, что памятники уничтожали не только большевики. Последние князья Юсуповы относились к своим владениям достаточно бережно, но все же рассматривали их как вполне утилитарное жилье, а не выдающиеся памятники старины. Они без особого сожаления приносили жертвы прогрессу. Среди жертв оказался и уникальный архангельский театр Гонзага. В нем князья Юсуповы графы Сумароковы-Эльстон сочли целесообразным разместить… электростанцию — одну из первых в Подмосковье. Фасады театра при этом, правда, не трогали[285].

Не слишком повезло и переменам декораций Гонзага. Точнее — не повезло совсем. Из 12 смен случайно были найдены в 1920-х годах только четыре неполных комплекта и знаменитый занавес. Остальное оказалось пущено князьями на палатки, устанавливавшиеся в усадебном парке летом для торжественных ужинов… Хоть стой, хоть падай. *«До превращения Архангельского в музей-усадьбу, — пишет профессор С.В. Безсонов, — декорации были заброшены, и последние владельцы настолько их не ценили, что значительную часть изрезали на палатки, которые устанавливали в парке при устройстветоржественных ужинов в летнее время»*[286]. Справедливости ради надо заметить, что находку и сохранение уникальных декораций Гонзага в равной степени приписывает себе и Ф.Ф. Юсупов-младший, вспоминавший, что *«в 1912 году я устраивал в жилых комнатах современные удобства и некоторое время жил тут же. Потому*

стал разбираться в кладовых и чуланах и открыл сокровища. На чердаке в театре нашел пыльный рулон холста — это были декорации Пьетро Гонзага. Я развернул их и вывесил на сцене — так они смотрелись лучше»[287].

Крачковский. Программа концерта в театре Архангельского 1 июня 1896 г. ГМУА.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» А.С. Пушкин с грустью писал об упадке русской дворянской культуры на рубеже 1-й четверти XIX века: *«Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свиблова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травою, а бывало уставленных*

миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе…»[288].

Экслибрис библиотеки князя Н.Б. Юсупова.

Значительную часть «жизни в искусстве» князя Юсупова занимала одна непобедимая страсть — коллекционерство. Уже в X1X столетии он по праву признавался обладателем крупнейшего частного собрания Европы. Об этом были осведомлены и современники князя, хотя коллекция широко не показывалась. В «Рассказах бабушки» Яньковой ее внук отмечал, что князь *«… очень любил картины, мраморы, бронзы и всякие дорогие и хорошие вещи, и собрал у себя в Архангельском столько всяких ценных редкостей, что подобного собрания, говорят, ни у кого из частных лиц нет в России, разве только у Шереметева».*

Бабушка Янькова обладала редкостной памятью и ошибалась редко, но тут вышла промашка, хотя Юсупов и приходился ей «сродни», как говорили прежде в деревне. В изящном досточтимая старушка-мемуаристка понимала мало. У Шереметевых собрание имелось, конечно, большое, но в

сравнение с Юсуповским не шло ни в какое.

В биографии Николая Борисовича имеется страница, которая действительно может и даже должна бы вырасти на много-много томов. Это история Юсупова — коллекционера, не простого богатого скупщика художественных редкостей и древностей, каковых и прежде и теперь имеется немало, но собирателя-универсала, редкостного знатока-исследователя, подобного великим коллекционерам эпохи Возрождения. Увы, сегодня можно только гипотетически реконструировать лишь относительно небольшую часть истории некогда громадного художественного собрания князя. Рассказать о покупке многих, даже выдающихся вещей тоже затруднительно. Многие из них после 1917 года оказались навсегда вычеркнуты из истории мировой художественной культуры.

Описать коллекцию князя Юсупова в коротком очерке невозможно. Вот как попытался сделать это один из младших современников Николая Борисовича — опытный и восторженный знаток прекрасного — Павел Петрович Свиньин (1787–1839), разумеется, член Английского клуба. С Английским клубом, пусть и косвенно, оказалась связана и дочь Свиньина — Екатерина Павловна, чей супруг — писатель Алексей Феофилактович Писемский много лет состоял в клубе и нашел в его стенах немало прототипов для героев своих произведений.

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Портрет мужчины в высокой шляпе и перчатках». 1658–1660 гг. Рисунок из каталога коллекции князя Н.Б. Юсупова.

В начале XIX века Свиньин считался популярным литератором, журналистом, географом и художником — человеком поистине универсального таланта. Он издавал популярный журнал «Отечественные записки». В музее-усадьбе «Архангельское» хранится живописный вид имения, написанный Павлом Петровичем непосредственно с натуры.

В своем «Первом письме из Москвы», которое Свиньин опубликовал в «Отечественных записках» в 1819 году, помещено описание Юсуповских художественных сокровищ. Это одна из первых публикаций, посвященных княжеской коллекции в отечественной периодической печати. С той давней поры «Письмо…» оставалось знакомо только небольшому кругу специалистов, поэтому я приведу его полностью. Замечу только, что написание фамилий художников у Свиньина старое, принятое

в XIX, а отчасти еще в XVIII веках. Оно несколько отличается от современного, но вполне понятно любителям живописи.

«Собрание картин князя Николая Борисовича Юсупова, вероятно, было бы первое и наилучшее в Москве, если б он соединил их в одно место. Большая часть картин и мраморов его находится в прекраснойего подмосковной — Архангельском, которому с удовольствием посвящу особое письмо. При имени его не могу, однако, не вспомнить с особенным удовольствием о превосходной группе Кановы, мною здесь виденной, группе, которая неизгладимыми чертами врезывается в память и воображение зрителя и затмевает все прочее, подобно тому, если б богиня явилась посреди московских красавиц. Я видел много мраморов, коим резец Кановы сообщил неизъяснимые прелести и жизнь; но в сей группе камень в первый раз потерял свою тяжесть и представляется каким-то эфирным веществом. Сам Канова сознается, что не произвел ничего лучшего, представляя ту минуту, когда Амур похищает сонную Душеньку и с нею летит в свою небесную обитель. Ни слова уже о прелестном, самом натуральном положении похищенной красавицы: она отделилась от земли, Амур парит над нею.

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Портрет дамы со страусовым веером в руке». 1658–1660 гг. Рисунок из каталога коллекции Н.Б. Юсупова.

Два превосходных Клода, прекрасный Андреа-дель Сарто, редкий Пермаджанино, изображающий трех играющих Амуров, Карло Долче и Мурилло, вот образчики, представляющиеся в гостиной московского дома князя Юсупова! По ним любитель художеств может судить о достоинстве его картинной галереи, отличающейся сверх того собранием знаменитейших французских художников, как-то: Давида, Веста, Ангелики Кауфман, Рейндолса и проч.»[289].

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Портрет мужчины в высокой шляпе и перчатках». 1658–1660 гг… Вашингтон. Национальная галерея искусств. Из коллекции Юсуповых.

Вслед за публикацией П.П. Свиньина небольшое и довольно поверхностное описание Архангельского и его коллекции появилось в «Художественной газете» Нестора Васильевича Кукольника, художественного критика, чей превосходный портрет, ныне хранящийся в Третьяковской галерее, написал К.П. Брюллов. Существует предположение, что Кукольник некоторое время жил в усадьбе, однако его утверждение о том, что в крохотном театре Гонзага может поместиться 400 зрителей, заставляет усомниться в достоверности других авторских описаний.

Первым восторженным поклонником Архангельского и его собрания стал знаменитый русский писатель и историограф

Николай Михайлович Карамзин, впервые упомянувший имение в 1803 году, а затем писавший о нем в 1817 году в «Путешествии вокруг Москвы», когда Архангельское уже стало собственностью Юсупова и наполнилось произведениями искусства.

Вот еще одно свидетельство посетителя усадьбы, видевшего Юсуповскую коллекцию во всем ее блеске, современника Николая Борисовича и даже его «подчиненного» по Кремлевской экспедиции, крупного писателя и революционера — Александра Ивановича Герцена, чьи воспоминания о самом Юсупове из «Былого и дум» я уже приводил. Эти слова тем ценнее, что Герцен во время написания «Записок молодого человека» ничем особенным не стеснялся и вполне мог коллекцию и само Архангельское обругать, как до того не совсем лестно отозвался об их владельце-коллекционере.

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Портрет дамы со страусовым веером в руке». 1658–1660 гг. Вашингтон. Национальная галерея искусств. Из коллекции Юсуповых.

«Я до сих пор люблю Архангельское. Посмотрите, как мил этот маленький клочок земли от Москвы-реки до дороги. Здесь человек встретился с природой под другим условием, нежели обыкновенно. Он от нее потребовал одного удовольствия, одной красоты и забыл пользу; он потребовал от нее одной перемены декорации для того, чтобы отпечатать дух свой, придать естественной красоте красоту художественную, очеловечить ее на ее пространных страницах: словом, из леса сделать парк, из рощицы — сад. Еще больше — гордый аристократ собрал тут растения со всех частей света и заставил их утешать себя на севере; собрал изящнейшие произведения живописи и ваяния и поставил их рядом с природою как вопрос: кто из них лучше? Но здесь уже самая природа не соперничаетс ними, изменилась, расчистилась в арену для духа человеческого, который, как прежние германские императоры, признает только те власти неприкосновенными, которые уничтожались в нем и им уже восстановлены как вассалы.

Анжелика Кауфман. «Автопортрет». ГЭ. Из собр. Юсуповых.

Бывали ли вы в Архангельском? Ежели нет — поезжайте, а то оно, пожалуй, превратится или в фильятурную фабрику, или не знаю во что, но превратится из прекрасного цветка в огородное растение. (Прядильную — от filature (франц.).

…Они тотчас отыскали Ника с товарищами и отправились сначала в дом. Террорист Давид приветствовал их атлетическими формами, которые он думал возродить в республике единой и нераздельной 93-го года вместе с спартанскими нравами, о привитии которых хлопотал Сен-Жюст; а за ними открылся длинный ряд изящных произведений.

Глаза разбежались, изящные образы окружали со всех сторон. Уныние сменялось смехом, святое семейство — нидерландской таверной, дева радости — вернетовским видом моря.

Пышный Гвидо Рени — князь Юсупов в живописи — роскошно бросает и краски, и формы, и украшения, чтобы прикрыть подчас бедность мысли, и суровые Ван-Дейка портреты, глубоко оживленныевнутренним огнем, с заклейменной думой на челе, и дивная группа Амура и Психеи Кановы — все это вместе оставило им воспоминание смутное, в котором едва Кановы — все вырезываются отдельные картины, оставшиеся, бог знает почему, также в памяти.

Луи Токке. «Портрет графа К.Г. Разумовского». 1758 г. С 1837. хранился в Архангельском. ГТГ.

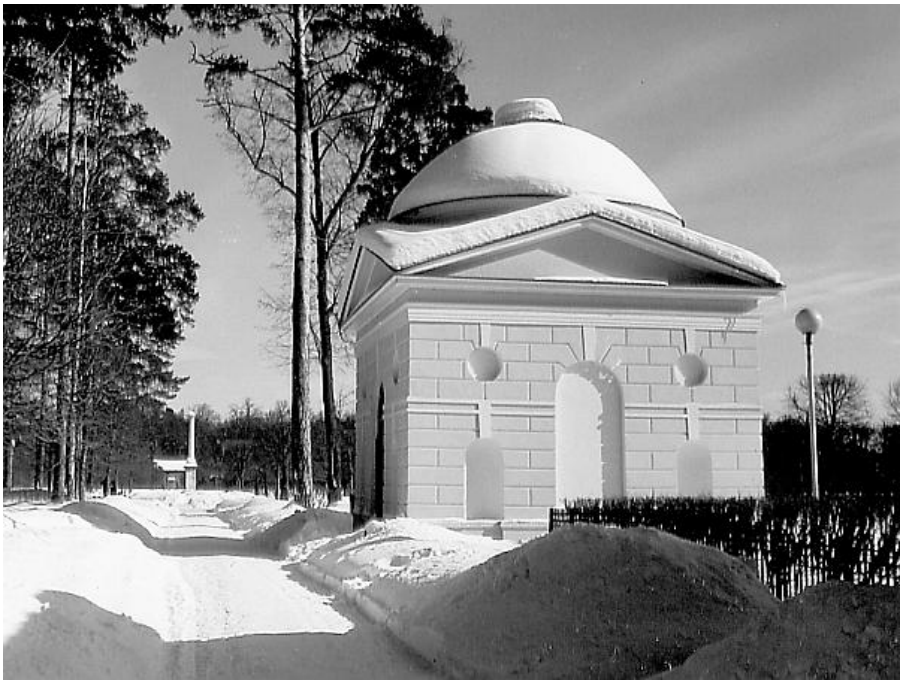
Помнился, например, портрет молодого князя: князь верхом, в татарском платье; помнился портрет дочери т-те Lebrun. Она стыдливо закрывает полуребячью грудь и смотрит тем розовым взглядом девушки, который уже немного познала поцелуй, который уже волнует ее душу, чистую, как капля росы на розовом листке, и огненную, как золотое аи. Не раз, быть может, старый князь останавливался перед ней, желая отодрать ее от полотна, восстановить растянутые в одну плоскость формы, согреть их, оживить и прижать к своему сердцу татарина.

Им некогда было разбирать все отдельно, да, вероятно, это и невозможно: всякую галерею надобно изучить в одиночестве и притом рассматривание ее распространить на много и много дней.

Довольные восторженностью, чистотою, в какое их привело созерцание изящного, они высыпали в сад, мимо мощных воинов из желтого мрамора, мимо гладиаторов, в тень аллей. День был южно палящий жаром, все ликовало, жужжа летали пчелы, тонко перетянутые; молча и с величайшей грацией танцевали по воздуху пестрые бабочки с широкими рукавами, как барышни. Солнце faisait les honneurs de la maison (приветливо встречало гостей (франц.), отогревало сырую землю, эмалью покрывало листики цветков, радостью наполняло все живущее и копошащееся в траве, на воздухе, закуривало сигары и гордо не дозволяло себе смотреть в глаза. Им все нравилось, даже на этот раз романтизм их не возмущался против подстриженных деревьев, которые важно и чопорно, как официанты прошлого века, в парике и французских перчатках, стояли по обеим сторонам дороги. Белые мраморные бюсты выглядывали из-под них»[290].

Архангельское. Сфинксы у входа в Большой дом. Любительская фотогр. 1950-х гг. Собрание автора.

Что же представляла собою княжеская коллекция, разумеется, в самом обобщенном виде? Европейское искусство почти с монографической полнотой отражала коллекция картин князя Юсупова, первоначально дававшая представление о художественных вкусах людей его круга, живших в XVIII веке. Впрочем, уже в начале века XIX князь перестал следовать художественной моде, а собирал, сообразуясь с собственным вкусом.



Архангельское. Чайный домик. Современная фотография автора.

Увы, в коллекции, можно сказать, отсутствовала русская живопись — интерес к ней носил скорее «прикладной» характер, как к способу фиксации событий или лиц. Имелись лишь отдельные, правда, очень хорошие произведения. «Вид Петропавловской крепости и Дворцовой набережной» работы Ф.Я. Алексеева князь заказал в Петербурге непосредственно в мастерской художника перед переездом в Москву, как память о городе, где прошли многие годы его жизни. Картина неизменно висела в кабинете князя в Архангельском. «Портрет императора Павла I» работы С.С. Щукина — авторское повторение парадного изображения, которое сам Павел Петрович считал лучшим своим портретом, украшает Императорский зал усадьбы. Некоторые современники и особенно потомки почему-то находили его несколько карикатурным… Великолепный «Всадник» польского художника А.О. Орловского, работавшего в Петербурге, ныне также хранится в Архангельском. Это воображаемое или точнее предполагаемое изображение одного из татарских предков князя, которыми Николай Борисович так гордился, поэтому и заказал художнику такого рода редкостную историческую реконструкцию. В сравнительно большом количестве сохранились работы крепостных мастеров князя. Согласно существовавшей традиции, они не только писали самостоятельные произведения, но и

копировали картины из княжеской галереи.

Архангельское. Античный зал. Фотография начала XX в.

Однако основу коллекции составляли произведения иностранных мастеров. Французская, итальянская и несколько в меньшей степени голландская живопись со времен Возрождения и до второй трети 19-го столетия была представлена у Юсупова с наибольшей полнотой, в том числе и признанными шедеврами. Остальные европейские школы — лишь отдельными, хотя зачастую и первоклассными, полотнами. Это не значило, что Николай Борисович не интересовался ими. Просто они редко появлялись на художественном рынке той поры. К примеру, испанскую живопись достать практически не представлялось возможным, хотя так хотелось… Имелось у Николая Борисовича немало хорошего качества старых копий, по своему художественному значению имевших право на существование наряду с оригиналами. Тогдашние традиции собирательства предполагали их обязательное коллекционирование. Хорошая копия в эту эпоху уже переставала носить память об оригинале, а становилась своеобразным средством создания определенного настроения в той или иной части усадебного дома, в интерьере парадных зал или жилых комнат — ведь копии не хранились в музейных запасниках, как это теперь сплошь и рядом бывает даже с оригиналами, а являлись составной частью непосредственного пространства дома. К тому же в Юсуповском собрании копии становились эмоциональным дополнением к оригиналам. Николай Борисович подбирал живописные и скульптурные произведения для своего собрания не только в развитие

определенной сюжетной линии, но, прежде всего, для создания некоего художественного идеала, поисками которого столь свойственны эпохе Просвещения.

Античный зал в Архангельском. Фотогр. начала XX в.

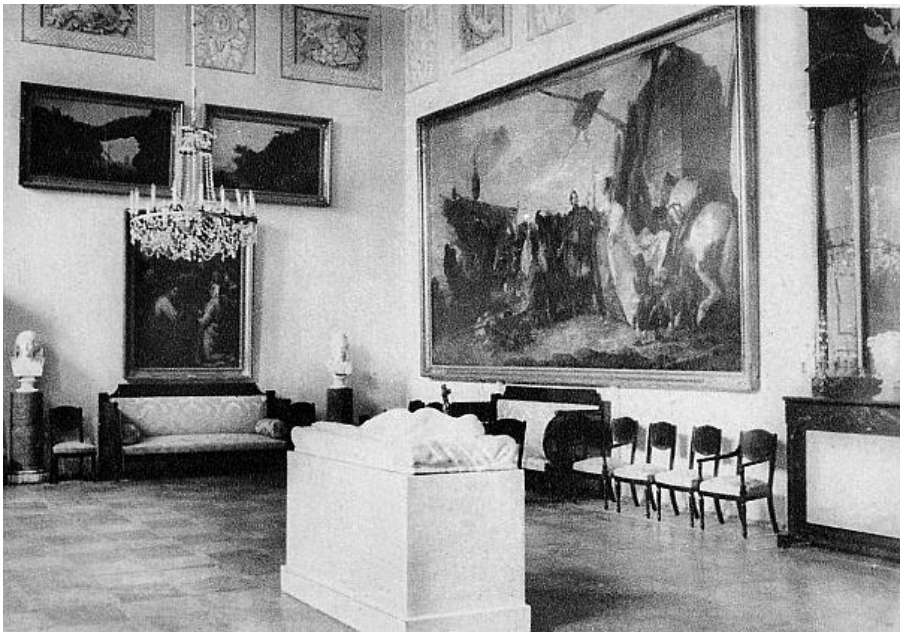
Князь Юсупов формировал свое собрание особым образом, который не был принят в широком кругу коллекционеров как его времени, так и позднейшего. Коллекция строилась не по хронологическому принципу или по определенным художественным школам. Князь собирал художественные ансамбли, формировавшиеся преимущественно вокруг определенного сюжета. Для этого нужно было обладать не только значительными средствами, но и большим вкусом, знаниями, в известной степени являться соавтором как художников и скульпторов, так иногда даже архитекторов, когда нужно было решить вопрос о размещении ансамбля картин итальянца Джованни Батиста Тьеполо в «Архангельском».

Архангельское. Столовая. Фотогр. И.В. Хорошилова. 1900-е гг.

Именно итальянская живопись преобладала в княжеской коллекции. Этот раздел насчитывал свыше 200 полотен. Его украшением по праву считается «Женский портрет» Корреджо, ныне находящийся в Эрмитаже. Особенно высоким качеством отличался подбор произведений мастеров 19-го столетия — прежде всего венецианской школы во главе с Тьеполо.

Свыше 150 работ в Юсуповском собрании принадлежало французским мастерам. Клод Лоррен, Буше, Фрагонар, Ланкре, Давид, Гро — вот далеко не полный перечень художников, чьи произведения составляли заметную часть княжеского собрания.

Голландская и фламандская живопись у Николая Борисовича была представлена сравнительно скромно, хотя именно старые голландцы оставались самыми любимыми художниками среди русских коллекционеров на протяжении XIX века. У Николая Борисовича имелось два бесценных шедевра — портреты Рембрандта, вывезенные из революционной России князем Ф.Ф. Юсуповым-младшим и ныне находящиеся в Национальной галереи искусств в Вашингтоне.



Архангельское. Зал Тьеполо. Открытка 1930-х гг. Собр. автора.

Немецкая, австрийская и английская живопись была представлена в собрании Юсупова лишь отдельными произведениями.

Помимо картинной галереи, у Юсупова имелись и другие, весьма многочисленные и обширные коллекции.

Живя в Италии, Николай Борисович смог вполне удовлетворить свою любовь к античности, собрав небольшую, но качественную «галерею древностей» — античных статуй. Она располагалась в «Антиковой комнате» Архангельского. Это римские копии с греческих оригиналов, из которых одна восходит к работе Поликлета, а три — Праксителя. Теперь в Архангельском осталось 6 произведений, 5 хранятся в Эрмитаже, одна в Горном музее и одна работа пропала. Вообще же скульптурное собрание князя насчитывало порядка 500 произведений.

Архангельское. Столовая. Фотогр. И.В. Хорошилова. 1900-е гг. Собрание автора.

Подлинными шедеврами собрания считаются группа «Амур и Психея» и статуя «Крылатый Амур» работы Антонио Кановы, выполненные непосредственно по заказу Николая Борисовича и ныне украшающие собрание Государственного Эрмитажа. К сожалению, после 1918 года бесследно исчезла статуя «Амур» работы русского скульптора М.И. Козловского, некогда удачно дополнявшая коллекцию произведений на тему «Амур и Психея».

Коллекция парковой скульптуры Юсупова насчитывает свыше 200 единиц и по праву считается одной из лучших в Европе. Это наиболее полно сохранившаяся часть княжеского собрания и ныне украшает усадебный парк в Архангельском.

Николай Борисович весьма широко отдал дань увлечению графикой европейских мастеров. Только из Юсуповского дворца в Эрмитаж поступило свыше двух с половиной тысяч листов работы европейских мастеров XVI–XIX веков, среди которых подлинный рисунок тростниковым пером работы Рембрандта. Еще порядка 400 листов насчитывает собрание в Архангельском, из которого 114 — работы известных европейских художников.

Архангельское. Библиотека. Фотогр. В.Е. Кузнецова 1900-х гг. Собрание автора.

В кабинете князя хранилось собрание резных камей, привезенных из Рима. «Камейная болезнь», которой болела императрица Екатерина II, оказалась весьма заразной. Собрание Николая Борисовича еще в петербургский период его жизни причислялось к сокровищницам. Увы, с одной из лучших вещей коллекции — камеей «Юпитер-Серапис» князю пришлось расстаться. Нужен был подарок императрице Екатерине Великой, и камея стала украшением Эрмитажа, куда после 1917 года последовала еще некоторая часть собрания. Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова тоже болела «камейную болезнью», но к ней она присоединила страсть к камням драгоценным. Исторические драгоценности алмаз «Альдебаран», жемчужина «Перегрина», владельцем которой считался испанский король Филипп II, парюры Каролины Мюрат. Эти и многие другие Юсуповские сокровища были приобретены Татьяной Васильевной.

Во всех домах князя имелось очень много фарфора, практически всех лучших русских заводов и, разумеется, собственного, Юсуповского, а также иностранный — немецкий, китайский, японский, частью остававшийся во вседневном обиходе, а частью уже при жизни князя считавшийся коллекционным. У Николая Борисовича имелась настоящая фарфоровая картинная галерея. Его крепостные мастера неоднократно воспроизводили на изделиях из фарфора

живописные оригиналы княжеской коллекции. Небезынтересно, что некоторые картины теперь известны только по фарфоровым копиям, к примеру, некогда многочисленные работы столь любимого князем Жана Батиста Греза.

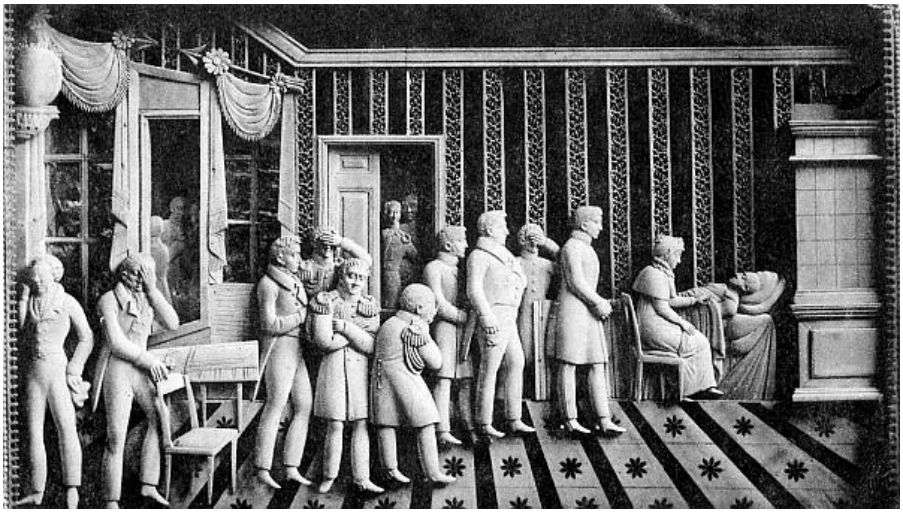
Ж.Б. Грез. «Девочка с собачкой на руках». Собр. кн. Н.Б. Юсупова. Местонахождение неизвестно.

Тканные ковры — иначе шпалеры, некогда тоже составляли заметную часть Юсуповского художественного собрания. Точное количество их неизвестно; предположительно более двадцати. Все они относятся к лучшим образцам шпалерного искусства XVII — XVIII веков.

Огромную ценность представляла княжеская библиотека, ныне сосредоточенная в музее-усадьбе «Архангельское» и насчитывающая свыше 16 тысяч единиц хранения. При жизни

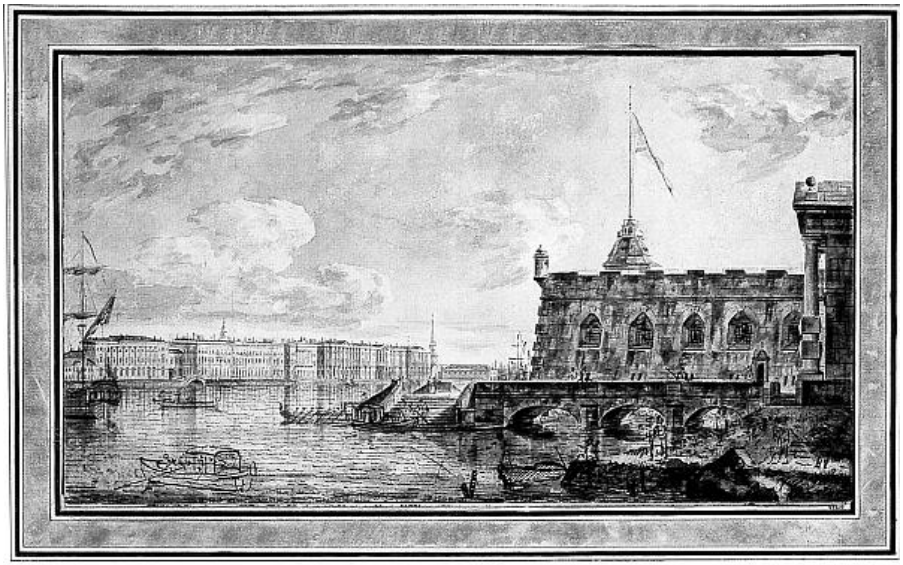
владельца она разделялась на 15 тематических разделов. Большую ценность представляли коллекции рукописей XIV — XVI веков, а также свыше ста инкунабул. Среди ценнейших выделялись порядка 82 эльзевиров, ранних голландских издателей, более 30 книг печати итальянца Альда Мануция. К древнейшим уникам относился французский часослов XV столетия, «Библия» Лютера 1565 года. В библиотеке хранилась подборка русских рукописей и старопечатных изданий, начиная с «Острожской Библии» Ивана Федорова. В основе фондов лежали (если говорить точнее — стояли в особых шкафах) книги XVIII века по искусству, философии, античная литература, драматургия. Обширный раздел составляли книги по кулинарии — Николай Борисович прославился как редкостный знаток кухни и драгоценных вин. Кстати, слава гурмана отнюдь не препятствовала князю в повседневной жизни оставаться сторонником здоровой русской еды — искусство оставлялось для праздников, каковые ежедневно не устраиваются. Библиотека никогда не вывозилась из усадьбы и уже к началу 20-го столетия имела мемориальный характер. К сожалению, в 1920–1930-е годы из библиотеки оказались изъяты свыше 9 тысяч 200 томов, из которых многие были проданы за границей.

Неизв. художник XVIII в. С оригинала А. Ван Дейка. «Марс и Венера». ГМУА.



Неизв. резчик. Плакетка «Смерть Александра I в Таганроге». Открытка из собр. автора.

Еще одна неотъемлемая часть коллекции князя Николая Борисовича состояла из… ботанического собрания. Увлечение экзотическими деревьями, кустарниками и цветами, создание уникальных по подбору растений оранжерей характерно для русского усадебного быта времен Юсупова. Для размещения ботанических уникумов по сторонам партера парка в Архангельском были сооружены огромные оранжереи, на месте которых в советское время появились два громадных корпуса военного санатория. Николай Борисович обладал превосходной коллекцией растений. Некоторые из них в летнее время выносились в усадебный парк, во многом дополняя и оттеняя неброскую среднерусскую природу. Одним из последних приобретений князя стала уникальная ботаническая коллекция графов Разумовских из подмосковного имения Горенки, которая, увы, вместе со всеми остальными редкостями вскоре после смерти Николая Борисовича была спешно продана его сыном. О составе ботанической коллекции имеются отрывочные сведения, из которых можно понять, что Николаю Борисовичу принадлежали некоторые деревья, чей возраст насчитывал несколько столетий.



Ф.Я. Алексеев. «Вид на Дворцовую набережную от Петропавловской крепости». Около 1793 г. ГРМ. Эскиз к картине из собр. кн. Н.Б. Юсупова в ГМУА.

Николай Борисович, как и всякий коллекционер, принимал меры для создания полновесного научного каталога своего художественного собрания, а не одного только Императорского Эрмитажа, которым руководил. Князь предполагал издать каталог с приложением гравюр, но идею эту осуществить так и не успел. Считается, что на момент кончины князя в его собрании имелось порядка 600 живописных работ, дополненных позднее его второй невесткой, внуком и правнучкой. В 1827 году Николай Борисович составил каталог своей картинной галереи. В трех обширных альбомах были описаны и зарисованы по местам развески 540 картин. Во времена князя Юсупова картины по стенам располагали не по стилям, школам и времени создания, а так называемой ковровой развеской, подобранные по колориту, размеру, сюжетам. В каталоге произведения искусства из княжеской коллекции отражали свое реальное местонахождение — в определенном доме или усадьбе, а уже в них непосредственно в конкретном парадном зале, кабинете или жилой комнате.

В 1839 году сын коллекционера, князь Борис Николаевич, издал печатный каталог художественных ценностей из собрания отца, давно ставший библиографической редкостью.

Антонис Ван Дейк. «Портрет дамы». ГМУА.

Искусствовед Л.Ю Савинская, предпринявшая уже в наши дни попытку воссоздать полную историю коллекции, писала, что *«реконструкция истории формирования Юсуповского собрания объективно трудна. Отсутствуют дневники Н.Б. Юсупова, известны лишь немногие его письма. Приходится опираться на эпистолярное наследие и воспоминания современников, финансовые и хозяйственные документы обширного архива князей Юсуповых, но они лишь отпечаток повседневной жизни, документы подчас неполны и субъективны»*[291].

В качестве милого анекдота из современной искусствоведческой мысли приведу такой факт. В одном из первых номеров научного журнала Государственной Третьяковской галереи в статье, посвященной коллекции Сергея Михайловича Третьякова, ему совершенно серьезно приписано

обладание знаменитым конным портретом Бориса Николаевича Юсупова работы Гро, хотя известно, что портрет никогда не уходил из семейной коллекции Юсуповых и ныне хранится в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Как будто Третьякову собственных шедевров недоставало…

Венецианский мастер. Большой канал в Венеции XVIII в ГМУА

О качестве коллекции и принципах художественного собирательства князя Юсупова и сегодня может поведать музей в Архангельском. При всех утратах, понесенных в годы революции, Юсуповская коллекция в музее и теперь отличается хорошим уровнем подбора вещей. Музей в Архангельском открылся 1 мая 1919 года.

В ноябре 2001 года члены современного Московского Английского клуба посетили выставку коллекции своего исторического соклубника и Старшины князя Николая Борисовича Юсупова «Ученая прихоть», располагавшуюся в торжественных залах анфилады второго этажа Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. В Итальянском дворике музея для членов клуба был устроен концерт старинной музыки, звучавшей некогда в московском доме князя и в его знаменитой подмосковной — Архангельском. Так в наши дни восстановилась еще одна «веков связующая нить».

А.С. Пушкин. «Князь Н.Б. Юсупов во время прогулки по Архангельскому».

emp

Глава 6
«Мой Юсупов»

Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

А.С. Пушкин

«Мой Юсупов». Эта фраза великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, как говорится, дорогого стоит. Оброненная в частном и очень личном, искреннем письме, она многое говорит и о поэте и первейшем вельможе Российской империи. Немногие люди из ближайшего окружения Пушкина удостаивались такого сердечного сочетания слов. «Мой Дельвиг», к примеру, но ведь два поэта всю жизнь оставались ближайшими друзьями еще со времен Царскосельского Лицея, тогда как про Юсупова и Пушкина сказать этого никак нельзя… Скорее — «дистанция огромного размера», — как выразился полковник Скалозуб.

Отношения двух великих людей по традиции трактовались в отечественном литературоведении исключительно с позиций «классовости и демократии». С этой точки зрения рассматривалось и знаменитое «Послание» поэта к Юсупову, которое при всем негативном отношении критиков к его идейному содержанию по форме ставилось всеми без исключения в ряд с классическими сочинениями античных авторов. Эту традицию заложили литературные враги Пушкина сразу после появления «Послания» в печати.

И.Е. Репин. Копия портрета А.С. Пушкина работы В.А. Тропинина. Местонахождение неизвестно. Репродукция из собрания автора.

Формально за пушкинскими строками угадываются лишь несколько незначительных эпизодов из жизни поэта и несколько еще менее значительных эпизодов из жизни князя Юсупова. На самом деле и в «Послании», и в истории этой несколько неожиданной на первый взгляд дружбы многое спрятано от поверхностного наблюдателя, от простого московского сплетника, которому противно видеть такое «странное сближение» людей совсем разного круга, различного политического и общественного веса, наконец, даже возраста.

Во всем этом стоит разобраться повнимательнее, хотя достоверных фактов, как водится, увы, немного. Внешне все выглядело приблизительно следующим образом. После возвращения из Михайловской ссылки Пушкин интересовался эпохой императрицы Екатерины Великой. Для уточнения необходимых исторических сведений поэта представили князю Юсупову — одному из немногих тогда живых свидетелей ушедших событий, который мог ответить на интересующие Пушкина вопросы. Не исключено, что представление могло состояться в стенах Московского Английского клуба,

располагавшегося тогда еще на Большой Дмитровке, куда Александра Сергеевича друзья записывали гостем, покуда он дожидался своей очереди на вступление. Дважды поэт побывал в гостях у Николая Борисовича в Архангельском и, вероятно, в одном из его московских домов, расспрашивая Юсупова «о милой старине». Попутно попросил князя быть посаженым отцом на собственной свадьбе (здесь, надо полагать, дело не обошлось без московских Потемкиных, принимавших большое участие в устройстве свадьбы). Юсупов заболел, на свадьбе не был и смог приехать только на первый бал в семейный дом Пушкиных на Арбате, где хотел даже танцевать с Натальей Николаевной, очарованный ее красотой. В свою очередь, поэт написал к Юсупову стихотворное «Послание», вокруг которого неожиданно разгорелся скандал в лагере писателей-демократов той поры. И вроде бы все…

Согласие Николая Борисовича стать посаженым отцом на свадьбе Пушкина — факт очень значимый и он наводит на некоторые размышления. Понятно, что вельможа подобного ранга «абы к кому» на свадьбы не ходил и «свадебного генерала» из себя не изображал. Заполучить же его в посаженые отцы, что фактически означало стать едва не родственником, — и вовсе почиталось за редкостную честь. Это обстоятельство сильно возвышало человека в глазах московского света, а Пушкин тогда отнюдь не считался в Москве почтенным членом дворянского общества.

Осведомленность Юсупова в «грешках молодости» — ранних политических, так сказать «околодекабристских», взглядах поэта не вызывает сомнения. Ведь они нашли яркий отпечаток во многих произведениях Пушкина, которые «ходили по рукам», а князь Николай Борисович отдал немалую дань собирательству рукописной, обыкновенно бесцензурной литературы своего времени. Библиотека князя Юсупова характеризует его не столько любителем, сколько редкостным знатоком «изящной словесности». На полках в громадных книжных шкафах хранились не только классические произведения, но и все основные новинки современной князю литературы и среди них прижизненные издания и списки сочинений Пушкина. К сожалению, рукописная часть Юсуповской библиотеки сохранилась в меньшей степени, чем печатная и далеко еще не вся она введена в научный оборот.

К.П. Брюллов. «Портрет С.А. Соболевского». 1832. Акварель.

Скорее всего, Николай Борисович хорошо понимал, что «околодекабристские» взгляды Пушкина являлись лишь проявлением «болезни молодости», нежели отвечали его осознанному политическому выбору, который великий поэт смог сделать еще до восстания на Сенатской площади. Если же Пушкина и «схоронили» в Южной и Михайловской ссылках, то сделали это явно не российские «первенцы свободы».

Как бы там ни было, но «странное сближение» Пушкина и Юсупова состоялось. Недавний «декабрист без декабря» и старый, многомудрый консерватор-государственник, всегда выступавший за прогресс не революционный, но созидательный, деятельный, нашли общий язык и с удовольствием проводили время в умных беседах, как можно думать, не только о временах давно минувших…

Замечательный русский историк Петр Иванович Бартенев — почетный член Московского Английского клуба и многолетний его завсегдатай нередко прямо в клубных залах записывал

рассказы о прошлом своих соклубников. Кладезем таких воспоминаний являлся Сергей Александрович Соболевский, до последних дней жизни состоявший в Петербургском, а по возвращении во вторую столицу и в Московском Английских клубах. Кстати, именно он дал Бартневу, отнюдь не блиставшему дворянскими предками, рекомендацию для вступления в «аристократическое» клубное сообщество. Не исключено, что именно в клубе записал от него Бартенев рассказ о первом посещении Архангельского Александром Сергеевичем Пушкиным.

Неизв. художник. «Портрет Татьяны Васильевны Потемкиной». Миниатюра.

«Покойный С.А. Соболевский, друг Пушкина, любил вспоминать о своей поездке в прекрасное Архангельское вместе с Пушкиным, — писал Петр Иванович. — Они ездили ранней весной, верхами, и просвещенный вельможа екатерининского времени встретил их со всей любезностью гостеприимства». Эта поездка состоялась в 1827 году[292].

Скорее всего, именно в Московском Английском клубе Юсупову когда-то был представлен соклубник — молодой человек, являвшийся князю очень дальним родственником по линии жены — Сергей Александрович Соболевский. Выдающийся, единственный в своем роде русский знаток и собиратель книг, он уже в молодости он выделялся среди сверстников. Не случайно Николай Борисович обратил на Соболевского внимание. Старому князю и молодому библиофилу было о чем поговорить — Юсуповская библиотека считалась одной из крупнейших и лучших по подбору книг, а равно и по наличию уникумов в

Европе.

Самого Николая Борисовича по праву называли выдающимся знатоком древностей, как российских, так и иностранных, в том числе и древностей книжных. Сергей Александрович Соболевский был одним из ближайших друзей Пушкина, и потому не случайно именно он представил поэта стареющему вельможе.

Формальное знакомство, если так можно выразиться, будущего поэта и князя Юсупова состоялось еще в ноябре 1801 года, когда Пушкину шел третий год от рождения. Князь Николай Борисович был человеком экономным, хозяином рачительным. В Москве сдача жилья в аренду всегда оставалась надежным источником доходов, поэтому в наем Юсуповым сдавались все неиспользуемые постройки домовладения, кроме, разумеется, парадных, дворцового типа, предназначавшиеся для представительских целей. Не стали исключением и довольно многочисленные здания в Большом Харитоньевском переулке. Пушкины целый год прожили в т. н. среднем доме Юсуповской усадьбы, после чего сняли находившийся неподалеку дом графа А.Л. Санти. Впервые же великий поэт и первый русский вельможа встретились заочно — в библиотеке Николая Борисовича хранились первые издания произведений Пушкина.

По возвращении из Михайловской ссылки, после исторического разговора в Кремле с императором Николаем I, Пушкин мог встречаться с Николаем Борисовичем Юсуповым у общих знакомых. Князь был знаком с отцом поэта — Сергеем Львовичем и дядей — Василием Львовичем, автором знаменитой поэмы «Опасный сосед». Это творение долгое время ходило по Москве исключительно в списках по причине несколько фривольного содержания. Старшие Пушкины являлись многолетними членами Московского Английского клуба, где не раз встречали князя Николая Борисовича. Они могли видеться не только в клубе, но и по делам «Комитета» в 1812 году, хотя близким знакомство это назвать никак нельзя — сказывалась разница в возрасте и общественном положении.

К.К. Гампельн. «Портрет С.Л. Пушкина». 1824. ВМП.

С годами политические взгляды и привязанности Александра Сергеевича Пушкина менялись. Не случайно к середине 1820-х годов он стал ощущать себя уже национальным поэтом, а не певцом мелких революционных дрязг и различных «свобод». Как православный человек Пушкин обращался к императору Николаю Павловичу с просьбами о прощении декабристов («и милость к падшим призывал»), подчеркивая их греховное, «падшее» положение, искренне веря и в личное раскаяние «первенцев свободы», какового, естественно, не имелось и в помине. Постепенно поэт приходил к выводу о пагубности для государства всякого революционного воздействия. Не случайно в поле его зрения попадает князь Юсупов — первый русский аристократ той поры, не просто осколок «золотого века Екатерины», но и выдающийся носитель идеи необходимости твердых

государственнических устоев для великой России.

«Золотым временем» русской жизни поэт почитал «век Екатерины», в котором находил как исторические изъяны, так и величие Отечества, не в последней степени основанное на подлинной, родовой русской аристократии, к которой Пушкин относил и свою собственную родню. Этому посвящено его программное стихотворение «Моя родословная», написанное в один год с «Посланием» к Юсупову. Николай Борисович Юсупов оказался одним из последних блестящих представителей тех времен, а равно и одним из последних представителей русской родовой аристократии, сохранивших влияние на развитие государства. Как раз кризис этого небольшого слоя общества, вторжение в него тех, кто «прыгал в князья из хохлов», способствовали, по мнению поэта, и кризису государства в целом.

За строками гениального пушкинского «Послания», обращенного к Юсупову также прослеживается серьезное философское осмысление происходящих в русской истории процессов. Вместе с тем «Послание» носит не только обобщающий, но и весьма конкретный характер, свидетельствующий о том, что поэт внимательно изучил биографию Николая Борисовича, используя в качестве своеобразной летописной хроники и собственные рассказы князя, и его исторический «Альбом друзей».

Юсупов и Пушкин без сомнения провели немало часов за разговорами не только о Фонвизине или «золотом веке Екатерины». Поэт, ставший к началу 1830-х годов неофициальным главой «русской партии», немало воспринял от Юсупова — выдающегося русского государственного деятеля. Ведь под маской старого, сонного вельможи Николай Борисович умело скрывал отточенный ум политика-практика, умелого организатора, настоящего «делателя» с очень широким политическим кругозором, которому удавалось оказывать влияние и нажимать на многие «тайные кнопки» русской государственной машины.

Можно указать еще на одно странное, на первый взгляд, совпадение. Послание к Юсупову появляется как раз в одно время с программными стихотворениями Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», опубликованными в небольшой брошюре, специально написанной совместно А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским, человеком очень близким к царю, воспитателем наследника престола, будущего императора Александра II, отменившего крепостное право. В поэтической форме великие поэты приветствовали восстановление в своем Отечестве и в Польше, как составной части Российской империи,

законного порядка. Произошло это в те дни, когда русские войска усмирили очередное польское восстание, а отечественные либералы дружно клеймили «проклятый николаевский режим», предварительно поплотнее закрыв шторы и двери в гостиных (на кухнях в те времена даже у демократов обитали еще только кухарки, будущие «правительницы» государства). Сохранение единства, целостности славянского Отечества виделось поэту и в том, чтобы страной руководили такие просвещенные вельможи, каковым являлся Николай Борисович, а отнюдь не очередные прибалтийские немцы. Разумеется, в советском литературоведении в этих пушкинских произведениях полагалось видеть исключительно «историзм, эстетство» ну и иные не самые приличные для великого и «почти пролетарского» поэта вещи.

Г.Г. Чернецов. «Портрет А.С. Пушкина, И.А. Крылова, В.А. Жуковского и Н.И. Гнедича в Летнем саду». ВМП.

Пушкин, Жуковский, Крылов, Гнедич получили приглашение на официальный парад на Царицыном лугу в Петербурге в октябре 1831 года, устроенный «По случаю окончания военных действий в Царстве Польском». Их изображения помещены на картине Г.Г. Чернецова, заказанной художнику императором Николаем I. Список портретируемых, как и список приглашенных, проходил Высочайшее утверждение, поскольку картина выставлялась на всеобщее обозрение с указанием фамилий всех на ней изображенных.

Не случайно проницательный Юсупов очень высоко оценил личность самого Александра Сергеевича Пушкина, согласившись стать посаженым отцом на его свадьбе с Натальей Николаевной Гончаровой. Это была не только дань гениальному поэту, но и человеку, который выражал взгляды государственнической части русского общества. В ином случае получить согласие вельможи великий поэт едва ли смог — строгий светский этикет отводил Пушкину место много ниже Юсупова по общественному положению.

Документально подтверждены только две поездки Пушкина в гости к Николаю Борисовичу в Архангельское; поэт неоднократно посещал князя в его московском доме. Исследователи до сих пор не пришли к единому выводу о том, в каком из домов Юсупова происходили эти встречи. Скорее, на Большой Никитской, где князь больше времени жил зимами, но документальных подтверждений тому также нет, как неизвестно и точное число встреч.

23 апреля 1830 года Пушкин написал обширное стихотворение, обращенное к Юсупову. Первоначально оно называлось «Послание к К.Н.Б.Ю***» и под этим заголовком было опубликовано в «Литературной газете» А.А. Дельвига 26 мая того же года.

В княжеской семье вплоть до революции хранилась рукопись «Послания» — автограф Пушкина на четырех листах, склеенных тонкой папиросной бумагой. На рукописи другая дата — 23 апреля 1829 года. На заглавном листе поэт необычайно похоже изобразил самого старого князя, опирающегося на трость во время прогулки по парку в Архангельском. Рисунок сопровождает весьма емкая латинская надпись: «Carpe diem» («Лови мгновение»). Это цитата из стихотворения Горация «Левконое». Пушкин был хорошо осведомлен о времяпрепровождении и образе мыслей князя в последние годы его жизни, так что эта надпись скорее констатировала факт, нежели служила призывом. Что-что, а ловить моменты наслаждения — умственного,

духовного и чувственного — князь умел до последних дней. Не случаен и столь любимый Юсуповым Гораций, которого князь читал в подлиннике. В этом рисунке еще недавно полагалось видеть насмешку поэта над стариком-вельможей, но если бы дело обстояло именно так, то наследники Николая Борисовича без всяких сомнений уничтожили бы оскорбительное изображение. Вместо этого рукопись благоговейно хранилась среди главных семейных реликвий, и с нее изготовили несколько факсимильных копий.

Текст послания свидетельствует о том, что биография Николая Борисовича была досконально изучена поэтом. Он не просто листал, но и внимательно вчитывался в строки главного сокровища князя — его «Альбом» со стихотворным посланием Бомарше и другими автографами знаменитостей. Не появилось ли при этом у Пушкина тайного желания вступить в соревнование с автором «Севильского цирюльника»? А ведь Александр Сергеевич его явно выиграл.

Послание вошло в собрание сочинений поэта под названием «К вельможе» с подзаголовком «Москва» и стало заметным событием не только литературной, но и светской жизни России. Литературоведы по сию пору глубокомысленно спорят — хотел ли Пушкин сочинить сатиру или польстить старому вельможе. Хотя достаточно просто перечитать эти торжественные строки, чтобы понять истинную цель великого поэта.

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались

И вдохновенные в волшебстве состязались.
Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.

С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Та м ликовало все. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий твой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедовал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое вниманье. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины сильные гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой
Ты думал дале плыть… Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою,
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Та м лавры зыблются, там апельсины зреют…
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;

Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Все изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Все новое кипит, былое истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

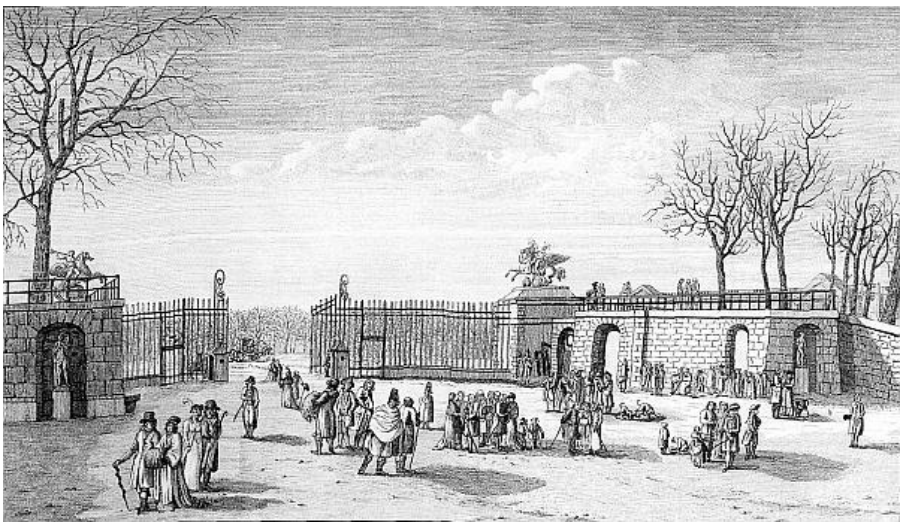
Один все тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что балгосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,

Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнув о пристани и вновь пуститься в путь.

Вольтер. Гравюра XVIII века.

П. Бомарше. Живописный портрет второй половины XVIII века.



Париж. Вход в сад Тюильри со стороны Елисейских полей. Гравюра XIX века. ГМП.

Неизв. художник. «Портрет Екатерины II».

А.П. Брюллов. «Портрет Н.Н. Пушкиной». Акварель. 1831–1832 гг. ГМП.

Ш. Козина. «Портрет А.А. Алябьевой». Около 1842 г. ГМП.

В эти годы Пушкин далеко не каждое свое стихотворение печатал. Он очень тщательно относился к своему слову. «Послание» поэт счел нужным опубликовать в самое короткое время после написания. Оно много значило для него не только с художественной, но и с идеологической точки зрения.

Публикация стихотворения вызвала появление в прибавлении к «Московскому телеграфу» довольно грязненького сатирического выпада, памфлета Николая Полевого «Утро в кабинете знатного барина», который, разумеется, не задел самого Юсупова — укус литературной блохи мало трогал князя. Это сочинение обдавало грязью, прежде всего, самого Пушкина, выведенного в качестве литературного лакея. Впрочем, одна из фраз Полевого могла понравиться и Николаю Борисовичу: «Пока еще жизнь качает нас

в люльке, почему не наслаждаться ею». У Полевого нашлось немало союзников, вполне с его мыслями согласных. В это время уже началась подготовка к травле Пушкина, приведшей вскоре к гибели поэта.

В. П. Лангер. «Портрет С.Н. Глинки». Около 1820 г. ГМП.

В незаконченной статье «Опровержение на критику» Пушкин писал: *«Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю Юсупову. В свете оно тотчас было замечено и… были мною недовольны… Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата, — и в статейке, заимствованной у Мерсье, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы.*

Ныне писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который двумя или тремя чинами выше его, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который площадной руганью может повредить продаже книг или хвалебным объявлением заманит покупщиков. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете»[293].

Весьма неожиданной оказалась реакция на грязный выпад

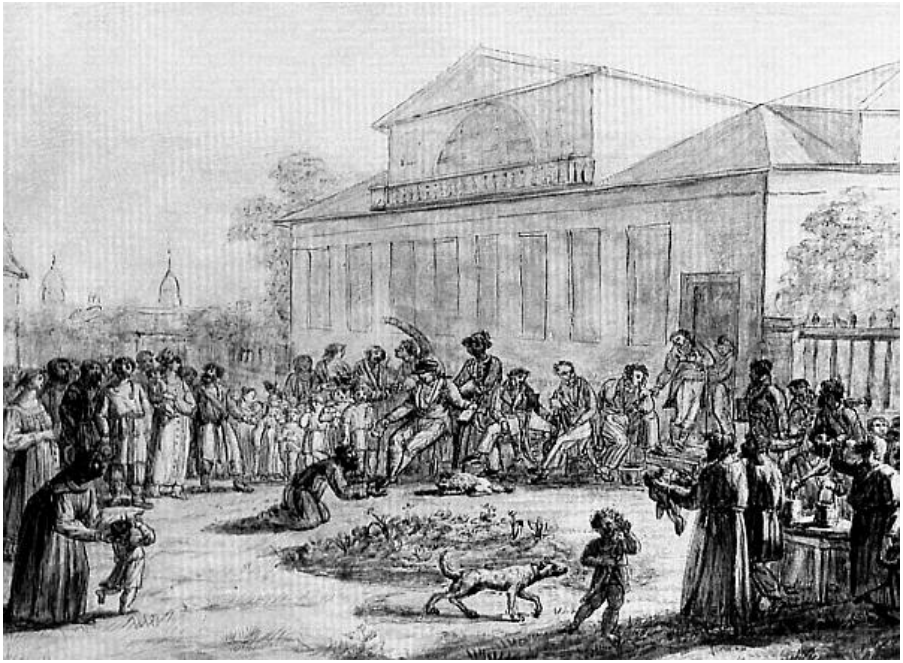
Полевого революционного демократа, критика В.Г. Белинского, который не только не поддержал коллегу по демократическому цеху, но и дал очень верное истолкование выдающегося произведения Пушкина, *«в котором такою мощною широкою кистью с такой полнотою, глубокостию и верностию изобразил нам поэт характер, дух и поэзию, словом, творчески воспроизвел идею русского XVIII века, полного славы и величия, пиров и роскоши, сомнений ума и жажды наслаждения!..»*[294].

Неизв. художник. «Карикатура на Н.А. Полевого». 1840-е гг. (?) (Бобринский?)

Белинский еще раз вернулся к «превосходному стихотворению» Пушкина в пятой статье о «Сочинениях Александра Пушкина». *«Некоторые крикливые глупцы, не поняв этого стихотворения, осмеливались в своих полемических выходках бросать тень на характер великого поэта, думая видеть лесть там, где должно видеть только в высшей степени художественное постижение и изображение целой эпохи в лице одного из замечательнейших ее представителей»*[295].

Публикация памфлета Полевого не осталась без внимания высоких сфер. Появление «соблазнительной статьи» *«по дерзким и явным намекам на известную особу по заслугам своим государству*

возбудила негодование все благомыслящих людей», — с негодованием писал в своей жалобе князь С.М. Голицын[296]. Цензор и посредственный поэт С.Н. Глинка, по собственной глупости пропустивший в печать сочинение Полевого, оказался порядком наказан. Отлученный от должности, он лишился заслуженного пенсиона, что для него, живущего исключительно службой, равнялось едва не смерти. Простодушный и наивный Глинка не понял смысла сатирического выпада Полевого, зато это прекрасно поняли в обществе и в верхах.



Никола де Куртейль. «Пушкин и Вяземский в Архангельском». 1830. Всеросс. музей А.С. Пушкина. Изъято из коллекции кн. Юсуповых в Архангельском.

Глинку в Москве все очень любили. Пушкин всегда оставался с ним в самых лучших отношениях, хотя, вероятно, не раз по доброму смеялся над наивностью и простотой коллеги по «литературному цеху», которая сыграла с ним злую шутку. Простота на деле оказалась хуже воровства. Поэт вызвался выручить поэта из беды. За помощью пришлось обратиться к всесильному князю Николаю Борисовичу.

Знаменитый литературовед и краевед Н.П. Анциферов считал, что второй приезд Пушкина в Архангельское состоялся 29 августа 1830 года, в день престольного праздника Архангельской церкви[297]. «На престол», как говорили в народе, помещик по традиции угощал своих собственных крестьян. В качестве

ответной благодарности крестьяне устраивали для хозяина «концерт художественной самодеятельности» — нехитрые песни и пляски.

Фрагмент рисунка. Пушкин и Вяземский.

К Юсупову поэт поехал не один, а вместе со своим другом — поэтом князем Петром Андреевичем Вяземским, много лет состоявшим в Московском Английском клубе. Воспоминанием об этой поездке стал рисунок художника Никола де Куртейля, долгое время выполнявшего обязанности придворного рисовальщика князя и постоянно жившего в Архангельском. Рисунок хранился в семейном собрании, а уже в советское время перешел во Всероссийский (когда-то Всесоюзный) музей Пушкина. На рисунке, при его увеличении, в числе гостей Юсупова без труда можно увидеть изображения обоих поэтов.

В это время Вяземский усиленно собирал материалы для

книги о Денисе Ивановиче Фонвизине, начальнике князя Юсупова по Коллегии иностранных дел. Понятно, что во время поездки в Архангельское на праздник обо всем интересующем поговорить с Николаем Борисовичем было затруднительно, поэтому Вяземский и в дальнейшем не раз обращался к Пушкину с просьбами порасспросить Юсупова о старине при личных встречах.

Едва ли когда-нибудь достоверно станут известны все детали той давней поездки. Можно предположить, что Пушкин не только просил за Глинку и подарил князю рукопись своего послания. Наверняка Николай Борисович и два поэта насладились беседой — все трое были остры на язык. Не исключено, что поэты приехали в Архангельское еще накануне праздника, а ночевали в одном из служебных флигелей усадьбы, предназначенных для княжеских гостей.

В злоречивом лагере особ, возмущенных пушкинским «Посланием», оказался и знаменитый московский библиофил, член Московского Английского клуба, проигрывавший в его «адской комнате» не одну сотню тысяч, С.Д. Полторацкий, за что потом попал в позорную опеку. *«Можно только улыбнуться тому, что с этими политическими рассуждениями Пушкин обратился к человеку, оставившему по себе память одного из неисправимых представителей времен регентства, которому в голову, вероятно, никогда не входили этакие отвлеченности, — вспоминал Полторацкий позднее. — Мне осталось памятно то представление меня князю Н.Б. Юсупову в 1824 году, которое имело целию определение меня в училище какое-то (кажется дворцовое), находившееся в его заведовании. Помню эти огромные залы, убранные во вкусе Людовика XV, множество картин и статуй, множество грубой челяди; наконец, кабинет сибарита, его пресыщенную, сонную фигуру, белый шлафор и церемонию его пудрения головы.*

Странно, что Пушкин не нашел в России к кому обратиться с прекрасными своими стихами. Тогда живы были и Мордвинов, и Витгенштейн… Конечно, нельзя задавать поэтам тем для сочинений; но неужели нельзя требовать, чтобы они оставались верными действительности, времени, лицу…»[298].

Полторацкому вторили не менее «умные и приятные люди» — бывший попович и довольно беспринципный журналист Н.И. Надеждин, «бессмертный» Фаддей Булгарин, поляк, прославившийся своей службой как Наполеону против России, так и зловещему III-му Отделению вроде бы за Россию. Достойное сообщество…

Обыкновенно в советском литературоведении полагалось в

обязательном порядке цитировать слова Пушкина, которые он, якобы, говорил М.А. Максимовичу по поводу своего «Послания». Разговор этот Максимович воспроизвел спустя полвека после гибели поэта и воспроизвел опять же, якобы, дословно. Вот эти слова:

— Но ведь вы его там изобразили пустым человеком, — сказал Максимович Пушкину.

— Ничего, не догадается, — якобы, ответил поэт[299]. Действительно, нужно совершенно не знать текста «Послания», чтобы сочинить подобный разговор.

Михаил Александрович Максимович — адъюнкт ботаники в Московском университете и профессор русской словесности в университете Киевском (почувствуйте разницу!) всю жизнь на самом деле оставался всего лишь хорошим этнографом. Воспоминания его о Пушкине весьма малодостоверны и напоминают по форме этнографические записи сказок — сказался профессиональный навык. Сам Максимович сообщал П.И. Бартеневу в Москву, что «раза три принимался писать для вас о Пушкине, да не клеится». Пришлось «подклеить» будущий текст, как говорят в Одессе, «немножко демократией», а дело было в 1863 году, в самый разгар «гласности», по злому определению М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вот так и получилось у Максимовича нечто очень в духе «эпохи великих реформ». Стоит задаться вопросом — пускался ли великий поэт в такие весьма небезопасные откровения с двадцатишестилетним малознакомым человеком, принадлежащим к людям отнюдь не пушкинского круга? Он ведь вполне мог оказаться шпионом III-го Отделения, делающим вид, что интересуется литературой со всеми вытекающими последствиями. Да и «Послание», что называется, говорит само за себя…

Итог злопыхательств во всех сферах общества, рожденных на свет в связи со стихотворением «К вельможе», подвел Василий Львович Пушкин, обратившийся к племяннику со своим стихотворным «Посланием», написанным в Москве в середине июня или первой половине июля 1830 года. Оно оказалось последним, предсмертным стихотворением автора знаменитого «Опасного соседа».

…Послание твое к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит московский Ла-Бомель:

Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят,
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее «Годунова».
Творения твои для них тяжелый бич,
Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести топорныя работы
Не может, кажется, проситься в Вальтер Скотты.
Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой.

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливцу некогда смеяться даже им…

Ж. Вивьен. «Портрет Василия Львовича Пушкина». 1823? ВМП.

Упомянутый Бомель Лоран Англевиль — французский писатель и литературный враг Вольтера. И Бомель, и Полевой, и Полторацкий оказались всего лишь слабыми литературными тенями рядом с Вольтером и Пушкиным. Впрочем, почти все критики так ничего после себя и не оставляют, кроме лая Моськи из басни И.А. Крылова. Верно замечено, что «критикам памятников не ставят».

Неизв. художник «Портрет И.И. Дмитриева». 1810–1814. ГМП.

Встречался Пушкин с Юсуповым еще несколько раз, уже после поездки в Архангельское. Встречи продолжались вплоть до вынужденного отъезда поэта из Москвы в Петербург, куда Александр Сергеевич не слишком благоразумно пытался сбежать от «любимой тещи» Натальи Ивановны. Люди опытные говорят, что от этой напасти не спрячешься; спасает только Ваганьково…

О Николае Борисовиче часто говорили в кругу друзей Пушкина. 19 декабря 1830 года П.А. Вяземский писал поэту из своей подмосковной Остафьева: *«Я третьего дня и позабыл просить тебя побывать у князя Юсупова и от меня поразведать его о Фон-Визине. Вижу по письмам, что они были знакомы. Не вспомнит ли князь каких-нибудь анекдотов о нем, острых слов его? Нет ли писем? Поразведай его также о Зиновьеве, бывшемминистре нашем в Мадриде и Мусине-Пушкине, нашем после*

в Лондоне: они были общие приятели Фон-Визину. Узнай, кто говорил: у нас лучше. Скажи князю, что я сам не адресуюсь к нему, чтобы не обеспокоить письмом. На словах легче переспросить и отвечать. Пожалуйста, съезди и пришли мне протокол твоего следственного заседания.

Арбат. Так выглядела московская квартира А.С. Пушкина до реставрации. Фотогр. 1974 г. из архива автора.

Прости. 19-го декабря 1830. Нет ли у князя на память чего-нибудь о Стакельберге, бывшем в Варшаве, о Маркове? Все это из Фон-Визинской шайки»[300].

Пушкин отвечал 10–13 января 1831 года: *«…Вчера я видел кн. Юсупова и исполнил твое препоручение, допросил я его о Фонвизине и вот чего добился. Он очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме. (В беседе это был второй Бомарше… — франц.) Он знает пропасть его bon mots (острот), да не припомнит. А покамест рассказал мне следующее: Майков, трагик, встретя Фонвизина, спросил у него заикаясь, по своему обыкновению: видел ли ты мою «Агриопу»? — Видел — Что же ты скажешь об этой трагедии? — Скажу: Агриопа, засраная жопа. Остро и неожиданно! Неправда ли? Помести это в биографии, а я тебе скажу спасибо»*[301].

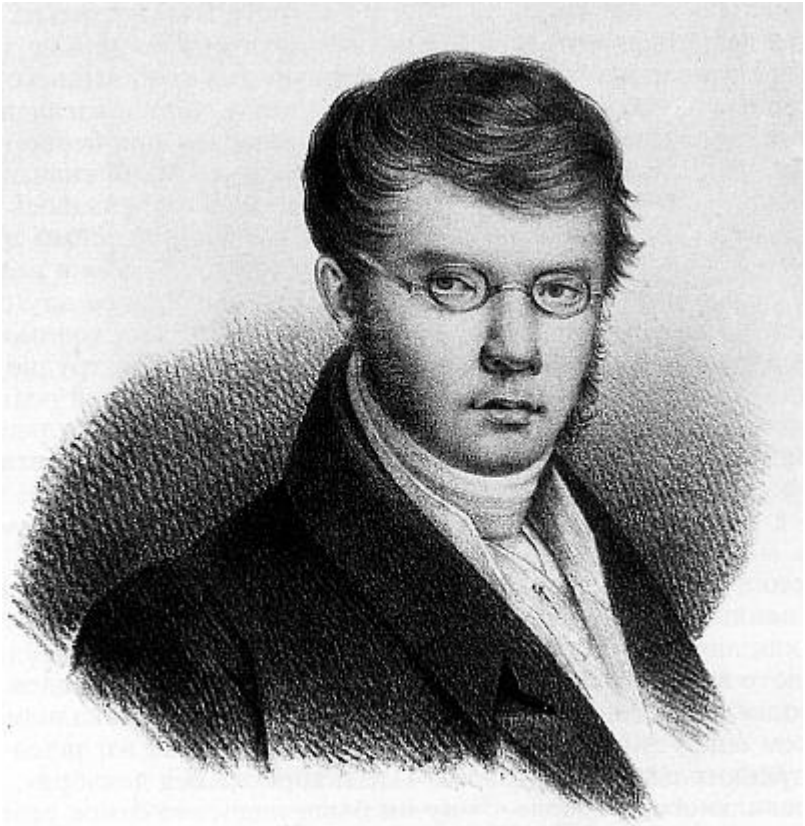
Арбат. Московская квартира А.С. Пушкина. Филиал музея А.С. Пушкина. Современная фотография.

Благодарить Пушкину князя Вяземского не пришлось — он не решился воспроизвести этот милый разговор в своей книге о Фонвизине. В ответе Вяземский 14 января 1831 года из Остафьева писал: *«Хорош Юсупов, только у него и осталось в голове, что жопа»*[302].

Кстати, не совсем приличное теперь слово, оставшееся в памяти князя, когда-то входило в повседневный словесный обиход и не вызывало особых возражений. Употребил его без лишнего стеснения сто с лишним лет спустя в своих воспоминаниях и князь Ф.Ф. Юсупов-младший, в качестве сохранявшегося в обиходе русской эмиграции, где тщательно старались избегать «советских» слов и выражений.

Князь Николай Борисович также побывал в доме великого поэта — по меньшей мере, однажды. Вскоре после женитьбы, 27 февраля 1831 года, Пушкин давал в своей арбатской квартире первый домашний бал. Князь Юсупов присутствовал среди немногих гостей и даже распоряжался танцами. Вот что рассказал об этом будущий московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков: *«Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцевали, и так как общество было небольшое, то я тоже потанцевал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по*

приказанию старика Юсупова: «Et moi j'aurais danse, si j'en avais la force», — говорил он. Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа…»[303].



Неизв. художник. С оригинала И.Е. Вивьена. «Портрет кн. П.А. Вяземского». 1817. ГМП.

Встречаются недостоверные указания на то, что Николай Борисович, якобы, присутствовал на мальчишнике, данном Пушкиным перед свадьбой и непосредственно на свадьбе поэта. На самом деле, на «мальчишнике» старик Юсупов побывать никак не мог в силу своего положения и возраста. Да и чисто по-человечески не совсем было бы удобно большому вельможе стеснять приятелей Александра Сергеевича, людей отнюдь не высшего света, которые собрались у него, чтобы по старинной традиции элементарно напиться перед женитьбой друга и похвастаться всякого рода мужскими подвигами и победами. К тому же Юсупову не полагалось много пить по состоянию здоровья.

И.К. Макаров. «Портрет Н.Н. Пушкиной». 1849. ГМП. В музей поступил от бывшего главного художника Музея Революции СССР М.М. Успенского.

Не присутствовал князь и на свадьбе поэта, где на него возлагались обязанности посаженого отца. На сей раз по болезни. Только по выздоровлении он появился на квартире Александра Сергеевича и Натальи Николаевны, где и возглавил первый семейный бал Пушкиных.

Повторюсь, что, по всей вероятности, поэт и князь в Москве встречались еще не единожды, но документальных подтверждений тому, увы, нет.

В следующий раз имя Николая Борисовича появляется в переписке Пушкина в июле 1831 года. На сей раз в связи со смертью престарелого князя. Именно тогда Пушкин напишет

фразу: «Мой Юсупов». Об этом печальном событии рассказывается в следующей главе.

В 1899 году вся Россия отмечала столетие со дня рождения Пушкина. Тот юбилей не особенно отличался от недавнего двухсотлетия поэта с его водочными этикетками и всевозможными «баннерами» (от подобных слов поэт, наверное, не раз переворачивался в гробу в Святогорском монастыре). Правда, сто лет тому назад в нашей стране имелось несколько больше культурных людей, умевших праздновать юбилеи иначе — со вкусом и тактом. Были среди них и потомки князя Николая Борисовича Юсупова. Князь Феликс Феликсович-старший, скорее всего, по просьбе жены, которая была утонченной женщиной, обладала большим художественным вкусом, заказал для Архангельского мраморный бюст поэта. Он и ныне украшает Пушкинскую аллею архангельского парка.

Архангельское. Памятник А.С. Пушкину на Пушкинской аллее. Современная фотогр.

Документы из Юсуповского фонда № 1290 РГАДА позволили В. Евдокимовой в статье «Увижу сей дворец» описать историю памятника[304]. Юсуповы заказали изготовление скульптуры и постамента московской фабрике мраморных и гранитных работ Михаила Дмитриевича Кутырина. Она действовала в Белокаменной с 1887 года и располагалась на Большой Садовой близ храма Святого Ермолая. Это было вполне солидное производство с годовым оборотом в 90 тысяч рублей. В 1901 году на фабрике трудился 121 рабочий.

19 августа 1902 года Ф.Ф. Юсупов получил счет на мраморные работы. *«Изготовить бюст А.С. Пушкина по прилагаемойфотографии высотой 1 ар. 5 вер.: из белого греческого статуарного мрамора — шестьсот руб., из простого итальянского мрамора — пятьсот руб.».* Мастера высекли бюст из целого куска камня, дополнив его высоким прямоугольным постаментом. У основания помещен темный бронзовый венок из переплетенных ветвей лавра и дуба, а также пальмовая ветвь. На сторонах постамента выбиты строфы из стихотворения Пушкина «К вельможе».

Архангельское. Пушкинская аллея. Из книги Ю. Шамурина «Подмосковные».

Установка памятника непосредственно на месте осуществлялась весной 1903 года. В этих работах принимал участие архитектор, академик Императорской Академии художеств Николай Владимирович Султанов, многолетний член

Московского Английского клуба. За работы Султанов получил тысячу четыреста рублей. Эта сумма указывает на то, что он выполнил работу как по архитектурному оформлению памятника, так и по устройству (надо отметить, на редкость удачному) самой Пушкинской аллеи, органично вошедшей в состав давно сложившегося паркового ансамбля и бережно сохраненной до наших дней в музее-усадьбе.

Архитектор Н.В. Султанов исполнил для Юсуповых немало других работ; его вполне можно назвать «домашним архитектором» последних князей Юсуповых. Именно он реконструировал и реставрировал палаты Волкова «у Харитонья в переулке», главный московский дворец рода. Проведенная им бережная историческая реставрация позволила превратить Юсуповские палаты в настоящий «византийский», как считали тогда, а на самом деле — древнерусский терем-музей.

Архангельское. Беседка «Миловида». Открытка 1910-х гг. Из собр. автора.

Памятник в Архангельском остается и ныне лучшим из установленных великому поэту на земле Подмосковья, хотя теперь скульптурные изображения Пушкина превратились в весьма популярных гостей на подмосковных просторах[305].

Супруга князя Николая Борисовича — княгиня Татьяна Васильевна Юсупова приходилась поэту не только дальней соседкой по Петербургу, точнее — по Мойке, но и являлась

преданной его поклонницей. У нее в альбоме хранились визитные карточки четы Пушкиных, что говорит, по крайней мере, об обмене официальными светскими визитами.

В Юсуповском дворце бережно сохранялся не только автограф пушкинского «Послания». После революции в тайнике дворца на Мойке в Ленинграде (он находился за книжными полками в кабинете) удалось обнаружить несколько неизвестных автографов поэта, которые перешли в род Юсуповых через семью Сумароковых-Эльстон от потомков князя М.И. Кутузова. Эти чисто семейные документы Юсуповы по вполне понятным причинам до поры до времени не считали необходимым предавать гласности, а уже в начале XX столетия новые хозяева особняка наверняка просто забыли об их существовании[306].

Архангельское Верхняя терраса парка. Фотогр. 1910-х гг

Таким образом, Пушкин и Юсупов не разлучились и после смерти. Теперь их соединил памятник великому поэту, установленный в Юсуповском имении. Кстати, такой вот печальный факт — Пушкину в Архангельском памятник есть, а вот князю Юсупову все никак не поставят. Вероятно, все по тем же «классовым соображениям». Или само Архангельское считается вполне достаточным памятником знаменитому владельцу?

И.П. Витали. «Бюст князя Н.Б. Юсупова». ГМУА.

Глава 7
Оставив сей мир…

Ударит Час, друзья, простите.
Иду, куда Вы знать хотите:
В страну покойников… зачем?
Спросить, к чему мы здесь живем.

С. Л. Пушкин.
1830-е гг.

Да, но, оставив сей мир,
Ныне он в звездах живет.

Античная эпиграмма

Николай Борисович дряхлел и старел долго — недоброжелателям завидовать надоело. Крепкие нервы и известного рода равнодушие к мелким дрязгам позволили князю пережить почти всех известных людей своего времени. Говорят, что коллекционирование и связанная с ним постоянная работа ума, ежедневное чтение, интерес к жизни, постоянная страсть узнавать что-то новое, восхищение игрой ума и воображения, «бегство от скуки» — также не позволяют человеческому организму стариться раньше времени, а Николай Борисович до конца дней искал новых знаний, новых впечатлений и удовольствий. Его не оставляло равнодушным подлинное «волненье сердца и ума». Не был князь равнодушен и ко всему прекрасному во всех его проявлениях… Так или иначе, но только познав все и получив все желаемое, Юсупов ушел из жизни, ушел равнодушно, совершенно умиротворенным. Хотя как знать — чужая душа потемки…

М.И. Иванов. «Портрет кн. Татьяны Васильевны Юсуповой». После 1841 г.? ГТГ. Исполнен по посмертной маске.

Люди умирали всегда, и во всякую эпоху отношение к смерти оставалось не самое хорошее. У каждого человека к «костлявой старухе» обыкновенно находится какая-нибудь претензия. Бедному жаль, что не успел скопить богатств, богатому — что не может взять нажитого с собою… Умирающих аристократически равнодушно немного… Одним из них был князь Николай Борисович Юсупов.

В Москве, где в 1-й половине 19-го столетия обитали преимущественно дворяне весьма средней руки. Юсупова не слишком любили — аристократизму и богатству завидовали, доброты не понимали, увлечение искусством почти не разделяли и уж, конечно, за глаза выливали на князя ведра грязи. Николай Борисович пользовался любовью и уважением лишь небольшого кружка просвещенных людей.

Еще Юсупова любила… крепостная дворня, люди, окружавшие его в повседневной жизни. Такая любовь

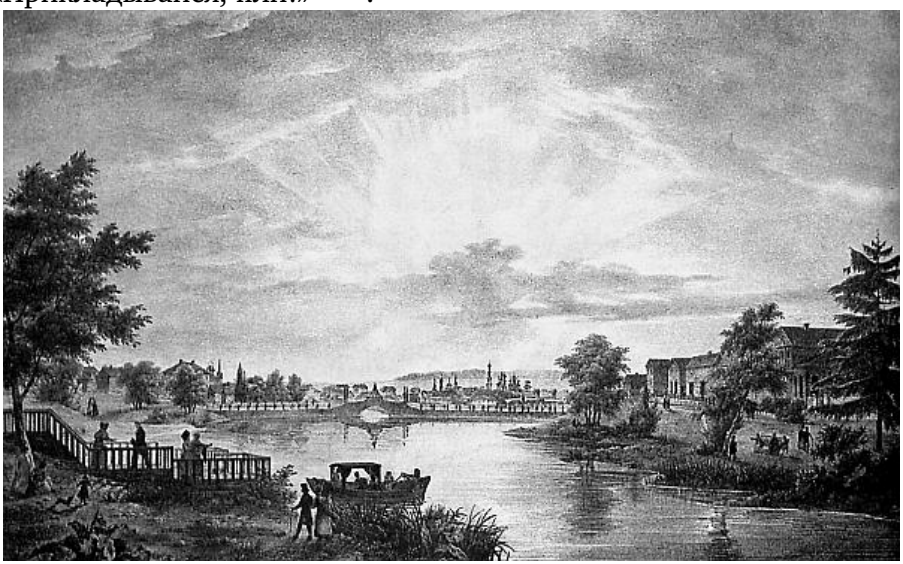
представлялась делом редкостным. В те времена часто можно было слышать рассказы о том, как крепостные убивали своих мучителей-бар. Так, одного из дальних родственников князя из рода Нарышкиных пытались отравить камердинер, лакей и женщина-прислуга, с которой сиятельный барин прижил нескольких детей, — спас неожиданно явившийся врач. Отца Федора Михайловича Достоевского, простого врача московской Мариинской больницы, по слухам, упорно державшимся много десятилетий, убили собственные крепостные крестьяне из подмосковной деревеньки, где их тароватые потомки в наше время любезно устроили мемориальный музей великого писателя и теперь проводят в его честь всевозможные праздники и научные симпозиумы.

«Савелич» Литогр. Неизв. художника. Собрание члена Английского клуба Ф.Ф. Вигеля. Научная библиотека МГУ.

«Мой Юсупов умер», — горестно написал А.С. Пушкин в

письме к П.А. Плетневу, получив известие о смерти князя. Этой единственной строчкой великий поэт показал подлинный смысл потери.

Кончина Николая Борисовича вызвала в городе большие пересуды. Ее не то чтобы ждали. Просто такое счастливое долголетие вельможи вызывало неудовольствие завистников. В Москве уже почти год свирепствовала эпидемия холеры, и за несколько месяцев до смерти Юсупова главный московский сплетник Александр Яковлевич Булгаков в письме к брату восклицал: «Как бы не сказали смерти, указывая на Юсупова: «Прикладывайся, пли!»[307].



О.Ф. Леметр. С оригинала О. Кадоля. «Пресненские пруды». 1825. ГМП.

Смерть не замедлила приложиться, воспользовавшись «добрым советом». Умер Николай Борисович внезапно. Еще 9 июня 1831 года Булгаков делился впечатлениями с братом о традиционном летнем времяпрепровождении верхушки московского общества, и ничто не предрекало трагического конца. *«Гулянье вчера на прудах было хорошо, но слишком уж тесно; у беседки такая была давка, что многие дамы кричали, досталось шляпкам их. Князь Юсупов велел дать Катеньке стул…»*[308]. Речь идет о гулянье у Пресненских прудов.

Спустя месяц, 15 июля, Булгаков сообщал брату: *«… Вейтбрехт пришел сказать, что встретил Догановского, который был у губернатора Небольсина, а этот ему сказал, что князь Н.Б. Юсупов в ночь скончался, и что губернатор отправил сейчас нарочного в Архангельское, чтобы там все запечатать. Сколько раз был болен и выздоравливал, а теперь вдруг умер, видно, ударом.*

Кто-то на его место? А следовало бы доброму Урусову… Бориньке привалит большое богатство, а ум будет все тот же, но нет! Того и гляди, что богатство и ума ему прибавит: 23 тысячи душ, фабрики, дворцы, дома, Архангельское, вещи, картины, бриллианты»[309].

Упомянутый в письме Догановский — это, скорее всего, известный карточный игрок, член Московского Английского клуба и завсегдатай его «адской» комнаты Василий Семенович Огонь-Догановский. Известна история большого проигрыша ему А.С. Пушкина. Характерно, что Булгакова, как истинного чиновника, интересует не смерть знакомого человека, князя Юсупова, а только кандидатура преемника на его должность.

На следующий день, 16 июля, Александр Яковлевич сообщает брату в Петербург обо всем более подробно. *«Один теперь разговор в Москве, смерть Юсупова. Хотя старик и не пользовался тем уважением, которое бы подобало его летам, чину, знатности и богатству, но он оставил большую пустоту в городе нашем. Жизнь его, общество, привычки, все было странно. Кажется, что он предчувствовал свою кончину, недавно сказал Арсеньеву А.А.: ежели умру, скажи Бориньке, что воля моя (зачем не исполнить это тотчас?), чтобы дано было Себелеву (бедный дворянин, над которым князь всегда трунил) 5000 руб. и другим лицам разные награждения. В марте, сказывал мне Львов Дмитрий Михайлович, сделал он завещание, которое подписано было им, Львовым, и князем А.М. Урусовым. По словам иных, он умер холерою, а другие говорят, что ударом. Он выезжал 14-го числа, приехал здоров домой, ужинал, ел персики, вишни, лег спать. В два часа ночи зазвонил, живот болит, дайте…! Это повторилось раз семь. Люди испугались, послали за Рамихом. Приехал скоро, нашел, что князь не хорош; покуда писал рецепты, люди послали за попом. Больного стало тошнить и вырвало. Люди предложили священника.*

— Пошлите за ним!

— Он уже здесь!

— Велите ему войти!

*Исповедывался и причастился. Вскоре после того опять его рвало, но больной успокоился, велел посадить себя на креслы, посидел. Вдруг голова опустилась на грудь. Полагают, что это был первый удар; однако же он ее приподнял, но не говорил. Скоро после того опять голова опустилась; подошли, не стало уже старика. Люди в ужасном отчаянии: они у него блаженствовали, и для подчиненных это потеря большая. Он давал множеству бедных чиновников квартиру, дрова. Они пойдут по миру, ибо верно будет это все отрезано князем П.М. Волконским (министром Императорского Двора. — **А.Б.**)*.

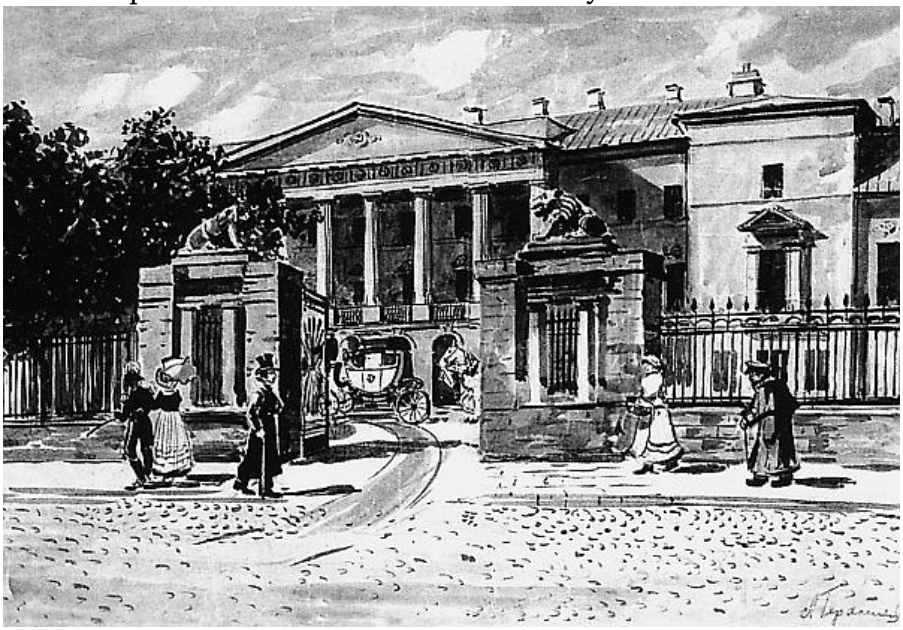
Вчера, 15-го, в шесть утра не стало князя Николая Борисовича. Вся болезнь его продолжалась только четыре часа, в 7 часов вся его команда была уже около тела усопшего, и много было слез. Послали эстафету Бориньке. Куда денется славное это Архангельское, оранжереи, померанцы удивительные, Горенские растения, балет, его капелла и проч.? Девять одних подмосковных! Положат его в деревне по Троицкой дороге, где мать его лежит. У старика два сына побочных; один уже большой, был в службе и негодяй, говорят, второй маленький, от Колосовой танцовщицы, воспитывается в пансионе Кистера»[310].

Вероятно, следует сказать несколько слов о медицинской картине смерти князя Юсупова. Писатель и журналист князь Петр Иванович Шаликов называет другое время смерти Николая Борисовича — 7 часов 45 минут утра, почти на два часа продлевая его агонию, но сути дела это, к сожалению, не меняет. Смерть еще никому не удавалось обмануть, даже журналисту. Какова была причина кончины Юсупова? Почти наверняка — кровоизлияние в мозг. Описание Булгакова вроде бы наводит на мысль и о холере, но она кажется уж слишком скоротечной — четыре часа очень мало даже для ослабленного восьмидесятилетнего организма.

Петру Ильичу Чайковскому, скончавшемуся, безусловно, как и его мать, от холеры, пришлось промучиться несколько суток (хотя клиническая картина в чем-то была схожа — только двери в петербургскую квартиру брата композитора — Модеста Ильича, где умирал Чайковский, были плотно закрыты для посторонних. Для мемуаристов тоже). Композитору было немногим за 50, и организм его находился в хорошем состоянии. Острое расстройство желудка, случившееся у князя перед кончиной, — частый спутник острого же нарушения мозгового кровообращения.

За несколько часов до смерти Юсупов ел фрукты, разумеется, из собственных, Архангельских оранжерей — и это обстоятельство, как и продолжавшаяся в Москве эпидемия, видимо, породили слухи о холере. Обед же или ужин — тут источники расходятся, просто кто-то видел князя за обедом, а кто-то за ужином, — съеденный Николаем Борисовичем накануне или в день кончины в Московском Английском клубе имел, так сказать, противохолерные предосторожности (нет точных сведений — в клуб ли князь выезжал именно в день смерти или побывал он там накануне). С началом эпидемии холеры 1830 года на клубной кухне ежедневно в каждое блюдо, исключая, разумеется, десерта, повара клали очень большое количество

лука и чеснока. Эти овощи к концу сезона сильно вздорожали в цене, зато здоровье членов клуба строго охранялось благодаря антибактериальным свойствам чеснока и лука.



А. Герасимов. «Московский Английский клуб в 1830-х гг.». Реконструкция. Собр. Музея Современной истории России.

Доктор Рамих, присутствовавший при кончине князя, был его соклубником. Он считался в Москве одним из лучших врачей. Почему-то так часто случается, что вскоре после смерти известного больного уходит из жизни и его врач. Юсупов и Рамих не стали исключением…

От эпидемии действительно заразного заболевания — тифа — скончался сын Николая Борисовича — Борис Николаевич, отправившийся с эпидемией этой бороться в собственное имение едва не в качестве рядового фельдшера, но тут уж совсем другая история[311].

Неизв. скульптор. «Бюст балерины Софьи Малинкиной». ГМУА.

Между прочим, по Москве долго ходила милая сплетня, которую, приличия ради, пересказывали не особенно громко. «Добрые» жители белокаменной в полголоса судачили о том, что помер де князь Юсупов вовсе не от холеры или удара, а от любви — прямо на своей последней пассии, восемнадцатилетней балерине Соничке Малинкиной. Некоторые господа, обладавшие особо чутким воображением, утверждали, что Соничке исполнилось лишь шестнадцать… Читатель может внимательно обозреть бюст этой милой особы, с большими предосторожностями сохраняющийся в музее-усадьбе «Архангельское» в качестве редкостного произведения искусства. Бюст действительно шикарный…

Столичные похороны представителей высшего света всегда были и остаются своеобразным спектаклем, где редко приходится видеть искренние чувства. Как часто и сегодня какая-нибудь безутешная вдова сетует с экрана телевизора, что друзья покойного не смогли де добиться для «великого» места на престижном Новодевичьем и умершему приходится довольствоваться Хованским или Ваганьковским кладбищем.

Красные ворота и церковь Трех Святителей. Открытка 1910-х гг.

Московская дворянская знать былых времен вся хотела жить в Старо-Конюшенной, а лежать — в Донском монастыре. В крайнем случае — в Новоспасском. Иные места модными не считались. По своему положению и богатству князь Николай Борисович Юсупов вполне мог найти последний приют и в Петербургской Александро-Невской Лавре среди высших сановников России, рядом с отцом, но он предпочел всем пышностям и моде небольшое подмосковное село Спасское-Котово. Теперь оно находится в границах города Долгопрудного.

Отпевание Николая Борисовича состоялось в приходской церкви Трех Святителей у Красных ворот. Храм Трех Святителей — скромный образчик московской архитектуры 17-го столетия являлся когда-то важным мемориальным памятником[312]. Полагаю, читателю не надо говорить о том, что храм этот разделил печальную судьбу и Красных ворот, и Лермонтовского дома, стоявшего рядом (дом, где родился поэт, снимала его бабушка).

Смерть Николая Борисовича вызвала отклик на страницах периодической печати, хотя тогда газеты крайне редко публиковали некрологи. Главный появился в газете «Московские Ведомости» 18 июля 1831 года. Автором этого скорее репортажного по жанру сочинения был князь Петр Иванович Шаликов — известный московский сентиментальный писатель, соклубник князя Юсупова по Московскому Английскому клубу. Несколько дней спустя этот же текст без изменений перепечатали

«Санкт-Петербургские ведомости». В петербургской же газете «Северная Пчела» на первой странице тоже был помещен короткий некролог. Для сохранения колорита эпохи я воспроизвожу текст, как в оригинале князя Шаликова, где некоторые слова написаны по старым орфографическим правилам и с заглавной буквы; видимо, некролог из «Московских ведомостей» с той давней поры полностью не перепечатывался.

*«В семнадцатый день сего июля, в церкви Трех Святителей, близ Красных ворот, происходило отпевание усопшего Действительного Тайного Советника, Государственного Совета члена, Сенатора, Действительного камергера, Главноначальствующего Кремлевской Экспедиции, Мастерской Оружейной Палаты, разных Российских и Иностранных орденов Кавалера, Князя Николая Борисовича Юсупова, в присутствии знатнейших Особ Московской Столицы, при собрании господ присутствующих обоих означенных мест и прочих Чиновников, под его начальством находившихся, единодушно сокрушающихся о потере знаменитого и благодетельного Начальника; при стечении многочисленного собрания зрителей, наполнявших безпрерывно почти все пространство от упомянутой церкви до Бутырской заставы, до которой печальная процессия провожала тело всеми любимого и уважаемого Вельможи. Не возможно описать горестной картины, когда почтенный учредитель траурной церемонии объявил о времени выноса из дому тела, которое до церкви было несено Господами Присудствующими (так в тексте. — **А.Б.**) и Чиновниками: превеликое множество домашних покойника, как будто не веря до тех пор глазам своим, что благотворитель их лежит во гробе, столь сильно возрыдало, что каждый был готов, по видимому, выплакать свое сердце, и когда приближилась минута последнего прощания, всякий, казалось, терял все то, что ни имел в жизни драгоценнейшаго!*

Неизв. художник. «Портрет князя П.И. Шаликова». 1810-е гг. ГМП.

На десяти богато украшенных подушках провожавшими князя чиновниками несены знаки отличия доблестного Начальника за Бутырскую заставу, где внезапно поразило всех трогательное зрелище: собравшимся там во множестве разных подведомственных князю волостей казенные крестьяне и его собственные горели наперерыв сильным желанием доказать беспредельную свою благодарность за всегдашнее отеческое его о них попечение, и с пламенным усердием, возложив на рамена свои гроб, вмещавший прах его, в безмолвии, с глубочайшим благоговением, как нечто священное, понесли в принадлежащее князю подмосковное село Спасское, назначенное быть местом погребения.

Мир праху Твоему, Вельможа, в трудах неутомимого, верный друг чести! Ты умел достославно совершить на земле путь долголетнего, общеполезного бытия своего! Тихий конец благотворной жизни твоей был подобен величественному закату благотворного светила»[313].

Во время поминального обеда наследник князь Борис Николаевич Юсупов сказал, что «это как бы батюшка вас в последний раз угощает». И действительно, не без ехидства

заметила добрейшая родственница князя, бабушка Янькова, присутствовавшая на поминках, у самого Бориса Николаевича «едва ли кто чашки чаю пивал» от его скупости[314].

Уже 1-го августа «Санкт-Петербургские Ведомости» сообщили о прибытии на невские берега церемониймейстера Высочайшего Двора князя Юсупова[315]. Борис Николаевич не дождался в Москве даже сороковин по отцу. И вот еще одна деталь. Мне не удалось найти в списке лиц, приехавших в северную столицу, княгини Татьяны Васильевны — жены Юсупова. Наверное, понадобится дополнительный поиск материалов, чтобы понять — присутствовала ли вдова при похоронах мужа. Все свидетельства современников называют одного только сына Бориса Николаевича как распорядителя погребения. Что было на самом деле? Конечно, Татьяна Васильевна была уже очень в возрасте. Скорое путешествие по летней жаре из Петербурга в Москву могло оказаться ей не по силам. К тому же она могла просто болеть во время внезапной смерти супруга.

Кончина Николая Борисовича произвела тяжелое впечатление на людей пушкинского круга. Становилось ясно, что с ним ушел большой исторический пласт — людей, событий, судеб, ненаписанных воспоминаний о славном веке Екатерины Великой.

15 июля 1831 года князь Петр Андреевич Вяземский сообщал Пушкину: «Юсупов сегодня умер частью от холеры, частью от удара, частью от 80 лет. Третьего дня ужинал он еще в клубе»[316]. В тот же день писал поэту и его ближайший друг, соклубник по Английскому клубу, Павел Воинович Нащокин: *«Новостей много слышу, пересказать ни одной не могу. Одна новость для тебя Юсупов умер — не знаю почему, а мне было его жаль, вреда кажется он никому не делал — ибо никто не жаловался, а про добро не знаю: умер же умно и равнодушно, как мне рассказывали; ему предложили перед смертью за час исполнить христианский долг — на что он спросил — разве пора, и послал за священником; — накануне он был в клубе»*[317].

В письме 22 июля к литератору и издателю Петру Андреевичу Плетневу, которого Пушкин называл «братом», поэт написал короткую фразу: «Ох уж эта холера! Мой Юсупов умер, наш Хвостов умер. Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами»[318]. Характерно, что смерть Николая Борисовича не обсуждалась — это было горестное, понятное и без лишних слов большое событие.

«Бабушка Янькова». Гравюра.

Обсудить же пришлось только одно печальное обстоятельство. Бездарный поэт граф Дмитрий Иванович Хвостов оказался жив — здоров и даже прожил после смерти князя Юсупова еще четыре года. *«С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив, — писал А.С. Пушкин П.А. Плетневу 3 августа 1831 года. — Посреди стольких гробов, стольких ранних и бесценных жертв Хвостов торчит каким-то кукишем похабным»*[319].

Итог же всем разговорам и толкам подвела мудрая бабушка Янькова. *«…Да, обмелела Москва и измельчала жителями, хоть и много их. Имена-то хорошие, может, и есть, да людей нет; не по имени живут»*[320].

Известна одна незначительная на первый взгляд деталь, много говорящая при более глубоком ее изучении. В продолжение всей жизни одинокий, в сущности, Николай Борисович оставался очень привязан к своим домашним животным — птицам, собачкам, обезьянке. Некоторые из них становились его постоянными спутниками во всех поездках, в известной степени заменяли одинокому старику-князю семью, согревали его своей бескорыстной лаской, любовью и преданностью. Наследник — «Сахар Боринька» распорядился экономии ради распродать даже «братьев меньших» своего отца…

Князь Борис Николаевич в зрелые годы стал человеком твердых правил и высоких норм морали. Память об отце, как бы не складывались их личные взаимоотношения, он рассматривал исключительно в строгих православных традициях. Борис Николаевич не стал сооружать «странноприимные дома» или богадельни в память отца. В Ракитном, главном имении Юсуповых, он построил храм, посвященный, естественно, небесному покровителю отца — святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, любимейшему в русском народе Николе Угоднику; принимал участие в строительстве других храмов в окрестностях села. Спустя всего полтора столетия в Интернете на официальном сайте Ракитянского района мне не без удивления довелось прочитать, что храм, наряду с главным усадебным домом имения, является единственным памятником архитектуры всего немалого по площади района Брянской области!

Непосредственно над могилой за алтарем храма в Спасском-Котове князь Борис Николаевич приказал возвести особую усыпальницу. Внук и полный тезка князя Николая Борисовича дополнил ансамбль Спасского храма приделом, посвященным также святителю Николаю.

Где же захотел найти последний свой приют Николай Борисович и что ныне представляет собой его захоронение? Долгое время официально считалось, что могилы князя Юсупова и его родственников отправлены на дно Клязьменского водохранилища при большевиках «по классовым соображениям», но это оказалось не так. При реставрационных работах в храме села Спасского-Котово под временным настилом обнаружились пять каменных надгробий князей Юсуповых.

От Москвы до Спасского (так прежде принято было называть Спасское-Котово) считалось 18 верст. Крепостные крестьяне князя Юсупова по любви своей к барину просили разрешение наследника нести прах Николая Борисовича весь путь от Бутырской заставы на руках, что и было исполнено.

Сохранилось короткое упоминание о порядке погребения в воспоминаниях неизвестного подчиненного Юсупова по Оружейной палате, которые мною уже цитировались. «В 1831 году июля 15-го после непродолжительной болезни умер Юсупов и похоронен с приличною церемониею в своем селе Котове-Спасском, в двадцати верстах от Москвы, куда все бывшие при отпевании за гробом его поехали. Когда же князь был зарыт в могилу, то сын его Борис Николаевич приглашал сопровождавших покойного на обед так: *«покорнейше прошу*

помянуть покойного, это батюшка мой в последний раз вас угощает»[321].

Сам Николай Борисович заботился о семейном некрополе в Спасском, где лежали его мать и сестра. Для их захоронений приблизительно в 1810 году в специальном приделе храма был сооружен склеп. Вплоть до 1917 года существовала традиция погребения родовитых или просто богатых людей не в земле, а в специально устроенном кирпичном склепе. Он мог располагаться как непосредственно под могильным памятником на кладбище, на традиционной двухметровой глубине, так и в подклете (подвальной части) часовни или церкви. Так, в московском Богоявленском монастыре могилы князей Юсуповых находились в склепах в подвальной части монастырского собора. А вот кирпичный склеп для гроба с телом Н.В. Гоголя на кладбище московского Данилова монастыря сооружался уже позднее, после погребения писателя. Склеп обнаружила комиссия во главе с известным московским музейным работником М.Ю. Барановской при перенесении праха писателя на новое кладбище Новодевичьего монастыря. И в наши дни Русская Православная церковь придерживается традиции погребения высшего духовенства именно в склепы, которые сооружаются, как правило, непосредственно перед похоронами, а не заранее. (Цемент твердеет быстрее извести, применявшейся в XIX веке в качестве связующего раствора.)

Первоначально захоронение Николая Борисовича было произведено в могилу за алтарной частью церкви, в наиболее почетном месте церковного погоста, а уже потом над ним соорудили квадратную часовню-усыпальницу и, надо полагать, склеп для сохранения праха. Между прочим, это едва ли не единственный случай в церковной архитектуре, когда придел храма оказался непосредственно за его алтарем, с восточной стороны. Исключением является главный храм Новоиерусалимского монастыря, который и сам является исключением в русской архитектуре, тогда как Спасский храм строго соответствовал канонам православного зодчества.

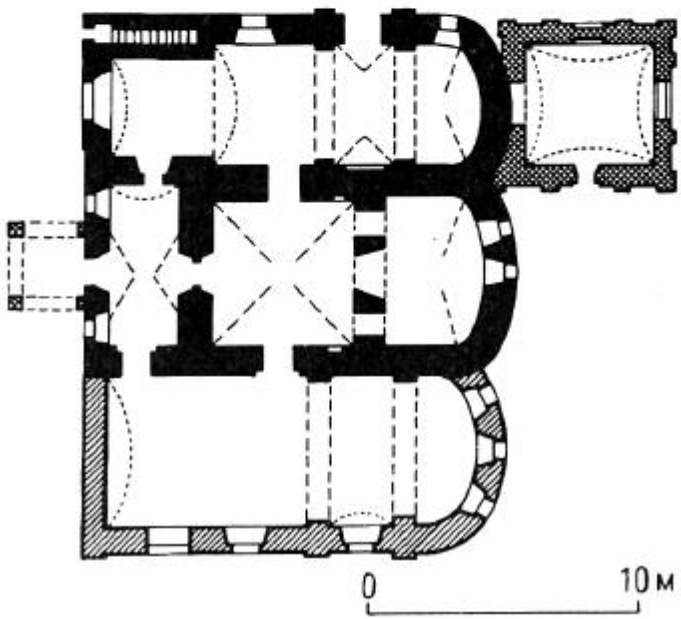
Возле Спасского храма, с внешней его стороны в 1816 году Николай Борисович Юсупов приказал похоронить рано умершую балерину Е.П. Колосову, дорогую ему женщину, от которой у князя имелось двое внебрачных сыновей Сергей и Павел, носивших фамилию Колосовы-Гирейские. Их портрет, хранящийся в музее «Архангельское», писал Никола де Куртейль. На заднем плане картины явно не без умысла помещено изображение усадьбы в Спасском-Котове.

В Спасском храме нашли последнее упокоение: княгиня

Ирина Михайловна Юсупова, ее сын — князь Николай Борисович, его рано умершая сестра Анна Борисовна, по мужу Протасова, князь Борис Николаевич Юсупов (сын Николая Борисовича) и его первая, рано умершая жена Прасковья Павловна, рожденная княжна Щербатова. Вторая жена князя Бориса Николаевича, пережившая его едва не на полвека, в компанию к мужу лечь не решилась. Вероятно, грехов побоялась…

История села Спасского проливает некоторый свет и на историю Юсуповского некрополя. В 1684 году в селе Котово, «Спасское тож», принадлежавшем тогда князю И.Б Репнину, была возведена небольшая каменная Спасская церковь — скромный образец провинциального усадебного зодчества, став заменой деревянному храму. С 1720-х годов Спасское-Котово или просто Спасское перешло в род Юсуповых, вероятно, в качестве «пожалования» князю Григорию Борисовичу за заслуги из очередного «конфиската» или пришло в род как приданое. Вплоть до 1917 года оно оставалось собственностью князей Юсуповых.

После переезда в Москву Николай Борисович первоначально планировал поселиться именно в Спасском и начал отделывать здесь большой летний дом. Архангельского еще не имелось и в проекте. В усадьбе начались большие строительные работы, позднее заброшенные ради грандиозных работ в Архангельском.



Фотогр. и план церкви села Спасское-Котово. «Памятники архитектуры Московской области». М. 1975.

Село Спасское-Котово. Фотография из альбома кн. З.Н. Юсуповой. 1900-е гг.

Юсуповы не забывали о семейной усыпальнице. Церковь постоянно ремонтировалась. В 1874 году по указанию князя Николая Борисовича-младшего производился капитальный ремонт всего храмового комплекса, включая и усыпальницу деда. Вот что рассказал о посещении Спасского в книге мемуаров князь Феликс Юсупов-младший: *«Одним из самых старых наших имений было подмосковное Спасское. Именно там жил князь Николай Борисович перед тем, как купил Архангельское.*

Потом об имении словно забыли, не знаю почему. В 1912 году я побывал в нем. Оно было заброшено совершенно.

На пригорке близ елового бора стоял дворец с колоннадой. Казалось, он прекрасно вписывается в пейзаж. Но как только я приблизился, то пришел в ужас: все сплошь — развалины!

Двери сорваны, стекла разбиты. Потолки рушатся, на полу оттого груды мусора и щебенки. Кое-где остатки былой роскоши: мраморная штукатурка с лепниной, яркая настенная роспись, вернее, тоже остатки. Я прошелся по анфиладе. Залы — один другого прекрасней, а куски колонн лежат на полу, как отрубленные руки. Части деревянной обшивки эбенового, розового и фиолетового дерева с маркетри давали понять о былом декоре!»[322].

Церковь в селе Спасское-Котово. Справа — часовня-мавзолей князей Юсуповых. Современная фотография.

Как известно, при большевиках в нашей стране имелся большой дефицит промышленных площадей. Поэтому для нужд производства приспосабливались самые неожиданные сооружения. Так, в часовне преподобной Ксении Петербургской на одном из ленинградских кладбищ была устроена мастерская сапожника — так будто бы кладбищенское население сильно нуждалось в ремонте обуви! Жители же подмосковного Долгопрудного остро нуждались в печатном слове. Поэтому, когда село Спасское-Котово в 1963 году вошло в границу города, сельский храм не сломали, как предполагала традиция безбожных пятилеток или хрущевской «оттепели», а превратили в местную «образцовую типографию». Чье имя она носила — Урицкого или Кирова, к сожалению, выяснить не удалось, что теперь не столь уж важно.

Церковь села Спасского разделила участь множества православных храмов России. Полностью уничтожено ее художественное убранство, судя по фотографии, не самое рядовое. Опять же по традиции производилась ликвидация завершения здания: купола, кресты и ярус колокольни были разобраны в целях лечения типичной партийной болезни — крестобоязни.

Однако в начале 1960-х годов церковь получила официальный статус памятника архитектуры. Началась ее «медленная реставрация». Храм внесен в «Каталог памятников архитектуры Московской области», изданный в 1975 году после многих лет подготовки. Никакого «затопления водами Клязьменского водохранилища», как утверждали отдельные

«знатоки» нашей подмосковной культуры, не наблюдалось. Могильные плиты Юсуповых, что понятно и характерно для той поры, оказались скрыты — над каменным полом храма был сооружен деревянный — для удобства установки типографского оборудования. Что стало с семейными склепами или склепом — пока достоверно неизвестно; понятно только, что свод над подвалом сохранился вполне благополучно. Главный вопрос — состояние праха погребенных.

В начале 1990-х годов храм передан православной общине. В нем возобновлено богослужение. После большого ремонта, напоминавшего по тщательности научные реставрационные работы, церковь освятил глава Московской епархии — митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Отремонтирована и усыпальница князей Юсуповых. Могилы в ней отмечены весьма скромными надгробиями — князь Борис Николаевич лишних трат не любил.

На этом завершается сравнительно короткое жизнеописание главного героя книги — князя Николая Борисовича Юсупова. Многие подробности княжеской жизни пришлось опустить, о многом рассказать лишь в общих чертах. Особенно мне жаль обширной летописи ботанической коллекции Юсупова, историю которой обыкновенно у нас в литературе полагается описывать со всею тщательностью. Померанцевые и лимонные деревья, может быть, не обидятся…

Большое значение князя Николая Борисовича Юсупова для русской истории второй половины XVIII— первой трети XIX веков стало ясно образованным кругам общества еще при жизни князя. Его «ученым прихотям» потомки не перестают удивляться и восхищаться вплоть до наших дней. Даже в те годы, когда о «проклятом наследии феодализма» говорить не полагалось, советские искусствоведы, хотя и сквозь зубы, но признавали роль Юсупова-коллекционера и создателя грандиозного усадебного ансамбля Архангельского. Собранная Николаем Борисовичем одна из крупнейших частных коллекцией Европы 19-го столетия даже в разрозненном виде не перестает восхищать знатоков и любителей прекрасного. Собственная жизнь князя Юсупова оказалась не менее прекрасна, чем его дворцы и коллекции, и настоящая книга — скромная дань восхищения Николаем Борисовичем Юсуповым, во след которому мне довелось совершить длительное и очень приятное путешествие во времени и пространстве.

Никола де Куртейль. «Портрет братьев Колосовых-Гирейских». 1819. ГМУА.

В заключительном разделе книги помещены короткие очерки, посвященные жизни княжеских потомков, а также истории некоторых из наиболее известных дворцов и усадеб рода князей Юсуповых.

И. Торопов. Архангельское. Флигель над оврагом.

Часть III
Наследие и наследники

А.П. Рокштуль. «Портрет князя Бориса Николаевича Юсупова». Миниатюра. ГМУА.

Глава 1
Юсуповы после Юсупова. Княжеская династия

Дети возмужают — батьку испугают.
У княгини княжата, у кошки котята — тоже дети.

В.И. Даль. Пословицы русского народа

В истории такое случается часто. Умирает самый знаменитый представитель семьи, и после уже никто из потомков не в состоянии удержать честь и славу рода на высоте былого величия. Вот после Пушкина громадный род остался, а ни один из потомков поэта ни на дюйм не приблизился к славе великого предка. Не помогли браки внуков, внучек и правнучек поэта с Гоголями, со всесильным во все времена III-м отделением в лице Дубельта; слабосильными оказались даже гены владетельных домов Европы, включая и Романовых, соединенных с пушкинскими. Вот уж действительно прав поэт, сказав, что:

Родивши гения, природа утомилась…

После смерти князя Николая Борисовича Юсупова его наследниками стали — жена Татьяна Васильевна (1769–1841) и единственный законный сын — князь Борис Николаевич Юсупов (1794–1849), всю жизнь проживший в Петербурге и имениях. Первый брак Бориса Николаевича с княжной Прасковьей Павловной Щербатовой (1795–1820) оказался бездетным. От второго брака с Зинаидой Ивановной Нарышкиной (1809–1893) на свет появился последний природный князь Юсупов — Николай Борисович-младший (1827–1891), живший многие годы за пределами России. (Согласно семейной традиции представили обедневшей ветви рода за князей и родственников не считались).

До совершеннолетия дожили две дочери Николая Борисовича — Татьяна (1866–1888) и Зинаида (1861–1939), родившиеся от брака с Татьяной Александровной Рибопьер (1828–1879). Татьяна Николаевна умерла в молодые годы бездетной, а ее сестра благополучно вышла замуж за графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстон-старшего (1856–1928), которому по

просьбе тестя императорским указом было даровано право на титул и фамилию князя Юсупова, переходившие после его смерти исключительно старшему из сыновей. Семья Юсуповых-Сумароковых-Эльстон жила преимущественно в Петербурге и очень любимом ими Архангельском.

Старший сын Зинаиды Николаевны — Николай (1883–1908), погиб на дуэли, не оставив потомства. Младший — знаменитый Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон-младший (1887–1967), стал князем Юсуповым по императорскому указу после вступления в брак с племянницей императора Николая II — княжной императорской крови Ириной Александровной (1895–1970). Единственная дочь от этого брака — Ирина (1915–1983) вышла за графа Николая Дмитриевича Шереметева. У них единственная дочь — Ксения, по мужу Сфири. У нее, в свою очередь, тоже единственная дочь — Татьяна.

Таким образом, по женской линии потомство князя Николая Борисовича благополучно здравствует и ныне. В этой главе сведения о потомках князя Николая Борисовича Юсупова предстоит повторить еще раз — разобраться в чужой родне без подсказки бывает непросто.

О потомках Николая Борисовича Юсупова написано, как ни странно, значительно больше, чем о нем самом. Ведь их жизнь отличалась прямолинейностью и одноплановостью, не составляя особой загадки или сложности для биографов, — ни особой учености, ни прихотей. Это обстоятельство позволяет мне ограничиться лишь краткими биографическими сведениями, рассказывающими о нисходящей ветви княжеского рода. Читатель, заинтересованный в более подробной научной информации, может обратиться к уже много раз цитировавшейся статье И.В. Сахарова «Из истории рода Юсуповых», опубликованной в каталоге выставки «Ученая прихоть».

Кристина Робертсон. «Портрет княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой». ГМУА.

Князь Борис Николаевич Юсупов
(1794–1849)

Единственный законный сын Николая Борисовича Юсупова от брака с Татьяной Васильевной Потемкиной, рожденной Энгельгардт (второй умер младенцем) — князь Борис Николаевич. В высшем свете он получил ироничное прозвище — «сахар Боринька»[323]. «Отец-вельможа уступил историческую сцену сыну-хозяину», — не без иронии заметил один из современников по поводу вступления в наследство младшего Юсупова. Жизнь князя Бориса Николаевича мало походила на блистательное времяпрепровождение его отца. Князь Борис родился на исходе 18-го столетия и всегда оставался сыном

своего, XIX века — эпохи, которая безвозвратно утратила былую широту и роскошь, былой аристократизм русской жизни, оставив место почти исключительно сухому рационализму.

Молодость свою Борис Николаевич провел не самым достойным образом и далеко не сразу остепенился, покончив с увлечениями и откровенными глупостями молодых лет. В Москву, к отцу, постоянно доходили слухи о всевозможных его сумасбродствах, особенно в области карточного искусства, к которому князь имел склонность и постичь которое не смог до конца дней своих. Рассказывали о его многомиллионных проигрышах, о его феноменальной глупости как в житейских, так и в карточных делах. Вот одно из таких мнений о Борисе Николаевиче, принадлежащее человеку отнюдь не склонному к восхвалению старого, Екатерининского житья, — И.А. Арсеньева. *«Князь Юсупов, хотя и был женат, но не жил с женою, от которой имел сына, князя Бориса Николаевича, известного всему Петербургу самодура, далеко не наследовавшего ни умом, ни щедростию, ни благородными порывами своего отца. Сына своего князь Николай Борисович терпеть не мог и говорил всегда про него: «Ce gros ben`et a la nature d'un maigre commercant»*[324]. Впрочем, в устройстве сыновних дел, особенно брачных, Николай Борисович принимал пстоянное участие, полагая, что невмешательство окажется себе дороже.

Князь Борис Николаевич состоял в двух браках. От первого брака с княжной Прасковьей Павловной Щербатовой (1795–1820) потомства не осталось. Второй женой Бориса Николаевича стала красавица Зинаида Ивановна Нарышкина (1809–1893), во втором браке — французская графиня де Шово, дочь камергера Двора Ивана Дмитриевича Нарышкина и Варвары Николаевны Ладомирской. Вот только несколько, самых «доброжелательных» отзывов о Борисе Николаевиче и его браке из переписки Булгаковых, хотя кавычки тут не совсем уместны, но другие современники выражались еще хуже, вовсе не сдерживаясь.

«Слыхал ты о неудачах чудака этого Юсупова? Он здесь (т. е. молодой), в Архангельском, куда сослан отцом в заточение за то, что сватался без его ведома за дочь М.А. Нарышкиной, которая натурально отказала ему».

«Вчера развозили карточки, объявляющие о помолвке сахарчика Бориски с фрейленою Зенеидою Ивановною Нарышкиною».

«Жаль, что не буду на свадьбе Кривошапкина… Надеюсь, что все обошлось хорошо, не как у Юсупова. Бореньку посадили, повезли к венцу, у почтамта вспомнили, что уехали, забывши благословение отцовское…»

От этого брака родился последний природный князь Юсупов

— Николай Борисович-младший (1827–1891), получивший имя в честь знаменитого деда, успевшего подержать своего маленького тезку на руках.

Не только карты, но и брак, вопреки народной мудрости, не принесли счастья Борису Николаевичу. Отец явно не одобрял его союз с княжной Прасковьей Павловной Щербатовой, которая умерла вскоре после замужества и нашла последнее упокоение в семейной усыпальнице князей Юсуповых возле храма в подмосковном Спасском-Котове. Освященный церковью брак делал княгиню законной представительницей семьи, так что при выборе места погребения личные симпатии и антипатии тестя отступали.

Вторая жена Бориса Николаевича — Зинаида Ивановна Нарышкина, бывшая моложе супруга 15 годами, отличалась весьма свободолюбивым нравом и не стеснялась его при случае выказывать. В 1827 году она родила мужу единственного сына — Николая Борисовича-младшего, после чего пустилась, что называется, во все тяжкие. Впрочем, все делалось в глубочайшей тайне, которая современникам так и не открылась.

Отсутствие нравственности частенько побеждает в глазах потомства присутствие благодетельности. Вот что писал без особого стеснения о Зинаиде Ивановне правнук Феликс Феликсович Юсупов-младший: *«Прабабка моя была писаная красавица, жила весело и имела не одно приключение. Пережила она бурный роман с молодым революционером и поехала за ним, когда того посадили в Свеаборгскую крепость в Финляндии… Впоследствии… нашел я письма к ней императора Николая. Характер писем сомнений не оставлял. В одной записке Николай говорит, что дарит ей царскосельский домик «Эрмитаж» и просит прожить в нем лето, чтобы им было где видеться… Поссорившись с императором, она уехала за границу… Весь бомонд Второй Империи бывал у нее. Наполеон III увлекся ею и делал авансы, но ответа не получил. На балу в Тюильри представили ей юного француза-офицера, миловидного и бедного, по фамилии Шово. Купила она ему замок Кериолет в Бретани и титул графа, а себе самой — маркизы де Серр. Граф де Шово вскоре умер, завещав замок своей любовнице…»*[325].

Кристина Робертсон. «Портрет княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой». ГТГ. Из собрания Юсуповых.

Князь Борис Николаевич, несмотря на богатство, много лет пребывал на государственной службе, считая это своим долгом. Служил он в Министерствах иностранных дел, внутренних дел и финансов, возглавлял Экспедицию знака отличия беспорочной службы и Экспедицию ордена святой Анны. В 1848 году князь был пожалован в Гофмейстеры Императорского Двора.

Вступив в отцовское наследство, князь Борис Николаевич столкнулся с серьезными материальными проблемами. Понятно, что есть-пить и даже балы давать средства имелись, но еще предстояло отдавать многочисленные долги: собственные — карточные и отцовские — хозяйственные. Еще предстояло заботиться о поддержании крепостного хозяйства, о доходности вотчин, фабрик и еще о многом другом, о чем нормальная российская аристократия предпочитала тогда не думать, отдавая все свое движимое и недвижимое имущество всякого рода немцам-управляющим. Те же, в свою очередь, редко думали о барском кармане, предпочитая мыслить о наполнении собственного, о чем не без горечи писал А.С. Пушкин в уже цитировавшемся «Путешествии из Москвы в Петербург». Большие сомнения терзали Бориса Николаевича и относительно собственных способностей к управлению, к возможности совмещать государственную службу с большим объемом документов и необходимостью поездок по имениям.

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова в кабинете. Фотография начала XX в. ГМУА.

К чести Бориса Николаевича, вступив в наследство, он показал себя хозяином очень рачительным, почти таким же, как и его мать. Кстати, и внешне он походил именно на нее, а отнюдь не на отца. А вот что говорили в московском обществе об Архангельском после смерти его главного владельца, в передаче, разумеется, все того же А.Я. Булгакова: *«Вчера великая княгиня брала лошадей да почтовых в Архангельское; но теперь уже*

Архангельское не то, что бывало при князе Николае Борисовиче. Оно даже не ангельское: Боренька все продает поштучно. Стыдно, что продали таки и попугаев, коих отец так любил и для коих к дому пристроили особую залу». Наследник вывез из Архангельского и Московского дома в свой Петербургский Юсуповский дворец лучшую часть художественной коллекции отца. Он же издал ее первый каталог, до сих пор служащий основным источником сведений о собрании.

С годами многое изменилось во внутреннем мире Бориса Николаевича. Он очень полюбил деревню, мужика своего поддерживал всеми силами, даже собственными, хотя, подобно графу Л.Н. Толстому, до пахоты или сенокоса не опускался. Князь дошел лишь до трудов сельского фельдшера, лично участвуя в ликвидации эпидемии заразных заболеваний в собственных имениях[326]. Князь Борис Николаевич был сверстником и знакомым многих декабристов, но путь государственной измены, военного переворота для достижения «лучшей жизни» в России казался ему чуждым. Честность, прямодушие, добродетельность и религиозность выделяли в Юсупове современники. Выделяли не без удивления. Князь же считал, что только ежедневными делами можно улучшить жизнь как собственную, так и вообще государственную[327].

Борис Николаевич в короткий срок ликвидировал «экономические провалы» семейного вотчинного хозяйства, сменив ряд значимых источников поступления доходов. Более того, справедливо считается, что он удесятерил состояния своих отца и матери, став богатейшим русским дворянином. Большая часть проводимых им коммерческих операций являлась коммерческой же тайной, так что достоверно можно подтвердить немногое. По некоторым, нуждающимся в дополнительной проверке сведениям, он через подставных лиц давал деньги в рост, то есть занимался тайным ростовщичеством под верный залог, что и для рядового-то дворянина тогда почиталось зазорным, а что уж говорить о титулованной знати из числа первых аристократических семей.

Рядовой же дворянин того времени делал долги, проматывал на любовниц имения, пускал по миру собственных детей и долго рассуждал о политике — внешней и внутренней. Борис Николаевич много лет состоял членом и Старшиной Петербургского Английского собрания (клуба), где тоже любил порассуждать о политической ситуации. Кстати, в 1835 году князь состоял и в Московском Английском клубе, вероятно, находясь во второй столице длительное время по личным делам, скорее всего, связанным со вступлением в наследство.

Полученные от ростовщических и хозяйственных операций деньги Борис Николаевич вкладывал не в новые поместья или любовниц, а непосредственно в дело. У него оказалась рука железного кулака-хозяина. Борис Николаевич и его потомки считались обладателями крупнейшей в стране земельной собственностью, после Романовых, разумеется. Князь задал верный ход развитию всего Юсуповского хозяйства, так что вплоть до октября 1917 года его потомки так и не смогли разориться, хотя в делах мало что смыслили и смысла особого не искали, предпочитая жить умом и трудами управляющих.

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова. Фотография 1890-х гг. ГМУА.

Разумеется, что Борис Николаевич жил не только хозяйством или чиновничьей службой; он выполнял многочисленные великосветские обязанности, которые проистекали из его положения сына одного из первых вельмож Российского государства. Несколько лет князь выбирался Предводителем дворянства Царскосельского уезда Петербургской губернии. С 1840 года и до смерти Борис Николаевич исполнял обязанности Почетного опекуна и присутствующего в Санкт-Петербургском Опекунском Совете. Среди других учреждений в его ведении находился Воспитательный дом Северной столицы. Этой благотворительной работе князь отдавал немало сил и времени.

Ф.К. Винтергальтер. «Портрет княгини Татьяны

Александровны Юсуповой». ГМУА.

Князь Николай Борисович Юсупов-малдший. Фотография 1870-х гг. Фотограф Марк. ГМУА.

Последний приют предпоследний князь Юсупов нашел в подмосковном Спасском-Котове, возле могил отца и первой жены. Умер он в октябре 1849 года, по слухам, от тифа.

Князь Николай Борисович Юсупов-младший (1827–1891)

Князь Николай Борисович Юсупов-младший появился на свет от второго брака отца с З.И. Нарышкиной в 1827, а умер в 1891 году. 20 октября 1827 года старый князь писал старосте одного из своих имений Герасиму Никифорову: *«Сего октября, 12-го числа, супруга жительствующего в Санкт-Петербурге сына моего князя Бориса Николаевича княгиня Зинаида Ивановна благополучно разрешилась от бремени рождением их сына, а мне внука, князя Николая Борисовича. Предписываю тебе дать о сем знать крестьянам села Власунова с деревнями, а приходского священника попросить, что он в первый воскресный день при собрании крестьян принес Господу Богу о здравии новорожденного благодарственный молебен…»*[328].

Молебен явно не помешал. Отменного здоровья у младенца не наблюдалось. Он частенько хворал в продолжение всей жизни. Князь вышел замечательно красив, лицом в мать, в Нарышкиных, а не в Юсуповых.

Еще в детстве у него открылись большие художественные способности, музыкальный дар, но не нашлось подлинной Юсуповской широты, размаха, если угодно грандиозности, столь органично присущей его великому деду. Николай Борисович-младший по праву считался крупным концертирующим скрипачом; пользовались успехом его симфонические произведения. Он написал «Лютомонографию», посвященную мастерам смычковых инструментов. Материалы для книги он черпал и в собственной коллекции музыкальных инструментов, одной из крупнейших в России[329].

Как я уже писал, все представители мужской части рода Юсуповых состояли в Московском или Петербургском Английском клубе и очень клубы почитали. Не самые добрые отношения сложились лишь между князем Борисом Николаевичем-младшим и Петербургским Английским собранием. В 1877 году князь приобрел дом Бенардаки на Невском проспекте, снимавшийся собранием. Новый хозяин, как водится, тут же решил повысить арендную плату, а клуб счел нужным от аренды здания отказаться и переехать в особняк княгини Урусовой, хотя дом Бенардаки очень нравился членам клуба и с ним они расстались очень неохотно. Нет худа без добра — двенадцать лет спустя клуб впервые в своей истории приобрел собственное здание на Дворцовой набережной, 16, откуда его благополучно выгнали уже новые «хозяева жизни» — большевики.

Супругой младшего князя Николая Борисовича после некоторых романтических приключений стала сводная кузина — графиня Татьяна Александровна Рибопьер. Татьяна Васильевна Потемкина-Юсупова, жена главного героя этой книги,

приходилась им обоим общей бабушкой, тогда как дедушки у супругов были разные. Против этого брака выступал сам император Николай I — Православная церковь обыкновенно не одобряла браков между сводными двоюродными братом и сестрой, дабы их потомство не несло печать вырождения.

Близкое родство и генетика не помешали ни большому чувству, ни появлению на свет двух вполне здоровых княжон Юсуповых — Зинаиды и Татьяны, а также князя Бориса.

Сестры княжны Татьяна и Зинаида Юсуповы. Фотография ГМУА.

«Не искушай меня без нужды», — просил в своем знаменитом стихотворении член Московского Английского клуба поэт Евгений Абрамович Боратынский. Николай Борисович Юсупов-младший судьбу искушал, по крайней мере, дважды в жизни.

Князь хорошо знал историю своего рода — не только общепринятую, которую изложил в подготовленном при его

непосредственном участии обширном двухтомнике документов, но и тайную, тщательно сокрытую от посторонних взглядов. Семейное проклятие или точнее — рок, о котором я уже писал в начале книги, не обошел стороной и его семью.

Дабы читателю лишний раз не искать этих подробностей, напомню, что, согласно одной из версий, царевич Алексей Петрович, так любивший князя Бориса Григорьевича Юсупова, по легенде, предрек ему постепенную гибель всего Юсуповского рода из-за участия князя в судебном «деле» несчастного сына Петра Великого. Это неправедное «дело» погубило род Романовых, который фактически пресекся на императрице Елизавете Петровне, а окончательно на царевиче Алексее. Оно же обратилось страшным роком и против потомков Бориса Григорьевича. Существует другая версия, согласно которой родовое проклятие оказалось наложено на Юсуповых из-за перемены Веры. На другую, обедневшую ветвь рода, переменившую религию много раньше, проклятие не сочло нужным подействовать столь же решительно.

«Портрет княжны Зинаиды Николаевны Юсуповой в детстве». Миниатюра. ГМУА.

Так или иначе, но в результате, сколько бы много детей не появлялось на свет в одном поколении князей Юсуповых, до 26-летнего возраста доживал только один наследник мужского пола. У Николая Борисовича-старшего выжил только один сын —

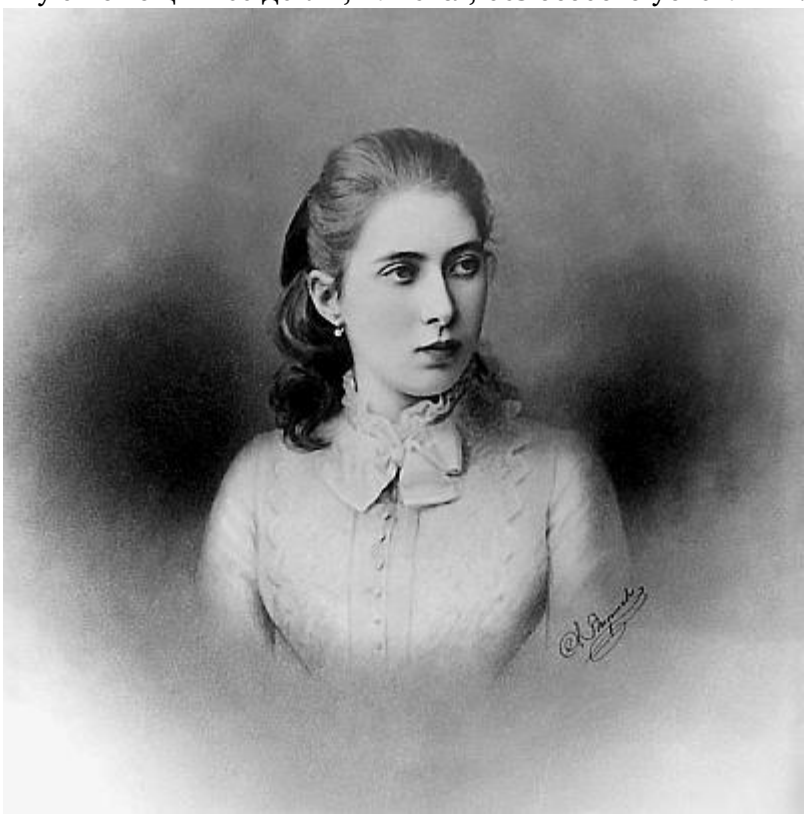
Борис. У Николая Борисовича-младшего единственный сын, названный, по традиции, Борисом, скончался младенцем в 1863 году. Осталось две дочери — Зинаида и Татьяна. В поколениях или коленах рода, живших ранее, рок как-то имел обыкновение обходить стороной женщин Юсуповского рода, но тут не пощадил даже их. Роковую черту перешагнула только одна из княжон — Зинаида Николаевна[330].

О смерти ее горячо любимой сестры Татьяны, случившейся в 1888 году, на 22-м году жизни, ходили самые разноречивые слухи. Официальная версия сводилась к столь «любимому» в княжеском роду тифу, на регулярные эпидемии которого можно было свалить все, что душе угодно. Тоскующей же душе отца — князя Николая Борисовича-младшего угодно было запрятать эту семейную тайну как можно глубже, что он благополучно и сделал… В память о княжне осталось только надгробие работы Марка Антокольского, некогда стоявшего возле усадебной церкви в Архангельском, а теперь для сохранности перенесенное в один из парковых павильонов музея-усадьбы.

«Портрет княжны Татьяны Николаевны Юсуповой в детстве». Миниатюра. ГМУА.

Князь Николай Борисович-младший с трудом пережил эту потерю, далеко не единственную в продолжение его сравнительно недолгой жизни. Казалось бы, он мог найти утешение в музыке, но весьма неожиданно для себя нашел его в Православной

церкви. Не секрет, что значительная часть представителей высшего света России к середине XIX века давно уже утратила искреннюю Веру, заменив ее обычным обрядоверием, столь распространенным и в наши дни. Николай Борисович среди первых значительных людей Северной столицы обратил внимание на скромного батюшку из Кронштадта, носившего самое распространенное в России имя — Иван. Праведный Иоанн Кронштадтский, ныне причисленный Русской Православной церковью к лику святых, в Земле Российской просиявших, не раз оказывал князю Юсупову молитвенную помощь. Николай Борисович писал об этом в своих духовных сочинениях, которые имели немалое воздействие на русское общество того времени и многим открыли подлинное значение Праведного Иоанна. Иоанн Кронштадтский стал духовником дочери Николая Борисовича — княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой, пытался оказать духовную помощь и ее детям, кажется, без особого успеха[331].



Княжна Татьяна Николаевна Юсупова. Фотография 1880-е гг. ГМУА.

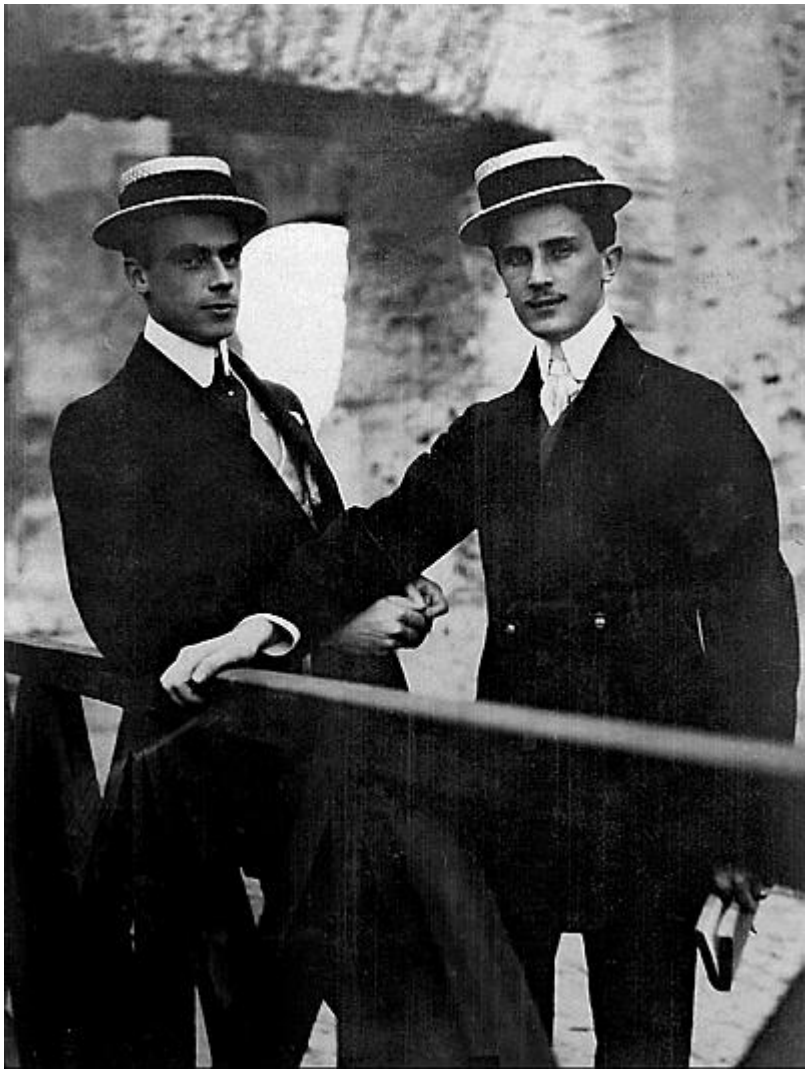
Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова
(1861–1939)

Обворожительная красавица Зинаида Николаевна по просьбе отца и по императорскому указу от 21 декабря 1891 года передала свой княжеский титул вместе с фамилией Юсуповых мужу — графу Феликсу Феликсовичу Сумарокову-Эльстон-старшему (1856–1928). Этим же указом определялся порядок перехода титула и фамилии Юсуповых. Они переходили исключительно старшему в роде наследнику мужского пола по нисходящей линии и только после смерти носителя. Как бы странно это не звучало, но «проклятие или рок Юсуповых» перешли к графу Сумарокову-Эльстону и его потомству тоже…

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова. Фотография 1900-х гг.

ГМУА.

Этот внешне очень счастливый брак пополнил род еще четырьмя представителями сильного пола, из которых двое скончались младенцами. До совершеннолетия дожили двое сыновей — Николай и Феликс. Надо заметить, что современные исследования делают почти доказанной правдивость замечательной исторической сплетни о том, что граф Ф.Ф. Сумароков-Эльстон-старший приходился сводным троюродным братом императору Александру III, а его сын Феликс — четвероюродным императору Николаю II. Впрочем, в семье Юсуповых об этом всегда молчали, тщательнейшим образом сохраняя все родовые тайны, как свои, так и Романовские, но не в этой ли тайне кроется причина относительно легкого согласия императрицы Марии Федоровны на брак Ирины и Феликса Юсупова? Ведь разного рода грязные слухи, вившиеся вокруг Феликса Феликсовича в высшем свете, ни для кого не являлись секретом. О родстве по линии Потемкина к началу 20-го столетия, надо полагать, уже давно забыли. Это император Николай Павлович с таким родством очень «считался», не то, что его многочисленные потомки, сами не знавшие как бы покрепче пристроиться к трону[332].



Князья Феликс и Николай Сумароковы-Эльстон (Юсуповы) в Риме. Фотография 1907 г. ГМУА.

Старший из сыновей Зинаиды Николаевны — Николай Феликсович (1887–1908) погиб на нелепой дуэли, из-за пустой особы графини Марии Гейден. В тот год он как раз отмечал роковой для Юсуповых 26-ти летний возраст. Кстати, дуэль эту разрешил лично император Николай II, вообще отличавшийся полным безразличием ко всему тому, что не касалось его лично. При этом семья Юсуповых числилась среди его ближайших друзей.

Зинаида Николаевна Юсупова после трагической смерти старшего сына почти полностью посвятила себя благотворительности. Она и прежде оказывала материальную

помощь Елизаветинскому и Круповскому приютам, Ялтинской женской гимназии, школам в имениях, церквям, столовым для голодающих во время голода 1891–1892 годов. Зинаида Николаевна очень дружила с супругой великого князя Сергея Александровича, сестрой последней императрицы Александры — Елизаветой Федоровной, которая после трагической гибели мужа, убитого эсером Каляевым, приняла монашеский постриг и основала в Москве Марфо-Мариинский монастырь, где много помогала больным и страждущим. Елизавета Федоровна смогла оказать благотворное влияние и на последнего из Юсуповых — князя Феликса Феликсовича-младшего.

Семья Юсуповых: Феликс Феликсович-младший, Зинаида Николаевна, Феликс Феликсович-старший, Николай Феликсович.

Князь Феликс Феликсович-старший, так его звали в отличие от сына, звавшегося младшим, свою жизнь посвятил военной службе. После начала Первой мировой войны он получил назначение на должность командующего Московским военным округом, а с мая по сентябрь 1915 года занимал пост главноначальствующего над Москвой, который должен был покинуть, не сумев предотвратить страшный немецкий погром.

Князь многие годы состоял в Петербургском Английском собрании. Переехав в Москву, он вступил в Московский Английский клуб, где бывал почти каждый вечер «запросто», не

обращая особого внимания на собственный высокий чин.

Он стал последним из князей Юсуповых, состоявших в Английском клубе — его сыновья вступить в клуб не успели.

Князь Феликс Феликсович Юсупов-старший в боярском костюме. Фотография 1903 г. ГМУА.

Князь Феликс Феликсович Юсупов-малдший (1887–1967)

Феликс Феликсович-младший при рождении удостоился только титула графа Сумарокова-Эльстон. После смерти старшего брата Николая Феликсовича он остался единственным продолжателем рода и наследником несметного состояния Юсуповых. В порядке исключения император Николай II разрешил ему носить фамилию и титул князей Юсуповых еще при жизни отца, сразу после вступления в брак с великой княжной (княжной императорской крови) Ириной Александровной (1895–1970), своей племянницей. Под именем князя Юсупова Феликс

Феликсович-младший и вошел в историю.

Как ни удивительно, но этот очень разносторонний и по-своему талантливый человек получил известность преимущественно в качестве одного из участников убийства «старца» Григория Ефимовича Распутина-Новых. Новейшие исследования показали, что Феликса Феликсовича-младшего все же, согласно традиции советской жизни второй половины XX века, следует «реабилитировать», как водится, посмертно и снять с него клеймо «убийцы». На самом деле не он, а один из английских шпионов, весьма плодотворно работавших в России, организовал и реализовал с помощью английского же пистолета убийство «старца», якобы выступавшего за прекращение войны с Германией для предотвращения грядущей революции. «Феликс Феликсович со товарищи» служили лишь ширмой, легальным прикрытием, хотя вроде бы и стреляли в Распутина трижды из трех пистолетов…

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова в боярском костюме.

Фотография 1903 г. ГМУА.

Впрочем, мирно скончавшийся во Франции глубоким стариком Феликс Феликсович Юсупов лично едва ли в исторической реабилитации нуждался. Тем более что он и сам смог выиграть на Западе несколько судебных процессов, связанных с «делом старца», получив за это весьма приличные деньги, чего у нас большинство реабилитированных так и не дождались.

Единственная дочь Феликса Феликсовича-младшего и княжны Ирины Александровны Романовой, названная в честь матери Ириной (1915–1983), вышла замуж за графа Николая Дмитриевича Шереметева (1904–1979). Это случилось уже в эмиграции, куда Юсуповы весьма благоразумно отбыли из Крыма вместе с семьей вдовствующей императрицы Марии Федоровны, вдовы императора Александра III, 13 апреля 1919 года. В 1942 году в Риме у Ирины Феликсовны родилась дочь Ксения Николаевна, в замужестве Сфири. У нее тоже дочь — Татьяна, появившаяся на свет в 1968 году.

Кн. З.Н. Юсупова с мужем кн. Ф.Ф. Юсуповым в боярских костюмах. Исторический бал в Зимнем дворце. Фотография 1903 г. ГМУА.

Таким образом, к нынешнему дню род князей Юсуповых, даже подкрепленный генами графов Сумароковых-Эльстон и царским указом, полностью растворился в других семьях, в которые его представительницы вышли замуж — русских графов

Шереметевых и простых греков — Сфири.

Через три четверти века после эмиграции представительницы рода Юсуповых смогли побывать на родине предков.

10 июня 2000 года газета «Московский комсомолец» опубликовала интервью журналиста Виктора Малышева с Ксенией Николаевной Шереметевой-Юсуповой, по мужу Сфири, которое исчерпывающе описывает современное положение некогда знаменитой русской фамилии. Павел Николаевич Гусев, главный редактор газеты, многолетний член Московского Английского клуба, дал любезное разрешение воспроизвести это интервью в книге. Этим текстом мне хочется завершить короткое описание истории рода князей Юсуповых в XX веке.

Кн. Ф.Ф. Юсупов-младший в боярском костюме. Исторический бал в Зимнем дворце. Фотография 1903 г. ГМУА.

«Владимир Малышев, Афины.
Возвращение аристократов.
Прощеное воскресенье.

В консульство РФ в Афинах пришло из Москвы решение удовлетворить просьбу госпожи Ксении Сфири и выдать ей российский паспорт. Это удивительно уже само по себе — с чего это греческая гражданка вдруг захотела заиметь российскую «корочку» с двуглавым орлом? Ведь в наши времена многие,

наоборот, норовят уехать из России или обзавестись паспортами других, куда более благополучных государств. Однако загадка объясняется просто: девичья фамилия госпожи Сфири по отцу — Шереметева, а по матери — Юсупова.

К.Е. Маковский. «Портрет Николая и Феликса Юсуповых в детстве». Конец XIX в. Пропал во время боевых действий из Грозненского музея изобразительных искусств имени П.З. Захарова.

Другими словами, российское гражданство получила живущая сейчас в Афинах графиня Ксения Шереметева-Юсупова, дед которой — князь Феликс Феликсович Юсупов — навсегда вошел в историю как человек, который убил Распутина. А ее мать была близкой родственницей царя, именно у Ксении Николаевны (как и у английского принца) брали в свое время кровь для идентификации царских останков.

Носительница двух самых громких на Руси аристократических фамилий родилась в Риме, где оказались после революции ее родители. Предки Ксении Николаевны были едва ли не самыми богатыми и родовитейшими в Москве и Петербурге людьми, но их наследница сейчас живет довольно скромно. Ее муж — грек, Илияс Сфири, родом с острова Итака, работал в компании «Шелл», а сейчас на пенсии. Есть дочь Татьяна.

В облике внучки князя Юсупова сохранились характерные черты той особой, «аристократической» породы, носители которой в России были почти полностью истреблены большевиками. Похожее лицо я видел однажды в каком-то музее на старинном портрете с изображением крепостной актрисы театра графа

Шереметева Жемчуговой, ставшей впоследствии его женой. И вот чудеса генетики: сколько поколений прошло, а нынешняяжительница Афин г-жа Сфири как две капли воды похожа на красавицу в русской сарафане на старинном портрете.

К.Е. Маковский. «Портрет княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой в боярском костюме». После 1903 г.

Разговор с Ксенией Николаевной пошел о ее заграничной одиссее и о ее родственниках, которых бури революции безжалостно разметали по Европе.

— Да, знаменитый русский аристократ Феликс Феликсович Юсупов, о котором по странной иронии судьбы помнят лишь то, что «он убил Распутина», — мой родной дед, — рассказывает Ксения Николаевна. — Кстати, все его родственники никак не

могли понять, как он мог на такое решиться. Ведь Феликс Феликсович был добродушнейшим человеком…

— После революции, — рассказывает русская графиня, — Шереметевым и Юсуповым пришлось покинуть Россию. Та м их пути разошлись: Юсуповы поехали в Париж, а Шереметевы — в Италию, где я и родилась. В Афины мы переехали потому, что здесь жил Эмиль Демидов, бывший посол России в Греции, а его жена Воронцова-Дашкова приходилась нам тетей. Кстати, и Демидов, и его жена похоронены сейчас в самом центре Афин, возле русской церкви. Там, на небольшом, заросшем кустами участке, напротив греческого парламента, до сих пор чудом сохранились две мраморные могильные плиты.

Княгиня Ирина Александровна Юсупова и князь Феликс Феликсович Юсупов-младший. Фотография начала 1910-х гг.

Бывший греческий король Константин (он сейчас живет в Лондоне) был свидетелем на моей свадьбе. Моя мать, Ирина Феликсовна, влюбилась в Грецию, но жилось в ней моим родителям трудно. Мать делала какие-то безделушки на продажу, приходилось продавать привезенные из России вещи. Мой отец, Николай Дмитриевич Шереметев, работал в Австралии, в пароходной компании Власова, и видели мы его редко. Он приезжал домой два раза в год. А во Франции ему пришлось работать даже шофером такси.

Потом отец заболел туберкулезом. Два года жил в горах, и моя мать писала ему письма каждый день, два года подряд. Врачи давали ему два месяца жизни, но их печальные прогнозы, к счастью, не сбылись. Я верю: это мамина любовь спасла отца.

— Как и всем русским аристократам после революции, — вспоминает Ксения Николаевна, — моему отцу пришлось пережить

в России немало трагических минут. Помню, он рассказывал мне, как в Сибири его вместе с братом ссадили с поезда красноармейцы и хотели расстрелять.

Тогда это было просто. К ним подошли солдаты с винтовками и сказали: «Пойдемте, господа! Будем пускать вас в расход…»

И.А. и Ф.Ф. Юсуповы в Лондоне на благотворительном балу в помощь русским эмигрантам. Лондон. Фотография 1919 г.

Младший брат заплакал: «Я не хочу умирать!». А старший — мой отец — одернул: «Не плачь, будь мужчиной!» А было ему тогда всего 15 лет. Высказать страх не позволила фамильная гордость. От красноармейских пуль их спасла случайность. Какая-то простая женщина вступилась, отвела уже наведенные винтовки: пожалейте мальчишек — они-то чем виноваты перед революцией. Пожалели…

— Надо сказать, что русские аристократы мужественно переживали выпавшие на их долю невзгоды. Особенно много в нашей семье рассказывали про дедушку — знаменитого Феликса Феликсовича Юсупова. Как несметно богатый в прошлом человек и настоящий русский барин, он не умел считать деньги, хотя за границу в отличие от моих родителей он приехал не с пустыми руками. Но очень скоро все потратил. У него, например, никогда не было бумажника. Деньги лежали повсюду в конвертах, которые он раздавал не считая. Его верный слуга Гриша, зная этот недостаток барина, прятал его деньги и хранил, чтобы тот все не потратил. Кончилось все тем, что Феликс Феликсович под

старость стал жить на сбережения своего верного Гриши. А поначалу у старого князя Юсупова были редчайшие вещи. Однажды, вовсе обезденежев, он принес знаменитому парижскому ювелиру Картье жемчужину.

В.А. Серов. «Портрет князя Ф.Ф. Юсупова-старшего». Продан с аукциона в 1990-х гг.

— Сколько вы можете мне дать за нее, мсье? — скромно спросил князь. Увидев драгоценность, бывалый ювелир от волнения лишился дара речи. Перед ним была уникальная жемчужина «Перегрина» — другой такой, говорят, больше нет в мире. Похожую на нее, но гораздо худшую жемчужину «Клеопатра» купила, как известно, Элизабет Тейлор. А в чьих руках теперь наша необыкновенная «Перегрина» — неизвестно…

Мои бабушка и дедушка были людьми совершенно разными, но нежно любили друг друга. Я таких людей потом никогда не встречала. Не видела такой нежности и внимания друг к другу, хотя Феликс Феликсович не только в молодости, но и в более зрелые годы славился своими сумасбродствами и экстравагантными выходками. Он «любил пожить», как говаривали раньше на Руси. Бабушка же всегда была тихая и скромная. Она ему все прощала и сдерживала его буйную натуру. Когда дедушка умирал, он сказал верной подруге: «Я всю жизнь любил только тебя, прости меня за все…»

По преданию, которое сохранила наша семья, нашим предком был татарин Юсуф из Казани. Юсуповым он стал после крещения. Дело было в XVII веке. Он явился к русскому царю в Москве и скромно попросил:

Свадьба графини Ксении Николаевны Шереметьевой и Ильи Сфири. Афины. 1965 г. Из архива Ханса-Петера Тифенбахера. Репродукция из книги Е. Красных «Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю…» М. 2003.

— Великий государь, дозволь жить на Руси бедному Юсуфу. Бедный я, очень бедный!

А царь уже был наслышан о его несметных богатствах. Он засмеялся и ответил:

— Бедный? Да ты можешь купить всю Россию!

Где же теперь сокровища семьи Юсуповых? Почти все осталось в России: земли, дворцы, коллекции картин, все имущество. Увезено очень немногое. Несколько лет назад Ксения Николаевна была вынуждена практически за бесценок продать в Лондоне картину Серова «Князь Юсупов на белом коне». Через некоторое время картина появилась на аукционе «Сотбис», где была перепродана за куда большую сумму. Столь необходимого на Западе умения «делать деньги» не было и нет ни у кого из Юсуповых.

— В Греции вокруг нас было мало русских, — говорит Ксения Николаевна. — Тут не было такой большой колонии, как в Париже или в Риме. Поэтому любовь к России, ощущение того, что русская, пришло от моей мамы, через рассказы родственников, старые книги…

Графиня Шереметева-Юсупова впервые смогла попасть на свою родину только после того, как началось «время перемен». Приезжала она в Петербург на церемонию захоронения останков

царской семьи. («Гораздо раньше, в Архангельское», — дополнили в музее-усадьбе. — ***А.Б.***)

Ксения Николаевна Сфири, урожденная графиня Шереметева, с мужем Ильей Сфири. Париж. Фотография 2000 г. Репродукция из книги Е. Красных «Князь Феликс Юсупов. За все благодарю». М., 2003. Архив автора.

— Это было удивительное событие, — не скрывая волнения, вспоминает Ксения Николаевна — Мы, потомки старых русских аристократов, шли за царскими гробами по улицам Петербурга, который считаю самым красивым городом на земле, чувствуя себя частичкой своей родины. Мои родители никогда не отказывались от русского гражданства и не хотели принимать иностранное. Они так и умерли. А я получила греческое подданство, лишь когда вышла замуж за грека. Именно поэтому я и решила теперь стать гражданкой России, обратилась в посольство с просьбой выдать

мне российский паспорт. В посольстве мне неожиданно сказали, что со мной хочет встретиться новый президент Владимир Путин. Что ж, я бы с удовольствием с ним познакомилась…

Однако русской графине, предки которой владели множеством красивейших дворцов в Петербурге и в Москве, теперь в России негде жить.

— По этой причине, — говорит Ксения Николаевна, — мне трудно приезжать на родину, даже получив российский паспорт.

Татьяна Ильинична Сфири. Фотография 1996 г. Репродукция из книги Е. Красных «Князь Феликс Юсупов. За все благодарю». М., 2003. Архив. Ксении Сфири.

Я понимаю, что прошлого уже не вернешь, родовые дворцы и поместья моих родителей давно стали музеями…

Но неужто власти не могли бы выделить графине Шереметевой-Юсуповой хотя бы небольшую квартиру в Петербурге?»

В.А. Серов. «Портрет князя Ф.Ф. Юсупова-младшего». 1903. ГРМ.

Глава 2
Дворцы и люди

Не по дому господин, а дом по господину.

Ищи добра на стороне, а дом люби по старине.

И стены в доме помогают. Дома и солома съедома.

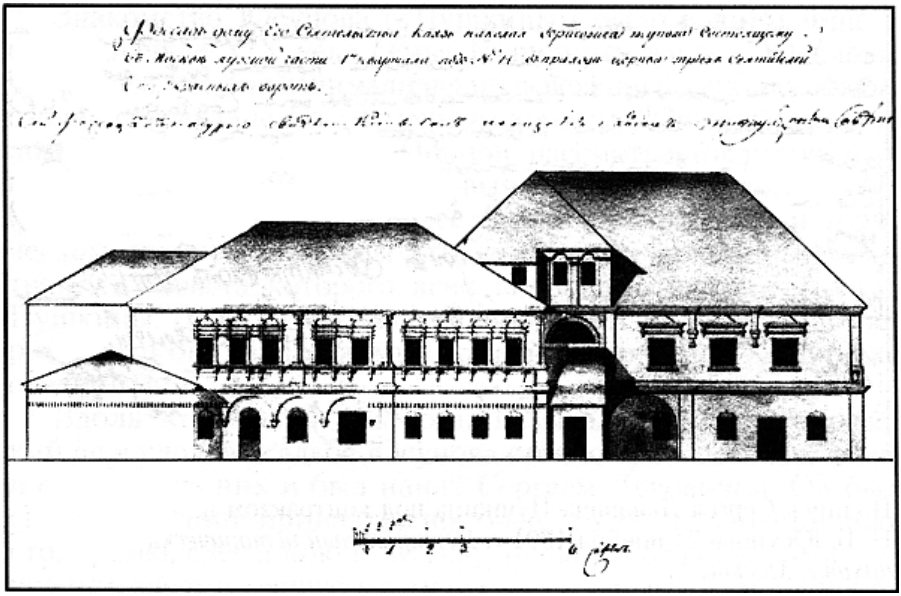
В.И. Даль. Пословицы русского народа

Известно, что люди и принадлежащие им дома связаны между собой каким-то таинственным, неведомым образом, особенно если в доме прожило несколько поколений представителей одной семьи и он стал родовым «гнездом». Наши далекие предки догадывались об этом, почитали домового дедушку-бога, который, как говорят, живет и ныне в каждом уважаемом здании. В давние времена считалось, что домовой защищает по мере сил своих домочадцев, хотя иной раз и выказывает характер. Козни домового непременно усиливались, если дом был стар, а хозяева — не очень, из нуворишей.

Князьям Юсуповым принадлежало немало знаменитых исторических зданий, большинство из которых так или иначе уже упоминались в книге. В этой главе их краткая история некоторых из них сводится воедино, что не позволило обойтись без неизбежных повторов.

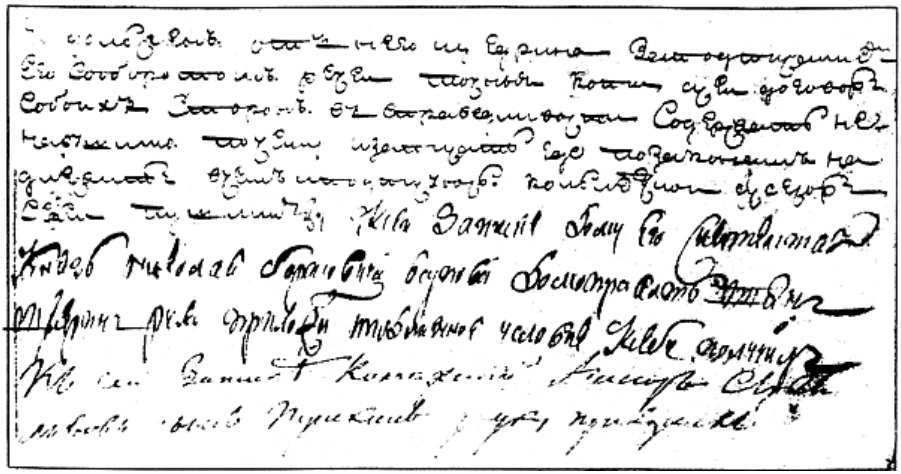
У ХАРИТОНЬЯ В ОГОРОДНИКАХ

О многовековой московской жизни рода князей Юсуповых, пожалуй, лучше всего рассказывает история их фамильного дома-дворца. И сегодня в столице трудно найти усадьбу с такой богатой историей, дом, чьи камни помнят о стольких веках, о стольких великих событиях, а равно скрывают столько тайн.



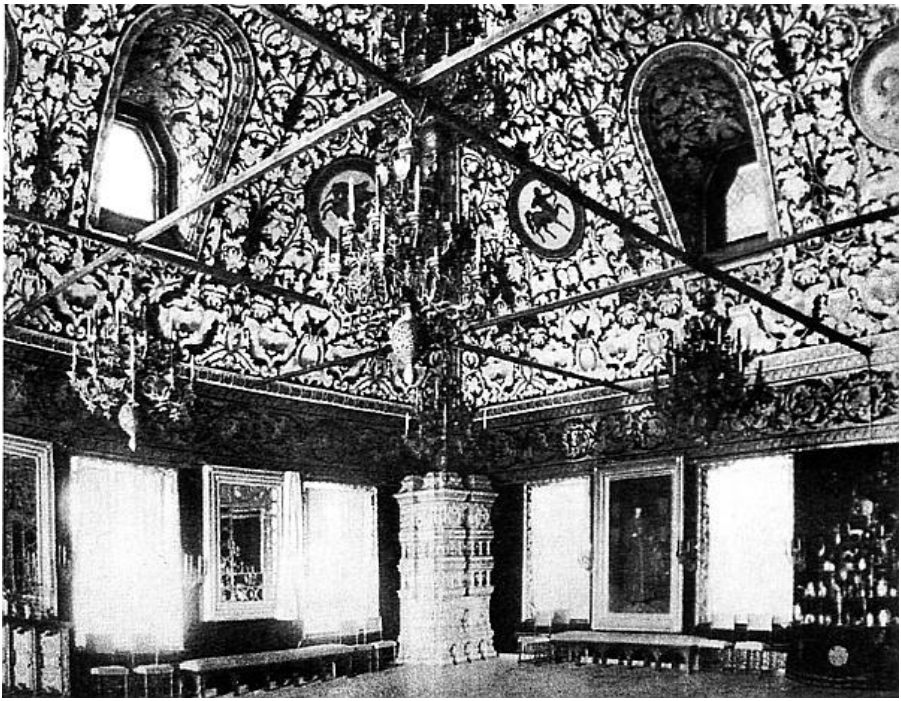
«Фасад палат князя Н.Б. Юсупова». Фиксационный чертеж 1814 г. ЦГИАМ. (Репрод. из книги С.К. Романюка «В поисках Пушкинской Москвы».)

Судя по всему, Николай Борисович Юсупов далеко не сразу окончательно решился стать москвичом, а московская жизнь далеко не в раз приглянулась ему и показалась много лучше петербургской. Ведь большая часть княжеской жизни в пределах Отечества прошла на его малой родине, в Северной столице, на берегах Невы. С 1802 года, то есть после фактического выхода в отставку, князь постепенно начал перевозить свои коллекции в Москву, в родовой дом «у Харитонья в Огородниках» — так называлась ближайшая, хотя не приходская церковь — преподобного Харитония в Огородниках. Харитоний — по церкви, ее святому, а Огородники — старинное московское урочище, получившее название по Новой Огородной слободе. Она располагалась на противоположной стороне Большого Харитоньевского переулка, где стоит Юсуповский дворец. Вообще-то слобод имелось две — Старая и Новая. Старая была вытеснена из центра города по мере роста столицы. Так образовалась слобода Новая, но и она постепенно должна была уступить место всевозможным домовладениям и домостроениям, находившимся в собственности людей преимущественно небедных. В начале XIX столетия частные огороды тут уже представляли большую редкость. Земля достаточно дорогая, хотя и несколько удаленная от центра города, разумеется, по понятиям тех далеких времен.



Подпись Сергея Львовича Пушкина под контрактом о наеме дома князя Н.Б. Юсупова 24 ноября 1801 г. ЦГИАМ. (Репрод. из книги С.К. Романюка «В поисках Пушкинской Москвы».)

Храм Харитония в Огородниках давно ликвидирован решением Моссовета, ну а былые огороды теперь окончательно застроены домами. Кстати, во времена Николая Борисовича современный Большой Харитоньевский переулок звался Хомутовской улицей, а в разговоре — Хомутовкой, но не в честь лошадиного хомута, а по фамилии одного из домовладельцев — сержанта Лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Алексеевича Хомутова. В документах Юсуповского архива усадьба называется именно по Хомутовской улице, но для коренных москвичей привычнее наименование «у Харитонья в переулке». Ведь этот «литературный адрес» поместил на карту Москвы сам Александр Сергеевич Пушкин — один из обитателей района и дворца князя Юсупова.



Интерьер Большой палаты дома кн. Юсуповых в Б. Харитоньевском пер. Фотография начала XX века.

Почему-то Юсуповский дворец в Москве принято называть «палатами боярина Волкова». Этот весьма невидный вельможа времен царствования императора Петра Великого никаким боярином не был, а служил личным секретарем всесильного тогда светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. Волков получил палаты в качестве государственного дара совсем ненадолго, менее чем на десять лет — очередная дворцовая интрига смела его с политического Олимпа, но вот имя Волкова на веки вечные закрепилось за дворцом Юсуповых, которые владели этими палатами с 1727 по 1917 год — почти два века, а все — «Волков».

Первым же владельцем палат считают в Москве царя Ивана Васильевича Грозного. *«Строили этот дом архитекторы Барма и Постник, те самые, что создали в Москве собор Василия Блаженного»*, — сообщает семейную легенду князь Феликс Феликсович в книге воспоминаний[333]. В истории он разбирался слабовато, особенно отечественной, хотя, разумеется, родовой дворец по архитектуре так хорош, что вполне достоин быть приписанным главным русским зодчим времен Грозного. Старая московская легенда гласит, что царь Иван приказал ослепить их «в благодарность» за строительство собора Василия Блаженного, точнее — храма Покрова, что на рву, на Красной площади. Собор

— памятник взятия Казани, а значит, и приезда князей Юсуповых на Русь. Строить же, не имея глаз, как-то затруднительно. (Современные исследователи предполагают, что в наличии имелся только один архитектор Барма, по прозвищу Постник, но сути дела это особенно не меняет.)

«Палаты боярина Волкова» в Большом Харитоньевском переулке в Москве. Фотография конца 1890-х гг.

Во времена царя Ивана Васильевича вокруг будущего дворца князей Юсуповых стоял девственный лес. Сюда Грозный царь частенько приезжал на охоту, к которой, как и ко всякому убийству, испытывал искреннюю страсть. Иной раз охота длилась неделями, а ночевать в чистом поле не совсем удобно, так что для Ивана Васильевича соорудили один из многочисленных подмосковных охотничьих дворцов. Строить тогда умели быстро, — и не только на земле, но и под нею. Московская легенда говорит о том, что царь Иван IV, вообще любивший всякого рода подземелья и тайные переходы, приказал прокопать от дворца в Огородниках к Кремлю обширный ход, устроив его таким образом, чтобы неблизкое расстояние можно было проехать в повозке — прообраз современного метро. Это подземелье имело несколько ответвлений и тайных выходов, что позволяло царю во всякое удобное время появляться неожиданно для своих подданных в том или ином месте, — где захочется и где не ждали. Устраивалась проверка, — не готовится ли очередной боярский заговор, покуда царь предается охотничьим утехам.

Без малого полтора столетия после смерти Грозного палаты

переходили к разным владельцам, которые не оставили в истории дома особого следа, по крайней мере внешнего. Следов оказалось много больше тайных…

В 1727 году юный император Петр II пожаловал палаты князю Григорию Дмитриевичу (Сеюшевичу) Юсупову, дедушке князя Николая Борисовича, согласно его прошения. И с той вплоть до 1917 года это сокровище зодчества принадлежало Юсуповым.

Князь Николай Борисович решился окончить свои дни вдали от столичного шума по примеру любимой матери. Не исключено, что на решение о переезде повлияло и собственное нездоровье князя — климат в Петербурге никогда не считался полезным для людей — в болотах искони предпочитают жить одни лягушки, тогда как московский родовой дворец располагался в самом благоприятном месте — экологически чистом, как бы сказали наши современники, если бы жили в те далекие времена.

Естественно, что в Москве Николай Борисович стал обустраивать для постоянного жительства именно родовой дом-дворец князей Юсуповых — «палаты Волкова» — и только со временем решился на покупку новой недвижимости в центральной части города. Отделка дворца велась немного в старомодом для начала XIX столетия вкусе эпохи Екатерины Великой. Интерьеры здания стали напоминать парадные залы пригородных дворцов Петербурга в миниатюре, разумеется, — Ораниенбаума, отчасти Павловска и Царского Села. Разностильность отделки Юсуповского дворца служила яркой декорацией к различным частям княжеской коллекции. Особенно хорош оказался Китайский зал, чье живописное убранство стен дополняло собрание драгоценного китайского фарфора. Современникам князя дворец не случайно представлялся подобием дворца какого-нибудь восточного владыки. Этому способствовали и обширный зимний сад, полный ботанических диковинок со всего света, и, конечно, главная достопамятность дворца — громадная палата площадью 170 квадратных метров и высотой в 10 метров. Это редкостное по грандиозности сооружение долго считалось одним из самых больших помещений Москвы — после Гранавитой палаты Кремля.

Палаты Юсуповых. Средний дом. Фотография середины XX в.

Современный, а точнее — близкий к современному архитектурный облик дворец Юсуповых «у Харитонья в Огородной слободе» принял сравнительно недавно — на рубеже XIX и XX веков. Правнучка Николая Борисовича — княгиня Зинаида Николаевна Юсупова родовые палаты решила реставрировать и благоустроить. Реставрацией и частичным переустройством занимался архитектор и блестящий знаток архитектуры старой Руси Н.В. Султанов, как водится, являвшийся членом Московского Английского клуба, где состоял и официальный заказчик работ — князь Феликс Феликсович Юсупов-старший, переехавший в то время по служебной необходимости из Петербурга в Москву. И тут вскрылась весьма таинственая история — наследеи позземных легенд царя Ивана Васильевича. Оказалось, что найденные Султановым подземелья Юсуповского дворца имели, так сказать, многофункциональное назначение. Одно из них — подземная тюрьма. В 1891 году, во время реставрационных работ, в подземной части здания нашли коридор, где несколько человеческих скелетов оказались прикованы цепями к стенам. Мне думается, что это следы пребывания в палатах кого-то из опричников царя Ивана Васильевича.

Вообще скелеты — не редкость в Юсуповских домах. В одном из загородных поместий близ Петербурга как-то случайно обнаружился скелет, одетый в саван. Семейная легенда гласит, что сановная бабушка Феликса Феликсовича-младшего страстно любила некоего революционера. Она смогла спасти его из

царской тюрьмы и поселила в тайной комнате возле собственной спальни, — дабы революцией занимался только с нею. Когда же «продолжатель дела декабристов и Герцена» умер, вынести тело незамеченным для прислуги, а значит и пресловутого «общественного мнения», не представилось возможным, потому его оставили в тайной комнате, тщательно заделав дверь. Энергетика непогребенного тела оказалась очень сильная. Находиться рядом с этой комнатой, даже не догадываясь о ее «жильце», было настоящей пыткой.

При ремонте 1891 года несколько скелетов нашлось непосредственно в самих «палатах боярина Волкова». Человеческие остовы располагались в заложенных нишах бывшей домовой церкви в верхнем этаже. Остается только гадать, как они туда попали и что чувствовали обитатели дворца, находясь непосредственно с ними рядом… Правда, парадная часть дворца для жилья никогда не использовалась, а во время балов и торжественных обедов чувства испытываются редко.

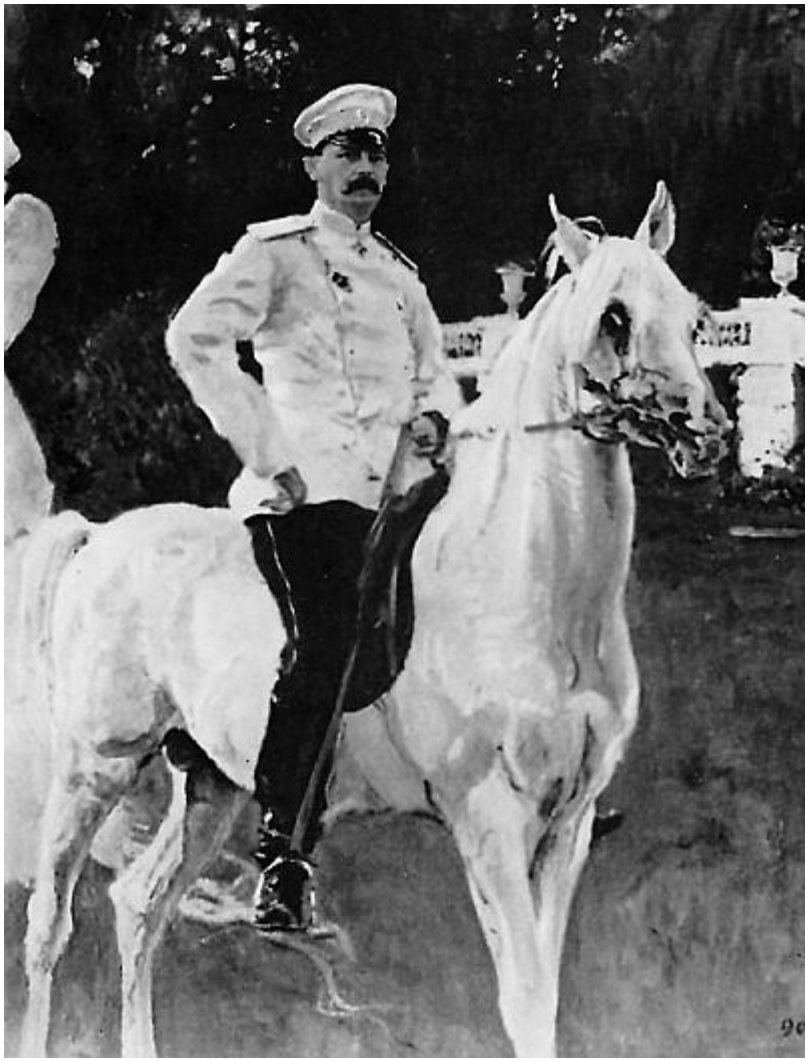
Впрочем, когда семья Юсуповых на рубеже XIX и XX столетий вновь на короткий срок переехала в Москву, то жить непосредственно в старых палатах не решилась. Для жилья отремонтировали и частью переделали флигель, а главный дом оставили для официальных приемов. Цари и министры танцевали тут на балах вплоть до 1-й мировой войны, поражаясь «византийской пышности» дворцовых интерьеров и ничем иным. Вообще же владение состояло из трех разновременных построек, объединенных в единое целое только при реставрации Н.В. Султанова в конце XIX века.

Палаты получили еще некоторе, весьма специфическое дополнение — многочисленные тайники. Некоторые фамильные ценности Юсуповых перед Октябрьской революцией спрятал здесь вместе с князем Феликсом-младшим Григорий Бужинский — преданный семье человек, многие годы командовавший всей домашней прислугой. Когда большевики пришли грабить дворцовые сокровища, то приказали Бужинскому показать, где укрыто княжеское добро. Бужинского пытали, и он умер от пыток, но сокровищ так и не показал. Об этом писал в воспоминаниях о дореволюционной жизни князь Ф.Ф. Юсупов-младший, кажется, намеренно запутывавший следы. Из его книги, появившейся в свет после войны, трудно понять, где же прятались ценности — в Московском или Петербургском дворцах.

Тайник же в бывших палатах Волкова летом 1925 года открылся почти как в сказке — «сам собой». Как иногда случается, зашла поломойка, служившая в доме до октября 1917, и не нашла под лестницей любимой ниши, где в былые времена

хранила свой нехитрый инвентарь. Вскрыли новую кирпичную кладку под нижним пролетом лесницы, а за ней — сплошной мусор и старая одежда. Под мусором оказались спрятаны громадные ценности: 25 колье, 255 брошей, 13 диадем, 42 браслета. Здесь же хранились — скульптура из серебра, 200 чарок и даже скрипка Страдивари. Специально созданная комиссия вскоре обследовала все уголки дома, обнаружила еще порядка 20 тайников, устроенных вполне профессионально в дореволюционные времена, в том числе и бронированную или, как говорили тогда, стальную комнату под главной палатой дома. Все тайники оказались пусты, но надо заметить, что искали-то исключительно в доме, а не вокруг него…

Между тем, подземелья в Юсуповском дворце в первой половине XX столетия стали предметом не только научных исследований, но и мифотворчества. Игнатий Яковлевич Стеллецкий, знаменитый искатель библиотеки Ивана Грозного и знаток подземной Москвы, считал, что именно «палаты боярина Волкова» представляют собой один из замаскированных конечных пунктов подземных ходов, ведших из Кремля на московские окраины. Версия эта и ныне представляется вполне правдоподобной, — ведь именно в этом направлении располагалась будущая опричная столица Ивана Грозного — Александрова слобода.



В.А. Серов. «Портрет князя Ф.Ф. Юсупова-старшего». 1903. ГРМ.

В начале 1930-х годов во дворе палат Волкова Стеллецкий нашел четыре загадочных люка. Два оказались забиты землей, а два других удалось обследовать. Один из них представлял собой галерею, выложенную известняковыми плитами (белым камнем). Пройти ее можно было только на пять метров в глубину. Далее следовал завал. Остальные ходы остались и вовсе неисследованными. А ведь искал Игнатий Яковлевич Стеллецкий в Огородниках библиотеку царя Ивана Грозного. Продолжал искать долго, упорно, но так ничего не нашел. Или найти не дали? Известно ведь, что даже знаменитый архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский писал на Стеллецкого

донос в ГПУ… А что уж говорить о рядовых завхозах?

В.А. Серов. «Портрет княгини З.Н. Юсуповой». 1900–1902 гг. ГРМ.

В конце XX столетия вроде бы заговорили о возобновлении раскопок и в этом районе, но, как теперь водится, разговорами все и кончилось. А искать, наверное, все еще есть что, даже если со страхом забыть о таинственной «либерии» Грозного и ее заклятии…

Мне уже не раз приходилось писать о том, что равнодушие к национальным сокровищам давно уже стало характерной чертой образа жизни и мышления немалой части людей нашей страны. Лучше исследовать загадки египетских пирамид, нежели что-то

родное, русское…

К тому же Юсуповские палаты — редкостное по красоте творение настоящей русской архитектуры, к сожалению, давно утратило недолго имевшийся у него музейный статус. После революции и выселения князей Юсуповых тут несколько лет располагался филиал Исторического музея с интереснейшей и богатейшей экспозицией, посвященной истории русской армии. Здесь же хранились уникальные фонды музея «Старой Москвы» и вплоть до разгона заседала ученая комиссия «Старая Москва», основанная в 1909 году. Дворовые посторйки дворцового комплекса занимал первый московский музей А.П. Чехова, впоследствие немало путешествовавший по столице, покуда не обрел уже после войны свой мемориальный Чеховский «дом в Кудрине».

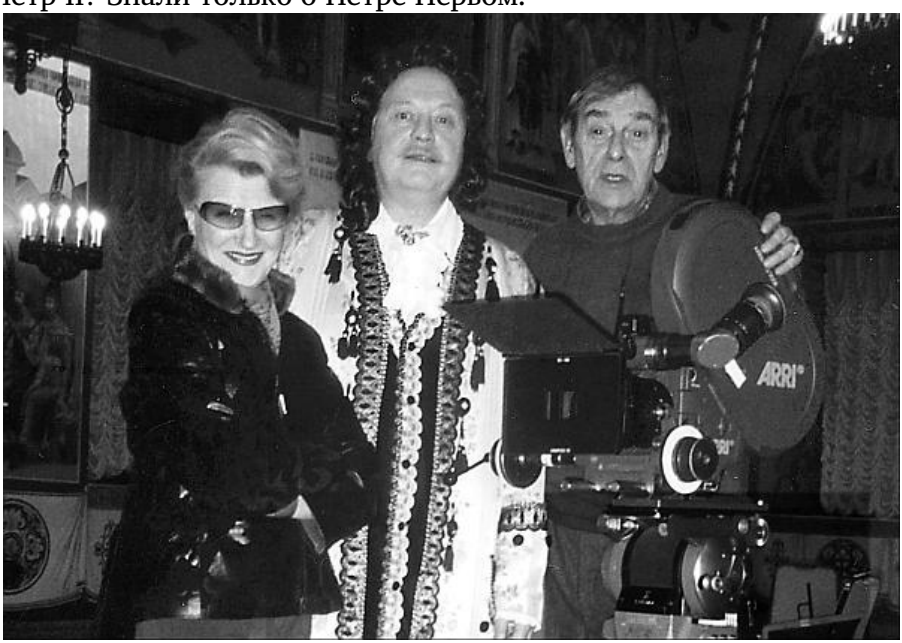
К концу 1920-х годов Московский Юсуповский дворец «как бы» эмигрировал. Он оказался вычеркнут из московской культуры, превращен в типичное советское учреждение с чередой бесчисленных служебных кабинетов, секретарш, машинисток и строгим вахтером у входа — «Храм советской сельхознауки», Президиум Всесоюзной сельскохозяйственной академии (ВАСХНИЛ). Войти сюда человеку «с улицы» и теперь не так-то просто. Осмотр, если говорить точнее — обозрение, этого феерического по красоте и пышности отделки здания приносит истинное наслаждение, но, повторюсь, попасть сюда нелегко. Впрочем, «литературные путешествия» вместо реальных — наша старая, хотя и грустная традиция, но без традиций в книге, посвященной прошлому, обойтись никак нельзя.

Специалисты предполагают, что такого количества декоративной живописи, как в доме Юсуповых, в Москве, за исключением Кремлевских Теремов, больше нет. Иные знатоки, разумеется, морщат нос, утверждая, что это всего лишь новодел XIX века. На самом деле это очень добротное историческое восстановление, реконструкция того, что могло бы иметь место на самом деле, с элементами тщательно стилизованных добавлений, исполненное архитектором Н.В. Султановым — большим знатоком исторических стилей архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Если же сказать просто, без научных терминов — глаза радуются и восхищаются этим пиршеством красок, игрой света и тени на резьбе, лепнине, решетках и изразцах. Впрочем, кажется, с современной реставрацией интерьеров дома дела обстоят не так благополучно, как бы хотелось, но в наши дни это типичная проблема большинства старинных построек, оказавшихся привлекательными для арендаторов. К счастью, два дня в году, в

дни исторического наследия, подобно иностранным посольствам, палаты князей Юсуповых предполагается демонстрировать посетителям.

В наши дни члены современного Английского клуба Москвы и Петербурга имели возможность видеть «Юсуповские палаты» на экране. В фильме «Смерть юного императора», допремьерный показ которого устроила для своих соклубников кинорежиссер Светлана Сергеевна Дружинина, член Совета Попечителей современного Московского Английского клуба, она показала дворец Юсуповых, как раз при юном императоре перешедшем в род князя Николая Борисовича, как усадьбу князей Долгоруких. Причем уличный фасад здания снимался в качестве загородного дворца, а парковый вместе с превосходными интерьерами здания — уже как городской. Вероятно, и в этом заключается искусство кино и кинорежиссера.

Перед началом фильма она поведала такой интересный факт. На родине ополчения 1612 года у нее спрашивали — а кто такой Петр II? Знали только о Петре Первом.



Председатель Правления Московского Английского клуба Олег Ефимович Матвеев в роли князя А.М. Черкасского в историческом киноромане С.С. Дружининой вместе с создателями фильма С.С. Дружининой и А.М.Мукасеем.

Еще одна неожиданная ниточка связала Юсуповых и Московский Английский клуб. Председатель Правления клуба Олег Ефимович Матвеев по приглашению Светланы Сергеевны

Дружининой снялся в роли канцлера князя Алексея Михайловича Черкасского в очередной серии фильма, в которой рассказывается о вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны. Родной дедушка князя Николая Борисовича, Григорий Сеюшевич (Дмитриевич), вместе с князем Черкасским помог императрице избавиться от «Кондиций», по мысли старого московского боярства ограничивавших власть новой царицы. В XX столетии через графов Шереметевых Юсуповы породнились с прямым потомком князя Черкасского.

Музея в «палатах боярина Волкова» нет и сегодня. Это где-то далеко, в Европе, принято завлекать «туристический поток» древностями. Не случайно там его сравнивают с девятым валом, а у нас — со скромным ручейком…

История дворца в Огородниках давно стала составной частью истории всего Юсуповского рода. Понять и прочувствовать его прошлое сложно — дом крепко хранит тайны. Можно надеяться, что когда-нибудь двери Юсуповского дворца вновь откроются для музейной экспозиции, для ежедневных посещений, как это было в двадцатые годы. Тогда, наверное, будет легче приоткрыть покров некоторых дворцовых тайн…

«ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК»

Еще одна достопамятность прежней Хомутовки — знаменитый «Юсупов сад», ныне совершенно утраченный. Известно, что Николай Борисович постоянно увеличивал и округлял свои земельные владения, в том числе и городские, а не только сельские. Перебравшись в Москву, он расширил и родовую усадьбу. Для этого князю пришлось скупить несколько мелких участков напротив дворцового комплекса. Так появился московский «Юсупов сад» — бледная тень петербургского, много уступавший ему в размерах. Впрочем, в былые времена сад почитался в качестве одной из московских достопримечательностей.

Известный историк Москвы С.К. Романюк сообщает, что участок под сад был куплен князем в 1801 году за десять тысяч рублей. Это очень обширное по городским меркам владение приобреталось Николаем Борисовичем не за один раз и у нескольких владельцев[334]. К 1801 году оно уже полностью сложилось и состояло из трех частей. В средней был разбит знаменитый «Юсуповский сад» — некое довольно просторное подобие сельского регулярного парка с дорожками, куртинами, неизбежной скульптурой и круглым бассейном. Садовая часть участка стала самой ранней покупкой князя, осуществленной, предположительно, в конце XVIII века. Боковые же части участка

использовались для сооружения всевозможных строений, преимущественно хозяйственного назначения. Можно предположить, что некоторые из них сохранились в составе возведенных здесь позднее зданий.

В Юсуповом саду в детстве гулял юный Пушкин, когда его родители снимали так называемый «средний дом» Юсуповской усадьбы. Исследователи творчества поэта не без основания полагают, что впечатления от этих прогулок помогли Пушкину при описании сказочных садов Черномора в «Руслане и Людмиле». В стихотворении «В начале жизни школу помню я» Александр Сергеевич так писал о Юсуповском саде:

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Все — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —
Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья
При виде их рождались на глазах.

Московский Юсуповский сад юному Александру казался обширным — маленькому ребенку все представляется несколько преувеличенным. К тому же народу в саду гуляло сравнительно немного. Сюда допускалась исключительно публика, лично известная владельцу, — жильцы его домов с семьями или просто знакомые.

Николай Борисович постоянно сдавал в аренду, под жилье, большую часть владений в Огородниках. Сдача в аренду городской недвижимости и тогда приносила вполне ощутимый доход, который Юсупов не считал нужным упускать и тщательно следил за тем, чтобы хоромы не пустовали. Для привлечения жильцов даже объявления в газеты давались. Рассказы же о желании князя привлечь Сергея Львовича к своему домашнему театру сдачей в аренду квартиры кажется всего лишь басней. Просто князь считал, что недвижимость должна приносить доход. Считал, надо заметить, весьма неплохо.

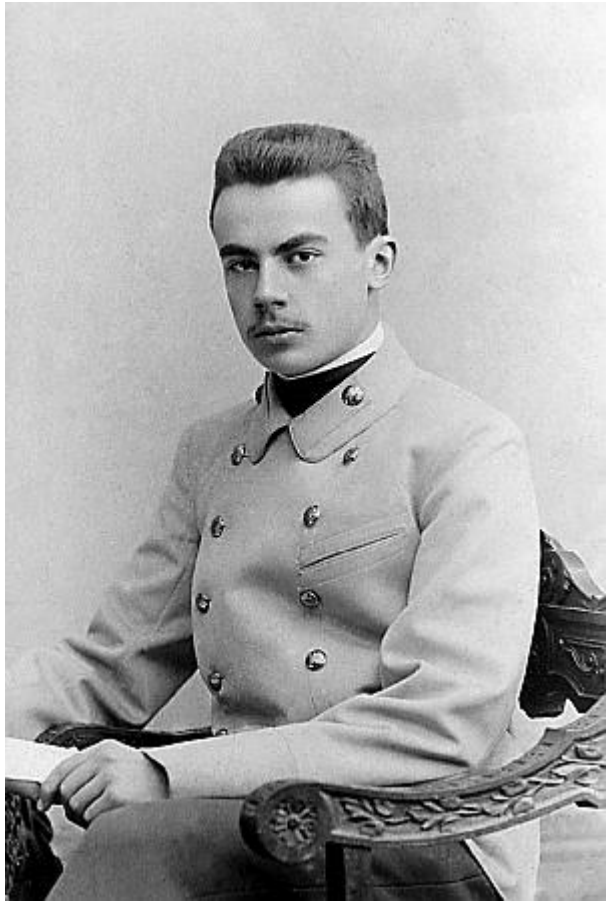
Князь Ф.Ф. Юсупов-старший на 300-летнем юбилее Дома Романовых. Фотография 1913 г. ГМУА.

А как же возник знаменитый «литературный адрес» «у Харитонья в переулке»? Оказывается, достаточно просто — сюда, по соседству с Юсуповскими палатами, к больной московской тетке, жившей в Огородниках, родные привезли из деревни Татьяну Ларину. Сам автор романа — Александр Сергеевич Пушкин — провел в окрестностях дворца несколько лет в пору счастливого детства и знал эти места очень хорошо. Неподалеку, в доме 7 по Малому Харитоньевскому переулку, на рубеже XVIII и

XIX веков располагалась скромная усадьба бабушки поэта Ольги Васильевны Пушкиной.

К сожалению, «У Харитонья в переулке», Татьяна Ларина прожила совсем недолго. На балу в Московском Благородном собрании (Доме Союзов), где Николай Борисович состоял Старшиной, и где зимами располагалась главная «московская ярмарка невест», Татьяна встретилась с генералом Греминым, за которого благополучно вышла замуж. «Родня и друг» Евгения Онегина, Гремин, в опере П.И. Чайковского поет о Татьяне чудесную арию «Любви все возрасты покорны».

Среди тех мест, где Петр Ильич мог наблюдать за последними генералами пушкинской поры, был и Московский Английский клуб. Сюда великий композитор несколько раз в году ходил обедать — когда имелись свободные деньги и когда записывал друг, член клуба — Н.Г. Рубинштейн. Старший сын поэта А.А. Пушкин почти полвека состоял в клубе и наверняка встречался здесь с композитором. Состоял в клубном сообществе и лучший Ленский России (до появления на сцене Л.В. Собинова, разумеется), первый исполнитель партии Германа в «Пиковой даме» — знаменитый тенор Николай Николаевич Фигнер.



Князь Николай Феликсович Сумароков-Эльстон (Юсупов). Фотография начала 1900-х гг. ГМУА.

Кстати, московская молва давно определила и тот скромный деревянный домик на углу Большого и Малого Харитоньевских переулков, где прошли первые московские дни Татьяны Лариной. Увы, после революции, в 1935 году, снесли даже его, «посвятив» эту варварскую акцию благоустройству района в связи с приближавшимся столетием со дня гибели поэта.

После смерти Николая Борисовича участок «Юсупова сада» вместе со всеми хозяйственными строениями и насаждениями оказался за ненадобностью продан городу. Позднее здесь разместился один из городских работных домов, созданный на средства купцов-благотворителей. Прославился бывший работный дом в первые годы после революции. Сюда как-то раз нагрянул Ленин в обществе нескольких кавказцев. Организационная работа в тогдашнем «Баумановском» подрайоне Москвы, как большевики назвали эту часть города, шла из рук вон плохо. Ильичу самому пришлось заниматься организацией митинга, на котором он и

выступил с традиционной зажигательной речью перед рабочими, после чего благополучно убыл на открытие Рабочего дворца имени товарища Загорского на Благуше. Впрочем, эта история уже совсем из другого времени и совсем иных нравов…

Церковь Трех Святителей у Красных Ворот во время разборки. Фотография 1928 г.

ЦЕРКОВЬ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ У КРАСНЫХ ВОРОТ

Московским приходским храмом Юсуповых официально считалась церковь Трех Святителей у Красных Ворот. Красные Ворота князь, по своему служебному положению, при очередной коронации убирал цветами и ветвями. Заодно менялись щиты с вензелями очередного императора, производился текущий ремонт уникального памятника московской архитектуры. Ныне

он варварски уничтожен усилиями отдельных «товарищей».

Приходская церковь Трех Святителей — скромный образец московского зодчества — представляла собой интересный памятник истории. Она стояла на месте надземного павильона станции метро «Красные ворота», еще недавно бывшей «Лермонтовской». Многие прихожане храма состояли членами Московского Английского клуба — Василий Львович Пушкин, а позднее и его племянник Александр Сергеевич, поэт и министр Иван Иванович Дмитриев. Здесь венчался знаменитый поэт Е.А. Боратынский, также член клуба, вступивший в него в один день с А.С. Пушкиным и П.Я. Чаадаевым. В храме крестили драматурга А.В. Сухово-Кобылина, состоявшего в клубе и выведшего некоторых его членов в своей знаменитой драматической трилогии. Предположительно тут крестили художника П.А. Федотова, отцу которого принадлежал небольшой домик неподалеку. Здесь же принял таинство Святого крещения и Михаил Юрьевич Лермонтов. Дом, где тогда жила его бабушка и где поэт появился на свет, стоял почти рядом с храмом. Сегодня на его месте возвышается красавец — сталинский высотный дом, построенный к 800-летнему юбилею Москвы.

В храме Трех Святителей отпевали полководца, «белого генерала» Михаила Дмитриевича Скобелева. И он, и его отец состояли в Московском Английском клубе. На отпевании генерала присутствовала делегация членов клуба, о чем было принято специальное постановление клубных Старшин, записанное в старшинском журнале. Таинственная смерть «белого генерала» Скобелева породила немало всяких слухов в Москве, обсуждавшихся и в «Говорильне» Московского Английского клуба.

В Трехсвятительском храме отпевали и главного героя книги — князя Николая Борисовича Юсупова. Кстати, вопреки тогдашней светской моде, князь отнюдь не манкировал приходской храм ради какого-нибудь модного проповедника или хора, а непременно бывал на приходе вместе со всеми своими слугами и домочадцами.

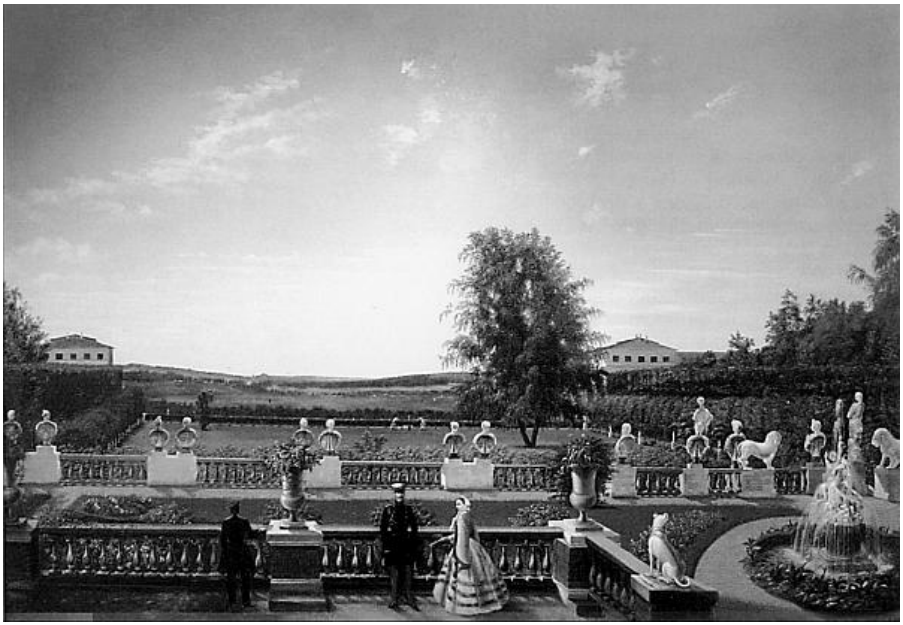
В 1935 году церковь Трех Святителей разделила печальную участь Красных Ворот, а после войны сломали и дом, где родился Лермонтов и где действовал первый в Москве музей поэта, тогда же ликвидированный.

Дом Позднякова-Юсупова на Большой Никитской. Современная фотография автора.

«НИКИТСКИЙ ДОМ»

Жить «у Харитонья в Огородниках» было, конечно, хорошо — местность почти загородная, здоровая. Одно неудобство: Огородники далеко до центра — ведь метро и даже конки во времена Юсупова еще не придумали. После войны 1812 года, когда Николай Борисович стал принимать активное участие в общественной жизни города, когда он получил назначение на службу в Московский Кремль, добираться ежедневно до работы во всякую погоду становилось все тяжелее. Годы брали свое. Кроме того, князю хотелось иметь в центре города собственную усадьбу, где бы мог разместиться большой театральный зал — Николай Борисович не любил зависеть от других, даже своего приятеля графа Апраксина, у которого в «Арбатском театре» играла их совместная итальянская антреприза.

Юсупов решил купить себе дом в центре. Благо в те времена жилье в исторической части города оставалось доступно по ценам и для москвичей, а не только для приезжих из Петербурга, подобных князю. Новое домовладение Юсупова располагалось на углу Большой Никитской и бывшей улицы Станиславского, Леонтьевского переулка. В документах московской канцелярии домовладение носило название «Никитский дом».

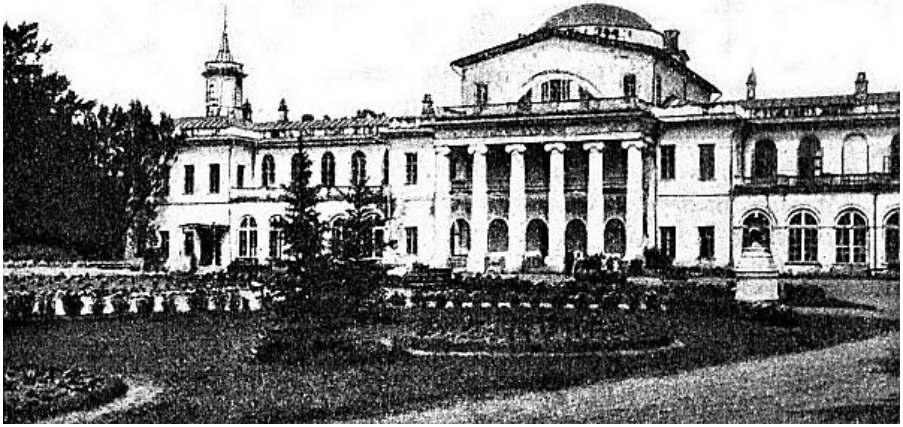


А.И. Федотов. Александр II на прогулке в Архангельском. 1860 г. ГМУА.

Имел он большую, в том числе и театральную историю и даже выведен в «Горе от ума». Как-то раз Чацкий и Софья Павловна Фамусова побывали тут на балу, узнав при этом один из больших секретов хозяина. Случилось это в ту пору, когда домом владел богатый помещик Поздняков, владелец превосходной театральной труппы крепостных актеров.

Юсупов тщательно отремонтировал и частью переоборудовал здание. Главный зал позволял давать театральные представления. Именно тут для наполеоновской «Великой армии» недолго играла французская труппа… Предполагается, что именно в «Никитском доме» встречались Юсупов и Пушкин.

После смерти Николая Борисовича здание еще не раз сменило хозяев и вполне благополучно, хотя и с перестройками, дожило до наших дней. Хочется верить, что благополучие дома продлится долго… Врочем, недавно в прессе появилось сообщение о том, что и на это историческое место появились жаждущие…



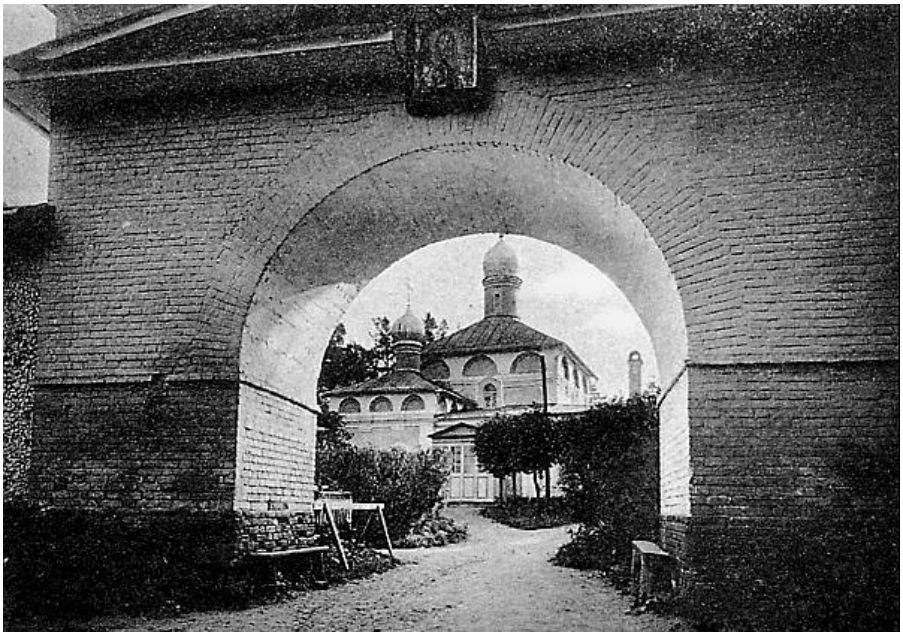
Васильевское — «Садоводство Ноева» на Воробьевых горах. Фотография начала 1910-х гг.

ВАСИЛЬЕВСКОЕ

После переезда во вторую столицу Николай Борисович далеко не сразу определился и с тем местом в окрестностях Москвы, где бы ему хотелось проводить летние месяцы, а традиции предписывали иметь хоть маленькую, но ближнюю «подмосковную» усадьбу, чтобы для здоровья выезжать из города на лето. Первоначально князь планировал отделать большой усадебный дом в родовом имении Спасское-Котово, где при церкви покоилась его любимая мать и другие родственники. В расходных книгах Московской конторы сохранились записи о закупке значительного количества строительного материала и о перевозке его в Спасское, где начались работы по дому, а также по разбивке парка.

Неожиданно Юсупов охладел к этой затее; полномасштабное строительство приостановилось.

Вместо этого князь в 1805 году купил «скромную» дачу у кромки Воробьевых гор — поэтичное Васильевское, из которого открывались удивительные по красоте виды Москвы. Здесь тоже начались строительные и ремонтные работы. Проектирование анамбля осуществляли лучшие московские мастера эпохи позднего классицизма. С годами Васильевское могло бы стать подлинной жемчужиной Москвы, наглядным доказательством чего служит хотя бы замечательная по рисунку решетка усадебной ограды. Недолгое время эта вотчина использовалось как самая ближняя подмосковная Юсупова; одно время тут давались торжественные приемы и обеды, но… позднее князь стал сдавать Васильевское в аренду даже частями.



Архангельское. Церковь Архангела Михаила от Святых ворот. Фотография П. Павлова начала 1910-х гг.

Видимо, безумная идея масона-архитектора Карла-Магнуса Витберга (ставшего потом Александром Лаврентьевичем), предполагавшего строительство на кромке Воробьевых гор как раз вблизи Васильевской усадьбы громадного Храма Христа Спасителя, охладила Юсупова к этой подмосковной. Появись рядом с поместьем грандиозное сооружение, как о тишине и покое следовало сразу забыть — число паломников к Храму предполагалось громадным. Кстати, в качестве главного чиновника московской Дворцовой конторы князь имел определенное отношение к сооружению Храма на Воробьевых горах, которое, как известно, закончилось крахом. Грандиозный Храм-памятник освобождению России от Наполеона соорудили совсем в другом месте и совсем другие люди — на набережной Москвы-реки возле Кремля, на месте Алексеевского монастыря по проекту архитектора Константина Андреевича Тона.

Э. Виже-Лебрен. «Портрет графини М.В. Кочубей». ГМУА. Картина поступила из музея в Никольском-Урюпине.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Главной подмосковной резиденцией князя Юсупова стало изысканное Архангельское. Я уже писал о приключениях, пережитых Николаем Борисовичем при покупке усадьбы. Теперь мне предстоит изложить читателю еще некоторые страницы из многотомной истории любимого детища князя — его «подмосковного Версаля».

Рано умерший историк культуры Юрий Шамурин являлся влюбленным летописцем русского усадебного искусства. В начале 20-го столетия он одним из первых писал об Архангельском как о целостном художественном ансамбле, хотя уже тогда это были всего лишь пышные остатки прежней роскоши, лишенные

сокровищ картинной галереи и оранжереи.

Усадьба Никольское-Урюпино. Фасад зимнего дома. Фотография Ю. Еремина. Открытка 1929 г. Из собр. автора.

«Среди подмосковных Архангельское, бесспорно, самая прекрасная. Обаяние его в той идеальной выдержанности, которая не только позволяет любоваться великолепными художественными произведениями, но и хранить неприкосновенным весь строй минувшей жизни, такой непохожей на наше время. Как в венецианском Палаццо Дожей узнаешь мощь золотого века Венеции, несметную силу ее богатства и разгул ее творческих сил, так в Архангельском чувствуешь широкий размах старого барства, его любовь к земным благам, его отделенность от окружающей жизни, его самовлюбленный эгоизм, и над всем этим — его тонкую эстетическую культурность»[335].

Об Архангельском в советское время написано немало искусствоведческих работ в стиле «каннелюра на пилястре, колористический рокайль» и все в этом же интересном и всем понятном духе. Подобного рода сочинения читатель при желании может найти в любой библиотеке. Я же просто расскажу о некоторых страницах истории усадьбы, не вдаваясь в искусствоведческие оценки.

Вообще-то люди поселились в Архангельском задолго до того, как оно превратилось в «подмосковный Версаль». Археологические раскопки проводились на берегу Москвы-реки в восьмидесяти метрах от усадебной церкви Михаила Архангела

начиная с 1947 года. Они показали, что над старицей Москвы-реки в третьей четверти 1-го тысячелетия нашей эры располагалось обширное Архангельское городище, относящееся к раннему железному веку. Оно занимало площадку размером 40 на 80 метров, было огорожено валами и рвом.

При благоустройстве военного санатория в Архангельском древнее городище оказалось по-большей части срыто, так как находилось непосредственно на его территории. При раскопках остатков городища была найдена керамика, в том числе и относящаяся к дьяковской культуре. Археологические раскопки показали, что люди жили здесь также и в XI-XIII веках.

В XVI веке Архангельское по административному делению вошло в состав Горетовского стана Московского уезда. Архивные поиски двух братьев Холмогоровых позволили узнать имена вотчинников села той поры.(4) В 1584 году ими были Алексей Иванович Уползов и конюшенный Осип Матвеевич Рязанцев, владевшие вотчиной по частям. Название Уползово, закрепившееся за усадьбой, свидетельствует о том, что в роду Уползовых будущее Архангельское находилось сравнительно долго. Впервые название «Архангельское, Уползово тож», упоминается в документах лишь в 1646 году, когда вотчина принадлежала уже боярину Федору Ивановичу Шереметеву. В ней насчитывалось всего шесть дворов.

Боярин Ф.И. Шереметев известен в качестве одного из членов «семибоярщины», правившей Россией в Смутное время. В 1678 году при следующем владельце, князе Я.Н. Одоевском, здесь имелись «двор попов, двор боярский, скотный, шесть дворов дворовых». В 1681 году, когда Архангельское, «Уползы тож», перешло в качестве приданого за дочерью Одоевского к князю М.Я. Черкасскому, в описи села показана каменная церковь Архангела Михаила, являющаяся старейшим сооружением усадебного комплекса. Она выполняла функции как приходского, так и усадебного храма, а кладбище при ней служило местом погребения не только крестьян и церковного причта, но и самих владельцев села.

Скорее всего, каменная церковь появилась на месте деревянной, чей престол был перенесен в более позднее сооружение.

В 1703 году усадьба становится собственностью князя Дмитрия Михайловича Голицына, состоявшего через жену в родстве с Одоевскими и Черкасскими. При нем вотчина окончательно превращается в традиционный усадебный комплекс. Строится обширный барский дом, располагавшийся

приблизительно на месте современной большой террасы Юсуповского парка. В это же время возле дома были посажены лиственницы, частью сохранившиеся до нашего времени, а также разбит французский парк, ставший ядром будущего Юсуповского парка, признанного шедевра мирового садово-паркового искусства.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1738) и его потомки владели Архангельским более столетия. Князь Голицын считался одним из самых образованных людей своего времени. Принадлежность к старому русскому боярству не только по рождению, но и по взглядам, привела князя в руководство старобоярской партией. Русское боярство, потомство самостийных удельных князей, всегда мечтало ограничить права русского царя — то с помощью Боярской Думы, то еще каким-нибудь хитроумным способом. В 1730 году, когда с царской властью в стране было совсем плохо, Дмитрий Михайлович предложил пригласить на престол Анну Иоанновну, дочь сводного брата Петра Великого, прозябавшую по милости Петра в бедном Курляндском герцогстве. В качестве платы за такое благодеяние партия князя Голицына заставила будущую императрицу подписать «Кондиции», условия, которые ограничивали ее власть. Особый орган — Верховный Тайный Совет должен был оказывать императрице «содействие» в разрешении большинства вопросов государственной жизни.

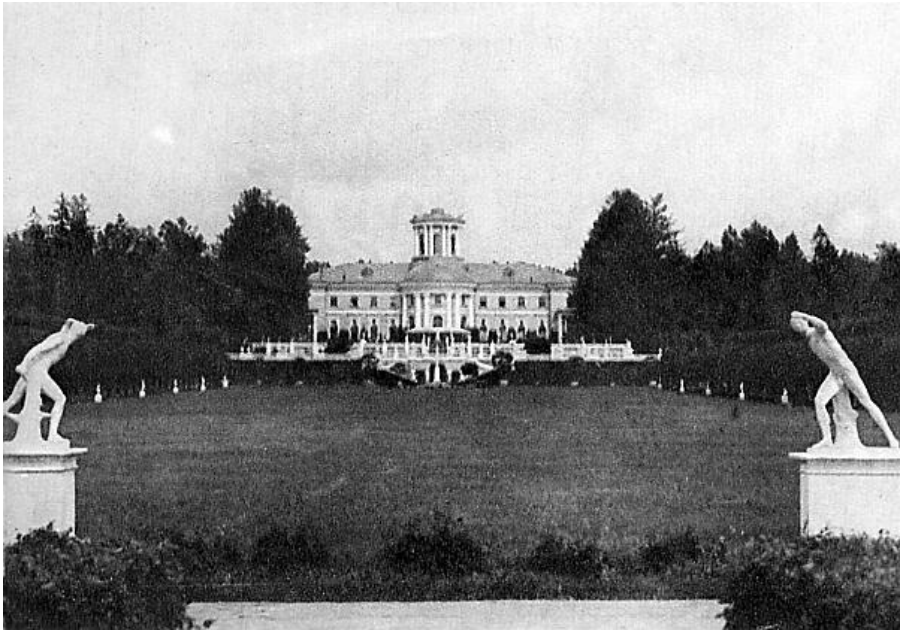
Известно, что с Советами, даже Тайными, в нашей стране редко бывает благополучно. «Простушка Анна» условия подписала, потом порвала их и стала править страной с помощью своего сердечного друга герцога Бирона, будущего через сестру родственника Николая Борисовича Юсупова. Помог ей в уничтожении «Кондиций» родной дедушка князя Николая Борисовича — князь Григорий.

Страшная «Бироновщина», едва не погубившая русское государство, накрыла своим зловещим крылом и князя Дмитрия Михайловича Голицына. После «антибоярского» переворота ему было предписано удалиться в имение. Местом ссылки князя стало Архангельское, где его сельские досуги скрашивала природа и обширная библиотека, одна из крупнейших частных библиотек России того времени. В ней насчитывалось свыше пяти тысяч томов. «У него князь Дмитрея имелось на чюжестранных диалектах, також и переведенных на русский язык около 6000 книг», — говорилось в акте о конфискации княжеского имущества. Конфискат был передан и в «Кабинет» Ее Величества, и в Академию наук, и в Синод. Не побрезговали попользоваться бывшей голицынской библиотекой даже Бирон и Волынский, но

все же 2415 томов остались в Канцелярии конфискации. При Елизавете Петровне остатки библиотеки вернулись в Архангельское.

Жаль, что их владельцу вернуться в любимое имение уже не довелось. В 1736 году под надуманным предлогом он оказался притянут к очередному судебному следствию, посажен в Шлиссельбургскую крепость и здесь благополучно «умре», по слухам, от удушения.

По воцарении «прекрасныя Елисавет» Архангельское вместе с остатками библиотеки и царским расположением возвратилось сыну Дмитрия Михайловича — князю Алексею Дмитриевичу Голицыну, от которого перешло к его сыну, князю Николаю Алексеевичу (1751–1809), последнему владельцу усадьбы из рода Голицыных. Судьба его в чем-то была схожа с судьбою князя Николая Борисовича Юсупова, с которым они были одногодками и дальними родственниками. Шталмейстер Высочайшего Двора, в середине 1770-х годов он подвергся негласной ссылке. За излишнюю близость к партии наследника престола Павла Петровича и его наставника графа Никиты Ивановича Панина Екатерина II отправила князя послом в Швецию. В 1792 году князь Голицын и вовсе отправился в почетную отставку со званием сенатора. При воцарении Павла I в 1796 году князь получил от императора знак особого благоволения — орден Анны 2-й степени и возвратился ко Двору. Два года спустя Павел окончательно отстранил бывшего любимца от дел и отправил в «полную и окончательную» отставку. Николай Алексеевич переехал в Москву и вплоть до смерти большую часть года неотлучно жил в Архангельском, но чаще неподалеку — в Никольском-Урюпине, где все давно было обустроено. Архангельское к тому времени уже получило основное ядро своей художественной композиции, позднее доведенное Юсуповым до европейского блеска[336].



Архангельское. Вид партера от оранжерей. Фотография 1900-х гг.

Строительство Архангельского стоило немалых денег, которых к концу жизни у князя Голицына становилось все меньше и меньше — подобно большинству русских бар князь не любил разбираться в хозяйственных делах. В результате главный усадебный дом Архангельского, строительство которого началось в 1784 году, и в 1810 году, когда усадьбу купил князь Юсупов, все еще стоял без отделки. Голицын давно намеревался продать недостроенную усадьбу едва ли не своему же приятелю Юсупову, но сделала это уже его вдова, Мария Адамовна.

Дабы закончить «версальскую» часть истории Архангельского, приведу мнение такого крупного знатока русской усадебной культуры, как В.Л. Рапопорт, несколько лет бывшего директором музея в Архангельском. Он обратил внимание на то, что проект главного усадебного дома в Архангельском был заказан архитектору Шарлю де Герну в 1780 году, когда наследник престола Павел Петрович ни в какие «Версали» еще не ездил[337]. Скорее всего, в основу архитектурного решения главного усадебного дома положен французский увражный проект, приобретенный князем и затем приспособленный крепостными мастерами непосредственно для условий данной местности.

Архангельское. Парковый фасад Главного усадебного дома. Фотография 1900-х гг.

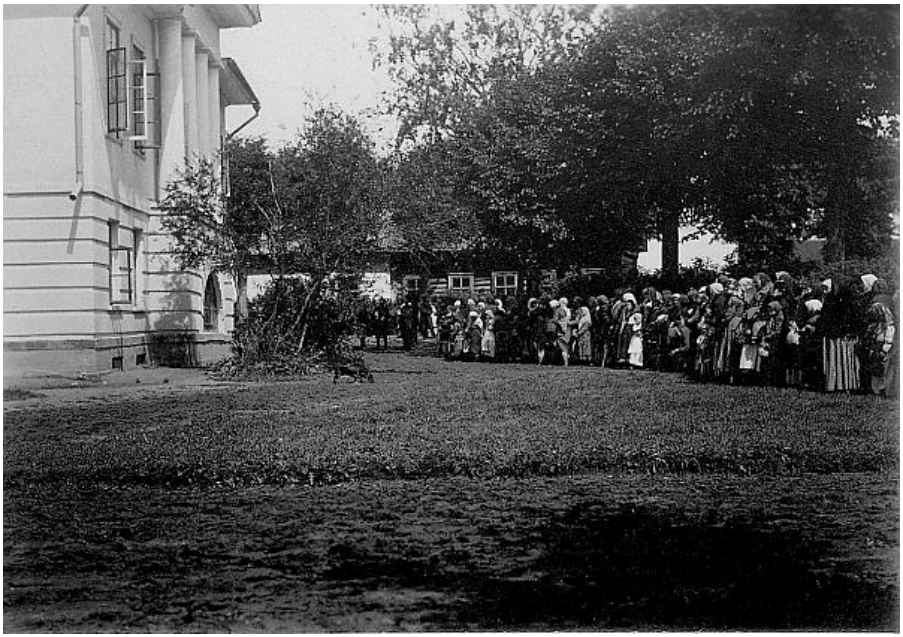
Во время реставрационных работ коллонады главного усадебного дома в 2003 году неожиданно нашлась медная закладная доска дворца, украшенная гербом Голицыных. На ней указан год начала работ по возведению — 1784-й, а также перечень имений князя.

Художественный ансамбль Архангельского трудно воспринять без соседнего имения — Никольского-Урюпина, которое князья Голицыны оставили за собой после продажи Архангельского. Сравнивая их, известный историк усадебной культуры С.А. Торопов писал: *«Та м — наряд, великолепие, здесь домашний уют, интимность. Число таких усадеб с каждым годом быстро уменьшается. Все их, конечно, трудно сохранить и уберечь. Тем ценней и интересней становятся сохранившиеся и ещеполные памятников быта. Никольское — одно из немногих»*[338]. Добавлю — было. Сегодня уже мало кто помнит, что в первые годы советской власти в Никольском-Урюпине работал уютный и очень богатый экспонатами музей-усадьба дворянского быта, ряд вещей из которого потом перешли в музей-усадьбу «Архангельское».

Архангельское. Ротонда Главного усадебного дома. Фотография 1900-х гг.

Любознательный читатель сможет совершить путешествие к останкам этого знаменитого усадебного комплекса, располагающегося совсем рядом с Архангельским. Впрочем, это так, к слову…

Князь Юсупов в начале 19-го столетия оказался далеко не первым покупателем имения. Вот что поведала по этому поводу замечательная мемуаристка «бабушка Янькова» устами своего внука Д.Д. Благово: *«За Архангельское просили с чем-то сто тысяч ассигнациями; это было в начале 1800-х годов. Тогда сестра моя Вяземская искала купить имение; она ездила туда с князем Николаем Семеновичем осматривать, и они нашли, что имение недорого, но слишком для них великолепно, требует больших расходов для поддержки, и поэтому не решились купить, и купил его засто тысяч Юсупов, для которого это была игрушка и забава, а Вяземские искали имения посолиднее, для дохода…»*[339].



Архангельское. Конторский флигель. Фотография начала XX в. ГМУА.

Купив Архангельское, князь Николай Борисович не жалел денег на новое имение. Быстро отделывались 16 комнат парадного нижнего этажа, однако в дело вмешались события 1812 года и частичное разорение усадьбы — как от наполеоновских солдат, так и от своих — крепостных крестьян.

Архангельский Большой дом и вся усадьба ремонтировались после наполеоновского нашествия с большой скоростью и размахом. У князя Юсупова в имении появляется верный помощник — Василий Яковлевич Стрижаков — крепостной архитектор, которому в 1815 году Юсупов поручил управление вообще всей архангельской «вотчиной». Стрижаков был талантливый, опытный — несмотря на молодой возраст — архитектор-практик, человек энергичный, решительный. Можно думать, что если бы не крепостная неволя и некрепкое здоровье, из него со временем мог бы вырасти большой мастер. Русские крепостные таланты частенько спивались, не выдержав кабальных условий неволи. Вопреки печальной традиции Стрижаков «только заболел чахоткой», которая тоже частенько сводила в могилу русских гениев — достаточно вспомнить Белинского или Чехова — внука крепостных крестьян. Уже в мае 1819 года Стрижаков оказался полностью освобожден от «художественных обязанностей» по болезни. 3 октября того же года архитектор умер. Юсупов устроил ему пышные похороны, на которые вышло

98 рублей 75 копеек — цена приличного стада коров. Супруга крепостного архитектора единовременно получила 172 рубля 75 копеек для возмещения расходов по лечению — медицина и в те далекие времена ни дешевизной, ни качеством не отличалась. Вдове и сыну Стрижакова ежемесячно «с барского стола» посылалось два рубля харчевых.

Архангельское. Дворец «Каприз». Современная фотография автора.

Впрочем, непосильные труды Стрижакова вскорости погорели. Князь Юсупов при всей широте натуры отличался известного рода любовью не только к экономике, но и экономии. Говорила об этом «вся Москва». В зимнее время, когда в усадьбе никто не жил, князь приказал подтапливать Большой дом «экономии ради» стружками, оставшимися от строительных работ. При горении от них тепла образуется немного, но одномоментно вспыхивает очень сильное пламя. Известно, что скупой платит дважды. Вскоре у князя Юсупова в результате новых строительных работ образовался такой избыток стружек, который на сей раз девать оказалось некуда. В конце января 1820 года Большой дом от топки стружками погорел!

Архангельское. Терраса парка. Фототипия П. Павлова. Начало 1910-х гг. Открытка из собр. автора.

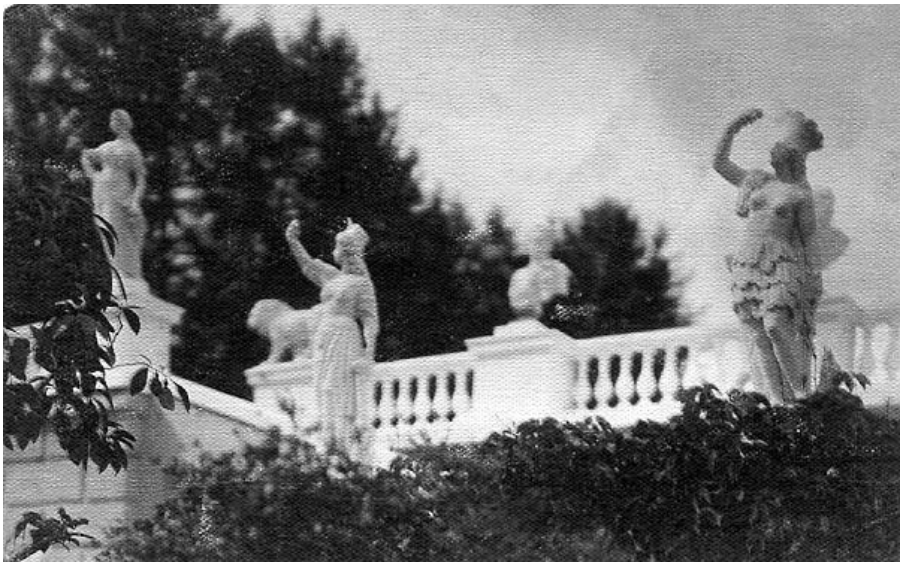
Александр Яковлевич Булгаков писал брату в Петербург 28 января 1820 года: *«Славное Архангельское сгорело от неосторожности людей, а другие говорят — от скупости, потому что для убережения картин и более дров велено было топить галерею стружками, а от стружек до пепла далеко ли? Картины и библиотека только частью спасены: первые вырезывали из рамок, кидали из окон, будут депареллированы. У славной группы Кановы Амур и Психея разбиты руки и ноги. Вот тебе и производство в антики»*[340].

3 февраля того же злосчастного года новости более свежие: *«Бедный Юсупов! Бедное Архангельское! Зачем он эдакое имя оставил: архангелы, я думаю, ему не очень покровительствуют, ибо он, верно, часто возит туда своих мамзелей. Жаль мне его. Это напоминает мне пожар Разумовского в Вене, где также отломали руку и ногу статуе Кановы. Прочее он может воротить при своембогатстве, а это трудно, ибо Канова уже стар, и на всю жизнь заказаны ему работы»*[341].

Архангельское. Подпорная стена террасы парка. Фотография начала 1910-х годов.

Работы по ремонту дома обошлись почти в сто десять тысяч рублей. Произведены они были достаточно скоро, а уже сравнивать их с современными темпами реставрации уникального ансамбля Архангельского и вовсе не стыдно. Тогда было иное финансирование и вообще все иное…

Кроме дворца в Архангельском имелся большой комплекс разного рода построек, — как парадного, так и чисто хозяйственного назначения. Сегодня от былой усадьбы сохранилось далеко не все, причем утраты в исторической части комплекса возникали не только в процессе ее не особенно бережной эксплуатации последними Юсуповыми. Так, руинные Римские ворота — некогда обязательный элемент художественного ансамбля русской усадьбы — оказались снесены в процессе благоустройства имения под санаторий. Через ворота из-за их малого размера не могли свободно проехать «лимузины», так что ими пришлось пожертвовать, равно как и комплексом оранжерей.



Архангельское. Скульптуры подпорной террасы. Любительская фотография начала 1910-х гг. Собр. автора. Публикуется впервые.

Среди обязательных элементов русской усадебной культуры был Эрмитаж — дом уединения, романтическое «прибежище отшельника». В Архангельском эту роль играл малый дворец, носивший название «Каприз», — уютный парковый павильон и стоявшая под углом к нему библиотека.

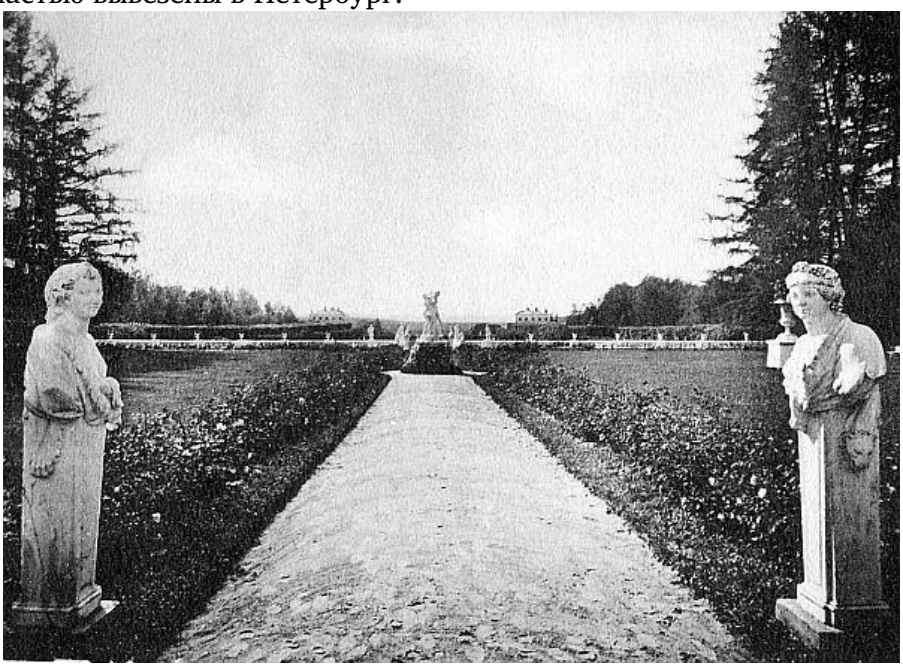
Многократно рассказывается и пересказывается лживая история о том, что князь Голицын, строитель «Каприза», оставался в долгой ссоре со своей законной супругой, из-за чего княгиня потребовала построить для себя отдельный «домик», а в архангельском парке появился малый дворец, названный «Каприз». Некоторые «знатоки» столь же уверенно приписывают этот «каприз» супруге князя Юсупову. Так и кочует это сказочное повествование из одного популярного издания в другое. На самом деле малый дворец строился по соображениям сугубо практичным, даже утилитарным. Большой дом долгое время оставался без отделки, да и топить зимой такое громадное помещение казалось весьма накладно. «Каприз» же был невелик, уютен и требовал сравнительно немного дров для поддержания тепла.

Архангельское. «Диана Версальская». Любительская фотография начала 1910-х гг. Собр. автора. Публикуется впервые.

В отличие от Большого усадебного дома, «Каприз» использовался под жилье в продолжение всего года. Его 11 комнат по тогдашним понятиям считались невысокими и совсем небольшими. В 1819 году, уже при Юсупове, дворец частично перестраивался под руководством архитектора Е.Д. Тюрина артелью мастеров во главе с подрядчиком — крестьянином

Владимирской губернии Наумом Митрофановым. Над основным объемом был надстроен еще один этаж, а фасад украшен четырехколонным портиком во всю высоту здания.

В «Капризе» имелся традиционный набор парадных и служебных комнат — гостиная, бильярдная, спальни, девичья, кухня. Интерьеры здания блистали роскошью дворцовой отделки. Архитектурный декор дополняли картины, скульптура, зеркала, горки с фарфором. Именно в «Капризе» висели некогда «головки» Пьетро Ротари, предположительно собранные еще отцом Николая Борисовича — один из самых трогательных живописных комплексов всей коллекции Юсуповых. Работы мастера часто появлялись на отечественном художественном рынке, так что они могли быть приобретены и в более позднее время. Всего же комнаты малого дворца, согласно рисованного каталога, украшали порядка семидесяти полотен. После смерти Николая Борисовича они оказались частью перенесены в Большой дом, а частью вывезены в Петербург.



Архангельское. Партер парка. Фототипия П. Павлова. Начало 1910-х гг. Открытка из собрания автора.

Увы, художественные интерьеры «Каприза» были полностью утрачены в процесс его приспособления для утилитарных нужд в XX веке. Теперь внутри дворца все чисто и гладко оштукатурено, без излишних завитушек. Здесь располагаются вспомогательные службы музея. Реставраторам придется много потрудиться над восстановлением этого уникального ансамбля.

Строителем здания библиотеки, стоявшем рядом с «Капризом», — оно сохранилось тоже только частично и также нуждается в полном восстановлении, считают провинциального архитектора Фому Ивановича Петтонди. Центральный павильон с ротондой объединял собой два зала, располагавшихся в примыкавших к нему крыльях. Замкнутый фасадами малого дворца и библиотеки, этот участок усадебной территории представлял собой единый ансамбль, отделенный от большого парка железной решеткой с каменными столбами. Возле «Каприза», как и по всему парку, когда-то стояло немалое количество декоративной скульптуры. В позднейшее время она оказалась перенесена в другие места или вовсе утрачена.

Архангельское. Скульптура Парадного двора. Фотография 1910-х гг. И.В. Хорошилова. Собрание автора.

Последнее значительное архитектурное сооружение появилось в Архангельском при последних владельцах и при обстоятельствах трагических. К началу XX века Спасское-Котово перстало использовться в качестве семейного некрополя. Сестра Зиниды Николевны Татьяна была погребена возле церкви в Архангельском. В 1908 году на дуэли погиб старший сын владельцев — Николай Феликсович. Тогда-то и было принято решение о строительстве храма-усыпальницы с криптой. Никольскую церковь спроектировал для усадьбы Роман Иванович Клейн — автор проекта здания московского музея изящных искусств (ныне музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Княгиня Зинаида Николаевна дала средства на оборудование Библиотечного зала музея, который недолго носил ее имя. Теперь этот зал переделан. Клейн создал здание храма-усыпальницы в сдержанных формах неоклассизма, умело вписав его в давно сложившийся усадебый ансамбль. Скульптурный декор здания выполнил Г.Б. Бархин, а росписи интерьеров — И.И. Нивинский. Последние Юсуповы, вероятно, полагали найти здесь последнее упокоение, однако, обстоятельства сложились так, что по своему непосредственному предназначение здание никогда не использовалось. Теперь это «Коллонада» — выставочный и концертный зал музея-усадьбы.

Главным украшением Архангельского является парк, торжественной красоте которого нет равных в Центральной России, некогда славившейся своими великолепными поместьями. Садово-парковый ансамбль Архангельского напоминал не только Версаль. Он был построен в традициях итальянских парков, для которых характерны террасы, почти не встречающиеся в усадебных ансамблях средней полосы нашей страны. Автором проекта террас Архангельского по традиции называют академика Императорской Академии Художеств итальянца Джакомо Тромбаро, приехавшего в Россию в 1779 году вместе с архитекторами Д. Кваренги и Ф. Кампорези.

Князю Юсупову в процессе окончательного завершения паркового ансамбля удалось привести в действие фонтаны, предусмотренные еще первоначальным проектом «архангельских садов». Для них он выписал специальную гидравлическую машину.

Конечно, «водные изыски» очень украсили усадьбу, но все же и в наши дни главным украшением парка Архангельского остается его коллекция скульптуры. Она собиралась постепенно и изваяния для нее заказывалась не только иностранным, но и отечественным мастерам. Среди них московский итальянец Карл

Сильвестр Пено, создавший для Архангельского значительное число произведений декоративной скульптуры. Это самая большая, редкостная по гармоничности и сохранности коллекция парковой скульптуры в Подмосковье, которую в России превышают только дворцовые собрания пригородов Петербурга.

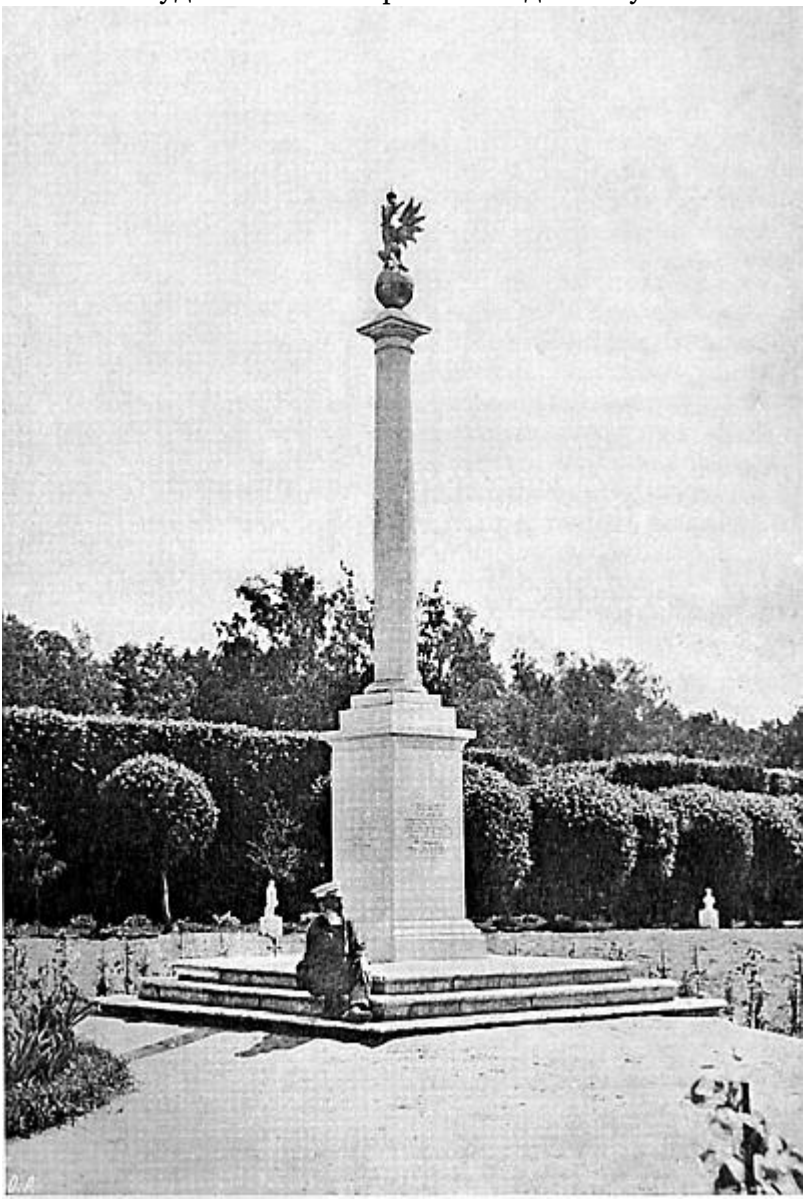
В Архангельском есть и подлинный уникум — скульптура самого Микеланджело. По мнению В.Л. Рапопорта, это воспроизведение несохранившейся восковой модели скульптуры «Геркулес и Антей», которая была выполнена в 1622 году римским скульптором Стефано Мадерна. По его терракоте в конце XVIII века, возможно, в мастерской известного русского скульптора М.И. Козловского изготовлялась эта скульптурная группа[342].

Архангельское. Парадный вестибюль Главного усадебного дома. Фотография 1900-х гг. ГМУА.

Ряд скульптур парка намеренно повторяют скульптурные композиции Павловского паркового ансамбля, который считается «дальним родственником» парка Архангельского. Например, «Диана Версальская».

В начале XX века, когда в Подмосковье стал зарождаться массовый туризм, Архангельское и его парк стали первыми объектами внимания вездесущей туристической братии. У меня в коллекции старых фотографий сохранилось два любительских снимка, сделанных в то время, когда парк Архангельского открылся для небольшого потока сторонней публики, не являвшейся знакомыми или родственниками хозяев. На

страницах книги они воспроизводятся впервые, хотя ничего особенно нового специалисты в этих снимках, разумеется, не узрят. Ну а заядлые туристы с радостью узнают, что и у них имелись далекие предки, восхищавшиеся Архангельским. Впервые же «туристы» попали в усадебный парк еще при князе Николае Борисовиче, который по праздникам и воскресным дням дозволял такое удовольствие «прилично одетой публике».



Обелиск в парке Архангельского в память посещения усадьбы императором Николаем II. Фотография 1910-х гг. Собрание автора.

Настоящий туристический же поток хлынул в Архангельское только при советской власти, хотя современной инфраструктуры для приема туристов в музее-усадьбе все еще, увы, не создано.

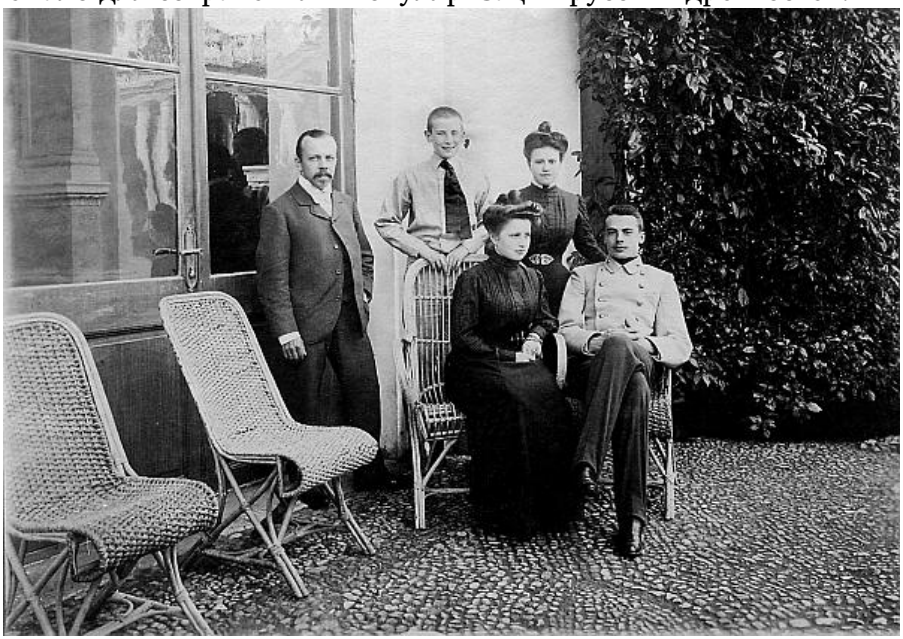
Историческая летопись усадьбы Архангельское сохранила имена некоторых соклубников князя Николая Борисовича Юсупова по Московскому Английскому клубу, которые любовались этим выдающимся художественным ансамблем и запечатлели его на страницах собственных сочинений.

Первым из них оказался Николай Михайлович Карамзин — знаменитый русский историограф и писатель-сентименталист. Он побывал в Архангельском еще у князей Голицыных, в 1803 году. Карамзина прельстила молва о «Русском Версале», подобии знаменитого парка французских королей, которым любовался автор не только «Истории Государства Российского», но и «Писем русского путешественника». Со страниц этих путевых заметок писатель предстает знатоком и ценителем садово-паркового искусства, ландшафтной архитектуры — рукотворной поэзии природы.

Архангельское. Императорская аллея. Фототипия П. Павлова. Открытка начала 1910-х гг. Собрание автора.

О красоте садов Архангельского Карамзин оставил такие строки: «*Счастливое, редкое местоположение еще возвышает красоту их. Рощи, где дикость природы соединяется с удобствами искусства и всякая дорожка ведет к чему-нибудь приятному… наконец заступают у нас место так называемых правильных садов, которые ни на что не похожи в натуре и совсем не действуют на воображение; скоро без сомнения перестанем рыть и пруды в уверении, что самый маленький ручеек своим быстрым течением оживит сельские красоты гораздо более, нежели сии мутные зеркала, где гнют воды неподвижные*»[343].

Карамзин-сентименталист к этому времени постепенно охладел к красоте французского паркового искусства. Его поэтическое воображение вдохновляла лишь природная красота. Николай Михайлович встречался с Юсуповым в Английском клубе вплоть до переезда в Петербург; князь был знаком с историческими и литературными трудами писателя. История России интересовала Юсупова не только с точки зрения участия в ней его собственных предков, но и в качестве начальника Оружейной палаты. На этом посту Николай Борисович сделал немало для сохранения и популяризации русских древностей.



Юсуповы с гостями в Архангельском. Фотография 1900-х гг. ГМУА.

Еще один весьма неожиданный отзыв об Архангельском, принадлежит не члену Английского клуба или другу князя Н.Б. Юсупова, а человеку, которого трудно заподозрить в любви к России и ее культуре. К тому же он видел усадьбу уже после вывоза главных ее художественных ценностей князем Борисом Николаевичем.

«Хочу, прежде всего, навестить любезную знакомую прежних времен, княгиню Юсупову, которая живет в 20 верстах отсюда в своем имении… Медленная запряжка и быстрая езда характерна для этого народа… Я бы с нетерпения побрился, если бы у меня было зеркало, но так как его нет, то я буду приветствовать мою благожелательницу Тата невыбритым (княгиню Татьяну Александровну Юсупову, жену Николая Борисовича Юсупова-

младшего. — ***А.Б.***)…»

16 июня 1859 года. «Архангельское, поздно вечером. Го д тому назад мне даже не снилось, что я буду именно здесь. На той же реке, как и Москва, в милях трех выше по течению, стоит в большом парке дворец итальянского стиля. От его фасада тянется к реке уступами широкий луг, а налево от него у самой реки стоит павильон, в шести комнатах которого я одиноко брожу. По ту сторонуводы равнина, залитая лунным светом; по сию сторону — луг с изгородями и оранжереями. В камине завывает ветер, и трещат дрова, со стен смотрят на меня подобно привидениям старые портреты, а в окна белые мраморные статуи: очень романтическое уединение. Та к как во дворце идут переделки, то владелец, князь Юсупов (тогда им был Николай Борисович — младший, — ***А.Б.***), *ютится в доме управляющего. Его супруга — дочь бывшего посла в Берлине Рибопьера, в доме которого я, в дни моей юности, в первый раз вступил в Берлинский свет. Завтра возвращаюсь с моими хозяевами в Москву…»*

Княгиня З.Н. Юсупова в Кореизе. Фотография 1913 г. ГМУА.

На следующее утро к письму сделана приписка: *«Несмотря на широкую холодную постель, я спал прекрасно; велел хорошенько растопить камин, и сейчас сижу у дымящегося чайника, смотрю на проясняющийся, но все еще серый небосклон и на зелень, окружающую мой павильон; приятный уголок и приятное ощущение того, что здесь я недостижим для телеграфа…*

К моему павильону примыкает 150 аршин, по меньшей мере, оранжерея, в данное время пустующая, так как зимние ее обитатели красуются вдоль изгородей. Все вместе, как и парк, напоминает в большом размере Редентин (Приморское поместье в Мекленбург-Шверине. — ***А.Б.***) *с причудливым прибавлением построек, изгородей, террас и статуй. Теперь я иду гулять»*[344].

Н.И. Троцкая. Заведующая Отделом музеев Наркомпроса. Фотография 1920-х гг.

Автор этого романтического описания Архангельского граф Отто фон Бисмарк, будущий германский «железный канцлер», бывший в 1859–1862 годах послом Пруссии в России, человек вовсе не романтических настроений. Интересно, что в Петербурге он жил на Английской набережной в доме графа Стейнбока (потом Кокорева) на углу Замятина переулка. Эта часть города тесно связана с историей Петербургского Английского собрания.

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, последняя владелица Архангельского, опубликовала на страницах «Русского Архива» несколько небольших заметок об истории своей семьи и ряд документов из семейного архива, в том числе посвященных «железному канцлеру».

Традиции русской придворной жизни складывались так, что вплоть до начала XX века Архангельское выполняло неофициальную роль царской подмосковной резиденции. Романовы сколько ни пытались, но на протяжении всего 19-го столетия так и не смогли обустроить для себя официальную резиденцию вблизи древней столицы России, как это полагалось по этикету. Дворец в Коломенском сломали, дворец в Царицыне так и не отделали. «Петровский замок» или дворец в Нескучном на роль парадной резиденции явно «не тянули». Поэтому ее функции выполняли усадьбы богатейших русских вельмож в ближайших окрестностях второй столицы. Архангельскому эта честь выпадала с завидным постоянством, начиная с царствования Александра I.

Вывеска санатория Министерства обороны СССР «Архангельское». Любительская фотография 1950-х гг. Собрание автора.

Николай I стал первым императором, в честь которого в дни коронации в 1826 году в усадьбе устраивался пышный коронационный прием. Императрица Мария Федоровна после этого осталась в Архангельском на несколько дней «запросто» — отдохнуть от празднеств в обществе милого, старого друга — князя Николая Борисовича.

В честь приездов представителей царского рода в имении

регулярно проходили пышные праздники. После посещения императорской особой парк Архангельского украшался очередным памятным монументом — традиционной колонной. Разумеется, царских приездов бывало значительно больше, чем установлено колонн. Просто в память об очередном посещении на постамент памятника устанавливалась дополнительная доска, где отмечалась дата приезда. Имелась еще «книга почетных посетителей», из которой после революции имена «владетельных особ» безжалостно вымарывались новыми хозяевами имения.

Последний коронационный прием устраивался в Архангельском в честь последнего императора из рода Романовых — Николая II. Это торжественное событие памятником отметить успели, но сохранился он только на фотографии. Монумент возвышался на главной оси партера, ближе к оранжереям и явно мешал при эксплуатации здания военного санатория. Переносить его не стали, а просто ликвидировали — по соображениям «классового характера» в том числе. Архангельское также постоянно посещали иностранные коронованные особы и дипломаты высшего ранга, для которых давались обеды, устраивались театральные праздники и фейерверки.

Последний раз сами законные владельцы побывали в своем имении летом 1917 года. Уже осенью к их титулу прибавилось слово «бывшие»…

Князья Юсуповы благополучно успели ускользнуть из объятой революционным пламенем родины, тогда как основная часть их богатств и громадный архив перешли в пользование пролетариата. Надо сказать, что попользовался он ими на славу[345].

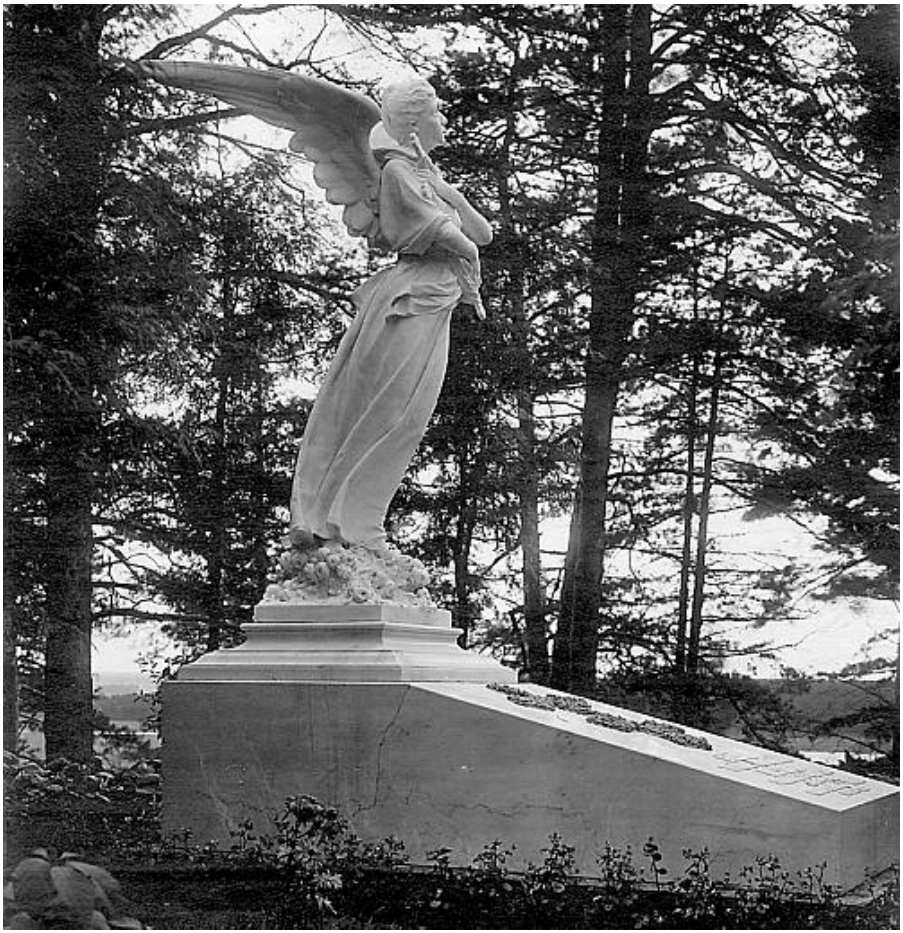
Первым истинно пролетарским «пользователем» Юсуповских богатств стал Лейбла Давидович Бронштейн — второй по значимости после Ленина вождь мирового пролетариата. Он жил в России под псевдонимом Лев Троцкий. Его супруге, Наталье Ивановне Троцкой, после переезда советского правительства из Петрограда, очень не понравилась Москва, которую большевики одно время думали переименовать как раз в Троцк. Наталья Ивановна, по известной аналогии, предпочитала круглый год жить за городом.

Надо отдать должное первым большевистским вождям — вкус к усадебной жизни у них имелся отменный, не то, что в более позднее время, когда все свелось исключительно к номерным Горкам — 1,2,3 и так далее. Нарком просвещения А.В. Луначарский избрал своей резиденцией музей-усадьбу Вяземских-Шереметевых «Остафьево», причем пользовался ею вместе с бывшими владельцами, графами Шереметевыми, теми, кто не

успел или не смог сбежать. Шереметевы, как и Юсуповы, состояли многолетними членами Московского и Петербургского Английских клубов, где проводили немало времени. Сохранились милые воспоминания о том, что когда просвещенному наркому хотелось подарить своей подруге жизни, актрисе товарищ Розенель какой-нибудь изящный музейный экспонат, он вступал в споры и пререкания с «бывшим графом». Не даром даже «литературный вождь пролетариата» Демьян Придворов-Бедный рифмовал в своих эпиграммах Розенель и панель. Луначарский в долгу не оставался, отвечал не менее хлестко. Он обозначал истинные имена Демьяна только первоначальными буквами слов — «б» и «ж». Остальное читать стыдно.

Корпус санатория «Архангельское». Современная фотография автора.

У Троцких же все обстояло иначе, «во вкусе милой старины». По слухам, жесточайший диктатор, уничтоживший не один миллион человек, в семейной жизни оставался тих и мил, искренне боялся своей супруги — своеобразной революционной Кабанихи. Впрочем, в завещании, написанном за полгода до трагической гибели, Троцкий признавался, что «рядом со счастьем быть борцом за дело социализма, судьба дала мне такое счастье быть ее мужем» в продолжение сорока лет.



М.М. Антакольский. «Ангел». Надгробие княжны Т.Н. Юсуповой возле усадебной церкви Архангельского. Фотография 1900-х гг. (Памятник перенесен в павильон.)

Под «дачку» вождь скромно занял второй этаж дворца, переоборудованный последними владельцами по последнему слову техники. Помещения предоставляли редкостный в революционное время комфорт. Встречаются сведения о том, что в театре Гонзага располагалась собственная электростанция (в цокольном этаже); не имелось проблем с водой или канализацией, второй этаж Большого дома имел собственную систему отопления. К тому же его наполняли уникальные художественные сокровища, непрерывно пополняемые за счет свозимых из соседних помещичьих усадеб ценностей.

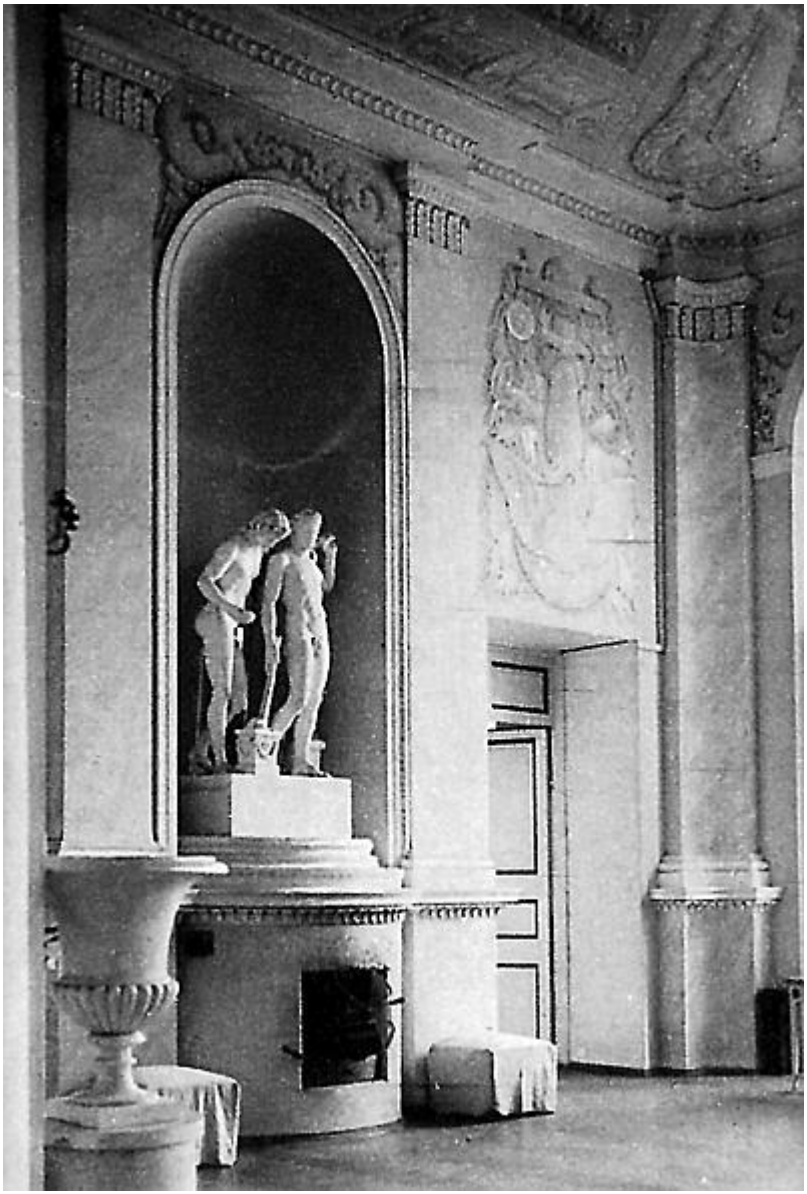
Окна «дачки» Троцкого выходили на Пушкинскую аллею, символизируя то, что действительно «во всем виноват Пушкин». В путеводителях 1920-х годов стыдливо указывалось, что второй этаж дворца закрыт для посетителей. Революционная дачная

идиллия длилась вплоть до высылки Льва Давидовича «в Алма-Аты».

Г.К. Барт. «Скорбь». 1908. Надгробный памятник князю Николаю Феликсовичу Сумарокову-Эльстон возле усадебной церкви в Архангельском. Современная фотография (перенесен в парк усадьбы).

В Архангельское же следом прибыл другой нарком вооруженных сил — маршал Климент Ефремович Ворошилов. Он приказал построить в имении новый дворец, да не один, а сразу два. Дворцы предназначались для отдыха офицерского состава Красной Армии. Для этого пришлось снести две обширные Юсуповские оранжереи на партере усадебного парка. Новое строительство осуществлялось по проекту архитектора, профессора Владимира Петровича Апышкова (1871–1939), подошедшего к проектиоваию в историчской усадьбе с большой долей тактичности. Ведь к 1934 году, когда началось

строительство новых корпусов, в Архангельском уже второе десятилетие действовал музей. К тому же у архитектора с богатым дореволюционным стажем имелся вкус и чувство ансамбля, в те времена весьма редкостные качества. Да и главный заказчик постройки санатория — маршал Ворошилов считал себя поклонником русского классического искусства и пролеткультовских вывертов не терпел. Новые дворцовые корпуса не закрыли главного сокровища Архангельского — его партера и лишь сузили границы грандиозной панорамы на заречную луговину. Сами корпуса тоже вполне заслуженно стали носить название «новых дворцов». Замечательную художественную решетку вокруг усадьбы и санатория спроектировала дочь наркома Лазаря Моисеевича Кагановича.

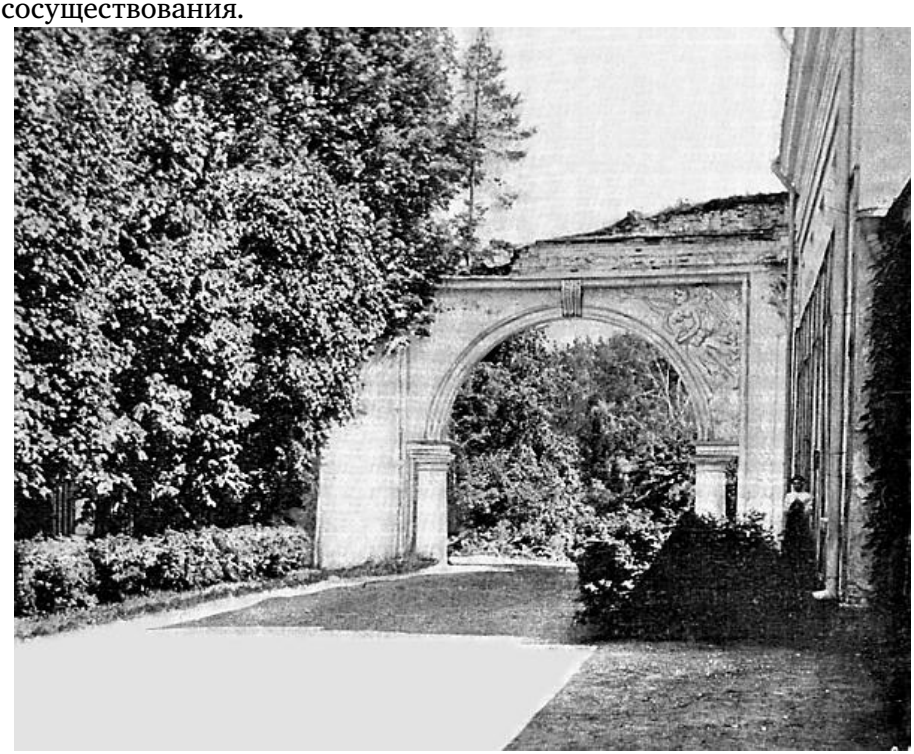


Архангельское. Вестибюль Главного усадебного дома. Неизв. итальянский скульптор. «Кастор и Поллукс». Копия начала XIX в. с античного оригинала. Фотография 1900-х гг.

К сожалению, военным очень не терпелось поскорее переехать в Юсуповскую вотчину, поэтому они не дождались отделки новых корпусов, а принялись за переделку флигелей Большого дворца под санаторские палаты. Благо, что внешне они не перестраивались, а удалялась лишь часть интерьеров.

Суровые ревнители истории могут с негодованием заметить,

что вот де Управление тыла Красной Армии уничтожало уникальный ансамбль. Так ли это? Вокруг Москвы к началу XX века сложился уникальный усадебный пояс, насчитывавший порядка сотни ценных в художественном отношении усадеб. До наших дней от него сохранились лишь весьма поредевшие жемчужинки. Среди утраченных оказались и художественные ансамбли первой величины. Архангельское же уцелело. И не просто уцелело, но вплоть до начала 1990-х годов тщательнейшим образом поддерживалось — лелеялось и холилось. У Юсупова в парке трудилось не менее полусотни крепостных. В советское время военные постоянно выделяли для благоустройства и охраны парка «солдатиков». Теперь, когда у нашей армии отсутствуют прежние материальные возможности, а парк передан в руки немногочисленных, согласно штатному расписанию, музейных служителей, невольно думаешь, что только соседство военных и музейных работников способно было так долго поддерживать хрупкую красоту Архангельского, а хорошее, полезное в этом альянсе явно перевешивало неизбежные негативные стороны всякого вынужденного коммунального сосуществования.



«Римские руинные ворота». Снесены. Фотография 1900-х гг. ГМУА.

Началась же музейная история Архангельского «красным

днем календаря» — 1 мая 1919 года, когда во дворец пришли первые посетители. Эта дата официально отмечается в качестве дня рождения музея. На самом деле Юсуповские служащие всегда очень ревностно, по-музейному, охраняли доверенное им «барское добро». В Московском и Петербургском дворцах, да и в Архангельском, в революционные дни 1917 года погромы не состоялись, хотя вообще усадьбы и дворцы в России с 1905 года полыхали вовсю. Более того, в первые месяцы революции бывшие княжеские слуги получили от большевиков «Охранную грамоту» на дворец и его коллекции от Военно-революционного комитета Москвы за подписью самого наркома новой культуры А.В. Луначарского. По другим сведениям, добилась этого еще сама княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, которой в советской части России в то время вроде бы и не наблюдалось. Эта «грамота» в известной мере позволяла сохранить целостность княжеского имущества от революционных «реквизиций» — ведь в революционное время обобществлению подлежало все — от девушек и до библиотек, насчитывающих более 300 томов! Что уж говорить о Юсуповских сокровищах. 23 октября 1918 года новая власть выпустила Декрет «О национализации имений Архангельское, Останкино и Кусково», чем создала законность размещения в имениях музеев. Тогда же Ленин подписал Декрет о национализации Треьяковской галереи, принесенной создателем в дар Москве.

Говоря об уникальном Юсуповском собрании, надо сказать и о работниках музея-усадьбы «Архангельское». После ликвидации в 1925 году музея в Юсуповском дворце в Ленинграде в усадьбу вернулось всего лишь порядка сотни полотен из более чем шестисот, некогда насчитывавшихся в коллекции при жизни князя Николая Борисовича и вывезенных из усадьбы князем Борисом Николаевичем. Этим небольшим экспозиционным материалом музейные работники смогли не просто заполнить обширные залы Большого дворца, но и создать полноценную экспозицию, в известной мере отражавшую художественные вкусы и привязанности бывшего владельца Архангельского, приблизив некоторые залы к их убранству времен расцвета усадьбы.

Перестроечное время не самым лучшим образом отразилось на жизни музея-усадьбы «Архангельское». В 1985 году музей был закрыт на реставрацию, в которй очень нуждались его сооружения. Все работы предполагалось завершить в 1995 году. Однако финансирование работ вскоре было прекращено и реставрация растянулась на два долгих десятилетия. За это время

от военного ведомства музей перешел в ведение Российского министерства культуры. И если с музейными зданиями и фондами эти десятилетия все обстояло более или менее сносно, то вот с территорией памятника, его охранной зоной, с инфраструктурой для приема посетителей возникли большие проблемы, которые музей не мог решить без поддержки широкой общественности.

Юсуповский дворец на Мойке. Интерьер Столовой на половине молодых. Фотография 1916 г. ГМУА. Тарелки из серии «Розы». 1824–1827 гг. работы фарфорового заведения в Архангельском.

Московский Английский клуб не коммерческая организация и у него нет средств на финансирование больших и сложных работ. Зато Английский клуб обладает большим общественным весом; к мнению его членов внимательно прислушиваются представители государственной власти. Поэтому не случайно председатель Правления клуба Олег Ефимович Матвеев выступил инициатором создания Попечительского Совета музея-усадьбы «Архагельское». Сопредседателями Совета дали согласие стать президент Российской Академии архитектуры и строительных наук, президент МАРХИ Кудрявцев Александр Петрович, Матвеев Олег Ефимович, президент Союза музеев России, директор Государственного Эрмитажа Пиотровский Михаил Борисович.

Вид Юсуповского дворца от Поцелуева моста. Литография Ш.-К. Башелье по оригиналу И.И. Шарлеманя и Дюрюи. 1850 гг.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮСУПОВСКИЙ ДВОРЕЦ

5 марта 1830 года князья Юсуповы — Борис Николаевич и его мать Татьяна Васильевна приобрели в Петербурге на Мойке, 94, дворец, который навсегда вошел в историю в качестве Юсуповского, хотя и до этого исторического дня у здания имелось немало знаменитых владельцев. Главный представитель рода — князь Николай Борисович, скорее всего, ни разу не перешагнул дворцового порога, хотя многое здесь дышит памятью о нем.

Старому князю в новом дворце посвящался парадный Николаевский зал, украшенный бюстами Николая Борисовича и Бориса Николаевича Юсуповых, работы известного русского скульптора И.П. Витали, а также императора Николая I, изображенного в виде древнерусского воина, работы скульптора графа Ф.П. Толстого.

Внешний облик Юсуповского дворца на Мойке, в котором с 1830 по 1917 год происходили все главные события в жизни князей Юсуповых, достаточно скромен. На первый взгляд это просто большой петербургский дом с протяженным и скучным фасадом, каких немало в Северной столице. Зато внутри дворец напоминает драгоценный ларец, поделенный на множество отделений, ни одно из которых не повторяет соседнее, — в нем свыше ста помещений. В отделке интерьеров дворца оказались слиты воедино самые разные архитектурные стили, соединены разные исторические эпохи, отражены эстетические вкусы и пристрастия пяти поколений Юсуповых, живших здесь на протяжении почти целого века русской истории. Каждый из

потомков князя Николая Борисовича вносил в облик дворца что-то свое, обыкновенно отдавая дань как архитектурной моде эпохи, так и постоянно возроставшим требованиям комфорта[346].

Юсуповский дворец на Мойке в Петербурге. Фотография 1890-х гг. ГМУА.

История Юсуповского дворца началась почти одновременно с историей Северной Пальмиры. В 1737 году на месте дворцового комплекса существовало несколько мелких участков, среди которых выделялась мыза князя Михаила Голицына с садом, деревянным домом и прудом. В 1740-х годах территория перешла к графу Петру Ивановичу Шувалову, участнику переворота, возведшего на престол «дщерь Петра» Елизавету. Сын его, граф Андрей Петрович, продал в 1767 году так называемый «старый дворец», а сам купил у соседа «дворцовое место без всякого строения» — незастроенные пространства Петербурга тогда еще оставались очень велики.

Юсуповский дворец. Парадная лестница. Фотография 1900-х гг.

В 1770 году Жан Батист Мишель Валлен-Деламотт, французский архитектор, член Флорентийской и член-корреспондент Парижской Академий построил здесь по заказу графа Шувалова великолепный дворец в стиле раннего классицизма[347].

В 1789 году после смерти графа А.П. Шувалова дворец на Мойке был куплен в казну. Императрица Екатерина II очень любила племянниц «светлейшего князя Тавриды». В 1795 году она подарила одной из них — фрейлине Александре Васильевне Браницкой, рожденной Энгельгардт, бывший Шуваловский дворец. Дворец на Мойке стал щедрым, но явно ненужным владелице царским подарком. Александра Васильевна приходилась родной сестрой жене князя Николая Борисовича Юсупова и матерью знаменитой красавицы княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, чей супруг — Наместник Кавказа светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, кстати, был почетным членом как Петербургского, так и Московского

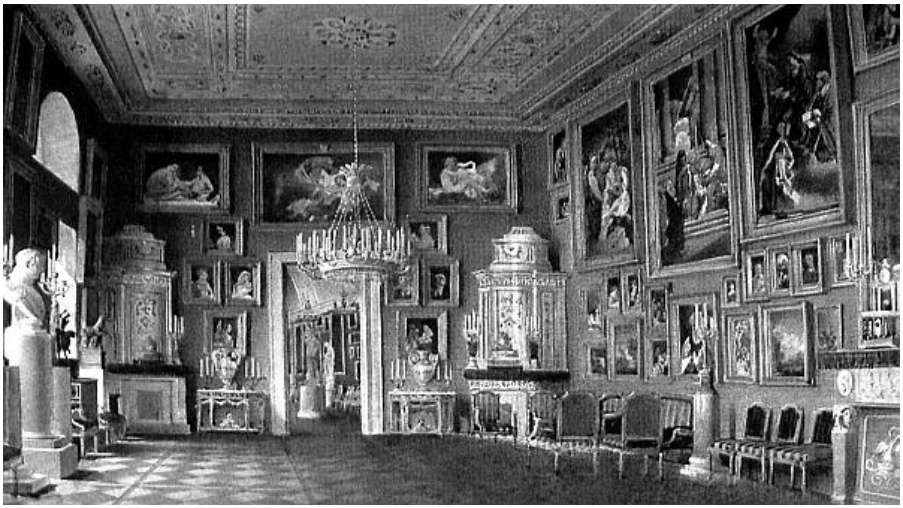
Английского клубов, хотя обедать предпочитал в Английском клубе Одессы, где долгое время служил в качестве Одесского генерал-губернатора.

Юсуповский дворец. Картинная галерея. Античный зал. Фотография 1900-х гг.

После вступления в брак с коронным гетманом Польши Францискoм-Ксаверием Браницким Александра Васильевна, будущая теща князя М.С. Воронцова, большую часть года жила в любимом своем имении на юге России — знаменитой Белой Церкви. Приезжая в Петербург, она обыкновенно останавливалась на правах родственницы непосредственно в Зимнем дворце или в своем доме на Невском, 86. Будущий Юсуповский дворец на Мойке ею никогда не использовался, но продать царский подарок считалось неэтичным. Только после кончины императрицы и ее любимого внука Александра I графиня Браницкая уступила дворец сестре Татьяне Васильевне, во втором браке княгине Юсуповой, точнее — сразу ее сыну князю Борису Николаевичу, видимо, чтобы потом лишний раз не платить налогов за

наследование.

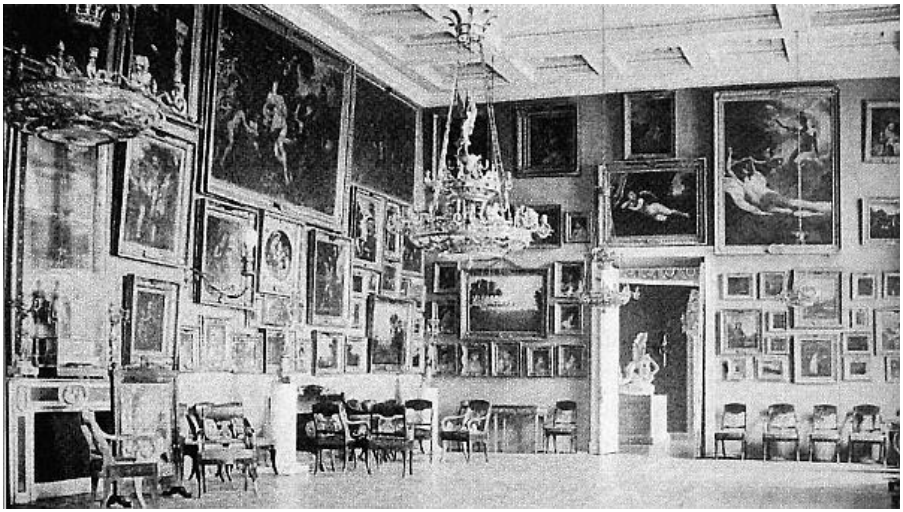
Князь Борис, в повседневной жизни отличавшийся редкостной скупостью, на новое жилище смотрел как на своеобразную парадную вывеску, призванную поддержать фамильную честь. Поэтому на отделку и переделку дворца денег он не жалел.



В.С. Садовников. Римский зал Юсуповского дворца. 1850 гг. Акварель.

К 1837 году сюда были свезены почти все художественные коллекции князя Николая Борисовича Юсупова. В Архангельском осталась библиотека и большие по размеру полотна. Кое-что из второстепенной живописи продолжало служить украшением московского дома и провинциальных вотчин.

Юсуповы не рассматривали свой дворец на Мойке в качестве неприкасаемого памятника архитектуры. В его облик постоянно вносились различные дополнения и изменения. Последняя переделка части парадных и жилых комнат завершилась в канун 1917 года. Работы вел Феликс Феликсович-младший. Однако насладиться жизнью в новых покоях так и не успел. Устроенная в подвальном этаже и отделанная с большим вкусом столовая князя Феликса послужила российской истории. Именно здесь разыгралась основная сцена из драмы под названием «убийство Распутина». Теперь она с большой достоверностью воспроизведена в музейной экспозиции, развернутой на месте трагических событий.



Зал «Прециоза» в Юсуповском дворце. Фотография начала XX в. ГМУА.

Вокруг Юсуповского дворца, который никогда не выпадал из культурной жизни Петербурга-Ленинграда, был открыт для посетителей и в качестве музея, и в качестве одного из профсоюзных «домов», сложилась весьма своеобразная, легендарная аура. Вероятно, способствует ей и Григорий Ефимович Распутин… Так, говорят девушке достаточно взглянуть в одно из дворцовых зеркал, как тут же появится долгожданный жених. Вообще о дворце много говорят и его неофициальная история может оказаться много богаче истории официальной.

Сохранились немногочисленные фотографии, на которых видно, что художественная коллекция Николая Борисовича, пополненная покупками его потомков, располагалась в обширных залах дворца и специально устроенных парадных помещениях музейного типа довольно плотно. Картины размещались по принципу «ковровой» развески, в соответствии с модой и традициями того времени. Живопись дополняли многочисленные скульптуры и произведения декоративно-прикладного искусства — часы, светильники, мебель. Николай Борисович-старший обладал лучшей и крупнейшей в России частной коллекцией гобеленов, которая уступала только Эрмитажному собранию. Позднее она бесследно растворилась в самых разных фондах. Нет даже относительно полного каталога. А ведь когда-то гобелены составляли весьма значимую часть убранства парадных залов дворца.

Юсуповский дворец. Личные покои князя Ф.Ф. Юсупова-мл. Столовая. Экспозиция «Убийство Григория Распутина». Скульпторы А. Лунин, В. Волков. 1993.

После прихода к власти большевиков в Юсуповском дворе недолгое время располагался один из богатейших художественных музеев Петрограда. Затем музей сочли лишним. К тому же началась подготовка к распродаже музейного фонда дореволюционной России.

О судьбе уникальных коллекций Юсуповского дворца написано много, хотя до конца так и не выяснено, — куда же делась значительная часть собрания, как растворилась в бездонных закромах Госфондов (ГМФ — Государственный музейный фонд), как разошлась «на нужды мировой пролетарской революции». Лучше всех знает об этом беспристрастная госпожа статистика. Цифры передаточных описей, как пишет выдающийся исследователь коллекции Юсуповых Л.Ю. Савинская, дают такую яркую картину распыления крупнейшего частного собрания

Российской империи. *«Из общего числа картин (1182) 277 передали в Эрмитаж, 126 — в Музей изобразительных искусств, больше всего — 614 — в ГМФ… из 519 скульптур собрания Юсуповых 109 были переданы в Эрмитаж… фарфора, стекла, фаянса изъято 4699 единиц, из них 1946 — в Эрмитаж, золото и драгоценные камни — 121, из них 94 в Комиссию Госфонда, мебель художественная — 523, из них 248 — в ГМФ…» 93 художественных произведения из Госфонда получил Музей-усадьба «Архангельское»*[348].

Юсуповский дворец. Личные покои князя Ф.Ф. Юсупова-мл. Кабинет. Экспозиция «Убийство Григория Распутина». Скульпторы А. Лунин, В. Волков. 1996.

О многих сокровищах Юсуповского собрания можно было бы рассказать, но я приведу самый скромный, а вместе с тем и самый характерный случай. Систематической распродажей юсуповских коллекций в государственном масштабе занимались все же партийные люди, вооруженные троцкистской идеей о мировой революции, в ходе которой, по их мысли, и без того все вернется трудовому народу. А тут с одним уникальным историческим документом расправилась бывшая гимназистка («окончивших гимназию» когда-то узнавали по походке!), сеятельница «разумного, доброго, вечного», педагог с полувековым стажем, глубокоуважаемая учительница математики Ракитянской школы Мария Петровна Соколова. Наверное, при последних Юсуповых ее

семья и сама она жили не так уж плохо, если простая крестьянская девочка, потомок Юсуповских крепостных, смогла до революции закончить гимназию в Обояни, получить превосходное, по тем, да и по нынешним временам, образование.

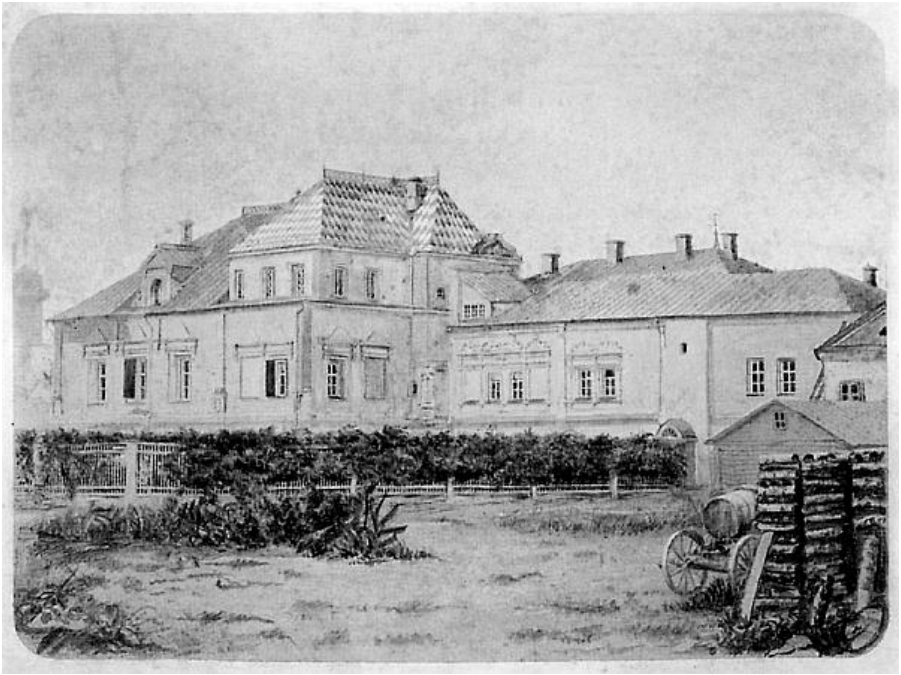
Юсуповский дворец. Зал «Прециоза». Современная фотография.

С нею встречался профессор культурологии и доктор технических наук Г.З. Блюмин. Вот что рассказал он об этом в своей книге. После революции *«…библиотеку Юсуповых сожгли на площади местные крестьяне* (в Ракитном. — ***А.Б.***). *Часть книг выхватывали из огня. Их позднее разыскивал Ираклий Андроников… М.П. посчастливилось завладеть одной. Это оказался дневник князя Юсупова в твердом переплете, отпечатанный на машинке. Помнит она оттуда слова Распутина, когда над ним бездыханным склонился князь Феликс: «Феликс! Феликс! Я тебя любил, а ты меня убил…» «Где же дневник?» — спросил я у старой учительницы. «В войну искурили», — был ответ»*[349]. Вот так. Просто и со вкусом. Эти бывшие революционно настроенные гимназисточки и Рафаэля бы на портянки пустили, попадись он им. А может, и попадался среди бездонных Юсуповских сокровищ какой-нибудь неучтенный шедевр мирового искусства?

Члены Санкт-Петербургского Английского собрания на Торжественном приеме. Парадная лестница Юсуповского дворца. 2002 г.

Возрожденный Петербургский Английский клуб многие свои торжественные мероприятия проводит в парадных залах Петербургского Юсуповского дворца; член клуба, директор Юсуповского дворцового комплекса Н.В. Кукурузова возглавляет также Юсуповский благотворительный фонд, одной из задач которого является восстановление и поддержание на европейском уровне памятных мест, связанных с родом князей Юсуповых, и, прежде всего, самого знаменитого из зданий Петербурга, принадлежавших князьям Юсуповым.

В декабре 2005 года Ксения Николаевна вновь побывала в «Северной Пальмире», в Петербурге, в Юсуповском дворце, где прошел ставший уже традиционным замечательный бал, устроенный в полном соответствии с традициями благотворительных балов, дававшихся князьями Юсуповыми в первые годы эмиграции в помощь остро нуждавшимся беженцам из России.



«Палаты боярина Волкова» в Большом Харитоньевском переулке в Москве до реставрации Раскрашеная фотография середины 1880-х (?) гг

И ныне многое остается непознанным в истории России, в жизни выдающихся русских людей. Один из них — князь Николай Борисович Юсупов. Хочется верить, что настоящая книга позволила приоткрыть покров тайны, скрывавшей некоторые страницы княжеской жизни. Лишь приоткрыть…

Юсуповский дворец. Скульптура сфинкса на парадной лестнице. Западная Европа. Конец XVIII в.

От автора

Настоящая биография князя Николая Борисовича Юсупова написана в жанре научно-популярного очерка. Приводимая краткая библиография послужила основным источником большей части изложенных фактов жизни и деятельности князя Н.Б. Юсупова, его предков и потомков. К сожалению, хоть сколько-нибудь надежной с фактической точки зрения и полной, строго научной биографии князя Н.Б. Юсупова до настоящего времени не создано. В различных научных трудах порой приводятся крайне противоречивые сведения. Это особенно относится к заграничным периодам жизни князя Юсупова. В тех случаях, когда нет возможности документально подтвердить дату того или иного события, мною приводятся все основные варианты, встречающиеся в литературе. Введение в научный оборот основной части обширнейшего архива князей Юсуповых, который находится в нескольких архивохранилищах, вероятно, в отдаленном будущем позволит ликвидировать все «белые пятна» в биографии князя Николая Борисовича Юсупова.

Приношу искреннюю благодарность за помощь в работе инициатору издания настоящей книги Председателю Правления Московского Английского клуба Матвееву Олегу Ефимовичу, а также директору ГМУ «Архангельское» Длугачу Владимиру Владимировичу и научному коллективу музея-усадьбы.

Особую помощь при подготовке книги оказали заместитель директора по учету и хранению ГМУА Гринева Людмила Владимировна и научный сотрудник музея Иванова Валентина Ивановна. Украшением книги стали рисунки художника Ивана Торопова.

Весьма признателен за помощь в работе над книгой директору Юсуповского дворца на Мойке в Санкт-Петербурге (СПб Дворец культуры работников просвещения), члену Петербургского Английского собрания Кукурузовой Нине Васильевне и ученому секретарю Юсуповского дворца на Мойке Симоновой Вере Михайловне.

Рукописные материалы:

Иванова В.И. Обзоры архивного фонда князей Юсуповых в РГАДА (архив ГМУ «Архангельское» инв. №№ 888НА, 889НА, 924НА).

Уникальные по своей полноте и качеству работы В.И. Ивановой выполнены на основе архивных материалов фонда Юсуповых. Они вводят в научный оборот многие совершенно новые данные о князе Н.Б. Юсупове и его эпохе. Хотелось бы пожелать автору, чтобы эти сведения были ею обработаны и на их основе написана полная научная биография князя Н.Б. Юсупова. Считаю своим долгом выразить В.И. Ивановой искреннюю признательность за любезное разрешение воспользоваться ее трудами.

Краткая библиография:

Подробная библиография трудов, посвященных роду князей Юсуповых, помещена в каталоге выставки «Ученая прихоть», что позволяет ограничиться здесь указанием лишь наиболее важных работ.

Ferrand, Jacques. Le princes Youssoupoff. Les comtes Soumarokoff-Elston. Chronique et Photographies. Paris., 1991

King, Greg. The murder of Rasputin: London. Century. 1996

Алеев А.Н. Между Мойкой и Канавой. СПб., 1996.

Алексеевский Б. Статья кн. Татьяна Борисовна Юсупова. Русский Биографический словарь.

Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 5.

Безсонов С.В. Архангельское. М., 1937. (Переиздание 2001 г)

Бисмарк в Москве и Архангельском // «Русский архив». 1908. № 11. Кн. 4. С. 381–384.

Блюмин Г.З. История в миниатюрах о знаменитом княжеском роде Юсуповых за четырнадцать веков VI — XX и многое дургое. М., 1995.

Булавина Л.И., Розанцева С.А., Якимчук Н.А. Архангельское. М., 1983.

Булгаков М.А. Собр. соч. М., 1988. Т. 2.

Буторов А.В. Московский Английский клуб. Страницы истории. М., 1999 г.

Буторов А.В. Собиратели и меценаты Английского клуба. М., 2002 г.

Буторов А.В. «И был великий эконом…» Экономика Юсуповского хозяйства. Журнал «Деловые люди» № 3. М., 2002 г.

Волович Н.М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. История театрального образования в России. СПб., 1913. Т. 1.

Греч А.Н. Архангельское. Подмосковные музеи. ОИРУ. М., 1925.

Данилова А.М. Ожерелье светлейшего. Племянницы князя Потемкина. Биографические хроники. М., 2003. (Сообщаю библиографам отчество автора — Михайловна а не Марковна или Митрофановна. Издательства «Изографус» и «ЭКСМО» от переполняющей их издательской культуры забыли его указать даже в виде первой буквы имени.)

Долгова С.Р. Рассказы о Москве. Из архивных находок. М.,

«Вече». 2009. (С. 159–176). Автор переименовала Адриана Викторовича Прахова в А. Проханова (С. 173).

Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском. Книга. Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994.

Евдокимова В.А. Памятник А.С. Пушкину в Архангельском. Художник. 1984. № 6. Вариант: альманах «Куранты». Выпуск 1, М., 1983.

Зиновьев В.Н. Записки. «Русская старина». 1878. Т. 23. № 12.

Иванова В.И. Начало возрождения. 1813 год в истории и судьбе Архангельского имения. Альманах «Красногорье». № 3. 1999.

Иванова В.И. Другой Юсупов. Князь Н.Б. Юсупов и его владения на рубеже XYIII–XIX столетий. М., 2011.

История рода князей Юсуповых: век X — век XXI. Текст О.В. Уточкина, концепция Г.И. Свешниковой. СПб., 2001.

Кашин Н.П… Консервативный современник декабристов. Былое. Кн. 1. Л., 1991.

Кашин Н.П. Театр Н.Б. Юсупова. М., 1927.

Кончин Е.В. Московские тайники. Московский журнал. № 2. 2000.

Кузнецова И.А. Собрание живописи князя Н.Б. Юсупова // Век Просвещения. Россия и Франция: Материалы научной конференции «Випперовские чтения, 1987». Вып. 20. М., 1989.

Кукурузова Н.В. Богаче Романовых? Финансово-экономическое состояние рода Юсуповых. СПб., 2007.

Курдюмов М. Кж. П.Г. Юсупова. Ст. в Русском Биографическом словаре.

Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа. Д.И. Фонвизин и изобразительное искусство. Л., 1986.

Масленникова Е.В. Судьба художественного собрания князей Юсуповых. Сб. Юсуповский дворец.

Милюков А.П. Доброе старое время. СПб., 1872.

Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. СПб., 1874.

Насонов А. Юсуповские вотчины в XIX в. Доклады АН СССР. 1926 г. Серия В.

Насонов А. Из истории крепостной вотчины XIX в. в России. Известия АН СССР. По отделу гуманитарных наук. 1928 г.

Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX вв. из ленинградских рукописных собраний. Под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л., Из-во АН СССР, 1960.

Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича. 1765 г. «Тетради Порошина…», «Русский

Архив», 1869 г. Выпуск 1.

Познанский В.В. Архангельское. М., 1966.

Прахов А.В. См. Сб. Юсуповский дворец.

Пыпин А.Н. Масонство в России XVIII — 1 четв. XIX в. М., 1997.

Рапопорт В.Л. Парк в Архангельском. М., 1971. (наиболее полное и тщательное описание истории и архитектурного облика усадебного комплекса).

Рапопорт В.Л., Унанянц Н.Т. Архангельское. 2-е изд. М., Искусство, 1981 (Города и музеи мира).

Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.

Романюк С.К. В поисках Пушкинской Москвы. М., 1999.

Романюк С.К. Из истории московских переулков. М., 2003.

Русские портреты XVIII–XIX вв… Издание Вел. Кн. Николая Михайловича. СПб., 1905–1909.

Русский биографический словарь. Т. Щапов-Юшневский. СПб., 1912. С. 345–354.

Савинская Л.Ю. Театр Гонзага в Архангельском. Альманах «Красногорье». № 2. 1998.

Савинская Л.Ю Письма Я.Ф. Хаккерта князю Н.Б. Юсупову. «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник 1989. М., 1990.

Савинская Л.Ю. Картины Дж. Тьеполо в Архангельском. Журнал «Искусство». 1980. № 5.

Савинская Л.Ю. Из истории итальянских картин в России. // Тьеполо и итальянская живопись XYIII века в контексте европейской культуры. Тезисы докладов. СПб.: ГЭ, 1996. С. 16–18.

Савинская Л.Ю. Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй половины XVIII — первой трети XIX века. (Об альбомах-каталогах собрания князя Н.Б. Юсупова). // Актуальные проблемы отечественного искусства. Межвузовский сборник научных трудов МГПУ им. В.И. Ленина. М., 1990. С. 49–65.

Савинская Л.Ю. Н.Б. Юсупов как тип коллекционера начала XIX века. «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник 1993. М., 1994.

Серков А.И. Русское масонство, 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.

Сивков К.В. Крепостная суконная фабрика в Архангельском в начале XIX в. Сб. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930.

Сивков К.В. Хрустальный завод в Архангельском в начале XIX в. Московский краевед. 1929. Вып. 4.

Сивков К.В. Бюджет крупного собственника-крепостника

первой трети XIX в. (на примере князя Н.Б. Юсупова). «Исторические записки». № 9. М., 1940.

Симонова В.М. А.С. Пушкин — Юсуповы. Архивные находки // Вестник архивиста. Специальный выпуск, посвященный 200-летнему юбилею А.С. Пушкина. М., 1999. С. 105–142. Это самая полная из новейших научных публикаций, посвященных биографии князя Н.Б. Юсупова.

Симонова В.М. Князь Н.Б. Юсупов-младший и его религиозно-философские воззрения. Сб. Юсуповский дворец. СПб., 2002.

Симонова В.М. «Люблю я жизнь твою…». Там же.

Синюхаев Б.Г. Садовая улица. Прогулки по Ленинграду. Лениздат. 1974.

Соловьева Т.А. Особняки Юсуповых в Петербурге. СПб., 1995.

Стрижева Н.Б. Из семейной переписки Юсуповых. Река Времен. (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 2.

Сыркина Ф.Я. Жизнь и творчество Пьетро ди Готтардо Гонзага. М., 1974.

Талалайкина В.Н. История герба князей Юсуповых. Сб. Юсуповский дворец.

Торопов С.А. Никольское-Урюпино. Подмосковные музеи. ОИРУ. М., 1925.

Унанянц Н.Т. Французская живопись в Архангельском. М., 1970.

Унанянц Н.Т. Картинная галерея музея «Архангельское». Западноевропейская живопись. М. 1973.

Уточкина О.В. Юсуповы в России и для России. Сб. Юсуповский дворец.

Уточкина О.В. Дворец в зеркале истории и современности. Сб. Юсуповский дворец.

Федоров Б. Князь Борис Николаевич Юсупов. СПБ., 1849.

Чаянов А.В. Московская гофманиада. М., 2006. Изд. Дом ТОНЧУ.

Шамурин Ю. И. Подмосковные. М., 2007. Изд. Дом. ТОНЧУ.

Эрнст С. История Юсуповской галереи. Юсуповская галерея французской живописи. Л., 1924, Сб. «Юсуповский дворец».

Юсупов Н.Б. мл. О роде Юсуповых. СПб., 1867–1868. Ч. 1, 2.

Юсупов Ф.Ф. Перед изгнанием. 1887–1919. С приложением писем. М., 1993.

Юсупов Ф.Ф. Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., Захаров, 2001.

Юсуповский дворец. Сборник. СПб., Арт-палас. Под ред. Г.И. Свешниковой, 1999. (Издание 2-е. СПб., 2002)

Юсуповский дворец. Мини-альбом. Сост. Г. Свешникова. СПб., б. г. (1997).

Юсуповский фарфор. Изделия фарфорового заведения князя Н.Б. Юсупова в Архангельском. М., 2009.

«Ученая прихоть» коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. Каталог выставки. М., Художник и книга, 2001. В каталоге приводится полная библиография, посвященная жизни и коллекционерской деятельности Н.Б. Юсупова. Помимо каталога выставки здесь опубликованы следующие статьи:

— Сахаров И.В. Из истории рода Юсуповых.

— Савинская Л.Ю. «…Циркуль зодчего, палитра и резец ученой прихоти твоей повиновались…»

— Маркова В.Э. Н.Б. Юсупов и его живописная коллекция.

— Бабин А.А. Французские художники — современники Н.Б. Юсупова.

— Коршунова М.Ф. Коронация 1801 года. Н.Б. Юсупов и Пьетро Гонзага.

— Бережная Н.Л. «Фарфоровый каталог» картинной галереи Н.Б. Юсупова.

Основные итоги современного научного изучения собирательской деятельности князя Н.Б. Юсупова подведены в статье Л.Ю. Савинской «Ученая прихоть». Журнал «Наше наследие» №№ 63–64 2002. С. 8–33.

Из новейших сочинений можно указать на путеводитель Е.Н. Грицак «Архангельское» в серии «Памятники мирового наследия». М., «Вече». 2007. Книга изобилует подробностями типа — московской газеты, принадлежавшей Н.В. Кукольнику (С. 104), хотя его «Художественная газета» выходила в Петербурге или перла вроде того, что А.И. Герцен «служил под началом Бориса Николаевича в Кремле и, видимо, имел с ним хорошие отношения» (С. 182). Герцен числился в Кремлевской Экспедиции у Николая Борисовича, а его сын Борис Николаевич в Кремле никогда не служил и никаких служебных отношений с Герценом иметь не мог. Досталось от госпожи Грицак и самому князю Николаю Борисовичу Юсупову. Действительного Тайного Советника она разжаловала на момент смерти до «действительного статского советника» (С. 182). Заодно приписала князю желание быть погребенным «рядом с отцом в родовой вотчине», хотя князь Борис Григорьевич был похоронен в Александро-Невской Лавре, а этот монастырь при всем богатстве рода никак «родовой вотчиной» Юсуповых служить не мог. И так далее, все в этом же милом дамском историческом духе, едва не через страницу.

notes

Примечания

1

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения… С. 14.

2

Самым блистательным примером такого легендарного «изучения» истории рода князей Юсуповых должно признать труд доктора технических наук и профессора политологии Г.З. Блюмина (см. библиографию). Он выводит княжеский род от пророка Магомета и царей египетских. Последнее, вероятно, связано с возникшей у россиян модой отдыхать на курортах Египта.

3

Талалайкина В.Н. История герба князей Юсуповых. В кн. «Юсуповский дворец». 2-е изд. С. 334–340.

Юсупов Ф.Ф. «До изгнания…». С.9.

5

Там же.

6

Сахаров И.В. Из истории рода Юсуповых. «Ученая прихоть». С. 29.

Юсупов Ф.Ф. «До изгнания…». С.12.

9

Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. Ч. 2. С. 3–5, 343–347. Русский Биографический словарь. Ст. Юсуповы.

10

От Ибрагим-мурзы происходит обширная ветвь рода Юсуповых, точнее — Юсуповых-Княжево, которая к началу XVIII столетия окончательно обеднела. Большинство ее представителей не смогли документально доказать своих прав на княжеский титул и утеряли его. О существовании этой ветви свидетельствуют изыскания отечественных генеалогов, а также «Алфавит членов Московского Английского клуба» в ОПИ ГИМа, другие документы.

Гурлянд И.Я. Указ. Соч. Сахаров И.В. Указ. соч.

Юсупов Н.Б. О роде Юсуповых…, Сахаров И.В. Указ. соч.

Талалайкина В.Н. Указ. соч.

Сахаров И.В. Указ. соч.

15

Там же. Григорий Дмитриевич являлся татарином уже наполовину.

16

Сахаров И.В. Указ. соч., РБС, Юсупов Н.Б О роде… По этим изданиям изложена основная биографическая канва Г.Д. и Б.Г. Юсуповых.

17

Юсупов Ф.Ф. «До изгнания». Справедливости ради надо сказать и о существовании второго источника родового проклятия — наказание за перемену Веры предков, которое на вторую ветвь рода как-то совсем не действовало. Просто были «бедные князья».

18

Цит. по изданию: Романюк С.К. «У Харитонья в переулке…» в кн. «В поисках пушкинской Москвы». С. 80–85.

Там же. С. 82.

Юсупов Н.Б. О роде Юсуповых…, ст. Г.Д. Юсупов.

21

Там же. Могила при советской власти, видимо, оказалась уничтожена, т. к. следов ее не удалось найти во время частичного археологического обследования подклета здания Собора в конце 1990-х гг. В первой половине XIX в. она была еще цела, и князь Николай Борисович Юсупов ежегодно заказывал в монастыре заупокойную службу.

Соловьев С.М. «История…». Т. 19. Кн. 3.

23

В нем текла уже только четверть крови далеких татарских предков.

Юсупов Н.Б. О роде…, ст. Г.Д. Юсупов.

25

Основными источниками биографических сведений о Б.Г. Юсупове являются: статьи в РБС, Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых…, Сахаров И.В. Указ. соч. и приводимые ниже работы.

О роде…, ст. Б.Г. Юсупов.

РБС, ст. кн. Б.Г. Юсупов.

28

Там же.

29

Там же.

30

О роде Юсуповых…

31

Там же.

32

В Русском Биографическом словаре приводятся следующие сведения: в 1741 г. князь определен Президентом Коммерц-коллегии, а в 1742 г. — Главным Директором Ладожского канала, вероятно, с совмещением этих должностей. Проверить даты назначений по другим источникам возможности не представилось.

РБС., ст. Б.Г. Юсупов.

Висковатов А.В. Краткая история первого Кадетского корпуса.

35

О дате рождения кн. Н.Б. Юсупова в 1751 г. см. ниже.

Соловьева Т.А. Особняки Юсуповых в Петербурге.

37

Синюхаев Б.Г. Садовая улица. С.135.

Сахаров И.В. Указ. соч.

39

Романычева И.Г. К биографии Ф.С. Рокотова. В Архангельском сохранилась целая комната «головок Ротари», предположительно доставшаяся Николаю Борисовичу среди немногочисленных картин из отцовского дома. Первоначально они украшали малый дворец «Каприз», а затем висели в одной из трех небольших комнат первого этажа дома, где обыкновенно жил сам владелец усадьбы. Современники Николая Борисовича были за редким исключением людьми злыми и завистливыми. Так, про эту комнату говорили, что она наполнена изображениями бывших любовниц Юсупова, тогда как на момент создания «головок» и смерти художника юному князю едва исполнилось десять лет, но может ли сплетников и особенно сплетниц остановить такая маленькая несуразность… В историю эта сплетня вошла благодаря исключительной памяти «бабушки Яньковой», дальней Юсупову родственницы, женщины не злой в принципе, но твердо придерживавшейся пресловутого «общественного мнения». Многие современные «исследователи» сплетню эту с завидным постоянством пересказывают и в наши дни, особенно в своих Table-tolk. Кстати, коллекция «головок» в Архангельском после революции весьма поредела. Большевистские «искусствоведы» отправили лучшие из них в пресловутый «музейный фонд», из которого только две вещи попали в Третьяковскую галерею. Теперь полотна лишили принадлежности кисти самого Пьетро Ротари, но их не смогли лишить удивительного обаяния той давней эпохи. Особенно хороши «Читательницы», знакомые многим любителям прекрасного по репродукциям в журнале «Работница», когда он издавался миллионными тиражами.

Висковатов А.В. Указ. соч.

41

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русский театр 2-й пол. XVIII в. Он же. Русский театр от истоков до середины XVIII в.

Висковатов А.В. Указ. соч.

43

Сведениями о современном состоянии могил Юсуповых в Александро-Невской Лавре я, к сожалению, не располагаю. В Интернете имеются сообщения об уничтожении части захоронений, но они нуждаются в дополнительной проверке.

Энцикл. Отечеств. История. т. 1. Ст. Голицыны.

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий… Любопытно, что Г.З. Блюмин видит в А.Б. Измайловой московскую тетку Татьяны Лариной, которая жила неподалеку от родового дома Юсуповых у Красных ворот. Между тем тетушка Татьяны, как сообщает А.С. Пушкин, носила титул княжны, чего никак не скажешь о замужней А.Б. Измайловой. Создается впечатление, что маститому доктору наук неведома разница между княжной и замужней дамой… Кстати, историки Москвы давно обнаружили и описали место расположения и сам скромный деревянный домик, который послужил прототипом для пушкинского «домика Татьяны Лариной», но что, спрашивается, литературное краеведение рядом со страстным желанием выдающегося политолога?

Сахаров И.В. Указ. соч.

Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых…. Е.Б. Юсупова. Сахаров И.В. Указ. соч.

Там же.

49

Булавина Л.И. и др. Архангельское. Раздел «Парадная спальня».

РБС., т. Юсупов.

51

Там же.

Иногда эти пометки оказывают большую пользу науке. Так, академик М.В. Нечкина при подготовке нового издания «Алфавита декабристов» через газету «Книжное обозрение» обратилась с просьбой сообщить в Институт истории Академии наук СССР все пометки, встречающиеся в первом издании «Алфавита». Многие из них помогли уточнить биографические данные декабристов.

Ныне в ГМУА. Сведения приводятся по РБС.

Этому посвящена статья кандидата наук В.М. Симоновой «Князь Н.Б. Юсупов-младший и его религиозно-философские воззрения» в сб. Юсуповский дворец., 2-е изд.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей.

Вот только мата Юсупов не переносил; его часто вставляла в собственные драматические сочинения императрица Екатерина Великая — маленькая женская слабость и естественное стремление правительницы «быть ближе к народу». Как искренне верующий человек, Николай Борисович знал учение о том, что Богородица на три года отворачивается от всякого, кто употребляет нецензурные выражения.

«Записки» А.Р. Воронцова цитируются по изданию «Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век». Ч. 1 М., Книгоиздательство «Задруга», 1914 («Русский Архив» 1883 г.) и 8а там же.

58

Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском. Книга. Исследования и материалы. Сб.68. М., 1994. С 320–336. В настоящее время высказывается предположение, что автором рисунка и надписи мог быть князь Николай Борисович — младший.

C. 325.

«Записки» А.Р. Воронцова.

Симонова В.М. А.С. Пушкин — Юсуповы. Вестник архивиста.

62

Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича. 1765 г. «Тетради Порошина…», «Русский Архив», 1869 г. Выпуск 1.

63

Там же.

«Записки» А.Р. Воронцова.

65

Там же.

Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч.

«Записки» А.Р. Воронцова.

Прахов А.В. Происхождение художественных сокровищ князей Юсуповых. В сб. Юсуповский дворец. С. 26.

РБС., ст. Н.Б. Юсупов.

РБС., ст. Н.Б. Юсупов.

Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Государственного Эрмитажа. Л., «Искусство», 1985.

«Столетие С.-Петербургского Английского собрания». СПб., 1870 (список членов).

73

Копия списка членов Московского Английского клуба 1831 г. в собр. современного Московского Английского клуба.

«Русский быт в воспоминаниях современников». Выпуск 2. М., 1922.

Серков А.И. «Русское масонство». Энциклопедический словарь. М., 2001. Ст. Юсупов.

Каталог выставки «Ученая прихоть».

Жихарев С.П. «Дневник студента». М., 1998.

Цит. по изданию Левинсон-Лессинг. Указ соч.

79

Цит. по изданию: Симонова В.М. А.С. Пушкин — Юсуповы… Вестник архивиста. Специальный выпуск, посвященный 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь…

Юсупов Б. Н. — мл. О роде Юсуповых…

82

Столетие С.-Петербургского Английского собрания: Исторический очерк. Воспоминания. Список Старшинам. СПб., 1870 (далее — «Столетие…»).

Романюк С.К. Из истории московских переулков. М., 1998.

84

Столетие… Вступление.

85

Там же.

Цит. по: Ежегоднику Санкт-Петербургского Английского клуба (собрания) на 2004 г.

87

Столетие…

88

В литературе бытует двоякое написание — Мальцев и Мальцов, что довольно характерно для ряда дворянских фамилий. Так, известный также по Владимирской губернии род Кузьминых-Караваевых первоначально писался как Кузьмины-Короваевы.

89

Столетие…

Лишь в 2005 году вышел «Очерк истории Петербургского Английского клуба», написанный петербургским историком-библиотекарем Л.В. Завьяловой.

Примером тому служат письма братьев Куракиных, Румянцевых и т. д.

Цит. по: Симонова В.М. Указ. соч.

93

Архив Князей Куракиных. Цит. по: Симонова В.М. Указ. соч. Публикатор перевода письма В.М. Симонова почему-то называет корабль «пароходом», хотя паровой двигатель на море появился только к концу жизни Юсупова, но вот хочется даме сделать приятное сиятельному князю. Он ведь и ее обаял, если судить по обилию и превосходному качеству трудов г-жи Симоновой, посвященных Николаю Борисовичу.

Опубликованы в Архиве князей Куракиных, в 1899 г. Цит. по Симоновой В.М. Указ. соч.

Там же.

Там же. Надо отметить, что к сибирскому генерал-губернатору Ивану Пестелю, отцу повешенного декабриста Павла Ивановича, упоминаемый Юсуповым ученый отношения не имел.

97

Датировка и перевод Е.В. Дружининой. См.: Дружинина Е.В. Указ. соч.

Там же. См. об этом также Симонову В.М. Указ. соч. В приводимом переводе вызывает некоторое сомнение обращение учителя к любимому ученику на ты — это совершенно не характерно для той галантной поры, хотя надо сказать, что современные переводы часто грешат приблизительностью передачи оригинала.

Дружинина Е. В. Указ. соч.

Симонова В.М. Указ. соч.

101

Там же.

102

Там же.

103

Там же.

РБС. Ст. Н.Б. Юсупов.

Симонова В.М. Указ. соч.

106

Сб. Юсуповский дворец. Ст. Прахова А.В. Происхождение художественных сокровищ князей Юсуповых.

107

Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков. М.; Л., 1960. Издание Академии наук СССР.

«Ученая прихоть». Каталог выставки. Выскажу и свое предположение о возможном месте пребывания знаменитого альбома. Князья Юсуповы в эмиграцию, скорее всего, драгоценного альбома не взяли, иначе этим наверняка бы похвалился князь Феликс Феликсович-младший в своих мемуарных книгах. Часть Юсуповского архива, хранившаяся перед революцией в Юсуповском дворце в Петрограде, после ликвидации действовавшего в нем дворца-музея оказалась разделенной. Принцип этого разделения понять очень сложно, но в одном «бездонном» государственном хранилище в Москве оказались собраны остатки буквально всего и вся — в том числе и Юсуповского архива. Мне постоянно приходится работать в этих фондах, поэтому я не стану называть коллекцию — люди знающие и без того догадаются; как сказал Репетилов про графа Толстого-Американца: «Не стану называть. Узнаешь по портрету». Эти громадные фонды постоянно, но очень медленно обрабатываются, после чего в научный оборот вводятся документы, увидеть которые сторонние исследователи мечтают десятилетиями. Так что остается только ждать… Не исключено, что «Альбом» мог попасть в это собрание во время Великой Отечественной войны, когда часть документов из музея-усадьбы «Архангельское» вывозилась в эвакуацию. На самом деле (эти данные еще совсем недавно считались секретными, по понятным причинам) многие музейные ценности из Москвы осенью 1941 года увезти не смогли. Они оказались сложены в здании одной из закрытых церквей, обладавшей весьма толстыми стенами. Церковь и ныне располагается в центре города неподалеку от набережной Москвы-реки. После возвращения эвакуированных ценностей почти все, что находилось в этом храме, оказалось передано не на прежние места хранения, а централизованно в одно государственное хранилище. Таким образом, произошло разделение ряда единых фондов, основная ценность которых заключалась именно в их целостности. Сколько можно понять, определенная часть Юсуповского архива оказалась именно там. К примеру, видимо, из этого собрания недавно выставлялись визитные карточки Натальи Николаевны и Александра Сергеевича Пушкина, довольно беспардонно вырванные из большого альбома, принадлежавшего князьям Юсуповым. Сам альбом просто не влезал в витрину. Однако не все еще потеряно. С надеждой увидел я на полях рукописи книги слова: «Просим в РГАДА!» Это написал один из ученых-рецензентов из музея-

усадьбы «Архангельское», прочитав данное обширное примечание. Так что можно верить в то, что при открытии новой экспозиции Большого дома в музее-усадьбе «Архангельское» муляжи самых интересных страниц знаменитого альбома займут в ней достойное место.

109

Сб. Юсуповский дворец. Ст. А.В. Прахова.

110

Там же.

111

Юсупов-младший Н.Б. О роде Юсуповых… Ст. о Н.Б. Юсупове.

112

Переписка императрицы Екатерины II с Вольтером. Цит. по Симоновой В.М. Указ. соч.

Симонова В.М. Указ. соч.

Соловьева Т.А. Особняки Юсуповых в Петербурге. СПб., 1995.

115

Безсонов С.В. Архангельское.

«Августейшему путешествию» посвящено немало изданий и несколько музейных выставок, организованных уже в наши дни. По ним дается основная хронология поездки, но лишь в общих деталях, непосредственно связанных с главным героем книги.

117

Булавина Л.И., Розанцева С.А., Якимчук Н.А. Архангельское. М.,1993.

Рапопорт В.Л. Парк Архангельского.

К примеру, госпожа Л. Зонина во вступительной статье к знаменитой драматической трилогии, названной «Жизнь и похождения Пьера-Огюстена Карона де Бомарше», цитирует, как водится, А.И. Герцена, но о князе Юсупове молчит. Это издание выпущено «Правдой» в 1984 г. Такое вот «приключение», многократно повторяемое в других изданиях.

Цит. по: Симонова В.М. Указ. соч.

121

О роде Юсуповых… На страницах книги мною цитируется несколько писем августейших особ, обращенных к Николаю Борисовичу. Для современного читателя, которому редко приходится иметь дело с эпистолярным наследием времен давно минувших, нужно сделать небольшое орфографическое пояснение. Цари и царицы обязаны были писать себя с заглавной буквы — Я. Поэтому обращение вы, они писали с прописной буквы, хотя в переписке людей обычных правила приличия предполагают написание обращения Вы в адрес конкретного человеку с буквы заглавной. На эту сторону писем в прошлом смотрели очень пристально, совсем не так, как в наши дни, когда писать письма уже почти разучились.

Симонова В.М. Указ. соч.

123

Научный архив ГМУА. № 924 НА.

124

О роде Юсуповых…

125

Зиновьев В.Н. Воспоминания. Русская старина. 1878. Т.23. № 12.

Сыркина Ф. Пьетро Готтардо ди Гонзага. Жизнь и творчество. Монографическое исследование и сочинения. М., 1974.

127

О роде Юсуповых…

128

Там же.

129

Там же.

130

Русский архив. 1916. № 5. (Записки неизвестного чиновника Оружейной палаты.)

131

Сб. Юсуповский дворец. Статья А.В. Прахова.

132

Этот исторический анекдот известен в нескольких вариантах, отличающихся только в количестве отобранного и возвращенного царем имущества.

133

История усадьбы подробно изложена в книге В.Г. Синюхаева. Садовая улица. Л., 1974.

РБС., О роде Юсуповых…

135

Там же.

136

Там же.

137

Каталог выставки «Ученая прихоть». Раздел «Шпалеры».

Там же. Раздел «Скульптура».

Дружинина Е.В. Указ. соч.

Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч.

141

О роде Юсуповых…

142

Там же.

Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч.

144

Там же.

Как сказал по этому поводу полтора столетия спустя «великий вождь и учитель народов земли»: «Кадры решают все».

Надо заметить, что фамилия актера в разных источниках пишется двояко — то Дмитревский, то Дмитревской, а то и вовсе — Дмитриевский, что связано с разными формами написания имени собственного — Дмитрий и церковного — Димитрий.

Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989.

Всеволодский-Гернгросс. Указ. соч.

149

Там же.

150

Там же.

Дружинина Е.В. Указ. соч.

Сыркина Ф.Я. Указ соч.

153

Цит. по Сыркиной Ф.Я. Указ. соч.

Сахаров И.П. Указ. соч.

155

Вел. кн. Николай Михайлович. Русские портреты.

Цит. по сб. Юсуповский дворец.

157

Данилова А.М. Ожерелье светлейшего. Дабы история брака Николая Борисовича не навеяла грустных мыслей, могу порекомендовать читателю познакомиться в книге А.М. Даниловой еще и с рассказом о брачном союзе княгини Марии Николаевны Волконской, рожденной Раевской, и князя Сергея Григорьевича Волконского. Эта счастливая пара «великих борцов за свободу», декабриста и декабристки, в свое время породила немало сладко-кисельных сочинений, начиная с поэмы члена Петербургского Английского собрания Н.А. Некрасова «Русские женщины». На самом деле отважная княгиня почти открыто изменяла своему дражайшему герою-супругу не с одним, а сразу с двумя декабристами — братьями Поджио, также ссыльными героями-революционерами — товарищами по несчастью и… У Юсуповых же все оставалось в рамках приличий и никаких скандалов. «Восток — дело тонкое», если вспомнить все о тех же «татарах»…

158

О роде Юсуповых…

159

Там же.

Левинсон-Лессинг В.Ф. Указ. соч.

161

РБС. Ст. Н.Б. Юсупов.

162

Там же.

163

Там же.

164

О роде Юсуповых…

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Указ. соч.

166

О роде Юсуповых…

167

РБС. Ст. Н.Б. Юсупов.

Сб. Юсуповский дворец.

169

Цит. по: ГМУА № 924 НА.

К такому выводу пришла В.И. Иванова. См. ГМУА № 924 НА.

171

Хронику событий по документам Юсуповского архива в РГАДА восстановила В.И. Иванова. См. ГМУА № 924 НА.

172

ГМУА № 924 НА.

При этом в первую очередь мною использовались выводы о хронологии событий, сделанные В.И. Ивановой на основе обнаруженных ею документов. См. «Информационно-аналитический обзор документов и материалов 1790–1811 годов из архива князей Юсуповых», который явился также источником цитируемых фрагментарно документов, кроме особо оговоренных. Ссылки на места хранения документов, упомянутых в «Обзоре», читатель может найти в научном архиве ГМУА. В дальнейшем ГМУА № 924 НА.

174

О роде Юсуповых.

175

ГМУА № 924 НА.

Сб. «Юсуповский дворец».

177

Там же.

178

ГМУА № 924 НА.

Вообще Юсупову в общении с Нарышкиными как-то мало везло; большинство представителей этого рода являлись людьми малосимпатичными. Они и в своей-то собственной семье постоянно не ладили.

В.И. Иванова восстановила историю покупки Архангельского по документам Юсуповского архива. Подготовленный ею «Информационно-аналитический обзор документов и материалов 1790–1811 годов из архива князей Юсуповых» явился основным источником цитируемых преимущественно фрагментарно документов. Ссылки на места хранения документов читатель может найти в научном архиве ГМУА № 924 НА.

181

ГМУА № 924 НА.

182

Там же.

183

Там же.

184

Там же.

Более подробную информацию об истории и современной деятельности Московского Английского клуба можно найти в написанной мною книге «Московский Английский клуб. Страницы истории». Москва, 1999, а также на сайте клуба www.anglclub.ru.

«Русский быт в воспоминаниях современников». Москва. «Задруга». 1914.

187

«Исторический вестник» № 1, 1887.

Биографии этих людей очень тщательно восстановила В.И. Иванова, благодаря чему впервые удалось узнать о тех, кто составлял «ближний круг» князя. Материалы ее исследования хранятся в ГМУА № 924 НА. Фрагменты из документов цитируются по данному научному обзору.

189

ГМУА № 924 НА.

190

ГМУА № 924 НА.

191

ГМУА № 924 НА.

192

ГМУА № 924 НА.

193

ГМУА № 924 НА.

194

ГМУА № 924 НА.

Эти уникальные документы нашла В.И. Иванова в Юсуповском архиве. Читатель может ознакомиться с их копиями в собрании научного архива ГМУА, инв. № 888 НА.

196

ГМУА 924 НА.

197

ГМУА № 924 НА.

198

ГМУА № 888 НА.

Впрочем, порыться в чужом кошельке иному человеку бывает приятно, особенно если кошелек принадлежит человеку богатому, а собственный с богатствами как-то не дружит. Приводимые материалы старых советских историков удалось дополнить архивными изысканиями В.И. Ивановой из ГМУА, чьи труды внесли много нового в исследование биографии князя. Она имела возможность работать с описанным и разобранным архивом Юсуповых. До войны архив был просто свален в новое советское архивохранилище, и шла длительная его систематизация и разбор. Опубликованные в предвоенные годы материалы оказались неполными — приходилось довольствоваться только теми делами, что были доступны, до которых чисто физически могла дотянуться рука исследователя и архивохранителя. Вероятно, экономика Юсуповского хозяйства со временем станет предметом отдельной научной монографии, где в комплексе будут уточнены и конкретизированы все показатели его развития. Сверяя данные, приводимые профессором К.В. Сивковым и В.И. Ивановой, а между завершением их работ прошло более полувека, можно сделать вывод о том, что основные цифровые показатели в их работах практически совпадают, что говорит об их объективности и полноте.

«Русский Архив» 1902 г. Кн. 2.

Дружинина Е.В. Указ. соч.

Иванова В.И. ГМУА № 924 НА; проф. Сивков К.В. Указ. соч.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1966.

Сивков К.В. Указ. соч.

205

РБС., ст. Юсупов Н.Б.

206

ГМУА № 924 НА.

Сивков К.В. Указ. соч.

208

ГМУА № 924 НА.

209

ГМУА № 924 НА.

210

ГМУА № 924 НА.

ГМУА № 924 НА., Сивков К.В. Указ. соч.

212

ГМУА № 924 НА.

Сивков К.В. Указ. соч.

214

ГМУА № 924 НА.

Сивков К.В. Указ. соч.

ГМУА № 924 НА, Сивков К.В. Указ. соч.

217

ГМУА № 924 НА, Сивков К.В. Указ. соч.

Подлинные документы, рассказывающие о повседневной жизни князя Н.Б. Юсупова, хотя и сохранились в Юсуповском архиве в большом количестве, но все еще не введены в научный оборот. Исключение составляет обширный аналитический разбор части архивного фонда Юсуповых В.И. Ивановой, который используется мною и в настоящей главе. К сожалению, читателю отчасти придется довериться не только документам, но и рассказам современников князя, повторюсь, чаще всего крайне недоброжелательно относившихся к Николаю Борисовичу. Обзор хранится в научном архиве ГМУА инв. № 924 НА. В дальнейшем — ГМУА № 924 НА.

219

Цит. по: ГМУА № 924 НА.

220

Там же.

221

Там же.

222

Там же.

223

Там же.

Там же.

Этот вопрос тщательно изучен на основе архивных данных В.И. Ивановой, поэтому нельзя исключить, что после создания соответствующей инфраструктуры туристического обслуживания в ГМУА будет воссоздана историческая княжеская кухня. Подобного рода туристические объекты давно стали неотъемлемой частью ведущих европейских музеев, располагающихся в исторических поместьях или замках, и приносят им весьма ощутимый доход.

226

ГМУА № 924 НА.

227

Там же.

Милюков А.П. Старое, доброе время. М., 1872.

229

Отечественная война 1812 года, столь пагубно отразившаяся на всем Юсуповском хозяйстве, нашла отражение в обзоре В.И. Ивановой «В свете войны 1812 года» ГМУА 888 НА, составленном на основе архива Юсуповых. Приводимые фрагменты документов цитируются по данному источнику.

230

Там же.

231

Там же.

232

ГМУА № 888 НА.

233

Там же.

Там же.

235

Там же.

236

Там же.

237

Там же.

Там же.

239

Там же.

О роде Юсуповых…

241

ГМУА № 888 НА.

242

Обзор В.И. Ивановой «В свете войны 1812 года» на основании архивного фонда Юсуповых. Из этого обзора приводятся тексты цитируемых документов. ГМУА № 888 НА.

243

Обзор В.И. Ивановой, посвященный состоянию усадьбы Архангельское в 1813 г. ГМУА № 889 НА.

Историю взаимоотношений Н.Б. Юсупова и П.И. Багратиона исследовала В.И. Иванова. Документы, характеризующие их отношения, читатель может найти в фонде Юсуповых в РГАДА, а также в обзоре, хранящемся в ГМУА. № 888 НА. О многих, не особенно известных страницах личной жизни князя П.И. Багратиона, рассказывается в уже цитировавшейся книге А.М. Даниловой «Ожерелье Светлейшего».

Русский Архив. 1916. № 5.

А.П. Милюков. «Старое, доброе время»…

247

О роде Юсуповых…

«Русский архив». 1916. № 5.

Данилова Л.И. Улица Москвина, 6. М., 1987.

Исторический вестник. 1887., Кн. 1.

Герцен А.И. Былое и думы. М., 1973.

252

Театральная энциклопедия. Статьи: крепостной театра и театр Медокса.

Отпечатана книга Н.П. Кашина на стеклографе тиражом порядка ста экземпляров! Издателем выступил музей-усадьба «Архангельское», но в его фондах это ценнейшее исследование отсутствует. Мне не удалось найти и прочитать его и в крупнейших книгохранилищах Москвы. Н.П. Кашин издал еще одну книгу, отпечатанную, к счастью, типографским способом, — «Театр Н.Б. Юсупова» (в 1927 г.). У нее сложилась более счастливая судьба — она хранится в необозримых фондах Исторической и бывшей Театральной (теперь по Искусству) библиотек.

Между прочим, Юсуповский театр в советское время рекомендовалось изучать даже школьникам! Для них издательство «Просвещение» в 1984 году выпустило книгу А.И. Кузьмина «У истоков русского театра». Одна из ее глав посвящена как раз крепостному театру Николая Борисовича. На странице 86 сего важного труда автор без всяких доказательств приводит совершенно сенсационные сведения об А.С. Пушкине, о том, что «великий поэт родился в Москве, в доме, принадлежащем Юсупову». И коту под хвост отправились все многолетние поиски исследователей жизни Пушкина, споривших о месте расположения двух домовладений коллежского советника Скворцова, собственника дома, где родился поэт. Именно о Скворцове, а отнюдь не о князе Юсупове, как владельце дома, где появился на свет великий поэт, говорится и в метрической записи о крещении Александра Сергеевича в церкви Богоявления в Елохове, но для педагогического издательства все это пустой звук… Из относительно новых исследований можно указать на очень подробную статью Е.В. Дружининой «Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском. (Из истории коллекции редких книг, посвященных театру)», на которую я уже неоднократно ссылался. Несмотря на неизбежные неточности, происходящие из-за лишь частичной сохранности Юсуповского архива, это наиболее полное и авторитетное современное исследование данной темы, позволившее внести в биографию князя Юсупова ряд существенных уточнений, установить ранее неизвестные факты из жизни Николая Борисовича.

255

Знаменитый певец Луиджи Замбони, ставший в России Яковом; современная транскрипция его фамилии почему-то превратилась в Дзамбони. Вообще иностранные фамилии как при Юсупове, так и сейчас переделывают у нас как хотят, поэтому нельзя исключить того, что приводимые мною фамилии артистов в оригинальных итальянских текстах пишутся несколько иначе, за что я приношу искренние извинения.

Даже «несравненная» Полина Виардо, печальная муза Ивана Сергеевича Тургенева, виртуозно владевшая техникой бельканто, потеряла голос, когда ей было всего лишь чуть за сорок. Эту «традицию» продолжили и ее многочисленные ученики — даже во втором и третьем поколениях, хотя голоса они ставили с большим умением.

«Русский архив». 1902. Т. 2.

Там же.

Исторический путеводитель по Москве. М., 1831.

Пушкин А.С. Письма. Т. 1. М., 1935.

Цит. по: Кашин Н.П. Указ. соч.

Там же.

263

Там же.

В ряде публикаций фамилии певцов имеют несколько иное написание.

Цит. по: Кашин Н.П. Указ. соч.

Там же.

267

Там же.

Там же.

269

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

«Русский Архив». 1902 г.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Цит. по: Кашин Н.П. Указ. соч.

Сведения о «Капели» и документы, кроме особо оговоренных, приводятся по указанной книге Кашина Н.П.

См. о ней ст. в энцикл. «Балет». М., 1981.

Исторический вестник. № 1. 1887.

283

В 2001 году по решению Научно-методического совета ГМУА после тщательной научной проверки приводимых сведений и примечаний переиздан путеводитель профессора С.В. Безсонова «Архангельское» 1937 г. В переиздании современный исследователь, готовивший книгу к выходу в свет, кандидат архитектуры Т.П. Кудрявцева-Сулоима на стр. 139 указывает на ошибочность авторства Ильи Александровича Арсеньева данных воспоминаний, хотя он в тексте точно называет имя своего отца — Александр Александрович. Вместо Ильи Александровича рекомендуется Константин Иванович Арсеньев (1789–1865). Это странное обстоятельство во многом заставило меня процитировать не слишком правдивые страницы воспоминаний Ильи Александровича Арсеньева. Ему посвящена подробная статья в Т.1 «Словаря русских писателей», где есть ссылка на публикацию воспоминаний в «Историческом вестнике» № 1–4, 1887 г.

Кашин Н.П. Указ. соч.

285

Там же.

Перцов П.П. Усадебные экскурсии. М., 1925. С. 65.

Безсонов С.В. Архангельское. С. 88.

Юсупов Ф.Ф. Мемуары. До изгнания. М., 2001. С.21.

«Отечественные записки». 1819 г.

Герцен А.И. Записки одного молодого человека. Собр. соч. Academia, 1934.

291

«Ученая прихоть». Каталог выставки…

Цит. по: Анциферов Н.П. Архангельское. В сб. Литературное Подмосковье. М., 1950. Вып. 2.

Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 9. С. 243–244. М.; Л., 1937.

Цит. по: Анциферов Н.П. Указ. соч.

295

Там же.

Цит. по: Симонова В.М. Указ. соч.

Анциферов Н.П. Указ. соч.

Цит. по: Симонова В.М. Указ. соч.

Цит. по: Анциферов Н.П. Указ. соч.

Пушкин А.С. Письма. Т.III. М., ACADEMIA, 1935.

301

Там же.

302

Там же.

Цит. по: Овчинникова С.Т. Пушкин в Москве. М., 1985.

304

Альманах Куранты. В.А. Евдокимова. Увижу сей дворец. Цитаты из документов приведены по данной публикации.

305

Известный московский архивист С.Р. Долгова в своей книге «Короткие рассказы о Москве», написанной исключительно на архивных источниках, впервые ввела в научный оборот фрагмент «Завещания» З.Н. и Ф.Ф. Юсуповых. В этой же статье, правда, без ссылок на документы, она датирует памятник поэту в Архангельском 1899 годом, хотя «счет на мраморные работы за 1902 год» свидетельствует о том, что в год столетия Пушкина памятника в Архангельском еще не имелось. Интересно, что публикации В.А. Евдокимовой и С.Р. Долговой основаны на документах, хранящихся в одном бездонном архивном фонде № 1290 князей Юсуповых в РГАДА.

Об этом подробно пишет В.М. Симонова в Указ. соч.

Русский Архив. 1902. № 2.

308

Там же.

309

Там же.

310

Там же.

Сахаров И.В. Указ. соч.

312

Храм был связан со многими знаменитыми москвичами — М.Ю. Лермонтовым, М.Д. Скобелевым и другими.

313

Московские ведомости. Газета. 18 июля 1831 г. № 59.

314

Рассказы бабушки…

315

Санкт-Петербургские Ведомости. Газета. 1 августа 1831 г.

Пушкин А.С. Письма. Т. III. М., ACADEMIA, 1935.

317

Там же.

318

Там же.

319

Там же.

320

Рассказы бабушки…

Русский Архив. 1916 г. № 5.

Юсупов Ф.Ф. Указ. соч. Трудно сказать, почему Феликс Феликсович ничего не написал в мемуарах о семейном склепе Юсуповых. Не исключено, что он просто хотел сохранить тайну семейного захоронения. Ведь после прочтения книги (а она, безусловно, тщательно изучалась в нашей стране не только историками) княжеский некрополь мог быть стерт с лица колхозной земли ближайшего Подмосковья опытными сотрудниками соответствующих органов, которые, в случае необходимости, вполне могли обрядиться и под «колхозных бесов». Верхушка белоэмигрантского общества, в котором князь Ф.Ф. Юсупов играл заметную роль, оставалась в зоне пристального, хотя и негласного внимания органов, в продолжение всей «холодной войны».

Особенно часто это ироничное прозвище встречается в переписке Булгаковых, опубликованной в журнале Русский Архив.

Русский Архив. 1902. Кн. 9. 10. И.А. Арсеньев. Воспоминания. Исторический вестник. № 1. 1877.

Юсупов Ф.Ф. Указ. соч.

Сахаров И.В. Указ. соч.

Кашин Н.П. Консервативный современник декабристов. Былое. Кн. 1. Л., 1991.

328

ГМУА № 924 НА.

Юсупов Ф.Ф. Указ. соч.

Сахаров И.В. Указ. соч.

Симонова В.М. Ст. в Сб. Юсуповский дворец.

Симонова В.М. Указ. соч.

Юсупов Ф.Ф. Указ. соч.

Романюк С.К. Указ. соч.

335

Шамурин Ю.И. Подмосковные. М., 2007. Изд. Дом. ТОНЧУ.

Энцикл. Отечественная история. Ст. Голицыны.

Рапопорт В.Л. Указ. соч.

Торопов С.А. Никольское-Урюпино. Подмосковные музеи. ОИРУ. М., 1925.

339

Рассказы бабушки…

Русский архив. 1902.

341

Там же.

Рапопорт В.Л. Указ. соч.

Булавина Л.И., Розанцева С.А., Якимчук Н.А. Архангельское. М., 1983.

Русский Архив. 1908. Кн. 11.

345

В первые годы существования музея-усадьбы «Архангельское» в его стенах неожиданно случилась дуэль. Поскольку дуэлянты дворянскими конями не блистали, то прошла она в форме заочного состязания. Последователи и поклонники дуэлянтов продолжают ее и в наши дни, но теперь чаще в виде мышиной возни на страницах провинциальных изданий. До революции усадьба Архангельское в большой русской литературе отразилась весьма и весьма скромно. Авторизированный кусочек в переводе «Садов» Делиля А.Ф. Воейкова, восторженные строчки Н.М. Карамзина, описание А.И. Герцена и… практически все. Оно и понятно — частное, княжеское владение. Совсем другое дело советское время. Усадьба стала «общенародной собственностью», и вокруг нее начались литературные игры и даже баталии, впрочем, заметные преимущественно узкому кругу лиц посвященных. И уж совсем нежданно-негаданно Архангельское стало местом действия своеобразной литературной дуэли. Заочными, разумеется, дуэлянтами выступили два писателя — знаменитый теперь Михаил Афанасьевич Булгаков и Александр Васильевич Чаянов, знаменитый много менее (к сожалению, знаменитость у нас давно не определяется уровнем таланта). Выдающегося ученого Чаянова Булгаков до некоторой степени признавал «сочинителем», чья «Московская гофманиада» оказала определенное влияние на его творческие поиски, связанные с будущими образами «Мастера и Маргариты». Первые московские произведения Булгакова также создавались не без некоторого влияния сочинений Чаянова. Ну и, как водится, не слишком благодарный последователь взялся переиграть в заочном споре «классика жанра». «Героем» литературного поединка и стало Архангельское. Михаил Афанасьевич Булгаков в начале 1920-х годов собирал материалы для исторической пьесы о Григории Распутине, в которой предполагалось вывести и князя Феликса Юсупова-младшего. В 1923 году он посетил Архангельское, а уже в 1924 опубликовал рассказ «Ханский огонь», одной из сюжетных линий которого стал пожар богатой барской усадьбы. Современные исследователи считают, что в описании сгоревшей барской усадьбы явно просматривается облик Архангельского и его бывших обитателей, выведенных Булгаковым под «говорящей» фамилией князей Тугай-Бег-Ордынских. «За полторы тысячи лет смотрел со стен род князей Тугай-Бегов, род знатный, лихой, полный княжеских, ханских и царских кровей». Нашлось в описании Михаила Афанасьевича и место «разорителю»

Архангельского — князю Борису Николаевичу, точнее копии его конного портрета работы Гро. Трудно согласиться с писателем, что князь не любил свою мать. Вот отца он точно ненавидел. «Юный, курносый, с четырехугольными звездами на груди, красовался на масляном полотне напротив и с ненавистью глядел на свою мать. А вокруг сына и матери до самого лепного плафона глядели княгини и князья Тугай-Бег-Ордынские со своими родственниками». На самом деле портреты в столовой изначально размещались таким образом, чтобы с полотна работы Гро Борис Николаевич смотрел просто в окно. Однако не слишком добрые отношения в княжеской семье писатель смог подметить совершенно верно. «Вечерний свет, смягченный тонкими белыми шторами, сочился наверх через большие стекла за колоннами. На верхней площадке экскурсанты, повернувшись, увидали пройденный провал лестницы, и балюстраду с белыми статуями, и белые простенки с черными полотнами портретов, и резную люстру, грозящую с тонкой нити сорваться в провал. Высоко, улетая куда-то, вились и резвились амуры…»(Бугаков М.А. Собр. соч. М.1988. Т. 2.) Некоторые писатели обладают даром провидца. К счастью, Михаил Афанасьевич был лишен его почти начисто. Большой дом в Архангельском не горел при Советах ни разу. Пожары 1920, 1921 и 1927 годов случались в служебных постройках усадьбы, хотя новые «хозяева» хозяйствовать умели не особенно хорошо. Да и князь Феликс Феликсович Юсупов-младший никогда в Архангельское не возвращался. С нечистой силой он явно водил знакомство — не случайно нарисовал большую серию изображений всякой нечисти, создавая образы по какому-то «наитию», а не из собственных фантазий. Только вот перенестись через советскую границу и сжечь Архангельское нечистая сила князю никак не помогла… А.В. Чаянов, нисколько не меньше Булгакова знакомый с нечистой силой, в литературе предпочитал иметь дело с образами и силами положительными, чистыми. Поэтому он не стал заставлять героев своих произведений поджигать музей-усадьбу «Архангельское». Более того, среди не очень большого количества исторических зданий и памятных мест старой Москвы, которые он очень хорошо знал, Чаянов перенес Архангельское в далекое будущее, рассказав о нем в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Описание музея появилось в главе шестой, «в которой читатель убедится, что в Архангельском за 80 лет не разучились делать ванильные ватрушки к чаю». «Лес расступился, и вдали показались стройные стены Архангельского дворца. Крутой поворот, и авто, шумя по гравию шоссе, миновал широкие ворота,

увенчанные трубящим ангелом, и остановились около оранжерейного корпуса, спугнув целую стаю молодых девушек, игравших в серсо. Белые, розовые, голубые платья окружили приехавших, и девушка лет семнадцати с криком радости бросилась в объятья Алексеева спутника. — Мистер Чарли Мен, а это Катерина, сестра! Через минуту на лужайке архангельского парка, рядом с бюстоколоннами античных философов, гости были усажены у шумящего самовара за стол, на льняных скатертях которого высились горы румяных ватрушек. Алексей был закормлен ватрушками обольстительными, пышными, ванильными ватрушками, и душистым чаем, засыпан цветами и вопросами об американских нравах и обычаях и о том, умеют ли в Америке писать стихи, и, боясь попасть впросак, сам перешел в наступление, задавая собеседницам по два вопроса на каждый получаемый от них. Уплетая ватрушку за ватрушкой, он узнал, что Архангельское принадлежало «Братству святого Флора и Лавра», своеобразному светскому монастырю, братья коего вербовались среди талантливых юношей и девушек, выдвинувшихся в искусствах и науках. В анфиладе комнат старого дворца и липовых аллей парка, освященного былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова с его вольтерьянством и колоссальной библиотекой, посвященной французской революции и кулинарии, — шумела юная толпа носителей Прометеева огня творчества, делившая труды с радостями жизни. (Именно Бориса Николаевича, а не Николая Борисовича. — ***А.Б***.) Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по всей России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил в стране. Алексея поразили строгие правила устава, почти монастырского по типу, и та сияющая, звенящая радость, которая пропитывала все кругом: и деревья, и статуи, и лица хозяев, и даже волокна осенних паутин, реющих под солнцем». (Чаянов А.В. Московская Гофманиада. М. 2006.) Ревностный сторонник сохранения русской старины, Чаянов и в кошмарном сне не мог представить, что как раз описанные им в «Путешествии» архитектурные сооружения Архангельского частью канут в небытие уже при его жизни, а частью ненадолго переживут его. И «широкие ворота, увенчанные трубящим ангелом», и «оранжерейный корпус», точнее сразу оба, оказались снесены во время работ «по приспособлению» Архангельского «для отдыха трудящихся масс». Они остались теперь только на фотографиях да еще в иллюстрациях Алексея Ильича Кравченко, исполненных

к «Путешествию» и опубликованных вместе с текстом лишь 80 лет спустя… Кстати, Чаянов перепутал князя Николая Борисовича Юсупова с его сыном Борисом Николаевичем, который в Архангельском отродясь не жил, а уж вольтерьянцем и читателем книг громадной отцовской библиотеки тем более быть никак не мог. Так в Архангельском неожиданно сошлись два направления русской литературы 1-й половины XX века — та, что ближе к силе нечистой, и та, что старалась от нечисти пребывать подальше. Как водится, сторонники и особенно сторонницы нечистой силы и в наши дни действуют активнее и напористее. Так, госпожа М.В. Ногтева в статье «Ханский огонь» Михаила Булгакова (реалии и художественный вымысел)» ни единым словом не обмолвилась о Чаянове как явном литературном предшественнике Булгакова. Будто его и вовсе не существовало, в Архангельском, по крайней мере. Оно и поятно — «враг народа», а госпожа Ногтева во врагах разбирается отменно; как говорят, у нее на это родовой нюх. (Ногтева М.В. «Ханский огонь» Михаила Булгакова (реалии и художественный вымысел)» Альманах «Красногорье» № 3, 1999. В качестве собственного художественного вымысла госпожа Ногтева приписала супруге князя Николая Борисовича Татьяне Васильевне роман с императором Николаем Павловичем, который ей в сыновья годился, и целомудренно «не заметила» его же пылкий роман с невесткой Николая Борисовича Зинаидой Ивановной, рожденной Нарышкиной.

346

Истории Юсуповского дворца и его коллекций посвящен сборник «Юсуповский дворец», выпущенный уже двумя изданиями (см. библиографию).

347

Валлен-Деламотт являлся автором проектов многих выдающихся петербургских зданий. Это Большой Гостиный двор, костел святой Екатерины на Невском, садовый Павильон Эрмитажа, Арка Новой Голландии, монументальное здание Императорской Академии Художеств (вместе с А.Ф. Кокориновым), где ему самому довелось преподавать. Среди учеников зодчего — крупнейшие русские архитекторы В.И. Баженов, И.В. Старов.

348

Савинская Л.Ю. Ст. «…Циркуль зодчего, палитра и резец ученой прихоти твоей повиновались…». Каталог выставки «Ученая прихоть».

349

Блюмин Г.З. История в миниатюрах о знаменитом княжеском роде Юсуповых за четырнадцать веков VI — XX и многое иное. М., 1995. На страницах книги мне несколько раз приходилось цитировать сочинение о князе Н.Б. Юсупове «История в миниатюрах…» доктора технических наук и профессора политологии, автора знаменитой монографии о насосах Г.З. Блюмина. Еще чаще мне приходилось вступать в борьбу с самим собой, дабы цитаты эти появлялись возможно реже, иначе биография Юсупова превратилась бы в фельетон — так смешны, а порой просто нелепо выглядят отдельные из table-talk великого политолога и знатока насосов. Биография Николая Борисовича, к сожалению, содержит совсем немного строго документально подтвержденных фактов и тем удивительнее, что большинство исторических перлов доктора наук Г.З. Блюмина относятся именно к тому, что документально подтверждено и выверено. Чего стоит, к примеру, одно его утверждение о том, что в московский период жизни Николай Борисович занимал должность Директора Московской Конторы Императорских театров или рассказ о том, что сестра Николая Борисовича послужила прототипом бедной больной тетки Татьяны Лариной, оставшейся в старых девах (при этом известно, что все сестры вышли замуж)? А вместе с тем Г.З. Блюмин в трудные 1990-е годы постарался объехать все памятные места нашей страны, связанные с именем князя Н.Б. Юсупова, и везде, где представлялась хоть малейшая возможность, он устраивал музейные экспозиции, посвященные жизни и деятельности Николая Борисовича, восстанавливал память о нем, чаще всего поруганную. Таким образом, его подвижническое «делание» в память о Н.Б. Юсупове оказалось много полезнее и действеннее, нежели сочинение таинственных table-talk или громкого подвига путешествия на нудистский пляж, описание которого доктор наук тоже счел нужным поместить в свою историческую книгу о князе Н.Б. Юсупове.